



Н.А. ТРОИЦКИЙ

КОРИФЕИ  
РОССИЙСКОЙ  
АДВОКАТУРЫ



Москва  
ЦЕНТРОЛИГРАФ  
2006

ББК 63.3(2)-7  
Т70



Серия «Россия забытая и неизвестная» основана в 2000 году,  
первая книга вышла в начале 2001 года

Под общей редакцией авторов проекта,  
членов Российского Дворянского Собрания  
Валентины Алексеевны БЛАГОВО  
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА

*Оформление художника И.А. Озерова*

**Н.А. Троицкий**

Т70 Корифеи российской адвокатуры. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. — 415 с.

ISBN 5-9524-2559-3

Внимание читателей представлена книга о 24 знаменитых адвокатах России 2-й половины XIX — начала XX в., входивших в корпорацию так называемых присяжных поверенных, созданную в развитие великих реформ императора Александра II.

Выдающиеся мастера юридической защиты и живого свободного слова, эти адвокаты были непревзойденными дебатерами и главными героями многих судебных процессов. Уроки их деятельности, несмотря на противоречивость, необходимы нашему обществу и в настоящее время.

Книга является 63-й по счету в книжной серии, выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием под названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, особенно на юристов, политологов, историков, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

**ББК 63.3(2)-7**

© Н.А. Троицкий, 2006

© Художественное оформление серии,  
ЗАО «Центрполиграф», 2006

© ЗАО «Центрполиграф», 2006

ISBN 5-9524-2559-3



## ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРОВ ПРОЕКТА И ВЕДУЩИХ РЕДАКТОРОВ

Вниманию читателей предлагается книга с серией жизнеописаний 24 знаменитых адвокатов России 2-й пол. XIX — начала XX в. Все они принадлежали к Российской адвокатской корпорации так называемых присяжных поверенных, созданной весной 1866 г. в развитие великих реформ императора Александра II (включая и реформы в области российского судоустройства). Корпорация просуществовала чуть более 50 лет и была уничтожена большевиками в конце 1917 г.

«Мы имели свою Плевну и Шипку <...> своих Радецких и Скобелевых», — приводит автор книги профессор Н.А. Троицкий слова «короля» российских адвокатов В.Д. Спасовича, сказанные им в 1878 г. после ряда громких политических процессов, проходивших в России на фоне боевых сводок с Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

И это, возможно, не понравится некоторым читателям, поскольку в этом внешне красивом сопоставлении есть и внутренняя алогичность. Ведь слава наших блестящих военачальников (о каждом из них можно тоже поэтично сказать «слуга Царю, отец солдатам») завоевывалась на полях кровопролитных сражений, а публичная известность «корифеев адвокатуры» — в залах судов и в словесных баталиях, герои которых часто находились в явной оппозиции «царскому режиму». Многим присяжным поверенным, институт которых был создан царским правительством, не нравился этот «режим», и постоянно ругать и раскачивать его считалось в то время в интеллигентских кругах хорошим тоном.

Это не могло не замечаться другими слоями общества, и отношение к адвокатам всегда было противоречивым, что не скрывается и в данной книге. Рассматривая адвокатуру как юридический, политический и культурный феномен, Н.А. Троицкий отмечает наличие в этой профессии огромного количества соблазнов и подчеркивает особое значе-

ние адвокатской этики. Ф.М. Достоевский считал адвокатов людьми, обреченными на бессовестность, герцог П.Г. Ольденбургский — просто негодаями, К.П. Победоносцев — представляющими «величайшую опасность» для государственного порядка. Отрицательно относились к адвокатам А.Н. Толстой, Н.А. Некрасов, А.Ф. Писемский, М.Е. Салтыков-Щедрин, граф П.А. Валуев. Некоторых из корифеев открыто упрекали в сутяжничестве, блудословии, корыстолюбии, а Е.В. Васьковский сделал абсолютно уничтожающий вывод: адвокату, мол, «выгодно быть нечестным». Оценивая политические воззрения своего круга, знаменитый Н.П. Карабчевский, доживший до революции, Гражданской войны и эмиграции, признавал, что защита в судах политических противников царской власти, естественно, приводила к тому, что «публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью оппозиционной». И не случайно, что в свое время, как подсчитано Н.А. Троицким, минимум 64 адвоката сами оказались на скамье подсудимых (как государственные преступники).

Тем не менее мы включаем книгу о лучших российских адвокатах в серию «Россия забытая и неизвестная»: она написана признанным знатоком этой темы и представляет жизнь и деятельность когда-то широко известных наших сограждан, ныне почти забытых.

Нас не пугает внешняя оппозиционность описываемых действующих лиц и самого автора царскому режиму. Уроки их деятельности необходимы нашему обществу и в настоящее время.

Предлагаем читателям прочесть в первую очередь текст клятвенно-обещания присяжных поверенных, вступавших на адвокатскую стезю (см. приложение, с. 409). Адвокат клянется *«Всемогущим Богом, пред святым Его Евангелием и животворящим крестом Господним хранить верность Е. И. В. Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять в точности <...> законы Империи, не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению Православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности <...> не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы моих доверителей <...>»*. При этом адвокат обещал помнить, что во всем он должен будет *«дать ответ перед законом и перед Богом на страшном суде Его <...>»*. Это ли не посыл к идеальному судопроизводству!

Политические симпатии большинства представленных в книге корифеев российской адвокатуры были умеренными, не отличаясь особой радикальностью. Многие были честными, бескорыстными, неподкупными, считавшими свои обязанности защитников священными.

Как современно, значительно более актуально, чем когда-то, звучат, например, слова одного из героев нашей книги князя А.И. Урусова: *«...Лагерем стоит среди нас этот мир, который исповедует один только идеал — нажива во что бы то ни стало! <...> это мир внешнего изящества и внутреннего безобразия, материального обеспечения и нравственного убожества, внешнего представительства и внутреннего мошенничества, мир сильных протекций и влиятельных связей. <...> Когда выступают на суд лица, принадлежащие к такой среде, <...> о, как трудно правосудию здесь достигнуть цели!»*

Или размышления другого героя — С.А. Андреевского: *«...От имени общества, от имени всех прокурор возбуждает преследование, он представляет обвинение подсудимому. Здесь его устами говорят все против одного. Не забудьте: все — против одного... в суде! Какой же это был бы суд, если бы за этого **одного** не поднимался бы ничей голос, если бы у этого **одного** не было никакого орудия для борьбы со всеми?! Это орудие — дарованная законом защита. Наша роль трудная, но необходимая. Общественное возмездие, прежде чем покарать, должно одуматься; оно обязано взвесить свой тяжелей шаг и выслушать против себя все возможные возражения, какие только может создать человеческая мысль. Если после таких возражений оно ничуть не поколеблется, ни от одного своего вывода не откажется, ни в одном своем чувстве не смягчится, — то, что бы мы ни думали о решении, мы назовем его обдуманым, взвешенным».*

Корифеи отечественной адвокатуры были выдающимися дебатерами, умными и тонкими аналитиками ситуаций и отличались быстрой мышления, находчивостью, умением раскрывать противоречия в документах, отделяя главное от второстепенного. Их выступления подчинялись безукоризненной логике, были доказательными и прекрасно выстроенными и восхищали Тургенева, Тютчева, Плещеева, а также соученика Пушкина и выдающегося дипломата, канцлера, светлейшего князя А.М. Горчакова.

Будучи рыцарями «слова живого, свободного», адвокаты в своих судебных речах стремились прежде всего подчинить себе слушателей: «пленишь, <...> убедить» присяжных заседателей — лиц, напомним, без специальной юридической подготовки, представляющих собой благодатный материал для умелого и целенаправленного ораторского воздействия. Именно об этом напоминает в одном из разделов своего труда «Искусство речи на суде», вышедшего в 1910 г., П. Сергеев (Пороховицкий П.С.): *«Надо знать цену словам. Одно простое слово может иногда выражать все существо дела с точки зрения обвинения или за-*

*циты; один удачный эпитет иной раз стоит целой характеристики. Такие слова надо подметить и с расчетливой небрежностью уронить их несколько раз перед присяжными; они сделают свое дело».*

Так Слово, венчая юридическую сторону дела, становилось едва ли не главным героем процесса.

Тогда, как и сейчас, в сложном соревновательном судебном процессе адвокаты были зачастую сильнее прокуроров. Но победы адвокатов (равно как и победы — в других случаях — стороны обвинения) должны, как нам представляется, рассматриваться и как победы *всей* системы российского судопроизводства, созданный все тем же «царским режимом». Внимательный читатель не может не заметить и не оценить милосердие верховной власти, нередко снижавшей уровень наказаний, вынесенных по приговорам судов.

Что же еще таят в себе страницы новой книги Николая Алексеевича Троицкого? Чем обогатят они читателя?

Анатомия судебных процессов, методы подготовки к ним, обстановка вокруг судов и на самих судах, взаимодействие сторон и речевое поведение адвокатов — все это щедро дается читателю, как и возможность прочувствовать могущество ораторского искусства (не исключавшего, однако, и применения «уловок спора»). Автор вводит читателя и в детали громких процессов, в том числе закончившихся конфузом для системы: анекдотическим, на наш взгляд, оправданием в 1878 г. В. Фигнер (стрелявшей в Ф.Ф. Трепова) и мягкими приговорами террористам Гершуни и Созонову в 1905 г.

В связи с этим нелишне вспомнить, чем завершился приход целого ряда российских адвокатов во власть (во Временное правительство). Авторитет этого, в значительной степени адвокатского, правительства не уберег нас от ужасов большевистского режима, конечно же никак не сопоставимых с жестокостями, приписываемыми «царскому режиму». Это уже был не конфуз, а, скорее, преступление. Нетрудно предположить, что запоздалое прозрение доживших до 1917-го корифеев адвокатуры стало для многих из них поистине трагическим, поскольку с победой большевизма уровень адвокатуры был спущен до нуля. И хотя формально в 1922 г. адвокатура была восстановлена, она, как и вся система современного российского судопроизводства, по-прежнему находится на столь низком уровне, что об этом часто — с болью, конкретно и доказательно — сокрушается в средствах массовой информации наша общественность...

Показательно в этом смысле колоритное название статьи, появившейся летом 2006 г. в одной из популярных центральных газет, —

«Следствие ведут кошельки»\*. Говоря о состоянии современной адвокатуры, автор этой публикации с горечью констатирует: *«На новой грядке выросли новые овощи: адвокаты, которым не нужно драться с процессуальным противником, а нужно уметь занести деньги. Это особое искусство. Ведь судья у кого попало денег не возьмет. И при знаком большой удачи теперь считается найти адвоката, у которого возьмет любой судья. <...> Раньше люди ходили слушать адвокатов, от слова которых зависела человеческая жизнь. Теперь люди приходят к адвокатам и спрашивают: сумеет ли он договориться со следователем или судьей. Договориться; больше от него ничего не требуется».*

Оценивая уровень профессиональной подготовки большинства современных юристов, автор делает весьма неутешительное заключение: *«Собственно говоря, с момента перестройки сменилось уже два поколения следователей. Во-первых, ушли все старые, во-вторых, уже заработали на безбедную старость те, кто пришел им на смену. Пришло третье поколение. Это люди, которые вообще ничего не умеют. И не потому, что они все подряд дураки. Они — грудные младенцы».*

\* \* \*

Как и 140 лет назад, но, увы, без блестящей когорты реформаторов царя Александра II нам надо снова пытаться поднимать уровень отечественного судопроизводства, чтобы преступники всегда были справедливо наказаны, невиновные — обоснованно оправданы. Общество должно не бояться судов, а надеяться с их помощью нравственно очиститься и тем улучшить собственное бытие. В связи с этим мы хотим привести в заключение прекрасное сравнение упоминавшегося адвоката Андреевского: *«В Сорбонне над анатомическим театром существует старинная надпись: «Nis est locus, ubi mors in vitam proficit», то есть «Вот место, где смерть служит на пользу жизни». В соответствии этому чуть ли не с начала моей деятельности я мысленно читаю над судебным зданием следующие слова: «Вот место, где преступление служит на пользу общества».*

В. А. Благово, С. А. Сапожников

---

\* Автор О. Богуславская.



## ОТ АВТОРА

Книги с краткими характеристиками корифеев отечественной адвокатуры издавались неоднократно, но лишь о малом числе избранных (как правило, одних и тех же) адвокатов и на крайне ограниченной источниковой базе<sup>1</sup>. Так, у Л.Д. Ляховецкого обрисованы (даже без ссылок на какие-либо источники) 8 присяжных поверенных из тех, о которых идет речь в настоящей книге<sup>2</sup>, у А.Г. Тимофеева — 8<sup>3</sup>, у Б.Б. Глинского — 10<sup>4</sup>, у В.И. Смолярчука — 7<sup>5</sup>.

К сожалению, обобщающих монографий ни об одном из светил нашей адвокатуры до сих пор нет (кроме небольших книжечек очеркового типа о Ф.Н. Плевако, А.М. Унковском, В.Д. Спасовиче, А.С. Зарудном и С.А. Андреевском<sup>6</sup>), а большинство адвокатов вообще предано забвению. Сегодня даже самых выдающихся из них плохо знают и путают

<sup>1</sup> См.: *Ляховецкий Л.Д.* Характеристика известных русских судебных авторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897; *Глинский Б.Б.* Русское судебное красноречие. СПб., 1897; *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900; *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX в. М., 1984.

<sup>2</sup> П.А. Александров, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, Н.П. Карабчевский, А.Я. Пассовер, В.Д. Спасович, А.И. Урусов, Н.И. Холева.

<sup>3</sup> П.А. Александров, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, Н.П. Карабчевский, А.Я. Пассовер, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов.

<sup>4</sup> П.А. Александров, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, Н.П. Карабчевский, А.Я. Пассовер, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.М. Унковский, А.И. Урусов.

<sup>5</sup> П.А. Александров, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, Н.П. Карабчевский, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович, А.И. Урусов.

<sup>6</sup> См.: *Унковский А.М.* А.М. Унковский (1828—1893). М., 1979; *Чернышев В.Д.* А.М. Унковский: жизнь и судьба тверского реформатора. Тверь, 1998 (в каждой из книг об Унковском его адвокатской деятельности посвящены лишь 10—12 с.); *Смолярчук В.И.* Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989; *Скрипичев Е.А.* В.Д. Спасович — король русской адвокатуры. М., 1999; *Варфоломеев Ю.В.* А.С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002; *Рязанова Д.А.* Адвокат С.А. Андреевский на политических процессах (конец XIX — начало XX в.). Саратов, 2002.

не только рядовые читатели, но и квалифицированные исследователи. Например, защитник народовольца Н.И. Кибальчича В.Н. Герард представлен то «адвокатом Софьи Перовской»<sup>1</sup>, то «защитником Веры Засулич»<sup>2</sup>, тогда как в действительности Перовскую на первом ее процессе (по делу «193-х» в 1877—1878 гг.) защищал А.Л. Боровиковский и на втором (по делу о цареубийстве 1 марта 1881 г.) — Е.И. Кедрин, а Засулич на ее единственном судебном процессе 1878 г. — П.А. Александров.

В 2003 г. вышла моя книжка «Судьбы российских адвокатов. Биографические очерки и характеристики» (Изд. Саратовского университета). В ней собраны биографические очерки о 6 адвокатах (Ф.Н. Плевако, Н.П. Карабчевском, В.Н. Герарде, Г.В. Бардовском, Л.А. Купернике, А.С. Зарудном) и краткие характеристики 5 других (Н.К. Муравьева, П.Н. Малянтовича, Б.Г. Лопатина-Барта, М.А. Мандельштама, Л.Н. Андроникова). В настоящем издании те очерки и характеристики исправлены и дополнены с учетом новых данных, а главное, заново написаны еще 13 биографических очерков и характеристик плюс вводно-обзорный очерк «Адвокатура в России как юридический, политический и культурный феномен». Всего, таким образом, здесь представлены читателю 24 из числа наиболее крупных и ярких деятелей российской присяжной адвокатуры XIX — начала XX в.

Любой очерк и характеристика каждого из адвокатов представляет собой вполне самостоятельный и законченный сюжет. Поэтому в тексте очерков и характеристик есть отдельные повторы (главным образом, справочно-пояснительного характера) — о кружках так называемой «молодой адвокатуры», в которых участвовали герои *разных* очерков, и о судебных процессах с их участием.

Все даты до 1918 г. приводятся в книге по старому стилю, с 1918 — по новому.

Источниковую базу этой книги составили материалы, собранные еще в годы моей работы над монографией «Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг.» (Тула, 2000). Это — и разнообразные печатные источники (акты официального делопроизводства, следствия и суда, речи адвокатов, письма и дневники, воспоминания, публицистика), и архивные документы, среди которых особенно ценны биографические материалы из личных фондов таких звезд российской адвокатуры, как Д.В. Стасов, А.И. Урусов, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский, К.К. Арсеньев, В.И. Танеев, А.Я. Пассовер, Л.А. Ку-

<sup>1</sup> Шелашинов В.К. Защита поручена Ульянову. М., 1977.

<sup>2</sup> Воспоминания о П.И. Чайковском. Л., 1980. С. 366.

перник, А.С. Зарудный, О.О. Грузенберг, и других юристов — в первую очередь А.Ф. Кони<sup>1</sup>.

Ценные сведения биографического характера любезно предоставили мне дочери Н.К. Муравьева (Татьяна Николаевна Волкова), П.Н. Малянтовича (Галли Павловна Шелковникова) и Б.Г. Лопатина-Барта (Елена Бруновна Лопатина), внучки того же Н.К. Муравьева (Татьяна Александровна Угримова), Н.П. Карабчевского (Нина Анатольевна Винберг) и В.И. Танеева (Елена Павловна Танеева). Чрезвычайно признателен им всем — и живым, и ушедшим из жизни — за помощь.

Благодарю также моих учеников Д.М. Легкого, Ю.В. Варфоломеева, Т.А. Рязанову и А.В. Степанову, кандидатские диссертации которых (соответственно о Д.В. Стасове, А.С. Зарудном, С.А. Андреевском и А.И. Урусове), хотя и подготовленные под моим научным руководством, многое дали и мне самому в работе над биографиями наших общих героев.

---

<sup>1</sup> Анатолия Федоровича Кони у нас донныне многие, включая признанных флагманов нашей исторической и литературной журналистики — «Вопросы истории» и «Новый мир», причисляют к «знаменитым адвокатам» (Вопросы истории. 1981. № 7. С. 89; 1990. № 2. С. 164; Новый мир. 1978. № 10. С. 53), тогда как он был прокурором.



## АДВОКАТУРА В РОССИИ КАК ЮРИДИЧЕСКИЙ, ПОЛИТИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН

Российская профессиональная (т. н. присяжная) адвокатура была самой молодой в Европе. Она конституировалась лишь в результате Судебной реформы 1864 г. К тому времени в передовых странах мира адвокатура уже имела многовековую историю и славные традиции: в Италии ее представляли античные гении Цезарь и Цицерон, а в новое время — К. Гольдони и Д. Мадзини; во Франции — М. Робеспьер и Ж. Дантон, президенты страны А. Тьер и Ж. Гриви<sup>1</sup>; в Англии — Т. Мор и Вальтер Скотт; в Германии — И. Гете и Ф. Лассаль; в Испании — Ф. Пи-и-Маргаль; в Голландии — Г. Гроций; в Бельгии — Э. Пикар; в Швейцарии — Ф. Лагарп; в Венгрии — Л. Кошут; в США — президенты Т. Джефферсон и А. Линкольн; в Мексике — Б. Хуарес (позднее в Индии — М. Ганди, на Кубе — Х. Марти).

В России же не только адвокатура как таковая, но и какие-либо (устные ли, письменные) толки о ней считались, по разумению власти (до воцарения Александра II), предосудительными: об этом «нельзя было и заикаться»<sup>2</sup>. Российские самодержцы столетиями обходились без адвокатуры и были этим довольны. Екатерина Великая в письме к Ф. Гримму от 25 июня 1790 г. прямо объясняла свои державные успехи отсутствием адвокатов (а заодно и прокуроров): «Главная тому причина, что адвокаты и прокуроры у меня не законодательствуют и никогда законодателями не будут, пока я жива»<sup>3</sup>. Николай I, считавший, что именно адвокаты в конце XVIII в. «погубили Францию», вторил своей бабке

<sup>1</sup> В XIII в. французский адвокат Ги Фуко стал даже папой римским под именем Климента IV.

<sup>2</sup> Кони А. Ф. Отцы и дети Судебной реформы. М., 1914. С. 80.

<sup>3</sup> Сборник Императорского Русского исторического общества. СПб., 1878. Т. 23. С. 489, 497.

такими словами: «Пока я буду царствовать, России не нужны адвокаты, без них проживем»<sup>1</sup>. Так и вышло.

Лишь после смерти Николая I в условиях обозначившейся политической «оттепели» русское общество сравнительно громко и широко — не только устно, но и печатно, — стало обсуждать и ставить в порядок дня, наряду с другими вопросами переустройства страны, и вопрос об учреждении адвокатуры. В письме к А.И. Герцену от 11 ноября 1857 г. наблюдательный литератор Н.А. Мельгунов засвидетельствовал уже как явление, характерное для России, «печатные толки о необходимости ввести у нас суды присяжных и сословие адвокатов»<sup>2</sup>. Именно с конца 50-х годов под воздействием нараставшего демократического подъема, частью которого являлось неслыханно для России осмелевшее общественное мнение, российская власть занялась подготовкой крестьянской и других назревших реформ, включая Судебную реформу.

29 сентября 1862 г. был высочайше утвержден документ под названием «Основные положения по судоустройству». Он лег в основу исторических Судебных уставов 20 ноября 1864 г., согласно которым учреждалась российская адвокатура. Поскольку же Судебные уставы вступили в действие 17 апреля 1866 г., именно этот день считается фактическим *днем рождения* адвокатуры в России. 29 сентября 1862 г. и 20 ноября 1864 г. прозвучали как бы «два свистка на собирающемся отчалить пароходе» отечественной адвокатуры, но только «по третьему свистку пароход снялся с места. И этот третий свисток раздался 17 апреля 1866 г.»<sup>3</sup>.

Первый по значению адвокат России В.Д. Спасович так определил своеобычность возникновения национальной корпорации адвокатов: «Зоологи доискиваются, но пока не доискались, а верят в первичное самозарождение организма. <...> У нас имеется пример именно такого самозарождения. Ничего подобного не бывало на Руси. Мы вышли не ex ovo (из яйца. — Н. Т.), мы не вылупились из скорлупы, мы без роду и племени»<sup>4</sup>. Действительно, российская адвокатура учреждалась в результате Судебной реформы 1864 г. заново и не имела ничего общего по составу, функциям и организации со своими дореформенными предтечами — *стряпчими* и *ходатаями*, статус, функции и состав которых законодательно не регламентировались. «Тут, — вспоминал о них известный адвокат П.А. Потехин, — были захудалые дворяне, разорившиеся купцы, приказчики, которые прежде вели дела своих хо-

<sup>1</sup> Колмаков Н.М. Старый суд // Русская старина. 1886. № 12. С. 536.

<sup>2</sup> Литературное наследство. 1955. Т. 62. С. 369.

<sup>3</sup> Спасович В.Д. Две речи. Берлин, 1892. С. 5—6.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 85.

заяв; тут были отставные военные, даже сидельцы кабаков и пивных лавок, были чиновники, изгнанные со службы <...> и т. д., всех не перечислить»<sup>1</sup>. По примеру средневековых подьячих они ловчили, ябедничали, мошенничали за любую мзду. «Берут по двугривенному и штофу водки за сочинение просьбы, — писал о них в 1860 г. авторитетный юрист А.В. Лохвицкий. — <...> В одно и то же время пишут бумаги и истцу и ответчику и, конечно, с обоих берут деньги»<sup>2</sup>.

Типы дореформенных ходатаев и стряпчих картинно увековечены в русской литературе. Таковы Могильцев из «Пошехонской старины» М.Е. Салтыкова-Щедрина, Сысой Псоич Рисположенский из пьесы А.Н. Островского «Свои люди — сочтемся» и, особенно, неподражаемый юрисконсульт из 2-го тома «Мертвых душ» Н.В. Гоголя, который «всех опутал решительно, прежде чем кто успел осмотреться. <...> Произошла такая бестолковщина: донос сел верхом на доносе, и пошли открываться такие дела, которых и солнце не видывало, и даже такие, которых и не было»<sup>3</sup>. Как не вспомнить здесь сентенцию выдающегося русского адвоката В.И. Жуковского: «В нелепом общественном строе все печальное смешно, а все смешное печально»<sup>4</sup>.

От родства с такими предшественниками российские адвокаты отрешивались категорически и правомерно. По Судебным уставам 1864 г. они объединялись в самоуправляющуюся корпорацию, сословие *присяжных поверенных*<sup>5</sup>. Могли быть присяжными поверенными только лица, имеющие, во-первых, высшее юридическое образование и, во-вторых, не менее чем 5-летний стаж службы по судебному ведомству. Права и обязанности присяжных поверенных (в отличие от ходатаев и стряпчих) были строго регламентированы. Уставы 1864 г. гласили, что присяжные поверенные «состоят при судебных местах для занятия делами по избранию и поручению тяжущихся <...>, а также по назначению Советов присяжных поверенных и председателей судебных мест» (ст. 353). Уголовную (включая политическую) защиту присяжный поверенный мог принимать на себя и по соглашению с обвиняемым, и по назначению суда (ст. 393—394). Ряд статей Уставов 1864 г. явно противопоставляет присяжных поверенных дореформенным стряпчим, декларируя, к примеру, что адвокат «не может не только быть в одно и

<sup>1</sup> Потехин П.А. Отрывки из воспоминаний адвоката // Право. 1900. № 47. С. 2217.

<sup>2</sup> Лохвицкий А.В. О наших ходатаях по делам // Русское слово. 1860 № 2. С. 44—45.

<sup>3</sup> Гоголь Н.В. Полн. собр. соч. М., 1951. Т. 7. С. 117—118.

<sup>4</sup> Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 324.

<sup>5</sup> Об организации, правах и обязанностях сословия присяжных поверенных см.: Судебные уставы 1864 г. с рассуждениями, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 3. Разд. 9. Гл. 2. Ст. 353—406.

то же время поверенным обеих спорящих сторон, но и переходить по одному и тому же делу от одной стороны к другой» (ст. 402).

Вступая в корпорацию, каждый присяжный поверенный давал по узаконенной форме «*Клятвенное обещание*» — «хранить верность» государю, «исполнять в точности» законы и «охранять интересы» своих доверителей, памятуя о том, что за все это он должен будет «дать ответ пред Законом и пред Богом на страшном суде его»<sup>1</sup>.

Во главе адвокатуры стояли выборные Советы присяжных поверенных. Они руководили адвокатским сословием, представляли и защищали его интересы перед властью, оберегали репутацию сословия, развивали сильные и обезвреживали слабые стороны его самоуправления. Первый по времени и значению Петербургский совет присяжных поверенных был избран 2 мая 1866 г., Московский — 16 сентября того же года, а третий, Харьковский совет, — только 6 мая 1874 г. Более того, 5 декабря 1874 г. последовал царский указ о временной приостановке открытия новых Советов, сохранявший силу до 1904 г.<sup>2</sup> Таким образом, в течение почти сорока лет со дня учреждения российской адвокатуры она имела лишь три (в первые восемь лет — даже два) Совета на 11 судебных округов, хотя Уставы 1864 г. предусматривали образование Совета присяжных поверенных в *каждом* судебном округе.

Тем не менее адвокатура в России численно росла из года в год. Только в округе Петербургской судебной палаты присяжных поверенных было в 1866 г. 27, в 1875 — 127, в 1885 — 269, в 1899 — 399, в 1905 — 629, в 1914 г. — 1166<sup>3</sup>. Всего по России в 1885 г. было 1617 присяжных поверенных, в 1895 — 2149, в 1905 — 3709, в 1914 г. — 5658<sup>4</sup>. Еще быстрее росла численность *помощников* присяжных поверенных, составлявших ближайший резерв адвокатуры: в 1885 г. — 700, в 1895 — 1203, в 1905 — 2550, в 1914 г. — 5489<sup>5</sup>. Внушительные сами по себе эти цифры, однако, крайне малы по сравнению с Англией (в 1867 г. — 17 119 адвокатов), Францией (18 889 адвокатов в 1863 г.)<sup>6</sup> и США (в начале XX в. — уже 75 тыс. адвокатов)<sup>7</sup>, особенно, в пропорции к общей численности

<sup>1</sup> См.: Приложение № 1.

<sup>2</sup> См.: *История русской адвокатуры* (далее — ИРА). М., 1914. Т. 1. С. 239—240, 442.

<sup>3</sup> *Справочный указатель по программе издания «История русской адвокатуры»*. Прил. 2. С. 91—92.

<sup>4</sup> См.: ИРА. Т. 2. С. 3.

<sup>5</sup> См. там же. С. 4.

<sup>6</sup> См.: *Пестржеский А.А. Об адвокатуре у римлян, во Франции и в Германии*. М., 1876. С. 104.

<sup>7</sup> См.: *Гольденвейзер А.С. Преступление как наказание, а наказание как преступление*. Киев, 1908. С. 94.

населения: 21,2 млн человек в Англии в 1867 г., 37,3 млн во Франции в 1863 г., 76,2 млн в США к 1900 г., 124,6 млн в России на 1897 г.

Особенности устройства сословия присяжных поверенных закрепили его корпоративную сплоченность. «Наше адвокатское православие»<sup>1</sup>, — с гордостью говорил Спасович. Действительно, в самодержавной стране, даже с учетом Судебной реформы 1864 г., самоуправляющаяся корпорация адвокатов выглядела необычно и вызывающе, как белая ворона. Зато у нее оказалось много общего с адвокатурой развитых стран Запада, откуда творцы Судебных уставов 1864 г. немало позаимствовали для статуса российской адвокатуры. М.М. Ковалевский прямо засвидетельствовал, что сословие присяжных поверенных и его Советы в России «были созданы по образу уже существовавших во Франции учреждений этого рода»<sup>2</sup>. Однако юридические права и общественный авторитет российской адвокатуры, по сравнению с французской или, например, американской, с самого начала были намеренно сужены.

На Западе адвокатура занимала немислимое для самодержавной России по своей высоте и значимости положение. Достаточно назвать премьер-министров и президентов Франции<sup>3</sup> и США<sup>4</sup> только XIX в. из адвокатов. В.Д. Спасович с чувством, которое соединяло гордость и грусть, в 1896 г. заметил на собрании своих петербургских коллег: «Помню, как при мне сказал бельгийский король Леопольд II: «Все мои министры были адвокаты»<sup>5</sup>. В России что-либо подобное могло возыметь место только после февраля 1917 г.: из шести министров юстиции Временного правительства пятеро — А.Ф. Керенский (ставший позднее и премьер-министром), П.Н. Переверзев, А.С. Зарудный, А.А. Демьянов, П.Н. Малянтович — были адвокатами. Поэтому царская власть, не желая и боясь возможного, по примеру Запада, политического возвышения адвокатуры, заведомо ограничила ее даже в тех началах, которые по необходимости заимствовались у западных образцов.

Так, изначально не допускались в отечественную адвокатуру женщины. Даже после того, как 11 ноября 1911 г. был принят закон, впервые в России дозволивший женщинам получать высшее юридическое образование, и Государственный совет стал обсуждать вопрос «О допуще-

<sup>1</sup> Речь В.Д. Спасовича // Русская мысль. 1891. № 5. С. 155—156.

<sup>2</sup> Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений в России. СПб., 1908. С. 189. О том же: Пестржецкий А.А. Указ. соч. С. 4; Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. СПб., 1875. Ч. 1. С. 65 и сл.

<sup>3</sup> Ж. Мартиноньяк, О. Барро, А. Тьер, Э. Оливье, Ж. Дюфор, Ж. Ферри, А. Гамбетта, М. Рустье, Ж. Гриви, Ш. Флоке, А. Рибо.

<sup>4</sup> Т. Джефферсон, Т. Мэдисон, Дж. К. Адамс, Э. Джексон, М. Фимор, Ф. Пирс, Д. Бьюкенен, А. Линкольн, Д. Гарфила, Ч. Артур, Б. Гаррисон, У. Мак-Кинли.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 68.

нии женщин в адвокатуру», большинство царских сановников выступило против этого, причем один из членов Совета сослался на заданную свыше неполноценность женщины, ибо «Господь сотворил Еву всего лишь из ребра Адама»<sup>1</sup>. Правомочность российской адвокатуры была ущемлена и 30-летней приостановкой открытия 8 из 11 ее Советов присяжных поверенных, и отстранением ее (раз и навсегда) от участия в предварительном следствии<sup>2</sup>.

И все-таки профессиональный уровень адвокатуры в России с первых же ее шагов был едва ли значительно ниже, чем на Западе. Еще до судебной реформы 1864 г., когда она только готовилась, а в особенности сразу же после нее российская интеллигенция необычайно заинтересовалась вопросами *права*, столь мало значимого в дореформенной России и потому вдвойне ценимого теперь. В адвокатуру шли квалифицированные юристы — и теоретики, и практики. Так, В.Н. Герард, прежде чем стать адвокатом, был членом Петербургского окружного суда, А.А. Герке — товарищем председателя Херсонской палаты гражданского суда, Д.В. Стасов, В.М. Пржевальский (младший брат великого ученого-путешественника) и В.В. Самарский-Быховец — обер-секретарями различных департаментов Сената, А.Я. Пассовер — магистром государственного, а В.Д. Спасович — доктором уголовного права. Переквалифицировались в адвокаты и многие выдающиеся прокуроры: тот же А.Я. Пассовер, М.Ф. Громницкий, П.А. Александров, кн. А.И. Урусов, С.А. Андреевский, С.Ф. Морошкин, В.И. Жуковский, А.А. Боровиковский, кн. В.А. Кейкуатов. В их числе был даже товарищ обер-прокурора... Святейшего синода А.А. Леонтьев. Просился в адвокатуру и бывший директор Департамента полиции А.А. Лопухин, но не был принят<sup>3</sup>. Кстати, самый талантливый из прокуроров дореволюционной России А.Ф. Кони считал, что он тоже «был создан» для адвокатуры, и в 1884 г. подумывал уйти в присяжные поверенные, но «не без внутренней борьбы» остался в магистратуре: «старая привычка служить государству и любовь к судебному ведомству взяли верх»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 4. С. 507 (этим членом Государственного совета был протоиерей Т.И. Буткевич). Только после Февральской революции 1917 г. русские женщины были допущены в адвокатуру.

<sup>2</sup> Трижды (в 1894, 1901 и 1908 гг.) создавались различные комиссии с участием А.Ф. Кони, В.Д. Спасовича, И.Я. Фойницкого, которые выработывали хитроумные проекты с целью помочь адвокатам как-нибудь просочиться сквозь жандармский кордон предварительного следствия, но тщетно (см.: Цыпкин А.Л. Вопрос о защите на предварительном следствии в дореволюционном русском уголовном процессе // Учен. зап. Саратовского юридического ин-та. 1957. Вып. 6. С. 393—396).

<sup>3</sup> См.: Савинков Б.В. Избранное. М., 1990. С. 283.

<sup>4</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 245, 246; Т. 8. С. 96.

Итак, если юридический статус адвокатуры в России всегда был гораздо уже, чем на Западе, то профессиональный уровень, по крайней мере ее основного ядра, оказался едва ли не менее, а может быть, в чем-то и более высоким. То же самое можно сказать и о нравственном уровне молодой российской корпорации адвокатов.

«Ни одна профессия не представляет для нравственности занимающихся ею лиц таких соблазнов, как адвокатура», — писал крупнейший знаток истории и этики адвокатского дела Е.В. Васьковский, причем выделял следующую парадоксальную особенность профессии адвоката: «В прочих профессиях политика честности — самая выгодная политика. Врач, известный тем, что имеет привычку нарочно затягивать лечение; архитектор, обнаруживший свою небрежность и недобросовестность; ленивый учитель, продажный литератор — все они рискуют навлечь на себя осуждение общества и остаться в конце концов без работы. <...> Но адвокат, приобретший репутацию искусного кляузника, пускающего в ход все средства, чтобы доставить победу своему клиенту, не только не останется без практики, а, напротив, привлечет многочисленную клиентуру. В большинстве случаев тяжущиеся не разбирают, каково их дело с нравственной точки зрения и какие средства нужно употребить, чтобы одержать верх над противником. Само собой понятно, что, выбирая адвоката, они из двух одинаково знающих и талантливых отдадут предпочтение тому, который лучше соблюдает их интересы, т. е. будет менее совестлив и разборчив в способах ведения дела. Поэтому адвокату выгодно быть нечестным»<sup>1</sup>.

Законодатели и принципалы адвокатуры, должно быть, понимали это всегда и везде. Поэтому они старались (с разной мерой искренности и действенности) нейтрализовать заложенную в самом институте адвокатуры безнравственную потенцию и укрепить адвокатскую этику на принципах честности, справедливости, правды. Еще в Древнем Риме законодательно поддерживались эти принципы<sup>2</sup>. В Англии со времен «Зеркала правосудия» Эдуарда II (XIII в.), а позднее и во Франции адвокатура горячо пеклась (по крайней мере, в теории) о своей нравственной репутации<sup>3</sup>. Словом, на Западе адвокатская корпорация к середине XIX в. уже имела богатейшие, хотя, разумеется, и далеко не всегда соблюдавшиеся, традиции профессиональной этики. В России

<sup>1</sup> Васьковский Е.В. Основные вопросы адвокатской этики. СПб., 1895. С. I—III (курсив мой. — Н. Т.).

<sup>2</sup> См.: Васьковский Е.В. Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1. С. 64—65.

<sup>3</sup> См.: Полянский Н.Н. Правда и ложь в уголовной защите. М., 1927. С. 27; Молло М. Правила адвокатской профессии во Франции. М., 1894. С. 2.

же адвокатам приходилось начинать хуже, чем с нуля, *вопреки* тому нравственному капиталу, который оставили им в наследство дореформенные ходатаи и стряпчие.

Созидателями и стражами нравственных устоев российской адвокатуры выступили Советы присяжных поверенных. Они ревниво блюли авторитет своей корпорации и, случалось, отказывали в приеме в адвокатуру лицам, которые удовлетворяли формальным требованиям (высшее юридическое образование плюс необходимый служебный стаж), но не внушали доверия своей «нравственной физиономией»<sup>1</sup>. Только за 1866—1873 гг. один Петербургский совет отказал в приеме 24 лицам и 4 исключил из сословия по соображениям и дисциплинарным, и нравственным<sup>2</sup>. Вообще, первым Советам довелось «вырабатывать одновременно и приемы адвокатской техники, и правила адвокатской этики» так, «чтобы другим, на то гляючи, *повадно* было так делать»<sup>3</sup>.

Разумеется, нелегко им было преодолеть и силу инерции дореформенных нравов, и неблагоприятные последствия проникновения в адвокатуру «отрицательных типов, посвятивших себя исключительно наживе и делецкой юркости»<sup>4</sup>, и недоверие общества (как отечественного, так и зарубежного) к самой возможности адвокатской и вообще судебной этики в России. Чрезвычайно показателен такой факт, засвидетельствованный А.Ф. Кони. Когда, в 1875 г., в Петербурге был отдан под суд за поджог мельницы собственного компаньона купец-толстосум С.Т. Овсянников, состояние которого оценивалось в 12 млн рублей, «немецкая сатирическая печать даже не хотела верить, чтобы *двенадцатикратный* (zwolffache) миллионер Овсянников мог быть арестован, а если бы это и случилось, то выражала уверенность, что на днях станет известным, что *одинадцатикратный* (elffache) миллионер Овсянников выпущен на свободу»<sup>5</sup>. Миллионер, однако, был признан виновным и сослан в Сибирь на поселение. В этом сказался, конечно, дух новых Судебных уставов.

Вытравить из адвокатской корпорации все черты дореформенного стряпчества с его подьяческим отношением к делу Советы не могли. Пожалуй, наиболее живучей из этих черт оказалась тяга к наживе, специфический культ гонорара. Но здесь очень многое объясняет и существенно оправдывает адвокатуру следующее изречение Ф.Н. Плевако:

<sup>1</sup> ИРА. Т. 2. С. 233.

<sup>2</sup> См.: Арсеньев К.К. Указ. соч. Ч. 2. С. 28, 155.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 144.

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 17.

<sup>5</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 45.

«Богатый уголовный клиент платит не за себя одного, а за тех, кого его адвокат защищает бесплатно»<sup>1</sup>. Действительно, во-первых, неумеренные куши, полученные от богатых клиентов, адвокаты не всегда клали себе в карман. Так, А.А. Боровиковский, взяв у С.Т. Овсянникова 5 тыс. рублей за текст двух жалоб, внес эти деньги в благотворительный фонд помощи нуждающимся студентам<sup>2</sup>. Главное же, адвокаты очень часто защищали своих клиентов бесплатно. Это было правилом по отношению к т. н. «лицам, пользующимся на суде правом бедности»<sup>3</sup>, и обвиняемым в государственных преступлениях. В политических защитах русские адвокаты считали своим долгом отказываться от гонорара, даже если их клиенты или родственники клиентов предлагали им таковой<sup>4</sup>.

В самодержавной стране молодая адвокатура как правовой институт не могла иметь должной свободы слова и дела. Мало того что она изначально была на 30 лет лишена права учреждать в судебных округах свои Советы и навсегда отстранена от участия в предварительном следствии. Полагая, что Судебные уставы 1864 г. слишком многое ей позволяют, царские власти с конца 1870-х годов начали затянувшийся поход против адвокатуры, чтобы еще сильнее законодательно ограничить ее права, свести к нулю ее способность фронтировать против «верхов». В апреле 1878 г. министр юстиции граф К.И. Пален внес в Государственный совет законопроект, который позволял министру лишать звания присяжного поверенного любого адвоката как «лица недостойного» (на взгляд министра, конечно). Госсовет вернул Палену его творение с утешительной для министра мотивировкой: «для согласования предложенной меры с другими мерами, проектированными относительно присяжной адвокатуры»<sup>5</sup>.

Другие меры против адвокатуры проектировались в специальных комиссиях сенаторов Г.А. Евреина (1885) и М.В. Красовского (1890) и министра юстиции Н.В. Муравьева (1894—1899). Все они работали в духе того наизидания, которое внушал Александру III в письме от 30 октября 1885 г. его политический наставник К.П. Победоносцев: «Давно уже пора принять меры против этого сословия, которое всюду, где бы ни распространялось, представляло величайшую опасность для государственного порядка»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Цит по: Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 293.

<sup>2</sup> См.: Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 39—40.

<sup>3</sup> Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ст. 397.

<sup>4</sup> См.: Кори Е.В. Брызги памяти // Исторический вестник. 1913. № 6. С. 887; Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 144.

<sup>5</sup> Судебные уставы за 50 лет. Пг., 1914. Т. 2. С. 273.

<sup>6</sup> РГБ РО. Ф. 230. Карт. 4394. Д. 3. Л. 4.

Помешали Муравьеву и К<sup>0</sup> реализовать спроектированное (включая запрет на допуск в адвокатуру лиц политически неблагонадежных)<sup>1</sup>, главным образом, две причины. Во-первых, передовые юристы, привлекавшиеся по необходимости к работам комиссий (среди 24 членов комиссии самого Муравьева был А.Ф. Кони, а в числе 60 приглашенных экспертов — адвокаты В.Д. Спасович, Ф.Н. Плевако, В.О. Люстиг, П.В. Макалинский), отчаянно сопротивлялись пересмотру Уставов 1864 г. «Вы себе представить не можете, — писал Кони 12 июля 1899 г. П.Н. Обнинскому, — сколько я выстрадал за эти 5 лет в 300 с лишком заседаний, оставаясь по большей части один со своими мнениями и не встречая никакой поддержки в подтасованной комиссии. <...> Ведь это все равно, что присутствовать при изнасиловании женщины, которая была вашею «первою любовью», без всякой реальной возможности ей помочь»<sup>2</sup>. Главное же, как на это указывал Кони<sup>3</sup>, спас Судебные уставы 1864 г. (включая самоуправляемость, а может быть, и самый институт адвокатуры) новый демократический подъем, который начался с середины 90-х годов, а к 1904 г. уже был чреват революцией, удерживая власти от рискованных шагов в сторону ре-акции.

Не рискнув кардинально реформировать адвокатуру, власти тем не менее ограничили ее права и возможности отдельными, прямо или косвенно относящимися к ней узаконениями. Так, еще 7 июня 1872 г. было учреждено Особое присутствие Правительствующего сената (ОППС) по политическим делам, которое вело такие дела с крайним пристрастием, угождая правительству, потворствуя прокуратуре и ущемляя права обвиняемых и адвокатуры. Затрудняли деятельность адвокатов и такие меры, как подчинение 9 августа 1878 г. политических дел «ведению военного суда, установленного для военного времени», и сведение фактически к нулю гласности судопроизводства по законам от 14 августа 1881 и 12 февраля 1887 г. Прямым ущемлением адвокатуры был указ от 8 ноября 1889 г. «О порядке принятия в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий». По этому указу евреи, которые составляли значительную и притом квалифицированную часть российской адвокатуры<sup>4</sup>, отныне могли быть приняты в

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг.* Тула, 2000. С. 161—163.

<sup>2</sup> *Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 8. С. 151.*

<sup>3</sup> См. там же. Т. 2. С. 321.

<sup>4</sup> Достаточно назвать А.Я. Пассовера и М.М. Винавера, Л.А. Куперника и А.С. Гольденвейзера, О.О. Грузенберга и М.Л. Мандельштама, М.Ф. Волькенштейна и С.Е. Кальмановича.

присяжные и даже в частные поверенные<sup>1</sup> «не иначе как с разрешения министра юстиции»<sup>2</sup>. В 1897 г. Н.В. Муравьев не без гордости констатировал, что «это разрешение с тех пор было дано лишь в двух-трех исключительных случаях»<sup>3</sup>.

Разумеется, царская власть не могла все время только ограничивать адвокатуру (это привело бы к ее упразднению и скомпрометировало бы верховную власть перед общественным мнением страны и мира). Иногда, в редчайших случаях, она делала жесты или даже шаги навстречу адвокатуре. Самый важный из них был сделан в преддверии революции 1905 г. В то время, наряду с кризисом «низов», Россия переживала нараставший кризис «верхов». После того как 15 июля 1904 г. бомбой эсера Е.С. Созонова был убит министр внутренних дел В.К. Плеве, новый министр князь П.Д. Святополк-Мирский смягчил репрессивно-охранительный курс правительства и, стремясь привлечь на сторону царизма буржуазную оппозицию, заговорил о «взаимном доверии», обещал реформы. В обстановке этой, как выражалась тогда либеральная пресса, «эпохи доверия» царизм впервые после 1874 г. открыл новые Советы присяжных поверенных — в дополнение к первым трем (Петербургскому, Московскому, Харьковскому), учрежденным за 30 лет перед тем, еще шесть: 21 июля 1904 г. — Новочеркасский, 10 ноября — Казанский, Одесский, Саратовский, 24 ноября — Иркутский и Омский<sup>4</sup>.

В общем же, конечно, власть с начала и до конца старалась держать российскую адвокатуру, что называется, в ежовых рукавицах. Адвокатура рассматривалась не только как правовой институт, но и просто как средоточие неблагонадежных элементов, потенциальных, если еще не раскрывшихся, врагов, вдвойне опасных потому, что они держатся на почве закона<sup>5</sup>. Уже в 1869 г. III отделение доложило царю о присяжных поверенных: «К корпорации последних стали в особенности примыкать лица, недовольные правительством»<sup>6</sup>. С тех пор и до 1917 г. царский сыск держал чуть ли не всю корпорацию, включая ее корифеев, под своим недреманным оком, вовремя подводя самых недовольных и под карающий меч.

<sup>1</sup> Частные поверенные не имели никакого самоуправления и находились в прямой зависимости от Министерства юстиции.

<sup>2</sup> Поан. собр. законов Российской империи. Собр. 3. Т. 9. С. 599.

<sup>3</sup> *Муравьев Н.В.* Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 2. С. 520.

<sup>4</sup> См.: ИРА. Т. 1. С. 442—443.

<sup>5</sup> Русские адвокаты грустно шутили, что «ссылка на закон в глазах нашей власти есть первый признак «неблагонадежности» (*Махлаков В.А.* Указ. соч. С. 220).

<sup>6</sup> Красный архив. 1925. Т. 1. С. 229.

В архивах III отделения и Департамента полиции хранятся *специальные* досье о «наблюдении» за В.Д. Спасовичем, Д.В. Стасовым, Н.К. Муравьевым, Л.А. Куперником, М.Л. Мандельштамом, Н.П. Шубинским и многими другими<sup>1</sup>. Из других документов явствует, что под жандармским надзором в разное время находились десятки авторитетных адвокатов: Ф.Н. Плевако, Н.П. Карабчевский, П.А. Александров, А.И. Урусов, А.М. Унковский, А.С. Зарудный и др. Только в тетрадях агента-разведчика «Народной воли» Н.В. Клеточникова за 1879 г. названы 11 присяжных поверенных, за которыми жандармы вели слежку (среди них — В.Н. Герард, Г.В. Бардовский, Е.И. Утин, А.А. Ольхин)<sup>2</sup>.

Поднадзорные адвокаты часто подвергались обыскам и арестам, иногда с последующей высылкой — вплоть до Сибири. Из корифеев адвокатуры так пострадали А.И. Урусов в 1872 г., В.Ф. Леонтьев в 1878 г.; Г.В. Бардовский в 1879 г., Д.В. Стасов в 1879 и 1880 гг., Н.Д. Соколов в 1896 и 1903 гг., Н.К. Муравьев и Н.В. Тесленко в 1898 г., М.Ф. Волькенштейн в 1902 г., П.Н. Переверзев в 1904 г., Е.И. Кедрин, М.Б. Ратнер, С.Е. Кальманович в 1905 г., М.Л. Мандельштам в 1906 г., А.С. Зарудный в 1907 г. Только из Москвы за два года (1902—1904), пока Министерством внутренних дел управлял В.К. Плеве, были высланы 12 адвокатов<sup>3</sup>. В Иркутске в 1906 г. был арестован весь состав Совета присяжных поверенных<sup>4</sup>.

По моим (полагаю, неполным) подсчетам, 64 адвоката в разное время были преданы суду за «государственные преступления»: из них 23 (в том числе С.А. Муромцев, Е.И. Кедрин, М.М. Винавер, А.Р. Ледницкий) — по громкому делу о Выборгском воззвании 1906 г.<sup>5</sup> и 25 (среди них — А.Ф. Керенский, Н.Д. Соколов, Б.Г. Лопатин-Барт) — по т. н. «адвокатскому процессу» 1914 г. в связи с протестом общего собрания присяжных поверенных Петрограда против возбуждения провокационного дела М.Т. Бейлиса (суд квалифицировал этот протест как «наглое обвинение государственной власти»<sup>6</sup>). Царский суд некоторых адвокатов оправдал, большинство — препроводил в тюрьмы и ссылку, а присяжных поверенных Е.С. Семяновского и В.А. Жданова — на каторгу.

А вот факт особый: 18 декабря 1905 г. помощник присяжного поверенного В.А. Тарарыков был расстрелян без суда и следствия кара-

<sup>1</sup> Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 183—186.

<sup>2</sup> См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 170, 174, 176—177, 195, 206, 222.

<sup>3</sup> См.: Хроника // *Право*. 1904. № 44. С. 3059.

<sup>4</sup> См.: *ИРА*. Т. 1. С. 450.

<sup>5</sup> См.: *Выборгский процесс*. СПб., 1908. С. 177.

<sup>6</sup> *ИРА*. Т. 1. С. 463, 465.

телями из отряда полковника Г.А. Мина. Московский совет присяжных поверенных обратился было к прокурору Московского окружного суда с просьбой «произвести следствие о насильственной смерти» Тарарыкова, но прокурор ответил, что по этому поводу «с его стороны никаких распоряжений сделано быть не может»<sup>1</sup>.

Положение адвокатуры в России, под надзором и преследованием властей, было тем хуже, что она долго не имела поддержки со стороны общества. Напротив, общество относилось к ней, по крайней мере до конца 1870-х годов, тоже неприязненно. Основания для этого были: даже в число присяжных поверенных (не говоря уже о частных адвокатах) нередко попадали люди, которые сами смотрели на адвокатуру как на «торговлю словом» и давали повод обществу судить о ней подобным же образом.

Раньше всех начала и уже никогда не кончала травлю адвокатуры официальная пресса — в первую очередь такие органы, как газета М.Н. Каткова «Московские ведомости», которую адвокат К.К. Арсеньев в 1871 г. назвал «русской литературной полицией»<sup>2</sup>, и журнал кн. В.П. Мещерского «Гражданин», о котором И.С. Тургенев в 1872 г. написал: «Это, без сомнения, самый злобный журналец из всех ныне на Руси выходящих»<sup>3</sup>. И Катков и Мещерский выступали против «гнусного сословия» адвокатов как «присяжного жулья»<sup>4</sup>. А известный философ и публицист К.Н. Леонтьев в связи с этим выругался даже по адресу Франции: «Ну уж и держава — с адвокатом вместо царя!»<sup>5</sup>

«Дикие крики озлобления» из лагеря «русской литературной полиции» адвокаты (по крайней мере, их лучшая и большая часть) могли воспринимать по-некрасовски спокойно, как «звуки одобрения». Но к этим крикам неожиданно для адвокатов присоединился хор чуть ли не всей русской прессы. Остро критиковали адвокатуру журнал «Отечественные записки» и газеты «Неделя», «Голос», «Русские ведомости», а журнал «Дело» молил Бога «избавить нас от саранчи и адвокатов»<sup>6</sup>. Особенно же ранило адвокатуру то обстоятельство, что мнение общества подкреплялось авторитетом национальной литературы в лице та-

<sup>1</sup> 40-й отчет Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1905—1906 гг. М., 1907. С. 30.

<sup>2</sup> Арсеньев К.К. За четверть века (1871—1894). Пг., 1915. С. 12. Самого Каткова В.Г. Короленко считал «гасильником мысли» (Короленко В.Г. Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 69).

<sup>3</sup> Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1965. Т. 9. С. 236—237.

<sup>4</sup> Московские ведомости. 1878. № 199 (передовая статья); 1881. № 99 (передовая статья); Гражданин. 1884. № 9. С. 5; № 22. С. 14.

<sup>5</sup> Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 46.

<sup>6</sup> Дело. 1876. № 1. Калейдоскоп. С. 99.

ких ее классиков, как Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Ф. Писемский.

Так, Достоевский внушал читателям, что адвокат — это «обреченный на бессовестность человек»<sup>1</sup>. Тип такого адвоката картинно представлен Достоевским в образе Фетюковича, который блудословит на суде, описанном в 14 главах (!) заключительной книги романа «Братья Карамазовы», и речь которого выделена в особую главу под названием «Прелюбодей мысли». В сочинениях же Щедрина выставлена на посмешище целая галерея продажных и алчных адвокатов. Здесь — и Александр Иванович *Хлестаков* (сын гоголевского Ивана Александровича!) из «Дневника провинциала», и *Перебоев* из «Мелочей жизни», *Тонкачев* и *Ловкачев* из «Господ ташкентцев» и самый искушенный из всех — *Балалайкин* из «Современной идиллии», имя которого стало нарицательным для обозначения всякой продажности и пустозвонства.

Корифеи адвокатуры многое делали для того, чтобы склонить передовое общественное мнение на свою сторону. Главную роль в этом сыграли их выступления на крупных и громких политических процессах 1877—1878 гг. (участников Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х» и по делу Веры Засулич). После этих процессов авторитет адвокатуры возрос. Нападки на нее в обществе и в печати (не рептильной) прекратились. «На нас перестали кричать, — отметил В.Д. Спасович на собрании петербургских адвокатов 30 апреля 1878 г. — Притихли дальние раскаты грома»<sup>2</sup>.

С конца 70-х годов в адвокатуру вступают не только юристы, но и деятели науки, литературы, искусства — мыслящие и разносторонне одаренные люди. Кстати, еще до того, как определилось их главное жизненное призвание, адвокатами были писатель Леонид Андреев, поэт Ян Райнис, литературовед С.А. Венгеров, идеолог революционного народничества П.Н. Ткачев, экономист Н.Ф. Анненский, великий артист Л.В. Собинов и др. Готовился стать адвокатом и ради этого поступил в 1898 г. на юридический факультет Киевского университета А.А. Богомолец (будущий академик-патологофизиолог).

Среди тех, кто вступил в адвокатуру с конца 70-х годов, были уже известные к тому времени профессора Московского университета историк и социолог М.М. Ковалевский, юрист С.А. Муромцев (лишенный в 1884 г. кафедры за политическую неблагонадежность), экономисты И.И. Янжул и А.И. Чупров<sup>3</sup>; поэт, классик белорусской литературы

<sup>1</sup> Достоевский Ф.М. Полн. собр. худож. произведений. М.; Л., 1929. Т. 11. С. 195.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 18.

<sup>3</sup> См.: ИРА. Т. 1. С. 288.

Ф.К. Богушевич, крупнейший публицист Грузии Н.Я. Николадзе и один из основоположников национального театра в Азербайджане Гасанбек Зардаби.

Очень многие адвокаты имели плодотворные личные (а то и родственные) связи во всех сферах отечественной культуры. Широтой таких связей особенно выделялись Д.В. Стасов, Н.П. Карабчевский, В.И. Танеев, А.И. Урусов, Ф.Н. Плевако, С.А. Андреевский, А.М. Унковский, А.А. Куперник<sup>1</sup>.

Впрочем, иногда и малоизвестные адвокаты приобретали большую известность в кругах творческой интеллигенции. Так, присяжный поверенный И.Д. Зубарев был председателем комитета Петербургского собрания художников, а присяжный поверенный А.М. Керзин в 1896 г. основал в Москве Кружок любителей русской музыки, который прославился под названием «Керзинского»; в этом кружке участвовали С.В. Рахманинов и С.И. Танеев, Л.В. Собинов и Н.И. Забела-Врубель и многие другие блистательные артисты<sup>2</sup>. Присяжный поверенный Федор Адамович Корш (1852—1923) вошел в историю отечественной культуры как выдающийся театральный деятель, антрепренер, владелец в 1882—1918 гг. крупнейшего в России частного театра (московский «Театр Корша»), на сцене которого в разное время блистали В.Н. Давыдов, П.Н. Орленев, И.М. Москвин, А.А. Остужев, Л.М. Леонидов, А.П. Кторов.

Все это помогало адвокатуре утвердиться в национальном сознании как институту не только разумному и полезному, но и привлекательному, обрести доверие и симпатии разных слоев общества. Еще выше поднимала общественную репутацию адвокатуры ее нарастающая *политическая* активность, которая проявлялась не только в защитительных выступлениях адвокатов перед судом, но и во внесудебных, просто гуманных или оппозиционных, даже антиправительственных акциях.

С такими акциями некоторые адвокаты выступали уже в 1870-е годы, о чем свидетельствуют и протест А.А. Куперника против вакханалии смертных казней 1879 г. в Киеве по велению местного «самодержца» (временного военного генерал-губернатора) М.И. Чертков<sup>3</sup>, и застольные речи В.Д. Спасовича на ежегодных собраниях адвокатской корпорации Петербурга: «Всех нас давит одинаково толстый слой всемогущей бюрократии. <...> Все опостытело под нависшим сводом реакции» и т. д.<sup>4</sup>

<sup>1</sup> См. о них далее специальные очерки.

<sup>2</sup> См.: Штейнберг А.А. Керзинский кружок любителей русской музыки // Вопросы музыкознания. М., 1960. Т. 3.

<sup>3</sup> Подробно см. далее в очерке «А.А. Куперник».

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 13, 24, 45, 49, 68, 76, 80.

С 80-х годов российские адвокаты отваживаются и на политические акции коллективного характера. Так, 21 декабря 1882 г. собрание присяжных поверенных Петербурга постановило направить в Париж от имени Петербургской корпорации адвокатов телеграмму соболезнования по случаю смерти лидера французских *республиканцев* Леона Гамбетты, который, кстати, был адвокатом<sup>1</sup>.

В преддверии революции 1905 г. политическая активность адвокатуры резко возросла. Девять адвокатов (в том числе Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, Н.П. Карабчевский, В.Н. Герард) вместе с академиками Н.Н. Бекетовым и А.А. Шахматовым, Н.К. Михайловским, В.В. Вересаевым и др. (всего 95 лиц) подписали заявление на имя министра внутренних дел Д.С. Сипягина с протестом против разгона и избиения студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г.<sup>2</sup> Участие группы адвокатов в этой акции явилось своеобразным прологом к бурным выступлениям фактически всей российской адвокатуры в конце 1904 г. 20 и 21 ноября, по случаю 40-летия Судебных уставов 1864 г., адвокаты провели антиправительственные демонстрации с требованиями созыва Учредительного собрания и политической амнистии в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде, Самаре, Саратове, Ростове-на-Дону, Екатеринославе<sup>3</sup>. Самой крупной из них была демонстрация 400 петербургских адвокатов, которые подписали резолюцию о необходимости «народного представительства с законодательными функциями» и выбрали депутацию в составе Д.В. Стасова, Н.П. Карабчевского, Ф.И. Родичева и др. для вручения резолюции министру внутренних дел<sup>4</sup>.

По этому поводу В.А. Маклаков вскоре резонно заметил, что это была «первая по времени политическая резолюция», принятая в России «именем целой общественной группы, официально признанной корпорации»<sup>5</sup>.

С началом революции политическая активность адвокатуры продолжала нарастать и привела к созданию 30 марта 1905 г. Всероссийского союза адвокатов, который объединил 2,5 тыс. присяжных поверенных и их помощников из 64 городов Европейской России, включая Закавказье<sup>6</sup>. В то же время, по мере того как создавались в России массовые по-

<sup>1</sup> См.: ИРА. Т. 1. С. 300—305.

<sup>2</sup> См.: Искра. 1901. № 4 // Искра. № 1—52 (1900—1903). Полн. текст под ред. П.Н. Лепешинского. А., 1925. Вып. 1. С. 85.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Указ. соч. С. 208—212.

<sup>4</sup> См.: Хроника // Юрист. 1904. № 48. С. 1741; Хроника // Право. 1904. № 48. С. 3343—3345.

<sup>5</sup> ИРА. Т. 1. С. 404.

<sup>6</sup> См.: Лейкина-Свирская В.Р. Русская интеллигенция в 1900—1917 гг. М., 1981. С. 82.

литические партии, адвокаты вступали в каждую из них, но большей частью — в Конституционно-демократическую, которая объединяла главным образом буржуазную интеллигенцию. В первом составе ЦК этой партии из 54 человек было 10 адвокатов, в том числе такие корифеи адвокатуры, как С.А. Муромцев, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, М.Л. Мандельштам, Ф.И. Родичев, М.М. Винавер, А.Р. Ледницкий<sup>1</sup>. Из выдающихся адвокатов кадетами стали также К.К. Арсеньев, Е.И. Кедрин, А.М. Александров. К партии октябристов, представлявшей крупную торгово-промышленную буржуазию и помещиков, примкнули немногие адвокаты, но среди них — Ф.Н. Плевако, В.О. Люстиг, П.А. Потехин и Н.П. Шубинский, а присяжный поверенный А.В. Бобрищев-Пушкин даже стал товарищем председателя партии (А.И. Гучкова)<sup>2</sup>. Вместе с тем ряд ее деятелей оказался и в черносотенных союзах — П.Ф. Булацель, А.С. Шмаков, Г.Г. Замысловский.

Из социалистических партий больше других привлекала адвокатов, пожалуй, партия социалистов-революционеров. В ней участвовали А.Ф. Керенский, С.Е. Кальманович, К.Я. Загорский, Д.Г. Богров (убийца П.А. Столыпина), И.З. Штейнберг (в 1918 г. нарком юстиции РСФСР) и многие другие. Были среди адвокатов и отколовшиеся от правого крыла эсеров народные социалисты, энесы (А.С. Зарудный, А.А. Демьянов, В.А. Плансон), и трудовики (П.Н. Переверзев, В.И. Лунин, Л.А. Базунов).

Десятки адвокатов (преимущественно молодых) вступали с 1903 г. в РСДРП. Большевиками стали, кроме прочих, будущие министры Временного правительства 1917 г. П.Н. Малянтович и А.М. Никитин, Н.Д. Соколов, Е.П. Гегечкори (в 1918—1921 гг. министр иностранных дел независимой Грузии), Г.С. Носарь (Хрусталеv), А.Я. Вышинский<sup>3</sup>. Что касается адвокатов-большевиков, то многие из них стали видными деятелями советской власти: Н.Н. Крестинский — член Политбюро и секретарь ЦК РКП (б); Г.Я. Сокольников — кандидат в члены Политбюро, зампред Госплана и наркомфин СССР; В.Р. Менжинский — первый советский наркомфин и второй (после Ф.Э. Дзержинского) председатель ОГПУ; П.И. Стучка — наркомюст и председатель Верховного суда РСФСР, глава первого советского правительства Латвии; Д.И. Курский — первый советский Генеральный прокурор и наркомюст РСФСР;

<sup>1</sup> См.: Шелохаев В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. Прил. 2.

<sup>2</sup> Бобрищев-Пушкин А.В. Патриоты без отечества. Л., 1925. С. 122.

<sup>3</sup> Большевик А.Я. Вышинский (будущий прокурор-палач сталинщины) вступил в адвокатуру 8 июля 1915 г. См. о нем далее в очерке «П.Н. Малянтович».

Г.И. Ломов-Оппоков — первый советский наркомюст, зампред ВСНХ; П.А. Красиков — прокурор и зампред Верховного суда СССР; М.И. Васильев-Южин — зампред Верховного суда СССР и др.

Показательно, что среди более чем сорока адвокатов-большевиков<sup>1</sup> не оказалось ни одного корифея отечественной адвокатуры (главной для них всегда была *революционная* работа). В других партиях (кадетов, октябристов, эсеров, энесов, трудовиков, даже меньшевиков) корифеи были, но в малом числе и все-таки не самые крупные. Большая же часть наиболее выдающихся адвокатов — такие как В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, П.А. Александров, Н.П. Карабчевский, А.И. Урусов, В.Н. Герард, С.А. Андреевский, А.Я. Пассовер, В.И. Танеев, А.М. Унковский, Л.А. Куперник, Е.И. Утин, Н.И. Холева, Н.К. Муравьев, О.О. Грузенберг, Б.Г. Барт-Лопатин, Л.Н. Андроников, — принципиально отказывались от участия в каких бы то ни было политических партиях<sup>2</sup>, гордясь тем, что они, как любил говорить Карабчевский, «не политики, а судебные деятели»<sup>3</sup>, потому и независимы в исполнении своего адвокатского долга и сильны.

Главное, все они — и партийцы (от большевиков до октябристов), и беспартийные — были прежде всего юристами, которые честно и смело (за редкими исключениями), вопреки соблазнам и посулам, угрозам и нападкам «сверху», исполняли свой профессиональный долг как защитников права, гуманности, справедливости. В старой России адвокатура вынуждена была *бороться* не только за введение новых законов, но и, хотя бы, за соблюдение существующей законности. Поэтому, как подчеркнул, будучи уже белоэмигрантом, Н.П. Карабчевский, «при самодержавно-бюрократическом строе <...> вся публичная деятельность лучших адвокатских сил была у нас всегда деятельностью оппозиционной»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Аннотированный перечень их всех см.: *Троицкий Н.А.* Указ. соч. С. 218—221. Семеро из них (Н.Н. Крестинский, Г.Я. Сокольников, Г.И. Ломов-Оппоков, М.И. Васильев-Южин, М.С. Кедров, Б.П. Позерн, Р.П. Катанян) были репрессированы при Сталине.

<sup>2</sup> Впрочем, здесь надо иметь в виду, что Александров, Унковский, Урусов, Утин, Холева умерли раньше 1901 г., когда только начали создаваться в России массовые политические партии.

<sup>3</sup> *Карабчевский Н.П.* Речи (1882—1914). 3-е изд. Пг.; М., 1916. С. 579.

<sup>4</sup> *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 15, 17.



**БИОГРАФИЧЕСКИЕ  
ОЧЕРКИ**



## ДМИТРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ СТАСОВ

(1828—1918)

Единственным лицом, прослужившим в российской присяжной адвокатуре все время ее существования, буквально с первого и до последнего дня, был Дмитрий Васильевич Стасов. Именно он почитался в юридическом мире России как патриарх адвокатского сословия. Высочайшая репутация Дмитрия Васильевича красиво гармонировала с репутацией его большой семьи («стасовского клана», как выражались современники). Главой «клана» был его отец, знаменитый архитектор, академик Василий Петрович Стасов. Старший брат Дмитрия Васильевича Владимир стал крупнейшим в России художественным и музыкальным критиком, своего рода «крестным отцом» Товарищества художников-передвижников и Могучей кучки композиторов, почетным членом Академии наук. Известны были и два других брата — Александр (директор акционерного общества «Кавказ и Меркурий») и Николай (служил в Зимнем), — ранее привлекавшиеся к следствию по делу петрашевцев. Сестра, Надежда Васильевна, вошла в историю России как организатор женского движения, первая распорядительница Бестужевских высших женских курсов. Активной общественницей была и жена Дмитрия Васильевича Поликсена Степановна (урожденная Кузнецова)<sup>1</sup>, а из двух его дочерей старшая, Варвара, стала авторитетным литератором и музыковедом (под псевдонимом Влад. Каренин), а младшая, Елена, — выдающейся активисткой социал-демократического движения, секретарем ленинского ЦК РКП(б)<sup>2</sup>. Литературовед и мемуарист П.В. Анненков —

<sup>1</sup> И.Е. Репин написал портреты и Н.В. и П.С. Стасовых (хранятся в Государственном Русском музее).

<sup>2</sup> И.В. Сталин считал, что Елена Дмитриевна «оказалась мерзавкой» (Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 52), но, пережив «вождя народов» (скончалась 31 декабря 1966 г. на 94-м году жизни), она была похоронена в Кремлевской стене.

друг В.Г. Белинского, А.И. Герцена, И.С. Тургенева, — который, казалось, знал всех и вся, был озадачен: «Я совершенно растерялся. Столько мужских и женских Стасовых, что не знаешь, который и которая из них голос подал или подала»<sup>1</sup>.

Как ни странно, при всей «общеизвестности» Д.В. Стасова о нем (в отличие от его брата Владимира) до сих пор нет ни одной обобщающей монографии, хотя он не обойден вниманием ни «стасоведов», ни прочих историков<sup>2</sup>, не говоря уже о воспоминаниях его дочерей<sup>3</sup>. Лишь в 1992 г. была защищена кандидатская диссертация моего аспиранта Д.М. Легкого<sup>4</sup>, представившая собой фактически первую научную биографию Дмитрия Васильевича, но она еще не опубликована. В ней, кстати, весьма продуктивно использован колоссальный архив семьи Стасовых, включающий 4200 единиц хранения (ИРЛИ РО. Ф. 294).

Д.В. Стасов родился в Петербурге 20 января 1828 г. Его служебная карьера поначалу складывалась как нельзя лучше. В 1847 г. он окончил (как и его брат Владимир) привилегированное Училище правоведения в Петербурге, где учился вместе с будущим «Великим Инквизитором» царской России К.П. Победоносцевым и с тех пор долгое время был с ним дружен<sup>5</sup>. Впрочем, тогда Победоносцев еще либералничал. К 80-м годам, когда тот резко повернул вправо, Стасов порвал с ним всякие отношения (в письме к жене от 10 мая 1880 г. назвал Победоносцева «свиньей»<sup>6</sup>).

Из формулярного списка Стасова<sup>7</sup> явствует, что с 1847 г., сразу по окончании училища, он служил чиновником Герольдии Правительствующего сената, в 1851 г. получил чин коллежского асессора, а в 1854 — надворного советника. Летом 1856 г. Дмитрий Васильевич в качестве герольда участвовал в короновании Александра II, после чего царь по-

<sup>1</sup> М.С. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 413.

<sup>2</sup> См., например: *Лебедев А.К., Солодовников А.В.* В.В. Стасов. Жизнь и творчество. М., 1976. С. 71—80; *Богословская А.П.* Д.В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // Чернышевский и его эпоха. М., 1979; *Салита Е.Г.* Стасовы в Петербурге-Петрограде. Л., 1982; *Троицкий Н.А.* К биографии Д.В. Стасова // Археографический ежегодник за 1983 г. М., 1985; *Малеев Е.В.* Д.В. Стасов — первый председатель Совета петербургских присяжных поверенных // Правоведение. 1995. № 1; *Легкий Д.М.* Д.В. Стасов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 7.

<sup>3</sup> См.: *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. 3-е изд. М., 1988; *Комарова В.Д.* Д.В. Стасов как музыкальный деятель // Музыка и революция. 1928. № 7—8.

<sup>4</sup> См.: *Легкий Д.М.* Д.В. Стасов — юрист и общественный деятель. Дисс. канд. ист. наук. Саратов, 1992.

<sup>5</sup> Дружеские письма К.П. Победоносцева к Д.В. Стасову с обращением на «ты» за 1860 г. см.: ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 222. Л. 1—3, 9.

<sup>6</sup> Цит. по: *Легкий Д.М.* Указ. дисс. С. 132.

<sup>7</sup> См. там же. С. 197—198.

жаловал ему бриллиантовый перстень с рубином. В 1858 г. 30-летний Стасов был награжден орденом Св. Станислава II степени и назначен на высокую должность обер-секретаря Гражданского департамента Сената.

В этой должности Стасов сделал много полезного для подготовки самой прогрессивной из всех великих реформ Александра II — Судебной реформы 1864 г. В 1859 г. он организовал немислимый ранее в России кружок молодых юристов, где, кроме собственно юристов (будущих корифеев адвокатуры — К.К. Арсеньева, В.Д. Спасовича, В.В. Самарского-Быховца и др.), участвовали будущий Государственный секретарь А.А. Половцов и будущий министр просвещения А.А. Сабуров, И.И. Шамшин, ставший позднее сенатором и членом Верховной Распорядительной комиссии. «Стоя в близких отношениях с людьми, заправлявшими и направлявшими Судебную реформу<sup>1</sup>, — вспоминал позднее Стасов, — мы в своем кружке, по мере сил, разрабатывали разные вопросы и передавали и сообщали частным образом тем, которые вели дело в официальных сферах»<sup>2</sup>. Сын «отца Судебной реформы» С.И. Зарудного, адвокат и министр юстиции Временного правительства 1917 г. А.С. Зарудный авторитетно засвидетельствует в 1918 г.: «Целый ряд замечаний, которые легли в основу Судебной реформы 1864 г., были внесены по инициативе Дмитрия Васильевича Стасова»<sup>3</sup>.

Однако на столь значимой и так рано обретенной должности чиновничья карьера Стасова неожиданно пресеклась. В сентябре 1861 г. он выступил инициатором сбора подписей в Сенате и Министерстве юстиции под ходатайством на имя царя о помиловании арестованных студентов Петербургского университета. За такую «крамолу» 2 октября (как раз по окончании медового месяца после свадьбы с Поликсеной Степановной) он был арестован и хотя уже 8 октября освобожден, но — с увольнением от службы в Сенате и без права поступления на государственную службу<sup>4</sup>.

Впрочем, к тому времени Стасов уже имел за собой гораздо более «крамольные» грехи, о которых «всевидящий глаз и всеслышащие уши»

<sup>1</sup> Д.В. Стасов был тогда лично связан с такими «заправилами» судебной реформы, как Д.А. Ропинский, К.П. Победоносцев, Н.И. Стояновский, а едва ли не главный из творцов Судебных уставов 1864 г. С.И. Зарудный даже посещал заседания стасовского кружка.

<sup>2</sup> Цит. по: *Легкий Д.М.* Указ. дисс. С. 207.

<sup>3</sup> *Зарудный А.С.* О Д.В. Стасове // РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 39. Л. 2. Подробнее см.: *Легкий Д.М.* Д.В. Стасов — забытый автор Судебных уставов 1864 г. в России // Правоведение. СПб., Известия вузов. 2002. № 3.

<sup>4</sup> См.: К биографии Д.В. Стасова (Воспоминания К.К. Арсеньева). Публ. Н.А. Троицкого // Археологический ежегодник за 1983 г. М., 1985. С. 323—324.

царского сыска пока не ведали. Дело в том, что Дмитрий Васильевич, познавший, что называется, изнутри затхлость феодальной бюрократии, рано проникся оппозиционным настроением и стал доставлять разоблачительные материалы А.И. Герцену в «Колокол». Более того, летом 1859 г. он приехал к Герцену в Лондон с рекомендательным письмом от К.Д. Кавелина<sup>1</sup> и посредничал в организации исторической встречи Герцена с Н.Г. Чернышевским<sup>2</sup>. Правда, версии советских историков о Стасове как о «соратнике Чернышевского и Герцена», который будто бы участвовал в издании подпольных листов «Великорусс» и даже в революционно-народнической организации «Земля и воля»<sup>3</sup>, не находят подтверждения ни в одном из источников и выглядят надуманными. Но либеральное «вольнодумство» Стасова, его неизменная — с молодых лет и до конца жизни — оппозиционность по отношению к самодержавию неоспоримы.

Уволенный с государственной службы, Дмитрий Васильевич занял своего рода прелюдию к будущей адвокатской деятельности, а именно т. н. «хождением по делам» с «рукоприкладством», как называли тогда своеручную подпись ходатая под судебной резолюцией с письменным выражением удовлетворения или недовольства ею. Первому же такому «рукоприкладству» Стасов и трое юристов из его кружка придали политический характер. Летом 1862 г. в Сенате рассматривалось дело 13 тверских мировых посредников (братья А.А. и Н.А. Бакунины<sup>4</sup>, С.М. Балкашин, В.Н. Кудрявцев и др.) по обвинению в критике «постановлений и действий правительства»<sup>5</sup>. Стасов и его коллеги (В.Д. Спасович, К.К. Арсеньев, В.П. Гаевский — все будущие адвокаты) доказывали, что их клиенты, хотя они и *критиковали* правительство, *невиновны* перед законом, ибо само правительство декларировало

<sup>1</sup> «Один из твоих деятельнейших корреспондентов» и, вообще, «очень надежный и прекрасный человек, вполне заслуживающий, чтоб ты принял его хорошо» — так рекомендовал Кавелин Стасова Герцену (*Письма К.Д. Кавелина и И.С. Тургенева к А.И. Герцену*. Женева, 1892. С. 10).

<sup>2</sup> Подробно об этом см.: *Коротков Ю.Н.* Господин, который был в субботу в Фулеме // *Прометей*. М., 1971. Т. 8; *Богословская А.П.* Д.В. Стасов и его роль в организации встречи Чернышевского с Герценом // *Чернышевский и его эпоха*. М., 1979; *Легкий Д.М.* К истории лондонских переговоров А.И. Герцена и Н.Г. Чернышевского летом 1859 г. // *История России. Диалог российских и американских историков*. Саратов, 1994.

<sup>3</sup> См.: *Новикова Н.Н.* Революционеры 1861 г. М., 1968. С. 216; *Лебедев А.К.* К вопросу о жизненном окружении В.В. Стасова // *Искусство*. 1975. № 11. С. 65.

<sup>4</sup> Два родных брата идеолога революционного народничества и всемирного анархизма М.А. Бакунина.

<sup>5</sup> Подробно об этом деле см.: *Легкий Д.М.* Дело тверских мировых посредников 1862 г. в дореформенном суде // *Освободительное движение в России*. Саратов, 1999. Вып. 17. Тверские мировые посредники критиковали ограниченность крестьянской реформы 1861 г.

необходимость, в качестве мировых посредников, «людей независимых от посторонних влияний; иначе говоря, людей, имеющих собственное убеждение, следовательно высказывающих его»<sup>1</sup>.

Таким образом, уже тогда Стасов пытался внушить правящим верхам свою главную мысль: власть должна считаться с общественным мнением, а общество должно быть вправе ее критиковать, — только при таких взаимоотношениях между властью и обществом государство может считаться цивилизованным.

Сенат не принял «рукоприкладство» ходатаев во внимание и приговорил тверских мировых посредников к заключению в смирительном доме на сроки от двух лет и более. Но даже юридически неудачный исход этого дела не умалил его политической значимости. «Шаг сделан, — заявил Стасов, — и мы, четверо, — первые политические защитники в России»<sup>2</sup>.

Естественно поэтому, как только началась, с вводом в действие Судебных уставов 1864 г. (17 марта 1866 г.), запись кандидатов в присяжные поверенные, все четверо — и Стасов, и Спасович, и Арсеньев, и Гаевский — записались в числе первых<sup>3</sup>. 17 апреля 1866 г., в официальный день рождения присяжной адвокатуры, Стасов был принят в ее состав, а на первых же выборах первого (Петербургского) совета присяжных поверенных 2 мая того же года избран его председателем. В последний (третий) раз Петербургский совет избрал Дмитрия Васильевича своим председателем в 1911 г., когда ему шел 84-й год, и он оставался во главе Совета до 1914 г.

Сохранившаяся в архиве Стасова книга записей<sup>4</sup> позволяет установить, что он как адвокат провел 821 дело — едва ли не больше, чем кто-либо другой из российских адвокатов. «Он обладал всеми качествами выдающегося дебатера, — вспоминал о нем К.К. Арсеньев, — быстрою соображения, находчивостью, умением отличать существенное от несущественного, раскрывать противоречия, переходить от обороны к наступлению, твердо и всесторонне обосновывать окончательный вывод»<sup>5</sup>. Как оратор Стасов заметно уступал самым ярким корифеям отечественной адвокатуры (В.Д. Спасовичу и Ф.Н. Плевако, А.И. Урусову и Н.П. Карабчевскому, П.А. Александрову и С.А. Андреевскому). Мало сказать, что его ораторская манера была лишена внешних эффектов, —

<sup>1</sup> Цит. по: Легкий Д.М. Указ. соч. С. 96.

<sup>2</sup> Там же. С. 95.

<sup>3</sup> См.: *Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры»*. С. 60—65.

<sup>4</sup> См.: ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 362 (два тома в переплетах).

<sup>5</sup> Там же. Д. 419. Л. 6.

ей недоставало и масштабности, и образности, и эмоциональности. Стасов всегда говорил просто, невозмутимо и строго по существу дела, без философских и лирических отступлений, не козырял афоризмами, остротами, народными поговорками. Но каждая его речь была сильна логикой, стройностью, мобилизацией всех защитительных ресурсов, доказательностью. Поэтому он сразу занял почетное место в ряду лучших адвокатов России, а свойственные ему гражданское мужество и нравственная безупречность обеспечили ему репутацию одного из самых надежных столпов адвокатуры, блюстителя ее первоизданной чистоты. Дочь его, Елена Дмитриевна, имела основания заявить, что Дмитрий Васильевич был «совестью адвокатского сословия»<sup>1</sup>.

Из массы судебных дел, в которых принял участие присяжный поверенный Д.В. Стасов, особо должны быть выделены два столь разнотипных ряда, как политические и т. н. музыкальные дела.

На политическом процессе впервые в России адвокатура выступила летом 1866 г. — по делу революционно-народнической организации *ишутинцев*. Все в этом деле затрудняло действия адвокатов, слагаясь в тягчайшее для них испытание. Из ряда вон выходящим, небывалым в стране оказался предмет обвинения — попытка революционера (Д.В. Каракозова) убить царя. Дело слушалось в Верховном уголовном суде, т. е. в исключительной инстанции, судившей ранее декабристов и петрашевцев, при закрытых дверях (в Петропавловской крепости), во многом еще по-дореформенному, инквизиторски. Следствие по делу вела Чрезвычайная комиссия. Возглавляла ее граф М.Н. Муравьев-Виленский, снискавший себе за подавление Польского восстания 1863 г. прозвище *Вешатель*<sup>2</sup>. Он предвзято «уличил» 36 отданных под суд «крамольников», причем 11 из них, выделенных в первую группу, «всех обвинил на смерть»<sup>3</sup>. Суд в большинстве своем готов был идти за Муравьевым. Из 6 членов суда 4 были настроены палачески. Девяностолетний сенатор М.М. Корниолин-Пинский, едва увидев 11 подсудимых первой группы, сказал секретарю суда: «Все это — добыча виселицы»<sup>4</sup>.

Главное же, по свидетельству П.А. Валуева, бывшего тогда министром внутренних дел, сам государь Александр II, как и Муравьев, хотел бы и ожидал смертных приговоров *всем* обвиняемым первой

<sup>1</sup> Стасова Е.Д. Страницы жизни и борьбы. М., 1957. С. 10.

<sup>2</sup> Петербургский генерал-губернатор светлейший князь А.А. Суворов (внук генералиссимуса) называл М.Н. Муравьева «людоедом» (Голос минувшего. 1913. № 9. С. 243).

<sup>3</sup> Записки сенатора Я.Г. Есиповича // Русская старина. 1909. № 1. С. 133.

<sup>4</sup> Там же. № 2. С. 261, 273.

группы без исключения. Вот запись в дневнике Валуева от 20 августа 1866 г., за 11 дней до вынесения приговора по первой группе: «Утром был у меня Трепов<sup>1</sup>. Он занят приготовлением 11 виселиц, повозок, палачей и пр. *Все это по высочайшему повелению. Непостижимо! Суд еще судит...*»<sup>2</sup>

В таких условиях защитниками на процессе ишутинцев выступили 11 присяжных поверенных. Возглавлял защиту Д.В. Стасов<sup>3</sup>. Он был тогда самым авторитетным из адвокатов и защищал одного из двух главных обвиняемых, руководителя организации ишутинцев, самого Н.А. Ишутина, будучи избран подсудимым<sup>4</sup>. Перед началом процесса член суда (и — царской семьи) принц П.Г. Ольденбургский обратился к нему с таким пожеланием: «И охота вам защищать таких негодяев! <...> Желаю вам полного неуспеха!»<sup>5</sup>

Дмитрий Васильевич и не рассчитывал на «успех» в таком деле, но сделал все возможное для облегчения участи своего подзащитного, который не был причастен к попытке цареубийства, ибо Каракозов предпринял эту попытку без согласия организации, на свой страх и риск. Более того, Стасов представил всю ишутинскую организацию (очень близко к истине), как политическую «говорильню», участники которой, сплошь молодые люди, преимущественно студенты Московского университета, обсуждали все и вся с естественной для молодежи чуткостью к истории, религии, нравственности, политике. «Но без всякого сомнения, — подчеркивал Стасов, — то, что при этом говорилось, не считалось обязательным для тех, кто говорил, кто участвовал в обсуждении вопросов»<sup>6</sup>.

Суд приговорил к смертной казни и Каракозова, и Ишутина, но казнили одного Каракозова<sup>7</sup>. Над Ишутиным по приказу Александра II (как ранее над петрашевцами по приказу Николая I) проделали церемонию повешения, но не повесили (продержали на эшафоте в саване и с веревкой на шее 10 минут, а потом объявили о замене виселицы

<sup>1</sup> Петербургский градоначальник.

<sup>2</sup> Валуев П.А. Дневник. М., 1961. Т. 2. С. 144—145.

<sup>3</sup> Из выдающихся адвокатов в числе 11 можно назвать еще В.П. Гаевского, А.Н. Турчинова, В.В. Самарского-Быховца.

<sup>4</sup> Несостоявшийся цареубийца (кстати, двоюродный брат Н.А. Ишутина) Д.В. Каракозов, по имени которого процесс называют и каракозовским, имел защитника по назначению суда — малоизвестного адвоката А.П. Острякова.

<sup>5</sup> Стасов Д.В. Каракозовский процесс // Былое. 1906. № 4. С. 289.

<sup>6</sup> Покушение Каракозова. Стенографический отчет. М.; Л., 1930. Т. 2. С. 317.

<sup>7</sup> Очевидцем этой казни был друг семьи Стасовых великий живописец И.Е. Репин, оставивший воспоминания об увиденном и зарисовку с Каракозова перед казнью (см.: Репин И.Е. Далекое близкое. М., 1964. С. 201—212).

каторгой; палач, снимая с него веревку, ухмыльнулся: «Что, больше не будешь?»<sup>1</sup>. «К чему было заставлять человека испытывать весь ужас приближающейся казни, когда уже решено было его помиловать! — возмущался Стасов. — Этот же самый прием был применен и над петрашевцами, но ведь то было при Николае I!»<sup>2</sup>

Таким образом, на процессе ишутинцев адвокатура если и мало приобрела для своей репутации как правозащитного института, то не много и потеряла. А на следующем крупном политическом процессе по делу нечаевцев<sup>3</sup> она уже завоевала общественное признание. То был первый в России действительно гласный, в строгих рамках Судебных уставов 1864 г., процесс. Он шел в Петербургской судебной палате с 1 июля по 11 сентября 1871 г. открыто для публики. Отчеты о нем (включая полные тексты защитительных речей) печатались в газетах. Председатель суда тайный советник А.С. Любимов и оба прокурора — В.А. Половцов (родной брат Государственного секретаря) и П.А. Александров (будущий знаменитый адвокат) — вели дело добросовестно и гуманно, без пристрастия и озлобления, держась буквы закона и опоры на факты.

Власть на процессе нечаевцев рассчитывала дискредитировать, запятнать не только российское, но и международное социалистическое движение клеймом уголовщины. Такой расчет казался беспроигрышным, поскольку в руках карателей оказались такие козыри, как одиозно-экстремистский текст нечаевского «Катехизиса революционера», нечаевский же (фальшивый) мандат члена Интернационала и, особенно, юридически доказанный факт злодейского убийства Нечаевым студента И.И. Иванова. Однако защитники помогли обвиняемым доказать, что между самим Нечаевым и почти всеми нечаевцами, которых он вовлек в свою организацию, — кого обманом, кого хитростью, кого шантажом, — нет ничего общего, кроме стремления к социальной справедливости.

По числу подсудимых (79 человек) дело нечаевцев из всех (более 400) политических процессов в России XIX в. уступает только процессам декабристов и «193-х» народников. Защищали нечаевцев 23 адвоката (больше, чем на любом другом процессе века, кроме дела «193-х»), в том числе: Д.В. Стасов, В.Д. Спасович, А.И. Урусов, В.И. Танеев, К.К. Арсеньев, А.М. Унковский, В.Н. Герард, Е.И. Утин, А.А. Ольхин и др. Сами обвиня-

<sup>1</sup> Худяков И.А. Опыт автобиографии. Женева, 1882. С. 171.

<sup>2</sup> Стасов Д.В. Указ. соч. С. 290.

<sup>3</sup> Так назвали участников революционной организации «Народная расправа», которую создавал и возглавил С.Г. Нечаев.

емые и, солидарно с ними, их защитники смогли убедить суд в том, что убийство Иванова было спровоцировано Нечаевым, который и привлек к соучастию в убийстве четырех подручных; пресловутый «Катехизис революционера» Нечаев никому в организации даже не показывал, и почти все нечаевцы, хотя и были убеждены в «негодности настоящего общественного строя», предполагали бороться с ним ненасильственными средствами<sup>1</sup>.

Самыми яркими на процессе были защитительные речи В.Д. Спасовича и А.И. Урусова<sup>2</sup>. Стасов рядом с ними выглядел скромнее, но все же боролся с обвинением за своих подзащитных<sup>3</sup> активно и, главное, умело. В частности, он опроверг стандартный довод обвинения, что коль скоро подсудимые читали какие-то прокламации, то, значит, разделяли их идеи, а если передавали кому-то — значит, распространяли. «Каждый из нас, — говорил Дмитрий Васильевич, — читает различные книги. Неужели мы разделяем и обязаны разделять мысли каждой прочитанной! <...> Из того, что человек, прочитав прокламацию, передал ее другому, нельзя заключить, что он распространял прокламацию и сочувствовал тому, что в ней написано. Точно так же, если я получил прокламацию, из этого вовсе не следует, что я ей сочувствовал»<sup>4</sup>.

Защита на процессе нечаевцев, безусловно, сыграла немалую роль в том, что расчеты осрамить подсудимых перед Россией и Европой были сорваны. Процесс вскрыл одиозность нечаевщины (т. е. методов деятельности самого Нечаева), но привлек общественные симпатии к нечаевцам и к той идее коренного преобразования России, которую отстаивали нечаевцы. Именно под впечатлением этого процесса начался поворот общественного мнения в пользу адвокатуры. Завершился он с чередой нашумевших процессов 1877—1878 гг. На самом крупном из них — по делу «193-х» — Стасов был среди защитников одной из главных фигур.

Процесс «193-х» по масштабам дела и по числу подсудимых (а также их адвокатов) был крупнейшим политическим процессом за всю историю царской России. Власть судила на нем массовое «хождение в народ» 1874 г. Тогда в 37 губерниях страны были арестованы 8 тыс. пропагандистов, дознание и следствие затянулось на 3,5 года, после чего

<sup>1</sup> Подробно см.: *Нечаев и нечаевцы*. Сборник материалов. М., 1931. С. 166—167.

<sup>2</sup> См. о них далее в специальных очерках о Спасовиче и Урусове.

<sup>3</sup> Это были рядовые нечаевцы: В.В. Александровская, Н.С. Долгов, Н.Н. Римский-Корсаков, Л.А. Топорков. Двух последних суд оправдал.

<sup>4</sup> Правительственный вестник. 1871. 1 (13) августа. С. 2.

скамью подсудимых заняли 193 наиболее опасных «крамольника»<sup>1</sup>. Все они были объявлены членами единого «преступного сообщества», хотя в действительности представляли до 40 различных кружков, а все «сообщество» обвинялось в том, что оно готовило «ниспровержение государственного устройства» с кровавым намерением «перерезать всех чиновников и зажиточных людей»<sup>2</sup>.

Процесс шел в Особом присутствии Правительствующего сената (ОППС) больше трех месяцев, с 18 октября 1877 по 23 января 1878 г. Подсудимые (отчасти именно потому, что их было так много) повели себя активнее, чем когда-либо в истории царского суда. Мало того что ни один из них не раскаялся, 62 — отказались от защиты, а 120 — бойкотировали суд, как только выяснилось, что публичность процесса ограничена с мотивировкой «ввиду недостаточности помещения»<sup>3</sup>. Они устраивали в зале суда массовые протесты, выделили из своей среды феноменального оратора — Ипполита Мышкина, буквально потрясшего слушателей «наиболее революционной речью, которую когда-либо слышали стены русских судов»<sup>4</sup>, и даже вступили в рукопашную схватку с жандармами.

На таком процессе только зрелый радикализм убеждений и гражданское мужество вкупе с чисто профессиональным (без оглядки на кого бы и что бы то ни было) исполнением служебного долга позволили бы адвокату выразить свою солидарность с подсудимыми. И она это сделала.

Никогда в истории России, ни раньше, ни позже, состав защиты на политическом процессе не был таким блистательным, как на процессе «193-х». За редким исключением, здесь выступили самые выдающиеся адвокаты (всего — 35): Д.В. Стасов, В.Д. Спасович, П.А. Александров, В.Н. Герард, Е.И. Утин, Г.В. Бардовский, А.Я. Пассовер, А.Л. Боровиковский, П.А. Потехин, Н.П. Карабчевский и др. Все они опровергали попытки обвинения, желавшего выставить участников «хождения в народ» злодеями-головорезами. На деле, при всей революционности идей народников, их «хождение» к крестьянам было мирной пропагандистско-просветительной акцией. Но власть, недовольная исходом нечаевского процесса, ужесточила карательную систему (учредив в

<sup>1</sup> Подробно о процессе «193-х» см.: *Троицкий Н.А. Безумство храбрых*. М., 1978. С. 80—81, 118—124.

<sup>2</sup> *Государственные преступления в России в XIX веке*. СПб., 1906. Т. 3. С. 9—10, 104, 241.

<sup>3</sup> *Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего сената*. СПб., 1878. Т. 1. С. 11.

<sup>4</sup> С. *Стеньяк-Кравчинский* об Ипполите Мышкине (публ. В.С. Антонова) // *Русская литература*. 1963. № 2. С. 161.

1872 г. ОППС)<sup>1</sup> и вознамерилась использовать процесс «193-х» для запугивания инакомыслящих и отторжения от них общественных симпатий. Поскольку единственным оружием 193 «головорезов» было слово — устное и печатное, — каратели, не находя других улик, попытались представить преступно-опасными для государства их разговоры и книги<sup>2</sup>.

Стасов, как и другие адвокаты, разоблачал предвзятость и юридическую несостоятельность такого обвинения: «Все то, что занимает общество и будет занимать его, будет всегда интересовать и молодежь. <...> Когда касаешься таких серьезных вещей, как вопрос об общинном владении, самоуправлении, то является масса мыслей, соображений, которые так тесно между собой связаны, что обойти их невозможно. По мнению г. прокурора, эти мысли преступны, их нельзя касаться. Но как сделать, чтобы не касаться извечных вопросов?»<sup>3</sup> Подчеркнув, что «хождение в народ» было результатом «естественного ее (народнической молодежи. — Н. Т.) побуждения сблизиться с народом», Дмитрий Васильевич предупреждал власти об опасности для них самих неоправданных репрессий и категорически провозглашал: «Никакие политические процессы, никакие заключения не остановят того хода мысли, который есть неотъемлемое достояние жизни общества в данный момент его исторического развития»<sup>4</sup>.

Стасов защищал на процессе «193-х» 8 народников-пропагандистов из разных кружков<sup>5</sup>, не вступался по ходу процесса и за других обвиняемых. Когда Мышкин выступал со скамьи подсудимых с революционной речью (а по закону он был *вправе* как обвиняемый защищать свои убеждения), жандармы бросились к нему, расталкивая по пути других подсудимых и пытаясь зажать оратору рот. Стасов, Г.В. Бардовский и Е.И. Утин обступили председателя суда и требовали занести в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Процесс «193-х» вели инаправный председатель суда К.К. Петерс и прокурор В.А. Желеховский (по словам А.Ф. Зони, «воплощенная желчь») — не чета А.С. Любимову, В.А. Поговцову и П.А. Александрову.

<sup>2</sup> Корреспондент английской газеты «Таймс» уехал из Петербурга после двух дней суда, заявив: «Я присутствую здесь вот уже два дня и слышу только, что один прочитал Лассаля, другой без с собой в вагоне «Капитал» Маркса, а третий просто передал какую-то книгу своему товарищу» (цит. по: *Внушков Б.С. Узник Шлиссельбурга. Ярославль, 1969. С. 28*).

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 236.

<sup>4</sup> ИРАИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 379. Л. 48 об. (собственноручная запись речи Д.В. Стасова).

<sup>5</sup> Вот их имена: А.А. Александровский, И.И. Ареопагитский, И.И. Добров, П.В. Кротонов, П.В. Курдюмов, М.Н. Милогодовкин, А.А. Пономарев, В.И. Сабелькин.

<sup>6</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 114. Ч. 16. Т. 1. Л. 553 об. (всеподданнейший доклад III отделения от 19 ноября 1877 г.).

Опровергнув многое из постулатов и аргументов обвинения по делу «193-х», защита в какой-то мере вынудила сенаторов смягчить приговор сравнительно с тем, на что рассчитывали правящие верхи. Да, 28 каторжных приговоров со сроками до 10 лет за свободное слово поразили своей жестокостью всю Европу. «То самое, что делается совершенно свободно в любом западноевропейском государстве, — отмечал тогда С.М. Степняк-Кравчинский, — у нас наказываются наравне с убийством»<sup>1</sup>. Но с другой стороны, 90 подсудимых были оправданы<sup>2</sup>. Александр II, однако, повелел 90 подсудимых из оправданных судом отправить в административную ссылку<sup>3</sup>. «Это, — вспоминал В.Г. Короленко, — произвело самое отрицательное впечатление даже на нейтральное общество и, может быть, решило участь Александра II»<sup>4</sup>.

Действительно, процесс «193-х» крайне озлобил народников. Дело не только в каторжных приговорах суда и в бессудной жестокости царя, но и в том, что все 3,5 года дознания и следствия обвиняемые томилась в жутких условиях, теряли здоровье и погибали (к началу процесса власти официально насчитали среди них 93 случая самоубийств, умопомешательства и смерти<sup>5</sup>). Не случайно сразу после этого процесса народники постепенно стали переходить к отдельным актам «красного террора», а царизм на первые же выстрелы — Веры Засулич в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова (градоначальник был ранен) и Ивана Ковальского в жандармов, которые пришли арестовать его (ранил троих), — власть военизировала свою карательную систему. С 19 июля 1878 г. политические дела в стране решали, главным образом, военные суды, не скупившиеся на смертные приговоры, причем Александр II, узнав о приговорах к расстрелу, повелел: «В таких случаях соответственнее назначать повешение»<sup>6</sup>. В результате уже за 1878—1879 гг. были повешены 18 народников<sup>7</sup>, Александр II

<sup>1</sup> *Степняк-Кравчинский С.М.* Избранное. М., 1972. С. 401. Предумышленное убийство без отягчающих вину обстоятельств каралось тогда в России каторгой от 8 до 12 лет (Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 7-е изд. СПб., 1892. Ст. 1455).

<sup>2</sup> Двое подзащитных Стасова (Кротонов и Сабелькин) умерли во время суда, Доброву был вменен в наказание предварительный арест, пятеро оправданы.

<sup>3</sup> См. об этом: *Левин Ш.М.* Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т. 5.

<sup>4</sup> *Короленко В.Г.* История моего современника. М., 1965. С. 712.

<sup>5</sup> См.: *Татищев С.С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 2. С. 549.

<sup>6</sup> *Венедиктов Д.Г.* Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930. С. 27.

<sup>7</sup> Вешали тогда людей за недоказанный «умысел» на царевубийство (как учителя С.Я. Виттенберга и матроса И.И. Логовенко), за передачу собственных денег в революционную казну (как помещика Д.А. Лизогуба) и даже за «имение у себя» нелегальных прокламаций (как студента И.И. Розовского). Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. С. 195, 198—200.

нелегальной прессой «разжалован» из «Освободителя» в «Вешателя», а возникшая осенью 1879 г. партия «Народная воля» вынесла ему смертный приговор.

Стасову довелось выступить защитником на первом же из череды военно-судных процессов со смертными приговорами. То был процесс народника И.М. Ковальского и шести участников его кружка в Одесском военно-окружном суде 19—24 июля 1878 г. Самого Ковальского защищал Г.В. Бардовский. Стасов взял на себя защиту самых юных кружковцев — 20-летнего Н.А. Виташевского и 22-летнего В.Д. Кленова. Подсудимые вспоминали о своих защитниках так: «Оба они сражались за нас, как львы», произнесли «мужественные, блестящие и потрясающие речи»<sup>1</sup>.

Тексты речей Стасова и Бардовского до нас не дошли. Мы можем судить об их содержании лишь по отзывам слушателей — подсудимых и других лиц, проникших в зал суда по билетам для избранной публики. Так, защитники изобличали предвзятость суда, указывая на то, что «единственными свидетелями обвинения являются полицейские»<sup>2</sup>, а главное, осуждали карательный террор как варварское и к тому же тщетное средство борьбы с «крамолой». «Смертная казнь, — говорил Стасов, — никого не устрашает и ничего не доказывает»<sup>3</sup>.

За два дня до окончания этого процесса одесский военный губернатор граф В.В. Левашов с тревогой телеграфировал министру внутренних дел: «Защитники подсудимых употребляют все усилия к изображению в предосудительном виде действий по настоящему делу жандармов, полицейских чинов и вообще начальствующих лиц»<sup>4</sup>. Сам Александр II «изволил отнестись с особенным неудовольствием к подобному направлению защитников»<sup>5</sup>.

Ковальский был приговорен к смертной казни, Виташевский и Кленов — к 4 годам каторги. «Хочу сказать, что исполнил все самым добросовестным образом, — написал Стасов жене после оглашения приговора, — но когда суд не судит, а исполняет приказания сверху, или до того напуган, что теряет голову <...>, ничего не поделаешь»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Виташевский Н.А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // Былое. 1906. № 2. С. 239; Лион С.Е. Первая вооруженная демонстрация // Каторга и ссылка. 1928. № 8—9. С. 73.

<sup>2</sup> Чернявская-Бохановская Г.Ф. Автобиография // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 57.

<sup>3</sup> Цит. по: Легкий Д.М. Указ. дисс. С. 283.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1147. Л. 2.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 95. Л. 100—100 об. (министр внутренних дел А.С. Маков — шефу жандармов Н.В. Мезенцову).

<sup>6</sup> Цит. по: Легкий Д.М. Указ. дисс. С. 283.

Казнь Ковальского — первая политическая казнь в России с 1866 г., когда был казнен Д.В. Каракозов, — а затем последовавшие за ней 17 виселиц кряду обострили до крайности противостояние власти и «крамолы», «белого» и «красного» террора.

Стасов к тому времени уже прослыл в официальных кругах очень «неблагонадежным», почти «красным». III отделение после ареста и увольнения Дмитрия Васильевича с государственной службы в 1861 г. держало его под неусыпным секретным надзором<sup>1</sup>, а его защитительные выступления на процессах «193-х» и кружка И.М. Ковальского усугубили сыскной интерес к нему «сверху». Через считанные часы после неудачного покушения народника А.К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г. Стасов вновь был арестован в числе не одной сотни «подозрительных лиц». Причину его ареста шеф жандармов А.Р. Дренгельн в докладе царю объяснил так: «вследствие агентурных сведений»<sup>2</sup>. П.С. Стасова вспоминала, что, по этим «сведениям», «какой-то генерал барон Остен-Сакен видел из окна своей квартиры на Мойке, как Дмитрий стоял на Невском мосту и как бы следил за направлением выстрела!»<sup>3</sup> Карательный психоз тогда, между прочим, выразился в том, что на улицах Петербурга, по свидетельству А.М. Унковского, «было запрещено продавать и выкрикивать *«соловьев»*»<sup>4</sup>. Продержав Стасова в тюрьме три недели, власти освободили его под залог в 15 тыс. рублей.

Не прошло и года, как Стасов был арестован в третий раз. 26 февраля 1880 г. «полуимператор» граф М.Т. Лорис-Меликов уведомил министра внутренних дел Л.С. Макова: «Пребывание Д.В. Стасова в столице признано мною вредным»<sup>5</sup>, после чего Дмитрий Васильевич был выслан в Тулу. Здесь нужно отдать должное корпоративной солидарности Петербургского совета присяжных поверенных: в апреле 1880 г., когда Стасов был в ссылке, Совет почти единогласно избрал его своим членом<sup>6</sup>. Лишь в августе того года Лорис-Меликов разрешил Стасову «вернуться на жительство в Санкт-Петербург с учреждением за ним негласного полицейского наблюдения»<sup>7</sup>. И далее политический сыск не оставлял Дмитрия Васильевича в покое. Пресловутая «Святая

<sup>1</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 888. Л. 1—9. Ср.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 177.

<sup>2</sup> Цит. по: Лебедев А.К., Солодовников А.В. Указ. соч. С. 79.

<sup>3</sup> Цит. по: Леский Д.М. Указ. дисс. С. 131.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 640. Л. 10—10 об.

<sup>6</sup> См.: Леский Д.М. Указ. дисс. С. 134.

<sup>7</sup> РГИА. Ф. 569. Оп. 6. Д. 256. Л. 113.

дружина», созданная при Александре III для борьбы с народовольческой «крамоллой», разыскивая в 1881—1882 гг. членов Исполнительного комитета «Народной воли», «подозревала в качестве такового» и Стасова<sup>1</sup>.

Негласный надзор за Стасовым перешел и в новый век. Так, в ноябре 1900 г. полиция нагрянула домой к Стасову, чтобы переписать собравшихся у него лиц, «давно известных своею крайнею политической неблагонадежностью», среди которых оказались П.Б. Струве, М.И. Туган-Барановский, П.П. Маслов (видный социал-демократ, будущий академик АН СССР), графиня С.В. Панина (впоследствии член ЦК Конституционно-демократической партии и министр Временного правительства 1917 г.)<sup>2</sup>. В жандармских кругах считали даже, что «у Стасовых противуправительственное направление — семейный недуг»<sup>3</sup>.

Со временем выяснилось, что власть сильно преувеличивала будто бы исходившую от Стасова «красную» опасность. Да, Дмитрий Васильевич был вольнодумцем, склонным к радикализму либералом, но не революционером. Ему претили и правые и левые крайности, хотя общий его настрой по отношению к власти всегда был оппозиционным. По воспоминаниям его жены и дочерей, библиотека Дмитрия Васильевича включала в себя литературу преимущественно критическую: собрания сочинений Гоголя и Щедрина, Тургенева и Льва Толстого, «почти все сочинения» Герцена и Чернышевского, книги западноевропейских социалистов Р. Оуэна, Ф. Лассалья, Ф. Меринга<sup>4</sup>. Его оппозиционность ярко проявлялась на политических процессах, когда он защищал народников. Известно, что он за собственный счет поместил своего подзащитного В.И. Сабелькина в Мариинскую больницу<sup>5</sup>, выступал поручителем (с внесением денежного залога) за освобожденных из тюрьмы по болезни С.В. Мокиевского-Зубка<sup>6</sup> и приговоренного по делу «193-х» к 9 годам каторги И.И. Добровольского. С согласия Дмитрия Васильевича Добровольский, взятый им в январе 1878 г. на поруки под залог в 10 тыс. рублей, бежал за границу, и лишь в 1883 г. друзья беглеца, сест-

<sup>1</sup> См.: ИРЛИ РО. Ф. 661. Д. 19. Л. 8 (Лемке М.К. «Святая дружина» — неопубликованная монография).

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102.00.1900. Д. 1130 («О собрании у статского советника Дмитрия Васильева Стасова»). Л. 1—8.

<sup>3</sup> Цит. по: Легкий Д.М. Указ. дисс. С. 125.

<sup>4</sup> При обыске у Стасова 2 апреля 1879 г. была изъята «целая коллекция «Колокола» Герцена и приложений к нему «Под суд» (ИРЛИ РО. Ф. 294. ОП. 5. Д. 414. Л. 70: воспоминания П.С. Стасовой).

<sup>5</sup> См. там же. Л. 95—96.

<sup>6</sup> См. там же. Д. 328. Л. 1.

ры Корниловы, выплатили Стасову 5 тыс. в частичную компенсацию за его потерянный залог<sup>1</sup>.

Симпатизируя личностям народников (за редким исключением), их бескорыстию, самоотверженности и даже их социалистическим идеалам, Стасов вместе с тем сурово осуждал революционные крайности, связанные с насилием. По воспоминаниям В.Д. Комаровой, Дмитрий Васильевич о таком революционере, как Л.Г. Дейч (впоследствии один из первых в России марксистов, член плехановской группы «Освобождение труда» и меньшевистской фракции РСДРП), «не мог говорить без отвращения, так как это был тот, кто облил серной кислотой (!!)

какого-то предателя»<sup>2</sup>. При всей своей «неблагонадежности» Стасов уважительно относился к Александру П<sup>3</sup> и потому особо был возмущен царубийством 1 марта 1881 г.: «Какая мерзость! Ах, какая мерзость!»<sup>4</sup> — восклицал он.

Впрочем, осудив царубийство (как самую «мерзостную» крайность революции), Стасов не перестал ни сочувствовать противникам самодержавия, ни фрондировать против, не отказываясь даже от правовой защиты народовольцев (царубийцу!). Он вообще стремился поступать «по принципу — нельзя и не должно оставлять несчастных политических подсудимых без защитников»<sup>5</sup>. Правда, ему не довелось выступить на крупных процессах «20-ти» (1882) и «14-ти» (1884), хотя главная обвиняемая по делу «14-ти» Вера Фигнер и один из «20-ти» Александр Баранников выбирали именно его своим защитником<sup>6</sup>: суд назначил и Баранникову и Фигнер других защитников. Единственным после 1881 г. (тоже очень значимым) политическим процессом с его участием стал процесс «17-ти» в ОППС весной 1883 г.

В числе 17 народовольцев судились тогда 7 членов и 2 агента Исполнительного комитета. Стасов защищал самого авторитетного среди них — М.Ф. Грачевского, с которым он был по-доброму знаком с 70-х годов<sup>7</sup>. Собравшаяся здесь (последний раз в XIX в.) элита присяж-

<sup>1</sup> См. об этом: ИРАИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 330. Л. 1; Оп. 5. Д. 414. Л. 97.

<sup>2</sup> Там же. Оп. 8. Д. 314. Л. 46 об. 10 июля 1876 г. народники Л.Г. Дейч и В.А. Малинка (вскоре после этого казненный) ранили предателя Н.Е. Гориновича и, полагая, что он убит, облили его лицо серной кислотой, чтобы сделать «труп» неузнаваемым.

<sup>3</sup> «Монарху, сделавшему так много для своего народа, многое можно простить», — говорил Стасов дочери Варваре (ИРАИ РО. Ф. 294. Оп. 8. Д. 314. Л. 46).

<sup>4</sup> Там же. Л. 48.

<sup>5</sup> Цит. по: *Легкий Д.М.* Д.В. Стасов. Исторический портрет // Вопросы истории. 2003. № 7. С. 60.

<sup>6</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 3. Д. 51. Ч. 1. Л. 104; *Народовольцу А.И. Баранникову в его письмах*. М., 1935. С. 119.

<sup>7</sup> См.: *Троицкий Н.А.* Письмо М.Ф. Грачевского к Д.В. Стасову // Советские архивы. 1979. № 5.

ных поверенных<sup>1</sup> смело и, главное, юридически умело разоблачала натяжки и домыслы обвинения, но не могла спасти главных из обвиняемых от смертных приговоров, ибо сама принадлежность к «Народной воле» была чревата виселицей. В результате Грачевский и еще пятеро подсудимых<sup>2</sup> были приговорены к смертной казни. Два месяца они содержались в камерах смертников, а после коронации Александра III виселица была им заменена пожизненным заточением в Шлиссельбургской каторжной тюрьме. Там все шестеро погибли в первые же пять лет, причем Грачевский 26 октября 1887 г. сжег себя в знак протеста против условий содержания каторжан.

Не довольствуясь юридической защитой врагов самодержавия, Стасов многократно принимал участие и в политических акциях антиправительственного характера. В 1898 г. он подписал коллективное заявление 99 лиц на имя министра внутренних дел И.А. Горемыкина с протестом против избияния учащейся молодежи, в 1901 г. — протест Союза взаимопомощи русских писателей (вместе с Максимом Горьким) против жестокого разгона мирной студенческой демонстрации, а в 1904 г. — резолюцию 676 «представителей интеллигентных профессий» (вместе с писателями, учеными, деятелями искусств: В.Г. Короленко, В.И. Семеvским, Е.В. Тарле, М.Ф. Андреевой и др.) и резолюцию 400 адвокатов с требованием политических свобод<sup>3</sup>.

И все-таки важнее для Стасова была общественная, а не политическая активность. Он, пожалуй, как никто из адвокатов имел широчайшие связи во всех сферах отечественной культуры (отчасти благодаря своему брату Владимиру — этому, по словам И.Е. Репина, «первому лицу огромного семейства», рыцарю всех искусств<sup>4</sup>). Дмитрий Васильевич был одним из основателей и автором уставов Русского музыкального общества 1859 г. и первой в России Петербургской консерватории (1862), с 1870 г. состоял в руководстве Общества земледельческих колоний и ремесленных приютов, участвовал в создании Общества помощи литераторам и ученым, Общества поощрения художников, Общества для вспомоществования медичкам и педагогичкам<sup>5</sup>, с 1880 г. был

<sup>1</sup> Д.В. Стасов, В.Д. Спасович, П.А. Александров, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский, Н.И. Холева, Е.И. Кедрин и др.

<sup>2</sup> Вот их имена: Ю.Н. Богданович, А.В. Буцевич, С.С. Златопольский, М.Ф. Клименко, П.А. Теллаалов.

<sup>3</sup> Подробно см.: *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг. Тула, 2000. С. 208—211.

<sup>4</sup> См.: *Репин И.Е.* Далекое близкое. С. 283, 289.

<sup>5</sup> Председателем этого общества был Д.В. Стасов, а казначеем — классик отечественной музыки А.П. Бородин.

членом комитета «Невского попечительства для призрения и воспитания детей убитых и раненых воинов» и петербургской Комиссии по народному образованию, а в начале XX в. возглавил Общество помощи в чтении больным и бедным<sup>1</sup>. В Петербурге пореформенных десятилетий не было, пожалуй, такого общественного начинания, в котором Стасов не принял бы участия. Александр II, невзлюбивший Дмитрия Васильевича со времени его первого ареста, однажды выругался: «Плюнуть нельзя, чтобы не попасть в Стасова!»<sup>2</sup>

Как и его брат Владимир, Д.В. Стасов был близко знаком со многими писателями, включая таких классиков русской литературы, как Л.Н. Толстой, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин. Тургенев рискнул даже посетить ссыльного Дмитрия Васильевича в Туле 1 мая 1880 г.<sup>3</sup>

Но главным образом личные и деловые связи Стасова сближали его (кроме адвокатуры, естественно) с миром искусств. Крупнейшие мастера отечественной музыки и живописи были его друзьями. М.И. Глинка называл его «мой любезный великан», принимал от него советы и давал ему поручения. Именно «по настоянию и по плану Стасова» Глинка стал писать свои «Записки», отданные затем ему же на хранение<sup>4</sup>. Позднее Стасов был в добрых отношениях с А.С. Даргомыжским и дружил со всеми композиторами Могучей кучки. В 1870—1880-е годы в доме Стасова на Фурштатской улице в Петербурге (ныне улица Петра Лаврова, 20) по четвергам собирались на музыкальные вечера М.П. Мусоргский и А.П. Бородин, Н.А. Римский-Корсаков и М.А. Балакирев, А.Г. и Н.Г. Рубинштейны, А.К. Лядов и А.К. Глазунов, известные певцы, скрипачи, пианисты<sup>5</sup>.

Был знаком Дмитрий Васильевич с корифеями зарубежной музыки. Немецкая пианистка Клара Шуман подарила ему автограф своего мужа, композитора Роберта Шумана и собственный портрет, а французский композитор Гектор Берлиоз — свой портрет с дарственной надписью. Сам отличный пианист, Стасов аккомпанировал при встречах с приезжавшими в Россию знаменитыми певцами Луиджи Лаблашу (Италия) и Полине Виардо (Франция)<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Подробно об этом: *Легкий Д.М.* Указ. дисс. С. 145—196.

<sup>2</sup> *Стасова Е.Д.* Страницы жизни и борьбы. М., 1988. С. 13.

<sup>3</sup> См.: *Легкий Д.М.* И.С. Тургенев в воспоминаниях Д.В. Стасова // Исторический архив. 2000. № 1.

<sup>4</sup> См.: *Глинка М.И.* Литературные произведения и переписка. М., 1975. Т. 1. С. 13; Т. 2—6. С. 138, 375.

<sup>5</sup> См.: *Комарова В.Д.* Из детских воспоминаний о великих людях // Музыкальное наследство. 1970. Т. 3. С. 259.

<sup>6</sup> См.: *Легкий Д.М.* Указ. дисс. С. 170, 172.

На стасовские «четверги» собирались не только музыканты, но и художники (И.Е. Репин, И.Н. Крамской, В.В. Верещагин, В.А. Серов), скульпторы (М.М. Антокольский, И.Я. Гинцбург). Серов написал портрет самого Дмитрия Васильевича (украшивший зал заседаний Петербургского совета присяжных поверенных), Репин — портрет жены Стасова, Поликсены Степановны, И.Н. Крамской и К.Е. Маковский — портреты их детей: Варвары, Зинаиды, Сергея. Гинцбург же создал скульптурный портрет Стасова.

У себя дома Дмитрий Васильевич собрал ценную коллекцию картин и скульптур русских художников («Тройка» В.Г. Перова, «Осужденный» В.Е. Маковского, «Иван Грозный» М.М. Антокольского, портреты Репина, Крамского, Серова и др.)<sup>1</sup>. Значительную часть коллекции Стасов и его дочь В.Д. Комарова передали в дар Русскому музею и Третьяковской галерее.

Как адвокат Д.В. Стасов оказывал друзьям из мира искусств бесценную юридическую помощь. В частности, он выиграл три очень значимых «музыкальных» процесса. Дважды, в 1866 и 1868 гг., ему пришлось иметь дело в судах против издателя Ф.Т. Стелловского — малограмотного и алчного купца, которого жена Ф.М. Достоевского, Анна Григорьевна, называла «хищником», «хитрым и ловким эксплуататором наших литераторов и музыкантов» (М.И. Глинки, Ф.М. Достоевского, А.Ф. Писемского и др.); «он умел подстергать людей в тяжелые минуты и ловить их в свои сети»<sup>2</sup>.

Стелловский, обязавшийся ранее издать за четыре года партитуры обеих опер Глинки, но не сделавший этого и за пять лет, пытался присвоить себе издательские права на все вообще сочинения композитора. Сестра Глинки Л.И. Шестакова предъявила судебный иск к издателю, а тот измыслил встречный иск о взыскании с Шестаковой неустойки за то, что она якобы обязалась, но не доставила Стелловскому оригиналы глинкинских сочинений. М.А. Балакирев обратился к Стасову с просьбой поддержать иск Шестаковой. «Напрягите Ваши адвокатские способности! — зывал Милий Алексеевич, возмущаясь при этом: — Ну и Стелловский! Как это такие подлецы рождаются на свет!»<sup>3</sup> Как ни изворачивался Стелловский, затянув дело до 1869 г., выиграл Стасов.

<sup>1</sup> См.: *Гинцбург И.Я.* Д.В. Стасов. Из личных воспоминаний // Гинцбург И.Я. Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964. С. 137.

<sup>2</sup> *Достоевская А.Г.* Из воспоминаний // Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. 2. С. 19.

<sup>3</sup> Подробно о «музыкальных» делах Д.В. Стасова см. указ. дисс. Д.М. Легкого (С. 290—295).

У того же Стелловского Дмитрий Васильевич в 1868 г. выиграл другой процесс — в пользу А.С. Даргомыжского, хотя на этот раз изворотливый купец привлек к защите своих интересов выдающегося адвоката В.И. Танеева. Попытку Стелловского взыскать с Даргомыжского проспектальную плату за десять лет представления на сцене оперы «Русалка» (на том основании, что Даргомыжский в 1858 г. доверил Стелловскому издание ее партитуры) суд признал незаконной.

В 1879 и 1881 гг. Стасов дважды вел дела П.И. Чайковского и его издателя П.И. Юргенсона<sup>1</sup> против директора придворной певческой капеллы Н.И. Бахметева и московского обер-полицмейстера А.А. Козлова (будущего начальника отдельного Корпуса жандармов и московского генерал-губернатора). Придворный и полицейский сановник конфисковали изданную Юргенсоном «Литургию Иоанна Златоуста» Чайковского, ссылаясь при этом на частные постановления Синода 1816 и 1846 гг. Стасов выиграл и оба этих дела.

Биограф Стасова Д.М. Легкий справедливо заключает, что «музыкальные» дела Дмитрия Васильевича «послужили решающим поводом к принятию в 1882 г. закона об авторском праве музыкантов и композиторов с продажей авторских прав на 50 лет и совершенно иными нормами вознаграждения»<sup>2</sup>.

Репутация Д.В. Стасова как *патриарха* и *совести* адвокатского сословия в России была, по сути дела, незыблемой. Кричащим диссонансом общему мнению прозвучала оценка И.В. Гессена (юриста и политика, члена ЦК партии кадетов): «Стасов сам по себе был представителем типичной заурядности, она гениально запечатлена на знаменитом портрете Серова», но «из него сделали икону шестидесятых годов»<sup>3</sup>. Факты и документы свидетельствуют, что Стасова равно уважали и высоко ценили не только корифеи адвокатуры первого призыва, но и лидеры «молодой адвокатуры» начала XX в. В дни празднования 50-летия Судебных уставов 1864 г. от имени сословия ему «поднесли золотой знак присяжного поверенного, единственный во всей России», и образовали капитал его имени в поддержку адвокатуры<sup>4</sup>. К 50-летию адвокатской деятельности самого Дмитрия Васильевича Петербургский и Казанский советы присяжных поверенных адресовали ему восторженные приветствия.

<sup>1</sup> Юргенсон Петр Иванович (1836—1903) ранее был приказчиком у Ф.Т. Стелловского, но, в отличие от своего патрона, глубоко порядочным человеком. С 1861 г. возглавлял собственное нотное издательство — крупнейшее в России.

<sup>2</sup> Легкий Д.М. Указ. дисс. С. 295.

<sup>3</sup> Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 407.

<sup>4</sup> См.: Петроградская газета, Русские ведомости, Русское слово, День. 1916. 17—18 апреля.

Петербургский адрес, в частности, гласил: «Ваша и Ваших товарищей мужественная борьба очистила путь для последующих политических защитников»<sup>1</sup>.

Дмитрий Васильевич Стасов умер 28 апреля 1918 г. в революционном Петрограде. Ему шел тогда 91-й год. Похоронили его на Тихвинском кладбище Александро-Невской лавры, рядом с отцом, сестрами и братьями.

На вечере памяти Д.В. Стасова 8 июня 1918 г. знаменитые адвокаты А.С. Зарудный и М.Л. Гольдштейн говорили о нем как о «славнейшем из славных», «вожде и герое» адвокатуры. Зарудный закончил свою речь такими словами: «У человечества был издавна полезный обычай чтить своих святых, на иконы которых люди молятся. И вот таким в нашей среде адвокатов *святым* мы должны почитать Дмитрия Васильевича»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> День. 1916. 18 апреля. Казанский адрес см.: ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 605. Л. 26.

<sup>2</sup> ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 604. Л. 106. Речь М.Л. Гольдштейна см. там же (Л. 59). Эти сведения любезно сообщил мне Д.М. Легкий.



## ВЛАДИМИР ДАНИЛОВИЧ СПАСОВИЧ (1829—1906)

Если Д.В. Стасов воспринимался в России как патриарх и совесть адвокатской корпорации, то «королем адвокатуры», «величайшим русским адвокатом» современники единодушно признавали В.Д. Спасовича<sup>1</sup>. «Талант из ряда вон, сила»<sup>2</sup>, — отзывался о нем Ф.М. Достоевский, который адвокатов терпеть не мог. Ученый «с неограниченным кругозором»<sup>3</sup>, криминалист и литературовед, историк и философ, доктор прав, автор первого в России учебника по уголовному праву, профессор Петербургского университета, Спасович, вступив в адвокатуру, занял в ней первое, «королевское» место и до конца своих дней не уступил его никому. «Как Иисус Навин остановил солнце, так вы остановили номер первый!»<sup>4</sup> — с такими словами обратился к Спасовичу на его юбилее 31 мая 1891 г. корифей отечественной адвокатуры С.А. Андреевский.

Удивительно, что о Спасовиче (как, впрочем, и о Д.В. Стасове) до сих пор нет ни одной монографии, кроме довольно поверхностной брошюры Е.А. Скрипилева, хотя в отдельных статьях время от времени обозреваются важнейшие вехи его жизненного и творческого пути<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Васьковский Е.В.* Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1. С. 336; *Андреевский С.А.* Драммы жизни. Пг., 1916. С. 615; *Винавер М.М.* Недавнее. Воспоминания и характеристики. Пг., 1917. С. 2; *Грузенберг О.О.* О петроградской адвокатской гильдии. Пг., 1916. С. 7.

<sup>2</sup> *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1981. Т. 22. С. 57.

<sup>3</sup> *Родицев Ф.И.* В.Д. Спасович // *Право.* 1901. № 23. Стб. 1127.

<sup>4</sup> *Андреевский С.А.* Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 312 (речь по случаю 25-летия адвокатской деятельности В.Д. Спасовича).

<sup>5</sup> См.: *Кони А.Ф.* В.Д. Спасович // *Собр. соч.:* В 8 т. М., 1968. Т. 5; *Родицев Ф.И.* В.Д. Спасович // *Право.* 1901. № 23; *Чубинский М.П.* Памяти В.Д. Спасовича // *Вестник Европы.* 1909. № 1—2; *Смолярчук В.И.* В.Д. Спасович: ученый-юрист, литератор // *Советское государство и право.* 1982. № 10; *Скрипилев Е.А.* В.Д. Спасович — «король русской адвокатуры» // *Госво и право.* 1995. № 7 (расширенный вариант этой статьи, под тем же названием, издан в 1999 г. отдельной брошюрой).

Владимир Данилович Спасович родился 16 января 1829 г. в городе Речица Минской губернии. Отец его, Даниил Осипович, поляк по национальности, служил уездным врачом в Речице (с 1832 г. стал инспектором Минской врачебной управы). Мать, Феофила Михайловна Крейц, немка, была дальней родственницей героя Отечественной войны 1812 г. генерала барона К.А. Крейца, в доме которого воспитывалась, получила отличное образование, свободно владела немецким и французским языками. И Даниил Осипович, и Феофила Михайловна дожили до преклонных лет: он — до 84, она — до 80.

Очень способный и хорошо подготовленный матерью, Володя Спасович поступил сразу в 4-й класс Минской гимназии, все годы оставался в ней первым учеником и в 1845 г. окончил ее с золотой медалью. Осенью того же года он блестяще сдал вступительные экзамены на юридический факультет Петербургского университета.

В студенческие годы Спасович увлекался историей, философией, литературой. Что же касается права, то университетские педагогические правоведы тех лет Я.И. Баршев, П.Д. Калмыков и, особенно, декан юридического факультета, профессор К.А. Неволин — автор «Энциклопедии законоведения» в 2 томах и 3-томной «Истории российских гражданских законов» — были слабы: писали и говорили много, но плохо, и увлечь студентов не могли. «Историю...» Неволина Спасович оценил так: «Для юриста-практика она дает несколько не больше того материала, который содержится в Полном собрании законов. Для юриста-теоретика или историка она не более как справочная книга <...>, памятник египетского труда»<sup>1</sup> без глубокого анализа и широких обобщений. Что же касается неволинской «Энциклопедии», то Лев Толстой, изучавший ее в Казанском университете, заключил: «Кто-то из нас двоих должен быть очень глуп: или Неволин, автор энциклопедии права, которую я изучал, или я, лишенный способности понять всю мудрость этой науки»<sup>2</sup>.

В 1849 г. Спасович окончил университет со степенью кандидата прав, поступил на службу в канцелярию Министерства юстиции и в 1851 г. защитил диссертацию на звание магистра международного права. Диссертация называлась «О правах нейтрального флага и нейтрального груза» и доставила Спасовичу европейскую известность. Отдельные ее положения закреплены в актах Парижского конгресса 1856 г. как международные законы<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Спасович В.Д. За много лет. СПб., 1872. С. 9.

<sup>2</sup> Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юб. изд. Т. 34. С. 179.

<sup>3</sup> См. об этом: Спасович В.Д. Соч. СПб., 1890. Т. 3. С. 1.

На молодого юриста обратил внимание К.Д. Кавелин — уже в то время авторитетный ученый (историк, философ) и публицист, один из столпов российского либерализма. При его содействии Спасович начал читать лекции по гражданскому праву в Петербургском университете, а с 1857 г., когда там освободилась вакансия профессора, он стал — в 28 лет — профессором и возглавил, по рекомендации Кавелина, кафедру уголовного права. Много лет спустя Спасович вспоминал о Кавелине: «Для меня Константин Дмитриевич был всегда любимым и глубоко уважаемый учитель»<sup>1</sup>.

Итак, перед Спасовичем открылись благодатные возможности для научно-педагогической карьеры. Его лекции по уголовному праву имели огромный успех («Слушатели во множестве стекались в аудиторию, чтобы послушать даровитого лектора и профессора»<sup>2</sup>) и оставили у студентов Петербургского университета «неизгладимо благотворные воспоминания»<sup>3</sup>. Молодой профессор сразу стал одним из «любимцев всего студенчества» наряду с такими корифеями, как тот же Кавелин, Н.И. Костомаров, П.В. Павлов, П.Г. Редкин<sup>4</sup>. Сам Владимир Данилович, уже будучи «королем адвокатуры», не без грусти признавался: «Нет профессии, которая была бы мне больше по душе, как профессорская на пользу студентам. <...> Не будь ко мне немилостива судьба, я бы и доньше профессорствовал по призванию»<sup>5</sup>. Судьба, однако, немилосердно пресекала его профессорскую карьеру.

Дело в том, что с сентября 1861 г. в Петербурге и других университетских городах начались бурные студенческие волнения. Причиной их были репрессивные меры против студентов: изданные перед тем «Правила» запретили студенческие сходки, депутации, любые жалобы и свели к нулю практику освобождения нуждающихся студентов от платы за учебу с целью «ограничить наплыв в университеты бедняков»<sup>6</sup>. 25 сентября попечитель петербургского учебного округа генерал от инфантерии (!) Г.И. Филипсон<sup>7</sup> собрал заседание университет-

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 393.

<sup>2</sup> Ляховицкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897. С. 233.

<sup>3</sup> Николаидзе Н.Я. Воспоминания о 60-х годах // Каторга и ссылка. 1927. № 4. С. 48.

<sup>4</sup> См. там же. С. 34.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Застольные речи [от 16 марта 1893 г. и 29 апреля 1901 г.]. Лейпциг, 1903. С. 79, 97.

<sup>6</sup> Георгиевский А.И. Краткий исторический очерк правительственных мер и предначертаний против студенческих беспорядков. СПб., 1890. С. 4.

<sup>7</sup> Это о нем Ф.И. Тютчев сочинил такую эпиграмму:

Он прежде мирный был казак,  
Теперь он попечитель дикий...

ского Совета и обязал профессоров подключиться к репрессиям против студентов. Кавелин, Спасович и еще 13 из 29 членов Совета возразили: «Полицейские обязанности не входят в круг деятельности профессором». Попечитель отрезал: «Государственная служба имеет свои требования, и кто не хочет нести обязанностей ее, волен ее оставить»<sup>1</sup>. После того как к 12 октября в Петропавловскую крепость заточили 300 арестованных студентов<sup>2</sup>, в знак протеста против такой «государственной службы» пять профессоров (Кавелин, Спасович, А.Н. Пыпин, М.М. Стасюлевич, Б.И. Утин) и вслед за ними ректор, более 20 лет возглавлявший университет, академик П.А. Плетнев — тот самый, кому А.С. Пушкин посвятил роман «Евгений Онегин», подали в отставку.

После ухода из университета Спасович некоторое время (до 1864 г.) преподавал в Училище правоведения, где подвергался притеснениям со стороны властей. Это не помешало ему в 1863 г. издать свой «Учебник уголовного права» и получить за него степень доктора прав. Но, спохватившись, «верхи» устроили форменную экзекуцию над учебником. Образованная по высочайшему повелению комиссия во главе с шефом жандармов В.А. Долгоруковым (основными экспертами в ней были чиновники III отделения) «обыскала» учебник и нашла в нем 36 мест, «в которых содержались враждебные мысли», дурно пахнущие нормами «гнилого Запада»<sup>3</sup>. Больше всего испугал и озлобил экспертов тот факт, что на страницах учебника «вера в абсолют потрясена до основания <...>, целый порядок вещей, основанный на вере, рушится, и мы входим в мир новый, где все условно». Резолюция комиссии была категорической: «Учебник уголовного права В.Д. Спасовича изъять из учебных руководств, а самого автора отстранить от преподавания».

Спасович вынужден был искать место для научно-педагогической работы на периферии. В 1864 г. он был избран профессором кафедры уголовного права Казанского университета, но столичные «верхи» аннулировали его избрание. После этого афронта Владимир Данилович простился с надеждами на профессорство. Некоторое время он довольствовался литературным сотрудничеством в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и в журнале «Вестник Европы», пока не решил (раз и навсегда!) связать свою судьбу с нарождавшейся в России адвокатурой.

<sup>1</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 27.

<sup>2</sup> Казематы крепости были тогда переполнены студентами. Чья-то смелая рука начеркала в те дни на крепостной стене: «Петербургский университет».

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: Смоллярчук В.И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984. С. 228—229.

Заявление с просьбой принять его в присяжные поверенные Петербургского судебного округа Спасович подал одним из первых — 21 марта 1866 г. (в один день с Д.В. Стасовым), — но принят был месяцем позже, 31 мая<sup>1</sup>. Он продолжал и далее журналистскую деятельность, издал десять томов своих сочинений на юридические, литературные, исторические, философские темы<sup>2</sup>, но в первую очередь и главным образом с 31 мая 1866 г. Владимир Данилович стал АДВОКАТОМ.

Спасович как адвокат отличался прежде всего ярчайшим и сверхоригинальным, ни с чем не сравнимым, ораторским даром. Трудно поверить В.И. Танееву (он вообще зачастую был крайне субъективен в оценках и склонен утрировать любое своеобразие), но, по его воспоминаниям о лекциях Спасовича в Училище правоведения, Владимир Данилович шокировал слушателей «невероятным косноязычием»: «Он не мог хорошенько, связно сказать двух слов. С невероятными усилиями он как бы выжимал из себя каждое слово, помогая себе руками, ногами, головой, всем корпусом. Он раздражал всю нервную систему...» Правда, далее Танеев признает: «Благодаря постоянному, упорному труду, страшным усилием он, как Демосфен, выработал из себя первого русского оратора. <...> Каждая мысль у него была картиной, каждое слово образом»<sup>3</sup>.

Похоже, хотя и не столь эмоционально, обрисовал выступление Спасовича (уже как адвоката) его коллега и биограф Л.Д. Ляховецкий: «Когда поднимается со скамьи защиты нескладная, неуклюжая фигура В.Д., когда он, заикаясь и переваливаясь, начинает свою речь, в зале среди публики, ожидавшей увидеть иную фигуру и услышать иной язык, раздается шепот недоумения. Многие не верят, что это в самом деле тот знаменитый оратор, который способен чаровать и вызывать восторги. Первые фразы его речи неприятно поражают слух. Они вялы, неуклюжи и производят впечатление тяжелой работы. Вам кажется, что слово не дается оратору, что оно является на свет в потугах и муках борьбы. Но проходит несколько минут, и перед вами разворачивается дивная художественная поэма, богатая яркими красками, оригинальными картинками, неожиданными сравнениями, поражающая остроумием и силой обобщающего анализа»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Справочный указатель по программе издания «История русской адвокатуры»*. Пг., 1914. С. 79.

<sup>2</sup> См.: *Спасович В.Д. Сочинения*. СПб., 1889—1902. Т. 1—10.

<sup>3</sup> *Танеев В.И. Детство. Юность. Мысли о будущем*. М., 1959. С. 364—365.

<sup>4</sup> *Ляховецкий Л.Д. Указ. соч.* С. 235.

Наконец, сошлюсь на зарисовку из воспоминаний А.Ф. Кони: «Как часто приходилось представлять себе кого-либо, пришедшего в первый раз послушать в суде *знаменитого Спасовича* и сначала удивленно вопрошающего себя: «Как? Неужели это Спасович? Не может быть...»; говорящего себе затем, через несколько минут: «А ведь, пожалуй, это и он...», и восклицаящего, наконец, с восторгом» «Да, это он! Он и никто другой!»<sup>1</sup>

Многочисленные свидетельства о том, что Спасович был виртуозом колоритного, часто «неправильного», далеко не элегантного, но всегда меткого и образного слова, можно иллюстрировать примерами из его речей бесконечно. Он мог сказать «не нам, людям XIX века, *пялиться* в Средние века»<sup>2</sup>; в Англии «скипетр королевы не тяжелее веретена»; о натяжках обвинения — «грязные и вонючие осадки из клоак подлога»; о косвенных уликах — «сколько бы барашков ни привели, из них и одной белой лошади не сделаешь». Беспринципного человека он называл «флюгером», писательское многословие — «литературным поносом», пустую теорию — «онанизмом мысли», путаный донос — «маревом воображения»; примером «исторического мифа» объявил Священную Римскую империю, которая, по его словам, «не была ни священной, ни римской, ни империей».

Ему равно удавалось и определить глубинный смысл любого явления, и сравнить (иной раз парадоксально), казалось бы, несравнимое. «Крайние направления, — говорил он, — именно тем и полезны, что рассекают предмет до корня, что ставят всякий вопрос ребром»<sup>3</sup>. Организацию революционеров он уподобил Ноеву ковчегу: «Всякая революционная организация тем и отличается от всех других, что в ней, как в ковчеге Ноя, сосуществуют и взаимно себе помогают всякие животные — и рядом с человеком, который говорит: «бунтовать, убивать, стрелять», может быть человек, который по принципу не способен убить даже муху»<sup>4</sup>. Вот так «опоэтизировал» Спасович весну: «пора, когда соловей своей соловьице строит куры». А вот характерный штрих из воспоминаний А.Ф. Кони. На процессе по обвинению миллионера С.Т. Овсянникова в предумышленном поджоге защитник подсудимого упрекнул Спасовича (выступавшего гражданским истцом) в том, что тот строит выводы на косвенных уликах, чертах и

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 113.

<sup>2</sup> «Червонец отдать не жаль за такое слово, как за пушкинский стих», — писал об этом П. Сергеев (П.С. Пороховщиков) в кн. «Искусство речи на суде» (М., 1988. С. 26).

<sup>3</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 447.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 6. С. 154.

черточках. «Ну да! Черты, черточки! — ответил Спасович. — Но ведь и них складываются очертания, а из очертаний — буквы, а из букв — слоги, а из слогов возникает слово, и это слово: «Поджог!»<sup>1</sup>

Можно понять то восхищение, с которым обратился к Спасовичу на его юбилее С.А. Андреевский: «Ваши слова западали в чужое сердце, как капли кипящего сургуча, они сверкали и освещали вашу мысль, как бриллианты и молния!»<sup>2</sup>

Важная особенность ораторской манеры Спасовича заключалась в том, что он (так же, как Д.В. Стасов, С.А. Андреевский, А.М. Унковский, но в отличие от Ф.Н. Плевако, А.И. Урусова, Н.П. Карабчевского) заранее писал тексты своих речей. Этим «довольно коварно пользовались некоторые его противники, ограничиваясь кратким изложением оснований обвинения и выдвигая свою тяжелую артиллерию уже после того, как Спасович сказал свою речь, причем его возражения, конечно относительно, бывали слабы»<sup>3</sup>. Впрочем, противники Спасовича при этом мало что выигрывали, — он и без текста, с *относительно* слабыми возражениями был как адвокат «королевски» силен.

«Ценной отличительной чертой судебных речей Спасовича» Л.Д. Ляховецкий считал «энциклопедичность»<sup>4</sup>, явно имея в виду не только правовую эрудицию с глубочайшим пониманием любых секретов криминалистики, не только многомудрые экскурсы в историю, философию, литературу, но и убедительную трактовку вопросов этики, логики, нравственности. Спасович всегда исходил из того, что судебное исследование «должно состоять в *исследовании правды* точно теми же путями, как и всякое исследование истины, например исследование историческое. Был факт в истории, из него возникла быль, сказание, легенда, которая составляет ходячее, хотя и превратное, представление о предмете: ложь перемешивается с истиной. Что делает историк? Он отрицает всю легенду, кропотливо восстанавливает истину по источникам и являет факт в новом виде»<sup>5</sup>. Поэтому и «характер судебных речей», по убеждению Спасовича, «зависит от того, какими взглядами руководится защитник, — ставит ли он себе задачей лишь выиграть дело, победить противника, или исследовать истину»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. С. 44.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Драммы жизни. С. 613. Другой мастер слова О.О. Грузенберг вспоминал, что речь Спасовича «звучала как жемчуг, падающий на серебряное блюдо» (Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 44).

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 153.

<sup>4</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 241.

<sup>5</sup> Судебные речи известных русских юристов. 3-е изд. М., 1958. С. 591.

<sup>6</sup> Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. СПб., 1900. С. 75.

Стремясь в каждом деле «исследовать истину», Спасович всегда держался максимально возможной меры объективности, исследовательской честности, если даже она оказывалась не в интересах защиты. В защитительных речах по делу литератора и банкира А.И. Пальма (в прошлом участника антиправительственного кружка петрашевцев), обвиненного в растрате казенных денег, он подчеркнул, что защита «должна выставить его (Пальма. — Н. Т.) поступок, каков он есть, насколько не хуже того, каким он был, но и не лучше»<sup>1</sup>, а на процессе нечаевцев, оценивая согласие своего подзащитного А.К. Кузнецова принять участие в убийстве, признался: «Здесь я теряю почти всякую возможность защищать его. Я вполне сознаю, что он нехорошо поступил, весьма нехорошо»<sup>2</sup>.

Во всяком случае, Спасович полагал, что защитник *по назначению суда* обязан принять и безнадежное дело, защищать своего клиента, даже если тот отказывается от защиты. «Подсудимый может махнуть рукой на все юридические подробности, но не таково положение защитника: он по званию своему обязан воспользоваться всеми способами защиты, он должен стараться хоть на один волос уменьшить ответственность, а следовательно и наказание»<sup>3</sup>. При этом, однако, защитник ни в коем случае «не превращается в слепое орудие страстей и пожеланий своего клиента»<sup>4</sup>. Если же адвокат защищает клиента по *соглашению с ним* и клиент предъявляет к адвокату требования, «противные его совести», адвокат «должен отказаться от дела»<sup>5</sup>.

К особенностям ораторского дара Спасовича можно отнести и редкое сочетание острой полемичности его речей с корректностью их формы. Он никогда не позволял себе (даже в пылу жаркого спора) опуститься до банальной хулы и не отвечал на «ругательные» выпады своих оппонентов. «С суждением о действиях бывают смешаны ругательства, на которые едва ли следует отвечать, — считал Владимир Данилович. — Ну, выиали, например, на человека ушат помоев, не на самого человека, а на его имя. Неужели отвечать тем же? Неужели следует заниматься производством точно таких же зловоний? Есть занятия, которые противны по натуре порядочному человеку. Единственное практическое средство правильно отнестись к ругательству заключается в том,

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 5. С. 251.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 439.

<sup>3</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 5. С. 249.

<sup>4</sup> Там же. Т. 6. С. 74.

<sup>5</sup> Там же.

чтобы на него вовсе не отвечать, чтобы пустить его мимо себя с презрительным равнодушием»<sup>1</sup>.

Зато Спасович мог найти в спорной ситуации и полюбовно мотивировать компромиссное, взаимоприемлемое, ни для кого не обидное решение. Так, рекомендуя для компромисса с цензурой сократить на  $\frac{1}{11}$  содержание книги немецкого философа В. Вундта «Душа человека и животных», подвергшейся судебному преследованию за «богохульство», он пояснил: «Венера Милосская дивно хороша, хотя у нее вместо рук — одни обрубки. То же самое можно будет сказать и о книге доктора Вундта»<sup>2</sup>.

Впечатляюще сильным оружием Спасовича как судебного оратора была неоспоримая логика и собственных его аргументов, и возражений против аргументации противника. Вот хрестоматийный пример из его речи в защиту графа Ираклия Моркова, обвиненного в убийстве и в похищении головы убитого крестьянина Павла Будилы (1868). «В логике принято за правило делать заключение от известного к неизвестному, от достоверного к предполагаемому. Если бы было достоверно известно, что Будилу убил Морков, то я допускаю, что можно было бы заключить: и голову похитил Морков. Но убийство Будилы Морковым было и есть только догадка, под которую подыскивались основания. Из этой догадки обвинение вывело вторую догадку: если Будилу убил Морков, то и голову похитил Морков, а эта последняя догадка обращена, в свою очередь, в подкрепление и подтверждение первой: если голову похитил Морков, то, по всей вероятности, он же и убил Будилу. Выходит то, что называют в логике *circulus vitiosus*» (порочный круг)<sup>3</sup>.

Наконец, подкупало коллег и современников Спасовича заложенное во всей его адвокатской деятельности здоровое нравственное начало. Сам он так сформулировал (в рецензии о книге К.Д. Кавелина «Задачи этики») свое понимание нравственности человека и его среды: «Противодействие злу составляет только одну сторону нравственной задачи; изменение среды и обстановки, устранив много поводов к злу, еще не сделает человека добрым; желательно, чтобы он сам по себе был тверд и побеждал все искушения. Ныне мы слишком много и слишком часто налагаем на обстановку, по вопросам о вменении часто слагаем причину действия, т. е. вину с лица на его обстановку; работая больше всего по части обстановки, мы как будто бы отвыкли

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 6. С. 854.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 338.

<sup>3</sup> Там же. С. 355.

работать над единичной душой и превращать ее в рассадник нравственного добра»<sup>1</sup>.

С наибольшей силой талант Спасовича как адвоката раскрылся в его выступлениях на многочисленных *политических* процессах, где, кстати, наиболее отчетливо проявились и его последовательно-либеральные убеждения. Сам Владимир Данилович в письме к М.М. Стасюлевичу от 25 августа 1906 г. (за полтора месяца до смерти) так определил свое кредо, которому был верен всю жизнь: «За всякий прогресс, но легальный, за всякую эволюцию, но не революцию, за установление порядка по соглашению всех партий на арене парламента — без кровопролития и убийств»<sup>2</sup>. Однако, не в пример многим либералам, Спасович был смел и стоек в своих убеждениях, непримирим к произволу и мракобесию. «Я антицерковник, антинационалист и антигосударственник»<sup>3</sup>, — публично заявлял он о себе, имея в виду, конечно, не религию, а именно официальную, спаянную с государством церковь, и не государство вообще, а самодержавную империю.

«Вольнолюбцами мы родились, вольнолюбцами мы будем»<sup>4</sup>, — возглашал Спасович от имени присяжных поверенных Петербурга. Как вольнолюбец, он в 1861 г. ушел из Петербургского университета в знак протеста против расправы над студентами, ибо считал оправданным идейный радикализм учащейся молодежи. «В России, — говорил он на процессе нечаевцев 1871 г., — от отсутствия культуры, от того, что не на что опереться <...>, гочти всякий молодой человек делается радикалом, т. е. по необходимости, по естественному ходу идет докапываться до корня вещей, до сути отношений, до самой откровенной подкладки; он пробивается разлагающим эти отношения умом сквозь государство, сословность, религию, науки, искусство, сквозь все эти оболочки, и останавливается на том, откуда дальше и пути никакого нет, — на экономическом основании быта, на противоположностях и борьбе капитала и труда. Когда он остановился на этой точке, то здесь встречает богатую литературу иностранную о рабочем вопросе на Западе и по необходимости делается *социалистом*. Можно сказать, что почти все мы там были, в этой социалистической стране...»<sup>5</sup>

Возвеличивая всякую свободу — личности, убеждений, слова, — Спасович и в жизни, и в литературе больше всего презирал «лакейство»,

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Избранные труды и речи. С. 418.

<sup>2</sup> В.Д. Спасович в его последних письмах // Вестник Европы. 1906. № 11. С. 393.

<sup>3</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 9. С. 270.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 41.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 432.

считая, что «к «лакействующей литературе» <...> одинаково принадлежат и те, которые служат большому барину-правительству, и те, которые имеют над собою менее весомых господ»<sup>1</sup>. В представлении Спасовича, «официоз — это человек, говорящий по вдохновению извне, <...> он хуже публичной женщины»<sup>2</sup>.

Владимир Данилович тем не менее всегда сторонился революционных «крайностей» (по его разумению), вроде I Интернационала или партии «Народная воля». Вот характерный эпизод из воспоминаний В.И. Танеева. «Летом 1871 года, во время нечаевского процесса, мы были втроем в трактире, Спасович, я и Салтыков-Щедрин. Мы говорили о Международном обществе рабочих. Я сказал: «В одно утро Европа, может быть, проснется вся в руках Международного общества рабочих». Надо было видеть, как исказилось лицо Спасовича злобой и отвращением. Он судорожно потирал руки и говорил: «Ну, это мы еще увидим... Ну это мы еще увидим!»<sup>3</sup> Что касается «Народной воли», то о ней он говорил на процессе польской социалистической партии «Пролетариат» в 1885 г. с еще большим отвращением: «В истории России нет знамени более черного, нет имени более зловещего. <...> Оно отодвинуло Россию назад на каких-нибудь сто лет и более, выведя ее из колеи мирного развития»<sup>4</sup>.

С другой стороны, Спасович был так же нетерпим к идеологам и главарям реакции. В речи на собрании петербургских адвокатов 27 апреля 1880 г. он произнес темпераментную отходную графу Д.А. Толстому («пропадай его дух, его намерения, его предание!»<sup>5</sup>) и анафему М.Н. Каткову («мрачному митрополиту реакции»<sup>6</sup>), но поднял бокал за арестованного Д.В. Стасова и помянул добрым словом Г.В. Бардовского — адвоката, близкого к народникам, который в июле 1879 г. был арестован и доведен тюремщиками до психического расстройства. «С беспредельною грустью, — говорил Спасович, — вспоминаю еще об одном лице, безвозвратно пропадающем, таком добром, таком сердечном, то был человек-душа. Вы знаете, о ком я говорю: о Григории Васильевиче Бардовском!»<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 6. С. 367. Читатель может оценить, сколь злободневно звучат сегодня это и следующее высказывание Спасовича.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 6. С. 369.

<sup>3</sup> Танеев В.И. Указ. соч. С. 366.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877—1887). Берлин, 1900. С. 158.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 24.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 26.

Поборник «величайшей терпимости для всех честных убеждений, равноправности для всех состояний и национальностей»<sup>1</sup>, считавший даже, что «всякий порядочный человек — более или менее социалист»<sup>2</sup>, Спасович, естественно, имел личные, деловые, идейные связи не только с либералами вроде К.Д. Кавелина, М.М. Стасюлевича, А.Н. Пыпина, но и с революционерами, тем более что ему часто доводилось защищать их на суде. Он был дружески связан с героями Польского национально-освободительного восстания 1863 г. Зыгмунтом Сераковским<sup>3</sup> и Иосафатом Огрызко<sup>4</sup>, жертвовал деньги в пользу осужденных народников<sup>5</sup>, вел в 1895 г. переговоры с лондонским Фондом Вольной русской прессы о сотрудничестве<sup>6</sup>. Принц П.Г. Ольденбургский не без оснований говорил о Спасовиче: «Он государственный преступник»<sup>7</sup>.

В правительственных кругах Спасович с 1863 г., когда был изъят из обращения его «Учебник уголовного права», слыл «неблагонадежным». III отделение бдительно надзидало за «королем адвокатуры» (слежку вела целая группа агентов, был подкуплен домашний слуга Спасовича)<sup>8</sup>. Сам Александр II в 1879 г. соглашался с шефом жандармов А.Р. Дрентельном в том, что пора бы принять «административные меры против Спасовича, которого неблагонадежность нам давно известна»<sup>9</sup>. Однако, судя по всему, улик, достаточных для расправы над «королем», жандармы собрать не смогли.

Сам «король», впрочем, не только не огорчился своей, опальной в глазах правительства, репутацией, но и отчасти гордился ею. «Есть опасы, — заявил он публично в 1878 г., — которые честнее чинов, орденов,

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 25.

<sup>2</sup> Танеев В.И. Указ. соч. С. 373. Ср.: Спасович В.Д. За много лет. С. 432.

<sup>3</sup> Письма Сераковского к его «любимому другу» и «братишке» Спасовичу см. в кн.: К 100-летию героической борьбы «за нашу и вашу свободу». М., 1964. С. 24.

<sup>4</sup> Литератор И.П. Огрызко за участие в восстании 1863 г. был приговорен к смертной казни, замененной 20-летней каторгой. Ранее, в 1859 г., он издавал в Петербурге газету *Slowo* на польском языке, в которой сотрудничал Спасович. Душителю восстания 1863 г. М.Н. Муравьев, по слухам, досадовал: «Спасович больше его (Огрызко. — Н. Т.) виноват, но остался цел, потому что не попалось ни одной буквы, писанной его рукой» (*Пантелеев А.Ф. Воспоминания*. М., 1958. С. 177).

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 экзп. 1874. Д. 414. Т. 3. Л., 237.

<sup>6</sup> Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А. В.Д. Спасович и Фонд Вольной русской прессы* // Исторический архив. 1999. № 5.

<sup>7</sup> *Таганцев Н.С. Пережитое*. Пг., 1919. Вып. 2. С. 51.

<sup>8</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1 Д. 1742. Л. 1—1 об. В этом деле собраны агентурные донесения о наблюдении за Спасовичем в 1869—1870 гг. В других делах (Там же. Оп. 1. Д. 888; Оп. 3. Д. 1045) хранятся подобные же донесения за 1876—1879 гг.

<sup>9</sup> *Доклады генерал-адъютанта А.Р. Дрентельна Александру II* // Красный архив. 1930. Т. 3. С. 154.

знаков отличия»<sup>1</sup>. Главное, он знал цену себе в глазах общества, своих коллег, профессионалов, деятелей культуры. В 70—90-е годы он был едва ли не самой влиятельной фигурой в российском судебном мире.

Он царь-пушка красноречья,  
Он царь-колокол суда, —

можно было сказать о нем словами Д.Д. Минаева. «Вся администрация — министры, сенаторы, прокуроры, — вспоминал С.А. Андреевский, — поневоле смотрели на него снизу вверх»<sup>2</sup>. Не зря в дни процесса нечаевцев летом 1871 г. официальный журналист и агент III отделения И.А. Арсеньев (по прозвищу Илья Арсеньев-III) доносил шефу жандармов: «Без преувеличения можно сказать, что в одном Спасовиче больше ума и научных сведений, чем во всем составе суда и прокуратуры»<sup>3</sup>.

Талант Спасовича-адвоката и оратора ценили классики отечественной литературы. «Вообще, независимо от талантливости, — писал о нем М.Е. Салтыков-Щедрин, — это самый солидный и дельный из ныне действующих адвокатов»<sup>4</sup>. Лично знакомый с Владимиром Даниловичем И.С. Тургенев так оценил его речь на обеде, который дали 13 марта 1879 г. в честь Тургенева профессора Петербургского университета и где выступили, в частности, К.Д. Кавелин и Н.И. Костомаров: «Речь Спасовича — блестящая»<sup>5</sup>. И.А. Гончаров, лестно для него упомянутый в речи Спасовича на процессе нечаевцев как автор романа «Обрыв» и создатель образа Марка Волохова<sup>6</sup>, отреагировал на это в письме к М.М. Стасюлевичу от 19 июля 1871 г.: «Я очень рад благоприятному о себе отзыву Спасовича (он очень умный и тонкий ценитель)»<sup>7</sup>. А вот Ф.М. Достоевский, хотя и знал цену Спасовичу («Талант из ряда вон, сила»), по своей неприязни к адвокатуре в принципе, картинно представил его, — вероятно, как *общезвестного* адвоката, — в образе «знаменитого Фетюковича», который блудословит на суде, описанном в четырнадцати главах (!) заключительной книги романа «Братья Карамазовы» и речь которого выделена в особую главу под названием «Грелюбодей мысли»<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 17.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Драммы жизни. С. 615.

<sup>3</sup> Некаев и нечаевцы. Сборник материалов. М.; Л., 1931. С. 186.

<sup>4</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 15. С. 369.

<sup>5</sup> Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 58 (письмо к М.М. Стасюлевичу от 30 марта 1879 г.).

<sup>6</sup> См.: Спасович В.Д. За много лет. С. 423.

<sup>7</sup> М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 4. С. 109.

<sup>8</sup> Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 12 т. М., 1982. Т. 12. С. 171—289. Л.П. Гроссман считал, что «знаменитый Фетюкович» буквально списан Достоевским с присяжного поверенного П.А. Александрова (Литературное наследство. 1934. Т. 15. С. 102—103). По-моему, гораздо

Такой «сверхадвокат» был страшным противником для любого обвинителя. Немудрено, что выступления Спасовича на уголовных и тем более политических процессах (гласных в особенности) приобретали важное общественное значение. Власти следили за этими выступлениями, боялись их. Специальные агенты заблаговременно доносили в III отделение о том, какие козни против сильных мира готовит «король адвокатуры»: то он намеревается взять на себя уголовный иск к герцогам Лейхтенбергским<sup>1</sup> и придать делу широкую огласку (октябрь 1870 г.)<sup>2</sup>, то подкапывается под графа Д.А. Толстого и «желает учинить скандал Министерству народного просвещения» (июнь 1876 г.)<sup>3</sup>.

На политических процессах Спасович выступал чаще, чем кто-либо из российских адвокатов в XIX в. Он защищал «государственных преступников» по десяти очень крупным и громким делам (нечаевцев, долгушинцев, «50-ти», «193-х», «20-ти», «17-ти», «14-ти», польской партии «Пролетариат», «21-го», «22-х»), не считая больше полудесятка, условно говоря, малых дел: например, в 1871 г. выступил защитником будущего идеолога народничества П.Н. Ткачева, преданного суду за перевод книги Э. Бехера «Рабочий вопрос» и за публикацию в приложении к ней написанного К. Марксом Устава I Интернационала. Впрочем, к 1871 г. Спасович уже заявил о себе блестящим выступлением в Петербургской судебной палате по делу почетного гражданина Петра Щапова (12 августа 1869 г.).

Опровергая предьявленное Щапову обвинение в том, что он издал «Письма об Англии» Луи Блана, якобы «противные монархическому образу правления», Спасович применил смелый и тонкий ход. Он подчеркнул, что из блановской критики абсолютизма в Англии и Франции «невозможно вывести никаких заключений, которые могли бы быть применены к нашему образу правления». «В Англии, — говорил он, — власть королевская страшна слаба, а между тем ей отдают величайшие почести. У нас — наоборот»<sup>4</sup>. Еще больше, по мнению Спасовича, отличается от русского самодержавия французский абсолютизм. «Нет ничего общего между абсолютизмом, возникшим на облитой кровью

---

точнее другая версия (см.: *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 168): Достоевский пародировал в «Фетюковиче» именно В.Д. Спасовича, которого, кстати, и называли тогда не просто по фамилии, а с «титлом» — «знаменитый Спасович» (*Чубинский М.П.* Памяти В.Д. Спасовича // Вестник Европы. 1909. № 1. С. 153; *Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 113).

<sup>1</sup> Герцоги Лейхтенбергские — члены царской семьи, потомки Евгения Богарне (пасынка Наполеона I) и вел. княжны Марии Николаевны (дочери Николая I).

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 1742. Л. 3—4.

<sup>3</sup> Там же. Оп. 3. Д. 1045. Л. 1—2.

<sup>4</sup> *Спасович В.Д.* За много лет. С. 375.

мостовой при обстоятельствах, неблагоприятных ему, в стране, привыкшей к свободе, и нашим правлением, которое, по крайней мере в последние 15 лет, делает совершенно противоположное тому, что творил французский абсолютизм: уничтожило крепостное состояние, создало либеральные учреждения, упрочило закон, поставило на ступень его независимый суд, открыло публике тайны государственных финансов... Больше мне говорить запрещает чувство приличия. Я боюсь, чтобы меня не заподозрили в тонкой лестии...»<sup>1</sup>

Не согласиться с таким суждением — значило бы невыгодно представить российский абсолютизм. Согласиться же — значило оправдать Щапова. Он и был оправдан.

На знаменитом процессе нечаевцев в Петербургской судебной палате (1 июля — 11 сентября 1871 г.)<sup>2</sup> Спасович защищал одного из четырех главных обвиняемых<sup>3</sup> А.К. Кузнецова, а также П.Н. Ткачева и Е.Х. Томилову. Перед открытием процесса, 30 июня, все защитники собрались у Спасовича, «чтобы потолковать о способе ведения дела и о плане защиты»<sup>4</sup>. Судя по тому, что и как говорили они на суде, у них были согласованы три линии защиты: юридический разбор и опровержение слабых мест обвинительного акта; умаление значимости (и, стало быть, опасности для государства) революционных сил; раскрытие, отчасти даже поэтизация нравственного облика подсудимых. Первую и (надо признать: к огорчению подсудимых) вторую линии наиболее сильно и ярко проводил Спасович.

В трех своих защитительных речах на процессе нечаевцев «король адвокатуры», хотя и признавал, что в современном русском «политическом климате» думающий молодой человек «по необходимости делается социалистом», но изображал этот «русский социализм» не опасным для власти и *преходящим*. «Вам случалось, господа судьи, — говорил Владимир Данилович, — жить в деревне в мае и в июне, когда являются комары бесчисленными толпами. Они неприятны. Но что бы вы сказали тому, кто задумал бы их истреблять целыми массами в известной местности? — истребить одного, являются тысячи других. Ведь всякому известно, что придет июль, и все комары пропадут сами собою, потому что изменятся климатические условия. И вот, я думаю, что по политическому календарю России был май в начале шестидеся-

<sup>1</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 376—377.

<sup>2</sup> См. об особенностях этого процесса в очерке «Д.В. Стасов».

<sup>3</sup> Таковыми были участники (вместе с С.Г. Нечаевым) убийства И.И. Иванова — А.К. Кузнецов, Н.Н. Николаев, И.Г. Прижов и П.Г. Успенский.

<sup>4</sup> РГБ РО. Ф. 311. П. 12. Д. 6. Л. 1.

тых годов, что в настоящее время мы переживаем июнь и что, даст Бог, доживем и до июля»<sup>1</sup>.

При этом Спасович резко отделил нечаевцев от самого С.Г. Нечаева, которого он представил как «олицетворение моровой язвы», ибо он «всюду приносил заразу, смерть, аресты, уничтожение», а его идеал, возглашенный в «Катехизисе революционера», — это, по словам Спасовича, «всеобщий кавардак, преставление света» с целью «поставить вверх дном все существующее, точно метлой вымести все высшие классы и заварить такую кашу, не только российскую, но даже европейскую <...>, которую и через 50 лет не расхлебали бы наши потомки»<sup>2</sup>. Нечаевцы же шли за Нечаевым единственно с целью посвятить себя делу освобождения народа, «побороть эксплуататоров», т. е. из «прекрасных, преблагородных» побуждений<sup>3</sup>. О мистификации, иезуитстве, безнравственности нечаевщины они, как правило, даже не знали (в одном Нечаев их обманул, другое скрыл). Пресловутый «Катехизис революционера» вообще не читался в организации, потому, что «если бы читался, то произвел бы самое гадкое впечатление»; сам Нечаев никому не внушал, «что людей нужно надуть» (§ 14 и 19 «Катехизиса». — Н. Т.), потому что в таком случае кто же бы согласился, чтобы его заведомо надули?»<sup>4</sup>

Блистательная, хрестоматийная речь Спасовича на процессе нечаевцев в защиту А.К. Кузнецова надолго стала примером сочувственного к подсудимому анализу его мировоззрения, психологии и нравственности<sup>5</sup>. Владимир Данилович показал, как в обществе, раздираемом социальными антагонизмами, *естественно* формируется из людей, подобных Кузнецову (т. е. молодых, романтически настроенных, страдающих всем «униженным и оскорбленным»), тип социалиста и радикала. Сам по себе этот тип не представляет «ничего вредного для государства». Вредно и опасно разрушительное воздействие на него со стороны *фанатиков* социализма, экстремистов, вроде Нечаева. «Кузнецов был социалист и радикал, с этих обеих сторон и прихлопнул его Нечаев»<sup>6</sup>.

Эту речь Спасовича такой авторитет в области судебного красноречия, как почетный академик К.К. Арсеньев, в 1871 г. назвал «непрев-

<sup>1</sup> Спасович В.Д. За много лет. С. 447.

<sup>2</sup> Там же. С. 418, 423, 429. Спасович сослался здесь даже на А.И. Герцена, который будто бы заявил Нечаеву: «Что это у вас, Сергей Геннадиевич, все резня на уме!»

<sup>3</sup> Там же. С. 431, 432, 437.

<sup>4</sup> Там же. С. 426, 427.

<sup>5</sup> Полный текст ее см. там же (С. 418—442).

<sup>6</sup> Там же. С. 434.

зойденным до сих пор образом русского ораторского искусства»<sup>1</sup> и через 40 лет подтвердил этот отзыв.

Выступления Спасовича и других защитников на процессе нечаевцев возвысили репутацию адвокатуры в глазах российского общества. Ф.И. Тютчев писал дочери, А.Ф. Аксаковой (жене И.С. Аксакова): «Я был поистине восхищен талантом некоторых адвокатов, например князя Урусова и Спасовича»<sup>2</sup>. Но власть после процесса нечаевцев приняла меры к ужесточению контроля за политическими процессами вообще и за выступлениями адвокатуры в частности, учредив в 1872 г. (вопреки духу и самой букве Судебных уставов 1864 г.) специальное Особое присутствие Правительствующего сената (ОППС) по политическим делам.

На первом по времени процессе в ОППС — по делу долгушинцев (9—15 июля 1874 г.)<sup>3</sup> — защитники во главе с В.Д. Спасовичем выступили неудачно, попытавшись ради смягчения приговора изобразить долгушинскую, революционно-народническую пропаганду малозначащей и безвредной. Спасович, и ранее прибегавший к такому приему, задал тон этой линии защиты. «Она, — говорил он о пропаганде долгушинцев, — походит на то, как если бы человек двадцать, тридцать, сто или более отправились на берег Невы и стали дуть на воду с тем, чтобы произвести волнение и всколыхнуть водяную поверхность»<sup>4</sup>. Поскольку другие защитники (Е.И. Утин, Л.А. Куперник, В.П. Гаевский) держались, более или менее, той же линии, это вызвало неудовольствие подсудимых и дало повод П.А. Лаврову упрекнуть из эмиграции всех защитников в том, что они «помогли правительству раздавить своих клиентов <...>, унижая в глазах судей их убеждения, унижая их деятельность, унижая их личности»<sup>5</sup>.

Зато, к чести адвокатуры, она достойно — смело, без оглядки на правящие «верхи» и не боясь солидарности с подсудимыми в принципиальных вопросах, — выступила на одном из крупнейших процессов того времени, по делу «50-ти» (ОППС, 21 февраля — 14 марта 1877 г.). Здесь судились народники-пропагандисты из т. н. «кружка москвичей». Все они обвинялись (с непременно натяжками и домыслами) в под-

<sup>1</sup> Арсеньев К.К. За четверть века (1871—1894). Пг., 1915. С. 29; История русской адвокатуры. Пг., 1914. Т. 1. С. 197.

<sup>2</sup> Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 256. См. также восторженный отзыв об адвокатах на процессе нечаевцев: Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. СПб., 1913. Т. 10. С. 25.

<sup>3</sup> Долгушиные — участники революционно-народнического кружка во главе с А.В. Долгушиным, пионеры массового «хождения в народ».

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 5. С. 343.

<sup>5</sup> [Лавров П.А.] Процесс // Вперед! Лондон, 1874. Т. 3. С. 227.

готовке «ниспровержения» существующего государственного строя<sup>1</sup>. Защита была представлена почти столь же ярко, как на процессе нечаевцев: В.Д. Спасович, В.Н. Герард, Г.В. Бардовский, А.А. Ольхин, В.О. Люстиг, А.А. Боровиковский и другие, всего — 15 адвокатов.

До начала суда вновь, как и перед судом по делу нечаевцев, по инициативе Спасовича провели совещание — на этот раз в камере подсудимого И.С. Джабадари (одного из лидеров «москвичей») — и согласовали с обвиняемыми план защиты. Было решено не признавать перед судом наличия революционной организации (так обычно и поступали русские революционеры до «Народной воли») и защищать каждого из подсудимых вне всякой связи с кем-либо из «50-ти»<sup>2</sup>.

Народники, судившиеся по делу «50-ти» (подчеркиваю: еще не террористы!), были молоды<sup>3</sup>, причем среди них оказались 16 женщин, не по-женски стойких и с чисто женским обаянием. На публику и тем более на их адвокатов они производили отрадное впечатление. «Все речи защитников были проникнуты глубоким сочувствием к подсудимым»<sup>4</sup>, — вспоминала Вера Фигнер, бывшая тогда в зале суда среди публики (на правах родственницы подсудимой Лидии Фигнер, ее сестры).

Правда, Спасович, верный себе, и теперь умалая деятельность народников, уподобив их «муравейнику, который задался бы целью разрушить Монблан». Однако он же капитально опровергал «криминалистическую мифологию» обвинения<sup>5</sup> — и вообще, и в частности. «Если есть движение, — говорил Владимир Данилович, — то потому, что действуют и орудуют злоумышленники, которые задумали, распространили, согласили и произвели все, чего маленький отрывок прошел перед вами на суде. Такова теория обвинительного акта. По этой теории реформация произошла только потому, что появился Лютер; революции французской не было бы, не будь Мирабо». Каждый из 50 «злоумышленников» обвинялся в политическом заговоре, даже если собранные против него улики не имели в себе ничего политического. Так, В.Г. Георгиевский, по мнению Спасовича, был «положительно виновен» только «в проживании по чужому паспорту», т. е. в пре-

<sup>1</sup> Подробно о процессе «50-ти» см.: *Троицкий Н.А.* Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. Гл. 6. § 3.

<sup>2</sup> См.: *Джабадари И.С.* Процесс «50-ти» // *Былое*. 1907. № 10. С. 188—189.

<sup>3</sup> Только 6 из них перешагнули 30-летний рубеж, а больше 30 человек не достигли и 25 лет.

<sup>4</sup> *Фигнер В.Н.* Полн. собр. соч.: В 7 т. М., 1932. Т. 5. С. 184.

<sup>5</sup> Среди прочих ужасов «москвичи» обвинялись в намерении учинить «поголовное истребление всего, что выше простого и притом бедного крестьянина» (*Государственные преступления в России в XIX в.* Ростов н/Д., 1906. Т. 2. С. 129, 130, 303).

ступлении, «по которому значительную часть населения России, всю Русь беспаспортную и бродячую можно перевести в политические преступники», и за которое он даже «судиться в Особом присутствии не может»<sup>1</sup>.

Мало того что Спасович и его товарищи по защите на этом процессе разоблачали «мифологию» обвинения. Они — впервые в стенах царского суда! — демонстративно солидаризировались с подсудимыми в осуждении деспотизма «верхов». Когда, 9 марта 1877 г., рабочий Петр Алексеев произнес историческую речь с пророческой концовкой («Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»), не только подсудимые, но и адвокаты прямо в зале суда горячо поздравляли его, причем Спасович взволнованно воскликнул: «Это народный трибунал!»<sup>2</sup> «Адвокаты неприличны»<sup>3</sup>, — с раздражением заключил 15 марта 1877 г. (на другой день по окончании процесса) влиятельный министр П.А. Валуев.

Валуев в те дни едва ли мог представить себе, до какого градуса «неприличия» доведут себя адвокаты на грандиозном процессе «193-х» (ОППС, 18 октября 1877 г. — 23 января 1878 г.) — самом крупном из всех политических процессов, когда-либо бывших в России<sup>4</sup>. Но к тому их вынудили суд и прокуратура. Обвинительный акт выставлял почти две сотни мирных пропагандистов из 40 различных кружков участниками единого кровавого «сообщества», вознамерившегося не только «ниспровергнуть существующее государственное устройство», но и «перерезать всех чиновников и зажиточных людей»<sup>5</sup>, а доказательную базу такого обвинения составили доносы, показания специально подобранных и «обработанных» свидетелей, измышления и подлоги.

Собравшийся на процессе, как на парад, едва ли не весь цвет отечественной адвокатуры, естественно, восстал против такого попрания элементарных основ судопроизводства. В.Д. Спасович и Д.В. Стасов, П.А. Александров и Е.И. Утин, Г.В. Бардовский и В.Н. Герард, Н.П. Карбачевский и А.Я. Пассовер, В.О. Люстиг и П.А. Потехин, А.Н. Турчанинов и Е.И. Кедрин и другие адвокаты выступили эмоционально и юридически безупречно.

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 6. С. 128, 141—142.

<sup>2</sup> Джабидари И.С. Указ. соч. С. 194.

<sup>3</sup> Валуев П.А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919. С. 8.

<sup>4</sup> Подробнее о нем см. здесь в очерке «Д.В. Стасов».

<sup>5</sup> Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 3. С. 9—10, 104, 241.

На первом же заседании, открывшемся в столь тесном помещении, что там, кроме судей, подсудимых и адвокатов, едва ли могли уместиться в качестве публики человек 30—40, Спасович от имени всей защиты потребовал «перенести заседания в другое помещение, где бы публичное производство суда могло совершаться беспрепятственно». Он заметил, что даже «в заседание при закрытых дверях допускается по 622-й статье Устава уголовного судопроизводства своего рода публика, состоящая из родственников или даже просто знакомых подсудимых (по трое на каждого, следовательно 591 человек на 197 подсудимых<sup>1</sup>)», значит, «в заседание при открытых дверях должно быть допущено не меньшее число посторонних»<sup>2</sup>. Суд отклонил требование защиты, превратив таким образом судебный процесс, объявленный публичным, фактически в закрытый.

В таких условиях Спасович и его коллеги протестовали против обвинения, когда арестовывали людей ни за что, привлекали к дознанию без улик и даже «толковали людям закон так, что в случае сознания они будут освобождены», а потом сознание использовали как улику<sup>3</sup>. В резких выражениях («слышали звон, но не знают, где звонят», «с нами играют в прятки») «король адвокатуры» вскрывал юридические несообразности обвинительного акта вроде следующей: «Я полагаю, что признаков кружка во всяком случае два — число и связь. Здесь же приводят примеры гениального пренебрежения даже числом до того, что являются кружки, состоящие из одного человека: например, Воронцов, другой Робинзон Крузо»<sup>4</sup>. Словом, как заявил Спасович в собрании петербургских адвокатов вскоре после суда, защита на процессе «193-х» «вела траншеи, пробивала бреши и разнесла голыми руками, кирпич за кирпичом, все строение обвинительного акта»<sup>5</sup>. Заключительным аккордом столь смелого, небывалого дотоле по солидарности с обвиняемыми выступления защиты прозвучала филиппика присяжного поверенного П.А. Александра по адресу организаторов процесса: «Вспомнит их история русской мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, пригвоздив имена их к позорному столбу!»<sup>6</sup>

Такое поведение защиты на политическом процессе было воспринято в оппозиционных самодержавию кругах как образцовое. Об

<sup>1</sup> 197 подсудимых значились в обвинительном акте. К открытию суда 4 из них умерли.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 112. Л. 6 об. Ср.: *Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания ОППС. СПб., 1878. Т. 1. С. 1—3.*

<sup>3</sup> См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 108 об и сл.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Семь судебных речей по уголовным делам. С. 15, 16.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 18.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 58 об.

этом свидетельствуют и воспоминания современников<sup>1</sup>, и сохранившаяся в секретном архиве III отделения перлюстрированная переписка. «В грандиозном политическом процессе защитники держали себя превосходно»<sup>2</sup>, — писал, например, московский студент Алексей в Архангельск некоей А.Г. Ивановой, причем выделял имена Александрова, Спасовича, Утина.

Зато власти обрушили на «расходившихся говорунов» адвокатуры<sup>3</sup> громы и молнии. Петербургский градоначальник Ф.Ф. Трепов негодовал: «Их неприличность превосходит всякое вероятие»<sup>4</sup>. Всеподданнейший доклад III отделения от 19 ноября 1877 г. источал желчь: «Поведение многих из защитников указывало, что они как бы солидарно с обвиняемыми порешили глумиться над судом и правительственной властью»<sup>5</sup>. Суд, правда, внял доводам защиты и оправдал 90 человек из 190 подсудимых<sup>6</sup>, но Александр II своей властью отправил 80 из оправданных в ссылку. Когда же озлобленные таким оборотом дела народники предприняли первые акты «красного» террора, ранив (но не убив!) петербургского градоначальника и трех жандармов, царь с 19 июля 1878 г. передал политические дела в ведение военных судов, дабы решать такие дела «по законам военного времени»<sup>7</sup>. Теперь смертные приговоры народникам с расстрелами, а после того как Александр II повелел, вместо расстрелов, «назначать повешение»<sup>8</sup>, с виселицами стали обычным явлением, что лишь стимулировало «красный» террор.

В таких условиях с 1878 г. на политических процессах в России судились преимущественно террористы, действия которых Спасович категорически осуждал. Может быть, отчасти по этой причине он до 1882 г. в процессах против террористов вообще не участвовал. Особняком стоит дело старшего техника при петербургском градоначальнике генерал-майора К.И. Мравинского<sup>9</sup> в Петербургской судебной палате

<sup>1</sup> См.: Чудновский С.А. Из давних лет. М.; Л., 1934. С. 154; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 263; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 45.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 711. Л. 1, 6—6 об.

<sup>3</sup> См.: Дворжицкий К.А. 1 марта 1881 г. // Исторический вестник. 1913. № 1. С. 118—119.

<sup>4</sup> РГИА. Ф. 908. Оп. 1. Д. 383. Л. 10 об.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 16. Т. 1. Л. 551 об.

<sup>6</sup> Трое умерли во время суда.

<sup>7</sup> Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. М., 1978. С. 88—89.

<sup>8</sup> Повеление Александра II главному военному прокурору империи В.Д. Философову от 12 мая 1879 г. Цит. по: Венедиктов Д.Г. Палач Иван Фролов и его жертвы. М., 1930. С. 27.

<sup>9</sup> Константин Иосифович Мравинский (1828 — после 1900) — дед народного артиста СССР дирижера Е.А. Мравинского (1903—1988).

25—29 ноября 1881 г. Палата судила генерала «за бездействие власти». Обвинял прокурор Н.В. Муравьев, только что составивший себе блестящую карьеру на пяти виселицах по делу 1 марта 1881 г.<sup>1</sup> Мравинскому и двум его помощникам инкриминировался «недогляд»: во время технического осмотра сырной лавки Кобозевых на Малой Садовой улице они не обнаружили в ней народовольческого подкопа с целью царевбийства.

Самого Мравинского защищал Спасович. Он построил защиту на доказательстве непреложного тезиса: Мравинский действовал *законно*. В его компетенцию входил именно *осмотр*, причем только технический, а не обыск. «Соверши этот обыск не имеющий права делать его Мравинский, — рассуждал Спасович, — то по 2-й части 349-й ст. он подлежал бы строгому выговору или отрешению от должности»<sup>2</sup>. Поплатились бы по закону за «превышение власти» и его помощники. Таким образом, «в сущности, — заключал Спасович, — они судятся за то, что не произвели обыска, т. е. действия, заведомо противозаконного».

Обе речи Спасовича в защиту Мравинского — и на суде, и при обжаловании приговора в Сенате — проникнуты пафосом и культом законности. Призывая царских юристов «не кидаться вспять в бесформенный произвол и дикую силу»<sup>3</sup>, «король адвокатуры» восклицал: «Сохрани Боже нас от превращения органов администрации в розыскные органы — то-то будут оргии розыска!»<sup>4</sup>

Суд, однако, пошел на поводу у Муравьева, признав (вопреки закону!) всех подсудимых виновными, а Сенат кассировал обвинительный приговор только одному из помощников Мравинского приставу П.П. Теглеву. Мравинский же был сослан на жительство в Архангельскую губернию.

Именно беззакония, чинимые царскими юристами, и стремление в любой ситуации защищать закон побудили Спасовича включиться в защиту «государственных преступников», обвиняемых даже в самых крупных террористических актах (либо в «умысле» на них), вплоть до царевбийства.

<sup>1</sup> Современный адвокат А.Г. Кучерена славит Муравьева как «великого русского юриста» (Независимая газета. 2000. 31 октября. С. 8), а действительно великий русский юрист А.Ф. Кони собрал отзывы о Муравьеве в отдельную папку и на ней начертил: «Мерзавец Муравьев» (ГАРФ. Ф. 564. Д. 441. Л. 38).

<sup>2</sup> Две речи Спасовича в защиту Мравинского см. в кн.: *Спасович В.Д. Семь судебных речей по уголовным делам*. С. 24—85.

<sup>3</sup> «Старинный полицейский пристав, — говорил здесь Спасович, — ни на минуту бы не поколебался и не только бы в лавке пошарил, но и все бы в ней взрыл».

<sup>4</sup> *Спасович В.Д. Семь судебных речей... С. 84.*

Так, на процессе «20-ти» (ОППС, 9—15 февраля 1882 г.), где вновь усердствовал и добился очередных десяти смертных приговоров Н.В. Муравьев, а суд, по словам Спасовича, был «защищен двойной броней и от юридических доводов защиты, и от воззвания к чувству человечности»<sup>1</sup>, Владимир Данилович сумел спасти своего подзащитного, члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» М.Н. Тригони от смертного приговора. Во-первых, он привлек внимание суда к достоинствам личности подсудимого (кстати, племянника одного из классиков нашей литературы К.М. Станюковича), подчеркнув при этом, что необходимо смотреть на подсудимых не только со стороны нарушения закона, но и со стороны нравственной — «конечно, не с точки зрения нравственности Департамента государственной полиции, а нравственности общечеловеческой»<sup>2</sup>. Вместе с тем Спасович артистически использовал отсутствие против Тригони должных улик. Правда, он при этом, по обыкновению, несколько шаржировал своего подзащитного (к его и других подсудимых неудовольствию), но тем убедительнее для суда выглядел избранный защитником прием.

Вот как вспоминал об этом сопроцессник Тригони М.Ф. Фроленко: «Указывая на плотную, широкую в плечах фигуру Тригони, Спасович обратился к судьям с риторическим вопросом: «Ну, можно ли верить показаниям Меркулова (предателя. — Н. Т.), что Тригони вел подкоп под Малую Садовую, когда в этот подкоп надо было пролезть через очень узкое отверстие? Размеры отверстия вам известны. Такая машина, — вновь характерный жест в сторону Тригони, — наверняка застряла бы там!»<sup>3</sup>

На следующих процессах народовольцев («17-ти» в 1883 г., «14-ти» в 1884 г., «21-го» в 1887 г.) Спасович неизменно разрушал и, при случае, даже осмеивал предвзятость юридической базы обвинения. «Ошибка обвинения, — говорил он на процессе «17-ти», — заключается в том, что сообщество, по его понятиям, — дело окончательно решенное прежними приговорами, которые уже вырыли большую и глубокую площадь, имеющую готовое отверстие («шахту», как выразился Спасович далее в этой же речи. — Н. Т.), и в это готовое отверстие надлежит только уложить всех нерешенных еще сообщников. Коль скоро можно установить, что они когда-либо и где-либо приходили с сообществом в соприкосновение, то и баста, то и придется

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 373. Л. 14.

<sup>2</sup> Литература партии «Народная воля». С. 186.

<sup>3</sup> Фроленко М.Ф. Собр. соч.: В 2 т. М., 1932. Т. 2. С. 145.

укладывать их в эту рамку. Она составлена по статье 242-й Уложения, а статья 242-я допускает одну только меру для сообщников — смертную казнь».

Здесь же Спасович осудил и манеру царских юристов на каждом процессе «Народной воли» выставлять исходным пунктом обвинения царевубийство 1 марта 1881 г.: «Не для настоящего процесса, так для будущего пойдет впрок, если судебная практика перестанет производить все будущие процессы от царевубийства 1881 г., как не производятся <...> все дела об убийстве от убийства Авеля Каином»<sup>1</sup>. Более того, он предостерегал суд от избытка смертных приговоров: «излечение не достигается казнями»<sup>2</sup>.

Владимир Данилович защищал на процессе «17-ти» юную супружескую чету — 25-летних Александра и Розу Прибылевых. Он стремился вывести своих подзащитных из-под каторжного приговора, и его юридические аргументы были неотразимы. Поскольку цель причастности Прибылевых к динамитной лаборатории «Народной воли» точно не была установлена, Спасович доказывал, что их преступление нужно квалифицировать не по ст. 241 (умысел на царевубийство), а по ст. 249 (приготовление к бунту). «Мне могут сказать, — рассуждал он, — какая же вам польза, что ваших клиентов будут наказывать не по 241-й, а по 249-й ст., и за то, и за другое — наказание одно: смертная казнь. На это возражение у меня готов ответ — ответ неопровержимый... Если Прибылевы судятся за приготовление к бунту, то они подходят и не под 249-ю, а под 250-ю ст. вполне и безусловно, так как не только преступление не созрело и не только было открыто заблаговременно, так что ни покушений, ни смятений, ни других вредных последствий не произошло, но и сама цель бунтовщическая лелеема была только как нечто весьма и весьма отдаленное; виновные готовились к бунту, но не условились приступить к исполнению и действовать насильственно, — значит, не подходят даже под 1-ю часть ст. 250, а только под 2-ю часть, присовокупленную законом 4 июня 1874 г., смягчившим значительно драконовскую суровость первоначальной 250-й ст.»<sup>3</sup>, вплоть до ссылки на жительство.

Суд пренебрег аргументами Спасовича и определил супругам Прибылевым по 15 лет каторги. Но это был самый мягкий на процессе «17-ти» приговор.

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Семь судебных речей... С. 88—89, 106.

<sup>2</sup> Там же. С. 109.

<sup>3</sup> Там же. С. 105—107.

Даже во второй половине 1880-х годов Спасович не уставал разоблачать судебный произвол. На процессе «21-го» (Петербургский военно-окружной суд, 26 мая — 5 июня 1887 г.) он вновь изобличил царских юристов в стремлении буквально подмять каждого обвиняемого под принадлежность к «Народной воле»: «Все без исключения подсудимые, а их — 21, привязаны, прикручены, пригвождены к партии; она «является в обвинительном акте как подсудимый, как субъект, вина которого раз навсегда установлена по 249-й ст. Уложения», и к ней «юридически приобщается всякий <...>, хотя бы он был виноват только советом, пособничеством или даже недонесением. В любом случае он повинен смерти»<sup>1</sup>.

Спасович отметил здесь и необъективность заранее подобранных свидетелей обвинения (большей частью из «казенной публики»: дворников, полицейских, филеров), число которых на процессе «21-го» составило внушительную цифру — 143<sup>2</sup>. В частности, он иронизировал над тем, что их опять, как и на предыдущих процессах, возглавляет Г.Д. Гольденберг — «главный по этому делу свидетель, классически вызываемый всякий раз как живой, хотя он умер в 1880 году»<sup>3</sup>.

Характерно для Спасовича-адвоката, что он, принципиально осуждавший «красный» (как, впрочем, и «белый») террор, не только защищал предусмотренные законом юридические права своих подзащитных, но и открыто выражал свою симпатию к нравственным качествам того или другого из них. «Крупный, мощный, влиятельный человек, — так говорил он на процессе «17-ти» об одном из лидеров «Народной воли» М.Ф. Грачевском<sup>4</sup>. — «...» Перед нами он изобразил себя во всей силе своих непоколебимых убеждений... Выдающееся по уму и энергии лицо»<sup>5</sup>. На процессе польской социалистической партии «Пролетариат» 1885 г. после яркой программной речи (со скамьи подсудимых) лидера этой партии А.С. Варыньского «взволнованный Спасович подбежал к нему и долго жал ему руки»<sup>6</sup>, а на процессе «21-го» обратился к судьям с такими словами о народовольце П.Ф. Якубовиче (для которого прокурор требовал

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Семь судебных речей... С. 248—249.

<sup>2</sup> См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 10939. Л. 333—337.

<sup>3</sup> Спасович В.Д. Семь судебных речей... С. 250.

<sup>4</sup> Член ИК «Народной воли» Михаил Федорович Грачевский 26 октября 1887 г. сжег себя в камере Шлиссельбургской крепости с очевидным намерением добиться такою ценой смягчения каторжного режима для своих товарищей и добился этого: режим был несколько смягчен, что позволило узникам Шлиссельбурга (Герману Лопатину, Николаю Морозову и др.) дожить до революции 1905 г., которая их всех освободила.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Семь судебных речей... С. 92, 93, 96.

<sup>6</sup> Там же. С. 272.

смертного приговора): «В нем живо чувство чести, в нем есть прекрасные нравственные задатки. Скажите по совести, мыслимо ли снять голову с этих плеч?»<sup>1</sup>

Последний раз Спасович выступил защитником по политическому делу в Сенате, поддержав кассационную жалобу пяти ссыльных народовольцев и члена народнического общества «Черный передел», классика украинской поэзии П.А. Грабовского на приговор Иркутского губернского суда от 8 ноября 1891 г. Обвиняемые, ранее сосланные в Сибирь по разным делам, составили за своими подписями и разослали в редакции петербургских газет, а также министру внутренних дел заявление «Русскому правительству». Они протестовали против расправы, учиненной карателями над жертвами т. н. якутской трагедии, когда были расстреляны, заколоты штыками и повешены девять политических ссыльных за коллективное сопротивление охранникам<sup>2</sup>. Суд инкриминировал авторам заявления принадлежность к одному и тому же «преступному сообществу», а главное, «сочинение и распространение воззвания к бунту»<sup>3</sup> и приговорил каждого к 4 годам каторги.

Спасович опроверг оба пункта обвинения. Он подчеркнул, что за принадлежность к «преступным сообществам» («Народной воли» и «Черного передела») обвиняемые уже были наказаны ссылкой в Сибирь, «и другой раз снимать с них кожу за то же нельзя, по принципу «non bis in idem»<sup>4</sup>, а нового сообщества они не составляли: «Одно существование и общение друг с другом никогда не могло бы быть признано равносильным факту образования ими сообщества, как не доказывает этого одновременное пребывание многих лиц в тюрьме». Что же касается второго пункта обвинения, то Спасович показал его абсурдность: обвиняемые «не такие дураки и идиоты, какими их изображает суд, т. е., задумав бунт и вызывая к нему, они оповестили прежде всего о том г. министра»; их письмо «есть не воззвание, а заявление»<sup>5</sup>. Сенат согласился с доводами адвоката и отменил каторжный приговор. Так, на победной ноте, Спасович завершил свои выступления в качестве политического защитника.

«Спасович-историк» и «Спасович-литературовед» — перспективные темы для специальных исследований. Впрочем, историк и литературовед в нем превосходно сочетались. Ему принадлежат и чисто ис-

<sup>1</sup> Кон Ф.Я. За 50 лет // Собр. соч. М., 1932. Т. 1. С. 191.

<sup>2</sup> См. о ней: Якутская трагедия 22 марта 1889 г. М., 1925.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 102. 7 д-во. 1889. Д. 139. Л. 3 и сл.

<sup>4</sup> Не дважды за то же (лат.).

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 7. С. 295, 297, 299—301.

торические труды — например «Новейшая история Австрии»<sup>1</sup> (хотя в основном и пересказанная с книги А. Шпрингера, не переведившейся на русский язык<sup>2</sup>) и «Жизнь и политика маркиза Велепольского» (СПб., 1882). Но все-таки особенно хорош он был как *историк литературы*, автор вдохновенного «Очерка истории польской литературы»<sup>3</sup> и (в соавторстве с А.Н. Пыпиным — двоюродным братом Н.Г. Чернышевского и будущим академиком) фундаментальной «Истории славянских литератур» в 2 томах<sup>4</sup>, о которой И.С. Тургенев так отозвался в письме к П.В. Анненкову от 28 февраля 1866 г.: «Я с истинным наслаждением прочел их «Историю» и готов почти под каждое слово подписаться»<sup>5</sup>.

Перу Спасовича принадлежат также яркие статьи и тексты речей об А.С. Пушкине, М.Ю. Лермонтове, И.С. Тургеневе<sup>6</sup>, В.С. Соловьеве, В.Шекспире, Д. Байроне, А. Мицкевиче, аналитический «Взгляд на русскую литературу, на ее главные органы и партии в конце 1858 года». Долгое время он возглавлял в Петербурге Шекспировский кружок, куда входили А.Ф. Кони, С.А. Андреевский, К.К. Арсеньев, А.И. Урусов и другие юристы, литераторы, артисты<sup>7</sup>.

Как личность Спасович резко выделялся среди своих коллег, знакомых, друзей шокировавшим их совмещением русского и польского начал. В.И. Танеев считал, что он был «страстный поляк, поляк с головы до ног»<sup>8</sup>. А.Ф. Кони выразился еще энергичнее: «Спасович все-таки полячище и при случае действует как Валленрод»<sup>9</sup>. Думается, однако, ближе к истине другое мнение: «Мы найдем единственное примирение в этом вопросе, сказав, что Спасович был вообще «большой славянин», в самом лучшем и прогрессивном значении этого слова»<sup>10</sup>; «Оба отечества (т. е. Россия и Польша. — Н. Т.) с гордостью признают его своим, хотя долго считали «не нашим»<sup>11</sup>. Вот характерный факт. В сентябре 1879 г. Спасович выступил с речью на торжествах в Кракове по случаю

<sup>1</sup> В кн.: *Спасович В.Д. За много лет.* С. 460—665.

<sup>2</sup> *Springer A. Geschichte Oesterreichs seit dem Wiener Frieden 1809.* Bd. 1—2. Leipzig, 1863—1865.

<sup>3</sup> В кн.: *Спасович В.Д. За много лет.* С. 163—304.

<sup>4</sup> СПб., 1865 (2-е изд.: 1879—1881).

<sup>5</sup> *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма.* Т. 6. С. 56.

<sup>6</sup> Речь Спасовича на тургеневском обеде профессоров Петербургского университета 13 марта 1879 г. сам Иван Сергеевич назвал «блестящей» (Там же. Т. 12. Кн. 2. С. 58).

<sup>7</sup> См. об этом: *Шекспир и русская культура.* М., 1965. С. 551.

<sup>8</sup> *Танеев В.И. Указ. соч.* С. 364.

<sup>9</sup> *Кони А.Ф. Собр. соч.* В 8 т. Т. 8. С. 95. Герой поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод» — тип патриота, готового действовать коварно, как провокатор.

<sup>10</sup> *Андреевский С.А. Избранные труды и речи.* С. 317.

<sup>11</sup> *Родичев Ф.И. В.Д. Спасович // Право.* 1901. № 23. С. 1123.

50-летнего юбилея литературной деятельности автора 78-томного цикла исторических романов Ю.И. Крашевского, изгнанного в 1863 г. из России. По агентурным данным Департамента полиции, Владимир Данилович в этой речи «доказывал необходимость того, чтобы поляки, находящиеся в России, всеми зависящими от них мерами проводили в коренном русском обществе сознание необходимости скорейшей конституционной реформы»<sup>1</sup>.

Оригинальность Спасовича выражалась и в том, что он прожил всю жизнь бобылем. «Я человек не семейный, всегда был одинокий, — писал он о себе в последний год жизни. — Я жил только общественными событиями моей эпохи»<sup>2</sup>. При этом никогда — с юных лет до конца своих дней — Владимир Данилович не изменял аскетическому образу жизни. «Он был в большой нужде, — вспоминал о молодом Спасовиче В.И. Танеев. — Но он умел переносить ее. Даже впоследствии, когда он стал присяжным поверенным, сначала имел довольство, а потом богатство, он остался так же умерен и так же скромнен, как всегда»<sup>3</sup>.

Облик Спасовича запечатлен в портретах, созданных классиками отечественной живописи и скульптуры. О самом знаменитом из них, живописном портрете работы И.Е. Репина В.О. Ключевский оставил в своей записной книжке такой отзыв: «Портрет Спасовича — не портрет, а биография»<sup>4</sup>. Сохранился (в Музее-квартире И.И. Бродского в Петербурге) и рисунок Репина с изображением Спасовича. А вот портрет Владимира Даниловича, написанный в 1886 г. другим корифеем живописи Н.А. Ярошенко и представленный на XIV передвижной художественной выставке, «пропал и даже не воспроизводился»<sup>5</sup>. Наконец, два скульптурных портрета Спасовича выполнил в середине 1890-х годов ученик великого М.М. Антокольского И.Я. Гинцбург<sup>6</sup>.

Владимир Данилович Спасович скончался на 78-м году жизни 26 октября 1906 г. в Варшаве. Так «два отечества» соединились в его биографии: родившийся в России, он умер в Польше. Отечественная адвокатура потеряла в его лице общепризнанного вождя и учителя. Один из авторитетнейших в стране присяжных поверенных О.О. Грузенберг так и говорил о нем на собрании петроградской адвокатуры

<sup>1</sup> Цит. по: *Снытко Т.Г.* Русское народничество и польское общественное движение (1865—1881 гг.). М., 1969. С. 110.

<sup>2</sup> *Спасович В.Д.* Соч. Т. 9. С. 270.

<sup>3</sup> *Танеев В.И.* Указ. соч. С. 365.

<sup>4</sup> *Ключевский В.О.* Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 351. Репинский портрет Спасовича написан в 1891 г. и хранится в ГРМ.

<sup>5</sup> *Порудоминский В.И.* Н.А. Ярошенко. М., 1979. С. 91.

<sup>6</sup> См.: *Скульптор Илья Гинцбург.* Воспоминания. Статьи. Письма. Л., 1964. С. 63, 273.

17 апреля 1916 г.: «Великий, пока еще не превзойденный общий наш учитель»<sup>1</sup>. Только он «король» российской адвокатуры, как никто другой, был вправе публично и гордо заявить от имени всего адвокатского сословия: «Мы не искали крестов, мы не получали медалей за храбрость, но мы кое-что сделали, не щадя живота, о чем можно судить индуктивно по тому вою целых стай шакалов, которые тоскуют о вырванной из их пасти добыче. Мы пришились не по нраву всей фарисейской синагоге, мы стали костью в горле не одной высокопоставленной особе, эти особы охотно бы съели нас, но не лезет — удавишься!»<sup>2</sup>

---

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. О петроградской адвокатской громаде. Пг., 1916. С. 7.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 18.



## АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ УРУСОВ

(1843—1900)

В числе первых — и по времени, и по значению — корифеев адвокатской корпорации в России, которые, «несмотря на отсутствие предварительной технической подготовки, проявили на собственном примере всю даровитость славянской природы и сразу стали в уровень с лучшими представителями западноевропейской адвокатуры»<sup>1</sup>, был князь А.И. Урусов. Его жизненный путь, как ни у кого другого из русских адвокатов, драматично сочетает в себе стремительный взлет, всероссийскую славу (плюс международная известность), арест и ссылку, тревожные перемещения из адвокатуры в прокуратуру и обратно, а в конце пути — ужасную болезнь, не позволившую ему дожить до 58 лет.

Жизнь и деятельность Урусова отражены в обширном массиве источников, основные из которых собраны в опубликованном трехтомнике<sup>2</sup>, есть и два личных архивных фонда адвоката<sup>3</sup>, но монографий о нем до сих пор нет. Лишь в самое последнее время молодая исследовательница А.В. Степанова подготовила кандидатскую диссертацию: «А.И. Урусов — юрист, судебный оратор, правозащитник».

Князь Александр Иванович Урусов родился 2 апреля 1843 г. в Москве. Племянник последнего государственного канцлера Российской империи светлейшего князя А.М. Горчакова<sup>4</sup>, он мог гордиться своей

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 123.

<sup>2</sup> См.: Князь А.И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1—3. См. также: Урусов А.И. Речи. М., 1901; А.И. Урусов. Первоосоздатель русской судебной защиты. Тула, 2001.

<sup>3</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 514; РГБ РО. Ф. 311.

<sup>4</sup> Сохранились воспоминания одного из друзей А.И. Урусова о галантном диалоге канцлера и адвоката: «Я очень рад, что мой племянник — первый адвокат России». — «Нет, это Вы, дядя, — наш первый адвокат, ибо Вы защищаете перед Европой дело нашего отечества!» (Пушкин Е.А. Воспоминания о кн. Урусове // Князь А.И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. Т. 3. С. 104).

родословной, хотя и... татаро-монгольского происхождения. Достаточно сказать, что один из его предков, родоначальник князей Урусовых Урус-мурза в 1600 г. получил от Бориса Годунова г. Касимов во владение с титулом *царя*, а другой предок (внук Уруса-мурзы) Петр Урусов 11 декабря 1610 г. зарубил Ажедмитрия II<sup>1</sup>. Дед нашего героя — обергофмейстер царского двора Александр Михайлович Урусов — славился в Москве своим радушием и гостеприимством (в его доме часто бывал А.С. Пушкин)<sup>2</sup>. Отец будущего адвоката — полковник князь Иван Александрович Урусов (1812—1871) — состоял при московском генерал-губернаторе графе А.А. Закревском по особым поручениям. Мать — княгиня Екатерина Ивановна — была из знатного рода Нарышкиных (к которому принадлежала и мать Петра Великого), а бабушка — Екатерина Павловна, урожденная Татищева — приходилась племянницей знаменитой сподвижнице Екатерины Великой Екатерине Романовне Дашковой, единственной за всю историю России женщине, которая была президентом Академии наук<sup>3</sup>.

В семье будущий адвокат получил отличное воспитание, затем окончил 1-ю Московскую гимназию (где, кстати, за вспыльчивость и заносчивость, вкупе с редкостным обаянием, схлопотал от товарищей кличку Мурза<sup>4</sup>) и в 1861 г. поступил на юридический факультет Московского университета. Уже тогда он равно интересовался и юриспруденцией, и литературоведением, увлеченно слушал лекции профессора Ф.И. Буслая<sup>5</sup> и даже «приходил заниматься у него на дому», а Буслав «очень любил вспоминать об Урусове как о студенте-юристе»<sup>6</sup>. Пылкий темперамент Мурзы вовлек его осенью 1861 г. в студенческие «беспорядки», и он был исключен, в числе очень многих, из университета<sup>7</sup>, но через год принят обратно и окончил университет со степенью кандидата прав в 1866 г.

Именно с 1866 г. (то был год рождения российской присяжной адвокатуры) началась судебная и даже защитительная, но еще не официальная адвокатская карьера Урусова. 4 июля 1866 г. он был определен на службу в Московский окружной суд кандидатом на судебные

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: Степанова А.В. Указ. дисс. С. 17—18.

<sup>2</sup> См.: Черейский Л.А. Пушкин и его окружение. 2-е изд. Л., 1989. С. 456.

<sup>3</sup> См.: Посмертные записки кн. А.И. Урусова // А.И. Урусов. Первоиздатель русской судебной защиты. С. 284—285.

<sup>4</sup> См.: Андреева А.А. Князь А.И. Урусов // А.И. Урусов. Первоиздатель... С. 38.

<sup>5</sup> Буслав Федор Иванович (1818—1897) — лингвист и литературовед, профессор Московского университета, с 1860 г. — действительный член Петербургской Академии наук.

<sup>6</sup> Андреева А.А. Указ. соч. С. 34.

<sup>7</sup> Подробно см.: Степанова А.В. Указ. дисс. С. 26—27. Здесь анализируется составленный тогда Урусовым очень смелый «Проект прошения государю» в защиту студентов.

должности и 21 сентября выступил в выездной сессии в Коломне защитником по делу крестьянина Петра Бакина. Крестьянин содержался в остроге и там учинил ложный (как потом выяснилось) донос о нераскрытом убийстве. Это выступление стало дебютом Урусова в качестве защитника. Противостоял ему тоже дебютант (хотя он был на 10 лет старше 23-летнего Урусова) — товарищ прокурора Московского окружного суда М.Ф. Громницкий, впоследствии выдающийся адвокат.

По воспоминаниям Громницкого, Урусов «сразу проявил искусство защитника, доказывая, что Бакин сам был введен в заблуждение другими арестантами и что, затеяв донос, он хотел способствовать раскрытию истины»<sup>1</sup>. Однако тот, первый свой процесс Урусов проиграл: Бакин был обвинен. Прощаясь с Громницким в Коломне, Александр Иванович обещал, что постарается «отомстить» ему в Москве, и это свое обещание, по признанию Громницкого, блестяще сдержал в следующем году на процессе М.Е. Волоховой<sup>2</sup>.

Дело по обвинению крестьянки Мавры Волоховой в убийстве ее мужа Алексея Волохова, в расчленении его трупа на две части и в сокрытии их в погребке собственного дома слушалось на заседании Московского окружного суда 11 февраля 1867 г. Обвинял товарищ прокурора М.Ф. Громницкий. Урусов, все еще кандидат на судебные должности, защищал обвиняемую. Его защитительная речь представляла собой шедевр объективности, логики и доказательности, перед которым, в глазах присяжных заседателей, рассыпалось на первый взгляд стройное обвинение. «Господин товарищ прокурора опирается в основном на косвенные улики, — подчеркивал Урусов. — Первый уликой он представляет народную молву. <...> Почему в настоящем случае народный голос является против подсудимой? Труп найден в погребке дома Волохова. Волохов жил несогласно со своей женой. Из этого следует немедленное заключение — она виновна. Почему? Больше некому. Вот народная логика»<sup>3</sup>.

«Далее, — продолжал Урусов, — товарищ прокурора говорит, что убийца всегда старается бежать от трупа. Совершенно соглашаясь в этом с товарищем прокурора, я должен заметить, что Мавра Егоровна не страшилась быть на погребке, она солила там огурцы и лазила даже в погреб. Если допустить, что она совершила преступление, то ее нужно признать за какое-то исключение из всех людей. Если же убий-

<sup>1</sup> Громницкий М.Ф. Из прошлого // Русская мысль. 1899. № 3. С. 84.

<sup>2</sup> См. там же.

<sup>3</sup> А.И. Урусов. Первоиздатель... С. 98. Полный текст речи — там же. С. 97—103.

ство совершено посторонним лицом, то проще допустить, что убийца бросил труп в погреб Волохова. Дом был совершенно пустой, погреб был от улицы в семи шагах — все это очень хорошо мог знать ночной сторож».

Тезис обвинения о слишком большом числе подозрений против Волоховой Урусов опроверг просто и веско: «Что подозрения на подсудимую могли быть, об этом нет спора, но закон говорит, что для того, чтобы преступление было наказано, оно должно быть несомненно, а всякое сомнение должно толковаться в пользу подсудимой и никак не во вред ей».

Очень уместно привлек Урусов внимание присяжных к нравственному целомудрию своей подзащитной: «Имея пьяного мужа, который пьяный буянил, она часто уходила ночевать к соседям. Мудрено ли было в таком случае молодой женщине увлечься, а между тем из показаний свидетелей и из повольного обыска мы видим, что она никогда не нарушала долга жены».

Концовка защитительной речи Урусова была столь же эффектной, сколь убедительной: «Господа присяжные, я ожидаю от вас строгой правды, строгого анализа. Перед вами женщина, шесть месяцев томившаяся под тяжелым обвинением. Девять лет в горе прожила она с мужем, еще горестнее конец ожидает эту нравственную личность. Невольно преклоняешься пред таким горем. Я не прошу у вас смягчающих обстоятельств для подсудимой, я ожидаю от вас справедливое приговора и убежден, что этот приговор будет оправдательный!»<sup>1</sup>

По свидетельству А.Ф. Кони, бывшего тогда в зале суда, речь Урусова вызвала «быть может, неслыханный восторг» публики, что конечно же повлияло на вердикт присяжных: «На Урусова сыпались ласковые слова, приветы, к нему протягивались руки, искавшие его рукопожатия, и я сам видел простых людей, целовавших его руку»<sup>2</sup>. Мавра Волохова была оправдана.

На другой день, как принято говорить в таких случаях, Урусов проснулся знаменитым: «Весь город говорил об его успехе. <...> Он сразу занял выдающееся — и надолго первое в Москве — место в передовых рядах русской адвокатуры»<sup>3</sup>.

Следующий громкий процесс — по делу кондитера Морозкина (Московский окружной суд, 8 июля 1867 г.) — лишь упрочил репутацию Урусова как новорожденного корифея адвокатуры. Морозкин об-

<sup>1</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 14, 103.

<sup>2</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 131.

<sup>3</sup> Там же.

вменялся в «сопротивлении полицейским властям» и даже в «явном насилии» над ними. Суть дела была такова: 22 ноября 1866 г. к 8 часам вечера в кондитерскую Морозкина явились восемь полицейских чинов, из которых трое почему-то были переодеты (в тулупах). Морозкин этих троих задержал, а у прочих потребовал составить акт о происходящем. Пристав же изобразил поведение Морозкина как «сопротивление» и «насилие», а на следствии по этому делу объявил, что полицейское вторжение в кондитерскую объяснялось полученными «секретными сведениями» о том, что Морозкин связан с шайкой мошенников<sup>1</sup>.

Процесс вызвал у москвичей повышенный интерес. По словам очевидца, «масса публики была так велика, что едва пятая часть могла быть впущена в зал заседания. За судейскими креслами — почти весь прокурорский надзор», и даже сам министр юстиции граф К.И. Пален пожаловал в суд и сел рядом с прокурором<sup>2</sup>.

Урусов начал свою защитительную речь в убийственно-ироническом тоне<sup>3</sup>: «Такое исключительное по своей странности преступление действительно предусмотрено уголовным кодексом и служит как бы видоизменением бунта — бунта, совершаемого не массой, а одним лицом. Это восстание, открытое и насильственное, восстание одного лица против целого порядка управления. Действительно странное, слишком неправдоподобное происшествие! <...> Не в каком-нибудь захолустье, а в самом центре Москвы, в самый разгар ее вечерней жизни некто, кондитер Морозкин, возьми да и арестуй у себя чуть ли не всю московскую полицию! (Взрыв смеха в публике. Председатель звонит)».

Особый акцент (тоже не скрывая сарказма) Урусов сделал на «секретных сведениях» о преступлении Морозкина: «Лучшее достояние гражданина — его доброе имя. Неужели про каждого из нас полицейский чиновник может сказать: он негодяй, но я не могу ничего доказать, потому что я это положительно знаю из секретных сведений! Нет, милостивые государи, <...> для суда и совести только то истинно, что может быть доказано; одна истина не боится света».

Закончил Александр Иванович свою защитительную речь не менее впечатляюще, чем на процессе Волоховой. Вот ее концовка: «В первый раз вы призваны подать свой голос в деле об оскорблении полиции. Пусть же высказывается вашими устами здравая, разумная сила об-

<sup>1</sup> См.: А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 105—107.

<sup>2</sup> См. там же. С. 15.

<sup>3</sup> Полный текст речи см. там же. С. 103—111.

щественного мнения! <...> Отрицать значение полиции в государстве нельзя. <...> Два великих начала лежат в основе общественного развития: свобода и порядок. Полиция охраняет порядок, и все мы более или менее заинтересованы в сохранении порядка, гарантирующего нашу безопасность и неприкосновенность прав, но мы также заинтересованы в том, чтобы порядок был действительно порядком. <...> В основе порядка лежит признанное всеми народами уважение к дому, к домашнему очагу. Посягать на его неприкосновенность не значит охранять порядок!»

После такой речи присяжные (среди которых был знаменитый поэт А.Н. Плещеев<sup>1</sup>) совещались недолго: Морозкин был оправдан. О значении этого дела издатель Л.Ф. Снегирев много лет спустя вспоминал: «Благодаря гласному суду и речам таких ораторов, как кн. Урусов, всякого рода «держиморды», нарисованные с натуры гениальной кистью Гоголя, мало-помалу отошли в область преданий и навсегда прекратились процессы, подобные делу Морозкина»<sup>2</sup>.

Итак, уже к концу 1860-х годов молодой, едва достигший 25 лет, фактически начинающий юрист, стал, по выражению А.И. Герцена, «любимой знаменитостью русской адвокатуры»<sup>3</sup>. Между тем он все еще оставался кандидатом на судебные должности, т. е. *казенным* защитником без должной перспективы роста и вне всякой связи с присяжной адвокатурой. Возможно, задетый несоответствием своего, крайне низкого должностного статуса столь высокому общественному признанию, которое доставили ему процессы Волоховой и Морозкина, Урусов в феврале 1868 г. вступил в конфликт с товарищем председателя Московского окружного суда и вышел в отставку. Сделал он это с очевидным намерением перейти в присяжную адвокатуру. Уже 17 февраля того года Александр Иванович был зачислен помощником присяжного поверенного Я.И. Любимцева<sup>4</sup>.

Еще как помощник присяжного поверенного Урусов блистательно выступил на двух судебных процессах — уголовном и политическом. 18—27 января 1871 г. в Рязанском окружном суде он защищал бедную вдову штабс-капитана Веру Дмитриеву, ставшую жертвой грязных махинаций губернского воинского начальника, полковника Н.Н. Кострубо-Карицкого, тоже привлеченного к суду. Здесь Алек-

<sup>1</sup> См.: А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 289.

<sup>2</sup> Там же. С. 17.

<sup>3</sup> Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М., 1960. Т. 19. С. 233.

<sup>4</sup> См.: Князь А.И. Урусов. Автобиографическая заметка, составленная перед юбилеем в 1896 г. // А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 289.

сандр Иванович сформулировал свое кредо, которому был верен всю жизнь: «Есть одно чувство, гг. присяжные заседатели, которое как бы вставало воочию перед вашими глазами, словно возвышалось над этим уголовным процессом, чувство величественное и гордое. Это чувство общечеловеческого равенства — равенства, без которого нет правосудия на земле!» Руководствуясь этим чувством, Урусов закончил речь в защиту Дмитриевой гневной тирадой по адресу сильных мира вроде Кострубо-Карицкого: «Щадите слабых, склоняющихся перед вами свою усталую голову, но когда перед вами становится человек, который, пользуясь своим положением, дерзает думать, что он может легко обмануть общественное правосудие, вы, представители суда общественного, заявите, что ваш суд — действительная сила, сила разума и совести, — и согните ему голову под железное ярмо закона!»<sup>1</sup>

Оставаясь всего лишь помощником присяжного поверенного, Урусов пережил второй в своей жизни, после дела Волоховой, звездный час — на европейски знаменитом процессе *нечаевцев* (т. е. народников, вовлеченных в экстремистскую организацию С.Г. Нечаева «Народная расправа») в Петербургской судебной палате с 1 июля по 11 сентября 1871 г.<sup>2</sup> Здесь он как адвокат встал вровень с «королем адвокатуры» В.Д. Спасовичем.

Урусов защищал П.Г. Успенского (который значился в судебном перечне 79 обвиняемых под № 1), а также Ф.В. Волховского<sup>3</sup> и еще троих малоизвестных лиц. Защищать Успенского было конечно же нелегко, ибо он участвовал вместе с самим Нечаевым в убийстве мнимого «шпиона» И.И. Иванова. К тому же Урусов выступал на процессе с защитительной речью первым. И он задавал тон выступлениям других адвокатов (Спасовича и Д.В. Стасова, К.К. Арсеньева и В.И. Танеева, А.М. Унковского и В.Н. Герарда, Е.И. Утина и А.А. Ольхина и др.) — тон смелый, обличительный по отношению не только к экстремистам из числа обвиняемых, но и к беззаконию обвинителей и даже к деспотизму самодержавного режима.

Свою речь в защиту Успенского Александр Иванович начал с того, что пошатнул общее предубеждение против подсудимых, сложившееся под впечатлением обвинительного акта, который муссировал уго-

<sup>1</sup> Урусов А.И. Речи. М., 1901. С. 130.

<sup>2</sup> См. об особенностях этого процесса в очерке «Д.В. Стасов».

<sup>3</sup> Волховский Феликс Вадимович (1846—1914) — впоследствии (оправданный по делу нечаевцев) член Большого общества пропаганды (т. н. «чайковцев»), лондонского Фонда Вольной русской прессы, заграничной организации партии эсеров, поэт, публицист, детский писатель.

ловную фабулу в нечаевщине, а именно убийство Иванова как деяние, воплотившее в себе смысл и дух «крамолы». Урусов доказывал, что нечаевщина — дело политическое, а безнравственность политического преступления далеко не так очевидна и постоянна, как преступлений уголовных; понятие о ней «изменяется, сообразно времени, событиям, правам и достоинствам власти». К политическим преступлениям (в отличие от уголовных) приводит и «увлечение самыми благородными идеями». В частности, «у подсудимых была действительная любовь к родине, не в смысле географического понятия, но к родине, как к той земле, на которой живет народ, нам дорогой и близкий». Революционное настроение молодежи Урусов толковал как естественный протест против реакционного, на их взгляд, режима. «Не имея права собираться, открыто помогать своим нуждам, молодежь эта, — говорил он, — весьма легко вовлекается в тайные ассоциации»<sup>1</sup>.

Урусов отвергнув попытку обвинения распространить уголовный компонент дела (убийство И.И. Иванова), которым действительно были запятнаны Нечаев и четверо его подручных, на всех вообще нечаевцев. Более того, он доказал, что предъявленное нечаевцам обвинение в *«заговоре с целью ниспровержения правительства»* неправомерно, поскольку само понятие заговора включает в себя совокупно два признака, а именно: 1) всем известную и всеми же принятую цель и 2) устремленность к этой цели таких действий, как выбор места и времени восстания, распределение ролей, приобретение оружия и т. д. — в деле же нечаевцев даже первый признак не вполне наличествует, а второго просто нет; здесь налицо еще не заговор, а тайное общество, т. е. ответственность не по ст. 249 и 250, чреватым смертной казнью, а по ст. 318 (тюрьма или ссылка)<sup>2</sup>.

В присущей ему язвительной манере Урусов разоблачал юридические натяжки обвинения («способ обвинения: данных нет, улики нет, нужно прибегнуть к соображениям»), так, например, ответив на тезис прокурора, будто защита должна доказать, что революционный текст, найденный у Волховского, — не улика: «Прокурор пользуется этим документом как уликою; следовательно, он и должен доказать, что этот документ — улика»<sup>3</sup>.

Речи Урусова на процессе нечаевцев вызвали восхищение Ф.И. Тютчева<sup>4</sup> и Н.К. Михайловского, который назвал их, наряду с речами

<sup>1</sup> Правительственный вестник. 1871. 13 (25 июля). С. 2—4.

<sup>2</sup> См. там же. С. 2.

<sup>3</sup> Там же. 15 (27) июля. С. 5.

<sup>4</sup> См.: Тютчев Ф.И. Соч.: В 2 т. М., 1980. Т. 2. С. 256.

В.Д. Спасовича, «самыми блестящими из речей защиты»<sup>1</sup>, а нечаевец В.Н. Черкезов написал Урусову после суда из тюрьмы, что речь Урусова в защиту Успенского — «лучшее, что было высказано на суде во время нашего процесса»<sup>2</sup>. Сразу по окончании процесса нечаевцев, 25 сентября 1871 г., Урусов был принят в число присяжных поверенных округа Московской судебной палаты<sup>3</sup>.

Зато властные «верхи» разгневались на молодого, не в меру популярного адвоката. Агент III отделения 14 июля 1871 г. доносил шефу жандармов: «Князь Урусов забавлялся вылазками против обвинительной власти»<sup>4</sup>. Надо полагать, в те дни «верхи» припомнили Урусову и его филиппику против полицейского самовластия на процессе Морозкина, и, главное, сыскную информацию годичной давности, а именно сводку данных III отделения за 1870 г. В ней значилось: «У самых благонадежных студентов Москвы князь Урусов считается за диктатора», и они, рассчитывая на его способности и достоинства, полагают, что он «станет во главе народного движения и вполне сыграет роль Гамбетты, отчего князь Урусов не отказывается»<sup>5</sup>.

Теперь, после суда над нечаевцами, жандармский сыск стал надзирать за Урусовым с удвоенной бдительностью, начал целенаправленно искать и вскоре нашел против него необходимые для политических репрессий улики. В мае 1872 г. жандармы учинили в квартире Урусова обыск и обнаружили письмо к нему от В.Н. Черкезова с благодарностью за внимание к подсудимым нечаевцам. Власти изобразили этот факт как доказательство «преступных сношений» Урусова с революционерами. Усугубила их антипатию к адвокату крайняя неучтивость, с которой он встретил жандармов, явившихся арестовать его. «Воспользовавшись каким-то несоблюдением ими всех формальностей, он их заставил ждать в передней, пока формальности не были совершены. Потом, когда они перебирали его книги (иностранные), князь все острил, рассказывал своему помощнику, как один полицейский счел запрещенной книгу «Les revolutions du Globe»<sup>6</sup>.

Итак, Урусов был арестован и в сентябре 1872 г. выслан из Москвы в захолустный латышский городишко Венден под надзор тамошней

<sup>1</sup> Михайловский Н.К. Полн. собр. СПб., 1913. Т. 10. С. 26.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 1167. Оп. 2. Д. 3026. Л. 1—2 об.

<sup>3</sup> См.: Князь А.И. Урусов. Автобиографическая заметка... С. 290.

<sup>4</sup> Нецаев и нецаевцы. Сборник материалов. М.; Л., 1931. С. 169.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1870. Д. 51. Ч. 2. Л. 6 об. Адвокат Леон Гамбетта был тогда лидером буржуазных республиканцев во Франции.

<sup>6</sup> Тихомиров Л.А. Воспоминания. М.; Л., 1927. С. 71. «Les revolutions du Globe» — «Геологические перевороты» (фр.).

полиции, причем Александр II на полях всеподданнейшего доклада о высылке Александра Ивановича пометил: «Надеюсь, что надзор над ним будет действительный, а не мнимый»<sup>1</sup>. Прессе велено было о мотивах «переезда» Урусова из Москвы в Венден помалкивать. И.С. Тургенев из Парижа 17 (29) октября 1872 г. обеспокоенно запрашивал своего петербургского друга, поэта Я.П. Полонского: «Что значит сообщенное вчера в «С.-Петербургских ведомостях» известие, что кн. Урусов (известный адвокат) «по независимым от его воли обстоятельствам» поселился на жительство в городе Вендене?»<sup>2</sup>

Так, что называется, на взлете, на самом гребне адвокатской славы Урусов стал жертвой карательного произвола, был ввергнут в немилость к властям и надолго (на 9 лет!) отлучен от любимого дела.

Ссылку Урусов переживал тем больнее, что он (в отличие от таких адвокатов, как Д.В. Стасов, Г.В. Бардовский, Е.И. Утин, А.А. Ольхин) был далек от людей и дел революционного лагеря. «Симпатизируя революционерам как энтузиастам и идеалистам, — вспоминала о нем близкая к его семье писательница А.А. Андреева (сестра жены поэта К.Д. Бальмонта — большого друга Урусова), — он мог сочувствовать и убеждениям их, но никак не их деятельности»<sup>3</sup>. В записной книжке самого Урусова от 5 июня 1872 г. есть такие строки: «я либерал, защищаю либеральные дела»; «я никогда не участвовал ни в каких заговорах, питая глубокое отвращение к деспотической дисциплине тайных обществ и к морали бандитизма»<sup>4</sup>. Как последовательный либерал, он был нетерпим к любым крайностям — и слева, и справа. Та же Андреева обнаружила в его бумагах 1880 г. такую запись о «белом» терроре правительства: «После ужаса покушений настал ужас казней»<sup>5</sup>.

В год ссылки Урусову не было еще 30 лет. Полный сил, уже вкусивший всероссийскую славу, он оказался в состоянии безысходности. Первые 2,5 года Александр Иванович жил в Вендене, а затем в Риге, куда был переведен после неустанных хлопот матери. Все это время он оставался фактически без дел, «разгоняя свою тоску изучением латышского языка и переводами из Рабле, следы которых остались в его бумагах, а главным образом перепиской с друзьями и хлопотами о смягчении наказания»<sup>6</sup>. Тогда же, в ссылке, впервые открылись у него

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 320. Л. 14.

<sup>2</sup> Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1965. Т. 10. С. 9.

<sup>3</sup> Андреева А.А. Указ. соч. С. 64.

<sup>4</sup> А.И. Урусов. Первоиздатель... С. 287, 288.

<sup>5</sup> Там же. С. 61.

<sup>6</sup> Андреева А.А. Указ. соч. С. 65.

болезни (сахарный диабет, сердечная недостаточность, невралгия), которые в конце концов и свели его в могилу.

Лишь 14 января 1875 г., после унижительных для его княжеского достоинства просьб на имя одного (П.А. Шувалова), а затем и следующего шефа жандармов (А.А. Потапова) о «прощении»<sup>1</sup>, Урусов был принят на службу исправляющим должность старшего помощника секретаря канцелярии при местном (лифляндском, эстляндском и курляндском) губернаторе, а еще через год, 21 марта 1876 г., назначен товарищем прокурора Варшавского окружного суда. «Опала была с него снята, но только отчасти, — вспоминал о том времени А.Ф. Кони (один из самых близких друзей Урусова). — <...> Местное начальство смотрело на его службу в прокурорском надзоре как на некоторого рода «перевод в разряд исправляющихся» по уставу о ссыльных»<sup>2</sup>.

Сам же Александр Иванович, хотя и находил некоторое утешение в том, что служит *правосудию*, где только и мог проявить все свои дарования, тяготился и поприщем «обвинителя поневоле» (как он себя тогда называл<sup>3</sup>), и чуждой ему, русскому, православному человеку, польской, католической средой. Вот что он написал А.Ф. Кони в Петербург из Варшавы в ноябре 1877 г.: «Болезнь, бездомность, порабощение способностей и — нужда. <...> Если моя служба в Министерстве юстиции признается полезной только для меня, в смысле реабилитации, то, конечно, я могу радоваться своему положению, что после 6 лет удаления с поприща адвокатуры и 2,5 года в Царстве Польском, в среде самой жуткой администрации и самых жгучих конфликтов, думаю... полнейшая реабилитация свершилась или таковой не существует»<sup>4</sup>.

При содействии А.Ф. Кони Урусов в январе 1878 г. получил назначение в Петербург на ту же должность товарища прокурора окружного суда. После этого в течение трех лет он блистал как *обвинитель* на громких судебных процессах (К.А. Юханцева, обвиненного в растрате более 2 млн рублей из кассы Общества взаимного поземельного кредита; Л.М. Гулак-Артемовской, осужденной за подделку векселей и др.). «Вступая в состязание с крупными величинами петербургской адвокатуры, он почти всегда выходил победителем»<sup>5</sup>. Но старая любовь А.И. к адвокатуре не ржавела. Он не переставал хлопотать перед властями о

<sup>1</sup> Подробно об этих просьбах как следствии болезненного состояния Урусова см.: Степанова А.В. Указ. дисс. С. 54—55.

<sup>2</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 85.

<sup>3</sup> Там же. С. 92.

<sup>4</sup> Цит. по: Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984. С. 253.

<sup>5</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... (воспоминания А.Ф. Кони).

возвращении в сословие присяжных поверенных, просился в отставку. «Послужите, — отвечал ему министр юстиции граф К.И. Пален, — успеете еще нажиться!»<sup>1</sup> Только в самом начале 1881 г. либеральный «попуимператор» граф М.Т. Лорис-Меликов отпустил его в адвокатуру. До 1889 г. он практиковал как присяжный поверенный в Петербурге, а последние 11 лет своей жизни — в Москве.

Итак, после 9 лет вынужденного отрыва от любимой работы 38-летний Урусов вернулся в адвокатуру и сразу занял в ней одно из первых мест, вполне и давно им заслуженное. К тому времени со всей полнотой раскрылись характерные, во многом оригинальные, черты его личности.

В отличие от В.Д. Спасовича и Ф.Н. Плевако, П.А. Александрова и Л.А. Куперника, но подобно С.А. Андреевскому и В.Н. Герарду, Н.П. Карбачевскому и Н.И. Холева Урусов был щедро наделен внешними данными. Осанистая фигура, изысканные манеры, выразительные черты «породистого» лица<sup>2</sup>, пленительный «бархатный» голос — все это конечно же усиливало впечатление от его ораторского дара и очень помогало ему воздействовать на присяжных заседателей и любую публику. Но главным его достоинством был именно дар оратора.

Современники называли Урусова «русским Демосфеном»<sup>3</sup>, видели в нем нового Петрония<sup>4</sup>. Правдолюб, убежденный в том, что «свыше совести человека нет силы в мире»<sup>5</sup>, к тому же на редкость искусный полемист, «неотразимый диалектик»<sup>6</sup>, Урусов выступал на любом судебном процессе — в качестве ли прокурора или же (в особенности) адвоката — во всеоружии своих дарований. «Красота, блеск, архитектурная гармония»<sup>7</sup> его речей эффектно сочетались с тонкой, язвительной, порой убийственной, но всегда обличенной в безукоризненно вежливую форму иронией. Европейски образованный и воспитанный, джентльмен по натуре и в то же время настоящий художник, маэстро слова, Урусов владел удивительным чувством меры и никогда, даже в самых острых судебных прениях, не терял ни художественного вку-

<sup>1</sup> Андреева А.А. Указ. соч. С. 67.

<sup>2</sup> См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 123.

<sup>3</sup> Соколова А.И. Воспоминания о кн. А.И. Урусове // Исторический вестник. 1910. № 5. С. 459. Демосфен (384—322 до н. э.) — грек, один из величайших ораторов древности.

<sup>4</sup> См.: Ледницкий А.Р. Из прошлого. М., 1917. С. 27. Автор «Сатирикона» Гай Петроний (? — 66) слыл в Древнем Риме «арбитром изящества».

<sup>5</sup> Нос А.Е. Замечательные судебные дела. Сборник процессов, характеризующих современный быт общества. М., 1869. Кн. 2. С. 144.

<sup>6</sup> Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем. М., 1949. Т. 14. С. 245.

<sup>7</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 132.

са, ни полемической обходительности. Характерным для него был случай, когда он служил прокурором. Возражая на суде защитнику, который муслировал безденежье обвиняемого, побудившее-де его зарезать спутника, Урусов вдруг «замолк в каком-то колебании — и перешел к другой стороне дела». В перерыве он объяснил А.Ф. Кони: «Мне чрезвычайно захотелось сказать, что я совершенно согласен с защитником в том, что подсудимому деньги были **НУЖНЫ ДО ЗАРЕЗУ**, — и я не сразу справился с собою, чтобы не допустить себя до этой неуместной игры слов»<sup>1</sup>.

В крайних случаях Урусов мог и ответить на резкость резкостью, но — в «джентльменских» выражениях. Так он, будучи адвокатом, парировал нападки прокурора на защиту биржевой игры по делу о злоупотреблениях в Кронштадтском банке: «Есть, господа присяжные заседатели, более опасная игра, о которой не упомянул господин прокурор — это игра **НА ПОВЫШЕНИЕ**»<sup>2</sup>. Очень современно звучат его гневные тирады из обвинительной речи на процессе А.М. Гулак-Артемовской (1878) по адресу воровских толстосумов: «Лагерем стоит среди нас тот мир, который исповедует один только идеал — нажива во что бы то ни стало! <...> Это мир внешнего изящества и внутреннего безобразия, материального обеспечения и нравственного убожества, внешнего представительства и внутреннего мошенничества; мир сильных протекций и влиятельных связей, под покровом которых играют инстинкты самого необузданного, бесстыдного хищничества...» И далее: «Когда выступают на суд лица, принадлежащие к такой среде, которая и сильна, и богата, и имеет связи, знакомства с высокопоставленными людьми, — о, как трудно правосудию здесь достигнуть цели!»<sup>3</sup>

Зато этот князь-аристократ горой вставал на защиту бедных и сирых. Показательна его речь по делу о 53 крестьянах с. Хрущевка, преданных суду за «неповиновение властям» (Рязанский окружной суд 15—16 декабря 1867 г.). «Они все обвиняются огулом, — гремел Урусов, — а между тем *каждый* из них человек, у каждого есть свои права, к обвинению каждого должны быть доказательства. Люди — не скоты, огулом судить их нельзя!»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 125.

<sup>2</sup> Гольдовский О.Б. Воспоминания о кн. А.И. Урусове // Вестник права. 1903. № 9—10. С. 214—215.

<sup>3</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 140, 141.

<sup>4</sup> Там же. С. 117. Суд внял тогда доводам Урусова и приговорил лишь одного из 53 подсудимых к денежному штрафу в... 10 рублей, а всех остальных оправдал (Там же. С. 118).

Вообще, Урусов был таким же смелым и страстным адвокатом-бойцом, как, например, П.А. Александров и Н.П. Карабчевский. «Он стремительно нападает на все и вся, что стоит ему на пути, — характеризовал его Л.Д. Ляховецкий. — Звуковые раскаты урусовского баритона громят воинственно и грозно. <...> Вся его натура жаждет полемики, ею она живет, ею она сильна»<sup>1</sup>.

Кстати сказать, взрывной характер Урусова проявился и в его дуэльной истории. В 1870 г., еще до вступления в корпорацию присяжных поверенных, из-за разногласий в Московском артистическом кружке (которым руководил А.Н. Островский) Александр Иванович вызвал на дуэль родного брата Островского — Петра Николаевича (1836—1906), актера, литературного и театрального критика, усмотрев в его отзыве о себе клевету. Дуэль состоялась, и хотя никто при этом не пострадал, Московский окружной суд приговорил Урусова к трехнедельному аресту на гауптвахте<sup>2</sup>. Удивительно, что при таком темпераменте, с такой эмоциональностью Урусов не позволял себе в судебных речах язвить своих оппонентов уничижительными остротами вроде тех, которые сохранились в записи его впечатлений от реферата по зарубежной литературе в одном из московских литературных кружков 27 марта 1889 г.: «Референт являл вид какого-то большого упитанного павлина без хвоста, но с птичьим гоготаньем вместо голоса...»<sup>3</sup>

Напротив, чем острее была ситуация в судебных прениях, тем корректнее (по форме, хотя, случалось, и убийственно по смыслу) Урусов оспаривал доводы обвинения. К примеру, на процессе 53 крестьян с Хрущевка прокурор обратился к присяжным заседателям с предупреждением, чтобы они «не увлекались возражениями защиты». Урусов тотчас же выступил со своим обращением к присяжным: «Если бы вы сидели здесь в первый раз, я бы сказал вам, что над вашим приговором нет власти. Вы вольны обвинить или оправдать, вы ни перед кем и никогда не отвечаете. <...> Никто не может сказать, что ваш приговор не справедлив. <...> Смушаться нашими или чьими бы то ни было словами значило бы <...> пойти против совести»<sup>4</sup>. Это обращение нейтрализовало в глазах присяжных указание прокурора и переключило их внимание на мотивы защиты.

<sup>1</sup> Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897. С. 273.

<sup>2</sup> См.: Князь А.И. Урусов. Автобиографическая заметка... С. 290. Подробно об этом (по архивным материалам) см.: Становца А.В. Указ. дисс. С. 39—40.

<sup>3</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 71.

<sup>4</sup> Нос А.Е. Указ. соч. Кн. 2. С. 144.

Сильной стороной защитительных речей Урусова было его постоянное стремление к *точности* — и вообще, и в частности: в каждой детали, в любой трактовке любого понятия. Вот как он оспорил прокурорское толкование такого понятия, как служебный подлог (в речи на процессе 1883 г. по делу о злоупотреблениях в Кронштадтском коммерческом банке): «Прокурорский надзор полагает, что если обязательство безнадежно, то оно подложно, и даже провозглашает такой принцип, что всякая неправда в документе есть подлог. Такое определение неперно и не соответствует закону: не всякая, а только злонамеренная неправда входит в состав преступления подлога. Провозглашение юридических афоризмов такого рода по меньшей мере рискованно. Например, в тексте рублевой ассигнации сказано, что выдается золотой рубль, но золотого рубля нет и он не выдается. Однако из этого не следует ни что рублевый билет был подложным, ни что он был безденежный»<sup>1</sup>.

Как Урусов готовил свои выступления на судебных процессах? Об этом есть два мнения. Авторитетный знаток российской адвокатуры, сам присяжный поверенный Л.Д. Ляховецкий утверждал: «Урусов избегает тщательной работы над материалом. Он изучает дело по преимуществу в суде, во время судебного следствия. Кропотливая подготовительная работа в кабинете не в его привычках. Являясь в суд, он знает дело поверхностно и принимается всерьез за его материалы, сидя на скамье защиты. Он полагается в этом случае на свои силы, на свою счастливую способность быстро схватывать все на лету»<sup>2</sup>.

Однако еще больший авторитет, к тому же связанный с Урусовым 30-летней дружбой, А.Ф. Кони свидетельствовал иначе: «Урусов изучал дело во всех подробностях, систематически разлагая его обстоятельства на отдельные группы по их значению и важности. Он любил составлять для себя особые таблицы, на которых в концентрических кругах бывали изображены улики и доказательства»<sup>3</sup>. Возможно ли было проделать такую работу, уже «сидя на скамье защиты» по ходу судебного следствия? Едва ли. Одно бесспорно: Урусов, в отличие от В.Д. Спасовича и С.А. Андреевского, не писал тексты своих речей, ограничиваясь лишь записью на отдельных листках опорных идей защиты<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> А.И. Урусов. Первоиздатель... С. 166—167.

<sup>2</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 275—276.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 127.

<sup>4</sup> См.: Гольдовский О.Б. Указ. соч. С. 215.

Кстати, ссылаясь на опыт именно Спасовича и Андреевского, а также на авторитет Цицерона (!), П.С. Пороховщиков (Сергеич) заключал: «Люди знающие и требовательные в древности и теперь утверждают, что речь судебного оратора должна быть написана от начала до конца»<sup>1</sup>.

Однако не менее «знающие и требовательные» из судебных ораторов как на Западе<sup>2</sup>, так и в России импровизировали свои речи без текстов. Не писали заранее своих речей Ф.Н. Плевако и Н.П. Карабчевский, К.К. Арсеньев и А.Я. Пассовер, П.А. Александров и Л.А. Куперник<sup>3</sup>. Важно, что все эти замечательные ораторы — и «пишущие», и «говорящие» — коллективными усилиями создали в 60—70-е гг. XIX в. такой феномен, как русское судебное красноречие.

Как адвокат, судебный оратор Урусов имел, конечно, и слабости — главным образом, чрезмерное внимание к форме речи, к словесному облачению мысли. «Его речи более красивы, чем содержательны»<sup>4</sup>, — полагал Л.Д. Ляховецкий. Другой критик Урусова А.Г. Тимофеев так развивал эту же мысль: «Его речи не охватывают всего дела в подробностях, не представляют выводов из заранее собранных, строго обдуманных и взвешенных данных. Оратор улавливает наиболее крупное в деле и на нем строит свою защиту. Вместе с тем он ищет выигранные места в речи противника и не пропускает сделанных им промахов, стараясь таким путем уничтожить впечатление его речи и ослабить силу приведенных им аргументов. Он опирается на чувство, убеждает судей силой своего увлечения, блеском нападения и полемики»<sup>5</sup>.

В той или иной мере критики были правы. Важно, что сам Урусов, при всей мощи воздействия его красноречия, не всегда был уверен, что выиграет дело, и мог честно, заранее признаться в этом. Так, поддерживая обвинение владельца ссудной кассы И.И. Мироновича в убийстве, он как гражданский истец обратился к присяжным заседателям с такими словами: «Игра у него сильная, козырей много: он может и

<sup>1</sup> *Сергеич П.* Искусство речи на суде. М., 1960. С. 306.

<sup>2</sup> Из корифеев французской адвокатуры всегда писали свои речи заранее П. Мари, Ж. Фавр, не писали — А. Дюпен-старший, Э. Аллу (Аллу Р., *Шести Ш.* Великие адвокаты XIX века. М., 1898. С. 23, 132; Жюль Фавр // *Судебные драмы.* 1901. № 6. Прил. С. 120; Аллу // *Судебные драмы.* 1902. № 7. Прил. С. 31).

<sup>3</sup> По-разному готовились к судебным прениям не только адвокаты, но и прокуроры: Н.В. Муравьев заранее писал свои речи, А.Ф. Кони — нет (*Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 4. С. 152, 153).

<sup>4</sup> *Ляховецкий Л.Д.* Указ. соч. С. 276.

<sup>5</sup> *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900. С. 162.

выиграть. Но, с другой стороны, общество чувствует всю опасность безнаказанного преступления. Наше дело — представить вам добытые выводы, а вы рассудите»<sup>1</sup>.

Осведомленные современники отмечали, что после долгих лет ссылки и службы («поневоле») в прокуратуре Урусов вернулся в адвокатуру другим человеком. Сказалось, во-первых, начавшееся после царевубийства 1881 г. наступление реакции — наступление повсеместное, включая область правосудия. На политических процессах Александр Иванович больше уже не выступал, и вообще теперь в его защитительных речах «не было прежней смелости и той убежденности в своей правоте, которые так сильно действовали на умы слушателей»<sup>2</sup>. Тем не менее в ряде судебных дел, вплоть до последних лет жизни, он, по воспоминаниям очевидцев, мог блеснуть, как в молодые годы.

Так, большой резонанс вызвала речь Урусова в защиту канцелярского служителя В.В. Орлова, обвиненного в убийстве хористки Большого театра П.Н. Бефани (Московский окружной суд, 27 октября 1889 г.). Александр Иванович не оспаривал доводы обвинения, признал собранные прокурором факты (Орлов систематически избивал Бефани, бывшую его возлюбленной, а потом застрелил ее), но вывод защитника отличался от вывода обвинителя: убийца — не рассудительный злодей, а безрассудный маньяк, и место его не на скамье подсудимых, а в лечебнице для душевнобольных. Урусов подчеркнул при этом крайне важный для дела факт, что в такой лечебнице «уже сидят некоторые психически больные его (Орлова. — Н. Т.) родственники»<sup>3</sup>. Тем самым он — первым из русских юристов — предвосхитил азы *судебной психиатрии*, тогда еще неизвестного, а ныне совершенно необходимого компонента юриспруденции. Суд, однако, признал Орлова виновным и приговорил его к 10 годам каторги, куда Орлов все равно не попал: умер от скоротечной чахотки сразу после суда.

Международную известность получило выступление Урусова в защиту французского литератора Леона Блуа, обвинявшегося в диффамации (октябрь 1891 г.). Дело слушалось в Париже, где славились адвокаты, почитавшиеся «великими» (А. Дюпен и Н. Беррье, А. Шэ д'Эст-Анж и Ж. Фавр). Урусов первым из российских адвокатов вы-

<sup>1</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 188—189. Миронович, которого защищали на том процессе первоклассные адвокаты С.А. Андреевский и Н.П. Карабчевский, был оправдан.

<sup>2</sup> Там же. С. 68.

<sup>3</sup> Там же. С. 24.

ступил во французском суде и выдержал сравнение с ними. Блау был оправдан<sup>1</sup>.

«Два дня известности в Париже, — писал об этом Александр Иванович приятелю. — Вот самая яркая страница моей оканчивающейся карьеры. Я привез с собой до полусотни газет и до пресыщения наслаждался комплиментами»<sup>2</sup>.

Последний крупный судебный процесс с участием Урусова прошел в Москве в сентябре 1899 г. То было шумевшее дело Московского кредитного общества. Урусов выступил здесь в качестве гражданского истца. Очевидец, А.Ф. Снегирев, так вспоминал об этом выступлении: «Речь кн. Урусова в защиту потерпевших против заправил кредитного общества была для Москвы целым событием. <...> Это была не только речь адвоката, но блестящий, остроумный и язвительный монолог оскорбленного чувства русского гражданина, громящего хищников, которые прекрасное ипотечное заведение превратили «в настоящий, — говоря словами А.И., — игорный дом с полной картиной ажиотажа домами, в кредитную вакханалию азарта». Он вложил в эту речь всю свою душу, все свое сердце, всю кровь, всю мощь своего ораторского таланта»<sup>3</sup>.

Другой очевидец, А-ев, напечатал свои «Впечатления» об этой речи Урусова в газете «Курьер»: «Князь явился на суд больной, полуоглохший, и хотя по-прежнему был он высок и прям и своеобразно изящен, но уже глубокой старостью веяло от его побледневшего лица, от побелевшей бороды и от этой слуховой трубки, которую он ежеминутно прикладывал к ушам. <...> Не слышен и незаметен оставался Александр Иванович до конца судебного следствия, утомившего всех обилием цифр и мелочных подробностей. <...> И вот тогда разразилась речь кн. Урусова. Да, она именно разразилась, как гром подкравшейся незаметно тучи, и оглушила своим величавым грохотом и ослепила красотой сверкающих молний, и шапки снять заставила эта дивная, грозная речь. Помню до сих пор то жуткое, приятное чувство неожиданности, с каким вслушивались мы в раскаты бархатистого голоса, не решаясь вздохнуть, не смея хоть на секунду оторвать глаз от *больного* оратора, который внезапно, сразу, на наших глазах стал таким здоровым, таким молодым»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: Князь А.И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. Т. 1. С. 13; Т. 3. С. 469—470. Подробно об этом деле, с обзором не только французской, но и английской прессы, см.: Степанова А.В. Указ. дисс. С. 128—132. Кстати, Урусов лично знал Жюль Фавра и подарил ему свой портрет с надписью: «Un prince-avocat au prince des avocats» («Князь-адвокат князю адвокатов») (Князь А.И. Урусов. Статьи. Письма... Т. 3. С. 246).

<sup>2</sup> А.И. Урусов. Первоиздатель... С. 69.

<sup>3</sup> Там же. С. 25.

<sup>4</sup> Там же. С. 25—26.

Урусов выиграл иск потерпевших к «хищникам» из Московского кредита. Сам он в письме к сестре от 5 октября 1899 г. не скрывал своей гордости: «Это был один из самых крупных успехов моей карьеры. Друзья и недруги осыпали меня похвалами»<sup>1</sup>. А.Ф. Снегирев назовет речь Урусова на этом процессе его «лебединой песней»<sup>2</sup>.

Прижизненная слава Урусова как судебного оратора выходила далеко за пределы обеих столиц Российской империи. В Полтавской губернии «малороссы говорили, когда обижены бывали на суде: «Треба ийти до князя Урусова»<sup>3</sup>. В столицах же «чуть ли не признаком дурного тона, отсталости по меньшей мере, считалось, если посетительница гостиной вдруг оказывалась особой, не побывавшей хотя бы один раз на защите кн. Урусова в суде»<sup>4</sup>. А в популярнейшем «Словаре-альбоме» П.К. Мартьянова Урусову отведены такие строки:

Чурило Пенкович родной адвокатуры,  
С Фортуною дружит, Фемиде строит куры<sup>5</sup>.

Репутация Урусова-юриста, адвоката, судебного оратора только выигрывала от того, что он был еще замечательным искусствоведам, литературным и театральным критиком, публицистом. Его друг, известный в то время ученый-филолог А.И. Кирпичников, считал даже, что Александр Иванович «всю жизнь свою сидел на двух стульях — литературе и адвокатуре, и потому сделал гораздо меньше, чем обещал талант, ему данный»<sup>6</sup>.

Как и другие корифеи адвокатуры, Урусов имел обширные личные и творческие связи в литературных и театральных кругах: дружил с поэтом А.Н. Плещеевым, писателями П.Д. Боборыкиным и А.И. Левитовым, к концу жизни — с А.П. Чеховым и К.Д. Бальмонтом, защищал на суде в 1868 г. И.С. Аксакова, а в 1869 — поэта, издателя и редактора Ф.Б. Миллера. С 1879 г. Александр Иванович общался лично и по переписке с И.С. Тургеневым (обедал с ним по его приглашению в Буживале<sup>7</sup>). Когда, в 1880 г., Урусов затеял, вместе с литератором Д.А. Короп-

<sup>1</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 310.

<sup>2</sup> Там же. С. 27.

<sup>3</sup> Там же. С. 42.

<sup>4</sup> Там же. С. 14.

<sup>5</sup> См.: Мартьянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд. СПб., 1893. С. 269. Чурило Пенкович (правильно: Пленкович) — герой русских былин, богатырь, красавец и щеголь.

<sup>6</sup> Кирпичников А.И. Князь А.И. Урусов // Князь А.И. Урусов. Статьи. Письма... Т. 3. С. 126.

<sup>7</sup> См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 12. Кн. 2. С. 127.

чевским, издание ежемесячного журнала «Новое обозрение», Тургенев написал ему из Парижа 13 декабря того года: «Я искренне буду радоваться успеху Вашего предприятия»<sup>1</sup>.

«Новое обозрение» выходило в свет недолго: уже после трех номеров, в накаленной атмосфере после царевубийства 1 марта 1881 г., издание его прекратилось. Но Урусов сотрудничал и до и после 1881 г. во многих российских и зарубежных изданиях, перечень которых А.А. Андреева обнаружила в его бумагах: «Русские ведомости», «Порядок», «Молва», «Прогресс», «Современные известия», «Библиотека для чтения», «Herold», «Comedie humaine», «La Plume»<sup>2</sup>. При этом, по воспоминаниям А.Ф. Кони, Александр Иванович неустанно пополнял и читал друзьям «сборник печатных нелепостей и курьезов», который он называл «смеховозбудителем»<sup>3</sup>.

Мало того, «князь-адвокат» «любил баловаться стихами» и оставил в своих бумагах листки под заглавием «Стишонки А.И. Урусова». В основном это — эпиграммы, шуточные поздравления, приветы и ответы. Вот, к примеру, его ответ на приглашение из редакции журнала «Молва» к обеду в декабре 1879 г.:

Балуясь рифмой по приказу,  
«Молве» спешу я дать ответ  
И извещаю комитет,  
Что в среду снова, без отказа,  
Не проманкировав ни разу,  
Приковыляю на обед<sup>4</sup>.

В литературных кругах России и Франции Урусов зарекомендовал себя как первый знаток и популяризатор творчества Г. Флобера. В 1880 г. он организовал в Петербурге «кружок флюберистов» с участием Н.П. Карабчевского, И.И. Ясинского и др.<sup>5</sup> Большая коллекция автографов, портретов, различных изданий произведений Флобера и отзывов о нем, которую собрал в свое время Урусов, хранилась в Париже, в библиотеке музея Карнавале<sup>6</sup>.

С юных лет и до конца своих дней особую любовь Урусов питал к театру. Он был авторитетным театроведом, возглавлял даже театраль-

<sup>1</sup> Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 13. Кн. 1. С. 19.

<sup>2</sup> См.: Андреева А.А. Указ. соч. С. 71.

<sup>3</sup> А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 90.

<sup>4</sup> Цит. по: Андреева А.А. Указ. соч. С. 70.

<sup>5</sup> А.И. Урусов — П.А. Стрепетовой (февраль 1881 г.) // А.И. Урусов. Первосоздатель... С. 294.

<sup>6</sup> См.: Венгерова З.А. Парижский архив А.И. Урусова // Литературное наследство. М., 1938. Т. 33—34. С. 591—611.

ный отдел в петербургской либеральной газете «Порядок». Его статьи о М.С. Щепкине, М.Н. Ермоловой, Г.Н. Федотовой, П.А. Стрепетовой вошли в золотой фонд отечественного театроведения<sup>1</sup>. В 1862—1863 гг. в «Московских ведомостях» он вел даже «Летопись Малого театра» под псевдонимом Александр Иванов<sup>2</sup>.

Александр Иванович был лично близок к семье великого Михаила Семеновича Щепкина и «не без умиления рассказывал, что он, ночуя у Щепкиных, спал на том диване, где Гоголь читал «Ревизора»<sup>3</sup>. Сын Михаила Семеновича Петр Михайлович Щепкин, будучи товарищем председателя Московского окружного суда, покровительствовал юному кандидату на судебные должности Урусову и, по признанию самого Урусова, «первым понял и указал ему его призвание»<sup>4</sup>. Много лет спустя, в 1890 г., Урусов писал правнучке М.С. Щепкина, артистке и писательнице Т.Л. Щепкиной-Куперник: «Меня, когда Господь Бог судить будет, на вопрос «Да что же ты любил, кроме Флобера?» — непременно спасет реплика моего доброго ангела: «Он всегда любил Щепкиных»<sup>5</sup>.

Со второй половины 90-х годов Урусов стал тяжело болеть. Его мучили невыносимые головные боли (врачи опасались воспаления мозга), сердечные приступы, нервные стрессы, потеря координации движений, надвигавшаяся глухота — все это вместе с застарелым диабетом. Долго не видевший его А.Ф. Кони при встрече с ним в сентябре 1898 г. был потрясен. «Я едва удержал слезы и крик душевной боли, увидев его, — вспоминал Анатолий Федорович. — До того его изменила, до того состарила его болезнь»<sup>6</sup>. В таком состоянии Урусов еще «спел» свою «лебединую песню» на процессе по делу Московского кредитного общества в октябре 1899 г. 13 апреля 1900 г. он писал сестре: «Умывшись (с большим трудом — падаю), хожу, опираясь на стул и толкая его перед собой, на балкон, подышать воздухом»<sup>7</sup>. При этом он не терял силы духа, с достоинством ожидая конца. В одном из его последних писем к А.Ф. Снегиреву есть такие строки: «Сам я не чувствую себя несчастли-

<sup>1</sup> Подробно см.: Долгов Н.Н. Князь Урусов и театр // Аполлон. 1915. № 6—7; Кузель А.Р. Профили театра. М., 1929. С. 109—130.

<sup>2</sup> Показательно, что ни в Большой советской, ни в Советской исторической энциклопедиях статей об А.И. Урусове нет, а в советской Театральной энциклопедии (М., 1967. Т. 5) — есть.

<sup>3</sup> Андреева А.А. Указ. соч. С. 44.

<sup>4</sup> Там же. С. 43.

<sup>5</sup> А.И. Урусов — Т.Л. Щепкиной-Куперник 28 июля 1890 г. // А.И. Урусов. Первоисточники... С. 322—323.

<sup>6</sup> Там же. С. 93.

<sup>7</sup> Там же. С. 315.

вым, а просто чувствую, что перестаю существовать и что ничего в этом особенно печального нет. Ну, был человек и нет его»<sup>1</sup>. А в последнем письме к А.Ф. Кони он философски «вычислил» свое состояние: «На  $\frac{3}{5}$  еще жив, а на  $\frac{2}{5}$  мертв»<sup>2</sup>.

Князь Александр Иванович Урусов скончался в Москве 16 июля 1900 г. в 6 часов 30 минут утра, «сохранив до конца и речь и сознание»<sup>3</sup>. Похоронить себя он завещал на Пятницком кладбище, где покоились столь дорогие его сердцу Михаил Семенович и Петр Михайлович Щепкины. Из Петербурга на похороны Урусова приехал его самый близкий друг С.А. Андреевский. Он произнес у открытой могилы речь, в которой метко и верно определил место Урусова в ряду звезд отечественной адвокатуры: «Мы хороним сегодня первоиздателя русской уголовной защиты. <...> Слава твоему имени, Александр Иванович! Слава Москве, подарившей тебя России!»<sup>4</sup>

---

<sup>1</sup> А.И. Урусов — Т.Л. Щепкиной-Куперник 28 июля 1890 г. // А.И. Урусов. Первоиздатель... С. 27.

<sup>2</sup> Там же. С. 96

<sup>3</sup> Андреева А.А. Указ. соч. С. 77.

<sup>4</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 319. Если «король адвокатуры» В.Д. Спасович, по словам Андреевского, «взявшись за судебное дело после кафедры, остался немножко профессором и на трибуне», то Урусов «первый дал образец защиты живой, человеческой, общедоступной» (Там же).



## ФЕДОР НИКИФОРОВИЧ ПЛЕВАКО (1842—1908)

За всю историю отечественной адвокатуры не было в ней человека более популярного, чем Ф.Н. Плевако. И специалисты, правове­ды, и обы­ватели, простонародье, ценили его выше всех адвокатов как «великого оратора», «гения слова»<sup>1</sup>, «старшего богатыря» и даже «митрополита адвокатуры»<sup>2</sup>. Сама фамилия его стала нарицательной как синоним адвоката экстра-класса: «Найду другого «Плеваку», — говорили и писали без всякой иронии»<sup>3</sup>. Письма же к нему адресовали так: «Москва. Новинский бульвар, собственный дом. Главному защитнику Плеваке»<sup>4</sup>. Или просто: «Москва. Федору Никифоровичу»<sup>5</sup>.

Литература о Плевако более обширна, чем о ком-либо другом из российских адвокатов<sup>6</sup>, издан капитальный двухтомник его речей<sup>7</sup>, но до сих пор его жизнь, деятельность и творческое наследие должным образом еще не изучены. Почти не рассматриваются, к примеру, его выступления на политических процессах. О том, как плохо знают Плевако даже его почитатели из специалистов — сегодняшние юристы,

<sup>1</sup> Муравьев Н.К. От редактора // Плевако Ф.Н. Речи. М., 1909. Т. 1. С.11.

<sup>2</sup> Столичная адвокатура. М., 1895. С. 108; Вольский А.В. Правда о Плевако: РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 11. «Королем адвокатуры» в России считался В.Д. Спасович, но он был менее популярным, чем Плевако.

<sup>3</sup> Маклаков В.А. Ф.Н. Плевако. М., 1910. С. 4. Поклонники знаменитого адвоката Л.А. Куперника «прославляли» его таким стихом: «Одесский адвокат Куперник — известный всех Плевак соперник»: ГАРФ. Ф.Р-8420. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

<sup>4</sup> РГАЛИ. Ф. 637. Оп. 1. Д. 60. Л. 37.

<sup>5</sup> Вольский А.В. Указ. соч. Л. 11.

<sup>6</sup> См.: Маклаков В.А. Указ. соч.; Доброхотов А.М. Слава и Плевако. М., 1910; Подгорный Б.А. Плевако. М., 1914; Кони А.Ф. Князь А.И. Урусов и Ф.Н. Плевако // Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5; Алховецкий Л.Д. Характеристики известных русских судебных ораторов (В.Ф. Плевако. В.М. Пржевальский. Н.П. Шубинский). СПб., 1902; Смоляруж В.И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984; Он же. Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989.

<sup>7</sup> См.: Плевако Ф.Н. Речи / Под ред. Н.К. Муравьева. М., 1909—1910. Т. 1—2.

адвокаты, говорит такой факт. В 1993 г. издан 30-тысячным тиражом сборник его речей<sup>1</sup>. В аннотации к сборнику (С. 4) указано, что печатаются «речи, в основном ранее не публиковавшиеся», а ответственный редактор сборника, известный адвокат Генри Резник специально отметил знаменитую речь Плевако на процессе крестьян с. Люторичи: «В силу того, что эта речь была опубликована, она не включена в настоящий сборник» (С. 25). Между тем *все 39 речей*, включенных «в настоящий сборник», были опубликованы в двухтомнике 1909—1910 гг. и теперь перепечатаны оттуда без ссылки на двухтомник<sup>2</sup>. Кстати, Г.М. Резник ссылается в сборнике 1993 г. (неоднократно: С. 33, 37, 39) на краткий очерк о Плевако из книги В.И. Смолярчука «Гиганты и чародеи слова», не зная о том, что Смолярчук опубликовал отдельную (десятьеро большего объема) книгу «Адвокат Федор Плевако»...

Родился Федор Никифорович 13 апреля 1842 г. в г. Троицке Оренбургской губернии (ныне Челябинская область). Его родителями были член Троицкой таможи надворный советник Василий Иванович Плевако из украинских дворян и крепостная киргизка Екатерина Степанова, с которой Плевако прижил четырех детей (двое из них умерли младенцами), но брака не узаконил<sup>3</sup>. Как незаконнорожденный будущий «гений слова» получил отчество и фамилию (*Никифоров*) по имени Никифора — крестного отца своего старшего брата. Позднее, в университет он поступал с отцовской фамилией Плевак, а по окончании университета добавил к ней букву «о», причем называл себя с ударением на этой букве: Плевако<sup>4</sup>. «Итак, — заключает по этому поводу биограф Федора Никифоровича, — у него три фамилии: Никифоров, Плевак и Плевако»<sup>5</sup>.

В Троицке с 1849 до 1851 г. Федор учился в приходской и уездной школах, а летом 1851 г. семья Плевако переселилась в Москву. Здесь

<sup>1</sup> См.: Плевако Ф.Н. Избранные речи / Сост. Р.А. Маркович. Отв. ред. и автор предисловия Г.М. Резник. М.: Юридическая литература, 1993.

<sup>2</sup> На с. 539—540 сборника под ред. Г.М. Резника напечатана речь Плевако о Судебных уставах 1864 г. с такой преамбулой: «Ниже печатаемая речь найдена в бумагах Федора Никифоровича уже после его кончины. <...> Дорожка образцами настоящих (? — Н. Т.) речей Федора Никифоровича, сохранившихся в ничтожном количестве, мы печатаем найденный набросок».

<sup>3</sup> Читатель думает, что эта речь публикуется впервые только теперь, в 1993 г. Увы, и сама речь, и преамбула к ней (вместе с опечаткой: «настоящих» вместо «застольных») тоже перепечатаны из двухтомника 1909—1910 гг. (Т. 1. С. 345—346).

<sup>4</sup> См.: Смолярчук В.И. Адвокат Федор Плевако. С. 11—13. Менее убедительны другие версии: Ф.Н. Плевако — сын поляка и башкирки (*Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 37), «литвина и калмычки» (*Подгорный Б.А.* Указ. соч. С. 6—7).

<sup>5</sup> См.: *Россиев П.А.* Памяти Ф.Н. Плевако // Исторический вестник. 1909. № 2. С. 682.

<sup>6</sup> *Смолярчук В.И.* Указ. соч. С. 15.

Федор Никифорович отныне проживет всю жизнь. С осени 1851 г. он начал учиться в коммерческом училище.

Московское коммерческое училище на Остоженке считалось тогда образцовым. Даже особы царской фамилии по приезду в Москву удостоивали его своим посещением, проверяли знания учеников. Федор и его старший брат Дормидонт учились отлично, их имена к концу первого же года учебы были занесены на «золотую доску» училища. В начале второго года училище посетил принц Петр Ольденбургский (племянник двух царей — Александра I и Николая I). Ему рассказали об умении Федора решать устно и быстро сложные задачи с трехзначными и даже четырехзначными цифрами. Принц сам проверил способности мальчика, похвалил его и через два дня прислал ему в подарок конфеты. А под новый, 1853 год Василию Плеваку объявили, что его сыновья исключаются из училища как... незаконнорожденные. Это унижение Федор Никифорович запомнит на всю жизнь. Много лет спустя он так напишет об этом в автобиографии: «Нас объявляли недостойными той самой школы, которая хвалила нас за успехи и выставляла напоказ исключительную способность одного из нас в математике. Прости их Боже! Вот уж и впрямь не ведали, что творили эти узколобые абы, совершая человеческое жертвоприношение»<sup>1</sup>.

Осенью 1853 г., благодаря долгим отцовским хлопотам, Федор и Дормидонт были приняты в 1-ю Московскую гимназию на Пречистенке — сразу в 3-й класс. За время учебы в гимназии Федор похоронил отца и брата, не дожившего до 20 лет. Весной 1859 г. он окончил гимназию и поступил на юридический факультет Московского университета. Будучи студентом, он перевел на русский язык «Курс римского гражданского права» выдающегося немецкого юриста Георга Фридриха Пухты (1798—1846), который позднее он основательно прокомментарирует и издаст за собственный счет<sup>2</sup>.

В 1864 г. Плевако окончил университет с дипломом кандидата прав, но не сразу определился с призванием адвоката: больше полугода он служил на общественных началах стажером в Московском окружном суде, ожидая подходящей вакансии. Когда же, согласно «Положению» 19 октября 1865 г. о введении в действие Судебных уставов 1864 г.<sup>3</sup>, с весны 1866 г. начала формироваться в России присяжная адвокатура, Плевако одним из первых в Москве записался помощником к присяж-

<sup>1</sup> Цит. по: Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 24—25.

<sup>2</sup> См.: Пухта Г.Ф. Курс римского гражданского права. Т. 1. Издание Ф.Н. Плевако. М., 1874.

<sup>3</sup> Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. 40. № 42587.

ному поверенному М.И. Доброхотову<sup>1</sup>. В звании помощника он успел проявить себя как одареннейший адвокат на уголовных процессах, среди которых выделялось дело Алексея Маруева 30 января 1868 г. в Московском окружном суде. Маруев обвинялся в двух подлогах. Защищал его Плевако. Федор Никифорович проиграл это дело (его подзащитный был признан виновным и сослан в Сибирь), но защитительная речь Плевако — первая по времени из сохранившихся его речей — уже показала его силу, особенно в анализе свидетельских оговоров. «Они, — говорил Плевако о свидетелях по делу Маруева, — не отзываются за памятьованием, а один приписывает другому то, что другой, со своей стороны, приписывает первому. <...> Так сильны противоречия, так взаимно уничтожают они себя в самых существенных вопросах! Какая может быть к ним вера?!»<sup>2</sup>

19 сентября 1870 г. Плевако был принят в присяжные поверенные округа Московской судебной палаты<sup>3</sup>, и с этого времени началось его блистательное восхождение к вершинам адвокатской славы. Правда, уже через два года оно едва не оборвалось из-за его политической «неблагонадежности».

Дело в том, что 8 декабря 1872 г. начальник Московского губернского жандармского управления генерал-лейтенант И.А. Слезкин доложил управляющему III отделением А.Ф. Шульцу, что в Москве раскрыто «тайное юридическое общество», созданное с целью «знакомить студентов и вообще молодых людей с революционными идеями», «изыскивать способы к печатанию и литографированию запрещенных книг и распространению их, иметь постоянные сношения с заграничными деятелями». По агентурным данным, в обществе состояли «чем-либо заявившие себя в пользу социализма студенты юридического факультета всех курсов, окончившие курс и оставленные при университете, кандидаты прав, присяжные поверенные и их помощники, а также и бывшие студенты, преимущественно юристы». «В настоящее время, — докладывал шеф московской жандармерии, — означенное общество имеет уже действительных членов до 150 человек. <...> В числе главных называют присяжного поверенного Федора Никифоровича

<sup>1</sup> Присяжным поверенным тогда по закону могло быть лицо не моложе 25 лет и с юридическим стажем не менее 5 лет.

<sup>2</sup> Плевако Ф.Н. Речи. Т. 2. С. 209 (далее ссылки на это издание — в тексте: римская цифра обозначает том, арабская — страницу).

<sup>3</sup> См.: *Сборник материалов, относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты с 23 апреля 1866 по 23 апреля 1891 г.* М., 1891. С. 4; *25-летие московских присяжных поверенных.* М., 1891. С. 6. В указ. соч. В.И. Смоларчука (С. 53) ошибочно: 29 октября.

Плевако, заменившего между студентами значение князя Александра Урусова», и далее перечислен еще ряд имен: С.А. Клячко и Н.П. Цакни (члены революционно-народнического общества т. н. «чайковцев»)¹, В.А. Гольцев (позднее видный общественный деятель, редактор журнала «Русская мысль»), В.А. Вагнер (впоследствии крупный ученый-психолог) и др.²

Спустя семь месяцев, 16 июля 1873 г. И.А. Слезкин уведомил А.Ф. Шульца о том, что «за поименованными лицами производится самое строгое наблюдение и употребляются всевозможные меры к получению фактических данных, кои бы могли служить ручательством к обнаружению как лиц, составлявших тайное юридическое общество, так равно и всех его действий»³. В итоге, таких данных, «кои бы могли служить ручательством...», изыскать не удалось. Дело о «тайном юридическом обществе» было закрыто, его предполагаемые «действительные члены» избежали репрессий. Но Плевако с этого времени вплоть до 1905 г. подчеркнуто сторонился «политики». Единственный из корифеев отечественной адвокатуры, он ни разу не выступал защитником на политических в строгом смысле этого слова процессах, где судились народники, народовольцы, социал-демократы, эсеры, кадеты и т. д. Согласился он выступить несколько раз лишь на процессах по делам о разного рода «беспорядках» с политическим оттенком.

Первым по времени из таких дел стало для него т. н. «охотнорядское дело» 1878 г. о студентах, которые устроили в Москве демонстрацию солидарности с политическими ссыльными, были избиты полицией и преданы суду за то, что сопротивлялись избиению. Власти квалифицировали дело как «уличные беспорядки» и доверили его мировому суду. Политический характер дела вскрыли на суде обвиняемые (среди них был известный народник, с 1881 г. агент Исполнительного комитета «Народной воли» П.В. Гортынский). Их активно поддержал присяжный поверенный Н.П. Шубинский — сотоварищ Плевако по адвокатуре и (в будущем) по членству в партию октябристов⁴. Федор Никифорович выступал на этом процессе осторожно⁵, зная о том, что

¹ Клячко С.А. (1850—1914) — первый переводчик на русский язык книги К. Маркса «Гражданская война во Франции». Пользовался «абсолютным доверием» И.С. Тургенева (*Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 162*). Цакни Н.П. (1851—1904) — публицист, тесть писателя И.А. Бунина.

² См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1872. Д. 198. Л. 1—2 об.

³ Там же. Л. 8 об.-9.

⁴ Шубинский Николай Петрович (1853—1920) — видный юрист и общественный деятель, депутат III и IV Государственной думы. Был женат на М.Н. Ермоловой.

⁵ Ход суда (18 мая 1878 г.) изложен в агентурном донесении от 19 мая (ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 143. Ч. 2. Л. 44—54).

не только зал суда (в Сухаревой башне), но и подходы к нему заполнены молодыми радикалами, а переулки и улицы окрест башни — отрядами полиции<sup>1</sup>. Гораздо смелее вступился он за бунтовщиков-крестьян в нашумевшем люторичском деле.

Весной 1879 г. крестьяне с. Люторичи Тульской губернии взбунтовались против их закабаления соседним помещиком, московским губернским предводителем дворянства в 1875—1883 гг. графом А.В. Бобринским (из рода Бобринских — от внебрачного сына императрицы Екатерины II А.Г. Бобринского). Бунт был подавлен силами войск, а его «подстрекатели» (34 человек) преданы суду по обвинению в «сопротивлении властям». Дело рассматривала Московская судебная палата с словными представителями в декабре 1880 г. Плевако взял на себя не только защиту всех обвиняемых, но и «расходы по их содержанию в течение трех недель процесса»<sup>2</sup>. Его защитительная речь (I. 300—312) прозвучала грозным обвинением власть имущих в России. Определив положение крестьян после реформы 1861 г. как «полугодную свободу», Плевако с цифрами и фактами в руках показал, что в Люторичах жизнь стала «во сто крат тяжелее дореформенного рабства». Хищнические поборы с крестьян так возмутили его, что он воскликнул по адресу гр. Бобринского и его управляющего А.К. Фишера: «Стыдно за время, в которое живут и действуют подобные люди!» Что касается обвинения его подзащитных в подстрекательстве бунта, то Плевако заявил судьям: «Подстрекатели были. Я нашел их и с головой выдаю вашему правосудию. Они — подстрекатели, они — зачинщики, они — причина всех причин. Бедность безысходная, <...> бесправие, беззастенчивая эксплуатация, всех и вся доводящая до разорения, — вот они, подстрекатели!»

После речи Плевако в зале суда, по свидетельству очевидца, «гремели рукоплескания взволнованных, потрясенных слушателей»<sup>3</sup>. Суд вынужден был оправдать 30 из 34 подсудимых<sup>4</sup>. А.Ф. Кони считал, что выступление Плевако на этом процессе «было по условиям и настроением того времени гражданским подвигом»<sup>5</sup>.

Столь же смело и громко выступил Плевако на процессе по делу участников исторической морозовской стачки рабочих Никольской ману-

<sup>1</sup> См. об этом: Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 323—327.

<sup>2</sup> История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 272.

<sup>3</sup> В.Г. [Гольцев В.А.]. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1881. № 2. С. 28.

<sup>4</sup> См. судебное дело о крестьянах с. Люторичи: ЦИИМ. Ф. 131 (Московская судебная палата). Оп. 14. Д. 801.

<sup>5</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 134. Под «условиями и настроениями того времени» Кони понимает здесь крайнюю остроту политического кризиса в России 1879—1880 гг., когда власть направляла все свои силы для подавления революционной «крамолы».

фактуры фабрикантов Морозовых у ст. Орехово (ныне г. Орехово-Зуево Московской обл.). Эта самая крупная и самая организованная по тому времени стачка<sup>1</sup> («страшный бунт десятка тысяч рабочих»<sup>2</sup>) с 7 по 17 января 1885 г. носила отчасти политический характер: руководили ею рабочие-революционеры П.А. Моисеенко, В.С. Волков и Л.И. Иванов, а в числе требований стачечников, предъявленных губернатору, было «полное изменение условий найма между хозяином и рабочими по изданному государственному закону»<sup>3</sup>. Дело о стачке слушалось на двух процессах во Владимирском окружном суде в феврале (о 17 обвиняемых) и в мае 1886 г. (еще о 33). На первом из них, 7 февраля, главных обвиняемых — Моисеенко и Волкова — защищал Плевако.

И на этот раз, как в люторическом деле, Плевако оправдывал подсудимых, квалифицируя их действия как *вынужденный* «протест против бесправного произвола» со стороны эксплуататоров народа и стоявших за ними властей (1. 322—325). «Фабричная администрация, вопреки общему закону и условиям договора, — подчеркивал Федор Никифорович, — не отапливает заведение, рабочие стоят у станка при 10—15 градусах холода. Вправе они уйти, отказаться от работы при наличии незаконных действий хозяина, или должны замерзнуть геройской смертью? Хозяин, вопреки договору, дает не условленные работы, рассчитывает не по условию, а по произволу. Должны ли рабочие тупо молчать, или могут врозь и вместе отказаться от работы не по условию? Полагаю, что закон охраняет законные интересы хозяина, против беззакония рабочих, а не берет под свою защиту всяческого хозяина во всяческом его произволе». Обрисовав положение морозовских рабочих, Плевако, по воспоминаниям П.А. Моисеенко, произнес слова, которые не вошли в опубликованный текст его речи: «Если мы, читая книгу о чернокожих невольниках, возмущаемся, то теперь перед нами — белые невольники»<sup>4</sup>.

Суд внял доводам защиты. Даже Моисеенко и Волков, признанные вожаки стачки, были приговорены лишь к 3 месяцам ареста, 13 человек — к аресту от 7 дней до 3 недель, и 2 оправданы.

В дальнейшем Плевако еще, по крайней мере, дважды выступал защитником по делам о рабочих «беспорядках» с политическим оттенком. В декабре 1897 г. Московская судебная палата рассматривала дело о рабочих фабрики Н.Н. Коншина в г. Серпухове. Сотни их взбунтова-

<sup>1</sup> Подробно о ней см.: *Морозовская стачка 1885 г. М., 1935; Моисеенко П.А.* Воспоминания старого революционера. М., 1966.

<sup>2</sup> *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 2. С. 23.

<sup>3</sup> *Рабочее движение в России в XIX в. М., 1952. Т. 3 Ч. 1. С. 133* (курсив мой. — Н. Т.).

<sup>4</sup> *Моисеенко П.А.* Указ. соч. С. 108.

лись против бесчеловечных условий труда и быта, стали громить квартиры фабричного начальства и были усмирены лишь вооруженной силой, оказав при этом «сопротивление властям». Плевако здесь поставил и разъяснил очень важный — как юридически, так и политически — вопрос о соотношении личной и коллективной ответственности за подсудное дело (I. 331—332). «Совершено деяние незаконное и нетерпимое, — говорил он. — Преступником была толпа. А судят не толпу. Судят несколько десятков лиц, замеченных в толпе. Это тоже своего рода толпа, но уже другая, малая; ту образовали массовые инстинкты, эту — следователи и обвинители. <...> Все сказуемые, наиболее хлестко выривающиеся буйство массы приписывали толпе, скопищу, а не отдельным людям. А судим отдельных лиц: толпа ушла». И далее: «Толпа — здание, люди — кирпичи. Из одних и тех же кирпичей создается и храм Богу, и тюрьма — жилище отверженных. <...> Толпа заражает. Лица, в нее входящие, заражаются. Бить их — это все равно что бороться с эпидемией, бичуя больных».

В итоге суд и по этому делу определил подсудимым минимальные наказания<sup>1</sup>.

Что касается процесса в Московской судебной палате весной 1904 г. по делу о рабочих «беспорядках» на подмосковной мануфактуре А.И. Баранова, то в этот процесс вносили политический смысл защитники, либеральные представители т. н. «молодой адвокатуры»: Н.К. Муравьев, Н.В. Тесленко, В.А. Маклаков, М.Л. Мандельштам. Вместе с ними, по их приглашению, защищал рабочих Плевако. В отличие от своих коллег, которые старались обратить судебный процесс в «первый урок политграмоты, школу политического воспитания» подсудимых<sup>2</sup>, Федор Никифорович выступал, по воспоминаниям Мандельштама<sup>3</sup>, вне политики: «В его защите звучали не революционные, а «общечеловеческие» ноты. Он обращался не к рабочим массам. Он говорил с классами привилегированными, убеждая их из чувства человеколюбия протянуть руку помощи рабочим»<sup>4</sup>. Мандельштаму показалось даже, что Плевако выступил вяло, что он «утомлен жизнью», «орел уже не расправляет своих крыльев»<sup>5</sup>. Но уже через шесть месяцев, в ноябре того же 1904 г., Плевако вновь смотрелся «орлом».

<sup>1</sup> См.: *Дело о беспорядках на Коншинской мануфактуре // Плевако Ф.Н. Речи. Т. 1. С. 330.*

<sup>2</sup> См.: *Мандельштам М.Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 103.*

<sup>3</sup> Речь Плевако по этому делу не вошла в двухтомник его речей.

<sup>4</sup> *Мандельштам М.Л. Указ. соч. С. 101.*

<sup>5</sup> Там же. С. 104.

На этот раз процесс был явно политическим, хотя и без участия каких-либо революционеров, а само обвинение формулировалось аполитично: «клевета». В качестве обвиняемого перед Петербургским окружным судом предстал редактор-издатель газеты «Гражданин» кн. В.П. Меццерский, истцом был орловский предводитель дворянства М.А. Стахович (близкий друг семьи Л.Н. Толстого), а Плевако и В.А. Маклаков выступили в роли поверенных истца, поддерживая обвинение. Суть дела заключалась в том, что Стахович написал статью с протестом против истязаний, которым полиция подвергала свои жертвы. Эта статья, после того как ее отклонили три подцензурных органа, была напечатана в нелегальном журнале П.Б. Струве «Освобождение» с оговоркой: «без согласия автора». Меццерский в № 28 своей газеты за 1904 г. злобно обругал Стаховича и его «намерение бросить обвинительную тень на административную власть», «сотрудничество с революционным изданием», «оскорбление патриотизма, почти равное писанию сочувственных телеграмм японскому правительству» (в то время шла Русско-японская война).

Плевако буквально восславил Стаховича, подчеркнув «всю чистоту намерений, всю правоту средств, которыми истинный гражданин своей страны борется с неправдой, оглашает ее и призывает к исправлению», и осудил (солидарно с Маклаковым) «полицейское понимание жизни» у Меццерского. Стаховича он причислил к «лагерю» Минаина и Пожарского, а Меццерского — к «лагерю» Малюты Скуратова (I. 289). Заключительные слова Плевако о Меццерском прозвучали как анафема: «Он не докажет честно мыслящим русским людям, что нежелательны Стаховичи и нужны только Меццерские. Довольно с нас и одного Меццерского, дай Бог побольше таких людей, как Стахович! <...> Оцените же поступок князя, и к его древнему имени пусть добавят имя клеветника!» (I. 293).

Речи Плевако и Маклакова по делу Меццерского<sup>1</sup> произвели тем большее впечатление, что вся образованная Россия знала тогда: князь Меццерский не просто символизирует крайнюю реакцию, он — при всей одиозности его репутации в обществе<sup>2</sup> — слывет «ментором двух

<sup>1</sup> Их полные тексты были опубликованы сразу после суда: Право. 1904. № 48. С. 3319—3333.

<sup>2</sup> Вот отзывы о Меццерском очень разных людей: «презренный представитель заднего крыльца»; «негодяй, нагаец, человек без совести», к тому же еще «трижды обличенный в мужеложестве» (Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 318; Фсоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы. М., 1991. С. 236; Половцов А.А. Дневник государственного секретаря. М., 1966. Т. 2. С. 197. Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 263, 271, 274).

государей» (Александра III и Николая II), которые благоволили к Мещерскому и субсидировали его газету как «царский орган», «настоящую газету царей»<sup>1</sup>. Суд (надо отдать ему должное) не стал политиканствовать: он признал царского «ментора» виновным в клевете и приговорил его к двухнедельному аресту на гауптвахте<sup>2</sup>.

Выступления Плевако на политических (в той или иной мере) процессах позволяют усмотреть в нем «демократа-разночинца»<sup>3</sup>, как назвал его А.Ф. Кони, тем более что сам Федор Никифорович прямо говорил о себе: «Я человек 60-х годов»<sup>4</sup>. Но, думается, В.И. Смолярчук преувеличивал, полагая, что не только «по складу своего характера», но и «по сложившемуся мировоззрению» Плевако был «глубоким демократом»<sup>5</sup>. Кони имел в виду не мировоззрение Плевако, а его демократически-разночинскую «повадку», отзывчивость и простоту его общения «во всех слоях русского общества»<sup>6</sup>. Мировоззренческий же демократизм Плевако был не глубоким, а скорее широким, не столько осознанным, сколько стихийным. Незаконнорожденное дитя от смешанного брака, «изгой», по собственному выражению<sup>7</sup>, он стал действительным статским советником (4-й класс Табели о рангах, соответствующий воинскому званию генерал-майора), получил доступ в высшие сферы, дружил с такими зубрами из сильных мира, как генеральный контролер Т.И. Филиппов («циник по нравственности и подлому подобострастию перед тем, кто мог быть ему полезен»<sup>8</sup>) и яростный ненавистник любой демократии обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев<sup>9</sup>.

Впрочем, дружба Плевако с Победоносцевым не имела под собой идейной опоры. А.В. Вольский видел собственноручно переписанную Плевако «злую» эпиграмму на Победоносцева:

Победоносцев для Синода,  
Обедоносцев при дворе,  
Бедоносцев для народа  
И Доносцев он везде<sup>10</sup>.

<sup>1</sup> Феоктистов Е.М. Указ. соч. С. 238, 415; Милуков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 324; Т. 2. С. 77; Богданович А.В. Три последних самодержца. М., 1990. С. 276; Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 140; ИРАИ РО. Ф. 9120. Б. 12. Л. 7 (дневник Е.М. Феоктистова).

<sup>2</sup> См.: Право. 1904. № 48. С. 3333.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 124.

<sup>4</sup> РГАЛИ. Ф. 912. Оп. 4. Д. 168. Л. 1 (Ф.Н. Плевако — Ф.И. Шаляпину 9 января 1902 г.).

<sup>5</sup> Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 208.

<sup>6</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 124.

<sup>7</sup> См.: Плевако Ф.Н. Автобиография [Цит. по: Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 16].

<sup>8</sup> Половцов А.А. Указ. соч. Т. 2. С. 432.

<sup>9</sup> О дружбе Плевако с Победоносцевым см.: Маклаков В.А. Указ. соч. С. 40; Богданович А.В. Указ. соч. С. 171; Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 94—95.

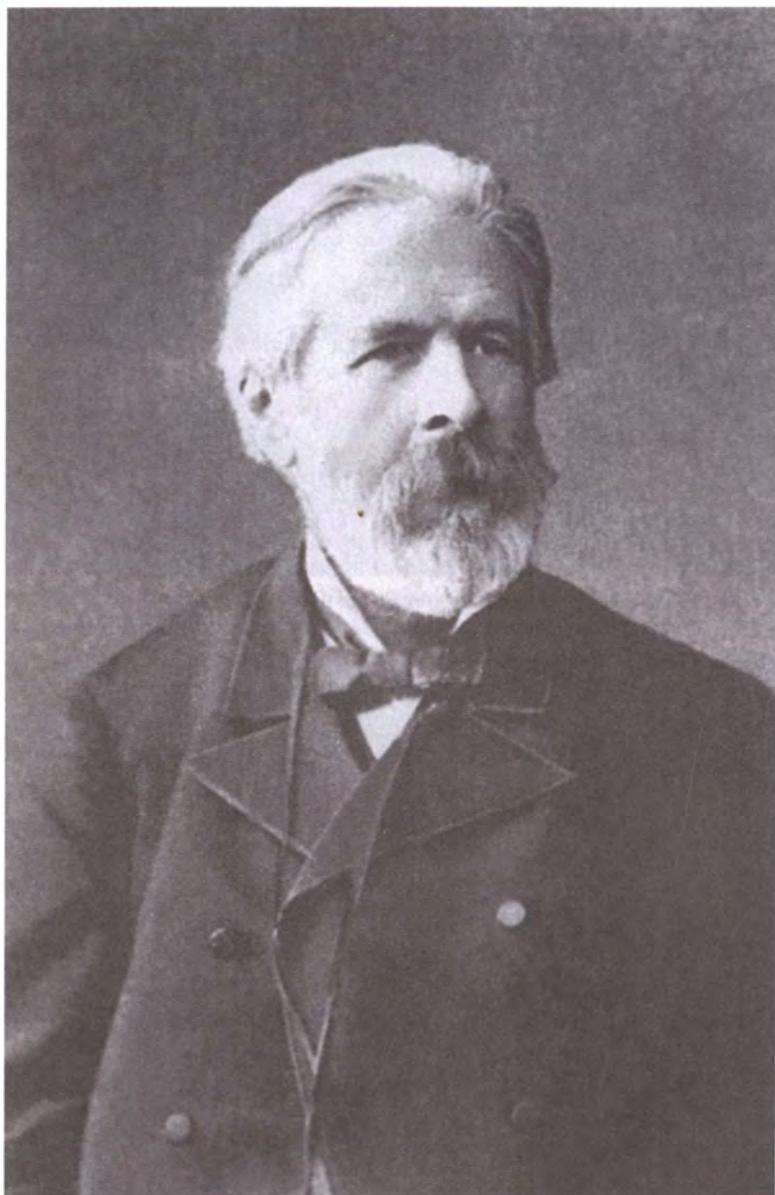
<sup>10</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 10.



Зал Петербургского Совета присяжных поверенных



В коридоре суда во время нечаевского процесса



Д.В. Стасов



Ф.Н. Плевако



Н.П. Карбчевский



В.Н. Герард



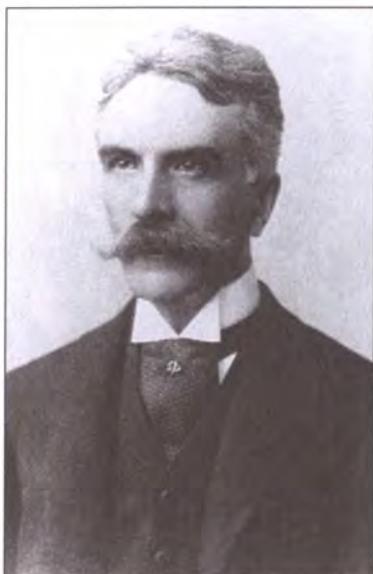
П.А. Александров



В.Д. Спасович



А.И. Урусов



С.А. Андреевский



К.К. Арсеньев



Петербургский Совет присяжных поверенных



А.М. Унковский



В.И. Танеев

Победоносцев, со своей стороны, не зря, «когда увидел фотографию Плевако с молодыми адвокатами (из «неблагонадежных». — Н. Т.), сказал: «Их всех повесить надо, а не фотографировать»<sup>1</sup>.

Сторонясь после дела 1872—1873 гг. о «тайном юридическом обществе» и до революции 1905 г. всякой «политики», Плевако ярко проявил себя не как демократ, а как ГУМАНИСТ. Убежденный в том, что «жизнь одного человека дороже всяких реформ» (II, 9), он ратовал за нелицеприятное правосудие: «Перед судом все равны, хоть генералиссимусом будь!» (I, 162). При этом он считал необходимым и естественным для правосудия милосердие: «Слово закона напоминает угрозы матери детям. Пока нет вины, она обещает жестокие кары непокорному сыну, но едва настанет необходимость наказания, любовь материнского сердца ищет всякого повода смягчить необходимую меру казни» (I, 155). Но именно как гуманист и правдолюб обличал он перед судом любые злоупотребления, чинимые ли духовными воротилами «под покровом ряссы и обители» или «собаками» полицейского сыска под командой властей «Ату его!» (I, 161, 175; II, 63).

Забытый ныне поэт-демократ Леонид Граве (1839—1891)<sup>2</sup> посвятил Федору Никифоровичу стихотворение «В толпе глупцов, бездушной и холодной» с такими строками:

Взгляни вокруг: весь мир окован злом,  
В сердцах людей вражда царит от века...  
Не бойся их! С бестрепетным челом  
Иди на бой за право человека<sup>3</sup>.

Вернемся к теме политики в жизни и творчестве Плевако. Царский манифест 17 октября 1905 г. внушил ему иллюзию близости в России гражданских свобод. Он с молодым задором устремился в политику: попросил своего коллегу по адвокатуре В.А. Маклакова «записать» его в Конституционно-демократическую партию. Тот (бывший одним из основателей и лидеров партии) отказался, резонно посчитав, что «Плевако и политическая партия, партийная дисциплина — понятия несовместные»<sup>4</sup>. Тогда Плевако вступил в партию октябристов. От них он был избран в III Государственную думу, где с наивностью политика-диетанта призывал думцев заменить «песни о свободе песнями свободных

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 10.

<sup>2</sup> Максим Горький вспоминал о Граве в 1934 г.: «Талантливый был поэт, едкий, хорошие политические стихи писал» (Цит. по: *Хитровский Ф.П.* Поэт Граве и его время // Натиск. 1935. № 2. С. 83).

<sup>3</sup> См.: *Граве Л.Г.* Стихотворения. М., 1892. С. 17.

<sup>4</sup> *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 47.

рабочих, воздвигающих здание права и свободы» (эта речь 20 ноября 1907 г. была первой и последней его думской речью: I. 367—373). Как явствует из воспоминаний Н.П. Карабчевского, Плевако обдумывал даже проект «виодоизменения царского титула, чтобы подчеркнуть, что Николай II уже не абсолютный русский царь Божией милостью, а ограниченный монарх»<sup>1</sup>, но не рискнул заявить об этом с думской трибуны.

Думский (оказалось, предсмертный) вираж карьеры Плевако озадачил и огорчил его коллег, учеников, друзей как «недоразумение»<sup>2</sup>. Сегодня адвокат Г.М. Резник пытается оспорить этот факт, ибо, мол, «нет никаких (? — Н. Т.) оснований подозревать в неискренности твердого (? — Н. Т.) в убеждениях либерала»<sup>3</sup>, каковым был Плевако. Увы, В.А. Маклаков и Н.П. Карабчевский лучше Резника знали, что именно твердости в политических убеждениях Федора Никифоровича не доставало.

Итак, в сфере политики Плевако не стал сколько-нибудь заметной величиной, но в сфере права он воистину велик как адвокат и судебный оратор, блиставший на процессах главным образом по уголовным (отчасти и по гражданским) делам.

Оратором Плевако был уникальным, — что называется, от Бога. Правда, в отличие от иных корифеев присяжной адвокатуры — таких как А.И. Урусов, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский (но под стать В.Д. Спасовичу и П.А. Александрову), он был беден внешними данными. «Скуластое, угловатое лицо калмыцкого типа с широко расставленными глазами, с непослушными прядями длинных черных волос могло бы назваться безобразным, если бы его не освещала внутренняя красота, сквозившая то в общем одушевленном выражении, то в доброй, львиной улыбке, то в огне и блеске говорящих глаз. Его движения были неровны и подчас неловки; нескладно сидел на нем адвокатский фрак, а пришепетывающий голос шел, казалось, вразрез с его призыванием оратора. Но в этом голосе звучали ноты такой силы и страсти, что он захватывал слушателя и покорял его себе»<sup>4</sup>.

Секрет ораторской неотразимости Плевако был не только и даже не столько в мастерстве слова. «Главная его сила заключалась в интонациях, в неодолимой, прямо колдовской заразительности чувства, которым он умел зажечь слушателя. Поэтому речи его на бумаге и в отдаленной мере не передают их потрясающей силы»<sup>5</sup>. Очень подходит к Плевако афо-

<sup>1</sup> *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Т. 2: Революция и Россия. Берлин, 1921. С. 14.

<sup>2</sup> Там же. С. 14—15; *Маклаков В.А.* Указ. соч. С. 49.

<sup>3</sup> *Резник Г.М.* Рыцарь правосудия // Плевако Ф.Н. Избранные речи. М., 1993. С. 39—40.

<sup>4</sup> *Кони А.Ф.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 124.

<sup>5</sup> *Версаев В.В.* Невыдуманные рассказы. М., 1968. С. 131.

ризм Ф. Ларошфуко: «В звуке голоса, в глазах и во всем облике говорящего заключено не меньше красноречия, чем в выборе слов»<sup>1</sup>.

Тексты своих речей Плевако никогда заранее не писал, но после суда по просьбе газетных репортеров или близких друзей иной раз («когда не ленился») записывал уже произнесенную речь. Эти записи принадлежат, бесспорно, к лучшим текстам в его двухтомнике<sup>2</sup>.

Плевако-оратор был подчеркнута (как никто другой) индивидуален. Далеко не такой эрудит, как Спасович или Урусов (а позднее О.О. Грузенберг), он зато был силен житейской смекалкой и хваткой, «народностью» истоков своего красноречия. Уступая Спасовичу в глубине научного анализа, Карабчевскому — в логике доказательств, Александрову — в дерзости, Урусову и Андреевскому — в гармонии слова, он превосходил их всех в заразительной искренности, эмоциональной мощи, ораторской изобретательности. Вообще, по авторитетному мнению А.Ф. Кони, «в Плевако сквозь внешнее обличие защитника выступал трибун»<sup>3</sup>, который, однако, идеально владел трояким призванием защиты: «убедить, растрогать, умилостивить»<sup>4</sup>. «Он был мастером красивых образов, каскадов громких фраз, ловких адвокатских трюков, остроумных выходов, неожиданно приходивших ему в голову и нередко спасавших клиентов от грозившей кары»<sup>5</sup>. Насколько непредсказуемы были защитительные находки Плевако, видно из двух его выступлений, о которых в свое время ходили легенды: в защиту священника, отрешенного от сана за воровство, и старушки, укравшей жестяной чайник.

Первый случай со слов известного российского и советского адвоката Н.В. Коммодова художественно описал не менее известныйследователь и литератор, «классик» советского детектива Л.Р. Шейнин<sup>6</sup>. Спустя три десятилетия, уже в наше время, М.Я. Лещинский, сославшись на то, что покойный Шейнин когда-то «рассказал» ему эту историю, дословно воспроизвел публикацию Шейнина (на что ушло 15 страниц) в своем сочинении как бы от себя<sup>7</sup>.

Суть дела с проворовавшимся священником вкратце излагали также В.В. Вересаев и В.И. Смолярчук<sup>8</sup>. Вина подсудимого в хищении цер-

<sup>1</sup> Ларошфуко Ф. Мемуары. Максими. Л., 1971. С. 170.

<sup>2</sup> См.: Маклаков В.А. Указ. соч. С. 19; Муравьев Н.К. От редактора. С. III.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 5. С. 124.

<sup>4</sup> Воскресенский Н.К. Ф.Н. Плевако // Судебная летопись. 1909. № 10. С. 3.

<sup>5</sup> Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 159.

<sup>6</sup> См.: Шейнин Л.Р. Пари // Огонек. 1963. № 38.

<sup>7</sup> См.: Лещинский Михаил. Судебные записки. Роман-хроника. М., 1995. С. 239—254.

<sup>8</sup> См.: Вересаев В.В. Указ. соч. С. 131; Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 88.

ковных денег была доказана. Он сам в ней признался. Свидетели были все против него. Прокурор произнес убийственную для подсудимого речь. Плевако, заключивший пари с фабрикантом-меценатом С.Т. Морозовым (при свидетеле Вл.И. Немировиче-Данченко) о том, что он вместит свою защитительную речь в одну минуту и священника оправдают, промолчал все судебное следствие, не задал никому из свидетелей ни одного вопроса. Когда же наступила его минута, он только и сказал, обратясь к присяжным с характерной для него задушевностью: «Господа присяжные заседатели! Более двадцати лет мой подзащитный отпускал вам грехи ваши. Один раз отпустите вы ему, люди русские!» Присяжные оправдали священника.

В деле о старушке, укравшей чайник, прокурор, желая заранее парализовать эффект защитительной речи Плевако, сам высказал все возможное в пользу обвиняемой (сама она бедная, кража пустяковая, жалко старушку), но подчеркнул, что собственность священна, нельзя посягать на нее, ибо ею держится все благоустройство страны, «и если позволить людям не считаться с ней, страна погибнет». Поднялся Плевако: «Много бед, много испытаний довелось претерпеть России за ее больше чем тысячелетнее существование. Печенеги терзали ее, половцы, татары, поляки. Дванадцать языков обрушились на нее, взяли Москву. Все вытерпела, все преодолела Россия, только крепла от испытаний и росла. Но теперь, теперь... Старушка украла жестяной чайник ценою в 30 копеек. Этого Россия уж, конечно, не выдержит, от этого она погибнет»<sup>1</sup>. Старушку оправдали.

А вот малоизвестный случай. Некий помещик уступил крестьянам часть своей земли по договоренности с ними — за то, что они проложили удобную дорогу от его усадьбы к шоссе. Но помещик умер, а его наследник отказался принять договоренность и снова отнял у крестьян землю. Крестьяне взбунтовались, подожгли помещичью усадьбу, порезали скот. Бунтовщиков предали суду. Защищать их взялся Плевако. Суд был скорым. Прокурор метал против обвиняемых громы и молнии, а Плевако отмалчивался. Когда же слово было дано защите, Федор Никифорович обратился к присяжным заседателям (сплошь из местных помещиков) с такими словами: «Я не согласен с господином прокурором и нахожу, что он требует чрезвычайно мягких приговоров. Для одного подсудимого он затребовал пятнадцать лет каторги, а я считаю, этот срок надо удвоить. И этому прибавить пять лет... И этому... *Чтобы раз и навсегда отучить мужиков верить*

<sup>1</sup> Вересаев В.В. Указ. соч. С. 132.

слову русского дворянина!» Присяжные вынесли оправдательный приговор<sup>1</sup>.

Ряд уголовных процессов с участием Плевако обрета, главным образом благодаря именно его выступлениям, общероссийский резонанс. Первым из них по времени был митрофаньевский процесс, т. е. суд над игуменьей Серпуховского владычного монастыря Митрофанией, который вызвал интерес даже в Европе<sup>2</sup>. В миру баронесса Прасковья Григорьевна Розен, дочь героя Отечественной войны 1812 г. и заместника на Кавказе 1831—1837 гг. генерала от инфантерии и генерал-адъютанта Г.В. Розена (1782—1841), фрейлина царского двора, она в 1854 г. постриглась в монахини, а с 1861 г. владычествовала в Серпуховском монастыре. За 10 лет игуменьи, опираясь на свои связи и близость ко двору, наворовала посредством мошенничества и подлогов больше 700 тыс. рублей (сумма по тому времени колоссальная).

Следствие по делу Митрофании начал в Петербурге А.Ф. Кони (в то время прокурор Петербургского окружного суда)<sup>3</sup>, а судил ее 5—15 октября 1874 г. Московский окружной суд под председательством П.А. Дейера<sup>4</sup>. Плевако в качестве поверенного потерпевших стал на процессе главным обвинителем игуменьи и ее монастырских подручных. Подтвердив выводы следствия, опровергнув доводы защиты<sup>5</sup>, он заявил: «Путник, идущий мимо высоких стен владычного монастыря, набожно крестится на золотые кресты храмов и думает, что идет мимо дома Божьего, а в этом доме утренний звон подымал настоятельницу и ее слуг не на молитву, а на темные дела! Вместо храма — биржа, вместо молящегося люда — аферисты, вместо молитвы — упражнения в составлении векселей, вместо подвигов добра — приготовления к ложным показаниям; вот что скрывалось за стенами. <...> Выше, выше стройте стены вверенных вам общин, чтобы миру не было видно дел, которые вы творите под покровом рясы и обители!» (П. 62—63). Суд признал игуменью Митрофанию виновной в мошенничестве и подлогах и приговорил ее к ссылке в Сибирь.

На сенсационном процессе П.П. Качки в Московском окружном суде 22—23 марта 1880 г. Плевако блеснул в более привычной для себя

<sup>1</sup> См.: *Исторические анекдоты* от Михаила Ардова // *Огонек*. 1995. № 12. С. 93.

<sup>2</sup> См. о нем: *Забелина Е.П.* Дело игуменьи Митрофании. Подробный стенографический отчет. М., 1874.

<sup>3</sup> См.: *Кони А.Ф.* Игуменья Митрофания // *Собр. соч.*: В 8 т. Т. 5. С. 64—73.

<sup>4</sup> *Дейер* Петр Антонович (1832 — после 1905) — с 1877 г. сенатор, затем обер-прокурор уголовного кассационного департамента Сената. Председательствовал на громких политических процессах С.Г. Нечлева, А.И. Ульянова, И.П. Каляева и др.

<sup>5</sup> Защищал Митрофанию малоизвестный присяжный поверенный С.С. Шайкевич.

роли защитника подсудимой. Здесь — не в самом деле, а в сопутствующих ему обстоятельствах, — отчасти просматривался политический аспект. Дело в том, что 18-летняя дворянка Прасковья Качка была падчерицей народника-пропагандиста Н.Е. Битмида<sup>1</sup> и вращалась в «крамольной» среде. 15 марта 1879 г. на молодежной вечеринке (сходке?) в квартире видного народника П.В. Гортынского (в 1878 г. судившегося по «охотнорядскому» делу) Качка застрелила своего возлюбленного, студента Бронислава Байрашевского и попыталась было убить себя, но не смогла. Суд квалифицировал дело как убийство из ревности.

Плевако, дав психологически мастерский анализ всего пережитого обвиняемой за ее 18 лет (сиротское детство, «физическое нездоровье», обманутая любовь), воззвал к милосердию присяжных: «Присмотритесь к этой 18-летней женщине и скажите мне, что она — зараза, которую нужно уничтожить, или зараженная, которую надо пощадить? <...> Не с ненавистью, а с любовью судите, если хотите правды. Пусть, по счастливому выражению псалмопевца, правда и милость встретятся в вашем решении, истина и любовь облобызаются!» (I. 43).

Суд определил поместить Качку для лечения в больницу. Вероятно, лечение пошло ей на пользу. Спустя пять лет В.Г. Короленко видел ее на пристани в Нижнем Новгороде среди пассажиров — «нарумяненной и напудренной», жизнерадостной<sup>2</sup>.

Может быть, в самом сложном для себя положении Плевако как защитник оказался на процессе Александра Бартенева в Варшавском окружном суде 7 февраля 1891 г., но именно здесь он произнес одну из самых блестящих своих речей, которая неизменно включается во все сборники образцов русского судебного красноречия.

Корнет Бартенева 19 июня 1890 г. в своей квартире застрелил популярную артистку Императорского Варшавского театра Марию Висновскую. Следствие установило, что убийца и его жертва любили друг друга. Бартенева ревновал Висновскую, а та не очень верила в его любовь. По словам Бартенева, подтвержденным записками Висновской, они в последний вечер договаривались уйти из жизни: он убьет ее, а потом — себя. Бартенева, однако, застрелив ее, стрелять в себя не стал. Сам факт убийства он не только не отрицал, но и добровольно сообщил о нем своему начальству сразу после случившегося.

<sup>1</sup> См. о П.П. Качке: Короленко В.Г. История моего современника. М., 1965. С. 460—463 (Короленко знал и Качку и Битмида). О Николае Егоровиче Битмиде (1842—?) см.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932 (ук. имен).

<sup>2</sup> См.: Короленко В.Г. Указ. соч. С. 463.

Плевако в самом начале своей трехчасовой (!) защитительной речи (I. 136—156) объяснил, чего добивается защита, — не оправдать подсудимого, а лишь смягчить «меру заслуженной подсудимым кары». Не позволив себе бросить малейшую тень на репутацию Висновской (хотя даже обвинитель говорил о «темных пятнах» в ее жизни), Федор Никифорович очень тонко «анатомировал» преступление Бартенева: «Бартенева весь ушел в Висновскую. Она была его жизнью, его волей, его законом. Вели она — он жертвует жизнью. <...> Но она велела ему убить ее, прежде чем убить себя. Он исполнил страшный приказ. Но едва он сделал это, он потерялся: хозяина его души не стало, не было больше той живой силы, которая по своему произволу могла толкать его на доброе и злое». В заключение своей речи Плевако воскликнул: «О, если бы мертвые могли подавать голос по делам, их касающимся, я отдал бы дело Бартенева на суд Висновской!»

Бартенева был приговорен к 8 годам каторги, но Александр III заменил ему каторгу разжалованием в солдаты.

Пожалуй, наибольший общественный резонанс из всех уголовных дел с участием Плевако вызвало необычное, взволновавшее всю Россию дело С.И. Мамонтова в Московском окружном суде с присяжными заседателями 31 июля 1900 г. Савва Иванович Мамонтов (1841—1918) — промышленный магнат, главный акционер железнодорожной и двух заводских компаний — был одним из самых популярных в России меценатов<sup>1</sup>. Его подмосковное имение Абрамцево в 1870—1890-х годах было важным центром русской художественной жизни. Здесь встречались и работали И.Е. Репин, В.И. Суриков, В.А. Серов, В.М. Васнецов, В.Д. Поленов, К.С. Станиславский, Ф.И. Шаляпин. В 1885 г. Мамонтов основал на свои средства Московскую частную русскую оперу, где впервые и проявил себя как великий певец Шаляпин, а вместе с ним блистали Н.И. Забела-Врубель, Н.В. Салина, В.А. Лосский и др. Осенью 1899 г. российская общественность была шокирована известием об аресте и скором предании суду Мамонтова, двух его сыновей и брата по обвинению в растрате («хищении и присвоении») 6 млн рублей из средств Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги<sup>2</sup>.

Процесс по делу Мамонтова вел председатель Московского окружного суда Н.В. Давыдов (1848—1920) — авторитетный юрист, близкий друг и консультант А.Н. Толстого, подсказавший писателю сюжеты

<sup>1</sup> См. о нем: *Копицаев М.И.* Савва Мамонтов. М., 1972.

<sup>2</sup> Подробно см.: *Судебные драмы. Процесс Саввы Мамонтова и др.* М., 1901.

пьес «Живой труп» и «Власть тьмы». Обвинял товарищ прокурора Московской судебной палаты П.Г. Курлов (будущий командир Отдельного корпуса жандармов). В числе свидетелей выступили писатель Н.Г. Гагарин-Михайловский (автор тетралогии «Детство Темы», «Гимназисты», «Студенты», «Инженеры») и директриса Частной оперы К.С. Винтер — родная сестра оперной примадонны Т.С. Любатович и двух революционерок-народниц, каторжанок В.С. и О.С. Любатович<sup>1</sup>.

Защищать Савву Мамонтова его друзья В.И. Суриков и В.Д. Поленов пригласили Плевако. Других обвиняемых защищали еще три мастера отечественной адвокатуры Н.П. Карабчевский, В.А. Маклаков и Н.П. Шубинский.

Центральным событием процесса стала защитительная речь Плевако (II. 325—344). Федор Никифорович наметанным взглядом сразу определил слабость главного пункта обвинения. «Ведь хищение и присвоение, — говорил он, — оставляют следы: или прошлое Саввы Ивановича полно безумной роскоши, или настоящее — несправедливой корысти. А мы знаем, что никто не указал на это. Когда же, отыскивая присвоенное, судебная власть с быстротой, вызываемой важностью дела, вошла в его дом и стала искать незаконно награбленное богатство, она нашла 50 рублей в кармане, вышедший из употребления железнодорожный билет, стомарковую немецкую ассигнацию». Защитник показал, сколь грандиозен и патриотичен был замысел обвиняемого проложить железную дорогу от Ярославля до Вятки, чтобы «оживить забытый Север», и как трагично, из-за «неудачного выбора» исполнителей замысла, обернулась убытками и обвалом щедро финансируемой операции. Сам Мамонтов разорился. «Но рассудите, что же тут было? — вопрошал Плевако. — Преступление хищника или ошибка расчета? Грабеж или промах? Намерение вредить Ярославской дороге или страстное желание спасти ее интересы?»

Заключительные слова Плевако были, как всегда, столь же находчивы, сколь эффектны: «Если верить духу времени, то — «горе побежденным!» Но пусть это мерзкое выражение повторяют язычники, хотя бы по метрике она числилась православными или реформаторами. А мы скажем: «пощада несчастным!»

Суд признал факт растраты. Но все подсудимые были оправданы. Газеты печатали речь Плевако, цитировали ее, комментировали: «Плевако освободил Савву Мамонтова!»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Пятая сестра, А.С. Малинина (урожденная Любатович), мать Героя Советского Союза летчицы Марины Расковой.

<sup>2</sup> Цит. по: Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 202.

Сам Федор Никифорович объяснял секреты своих удач в качестве защитника очень просто. Первый секрет: он всегда был буквально преисполнен чувством ответственности перед своими клиентами. «Между положением прокурора и защитника — громадная разница, — говорил он на процессе С.И. Мамонтова. — За прокурором стоит молчаливый, холодный, незыблемый закон, за спиной защитника — живые люди. Они полагаются на своих защитников, взбираются к ним на плечи и... страшно поскользнуться с такою ношей!» (II. 342). К тому же Плевако (может быть, как никто) умел воздействовать на присяжных заседателей. Этот свой секрет он объяснил В.И. Сурикову: «А ведь ты, Василий Иванович, когда пишешь свои портреты, стремишься заглянуть в душу того человека, который тебе позирует. Так вот и я стараюсь проникнуть взором в души присяжных и произношу речь так, чтобы она дошла до их сознания»<sup>1</sup>.

Был ли Плевако всегда убежден в безвинности своих подзащитных? Нет. В защитительной речи по делу Александры Максименко, которая обвинялась в отравлении собственного мужа (1890), он прямо сказал: «Если вы спросите меня, убежден ли я в ее невинности, я не скажу «да, убежден». Я лгать не хочу. Но я не убежден и в ее виновности. <...> Когда надо выбирать между жизнью и смертью, то все сомнения должны решаться в пользу жизни» (I. 223). Впрочем, заведомо неправых дел адвокат Плевако, судя по всему, избегал. Так, он отказался защищать скандално известную аферистку Софью Блювштейн, по прозвищу Сонька — золотая ручка<sup>2</sup>, и не напрасно слыл среди обвиняемых Правыкой<sup>3</sup>.

Разумеется, сила Плевако как судебного оратора заключалась не только в находчивости, эмоциональности, психологизме, но и в живописности слова. Хотя на бумаге его речи многое потеряли, они все-таки остаются выразительными. Плевако был мастер на картинные *сравнения* (о назначении цензуры: это щипцы, которые «снимают нагар со свечи, не гася ее огня и света»<sup>4</sup>); *антитезы* (о русском и еврее: «наша мечта — пять раз в день поесть и не затяжелеть, его — в пять дней раз и не отошать»: I. 97, 108); эффектные *обращения* (к тени убитого коллеги: «Товариш, мирно спящий во гробе!», к присяжным по делу П.П. Качки: «Раскройте ваши объятия — я отдаю ее вам!»: I. 43, 164).

<sup>1</sup> Цит. по: Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 202.

<sup>2</sup> Там же. С. 115.

<sup>3</sup> См.: Короленко В.Г. Указ. соч. С. 836.

<sup>4</sup> Телешов Н.Д. Записки писателя. М., 1953. С. 196.

К недостаткам ораторской манеры Плевако критики относили композиционную разбросанность и, особенно, «банальную риторику» отдельных его речей<sup>1</sup>. Оригинальность его дарования импонировала не всем. Поэт Д.Д. Минаев, признав еще в 1883 г., что Плевако — адвокат, «давно известный всюду, яко звезда родного зодиака», сочинил о нем хлесткую эпиграмму:

Проврется ль где-нибудь писака,  
Случится ль где в трактире драка,  
На суд ли явится из мрака  
Воров общественных клоака,  
Толкнет ли даму забияка,  
Укусит ли кого собака,  
Облает ли зоил-плевака,  
Кто их спасает всех? — Плевако?<sup>2</sup>

Иронически, хотя не без почтения («на поле бранном слова неистовый бретер-рубака»), представлен Плевако и в словаре-альбоме П.К. Мартыянова<sup>3</sup>, а также в эпиграмме А.Н. Апухтина: «Знать, в господнем гневе суждено быть тако: в Петербурге — Плева, а в Москве — Плевако»<sup>4</sup>.

Не любил Федора Никифоровича М.Е. Салтыков-Щедрин, который, кстати, злословил адвокатуру как «помойную яму»<sup>5</sup>. В 1882 г. он так рассказывал о Плевако московскому нотариусу и литератору Н.П. Орлову (Северову): «Я встретился с ним у А.Н. Пыпина и говорю: «Правда, что вы можете поставить на голову стакан с квасом и плясать?» А он вытаращил на меня свои глазища и отвечает: «Могу!»<sup>6</sup>

По свидетельству Д.П. Маковицкого, и Л.Н. Толстой в 1907 г. назвал Плевако «самым пустым человеком»<sup>7</sup>. Но ранее, в письме к жене, Софье Андреевне, от 2 ноября 1898 г. Лев Николаевич дал такой отзыв: «Плевако — даровитый и скорее приятный человек, хотя не полный, как все специалисты»<sup>8</sup>. По воспоминаниям П.А. Россияева, Толстой «направлял мужиков именно к Плевако: «Федор Никифорович, обелите несчастных»<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> См.: Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. СПб., 1900. С. 151, 154; Утесский Б.С. Указ. соч. С. 159.

<sup>2</sup> См.: Минаев Д.Д. Не в бровь, а в глаз. СПб.; М., 1883. С. 155.

<sup>3</sup> См.: Мартыянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд. СПб., 1893. С. 212.

<sup>4</sup> Апухтин А.Н. Соч. М., 1985. С. 250.

<sup>5</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 15. С. 400.

<sup>6</sup> М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 175.

<sup>7</sup> Маковицкий Д.П. У Толстого (1904—1910). Яснополяние записки. М., 1979. Кн. 2. С. 570. Плевако бывал у Толстого в Ясной Поляне.

<sup>8</sup> Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. Юб. изд. М.; Л., 1949. Т. 84. С. 333.

<sup>9</sup> Россияев П.А. Памяти Ф.Н. Плевако. С. 691.

В личности Плевако сочетались цельность и размашистость, различинский нигилизм и религиозность, житейская простота и разгульное барство (он устраивал гомерические пиры на зафрахтованных им пароходах от Нижнего Новгорода до Астрахани)<sup>1</sup>. Добрый к малоимущим, он буквально выколачивал огромные гонорары из купцов, требуя при этом авансы. Однажды некий толстосум, не уразумев слова «аванс», осведомился, что это такое. «Задаток знаешь?» — вопросом на вопрос ответил Плевако. «Знаю». — «Так вот аванс — тот же задаток, но в три раза».

Об отношении Плевако к такого рода клиентам говорит следующий факт. Купец 1-й гильдии Персиц подал в Московский совет присяжных поверенных жалобу на то, что Федор Никифорович отказался принять его, избил и спустил с лестницы. Совет затребовал у Плевако письменное объяснение. Тот объяснил, что не мог принять Персица по семейным обстоятельствам, назначил ему другой день и попросил удалиться. «Но Персиц лез в комнату, — читаем далее в объяснении Плевако. — Тогда <...> выведенный из терпения дерзостью и нахаальством Персица, я взяв его за руку и повернул на выход. Персиц резко оттолкнул мою руку, но я повернул его к себе спиною, выгнал из дома нахала, захлопнул дверь и выбросил ему его шубу в вестибюль. Бить его мне не было никакой надобности»<sup>2</sup>. Совет оставил жалобу купца без последствий.

В товарищеском кругу, среди коллег по адвокатскому цеху Плевако пользовался репутацией «артельного человека». Его сотоварищу, укрывшийся под псевдонимом-инициалом «С», писал о нем в 1895 г.: «Он не может не вызывать к себе симпатий чертою своего неизмеримого добродушия и сердечной мягкости, которыми насквозь проникнуты его отношения к товарищам и ко всем окружающим вообще»<sup>3</sup>. Смолоду и до смерти он был в Москве непременным членом различных благотворительных учреждений — таких как Общество призрения, воспитания и обучения слепых детей и Комитет для содействия устройству студенческих общежитий.

Симпатичной чертой характера Плевако была его снисходительность к завистникам и злопыхателям. На застолье по случаю 25-летия его адвокатской карьеры он приветливо чокался и с друзьями и с недругами. Когда его жена удивилась этому, Федор Никифорович с обычным своим добродушием вздохнул: «А что же мне их судить!»<sup>4</sup>

<sup>1</sup> См.: *Россиов П.А.* Памяти Ф.Н. Плевако. С. 689.

<sup>2</sup> Цит. по: *Смолярчук В.И.* Указ. соч. С. 211—212.

<sup>3</sup> *Столичная адвокатура.* С. 106.

<sup>4</sup> *Смолярчук В.И.* Указ. соч. С. 113.

Вызывают уважение культурные запросы Плевако. «Библиотека его всеобъемлюща»<sup>1</sup>, — свидетельствовал писатель П.А. Россиев. Плевако дорожил своими книгами, но щедро раздавал их друзьям и знакомым «почитать», в отличие от «книжных скупцов», вроде философа В.В. Розанова, который принципиально никому не давал своих книг, говоря: «Книга не девка, нечего ей по рукам ходить»<sup>2</sup>.

Судя по воспоминаниям Б.С. Утевского, Плевако, хоть и «был страстным любителем и собирателем книг», сам будто бы «мало читал»<sup>3</sup>. В.И. Смоллярчук опроверг это мнение, доказав, что читал Плевако много. Правда, он не любил беллетристику, но увлекался литературой по истории, праву, философии и даже «в командировки брал с собой»<sup>4</sup> книги И. Канта, Г. Гегеля, Ф. Ницше, Куно Фишера, Георга Еллинека. Вообще, «у него было какое-то нежное и заботливое отношение к книгам — своим и чужим, — вспоминал о Плевако Б.С. Утевский, сам большой книголюб. — Он любил сравнивать книги с детьми. Его глубоко возмущал вид растрепанной, порванной или загрязненной книги. Он говорил, что так же, как существует (оно действительно существовало) «Общество защиты детей от жестокого обращения», следовало бы организовать «Общество защиты книг от жестокого обращения» и у виновников такого отношения к книгам отнимать их так же, как отнимают детей у жестоко обращающихся с ними родителей или опекунов»<sup>5</sup>.

Федор Никифорович был не просто начитан. Его смолоду отличало редкостное сочетание исключительной памяти и наблюдательности с даром импровизации и чувством юмора, что выражалось в каскадах острот, каламбуров, эпиграмм, пародий — и в прозе, и в стихах. Его сатирический экспромт «Антифоны», сочиненный «в несколько минут», П.А. Россиев напечатал в № 2 «Исторического вестника» за 1909 г. (С. 689—690). Ряд своих фельетонов Плевако печатал в газете своего приятеля Н.П. Пастухова «Московский листок», а в 1885 г. предпринял было в Москве издание собственной газеты «Жизнь», но «предприятие не имело успеха и на десятом месяце прекратилось»<sup>6</sup>.

Не случайно очень широк был круг личных связей Плевако с мастерами культуры. Он общался с И.С. Тургеневым, Щедриным, Львом Толстым, дружил с В.И. Суриковым, М.А. Врубелем, К.А. Коровиным,

<sup>1</sup> Россиев П.А. Указ. соч. С. 689.

<sup>2</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 162.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> Смоллярчук В.И. Указ. соч. С. 216.

<sup>5</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 162.

<sup>6</sup> Россиев П.А. Указ. соч. С. 690.

К.С. Станиславским, М.Н. Ермоловой, Ф.И. Шаляпиным и другими литераторами, художниками, артистами<sup>1</sup>, с книгоиздателем И.Д. Сытиным<sup>2</sup>. Федор Никифорович любил все виды зрелищ от народных гуляний до элитных спектаклей, но с наибольшим удовольствием посещал два «храма искусств» в Москве — Частную русскую оперу С.И. Мамонтова и Художественный театр К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко. По воспоминаниям художника К.А. Коровина, Плевако также «очень любил живопись и посещал все выставки»<sup>3</sup>.

Великий А.В. Собинов, прежде чем стать профессиональным певцом, служил помощником присяжного поверенного под патронатом Плевако<sup>4</sup> и на одном из благотворительных концертов в доме своего патрона был представлен М.Н. Ермоловой. «Она спросила меня, — вспоминал Собинов, — не собираюсь ли я петь в Большом театре»<sup>5</sup>. Леонид Витальевич вскоре начал и до конца жизни (с небольшими перерывами) пел в Большом театре, но навсегда сохранил чувство уважения к своему наставнику по адвокатуре. 9 ноября 1928 г. он писал сыну Плевако Сергею Федоровичу (младшему): «Я считаю прекрасной Вашу мысль устроить вечер памяти покойного Федора Никифоровича»<sup>6</sup>.

Парадоксально, но факт: сам Федор Никифорович, носивший в *разное время* три фамилии, имел двух сыновей с одним именем, причем они жили и адвокатствовали в Москве *одновременно*: Сергей Федорович Плевако-старший (род. в 1877 г.) был его сыном от первой жены, Е.А. Филипповой, а Сергей Федорович Плевако-младший (род. в 1886 г.) — от второй жены, М.А. Демидовой<sup>7</sup>.

Первая жена Плевако была народной учительницей из Тверской губернии. Брак оказался неудачным, и, вероятно, по вине Федора Никифоровича, который оставил жену с малолетним сыном. Во всяком случае, Сергей Федорович Плевако-старший в автобиографии даже не упомянул об отце. Зато со второй женой Федор Никифорович прожил в согласии почти 30 лет, до конца своих дней.

В 1879 г. Мария Андреевна Демидова, жена фабриканта, обратилась к Плевако за юридической помощью, влюбилась в адвоката и навсегда

<sup>1</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 2712. Оп. 1. Д. 108. Л. 22 (воспоминания К.А. Коровина).

<sup>2</sup> См.: Сытин И.Д. Жизнь для книги. М., 1962. С. 118.

<sup>3</sup> РГАЛИ. Ф. 2712. Оп. 1. Д. 108. Л. 22.

<sup>4</sup> С 27 октября 1895 г. (РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 1005. Л. 1: «Свидетельство» А.В. Собинова как помощника присяжного поверенного).

<sup>5</sup> Собинов А.В. Собр. соч. Т. 2: Статьи, речи, высказывания... М., 1970. С. 22.

<sup>6</sup> РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 291. Л. 1.

<sup>7</sup> См. о сыновьях Ф.Н. Плевако (по архивным данным): Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 219—220.

предпочла его фабриканту<sup>1</sup>. Знаменитый двухтомник речей Федора Никифоровича вышел в свет на следующий же год после его смерти в «Издании М.А. Плевако».

Одной из главных черт личности Плевако его биографы считают религиозность<sup>2</sup>. Он был глубоко верующим человеком — всю жизнь, с раннего детства и до смерти. Под свою веру в Бога он подводил даже научное обоснование. Богословский отдел в его домашней библиотеке был одним из самых богатых. Плевако не только соблюдал религиозные обряды, молился в церкви, любил крестить детей всех сословий и рангов, служил ктиторм (церковным старостой) в Успенском соборе Кремля, но и пытался примирить «богохульные» взгляды Л.Н. Толстого с догматами официальной церкви, а в 1904 г. на приеме у папы римского Пия X доказывал, что поскольку Бог один, то в мире должна быть одна вера и, следовательно, католики и православные обязаны жить в добром согласии...

Федор Никифорович Плевако умер 23 декабря 1908 г., на 67-м году жизни, в Москве. Смерть его вызвала особую скорбь, естественно, у москвичей, многие из которых считали, что в «Белокаменной есть пять главных достопримечательностей: Царь-колокол, Царь-пушка, собор Василия Блаженного, Третьяковская галерея и Федор Плевако»<sup>3</sup>. Но откликнулась на уход Плевако из жизни вся Россия: некрологи печатались во множестве газет и журналов<sup>4</sup>. Газета «Раннее утро» 24 декабря 1908 г. выразилась так: «Вчера Россия потеряла своего Цицерона, а Москва — своего Златоуста».

Похоронили москвичи «своего Златоуста» при громадном стечении народа всех слоев и состояний на кладбище Скорбященского монастыря. В 30-е годы останки Плевако были перезахоронены на Ваганьковском кладбище.

<sup>1</sup> См. об этом: РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 27.

<sup>2</sup> Подробно см.: Смоляруж В.И. Указ. соч. С. 214—215, 221.

<sup>3</sup> РГАЛИ. Ф. 1822. Оп. 1. Д. 555. Л. 4.

<sup>4</sup> Некоторые из них собраны в РГАЛИ: Ф. 637. Оп. 1. Д. 60. Л. 37—46.



## НИКОЛАЙ ПЛАТОНОВИЧ КАРАБЧЕВСКИЙ

(1851—1925)

В блистательном ряду таких адвокатов, как В.Д. Спасович и Д.В. Стасов, Ф.Н. Плевако и А.И. Урусов, С.А. Андреевский и П.А. Александров, В.Н. Герард и В.И. Танеев, Л.А. Куперник и А.Я. Пассовер, Н.К. Муравьев и А.С. Зарудный, П.Н. Малянтович и О.О. Грузенберг, опыт которых мог бы служить образцом для нашей современной адвокатуры, одно из первых мест принадлежит Николаю Платоновичу Карабчевскому. Впервые он заявил о себе еще в 1877 г. на процессе «193-х», в 80-е годы был уже знаменит, но и в начале XX в., когда выдающиеся адвокаты «первого призыва» большей частью отступили на второй план или ушли со сцены и вообще из жизни, Карабчевский оставался звездой первой величины, а последние 10 лет существования присяжной адвокатуры (после того как в 1907 г. устранился от дел и в 1908 г. умер Плевако) был самым авторитетным и популярным адвокатом России.

\* \* \*

Имя Карабчевского, которое когда-то почти 40 лет кряду гремело по всей России, сегодня знакомо только специалистам — больше юристам, чем историкам. Монографий о нем (как, впрочем, и о других знаменитостях адвокатуры, кроме Плевако, — даже о «короле» ее Спасовиче) до сих пор нет, хотя он впечатляюще представлен во всех очерках по истории русского судебного красноречия<sup>1</sup>, в словаре-альбоме П.К. Мар-

<sup>1</sup> См.: *Ахховский Л.Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов. СПб., 1897; *Глинский Б.Б.* Русское судебное красноречие. СПб., 1897; *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900; *Руадзе В.А.* Два судебных оратора. СПб., 1912; *Карачевцев С.В.* Жизнь и суд. Рига, 1929; *Михайловская Н.Г., Одинцов В.В.* Искусство судебного оратора. М., 1981; *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова. М., 1984.

тьянова «Цвет нашей интеллигенции» (3-е изд. СПб., 1890, 1891, 1893) и даже в учебном пособии академика-лингвиста В.В. Виноградова<sup>1</sup>, а в 1983 г. появился и первый специальный очерк о нем — квалифицированный, но очень краткий, основанный на узком круге только печатных материалов<sup>2</sup>. Между тем жизнь и судьба Карабчевского отражены в разнообразных источниках. Это в первую очередь — опубликованные речи, статьи, очерки, воспоминания самого Николая Платоновича<sup>3</sup>, его друзей, коллег, современников<sup>4</sup>, а также его обширный (1329 ед. хр.) архивный фонд<sup>5</sup>, который содержит ценнейшие материалы, включая написанную неизвестным автором и правленую самим Карабчевским рукопись его биографии до 1890-х годов, правда с большим (Л. 15—52) пропуском.

Путь Карабчевского в адвокатуре от новичка до ярчайшей знаменитости был крут и прям, хотя он и стал адвокатом чуть ли не через силу, по стечению неблагоприятных для него обстоятельств.

Родился он 30 ноября 1851 г. в Николаеве, на Украине. Мать его — Любовь Петровна Богданович — была потомственной украинской помещицей, а вот отец — Платон Михайлович, дворянин, полковник, командир уланского полка («образования домашнего», «арифметику знает», как засвидетельствовано в его формулярном списке), — имел экзотическое происхождение. «Во время завоевания Новороссийского края, — читаем в рукописной биографии Карабчевского, — каким-то русским полком был подобран турецкий мальчик, определенный затем в кадетский корпус и дослужившийся в военных чинах до полковника. Фамилия ему была дана от слова «Кара» — «Черный»<sup>6</sup>. Этот турчонок, Михаил Карапчи, который принял с крещением фамилию Карабчевский и стал, в чине полковника, крымским полицмейстером<sup>7</sup>, — дед Н.П. Карабчевского.

Николаю Платоновичу было всего полтора года, когда умер его отец. До 12-летнего возраста будущий адвокат воспитывался дома гувернант-

<sup>1</sup> См.: Виноградов В.В. О теории художественной речи. М., 1971. С. 144—147.

<sup>2</sup> См.: Смолярчук В.И. Н.П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель // Советское гос-во и право. 1983. № 8. С. 115—121.

<sup>3</sup> См.: Карабчевский Н.П. Около правосудия. 2-е изд. СПб., 1908; Он же. Мирные пленники. Пг., 1915; Он же. Речи (1882—1914). 3-е изд. Пг., М., 1916; Он же. Что глаза мои видели. Ч. 1—2 (Революция и Россия). Берлин, 1921; Он же. Около правосудия. Статьи, речи, очерки. Тула, 2001.

<sup>4</sup> См.: Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Париж, 1933. Т. 1—3; Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938; Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника М., 1931; Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989.

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 827 (Н.П. Карабчевский).

<sup>6</sup> Там же. Д. 3. Л. 1.

<sup>7</sup> См.: Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 47.

кой-французенкой и бонной-англичанкой, что помогло ему уже в детстве овладеть французским и, несколько хуже, английским языками. В 1863 г. он был принят в Николаевскую гимназию особого типа, «реальную, но с латинским языком», окончил ее с серебряной медалью и в 1869 г. стал студентом Петербургского университета. Насколько далек был тогда юный Карабчевский от адвокатских и вообще юридических грез, видно из того, что он поступил не на юридический, а на естественный факультет. Будучи по характеру любознательным и активным, он ходил на лекции к профессорам разных факультетов, причем наибольшее впечатление произвели на него именно юристы — П.Г. Редкин, Н.С. Таганцев, А.Д. Градовский, И.Е. Андреевский. В результате Карабчевский еще на первом курсе задумал было перейти в Медико-хирургическую академию, но передумал, едва заглянув в анатомический театр, а со второго курса все-таки перешел на юридический факультет университета.

Впрочем, сделал он это уже после того, как на первом курсе принял участие в студенческих «беспорядках», отбыл трехнедельный арест и тем самым резко осложнил и ограничил себе выбор профессии. Дело в том, что, блестяще окончив (весной 1874 г.) юридический факультет столичного университета, Карабчевский узнал: государственная, чиновничья карьера юриста перед ним закрыта. «Незадолго перед тем, — вспоминал он, — в университете было вывешено объявление, что лица, желающие поступить на службу по Министерству юстиции, должны иметь от университета особое удостоверение о своей благонадежности»<sup>1</sup>. Карабчевский как участник студенческих «беспорядков» такого удостоверения получить не мог. Правда, его неблагонадежность не мешала ему вступить в адвокатуру как в учреждение самоуправляющееся, но к ней он все время студенчества и даже по окончании университета относился недоверчиво из-за ее «суетного сутяжничества» и считал ее «малоподходящей»<sup>2</sup> для себя.

Обдумав возможные варианты своей судьбы, Карабчевский решил стать... писателем. Он сочинил и отправил не далее чем в «Отечественные записки» (журнал Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина) пятиактную «весьма жестокою» драму «Жертва брака». «Больше месяца, стыдясь и волнуясь, — с юмором вспоминал Николай Платонович много лет спустя, — я каждый понедельник вползал как-то боком, словно крадучись, в редакцию «высокоуважаемого» журнала за

<sup>1</sup> *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. СПб., 1908. С. 1.

<sup>2</sup> Там же. С. 3.

ответом. Иногда — о, счастье! — от «самого» Некрасова или же от «самого» Салтыкова я выслушивал отрывистые и даже как бы несколько грубоватые, похожие на окрики, ответы (наполнявшие, однако, мое сердце лучезарной надеждой), что, мол, рукопись еще не прочитана и надо прийти еще через две недели<sup>1</sup>. Кончилось тем, что рукопись вернули автору за ненадобностью, и такой концу при стольких надеждах так отрезвляюще подействовал на Карабчевского, что он «тут же порешил» раз навсегда отказаться от карьеры писателя. Только теперь он пришел к выводу: «Не остается ничего, кроме адвокатуры»<sup>2</sup>.

В декабре 1874 г. Карабчевский записался помощником присяжного поверенного к А.А. Ольхину, от него перешел в качестве помощника к А.А. Боровиковскому и затем к Е.И. Утину. Под патронатом этих трех популярных адвокатов он быстро показал себя их достойным партнером. Кстати, именно Евгений Утин — первоклассный юрист с демократическими убеждениями (родной брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н.И. Утина) — первым оценил Карабчевского «как выдающегося из молодежи уголовного защитника и стал поручать ему некоторые дела»<sup>3</sup>. На процессе «193-х», где был представлен почти весь цвет российской адвокатуры, Карабчевский, пока еще помощник присяжного поверенного, выступал уже рука об руку с такими классиками судебного красноречия и политической защиты, как В.Д. Спасович, П.А. Александров, Д.В. Стасов, В.Н. Герард, А.Я. Пассовер, Е.И. Утин и др. К тому времени Николай Платонович вполне освоился в адвокатуре, нашел в ней свое призвание и отныне превыше всего ставил долг и честь присяжного поверенного<sup>4</sup>.

Заглянем вперед и отметим здесь, что в марте 1917 г. Карабчевский отказался даже от кресла сенатора уголовного кассационного департамента, которое предложил ему бывший тогда министром юстиции А.Ф. Керенский «Нет, Александр Федорович, разрешите мне остаться тем, кто я есть, — адвокатом»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. СПб., 1908. С. 3.

<sup>2</sup> Там же. С. 8.

<sup>3</sup> *Ляховецкий А.Д.* Указ. соч. С. 129.

<sup>4</sup> Звание присяжного поверенного Карабчевский получил 13 декабря 1879 г. (см.: *Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников* к 1 февраля 1901 г. СПб., 1901. С. 32).

<sup>5</sup> *Карабчевцев С.В.* Указ. соч. С. 9. О холодном приеме, который оказал Карабчевский явившемуся к нему с визитом министру Керенскому, подробно см. рассказ очевидца: *Утесский Б.С.* Указ. соч. С. 202—203.

\* \* \*

Личность Н.П. Карабчевского импонирует прежде всего разносторонностью интересов и дарований. Даже современным ценителям он «кажется почти невероятно многогранным»<sup>1</sup>. В этом преувеличении есть большая доля правды: творческое наследие Карабчевского включает в себя стихи, художественную прозу и критику, переводы, судебные очерки и речи, публицистику, мемуары. Николай Платонович не стал профессиональным литератором, но присущая ему с юных лет тяга к художественному творчеству находила выход в разных жанрах, которыми он занимался между дел, на досуге, причем искусно. Такой авторитет, как В.В. Виноградов, признал в нем «писателя с несомненным литературным талантом»<sup>2</sup>. Это доказывают изданные в разное время с 1885 г. и собранные воедино в 1905 г.<sup>3</sup> две его повести (лирическая — «Приподнятая завеса» и драматическая — «Гастроль»), на шумевший автобиографический роман «Господин Арсков», в котором на строгий суд была «выставлена вся петербургская адвокатура»<sup>4</sup>; ряд поэтических опытов — например стихотворение «Раздумье», строки которого поныне звучат злободневно:

Мир утомлен и жаждет обновления.  
 Душа полна таинственных тревог,  
 Все испытал — и веру, и сомненье.  
 Ей нужен вновь или кумир, иль Бог<sup>5</sup>.

С писателями Карабчевский имел обширные знакомства — впрочем, не как литератор, а именно как адвокат. Он дружил с В.Г. Короленко, был близко знаком с А.П. Чеховым<sup>6</sup>, А.И. Куприным, Т.А. Щепкиной-Куперник, встречался с Л.Н. Толстым. Летом 1901 г. Николай Платонович впервые побывал у Толстого в Ясной Поляне и подарил ему книгу своих только что изданных «Речей»<sup>7</sup>.

Адвокатские дела связывали Карабчевского и с научным миром. Так, в 1912 г. академик И.П. Павлов выбрал его своим представителем на

<sup>1</sup> Михайловская Н.Г., Одинцов В.В. Указ. соч. С. 13.

<sup>2</sup> Виноградов В.В. Указ. соч. С. 145.

<sup>3</sup> См.: Карабчевский Н.П. Приподнятая завеса (Проза и стихи). СПб., 1905. 404 с.

<sup>4</sup> Судебные драмы. 1902. № 2. С. 396.

<sup>5</sup> См.: Карабчевский Н.П. Приподнятая завеса. С. 367.

<sup>6</sup> См.: Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. Т. 10. М., 1981. С. 536; Перелиска А.П. Чехова и О.А. Книппер. М., 1936. Т. 2. С. 460, 465.

<sup>7</sup> Подробно об этом см.: «Я бы тоже не осудил». Адвокат Н.П. Карабчевский о Л.Н. Толстом (публ. Н.А. Троицкого) // Исторический архив. 1997. № 5—6.

суде чести против ученого-психиатра профессора К., статью которого о некоей дозе алкоголя, безвредной для человека даже при ежедневном приеме, Павлов назвал «шарлатанской»<sup>1</sup>. Но более всего (разумеется, кроме суда и адвокатуры) Николай Платонович был связан с миром искусств. В этом мире он пользовался известностью уже не столько адвоката (хотя и здесь решал какие-то юридические дела — к примеру, в 1915 г. поддержал иск А.В. Собинова к дирекции Императорских театров<sup>2</sup>), сколько поклонника и покровителя муз.

Художественное начало в личности Карабчевского неудержимо влекло его ко всем музам сразу, а его богатство позволяло ему меценатствовать с равным удовольствием и размахом. Молодым он сам участвовал в любительских спектаклях вместе с К.А. Варламовым и А.И. Южиным<sup>3</sup> — по-видимому, успешно, если учесть, что знаменитой П.А. Стрепетовой для ее бенефиса в «Макбете» Шекспира предложили выбрать на роль Макбета одного из премьеров труппы Александринского театра В.П. Далматова или... Н.П. Карабчевского. О том, как отреагировала Стрепетова на это предложение, читаем в воспоминаниях театроведа Б.В. Варнеке: «Их обеих она бесповоротно забрала — Карабчевский будет только богатых клиенток подманывать, а Вася (Далматов. — Н. Т.) хоть и Шекспира любит, но почему-то для трагических героев берет краски с тамбовского брандмейстера, и от них на версту фиксажем да помадой воняет»<sup>4</sup>.

Карабчевский был в дружеских отношениях с В.Ф. Комиссаржевской и О.Л. Книппер-Чеховой, К.А. Варламовым и А.В. Собиновым<sup>5</sup>. Правда, незадолго до 1917 г. Николай Платонович и Леонид Витальевич, по всей видимости, раздружились. Если в 1915 г. Собинов писал Карабчевскому: «Дорогой Николай Платонович» и подписывался: «Любящий тебя Леонид Собинов»<sup>6</sup>, то 1917-м годом датирована его желчная эпитафия:

<sup>1</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 109—112. Судя по тому, что И.П. Павлов считал К. «действительно крупным ученым», можно предположить, что это был Павел Иванович Ковалевский (1849—1923) — основатель первого в России психиатрического журнала «Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии».

<sup>2</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 260. Л. 1—2.

<sup>3</sup> См.: Гнедич П.П. Книга жизни. Л., 1929. С. 114.

<sup>4</sup> Стрепетова П.А. Воспоминания и письма. М.; Л., 1934. С. 468.

<sup>5</sup> См.: Книппер-Чехова О.Л. Воспоминания и статьи. М., 1972. Т. 1. С. 250; Комиссаржевская В.Ф. Письма актрисы. Воспоминания о ней. Материалы. Л., 1964. С. 109, 143, 311. Дружеские письма Карабчевского к Собинову см.: РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 531. Николай Платонович называл певца ласково «Ленечкой» (А.В. Собинов. Т. 2: Статьи, речи, высказывания. Письма к А.В. Собинову. Воспоминания о А.В. Собинове. М., 1970. С. 175).

<sup>6</sup> РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 260. Л. 1—2.

Н.П. КАРАБЧЕВСКОМУ  
*(по поводу его кандидатуры  
 в посланники во Францию)*

Кто под арест,  
 Кто в Красный Крест,  
 А кто — посол.  
 И ты не прочь  
 В Париж, хоть вскочь,  
 Попасть, осел<sup>1</sup>.

Зато величайший комедийный актер России, «царь русского смеха» Константин Александрович Варламов (сын композитора А.Е. Варламова) был неизменно и тесно привязан к Карабчевскому. Он мог прямо со сцены Александринки, по ходу спектакля, обратиться к «милому другу», сидевшему, как обычно, в первом ряду партера: «А, Николай Платонович! Как вам понравилась наша пьеса? Не знаю, как вы, а я чувствую себя в ней как дома! Да, не забудьте, милый, ко мне на пирог во вторник!»<sup>2</sup>

На актерских вечеринках (капустниках) у Варламова Карабчевский познакомился с оперными звездами, супругами Николаем Николаевичем и Мелеей Ивановной Фигнер, и с великой Марией Гавриловной Савиной<sup>3</sup>.

Когда Савина умерла, Карабчевский, бывший тогда председателем Петроградского совета присяжных поверенных, направил труппе Александринского театра телеграмму за своей подписью от имени всего адвокатского сословия с выражением соболезнования и «глубокой скорби»<sup>4</sup>.

В домашнем театре самого Карабчевского по субботам собирались для репетиций и благотворительных концертов все артистические знаменитости Петербурга<sup>5</sup>. Здесь ставил свои новаторские спектакли В.Э. Мейерхольд<sup>6</sup>. У Карабчевского «собирались артисты всех профессий, — вспоминала актриса и педагог проф. Е.И. Тиме. — Приглашение в этот дом подчеркивало степень популярности молодого выдвигающегося артиста»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 173. Л. 32.

<sup>2</sup> Ходотов Н.Н. Близкое — далекое. Л.; М., 1962. С. 251.

<sup>3</sup> См.: Велизарий М.И. Путь провинциальной актрисы. Л.; М., 1938. С. 45.

<sup>4</sup> Кончина Марии Гавриловны Савиной. М., 1916. С. 351.

<sup>5</sup> См.: А.В. Собинов. Т. 2. С. 174.

<sup>6</sup> Так, в январе 1912 г. Мейерхольд поставил у Карабчевского пантомиму «Влюбленные» на музыку К.Дебюсси (см.: Мейерхольд В.Э. Переписка (1896—1939). М., 1976. С. 385, 388).

<sup>7</sup> А.В. Собинов. Т. 2. С. 174.

Все это помогало и карьере, и репутации Карабчевского, но при всей своей разносторонности, по натуре и призванию он все-таки был юрист, судебный оратор, «адвокат от пяток до маковки»<sup>1</sup>. В нем почти идеально сочетались самые выигрышные для адвоката качества. Высокий, статный, импозантный, «с внешностью римского патриция»<sup>2</sup>, красивый, «Аполлон, предмет оваций», как шутливо рекомендовали его коллеги<sup>3</sup>, Карабчевский отличался правовой эрудицией<sup>4</sup>, даром слова и логического мышления, находчивостью, силой характера, темпераментом бойца. Специалисты особо выделяли его «стремительность, всесокрушающую энергию нападения, всегда открытого и прямого, убежденного в своей правоте»<sup>5</sup>.

Подобно двум другим корифеям отечественной адвокатуры — П.А. Александрову и А.И. Урусову, — Карабчевский держался правила: «Вся деятельность судебного оратора — деятельность боевая»<sup>6</sup>. Он мог заявить прямо на суде, что в его лице защита «пришла бороться с обвинением»<sup>7</sup>. Главная его сила и заключалась в умении опровергнуть даже, казалось бы, неоспоримую аргументацию противника.

Карабчевский чуть ли не первым из адвокатов понял, что нельзя полагаться только на эффект защитительной речи, ибо мнение суда — в особенности присяжных заседателей — складывается еще до начала прений сторон, а поэтому «выявлял свой взгляд на спорные пункты дела еще при допросе свидетелей»<sup>8</sup>. Допрашивать свидетелей он умел как никто. Вот характерный фрагмент из судебного отчета по делу Саввы Мамонтова в 1900 г. Идет допрос свидетелей. Только что задали вопросы Ф.Н. Плевако и В.А. Маклаков. «К свидетелю обращается Карабчевский. В зале водворяется тишина. Этот защитник, как видно из ряда громких процессов, где он участвовал, необыкновенно умело ставит вопросы свидетелям, причем ответ на них сам по себе уже не важен.

<sup>1</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 130.

<sup>2</sup> Юрьев Ю.М. Записки. Л.; М., 1963. Т. 2. С. 32.

<sup>3</sup> См.: Известия и заметки // Судебные драмы. 1902. № 2. С. 396. А вот портрет поставшего Карабчевского: «Не только высокий, а какой-то большой, огромный, он напоминал матерого медведя. Говорили, что у него «голова трагического актера». Точно из камня вырезанный подбородок, крупный рот. Живые и умные глаза под высоким лбом. На большой голове — длинные, густые, сероватые от седины волосы» (Утевский Б.С. Указ. соч. С. 25).

<sup>4</sup> Н.П. Карабчевский был в числе учредителей авторитетного еженедельника «Право» (1898—1918), а с 1902 по 1905 г. вместе с Л.Д. Ляховецким издавал еженедельник «Юрист» и сам часто выступал на его страницах по различным вопросам права. Он писал статьи о французской адвокатуре и редактировал материалы английских судебных процессов.

<sup>5</sup> Рец. Н.В. Карабчевский Н.П. Речи (1882—1901) // Право. 1901. № 22. С. 1119.

<sup>6</sup> Карабчевский Н.П. Речи (1882—1902). 2-е изд. СПб., 1902. С. VI.

<sup>7</sup> Там же. С. 4.

<sup>8</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 47.

Самый вопрос своей формой, постановкой оказывается всегда, как справедливо заметил один из корреспондентов, чем-то «вроде ярыка, точно и ясно определяющего факт», которым заинтересована защита»<sup>1</sup>.

Судьи и прокуроры, зная об этом умении Карабчевского, пытались заранее отвести или, по крайней мере, нейтрализовать его вопросы, но он решительно, хотя и в рамках своей правомочности, отражал такие попытки. Один из клиентов Плевако рассказывал: «Вон Карабчевскому председатель суда сказал: «Господин защитник, потрудитесь не задавать таких вопросов!» А он встал и ответил: «Я, господин председатель, буду задавать *всякие* вопросы, которые, по моей совести и убеждению, служат к выяснению истины. Затем я и здесь, на суде». А то прокурор — они это любят, «чтобы произвести впечатление», — говорит присяжным: «Прошу вас, господа присяжные заседатели, обратить внимание на это обстоятельство!» А Карабчевский и встань: «А я, господа присяжные заседатели, прошу вас обратить внимание на *все* обстоятельства дела!»<sup>2</sup>

Ораторская манера Карабчевского была своеобразной и привлекательной. Б.Б. Глинский писал о нем, что, по сравнению с адвокатом-поэтом С.А. Андреевским, он «лишен беллетристической литературности, того поэтического колорита, которым блещет его коллега, но зато в его речах больше эрудиции, знакомства с правовыми нормами и широты социальной постановки вопросов»<sup>3</sup>. Карабчевский говорил легко и эффектно, но «это не была только красивая форма, гладкая закругленная речь, струя быстро текущих слов»<sup>4</sup>. В речи Карабчевского было творчество — не прежнее, вымученное в тиши кабинета, это было творчество непосредственной мысли. Когда Карабчевский говорил, вы чувствовали, что лаборатория его, духовная и душевная, работает перед вашими глазами, и вы увлекались не столько красотой результата работы, сколько мощью этой работы»<sup>5</sup>. Хорошо сказал о нем С.В. Карачевцев: «Он представлял собой *красоту силы*»<sup>6</sup>.

Николай Платонович никогда не принадлежал к «пишущим» ораторам, каковыми были, например, В.Д. Спасович или С.А. Андреевский. Подобно Ф.Н. Плевако, П.А. Александрову, А.Ф. Кони, он не писал заранее тексты своих речей. «Судебное следствие иногда переворачивает

<sup>1</sup> Дело С.И. Мамонтова // Судебные драмы. 1900. № 9. С. 49.

<sup>2</sup> Доросевич В.М. Чествование Ф.Н. Плевако // Русское слово. 1902. 8 (21) декабря.

<sup>3</sup> Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 81.

<sup>4</sup> «Речь его мчится быстро и лихо, словно русская тройка» (Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 131).

<sup>5</sup> Слюзберг Г.Б. Указ. соч. Т. 3. С. 72.

<sup>6</sup> Карачевцев С.В. Указ. соч. С. 10.

все вверх дном, — объяснял он это Льву Толстому. — Да и противно повторять заученное. По крайней мере, мне это не дается»<sup>1</sup>. В статье об одном из лучших судебных ораторов России А.Я. Пассовере, который тоже не был «пишущим», Карабчевский так обрисовал его подготовку к защитительной речи, безусловно имея при этом в виду и себя самого: «Задолго до произнесения речи он всю ее подробно, до мельчайших деталей, не только обдумал, но и просмаковал в голове. Она не написана, т. е. ничто не записано словами на бумаге, однако ноты, партитура, не только готовы, но и разыграны. Это гораздо лучший прием для упражнения ораторской памяти, нежели простое записывание речи и затем механическое воспроизведение ее наизусть. При таком способе помнишь не слова, которые могут только стеснять настроение и оказаться даже балластом, а путь своей мысли, помнишь этапы и трудности пути, инстинктивно нащупываешь привычной рукой заранее приготовленное оружие, которое должно послужить. При этом остается еще полная свобода, полная возможность отдаться минуте возбуждения, находчивости и вдохновения»<sup>2</sup>.

Критики Карабчевского находили, что в его красноречии «больше голоса, чем слов», «сила пафоса» вредит «ясности стиля», встречаются рассуждения «без всякой системы», поэтому на бумаге речи его «не звучат»<sup>3</sup>. Эти упреки не совсем справедливы. Речи Карабчевского хорошо «звучат» и на бумаге: в них есть и *пластичность* («Русло проложено — следствие течет и журчит, убаюкивая и усыпляя»<sup>4</sup>), и *образность* («До первоисточника молвы труднее докопаться, нежели до центра земли»<sup>5</sup>), и *экспрессия*. Вот концовка речи 1901 г. за пересмотр дела Александра Тальма, осужденного в 1895 г. на 15 лет каторги по обвинению в убийстве: «Гг. сенаторы, из всех ужасов, доступных нашему воображению, самый большой ужас — быть заживо погребенным. Этот ужас здесь налицо... Тальма похоронен, но он жив. Он стучится в крышку своего гроба, ее надо открыть!»<sup>6</sup>

Но разумеется, *живая* речь Карабчевского, соединенная с обаянием его голоса, темперамента, внешности, звучала и воздействовала гораздо сильнее. «Чтение его «Речей», — свидетельствовал близкий к нему С.В. Карачевцев, — так же мало дает представления о его таланте, как

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 827. Д. 3. Л. 60.

<sup>2</sup> *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. СПб., 1908. С. 144—145.

<sup>3</sup> А.И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 3. С. 280; *Ляховецкий А.Д.* Указ. соч. С. 131.

<sup>4</sup> *Карабчевский Н.П.* Речи (1882—1902). С. 528.

<sup>5</sup> Там же. С. 370.

<sup>6</sup> Там же. С. 560.

партитура Мельника из «Русалки» или Мефистофеля из «Фауста» — о таланте Шалапина: кто слышал, тот никогда не забудет; кто не слышал — никогда себе не представит»<sup>1</sup>.

Всероссийское признание Карабчевский завоевывал не только талантом, но и подвижническим трудом. Мало кто из адвокатов России мог сравниться с ним по числу судебных процессов (уголовных и политических), в которых он принял участие. Уже к 1897 г. он, кроме трех губерний Петербургского судебного округа, к которому был приписан, побывал на защитах в Москве, Киеве, Казани, Нижнем Новгороде, Ростове, Таганроге, Владикавказе, Симферополе, Каменец-Подольске, Вильне, Либаве, Гельсингфорсе. «Карабчевского, — сказал о нем В.Д. Спасович на одном из адвокатских собраний 1898 г., — я не могу себе представить иначе, как в виде вагнеровского «Frieglende Hollander» (летучего голландца)<sup>2</sup>. Может быть, поэтому Николай Платонович поздно (лишь в 1895 г.) был избран членом Петербургского совета присяжных поверенных, войдя таким образом в круг, как тогда говорили, «советских генералов».

Едва ли хоть один адвокат России так влиял на судебные приговоры по уголовным и политическим делам, как это удавалось Карабчевскому. Он добился оправдания почти безнадежно уличенных в убийстве Ольги Палем в 1898 г. и братьев Скитских в 1900 г., предрешил оправдательные приговоры по мултанскому делу 1896 г. и делу М.Т. Бейлиса в 1913 г. Осужденному в 1904 г. на смертную казнь Г.А. Гершуни царь заменил виселицу каторгой не без воздействия искусной защиты Карабчевского, а Е.С. Созонов (убийца всемогущего министра внутренних дел В.К. Плеве) в том же 1904 г. не был даже приговорен к смерти, «отделавшись» каторгой. Сам Карабчевский гордился тем, что ни один из его подзащитных не был казнен<sup>3</sup>.

Недоброжелатели Карабчевского по разным причинам (включая и зависть к нему) пытались объяснить его столь впечатляющие успехи беспринципностью, неразборчивостью в средствах защиты. В.А. Макалов рассказывал, будто Карабчевский в Ясной Поляне у Л.Н. Толстого «целый вечер» хвастался тем, как он добился оправдания братьев Скитских, обвинявшихся в убийстве секретаря консистории Комарова, а когда Толстой спросил: «Но кто же, по вашему мнению, Комарова убил?», Николай Платонович без зазрения совести ответил: «Неосомненно, убил Степан Скитский», чем, естественно, шокировал Льва

<sup>1</sup> Карабчевцев С.В. Указ. соч. С. 10.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 71.

<sup>3</sup> См.: Карабчевский Н.П. Маленькие речи // Юрист. 1904. № 19. С. 714.

Николаевича<sup>1</sup>. Именно таким бессовестным ловкачом представлен Карбачевский в словаре-альбоме злоязычного «поэта-солдата» П.К. Мартынова:

Юрист, записан в адвокатский цех,  
И там, с добром мешая зло,  
Он против всех, за всех, для всех  
Свое справляет ремесло<sup>2</sup>.

Конкретное, очень громкое дело мещанки Ольги Палем, застрелившей в состоянии аффекта своего возлюбленного, студента (из дворян) Александра Довнара, который, как выяснилось, садистски издевался над ней, — это дело<sup>3</sup> стало поводом для бойкой эпиграммы на Карбачевского:

Не только тем он знаменит,  
Что, как актер, он гладко брит,  
Что, как премьер, всегда одет  
И написал роман-памфлет<sup>4</sup>.

Нет, знаменит еще он тем,  
Что был защитником Палем,  
Что спас ее он без хлопот  
От тяжких каторжных работ,  
Чтоб в мир пошла она опять:  
Сперва любить, потом — стрелять<sup>5</sup>.

Думается, дела, выигранные Карбачевским, вопреки намекам и сплетням, говорят, напротив, о принципиальности его юридической и нравственной позиции. Он сам формулировал свое профессиональное кредо таким образом: «Несправедливый приговор — огромное общественное бедствие. Накопление подобных приговоров в общественной памяти и народной душе есть зло — такое же зло, как и накопление умственной лжи в сфере умственной жизни общества»<sup>6</sup>. Следуя этому кредо, Карбачевский всегда изо всех своих сил, казавшихся порой беспредельными, боролся против любого обвинения до тех пор, пока сохранялось хотя бы малейшее сомнение в его доказанности.

<sup>1</sup> См.: Махлаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 176.

<sup>2</sup> См.: Мартынов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века. 3-е изд. СПб., 1893. С. 128.

<sup>3</sup> Валентин Пикуль написал об этом деле бульварно-авантюрный роман «Ступай и не греш!» (М., 1990).

<sup>4</sup> Имеется в виду роман Н.П. Карбачевского «Господин Арсков».

<sup>5</sup> См.: Известия и заметки // Судебные драмы. 1902. № 2. С. 396.

<sup>6</sup> Карбачевский Н.П. Речи (1882—1902). С. 497.

Отчасти из этих соображений Николай Платонович в 1907 г. взялся защищать (вопреки своему обыкновению) высокопоставленного царского сановника, финляндского генерал-губернатора Н.Н. Герарда<sup>1</sup> от надуманных обвинений А.С. Суворина и сотрудников его газеты «Новое время» в том, что Герард будто бы пренебрегал «русскими государственными интересами» и попустительствовал сепаратистским стремлениям Финляндии «примкнуть к Скандинавским соединенным штатам»<sup>2</sup>.

Как юрист, правовед, Карабчевский был воинствующим гуманистом, таившим в себе «неиссякаемый источник отвращения к смертной казни»<sup>3</sup>. Вслед за В.С. Соловьевым он считал, что смертная казнь вообще «претит русской натуре»: «Петр Великий тщетно собственноручно рубил головы стрельцам. Несмотря на этот царственный пример, и сейчас у нас палач — тот же «Каин», тот же «продавший душу», каким его считали и встарь»<sup>4</sup>. В страстных статьях против смертной казни («Смертная казнь», «О палачестве») Карабчевский доказывал несостоятельность ее института и с юридической, и с нравственной точки зрения. Он считал так: «Казнь всегда отвратительнее простого убийства и по массе в ней соучастников, и по безнаказанной торжественности, с которой убийство совершается. То, что делает, крадучись и под личной ответственностью, убийца, при казни делается открыто и безнаказанно. Здесь безнравственное явно пропагандируется, афишируется и санкционируется»<sup>5</sup>.

Одну из своих «Маленьких речей» для еженедельника «Юрист» Карабчевский так и назвал: «О смертной казни». В ней говорилось: «Я никогда не мог понять, как наш И.С. Тургенев мог смотреть, да еще красноречиво описать казнь Тропмана»<sup>6</sup>. Это могло с ним случиться разве только в Париже, атмосфера которого одурманивает здоровое нравственное чувство. В России с ним бы этого не случилось. Я с ужасом думаю: как бы я поступил, если бы осужденный стал просить меня как защитника, чтобы я присутствовал при исполнении над ним приговора. Я бы не поручился за себя, что в последнюю минуту, обезумев, не

<sup>1</sup> Здесь, должно быть, сказался и тот факт, что Н.Н. Герард был родным братом присяжного поверенного В.Н. Герарда, с которым Карабчевский дружил.

<sup>2</sup> ЦГИА СПб., Ф. 2133 (производство Н.П. Карабчевского). Оп. 1. Д. 2. Л. 255—276 об.

<sup>3</sup> *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. СПб., 1908. С. 178.

<sup>4</sup> Там же. С. 185—186.

<sup>5</sup> Там же. С. 181.

<sup>6</sup> См.: *Тургенев И.С.* Казнь Тропмана // Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Соч. М.: А., 1967. Т. 14. Ж.Б. Тропман был казнен за убийство 8 человек. Тем не менее очерк Тургенева написан как протест против смертной казни вообще и ее публичности.

бросился бы отнимать его от палачей, — так не мирится с моим сознанием, со всеми основами моего нравственного существа представление о смертной казни»<sup>1</sup>.

Итак, не беспринципность, а именно принципиальность — юридическая и нравственная — побуждала Карабчевского бороться за своих подзащитных. Здесь важно учесть, что он, по свидетельству его помощника, позднее видного советского ученого-юриста Б.С. Утевского (1887—1970), был «крайне осторожен в выборе клиентов» и отказывался от участия в делах юридически или нравственно несостоятельных, даже если ему сулили при этом большие гонорары<sup>2</sup>. Среди тех, кто обращался к Николаю Платоновичу за юридической помощью и получил отказ, были продажный журналист В.П. Буренина и знаменитая прима-балерина М.Ф. Кшесинская. Прогнав Буренина, Карабчевский выругался: «Руки хочется помыть после таких субъектов. Экая мразь!»<sup>3</sup> Что же касается Кшесинской, то на ее просьбы вскоре после Февральской революции 1917 г. «замолвить слово у Керенского», чтобы оградить ее от возможных репрессий, Николай Платонович ответил: «Ведь вы Кшесинская, а можно ли в такое время хлопотать за Кшесинскую!»<sup>4</sup> (с намеком на ее связь с великокняжеским семейством. — Н. Т.).

Впрочем, была в защитительной манере Карабчевского и сугубо личная, совершенно уникальная особенность, о которой нам стало известно лишь из воспоминаний Б.С. Утевского, впервые изданных в 1989 г. Как-то, после 1910 г., уже стареющий Карабчевский, отвечая на вопрос Утевского, почему столь многоопытному адвокату «особенно удаются речи по делам об убийствах», рассказал то, о чем знали только его друзья (в частности, С.А. Андреевский). Оказывается, будучи студентом, Николай Платонович «в состоянии невменяемости» (как это признала экспертиза) убил любимую им женщину, и потрясшие его тогда переживания так или иначе учитывал потом в защитительных речах. «Сколько я в своей душе покопался и до, и после убийства! — восклицал он. — Этого на сто защитительных речей хватит...»<sup>5</sup>

Зато политических указателей Карабчевский как юрист не признавал. Он сторонился «политики» и даже бразировал своим аполитизмом. «Я, господа, — заявил он на процессе по делу М.Т. Бейлиса, — не политик и сознаюсь, что ни в каких политических организациях и партиях

<sup>1</sup> Юрист. 1904. № 19. С. 713.

<sup>2</sup> См.: Утевский Б.С. Указ. соч. С. 71, 120, 124.

<sup>3</sup> Там же. С. 98.

<sup>4</sup> Кшесинская М.Ф. Воспоминания. Париж, 1953. С. 320.

<sup>5</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 150—151.

вполне сознательно не принимаю участия. Я есть, был и умру судебным деятелем»<sup>1</sup>. Как внепартийный юрист он сочинял иронические эпиграммы обо всех партиях. Вот эпиграмма на кадетов:

Мы — кадеты!  
В тоги одеты,  
Римляне мы  
Светоч средь тьмы!

Эпиграмма на эсеров:

Мы ярко-красны,  
Видом ужасны:  
Пуля — реформа,  
Бомба — платформа.

И на социал-демократов:

Жаждем мы мира  
Для всего мира,  
Счастья без меры  
Ценой химеры<sup>2</sup>.

Не участвуя ни в каких политических партиях и считая (как он говорил о себе) «неприемлемыми для адвоката замкнутость партийности и принесение в жертву какой-либо политической программе интересов общечеловеческой морали и справедливости»<sup>3</sup>, Карабчевский имел, конечно, вполне определенные политические взгляды. Б.С. Утевский определял их как праволиберальные («правее кадетов», «что-то между октябристом и кадетом»), а В.И. Смолярчук считает лево-либеральными<sup>4</sup>. Пожалуй, точнее сказать, Карабчевский эволюционировал от левого либерализма (примерно до 1905 г.) к правому.

В революционном движении он вообще никогда не видел «никакой практической пользы», полагая, что и декабризм, и нигилизм 60-х годов, и терроризм 70-х имели более гуманную и плодотворную альтернативу, не реализованную отчасти по вине революционеров, а именно — «мирную просветительную работу»<sup>5</sup>. Этому убеждению Карабчевский был верен всю жизнь начиная с памятного для него эпизода, когда ре-

<sup>1</sup> Карабчевский Н.П. Речи (1882—1914). 3-е изд. Пг., 1916. С. 579.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 827. Д. 27. Л. 1.

<sup>3</sup> Карабчевцев С.В. Указ. соч. С. 12.

<sup>4</sup> См.: Утевский Б.С. Указ. соч. С. 145, 148; Смолярчук В.И. Н.П. Карабчевский — русский судебный оратор и писатель. С. 115.

<sup>5</sup> Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 4—5.

волюционеры-народники попытались вовлечь его в свои ряды. Зимой 1877/78 г., в дни процесса «193-х» подзащитная Николая Платоновича Е.К. Брешко-Брешковская (та самая, кого в 1917 г. эсеры назовут «бабушкой русской революции») внушала ему на свидании с ним в своей тюремной камере, «как было бы хорошо, если бы он, оставаясь адвокатом, примкнул к их конспиративной работе». Карабчевский «шарахнулся от подобного предложения»: «Не кровью и насилием возродится мир. Низменное средство пятнает самую высокую цель. Для меня террорист и палач одинаково отвратительны!»<sup>1</sup> Брешковская тогда «глубоко задумалась», но протянула ему руку: «Бог с вами, оставайтесь праведником... предоставьте грешникам спасти мир». «Когда я в последний раз захлопнул за собою тюремную дверь, — вспоминал о том свидании Карабчевский, — мне показалось, что я оставил живую в могиле. Может быть, про меня она, наоборот, подумала: «Ушел живой мертвец»<sup>2</sup>.

Отвергая в принципе революцию, Карабчевский был столь же нетерпим и к реакции. Он осуждал власть за то, что та избавляется от недовольных и протестующих «только виселицами, ссылками, каторгой и тюрьмами и официально диктуемым молчанием в печати. А следовало поступать как раз наоборот: из числа фрондирующих, либеральствующих, сколько-нибудь выдающихся общественных сил правительство должно было вбирать в себя периодически все самое энергичное, жизнеспособное»<sup>3</sup>. В еженедельнике «Юрист» под редакцией Карабчевского 16 января 1905 г. был напечатан фельетон Александра Яблоновского «Под суд!», обличавший «величайшее бесправие русских граждан, издевательство над законом, поругание личности»<sup>4</sup>, а 10 июля там же Карабчевский сам выступил за «поголовную чистку и смену лиц, стоящих во главе современной бюрократии, вконец дискредитированной...»<sup>5</sup>. Можно представить себе, как Николай Платонович воспринял распутинщину. «Лично меня, — вспоминал он позднее, — нередко умоляли написать «только два слова» Распутину относительно исходатайствования помилования то одному, то другому осужденному, уверяя, что именно авторитетная просьба, поддержанная им, будет иметь верный успех. Я не согрешил ни разу. Чувство нравственной брезгливости

<sup>1</sup> Воспроизводя этот разговор с Брешко-Брешковской почти полвека спустя, Карабчевский ошибается: до окончания процесса «193-х» среди народников 70-х годов не было еще ни одного террориста, и сама Брешковская оставалась пропагандисткой.

<sup>2</sup> Там же. С. 31, 32.

<sup>3</sup> Там же. С. 166—167.

<sup>4</sup> Юрист. 1905. № 2—3. С. 51—52.

<sup>5</sup> Там же. № 28. С. 996.

каждый раз заставляло меня наотрез, не входя ни в какие подробности, отказываться от подобных дел»<sup>1</sup>.

Неудивительно, что с 1869 г., когда 18-летний Карабчевский был арестован за участие в студенческих волнениях, он, по крайней мере, до 1905 г. оставался под жандармским подозрением и надзором как «неблагонадежный». В 1878 г. жандармы инкриминировали ему участие в антиправительственной панихиде<sup>2</sup>, в 1899 — сбор средств в пользу нелегального Красного Креста<sup>3</sup>, в 1900 и 1903 гг. — «неуместные суждения о действиях администрации» на судебных процессах<sup>4</sup>. В конце 1903 г. директор Департамента полиции А.А. Лопухин по поручению министра внутренних дел В.К. Плеве вызвал к себе Карабчевского и потребовал от него под угрозой административной ссылки отказаться от публичных разоблачений жандармского беззакония<sup>5</sup>. Николай Платонович не стал отказываться и в 1904 г. принял участие в трех коллективных акциях протеста против карательной политики, включая декабрьское письмо 112 литераторов и ученых (В.Г. Короленко, В.И. Семевского, П.Ф. Якубовича и др.), которое было опубликовано нелегально<sup>6</sup>.

Антиправительственные настроения Карабчевского имели под собой не только юридическую и нравственную, но и семейную опору. Он был женат первым браком (1876—1902) на сестре народовольца С.А. Никонова Ольге Андреевне, революционно настроенной и неизменно помогавшей борцам против самодержавия, «как только могла»<sup>7</sup>. В 1887 г. перед отправкой Никонова в ссылку по делу о покушении на цареубийство Карабчевский вызвался быть шафером на его свадьбе с народоволкой Н.В. Москопуло в церкви Дома предварительного заключения<sup>8</sup>, а в 1897 г. принял к себе помощником только что отбывшего административную ссылку другого брата своей жены А.А. Никонова<sup>9</sup>. Наконец, после того как сестра Ольги Андреевны вышла замуж за социалиста-революционера Б.Н. Никитенко, Карабчевский оказался свояком страшного террориста (21 августа 1907 г.

<sup>1</sup> Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 17.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 68. Ч. 1. Л. 111.

<sup>3</sup> См. там же. Ф. 102. 1901. Д. 938. Л. 1.

<sup>4</sup> См. там же. Ф. 102. 00. 1902. Д. 1479. Л. 10, 11 об.

<sup>5</sup> См.: Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 37—40.

<sup>6</sup> См.: Искра. 1901. № 4 // Искра. № 1—52 (1900—1903). Полн. текст под ред. П.Н. Лепешинского. А., 1925. Вып. 1. С. 85; Право. 1904. № 48. С. 3343—3345; Революционная Россия. 1904. № 57. С. 11—13.

<sup>7</sup> РГАЛИ. Ф. 1337. Оп. 1. Д. 160. Л. 151 (воспоминания С.А. Никонова).

<sup>8</sup> См. там же. Л. 148.

<sup>9</sup> См. там же. Л. 317.

Никитенко, обвиненный в «приготовлении к царубийству»<sup>1</sup>, был повешен).

Все сказанное плюс ряд блистательных выступлений на политических процессах, о которых речь пойдет особо, обеспечило Карабчевскому широкую популярность в радикальных кругах. Поэтому на его юбилей (25 лет работы в звании присяжного поверенного) 13 декабря 1904 г. к нему съехались, наряду с умеренно-либеральными адвокатами «первого призыва» — А.Я. Пассовером, А.Н. Турчаниновым, В.О. Люстигом, П.А. Потехиным<sup>2</sup> — «ультралевые», по выражению самого Карабчевского, лидеры т. н. «молодой адвокатуры»: Н.Д. Соколов, А.А. Демьянов, П.Н. Переверзев, Ф.А. Волькенштейн, Б.Г. Барт (Лопатин) и др. Здесь и случился инцидент, который вызвал отклики даже в прессе Англии и Германии<sup>3</sup>.

После ряда застольных речей без всякой политики левые начали проносить спичи «митингового» характера. «Меня, — вспоминал Карабчевский, — чуть не провозгласили анархистом и будущим главою революции. Жена моя, терпеливо до тех пор слушавшая, вдруг поднялась во весь рост и, чеканя каждое слово, <...> сказала, что не может допустить, чтобы в ее присутствии и в ее доме позволяли себе вести революционную пропаганду». Все левые тут же «демонстративно шумно» встали и направились к выходу. «Мое положение было не из веселых, — как бы оправдывался Карабчевский много лет спустя. — Провожая их у дверей, я просил их остаться, но не находил возможным ни оправдывать их митинговых выступлений, ни извиняться за вполне естественный при ее стойких убеждениях протест жены».

Да, незадолго до того юбилея Карабчевский вступил во второй брак с Ольгой Константиновной Варгуниной — дочерью бумажного толстосума, представленного даже в словаре-альбоме П.К. Мартыанова «Цвет нашей интеллигенции»:

Почтенный финансист и фабрикант,  
Покрыв всю Русь своей бумагой,  
И миллионами разумный коммерсант  
В делах ворочает с отвагой<sup>4</sup>.

В качестве приданого Николай Платонович получил роскошный особняк на Знаменской улице Петербурга (дом № 45), построенный

<sup>1</sup> Гернет М.Н. История царской тюрьмы: В 5 т. М., 1962. Т. 4. С. 133, 136.

<sup>2</sup> В.Г. Короленко, В.Д. Спасович, А.Ф. Кони прислали приветствия. Юбилейный вечер был домашним. От официального чествования Карабчевский и в 1904, и в 1914 гг. уклонялся (см.: Право. 1914. № 52. С. 3593).

<sup>3</sup> Подробно о нем см.: *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 48—49.

<sup>4</sup> См.: *Мартыанов П.К.* Указ. соч. С. 49.

великим Б. Растрелли<sup>1</sup>, и огромное состояние, что, может быть, и подвинуло его вправо — как бы навстречу убеждениям новой супруги. По свидетельству Б.С. Утевского, «Карабчевский не любил ее, но боялся и терпел ее злобные выходы. Как и все черносотенцы, она была скандалисткой»<sup>2</sup>.

Если в первый брак Карабчевский вступал по любви<sup>3</sup>, то во второй, несомненно, по расчету, хотя к 1904 г. он был в зените славы, «умел и любил получать огромные гонорары»<sup>4</sup> и мог бы даже без варгунинских миллионов жить в материальном отношении припеваючи. Впрочем, мог ли? Послушаем хорошо осведомленного Б.С. Утевского: «Карабчевский не ценил денег. Огромные гонорары, которые он получал, быстро таяли в его руках. Он широко раздавал деньги, охотно давал «в долг без отдачи». Я точно знал (из его завещания, при составлении которого я был свидетелем), что у него почти не было накоплений»<sup>5</sup>. К тому же на политических процессах Карабчевский выступал защитником безвозмездно.

\* \* \*

Об участии Карабчевского в политических процессах надо говорить особо. Б.С. Утевский с чувством уважительной озадаченности констатировал: «Особенно удивительно, что Карабчевский при всей его романтической природе, при его весьма ограниченных политических взглядах был исключительно блестящ как политический защитник. В речах на политических процессах он настолько внутренне сживался с подсудимым, что начинал мыслить, как он, смотреть на все его глазами, иногда даже говорить его словами. Карабчевский в таких случаях был смелым и мужественным и возвышался до подлинного пафоса и художественности»<sup>6</sup>. Как политический защитник Карабчевский, пожалуй, выше всех отечественных адвокатов, поскольку П.А. Александров редко выступал и рано умер, не успев проявить себя в полную мощь своих дарований, а «король адвокатуры» В.Д. Спасович при всех его достоинствах на поли-

<sup>1</sup> Б.С. Утевскому больше всего запомнились там мрамор, ковры и швейцар в дверях.

<sup>2</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 82.

<sup>3</sup> Карабчевский очень любил свою первую жену. Он посвятил ее памяти издание своих «Речей» 1902 г. и ряд стихотворений, а в декабре 1904 г., будучи уже в браке с О.К. Варгунинной, открыл в кассе пособий адвокатам благотворительный фонд «имени О.А. Карабчевской» (Отчет Совета присяжных поверенных при СПб. Судебной палате с 1 марта 1904 г. по 5 февраля 1905 г. СПб., 1905. С. 44—45).

<sup>4</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 153.

<sup>5</sup> Там же.

<sup>6</sup> Там же. С. 151—152.

тических процессах грешил принижением обвиняемых, чтобы таким образом облегчить их участь.

Процесс «193-х» (18 октября 1877 — 23 января 1878 г.) — первый и самый крупный из политических процессов, на которых Карабчевскому довелось выступить как защитнику, — стал для него своего рода боевым крещением, навсегда определившим его сочувствие к борцам за свободу, к их политическим идеалам и нравственным качествам, исключая лишь их подпольные «крайности». Он и спустя полвека не мог забыть «революционное сгедо» Ипполита Мышкина, ратовавшего со скамьи подсудимых за «наисправедливейшую форму будущего строя»: «Оно потрясло и захватило всю аудиторию. <...> Проповедь Мышкина, я убежден, запала глубоко не в одну молодую душу». Она запала и в душу молодого Карабчевского. Он с волнением слушал трибуна революции, а когда жандармы схватили Мышкина, пытаясь зажать ему рот, Николай Платонович, «потеряв голову, угрожающе бросился на жандармского офицера с графином в руках...»<sup>1</sup>.

На процессе «193-х» помощник присяжного поверенного Карабчевский только набирался опыта как политический защитник, хотя уже тогда блеснул искусством опровергать обвинение: из трех его подзащитных двое были оправданы. В дальнейшем уже как присяжный поверенный Карабчевский ни на одном политическом процессе не отступал на второй план. С 1878 до 1917 г., как правило, он вел политические дела либо один, либо во главе группы адвокатов. Так, на знаменитом разбирательстве мултанского дела 1896 г. против удмуртских крестьян, провокационно обвиненных в «человеческом жертвоприношении», где среди четырех защитников выступил В.Г. Короленко, Карабчевский был настоящим «бодзим-восясь» (верховным жрецом) защиты<sup>2</sup>. Именно он после шквального допроса свидетелей опроверг юридическую базу обвинения, установив: «все открытое оказалось погнаным под ранее намеченное»<sup>3</sup>, после чего оправдательный приговор был предreshен. Карабчевский же возглавлял защиту на сходном по своей провокационно-политической сущности, всемирно известном процессе 1913 г. по делу М.Т. Бейлиса — киевского конторщика, еврея, который тоже был обвинен в ритуальном убийстве. И здесь Николай Платонович в блестящей защитительной речи<sup>4</sup> не оставил от

<sup>1</sup> *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 30. Речь И.Н. Мышкина см.: *Революционное народничество 70-х годов XIX в.* Сб. документов. М., 1964. Т. 1. С. 371—392.

<sup>2</sup> См.: *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1956. Т. 10. С. 254.

<sup>3</sup> *Карабчевский Н.П.* Речи (1882—1902). С. 382.

<sup>4</sup> Полный текст ее см. в изд.: *Карабчевский Н.П.* Речи (1882—1914). Пг.; М., 1916. С. 570—590.

обвинения камня на камне, а телеграф разнес по всему свету: «Бейлис оправдан».

Впрочем, Карабчевский блистал не только на крупных и громких процессах. Он мог привлечь внимание и к делу скромному, как, например, первое в России дело кадетов (собственно, членов Союза освобождения — ядра будущей Конституционно-демократической партии) Е.В. Аничкова и А.В. Борман (Тырковой)<sup>1</sup> весной 1904 г. По поводу записки антиправительственного содержания, извлеченной при обыске у Аничкова «из корзины для ненужных бумаг», Карабчевский здесь заявил: «Мы миримся с мыслью, что у нас нет свободы слова, но как отнять у себя уверенность, что у нас есть, по крайней мере, свобода мысли? Мало ли что я могу набросать у себя и для себя на бумаге! Этого у человека отнять никто не может, как нельзя отнять у него право дышать. Я могу быть убежденнейшим революционером в мысли, могу поверять свои заветные думы бумаге, завещать их далекому потомству, когда распространение их перестанет быть преступлением. Я не вправе лишь сочинить нечто предназначенное для распространения, чего распространять нельзя под страхом наказания»<sup>2</sup>.

На политических процессах Карабчевский буквально сражался за своих подзащитных (как в последнем случае за Аничкова), рискуя перейти ту «демаркационную» линию, которая отделяла защитника от подсудимого. С наибольшей силой это его качество сказалось на двух процессах 1904 г., которые и принесли ему самую большую славу. Это процессы по делам Григория Гершуни и, особенно, Егора Сононова.

Дело основателя и руководителя Боевой организации эсеров Г.А. Гершуни слушалось 18—25 февраля 1904 г. в Петербургском военно-окружном суде. Стараниями сыска и следствия, а также благодаря председательству судившегося здесь же боевика Е.К. Григорьева, Гершуни был подведен под смертный приговор необратимо. Однако Карабчевский нашел пути к спасению его жизни. Во-первых, он юридически и нравственно акцентировал тот факт, что обвиняемый лично ни в одном из террористических актов не участвовал. Главное же, Карабчевский настойчиво в ходе всего процесса изыскивал и фиксировал в

<sup>1</sup> Аничков Евгений Васильевич (1866—1937) — литературовед, профессор Психоневрологического института в Петербурге, а с 1920 г. — Белградского университета. Борман (урожденная Тыркова, по второму мужу Вильямс) Ариадна Владимировна (1869—1962) — сестра народовольца А.В. Тыркова, кузина народницы-террористки С.А. Лешерн фон Герцфельдт, школьная подруга Н.К. Крупской, с 1905 г. член ЦК партии кадетов (была там единственной женщиной), впоследствии известная мемуаристка и писательница.

<sup>2</sup> Судебные отчеты // Право. 1904. № 27. С. 1443.

конструкции обвинения малейшую неопределенность. Так, в ответ на заключение одного из экспертов, что он «с почти полной несомненностью» удостоверяет подпись Гершуни на улике против него, Николай Платонович воскликнул: «Гг. судьи! Сказать «почти» в таком вопросе недостаточно, ибо не можете же вы подсудимого Гершуни «почти» повесить!»<sup>1</sup> Судя по записям, сохранившимся в архиве Карабчевского, он установил и констатировал на суде, что в деле Гершуни «главными и почти единственными уликами являются оговоры, сделанные с целью смягчения собственной участи»<sup>2</sup>.

Отчасти расшатав таким образом обвинение, Карабчевский «создал атмосферу, в которой можно было поднять вопрос о замене для Гершуни смертной казни пожизненной каторгой»<sup>3</sup>. Но Гершуни категорически отказался просить о помиловании: «У нас это не принято»<sup>4</sup>. Тогда Карабчевский решил подать такую просьбу от своего имени, «что до сих пор не практиковалось»<sup>5</sup>. На последнем свидании с Гершуни в камере смертника он заявил своему подзащитному: «Меня, соприкоснувшегося с вами и с вашим делом не в качестве вашего единомышленника, а только как защитника, вы не вправе лишать общих прав человека и гражданина — протестовать лично против смертной казни и действовать в данном случае сообразно моим собственным убеждениям. Я подаю просьбу о помиловании от своего имени и под своей личной ответственностью, в ней не будет сказано, что просите о помиловании вы, просить, т. е., по-вашему, «унижаться» буду я».

«Заявление мое, — вспоминал Карабчевский, — было категорично. Приберег я его к самому концу свидания и, не ожидая ответа, протянул руку для прощания»<sup>6</sup>. В таком положении Гершуни не счел нужным возражать.

По ходатайству Карабчевского император Николай II заменил Гершуни смертную казнь пожизненной каторгой. Гершуни был отправлен в Акатуйскую каторжную тюрьму (в Забайкалье), откуда уже через год бежал за границу. Перед тем как бежать, он написал Карабчевскому благодарственно-дружеское письмо, которое тот получил «нелегальным путем» и бережно хранил у себя<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Революционная Россия. 1904. № 47. С. 23.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 105. Л. 1.

<sup>3</sup> Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 235.

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., 1908. С. 198.

<sup>5</sup> Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Ч. 2. С. 43.

<sup>6</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. СПб., 1908. С. 199.

<sup>7</sup> См.: Утевский Б.С. Указ. соч. С. 153.

На процессе Е.С. Созонова в Петербургской судебной палате 30 ноября 1904 г. положение Карабчевского (как и его подзащитного) было еще труднее. Созонов, схваченный на месте преступления, после того как он взорвал своей бомбой бронированную карету, в которой ехал к царю министр внутренних дел и шеф жандармов В.К. Плеве, был обречен на смертную казнь. Единственный и притом микроскопический шанс спасения для него Карабчевский увидел в том, чтобы переключить хотя бы отчасти внимание суда и общества от преступления Созонова против человека по имени Плеве на ряд преступлений самого Плеве против человечности. Этот шанс он использовал максимально. В яркой, поистине вдохновенной защитительной речи<sup>1</sup> он доказывал, что Созонов был движим не чувством мести лично Плеве, а идеей самопожертвования ради общего блага: «Отнимая у другого человека жизнь — жизнь, которую он считал опасною и губельною для родины...

*Председатель*<sup>2</sup>. Прошу не употреблять таких выражений!

*Карабчевский*. Он охотно отдавал за нее и собственную, молодую, полную сил жизнь, как плату за свою отважную решимость. Какую еще более дорогую плату он мог предложить для засвидетельствования всей искренности и всего бескорыстия побудивших его мотивов?»

Главное же, продолжал Карабчевский, Созонов решился на самопожертвование под воздействием «объективных условий»: «После убийства министра Сипягина вакантное место занял Плеве. Балмашев<sup>3</sup> был повешен. В обществе воцарилось гробовое молчание. Печать — единственная выразительница общественного настроения — или подневольно молчала, или заискивала у всесильного министра, раболепствовала перед ним...

*Председатель*. Я лишу вас слова, если вы еще раз позволите себе подобные выражения!

*Карабчевский*. Печать, к сожалению, безмолвствовала.

*Председатель*. Я же остановил вас!

*Карабчевский*. Вы остановили меня, но не остановили моей мысли, и она продолжает работать. Я должен дать ей выход...»

Выдержав паузу, Карабчевский закончил речь впечатляющей атакой на карательную политику Плеве и всего царского режима. «Он (Плеве. — Н. Т.) настоял на повешении Балмашева, он заточил в тюрь-

<sup>1</sup> Полный текст ее см.: *Карабчевский Н.П. Речи (1882—1914)*. С. 483—498.

<sup>2</sup> И.К. Максимович.

<sup>3</sup> Эсер Степан Валерианович Балмашев, застреливший министра внутренних дел Д.С. Сипягина, тоже выбрал своим защитником Карабчевского, но Николай Плаatonович был тогда занят на другом процессе (см.: *Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели*. Ч. 2. С. 43). Поэтому защищал Балмашева В.О. Люстиг.

мы и послал в ссылку тысячи невинных людей, он сек и расстреливал крестьян и рабочих, он гаумился над интеллигенцией, сооружал масовые избиения евреев в Кишиневе и Гомеле, он задушил Финляндию, теснил поляков, он влиял на то, чтобы разгорелась наша ужасная война с Японией, в которой уже столько пролито и еще столько прольется русской крови... Созонову казалось, что Плевэ — чудовище, которое может быть устранено только другим чудовищем — смертью. И, принимая трепетными руками бомбу, предназначенную для Плевэ, он верил, свято верил в то, что она начинена не столько динамитом, сколько слезами, горем и бедствиями народа. И когда рвались и разлетались в стороны ее осколки, ему чудилось, что это звенят и разбиваются цепи, которыми опутан русский народ...

*Председатель.* Я запрещаю вам! Вы не подчиняетесь! Я принужден буду удалить вас!

*Карабчевский.* Так думал Созонов.. Вот почему, когда он очнулся, он крикнул: «Да здравствует свобода!»

Процесс Созонова стал звездным часом для Карабчевского, а его «созоновская» речь — событием не только в жизни Николая Платоновича, но и в истории российской адвокатуры. После речи П.А. Александрова в защиту Веры Засулич (1878) ни одна из защитительных речей на политических процессах в России не производила столь сильное впечатление на современников, как речь Карабчевского по делу Созонова. Хотя до 1916 г., когда текст ее появился в 3-м издании «Речей» Карабчевского, цензура числила «созоновскую» речь в категории запретных, широкие общественные круги все равно знакомилась с ней по нелегальным и зарубежным изданиям, спискам и устным рассказам, а в 1911 г., к 60-летию Н.П. Карабчевского, его помощники осуществили подарочное издание этой речи «тиражом»... в 1 экземпляре.

«Единственный экземпляр, — вспоминал об этом Б.С. Утевский, — был издан с исключительной роскошью и художественным вкусом, благодаря взявшему на себя художественное оформление книги прекрасному графику Георгию Нарбуту. Книга печаталась в лучшей русской типографии Голице и Вильборга на пергаменте. Сафьяновый переплет был сделан по эскизу Нарбута. Все заглавные буквы, виньетки, форзац были от руки сделаны тушью самим Нарбутом. Цензура не разрешала печатать эту речь Карабчевского, но так как издавался один экземпляр, мы договорились с цензором. Карабчевский был рад этой книге. Он хранил ее в своем письменном столе.

Когда в 1921 г., — продолжал Утевский, — я приехал с Украины в Петербург, то сделал попытку разыскать архив Карабчевского и эту

книгу. <...> В особняке Карабчевского помещался госпиталь. Отыскал коменданта. О Карабчевском он никогда не слышал. Никакого имущества Карабчевского не оказалось. Не нашел я и речи по делу Созонова. Судьба ее осталась неизвестной. Может быть, она стоит на полке в чьем-либо книжном шкафу. Может быть... В одном я убежден: вряд ли она уничтожена, слишком она была хороша!»<sup>1</sup>

Феномен Карабчевского как политического защитника таит в себе одну загадку: как соотносить его умеренные политические взгляды (вспомним ироническую эпиграмму Николая Платоновича на эсеров) с его же страстной защитой террористов Гершуни и Созонова? По-видимому, разгадка здесь такова: юрист, а не политик, как он сам о себе говорил, и гуманист, Карабчевский защищал не столько политические идеалы революционеров (их средства борьбы он вообще отвергал), сколько их право на свободу мнений и личности, право на жизнь. Во всяком случае, он имел больше, чем кто-либо, оснований заявить 16 мая 1917 г. он имени корифеев российской адвокатуры: «Мы были всюду, куда нас звал сословный долг к защите права и справедливости. С Брешковской, Перовской, Засулич, Гершуни, Созоновым и всеми передовыми борцами и мучениками за свободу <...> мы стояли бок о бок, защищая их своей грудью. Мы смело боролись за их участь, за их судьбу свободным словом»<sup>2</sup>.

\* \* \*

Российская присяжная адвокатура, благодаря таким людям, как Н.П. Карабчевский, за полвека своего существования добилаь многого. Она противостояла всякому беззаконию, в любых условиях отстаивала нормы права, а на политических процессах вырывала у карательного молоха старых и привлекала к ним новых борцов, — словом, тоже вполетала лавры в тот, по выражению народовольца А.Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец»<sup>3</sup>, который доставили освободительному движению политические репрессии. В советское время, уже 22 ноября 1917 г., присяжная адвокатура была упразднена, а ее сохранившиеся кадры

<sup>1</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 154—155. В той части архива Карабчевского, которая хранится в России (ГАРФ. Ф. 827), нарбутовского издания нет. В монографии П.А. Белецкого «Георгий Иванович Нарбут» (Л., 1985. 238 с.) оно даже не упомянуто.

<sup>2</sup> Право. 1917. № 16. С. 900—902. «Можно подумать, что Карабчевский и его коллеги чуть ли не сами стояли перед лицом царского суда в качестве обвиняемых», — иронизирует по этому поводу Е.А. Скрипилев (Труды Иркутского ун-та. 1971. Т. 45. Сер. юрид. Вып. 8. Ч. 1. С. 43). Читатель может сам рассудить, насколько уместна эта ирония.

<sup>3</sup> Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 260.

подверглись гонениям (иные — даже физическому уничтожению, именно как «бывшие»). Жертвами сталинского террора в числе других стали адвокаты, защищавшие ранее, при царизме, активных революционеров: защитник Вацлава Воровского и Петра Заломова П.Н. Малянтович; сын знаменитого Германа Лопатина Б.Г. Барт-Лопатин; защитник Ивана Каляева и Николая Баумана М.А. Мандельштам; семья защитника большевиков-депутатов IV Государственной думы Н.К. Муравьева.

Вновь созданная в 1922 г. советская (теперь уже постсоветская) адвокатура с тех пор и доныне поднялась как правовой институт немногим выше нуля. О юридическом и, тем более, культурном и политическом ее весе трудно сказать что-либо. Сегодня, в процессе формирования истинно правового государства, она просто обязана учесть и рационально использовать все лучшее из опыта русской присяжной адвокатуры вообще и Н.П. Карабчевского в частности.

Судьбу Карабчевского можно было бы признать счастливой, если бы конец его жизни не был столь горьким. Он не принял Октябрьскую революцию, эмигрировал (в Норвегию, затем переселился в Данию и, наконец, в Италию) и остаток своих лет провел на чужбине. Там он в первое время писал («под горячую руку», по его собственному выражению) мемуары, иногда печатался — на литературные и судебные темы — в эмигрантских изданиях, в 1921 г. организовал даже в Риме «интимный театр» под названием «Русская ласточка», который, однако, не возымел успеха<sup>1</sup>.

6 декабря 1925 г. Николай Платонович Карабчевский умер в Риме и похоронен там, как свидетельствовал очевидец три года спустя, «на полузаброшенном кладбище»<sup>2</sup>.

Свои последние восемь лет Карабчевский прожил как бы сверх собственного предназначения. Он родился адвокатом, хотя сам не сразу осознал это, и как адвокат исчерпывающе проявил себя к 1917 г. В ряду светила отечественной адвокатуры знатоки ставили его либо сразу после В.Д. Спасовича и Ф.Н. Плевако, либо вровень с ними, а иные (Г.Б. Слиозберг, С.В. Карачевцев<sup>3</sup>) — и выше всех. Популярный журнал «Нива» еще в 1904 г. — при жизни Спасовича и Плевако — писал о Карабчевском: «В настоящее время невозможно назвать другого такого же могучего словом и духом судебного деятеля и оратора»<sup>4</sup>. По совокупности

<sup>1</sup> См.: Кулишер Е. Н.П. Карабчевский (1851—1925) // Новый журнал. Нью-Йорк, 1952. Кн. 31.

<sup>2</sup> Карачевцев С.В. Указ. соч. С. 13.

<sup>3</sup> См. там же. С. 8; Слиозберг Г.Б. Указ. соч. Т. 3. С. 72.

<sup>4</sup> Н.П. Карабчевский // Нива. 1904. № 52. С. 1058.

достоинств он, пожалуй, был ближе всех в России к тому идеалу адвоката, который один из грандов европейской адвокатуры француз М. Пайе определял таким образом: «Дайте человеку все качества ума, дайте ему всю силу характера, заставьте его все видеть, все изучить, все запомнить; пусть он неутомимо работает в течение 30 лет своей жизни, пусть он сразу будет и литератором, и критиком, и моралистом, пусть у него будет опыт старца, пыл юноши, неизгладимая память дитяти; заставьте, наконец, всех фей по очереди приходить к его колыбели и одарять всеми дарами, и тогда, может быть, вы сумеете образовать совершенного адвоката»<sup>1</sup>.

Карабчевский принадлежал старой, русской присяжной адвокатуры. Ее конец стал, в сущности, и его концом — раньше духовно, чем физически. Верно сказал о нем его современник: «Есть что-то величественное и жуткое в том, что этот Самсон русской адвокатуры погиб вместе с адвокатурой и что даже само здание петербургского суда сгорело после того, как Карабчевский оставил его навсегда: нет жреца — нет больше и храма!»<sup>2</sup>

<sup>1</sup> Аллу Р., Шени Ш. Великие адвокаты XIX в. М., 1898. С. 123.

<sup>2</sup> Карабчевцев С.В. Указ. соч. С. 9.



## ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ГЕРАРД

(1839—1903)

В ряду корифеев отечественной адвокатуры ее «первого призыва» почетное место занимает Владимир Николаевич Герард, первоклассный криминалист и оратор-художник, ярко сочетавший в себе светскость, джентльменство и бойцовскую отвагу. Имя его не забыто поныне<sup>1</sup>, но вспоминается редко<sup>2</sup> и не всегда к месту: в разных изданиях он представлен то «адвокатом Софьи Перовской»<sup>3</sup>, то «защитником Веры Засулич»<sup>4</sup>, хотя никогда не защищал ни ту ни другую...

Родился Владимир Николаевич 26 сентября 1839 г. в Петербурге, где и прожил всю свою жизнь. А между тем семья его имела итальянские корни. Инженер из Италии Gheraldini приехал в Россию еще при Петре I и обрел здесь вторую родину. Со временем потомки инженера упростили свою фамилию: Герард<sup>5</sup>. К концу XIX в. эта фамилия стала уже хорошо известной в России: старший брат Владимира Николаевича Николай Николаевич Герард (1838—1929) был действительным тайным советником, сенатором, в 1905—1908 гг. генерал-губернатором Финляндии, с 1897 г. и до Февральской революции 1917 г. членом Государственного совета. Он изображен среди персонажей исторической картины И.Е. Репина «Заседание Государственного совета» (1901—1903) и отдельно — на эскизе к этой картине «И.А. Го-

<sup>1</sup> См. о нем: *Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в.* Тула, 1997 (ук.); *Троицкий Н.А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг. Тула, 2000 (ук).

<sup>2</sup> В книге В.И. Смоларчука «Гиганты и чародеи слова» (М., 1984), где даны биографические очерки о семи адвокатах старой России, В.Н. Герард только упомянут (С. 15).

<sup>3</sup> *Шелагинов В.К.* Защита поручена Ульянову. М., 1977. С. 51.

<sup>4</sup> *Воспоминания о П.И. Чайковском*. 4-е изд. Л., 1980. С. 366.

<sup>5</sup> См.: *Костомаров Д.П.* В ряду поколений // *Новый мир*. 2000. № 7. С. 144. Дмитрий Павлович Костомаров (род. в 1929 г.) — математик, член-корр. РАН, дальний родственник В.Н. и Н.Н. Герардов.

ремыкин и Н.Н. Герард» (академик живописи И.Э. Грабарь считал этот этюд «особенно блестящим по технике»<sup>1</sup> из всех этюдов в Третьяковской галерее).

В 1859 г. В.Н. Герард окончил привилегированное Училище правоведения в Петербурге, из которого вышел целый ряд знаменитостей права, политики и культуры (К.П. Победоносцев, В.В. и Д.В. Стасовы, К.К. Арсеньев, А.А. Герке, В.И. Танеев, А.С. Зарудный), а также ближайшие друзья всей жизни Герарда поэт А.Н. Апухтин и композитор П.И. Чайковский. С Чайковским Владимир Николаевич был особенно дружен, оставил о нем воспоминания<sup>2</sup>, а Петр Ильич 10 сентября 1862 г. так написал о Герарде: «Я и папаша его любим, как брата»<sup>3</sup>.

По окончании училища Герард раз и навсегда избрал для себя поприще юриста. До 1866 г. он служил чиновником департамента Министерства юстиции в Царстве Польском, был там членом юридической комиссии, подготовившей введение Судебных уставов 1864 г. для Польши. С июля 1866 г. он уже выполнял обязанности обер-секретаря Сената, а 2 октября того года стал членом Петербургского окружного суда. Был он тогда «красивой наружности молодым человеком, имевшим великолепную, золотистую курчавую шевелюру»<sup>4</sup>. В.Д. Спасович вспоминал о нем: перед ним судебская карьера «расстилалась скатертью вплоть до вершин магистратуры, до курульных сенаторских кресел и даже до Государственного совета», но Герард «пренебрег этими перспективами» и вступил «в нашу вольную дружину»<sup>5</sup> присяжной адвокатуры. 16 марта 1868 г. он был принят в корпорацию присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты<sup>6</sup> и оставался в этой корпорации до конца своих дней. Последние два года жизни (1902—1903) Герард был председателем Петербургского (самого авторитетного) совета присяжных поверенных, зал заседаний которого с 1893 г. украшал портрет Владимира Николаевича, написанный И.Е. Репиным.

С первых же шагов своей адвокатской деятельности Герард выдвинулся как криминалист. По авторитетному мнению Н.П. Карабчевского, «в уголовных делах он шел наряду с такими корифеями криминали-

<sup>1</sup> *Грабарь Игорь*. Репин. Монография в 2 т. М., 1964. Т. 2. С. 288.

<sup>2</sup> См.: *Герард В.Н. Чайковский в Училище правоведения // Воспоминания о П.И. Чайковском*. Л., 1980.

<sup>3</sup> *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. М., 1959. Т. 5. С. 74.

<sup>4</sup> *Спасович В.Д.* Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 96.

<sup>5</sup> Там же. С. 96—97.

<sup>6</sup> См.: *Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 1 марта 1890 г.* СПб., 1890. С. 6.

стики, как Спасович, Языков<sup>1</sup>, Урусов»<sup>2</sup>. В одном из первых громких дел этого рода — 14 мая 1873 г. в Петербургском окружном суде с присяжными заседателями по делу о лжеприсяге свидетелей при расторжении брака супругов Зыбиных — Владимир Николаевич выступил в необычной для себя роли поверенного гражданской истицы, т. е. поддерживал обвинителя А.Ф. Кони против своего коллеги по корпорации адвокатов А.М. Унковского и выиграл дело: лжесвидетели были признаны виновными и приговорены к ссылке в Сибирь<sup>3</sup>.

В том же году, 24 ноября, Герард выиграл и другое дело — уже в качестве защитника — против Кони как обвинителя: подзащитная Владимира Николаевича жена штабс-капитана Н.П. Неленина, обвинявшаяся в том, что она вместе с мужем участвовала в убийстве коллежского ассессора Чихачева, была оправдана<sup>4</sup>. Большой резонанс вызвал уголовный процесс в Петербургской судебной палате осенью 1901 г. по делу о расхищении дворянских опекунских сумм. И здесь Герард добился оправдания главного обвиняемого князя А.Д. Львова, который, как выяснилось, временно и очень недолго исполнял должность председателя Петербургской дворянской опеки<sup>5</sup>.

Но подлинную славу одной из ярчайших звезд российской адвокатуры Герард завоевал своими выступлениями на политических процессах. С 1870 по 1890 г. он выступил защитником в 12 политических делах, включая самые крупные и значимые для своего времени (нечаевцев, «50-ти», «193-х», 1 марта 1881 г., «20-ти»). Уже на процессе нечаевцев 1 июля — 11 сентября 1871 г., следуя общей договоренности между всеми защитниками «о способе ведения дела»<sup>6</sup>, Владимир Николаевич, как и В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, А.И. Урусов, К.К. Арсеньев, сочувственно анализировал идейные побуждения и душевные качества своих подзащитных<sup>7</sup> (пробуждая к ним общественные симпатии). Не зря присутствовавшие в зале суда агенты III отделения жаловались «наверх», что защитники «облагородили личности подсу-

<sup>1</sup> Языков Александр Иванович (1841—1886) — адвокат (присяжный поверенный Петербургского судебного округа) и поэт. См. его некролог: Журнал гражданского и уголовного права. 1886. № 10.

<sup>2</sup> Каравчевский Н.П. Около правосудия. 2-е изд. СПб., 1908. С. 163.

<sup>3</sup> См. об этом деле: Судебный вестник. 1873. № 102—104; Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1967. Т. 3. С. 76—90, 493—494.

<sup>4</sup> Об этом деле см.: Судебные ведомости. 1874. № 47—56; Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 3. С. 279—306, 503.

<sup>5</sup> См.: Никитин Н.В. Преступный мир и его защитники. Рассказы о самых громких уголовных процессах в России конца XIX — начала XX в. М., 1996. С. 454—459.

<sup>6</sup> РГБ РО. Ф. 311. П. 12. Д. 6. Л. 1 (воспоминания К.К. Арсеньева).

<sup>7</sup> Герард защищал тогда четырех обвиняемых из 2-й группы (Д.Г. Коведяева, Э.В. Лау, Н.М. Пирамидова, В.К. Попова) и двоих (А.Е. Воронцову и Е.Н. Лихутину) из 3-й.

димых»<sup>1</sup>. Здесь же и на процессе по делу народника-пропагандиста Е.С. Семяновского (который, кстати, сам был адвокатом, помощником присяжного поверенного) 26—27 октября 1876 г. Герард разоблачал попытки использовать в интересах обвинения доносы, отягощенные небылицами<sup>2</sup>.

На процессе нечаевцев, где еще соблюдались нормы Судебных уставов 1864 г., Владимир Николаевич сумел добиться для четырех из шести своих подзащитных минимальных наказаний, а обе женщины были оправданы. В деле же Семяновского вновь созданный орган в лице Особого присутствия Правительствующего сената (ОППС) не внял доводам защиты, хотя, как свидетельствовали очевидцы, «речь г. Герарда была проста, ясна, доводы неотразимы»<sup>3</sup>. Семяновский был осужден за распространение нелегальной литературы на 12 лет каторги, отправлен в каторжную тюрьму на р. Кара в Забайкалье и там 1 января 1881 г. покончил с собой<sup>4</sup>.

На знаменитом процессе «50-ти» в ОППС 21 февраля — 14 марта 1877 г. Герард зарекомендовал себя уже как один из самых авторитетных адвокатов. Перед началом процесса, как и в деле нечаевцев, он — вместе с В.Д. Спасовичем, Г.В. Бардовским, А.А. Ольхиным, А.А. Боровиковским, К.Ф. Хартулари — принял участие в совещании, которое согласовало с обвиняемыми план защиты. Было решено не признавать на суде наличия революционной организации (так обычно и поступали русские революционеры до возникновения партии «Народная воля») и защищать каждого из подсудимых изолированно от его сопроцессников<sup>5</sup>.

Владимир Николаевич защищал на процессе «50-ти» четырех народников-пропагандистов. Двое из них (В.Н. Батюшкова и Н.Ф. Цвилленев) были членами Большого общества пропаганды, так называемых «чайковцев», и еще двое (Л.А. Иванов и А.Е. Трубецкой) сотрудничали с другой организацией — так называемых «москвичей». Защитительная речь Герарда, текст которой сохранился в архиве Д.В. Стасова и впервые был полностью опубликован в 2004 г.<sup>6</sup>, стала на процессе событием. Вскрывая шаткость юридической базы обвинения («в распростра-

<sup>1</sup> *Нечаев* и нечаевцы. Сборник материалов. М.; Л., 1931. С. 169.

<sup>2</sup> См. о деле Е.С. Семяновского: Что делается на родине? // *Вперед!* 1877. № 5. С. 8—21.

<sup>3</sup> Там же. С. 20.

<sup>4</sup> Подробно см.: *Богданов С.П.* Помощник присяжного поверенного Е.С. Семяновский — один из первых карийцев // *Былое*. 1906. № 11.

<sup>5</sup> См.: *Джаббаров И.С.* Процесс «50-ти» // *Былое*. 1907. № 10. С. 188—189.

<sup>6</sup> «Побольше гласности, побольше правды!» Речь присяжного поверенного В.Н. Герарда на процессе «50-ти» (публ. Н.А. Троицкого // Исторический архив. 2000. № 4.

нении книг противозаконного содержания» с «возвращением к бунту» и «в принадлежности к тайному сообществу»), Герард остро поставил вопрос о самом понятии «распространение». «Чтобы обвинить кого-нибудь в распространении книги с целью произвести бунт, — говорил он, — недостаточно признать, что распространяемая книга вызывает к бунту; необходимо еще, чтобы распространитель имел целью возбудить к бунту. Если же, например, книга хотя и содержит в себе возбуждение к бунту, но, вместе с тем, проповедует и разные другие, тоже противозаконные, но менее наказуемые учения, и распространитель имел в виду пропагандировать именно эти учения, а не бунт, вы, несмотря на содержание книги, можете признать распространителя виновным только по тем статьям<sup>1</sup>, которые преследуют распространение этих именно учений».

По отношению же к своим подзащитным Герард подчеркнул, что «ни при дознании, ни при судебном следствии не было не только доказательства, но и намек на то, чтобы Цвилев (как и Трубецкой. — Н. Т.) дал кому-нибудь какую-нибудь книгу не только противозаконного, но и какого бы то ни было содержания. <...> Если даже верить всем фактам, которые добыло обвинение против Трубецкого, то выходит, что Трубецкой получил книги, но их не распространял. Что же это за преступление?». Что касается Иванова и Батюшковой, то здесь Владимир Николаевич, фигурально говоря, развел руками: «У меня нет данных для защиты, но по весьма простой причине: потому что у обвинителя нет данных для обвинения». Единственную улику против Иванова и Батюшковой в передаче книг, а именно оговор подсудимого А.П. Белявского, от которого сам Белявский потом отказался, Герард опроверг просто и веско: «Значит ли это, что надо верить первому его рассказу? Разве необходимо выбирать между тем и другим, разве он не мог сказать неправду в обоих случаях? Ведь *правду*<sup>2</sup> сказать о каком-нибудь факте можно только одну, *неправд* — сотни тысяч».

Столь же наглядно Герард обнажил натяжки обвинения его подзащитных в принадлежности к «тайному сообществу». Показав несостоятельность таких признаков «государственного преступления», как «хождение в народ в народных костюмах», «общность имущества», «сокрытие своего имени при аресте», он буквально высмеял указание

<sup>1</sup> То есть, как поясняет далее Герард, не по ст. 251 Уложения о наказаниях («бунт против власти верховной»), а по ст. 274 («противодействие властям») или даже 1035 («неуважение к законам») с большой разницей в наказаниях — соответственно от 10 лет каторги до... ареста на 4 дня.

<sup>2</sup> Здесь и далее подчеркнутые в тексте речи выделены курсивом.

прокурора К.Н. Жукова (в доказательство преступной конспирации обвиняемых) на бытующие среди них клички. «В самом деле, — вопрошал Герард, — какие клички обнаружены г. прокурором? Лидию Фигнер звали Лидька, Надежду Субботину — Надька, Кикодзе — Кика, Гамкрелидзе — Гамка. <...> Наконец, Здановича звали Рыжий, а Кардашева — Мавр. Да посмотрите же, господа, на этих двух соседей по неблагополучию: разве можно скрыть их под этими прозвищами?»\*

В заключение своей защитительной речи Герард признал «противозаконную» направленность *идей* народников, но объяснил (и оправдал!) ее «безотрадностью» положения народа и «злоупотреблениями» властей. «Дайте лучше развитие тем учреждениям, которые обязаны заботиться о народном благосостоянии! — заявил он. — Побольше гласности, побольше правды, побольше забот о развитии народном, побольше общественного контроля! <...> Тогда вам и без уголовного суда легко будет бороться с теми мнениями, которые считают возможным делать гигантские скачки в развитии народных учреждений, народной жизни».

В дневнике влиятельного царского министра П.А. Валуева 15 марта 1877 г. (на другой день по окончании процесса «50-ти») появилась раздраженная запись: «Адвокаты неприличны»<sup>1</sup>. Действительно, принятые в царских судах «приличия» были явно нарушены, когда Герард обратился к судьям с такими словами о подсудимых: «Вы, которые преследуете их, не скажете, что они руководились какими-нибудь своекорыстными побуждениями. Нет! Отчего так спокойно ждут они вашего приговора? Да, что бы ни сказали вы, пред собственной совестью они не виноваты!»

Засадавшие в ОППС сенаторы еще больше П.А. Валуева были раздражены «неприличием» адвокатов и, ориентируясь на мнения «верхов», вынесли пропагандистам других мнений жесточайшие (словно бунтарям-разбойникам) приговоры: даже ни в чем не уличенным, только по оговору и предубеждению судей, В.Н. Батюшковой и Л.А. Иванову — 9 лет каторги<sup>2</sup>.

До того, как осенью 1887 г. Герарду довелось принять участие в самом крупном за всю историю России политическом процессе «193-х» (по делу о «хождении в народ» 1874 г.), он успел выступить на процессах народников-пропагандистов М.Е. Державина и др. 23 апреля<sup>3</sup> и С.И. Серге-

\* «Эти слова защитника вызвали общий смех, потому что Зданович и Кардашев, сидя рядом, отличаются резко друг от друга: первый — рыжим цветом волос, второй — черными как смоль волосами» (примеч. к тексту речи Герарда).

<sup>1</sup> Валуев П.А. Дневник 1877—1884 гг. Пг., 1919. С. 8.

<sup>2</sup> См.: Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 2. С. 326.

<sup>3</sup> См. протоколы дознания, следствия и суда: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 125. Михаил Егорович Державин (1850—?) — внук поэта Г.Р. Державина.

ева и др. 8—10 июня 1877 г.<sup>1</sup>, где защищал главных обвиняемых. Оба этих дела тоже рассматривались в ОППС, но здесь подзащитные Герарда «отделались» сравнительно легкими наказаниями: Державину — 3 месяца тюрьмы, а Сергееву — ссылка «в места, не столь отдаленные».

На процессе «193-х» Владимир Николаевич оказался в столь блистательном составе защиты, равного которому Россия не знала ни раньше, ни позже. Подсудимых здесь защищал чуть не весь цвет российской адвокатуры: ее «патриарх» Д.В. Стасов и «король» В.Д. Спасович, П.А. Александров, Г.В. Бардовский, Е.И. Утин, А.Я. Пассовер, А.Н. Турчанинов, М.Ф. Громницкий, А.А. Боровиновский, П.А. Потехин, Е.И. Кедрин, В.О. Люстиг, впервые выступавший в политическом деле 26-летний Н.П. Карачевский и другие, всего — 35 адвокатов. Вместе с ними выступал в качестве защитника криминалист с мировым именем, профессор уголовного права Петербургского университета Н.С. Таганцев. В такой компании Герард выглядел более чем достойно. Кстати, он имел на процессе 16 подзащитных (среди них — народники Ф.Н. Лермонтов и С.С. Синегуб, будущий народоволец, а затем монархист Л.А. Тихомиров, знаменитый впоследствии физиолог Н.Е. Введенский). Больше (18 человек) было только у Бардовского<sup>2</sup>.

Процесс «193-х» шел в ОППС с 18 октября 1877 по 23 января 1878 г. Поведение защиты на нем было, пожалуй, как никогда смелым и солидарным с обвиняемыми. На первом же заседании, для которого суд намеренно избрал столь тесное помещение, что там, кроме мест для судей, подсудимых и адвокатов, почти ничего не осталось для публики, Спасович от имени всей защиты потребовал перенести заседание в другой зал, где суд мог бы вершить свое дело публично. Герард при этом добавил, что «отсутствие публичности было бы противно достоинству Сената и подрывало бы веру в его справедливость»<sup>3</sup>. Суд отклонил требование защиты. Более того, он придумал (чтоб легче было чинить расправу) разбить подсудимых на 17 групп для раздельного разбирательства дела — вопреки тому, что все подсудимые были связаны *одним* обвинением, а именно «участием в противозаконном сообществе».

Защитники дружно поддержали протест обвиняемых против этого юридического шулерства<sup>4</sup>. Поскольку же суд настоял на своем, за-

<sup>1</sup> См. протоколы дознания, следствия и суда: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 197.

<sup>2</sup> См. список защитников по делу «193-х» с их подзащитными: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 402. Л. 66—70; Д. 738. Л. 122—123.

<sup>3</sup> *Революционеры 1870-х годов. Воспоминания участников народнического движения в Петербурге*. Л., 1986. С. 250.

<sup>4</sup> См.: *Стенографический отчет по делу о революционной пропаганде в империи. Заседания Особого присутствия Правительствующего сената*. СПб., 1878. Т. 1. С. 18—19.

щита искусно использовала разделение подсудимых против обвинения, доказывая, что, если нет нужды в одновременном разбирательстве дела о сообществе из 193 подсудимых, стало быть, нет и такого сообщества. «Есть между ними какая-нибудь связь? — говорил о подсудимых Герард. — Право, господа судьи, я думаю, что вряд ли нужно на этом вопросе останавливаться. Полагаю, что вы дали на этот вопрос самый лучший ответ. Когда только началось судебное следствие по этому делу, вы нашли, что связи между этими 193 подсудимыми так мало, что возможно было для удобства следствия разделить их на 17 групп, столь друг от друга отдельных, что не нужно было даже объяснять подсудимым одной группы то, что происходило на другой»<sup>1</sup>.

В ходе процесса Герард (как, впрочем, и другие адвокаты) не только разоблачал натяжки обвинения, но и сам обвинял царских юристов в том, что они «с трибуны, с высоко поднятой головой, возводят в идеал гражданской доблести шпионство»<sup>2</sup>. В сцене с допросом подсудимой Марии Гейштор он даже поставил (по форме очень корректно, а по существу издевательски) «первоприсутствующего» сенатора, т. е. председателя суда К.К. Петерса в поучительно глупое положение. Вот эта сцена в записи очевидца.

*«Первоприсутствующий.* Подсудимая, вы согласны отвечать на вопросы суда?

*Обвиняемая.* Да.

*Первоприсутствующий.* Признаете ли себя виновной?

*Обвиняемая.* Нет, не признаю. Я должна заявить, что настоящий строй в России мне ненавистен, потому что в нем всем живется очень гадко, не исключая и вас, господа судьи.

*Первоприсутствующий.* Удалить подсудимую за оказанное неуважение к суду! (Гейштор уводят.)

*Присяжный поверенный Герард.* Подсудимая вовсе не желала оскорблять суд. Напротив, она желала давать свои объяснения суду.

*Первоприсутствующий.* Она оскорбила суд!

*Герард.* Вы, вероятно, не изволили расслышать ее объяснения. Она только сказала, что при таком порядке вещей живется в России очень скверно всем, не исключая и вас, господа судьи. Вот ее слова.

*Первоприсутствующий.* Я не расслышал. Верните подсудимую. (Гейштор приводят.)»<sup>3</sup>

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 797. Л. 33 об.

<sup>2</sup> Там же. Д. 798. Л. 98—99.

<sup>3</sup> Государственные преступления в России в XIX веке. Ростов н/Д., 1906. Т. 3. С. 256.

Деятели «хождения в народ», которых царизм судил на процессе «193-х», были, как известно, мирными пропагандистами. Они сами и, солидарно с ними, адвокаты решительно опровергали попытки обвинения представить их кровожадными злодеями: обвинительный акт бездоказательно клеймил «готовность многих пропагандистов к совершению всяких преступлений», инкриминировал им намерение «перерезать всех чиновников и зажиточных людей»<sup>1</sup>. Антиправительственный же образ мысли подсудимых Герарда и его товарищи по защите оправдывали как естественный протест против всякого насилия, произвола и несправедливости. Осужденные по делу «193-х» навсегда запомнили «блестящие громовые речи против жестокого политического режима нашего», с которыми выступили на процессе Герарда, Александров, Бардовский и другие адвокаты<sup>2</sup>. Прокурор В.А. Желеховский объявил даже на суде, что адвокаты *подстрекают* к незаконным действиям как подсудимых, так и их единомышленников, остающихся пока вне суда<sup>3</sup>, на что Герарда от имени защиты возразил: напротив, они «сильны убеждением, что свято исполнили обязанности защитников и граждан»<sup>4</sup>.

Жестокая расправа с народниками-пропагандистами на политических процессах 1876—1878 гг. (по делу «193-х» 28 человек были осуждены на каторгу от 3,5 до 10 лет, а 80 оправданных судом Александр II повелел отправить в административную ссылку<sup>5</sup>) — этот «белый» террор озлобил народников и ускорил их поворот к «красному» террору. На следующий же день после окончания процесса «193-х», 24 января 1878 г., Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова, ранив его. За первым терактом народников последовали другие: С.М. Кравчинский заколол шефа жандармов Н.В. Мезенцова, Г.Д. Гольденберг застрелил харьковского генерал-губернатора кн. Д.Н. Кропоткина, А.К. Соловьев выпустил пять пуль в самого императора Александра II (все — мимо). Власть, со своей стороны, военизировала судебно-карательную систему и стала вешать народников десятками, причем не только террористов<sup>6</sup>. Противоборство «белого» и «красного» террора с 1878 до 1881 г. нарастало, пока не привело к цареубийству...

<sup>1</sup> Государственные преступления в России в XIX веке. Ростов н/Д., 1906. Т. 3. С. 9—10, 104.

<sup>2</sup> См.: Чудновский С.А. Из давних лет. М., 1934. С. 154; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. 2-е изд. М., 1973. С. 263.

<sup>3</sup> См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 792. Л. 102—103.

<sup>4</sup> Там же. Л. 103.

<sup>5</sup> См.: Левин Ш.М. Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т. 5.

<sup>6</sup> Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. М., 1978. Гл. III—IV.

С 26 по 30 марта 1881 г. в ОППС слушалось дело об убийстве 1 марта самодержца Всея Руси Александра II по приговору революционной партии «Народная воля». То был самый громкий в мире судебный процесс XIX в. После 21 января 1793 г., когда французский Конвент отправил на эшафот короля Людовика XVI, мир не знал другого судебного дела, которое так взбудоражило бы народы<sup>1</sup>. Положение защиты здесь было особенно трудным, поскольку беспрецедентное обвинение (убийство монарха!), избыток доказательств, включая признание обвиняемых, предвзятость суда и враждебность избранный публики не оставляли защитникам, казалось бы, никаких надежд на состоятельность судопроизводства. Адвокаты (В.Н. Герард, А.М. Унковский, Е.И. Кедрин, А.А. Герке и К.Ф. Хартулари), естественно, сознавали и осуждали «ужас преступления» 1 марта. Но все пятеро нашли в себе мужество осудить и разгул полицейских репрессий, который, по их мнению, лишь восстанавливает против властей все больше и больше разных, «честных и даже благоразумных» людей<sup>2</sup>.

Самой смелой из речей защиты по делу 1 марта была речь Герарда, которую, кстати, председатель суда Э.Я. Фукс семь раз прерывал, требуя не говорить то одного, то другого<sup>3</sup>. Герард с большей прямоотой, чем другие защитники, обличал чрезмерную жестокость и подчеркивал тщетность («практическую непригодность») карательных мер против оппозиции. Владимир Николаевич выразил глубокое уважение к личности подзащитного Николая Кибальчича<sup>4</sup>, показал, как произвол властей (арест, почти три года тюрьмы, суд и приговор по вздорному обвинению еще... к одному месяцу тюремного заключения) вынудил его «решиться на борьбу с правительством». Отметив «выходящие из ряда» дарования Кибальчича, Герард пытался привлечь внимание суда к его работе над проектом первого в мире летательного аппарата с реактивным двигателем («Вот с каким человеком вы имеете дело!»)<sup>5</sup>.

Много лет спустя, уже незадолго до смерти, Герард рассказал прижизнному поверенному В.В. Беренштаму о своем последнем свидании с Кибальчичем. «Меня пустили тогда к нему в утро смертной казни... Я пришел в 5 часов, когда рассветало. Попрощаться... Он знал, что уже

<sup>1</sup> См. об откликах в мире на судебный процесс по делу 1 марта 1881 г. в изд.: 1 марта 1881 г. М., 1933.

<sup>2</sup> Дело 1 марта 1881 г. Процесс Желябова, Перовской и др. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 299, 313, 325—326, 331—332.

<sup>3</sup> См. там же. С. 320—329.

<sup>4</sup> Другие адвокаты защищали: Кедрин — Софью Перовскую, Герке — Гесю Гельфман, Хартулари — Тимофея Михайлова, Унковский — Николая Рысакова. Главный обвиняемый Андрей Желябов отказался от защиты.

<sup>5</sup> Дело 1 марта 1881 г. С. 329.

все кончено. Большими шагами ходил по камере. Был бледен и взволнован. Сдерживался... Мне хотелось облегчить ему страдания. И я начал говорить о том, что в городе носятся упорные слухи о помиловании их всех. Он сжал мою руку и засмеялся.

— Это легенда о черном покрывале, бросьте ее. Я знаю, что сегодня меня казнят. Умру спокойно. Но знаете что? Я все время ломаю голову, как бы мне найти одну философскую формулу... Хочу найти такую формулу, которая убедила бы меня, что жить не стоит. И как ни ломаю голову, не могу себя убедить! Жить так хочется! Жизнь так хороша! И все-таки надо умирать... А что мой воздушный корабль? В сохранности?

— Да, да, конечно, он не пропадет... — успокаивал я его, едва сдерживая слезы... Больше не было сил, поторопился уйти<sup>1</sup>.

Здесь уместно вспомнить отзыв одного из генералов того времени. «Что бы там ни было, что бы они ни совершили, но таких людей нельзя вешать, — говорил о Желябове и Кибальчиче этот «сослуживец и приятель самого Тотлебена»<sup>2</sup>. — А Кибальчича бы засадил крепко-накрепко до конца его дней, но при этом предоставил бы ему полную возможность работать над своими техническими изобретениями»<sup>3</sup>. В.Н. Герард, без сомнения, согласился бы с таким приговором.

После дела 1 марта 1881 г. все политические процессы в России до революции 1905 г. вершились уже в закрытом порядке. Так прошел 9—15 февраля 1882 г. в ОППС и процесс «20-ти» — самый представительный из всех судебных процессов «Народной воли» (суду были преданы 11 членов и 9 агентов, т. е. кандидатов в члены, Исполнительного комитета партии). Главный обвиняемый по этому делу А.Д. Михайлов отметил в те дни «небывалое стеснение защиты»<sup>4</sup>. Но и здесь, судя по отрывочным данным, защитники держались и юридически и политически достойно. Органы российской политической эмиграции со ссылками на «сведения, добытые корреспондентами иностранных газет», сообщали, что присяжные поверенные В.Д. Спасович, В.Н. Герард и П.А. Александров произнесли на процессе «20-ти» речи, «превосходящие смелостью говоренные на предшествовавших процес-

<sup>1</sup> Беренштам В.В. В огне защиты. Из впечатлений политического защитника. 2-е изд. СПб., 1912. С. 57—58. Его гениальный проект сохранился в архиве, откуда он был извлечен лишь в 1917 г. В XX в. идеи Кибальчича стали важным элементом космонавтики, а его именем назван кратер на обратной стороне Луны.

<sup>2</sup> Граф Эдуард Иванович Тотлебен (1818—1884) был тогда виленским, ковенским и гродненским генерал-губернатором.

<sup>3</sup> Иванов С.А. Из воспоминаний о 1881 г. // Былое. 1906. № 4. С. 237.

<sup>4</sup> Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 262.

сах»<sup>1</sup>. Отнюдь не оправдывая переход народников от пропаганды к «красному» террору, защитники толковали его как вынужденный ответ на «белый» террор правительства и предостерегали «верхи» от злоупотреблений смертными приговорами по политическим делам, ибо, мол, «кровь смывается кровью»<sup>2</sup>.

Отстаивая свои процессуальные права, адвокаты на суде по делу «20-ти» выиграли схватку с первоприсутствующим П.А. Дейером, который запретил им встречаться с их подзащитными во время судебного разбирательства. Свой запрет Дейер мотивировал так: «До меня дошел слух, что присяжные поверенные при свиданиях с подсудимыми сообщают им о том, что происходит на суде в их отсутствие. Находя подобные действия неблагоприятными, я для сохранения чести сословия присяжных поверенных и притом стоя на законной почве, сделал указанное распоряжение». Дейер еще не окончил монолог, когда поднялся Герард. «Я, господин первоприсутствующий, всю жизнь свою забочусь о сохранении чести нашего сословия, — заявил он. — Она мне, конечно, гораздо ближе, чем вам. Поэтому я и позволю себе сказать несколько слов. Меня крайне удивляет, прежде всего, каким образом до первоприсутствующего могли дойти слухи о том, что говорят присяжные поверенные с подсудимыми. Ведь свидания эти происходят наедине...»<sup>3</sup> Дейер стал в тупик и вынужден был отменить свое распоряжение.

Вероятнее всего, именно эту сцену имел в виду А.Н. Турчанинов (тоже выступавший защитником на процессе «20-ти»), когда он вспоминал после смерти Герарда «о защитах его при закрытых дверях»: «Живо я помню, что после одной из таких защит мы, сотрудники его в этом деле, ждали его в нашей комнате и приветствовали его долгими и неудержимыми рукоплесканиями. Думаю, что этой оценке вы можете придать истинное ее значение»<sup>4</sup>.

После процесса «20-ти» в разбирательстве столь же крупных политических дел («17-ти», «14-ти», 1 марта 1887 г., «21-го») Герард больше не участвовал. В 1887 г. его избрал себе защитником главный обвиняемый по делу «21-го» знаменитый Герман Лопатин, но Владимир Николаевич был тогда в отъезде из Петербурга и не мог выступить на

<sup>1</sup> Вольное слово. 1882. № 29. С. 4. О том же: Общее дело. 1882. № 47. С. 14. Герард на процессе «20-ти» защищал народовольца Ф.О. Люстига, который был родным братом выдающегося адвоката В.О. Люстига (1843—1915).

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 373. Л. 13—14.

<sup>3</sup> Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 75, 79.

<sup>4</sup> Турчанинов А.Н. Слово в память В.Н. Герарда // Право. 1903. № 52. С. 2965.

этом процессе<sup>1</sup>. Выступил же он в качестве защитника еще на трех, кроме уже названных, политических процессах.

25—29 ноября 1881 г. в Петербургской судебной палате при закрытых дверях шел необычный политический процесс. Палата судила старшего техника при петербургском градоначальнике генерал-майора К.И. Мравинского и двух его помощников (полицейского пристава П.П. Теглева и начальника канцелярии градоначальства В.В. Фурсова) «за бездействие власти». Процесс вызвал тогда большой интерес и по необычной квалификации обвинения, и по генеральскому чину главного обвиняемого, хотя Мравинский был лишь «рядовым» генералом и только многие лета спустя вошел в историю как отец оперной примадонны Е.К. Мравиной (1864—1914) и дед народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии дирижера Е.А. Мравинского (1903—1988)<sup>2</sup>.

Обвинителем по делу Мравинского выступил Н.В. Муравьев, только что отметивший свое служебное восхождение пятью виселицами по делу 1 марта 1881 г. Защищали: Мравинского — В.Д. Спасович, Теглева — Герард, Фурсова — А.Я. Пассовер. Обвиняемым инкриминировался тот факт, что во время технического осмотра 28 февраля 1881 г. сырной лавки Кобозевых на Малой Садовой улице Петербурга они не обнаружили в ней народовольческого подкопа под улицу с целью цареубийства. Адвокаты построили всю защиту на доказательстве непреложного тезиса: Мравинский и его помощники действовали *законно*. В их компетенцию входил *осмотр*, причем только технический, а не обыск. Судебная палата тем не менее признала всех подсудимых виновными, но кассационный департамент Сената постановил обвинительный приговор по отношению к подзащитному Герарда Теглеву отменить<sup>3</sup>.

13—18 октября 1887 г. Петербургский военно-окружной суд рассматривал дело «18-ти» — об участниках военно-революционных кружков (Н.Н. Шелгунов<sup>4</sup> и др.). Здесь Герард и его товарищи по защите смогли вывести обвиняемых из-под ст. 250, чреватой смертными

<sup>1</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 4. Д. 298. Т. 2. Ч. 1. Л. 102.

<sup>2</sup> От второго брака жены К.И. Мравинского А.А. Масалиной с другим генералом М.А. Домонтовичем родилась член ЦК РКП(б) и СНК РСФСР А.М. Коллонтай (см.: Григорьева А.П. Е.К. Мравина. Материалы к биографии. М., 1970. С. 7).

<sup>3</sup> Подробно о деле К.И. Мравинского см.: Спасович В.Д. Семь судебных речей по уголовным делам (1877—1887). Берлин, 1900. С. 24—85.

<sup>4</sup> Ш е л г у н о в Николай Николаевич (род. в 1864 г.) — гардемарин, сын выдающегося публициста Н.В. Шелгунова. Убит 29 января 1909 г. собственной 15-летней (психически больной) дочерью.

приговорами. Они доказали, что их подзащитные могут быть обвинены не в «составлении тайного общества с целью ниспровержения существующего строя» (ст. 250), как добивалось того обвинение, а лишь в попытке составить «сообщество, имеющее целью противодействие распоряжениям правительства» (ст. 318)<sup>1</sup>. В результате 17 из 18 обвиняемых были всего лишь разжалованы из младших офицеров в солдаты с правом повторной выслуги, а подзащитному Герарда гардемарину А.О. Доливо-Добровольскому вменено в наказание предварительное заключение<sup>2</sup>.

К сожалению, нет данных о поведении защиты на политическом процессе в ОППС 30 октября 1890 г. по делу Софьи Гинзбург и четырех ее товарищей — последнем из тех политических дел, где выступал Герард. Сама Гинзбург просила ОППС назначить ей защитником «кого-либо из следующих лиц: Андреевского, Карабчевского, Герарда»<sup>3</sup>. Суд назначил С.А. Андреевского. Герард же защищал поручика П.Г. Душевского, который «отделался» самым легким из всех подсудимых наказанием: 3-месячным арестом на гауптвахте<sup>4</sup>.

Друзья, коллеги, современники Герарда высоко ценили его «гражданское мужество» как адвоката. «В этом отношении, — считал А.М. Унковский, — Герард выше всех адвокатов, исключая разве покойного Александра»<sup>5</sup>. Дж. Кеннан (автор всемирно известной книги «Сибирь и сылка») тоже называл Герарда «одним из самых смелых защитников»<sup>6</sup>, а К.К. Арсеньев сказал о нем так: «борец по природе»<sup>7</sup>. Не зря корифей «молодой адвокатуры» начала XX в. О.О. Грузенберг в 1916 г. ставил в пример своим коллегам мужество В.Д. Спасовича, В.Н. Герарда, П.А. Потехина на процессе «193-х», воскликнув при этом: «И какими кроткими в сравнении с ними кажемся мы, протестанты 900-х годов!»<sup>8</sup>

Подзащитные Герарда, деятели освободительного движения в России народнической поры, отзывались о нем с уважением и благодарностью. Об этом свидетельствовали упомянутые ранее С.Л. Чудновский и

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 87. Д. 10319. Л. 481—481 об.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 201. Обзор важнейших жандармских дознаний за 1887 г. Прил. 3. С. 165—166. А.О. Доливо-Добровольский (1866—1932) — родной брат замечательного электротехника М.О. Доливо-Добровольского (1861—1919).

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 643. Л. 48.

<sup>4</sup> См. там же. Л. 211—212.

<sup>5</sup> Письма А.М. Унковского к Г.А. Джаншиеву // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 248.

<sup>6</sup> Кеннан Дж. Жизнь политических арестантов в русских тюрьмах. СПб., 1906. С. 22—23.

<sup>7</sup> Арсеньев К.К. В.Н. Герард // Право. 1903. № 51. С. 2889.

<sup>8</sup> Грузенберг О.О. Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944. С. 86.

Н.А. Чарушин, а также С.С. Синегуб и В.Н. Фигнер<sup>1</sup>. Герард, со своей стороны, демонстрировал уважительное отношение к этим борцам. Так, он вместе с Г.В. Бардовским и А.Л. Боровиковским был шафером на свадьбе народников Н.А. Чарушина и А.Д. Кувшинской, осужденных на каторгу по делу «193-х»<sup>2</sup>, а 5 апреля 1878 г. принял участие в антиправительственной панихиде по случаю гибели (от жандармской пули) народника Г.П. Сидорацко, где еще один народник Н.К. Лопатин (двоюродный брат Германа Лопатина) призывал «расправляться с притеснителями нашими» по примеру Веры Засулич<sup>3</sup>. III отделение признало Герарда политически неблагонадежным. Служивший там с разведывательной целью народник Н.В. Клеточников записал в одной из своих конспиративных «тетрадей»: «Следят за присяжным поверенным Герардом»<sup>4</sup>.

Уличить Владимира Николаевича в каких-либо «крамольных» деяниях жандармы не смогли, но иные примеры его общественной активности распалаяли их подозрения. Осенью 1877 г. Герард оказался в числе основателей газеты «Северный вестник», настолько политически «вредной», что уже 6 апреля 1878 г. царизм закрыл ее<sup>5</sup>. В 1882 г. Герард вместе с четырьмя другими членами Петербургского совета присяжных поверенных предложил направить в Париж телеграмму соболезнования по случаю смерти лидера французских республиканцев Леона Гамбетты<sup>6</sup>, а в 1898 г. принял участие в основании либерального юридического и политического еженедельника «Право», состав пайщиков которого «украшали все светила петербургской адвокатуры — Герард, Люстиг, Карабчевский, Пассовер, Потехин»<sup>7</sup>.

Впрочем, общественная активность Герарда не всегда была связана с политикой. Так, он долгое время был председателем Общества защиты детей от жестокого обращения, заботился о нуждающихся студентах. В справке по Министерству юстиции от 24 февраля 1875 г. сообщалось: «Некоторые из адвокатов <...>, несмотря на обширные свои занятия, находят, однако, время принимать у себя учащуюся молодежь, помогают ей советами и даже деньгами, платят за право слушания лекций. К числу таких «гуманных», по выражению студентов, присяжных

<sup>1</sup> См.: Синегуб С.С. Записки чайковца. М.; Л., 1929. С. 202; Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. М., 1929. Т. 5. С. 195.

<sup>2</sup> См.: Чарушин Н.А. Указ. соч. С. 268.

<sup>3</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 68. Ч. 1. Л. 111, 115.

<sup>4</sup> Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 222.

<sup>5</sup> См.: М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1913. Т. 5. С. 326.

<sup>6</sup> См.: История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 300—305.

<sup>7</sup> Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 148.

поверенных причисляют гг. Утина, Спасовича, Герарда, Люстига, Потехина, Ольхина и Павлинова»<sup>1</sup>. Вообще, по воспоминаниям Н.П. Карабчевского, Герард «отличался полной доступностью и изумительной обязательностью. Если только он бывал дома, он был всем доступен: часов приема у него не полагалось, он был всегда в распоряжении многочисленных посетителей, звонивших у его дверей. И, надо правду сказать, звонили недаром»<sup>2</sup>.

Современники (особенно коллеги Герарда) расточали ему хвалу с редким единодушием<sup>3</sup>. «Вас хвалят повсеместно, что вы ревнитель чести нашей сословной, готовы всегда за честь эту бороться, — обращался к нему В.Д. Спасович на собрании адвокатов 16 марта 1893 г. — Право бороться за честь сословия принадлежит только тому, кто сам в себе беспорочно честен»<sup>4</sup>. А вот как вспоминал о Герарде В.О. Люстиг: «Обаяние личности защитника, нравственная чистота и благородство которого ясно виделись не только в его словах, но и в голосе, в каждом жесте и во всей его фигуре, служило на пользу подсудимого: возникало убеждение, что раз такой человек, как В.Н. Герард, заступается за него, значит, он или совсем не виноват, или же совершил преступление при таких тяжелых условиях, что судьям приходится признать в нем не отщепенца и врага, а ближнего, перед которым и они, вместе с остальным обществом, в известной степени виноваты»<sup>5</sup>. Люстигу вторил К.К. Арсеньев: «Чтобы убеждать других, Герарду нужно было самому быть убежденным. Уже поэтому он не мог быть защитником дурного дела»<sup>6</sup>.

Такие разные люди, как адвокат Н.П. Карабчевский и революционер-народник С.С. Синегуб, вспоминая о Герарде, подчеркивали, что он был «рыцарски корректен»<sup>7</sup>, «чистокровный джентльмен»<sup>8</sup>. Лучшее всех сказал об этом на адвокатском обеде в честь Герарда «король адвокатуры» Спасович: «Вы человек светский, из всех знакомых мне братьев ваших самый изящный, наиболее ровный в этом изяществе.

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 94. Л. 2 об. (все фамилии в документе подчеркнуты). Павлинов Николай Михайлович — присяжный поверенный с 1869 г.

<sup>2</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. С. 164.

<sup>3</sup> Пожалуй, единственное исключение составляет зубоскальство фельетониста В.О. Михневича в его словаре «Наши знакомые» (СПб., 1884. С. 54) о том, что Герард будто бы «способен распинаться и за деву Орлеанскую и за мать Митрофанию» (игуменью Серпуховского монастыря, осужденную в 1874 г. за мошенничество) с оговоркой, что он ни ту ни другую не защищал.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 97.

<sup>5</sup> Люстиг В.О. Памяти В.Н. Герарда // Право. 1903. № 51. С. 2892.

<sup>6</sup> Арсеньев К.К. В.Н. Герард. С. 2890.

<sup>7</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 163.

<sup>8</sup> Синегуб С.С. Указ. соч. С. 202.

Если я указываю на эти качества, то понимаю их в самом лучшем смысле и значении, — не только внешность, не одни хорошие манеры, но само существо вашей природы, ее благородство, то, что в прежние века называлось рыцарственностью. Вы представляете собой образец типа, который французы называют неподражаемым словом «*galant homme*»<sup>1</sup>.

Сам Владимир Николаевич в ответ на славословия коллег к 25-летию его адвокатской деятельности объяснил: «Секрет моего успеха очень прост. Я всегда относился строго к выбору дел, брал исключительно дела, которые я должен был выиграть, или, по крайней мере, такие, за которые не краснел бы, если бы и проиграл»<sup>2</sup>.

Другим «секретом успеха» Герарда как адвоката было конечно же его мастерство слова, «красивая живая речь»<sup>3</sup>. «Он был виртуозом декламации, — вспоминал о нем К.К. Арсеньев, — превосходно читал и стихи, и прозу. Привычка владеть словом как орудием искусства сослужила ему большую службу в его судебных речах»<sup>4</sup>.

Любовь к «орудиям искусства», артистизм природы вообще были свойственны Герарду: он тонко понимал музыку и живопись, со вкусом одевался (может быть, даже уделяя этому слишком много внимания), в совершенстве владел пластикой жеста. И.Е. Репин так писал В.В. Стасову о своей работе над портретом Герарда: «Он как артист, актер и чтец, с эффектом выступавший на сцене, был очень грациозен, прекрасно понимал ритм движений, а потому сразу принял такую позу, что любо-дорого. И я с места в карьер взялся за холст и ничего не менял, ничего не искал — так мне нравилась его натура»<sup>5</sup>.

Выразительный портрет Герарда запечатлен в популярном словаре-альбоме П.К. Мартыанова:

Артист-любитель и присяжный адвокат,  
Иль адвокат-любитель и артист присяжный,  
Дерзал и так и сяк, талантами богат, —  
И выходил, как победитель, авантажно<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 97.

<sup>2</sup> Джанишиев Г.А. Эпоха великих реформ. СПб., 1905. С. 831.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 4 С. 130; Т. 5. С. 175.

<sup>4</sup> Арсеньев К.К. В.Н. Герард. С. 2890 (здесь же Арсеньев отметил, что голос Герарда был «звонкий, чистый»). По воспоминаниям А.В. Жиркевича, муза А.Н. Апухтина «популярностью своей много обязана В.Н. Герарду, который, будучи талантливым чтецом, участвуя в литературных вечерах, постоянно выбирал апухтинские стихотворения» (Жиркевич А.В. Поэт милостью Божией // Исторический вестник. 1906. № 11. С. 497).

<sup>5</sup> Репин И.Е. Избр. письма: В 2 т. М., 1969. Т. 2. С. 266—267.

<sup>6</sup> См.: Мартыанов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд. СПб., 1893. С. 73.

Владимир Николаевич Герард умер в Петербурге 7 декабря 1903 г. на 65-м году жизни. Петербургский совет присяжных поверенных постановил «ввиду особой чести для сословия принять его похороны на средства адвокатской корпорации»<sup>1</sup>. Провожал Герарда в последний путь «весь Петербург»<sup>2</sup>. Газеты и журналы печатали прочувствованные некрологи за подписями К.К. Арсеньева, Н.П. Карабчевского, В.О. Люстига, Г.А. Джаншиева, А.Н. Турчанинова. Великолепный портрет Герарда, написанный Репиным в 1893 г. по заказу Петербургского совета присяжных поверенных, украшал зал заседаний Совета до 1917 г.<sup>3</sup>, после чего поступил в Русский музей. «В смерти он боялся только забвения, — вспоминал о Герарде Карабчевский. — Он может быть покоен. Такая смерть его не постигла. В памяти людей он жив»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Хроника // Право. 1903. № 51. С. 2916.

<sup>2</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 164.

<sup>3</sup> Зал Совета с репинским портретом В.Н. Герарда сфотографирован в кн.: История русской адвокатуры. М., 1916. Т. 3. С. 248—249.

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 165.



## ПЕТР АКИМОВИЧ АЛЕКСАНДРОВ

(1836—1893)

Пожалуй, самым дерзким из корифеев российской присяжной адвокатуры, ее «наиболее сильным политическим оратором»<sup>1</sup> и первым бойцом был Петр Акимович<sup>2</sup> Александров. Карьера его необычна: став уже в 37 лет товарищем обер-прокурора уголовного кассационного департамента Сената, он через два года вдруг (в знак протеста против гонений «сверху» на печать) демонстративно уволился в отставку и вступил в корпорацию присяжных поверенных. Известный и многообещающий прокурор стал безвестным и, казалось, малозначащим адвокатом. Однако первое же выступление Александрова как адвоката на политическом процессе (по делу «193-х») принесло ему общероссийскую славу, а следующее (в защиту Веры Засулич) — сделало его всемирно знаменитым...

Родился Петр Акимович в 1836 г. в Орловской губернии. Сведений о начале его жизни сохранилось немного<sup>3</sup>. Неизвестна пока даже точная дата его рождения. Месяц и число не указываются вовсе, а год иногда называют 1838<sup>4</sup>, хотя в некрологах Александрова значится только 1836 год<sup>5</sup>.

Отец Александрова был приходским священником, мать — тоже из духовенства. Естественно, они направили сына учиться в Орловскую семинарию. Но «семинарская школа с ее обезличивающим режимом,

<sup>1</sup> РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 16. Л. 2 (воспоминания С.А. Андреевского).

<sup>2</sup> В некоторых изданиях отчество Александрова пишется: Якимович.

<sup>3</sup> Специальных исследований о П.А. Александрове нет. Ему посвящены лишь краткие (от 5 до 12 с.) характеристики в кн.: *Ляховицкий А.Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897; *Глинский Б.Б.* Русское судебное красноречие. СПб., 1897; *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900; *Смолярчук В.И.* Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX в. М., 1984.

<sup>4</sup> См.: *Ляховицкий А.Д.* Указ. соч. С. 5; *Ларин А.М.* Государственные преступления. Россия. XIX век. Взгляд через столетие. Тула, 2000. С. 582.

<sup>5</sup> См.: Судебная газета. 1893. 14 марта. С. 12; Юридическая газета. 1893. 14 марта. С. 2.

с ее чрезмерно суровыми требованиями, с грозными мерами наказания»<sup>1</sup> вызывала у юного Александра отторжение. К тому же он в детские годы не раз был «свидетелем поругания человеческого достоинства его отца, покорно сносившего все оскорбления, которые сыпались на его голову»<sup>2</sup> от власть имущих. Еще не окончив семинарию, мальчик загорелся идеей стать юристом, чтобы защищать права слабых и карать тех, кто чинит бесправие. Родители его поняли. С их благословения в августе 1855 г. он поступил на юридический факультет Петербургского университета.

В университетские годы характер Петра Акимовича сформировался окончательно. «Поначалу студенты с недоверием относились к Александру («попович»!), но хорошая учеба, трудолюбие, большие знания, бескорыстие, скромность и уважение к товарищам помогли ему завоевать прочный авторитет и у студентов, и у преподавателей»<sup>3</sup>. Очень импонировала студентам, а еще более преподавателям его тяга к знаниям. Он слушал лекции профессоров не только на «своем», юридическом, но и на историческом факультетах. Наибольший интерес вызывали у него лекции Н.И. Костомарова по русской истории и, особенно, молодого профессора В.Д. Спасовича по уголовному праву. Именно под влиянием Спасовича Александр избрал — раз и навсегда — своей специальностью уголовное право.

Поскольку родители Александра были в материальном положении стеснены, Петр Акимович, чтобы не быть им в тягость и обрести самому финансовую независимость, начал, будучи еще студентом 2-го курса, заниматься репетиторством: каждый год он готовил либо к окончанию гимназии, либо к поступлению в университет двух-трех человек из состоятельных, купеческих или чиновничьих семей. Кроме материального прирбытка эти занятия доставляли ему возможность проверять, прилагать к делу полученные в университете теоретические знания.

Окончив университет летом 1860 г., Александров как один из лучших выпускников-юристов сразу же получил ответственное и престижное назначение. «В приказе по Министерству юстиции от 15 сентября сказано, что с разрешения петербургского военного генерал-губернатора он допущен к исполнению должности судебного следователя 2-го участка Царскосельского уезда. Такое разрешение требовалось при назначении на любые должности в районе резиденции царей»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Ляховицкий Л.Д. Указ. соч. С. 5.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Смолярух В.И. Указ. соч. С. 23.

<sup>4</sup> Там же. С. 24.

Далее служебная карьера Петра Акимовича складывалась как нельзя лучше. В 1866 г. он был назначен товарищем прокурора Петербургского окружного суда, а через шесть месяцев получил назначение на самостоятельную работу — прокурором Псковского окружного суда. Там он громко заявил о себе экстравагантным поступком. Военный суд должен был рассматривать во Пскове уголовное дело какого-то солдата, который не имел возможности пригласить защитника. «Петр Акимович не задумался снять прокурорский мундир, надел фрак и отправился в военный суд защищать подсудимого. Возможные последствия такого рискованного поступка несколько не смущали его. Он исполнил свою задачу блистательно перед удивленными судьями (солдат был оправдан. — Н. Т.). Донесли министру юстиции графу Палену об этом необычайном эпизоде. Ждали тяжелой кары для молодого судебного деятеля. Но граф Пален не только не наказал своего подчиненного за благородный и великодушный порыв, но отнесся к нему милостиво»<sup>1</sup>.

Вскоре после этого случая, к концу 1870 г., — надо полагать, не без содействия графа К.И. Палена, — Александров был вновь переведен в столицу на должность товарища прокурора Петербургской судебной палаты. В этой должности ему довелось выступить обвинителем (против будущих коллег по адвокатуре — В.Д. Спасовича, Д.В. Стасова, В.Н. Герарда, Е.И. Утина и др.) на первом и единственном в России подлинно гласном, публичном и с точки зрения Судебных уставов 1864 г. безупречном политическом процессе по делу нечаевцев 1 июля — 11 сентября 1871 г.

Собственно, главным обвинителем по делу нечаевцев значился прокурор Петербургской судебной палаты В.А. Половцов<sup>2</sup> — «настоящий прокурор судебной палаты в том смысле, в каком это звание понимали составители Судебных уставов»<sup>3</sup>. Александров был его помощником. Он курировал обвинение лишь по одной (4-й) из 12 групп обвиняемых. Действовал он в унисон с Половцовым. Сказанное А.Ф. Кони о Половцове («Огромный труд обвинения по нечаевскому делу в 1871 году был совершен им с тем спокойным достоинством, которое вызывалось истинными интересами правосудия и создало уважение к обвинителю даже в среде его противников»<sup>4</sup>) — все это можно вполне отнести и к

<sup>1</sup> Ляховецкий А.Д. Указ. соч. С. 6.

<sup>2</sup> Половцов Валериан Александрович (1834—1907) — родной брат Государственного секретаря и председателя Русского исторического общества Александра Александровича Половцова (1832—1909).

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 280.

<sup>4</sup> Там же.

Александрову. И тот и другой обвиняли сообразно с фактами, без пристрастия и озлобления, и предлагали умеренные наказания.

Немудрено, что такое поведение обоих прокуроров, приведшее, кстати сказать, с учетом блестящих выступлений защиты, к довольно умеренным приговорам (из 79 подсудимых 42 были оправданы!), навлекло и на Половцова, и на Александрова гнев «верхов». Осведомленные лица уверяли, что министр юстиции К.И. Пален буквально *плачет* от досады на миндальничанье председателя суда А.С. Любимого и обоих обвинителей по делу нечаевцев и что он увольняется<sup>1</sup>. «Как бы то ни было, а юстиция наша в опале»<sup>2</sup>, — записывал в дневнике А.В. Никитенко. В результате Половцов вынужден был вскоре после суда над нечаевцами уйти из прокуратуры<sup>3</sup>. Но Александрову в тот раз фортуна не изменила.

Более того, избежав опалы после нечаевского дела, когда «верхи» удовлетворялись гонением на одного Половцова как «главного» прокурора, Александров уже в середине 1874 г. был назначен товарищем обер-прокурора кассационного департамента Сената. «Блестящее, полное головокружительных надежд будущее рисовалось перед ним»<sup>4</sup>, — так прокомментировал это назначение Л.Д. Ляховецкий. Однако именно здесь, на достигнутом к 38 годам пике его прокурорского восхождения, Александров неожиданно уволился из прокуратуры и вступил в адвокатуру, «по его же собственному любимому выражению, «стал вольным» (так любят говорить о себе отбывшие солдатчину)»<sup>5</sup>.

Так круто и, поначалу казалось, безрассудно повернул Александров свою карьеру юриста по причинам более психологическим, нежели деловым. Решающим образом здесь сказалась независимость его характера. Он не только «не способен был прислуживаться и низкоугодничать»<sup>6</sup>. Ему претила любая форма давления с чьей бы то ни было стороны на его служебный долг и жизненную позицию. Так, в конце 1875 г. он выступил в Сенате с заключением по делу журналистов А.С. Суворина и Э.К. Ватсона, необоснованно обвиненных в клевете на страницах печатных изданий. Слово, сказанное тогда Александровым в защиту прессы, вызвало негативную реакцию со стороны высших сановников. «Имя Петра Акимовича, занесенное до произнесения этой речи в Сенате в наградной список, было вычеркнуто, — читаем у Л.Д. Ляховецкого. — Александров,

<sup>1</sup> См.: Лесков Н.С. Собр. соч. М., 1958. Т. 10. С. 330.

<sup>2</sup> Никитенко А.В. Дневник (1866—1877). М., 1956. Т. 3. С. 212.

<sup>3</sup> См.: Кони А.Ф. Указ. соч. С. 280.

<sup>4</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 5.

<sup>5</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. 2-е изд. СПб., 1908. С. 155.

<sup>6</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 6.

никогда не заботившийся о чинах или орденах, увидел в лишении его, в данном случае, награды акт посягательства на его совесть и вышел в отставку»<sup>1</sup>.

Прошение об отставки на имя императора Петр Акимович облек в нейтральную форму: «Желая, по домашним обстоятельствам, оставить службу Вашего Императорского Величества, всеподданнейше прошу, дабы повелено было уволить меня от занимаемой мною должности и службы...»<sup>2</sup> Недоброжелатели Александрова из высших сфер только этого и добивались. 16 января 1876 г., без промедлений, он был уволен и с должности, и с казенной службы, а 5 февраля того года так же легко и быстро принят в корпорацию присяжных поверенных<sup>3</sup>.

Вероятно, лишь очень немногие из тех, кто следил за прокурорской карьерой Александрова, могли тогда понять его добровольное обращение из гранда прокуратуры в новичка-адвоката. Большинству такой поворот в его жизни казался по меньшей мере странным и, главное, бесперспективным, тем более что в первое время Петр Акимович как адвокат оставался не у дел и вновь испытывал давно забытые им материальные затруднения. Он мог тогда потерять уверенность в своем новом поприще. Но не потерял! — и судьба с лихвой возблагодарила его за это. С осени 1877 г. в России прошли, один за другим, два политических процесса, каждый из которых приобрел мировую известность, — по делам «193-х» и Веры Засулич. На каждом из них и выступил в качестве защитника начинающий адвокат Александров — выступил так, что всем стало ясно: «боевой и ораторской мощи у вновь прибывшего было в пору не только на «всероссийского», но и на «всемирного» адвоката»<sup>4</sup>.

Такого политического процесса, как по делу «193-х» (ОППС, 18 октября 1877 — 23 января 1878 г.), — ни по масштабам дела (о «хождении в народ» 37 губерний Российской империи), ни по количеству арестованных (до 8 тыс.<sup>5</sup>), ни по числу отданных под суд (197 человек<sup>6</sup>), — в России ни раньше, ни позже никогда не было<sup>7</sup>. Как никогда, многочисленным и блистательным был на этом процессе и состав защиты. Здесь

<sup>1</sup> Ляховицкий А.Д. Указ. соч. С. 6.

<sup>2</sup> Цит. по: Смолярчук В.И. Указ. соч. С. 26.

<sup>3</sup> См.: Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 5 марта 1890 г. СПб., 1890. С. 14.

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 155.

<sup>5</sup> [Венюков М.И.] Исторические очерки России со времен Крымской войны до заключения Берлинского договора. Прага, 1880. Т. 4. С. 88.

<sup>6</sup> Четверо подсудимых, включенных в обвинительный акт, умерли до начала суда.

<sup>7</sup> Подробно о процессе «193-х» см.: Троицкий Н.А. Политические процессы в России 1871—1887 гг. Саратов, 2003. С. 26—41.

выступали лучшие силы российской адвокатуры: В.Д. Спасович, Д.В. Ста-сов, В.Н. Герард, Е.И. Утин, А.Я. Пассовер, Г.В. Бардовский, П.А. Потехин, А.А. Боровиковский, Е.И. Кедрин и др., всего — 35 (новичков было только двое — юный, 26-летний Н.П. Карабчевский и 40-летний «перебежчик» из прокурорских «верхов» П.А. Александров). Многие из них защищали по 5—10 и более человек. Александров имел двоих подзащитных — Е.Е. Емельянова и М.Ф. Спесивцева<sup>1</sup>.

Защита на этом процессе действовала с исключительной смелостью, без оглядки на верховную власть и «разнесла <...>, кирпич за кирпичом, все строение обвинительного акта»<sup>2</sup>. Дело в том, что акт был построен на доносах, измышлениях и подлогах с целью представить мирных пропагандистов кровожадными злодеями, вознамерившимися не только «ниспровергнуть существующее государственное устройство», но и «перерезать всех чиновников и зажиточных людей»<sup>3</sup>.

Александров все время процесса был в числе самых активных защитников. На заседании 25 октября он заявил от имени всей защиты протест против разделения подсудимых (обвинявшихся, кстати, в создании *единого* «преступного сообщества») на 17 групп для раздельного разбирательства дела. Петр Акимович указал на «незаконность [такого разделения] как по существу, так и по форме», ибо оно «поставило защитников в крайне затруднительное положение, донельзя сузив их роль»<sup>4</sup>.

В дальнейшем, по ходу процесса, Александров то и дело пикировался с прокурором В.А. Желеховским, причем его находчивость (как и смелость) «казалась необычайной»<sup>5</sup>. Здесь Петру Акимовичу помогало его редкое качество, о котором С.А. Андреевский вспоминал так: «Будучи вышколен на службе юристов, он всегда умел сделать себя неуязвимым с формальной стороны, на какую бы боевую позицию ни отваживался, и поэтому самые рискованные выходы в судебных прениях удавались ему вполне, без малейших остановок или придиорок»<sup>6</sup>. Но в конце своей защитительной речи на процессе «193-х» 3 января 1878 г. Александров, казалось, переступил все мыслимые пределы риска, заявив по адресу устроителей процесса: «*Вспомнит их история русской*

<sup>1</sup> См. список защитников с их подзащитными по делу «193-х»: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 738. Л. 122—123.

<sup>2</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 18.

<sup>3</sup> Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 3. С. 9—10, 104, 241.

<sup>4</sup> Правительственный вестник. 1877. № 238.

<sup>5</sup> Дяховецкий А.Д. Указ. соч. С. 6. О репутации В.А. Желеховского как «судебного наездника», «воплощенной желчи» см.: Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2. С. 59, 64.

<sup>6</sup> РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 16. Л. 2.

мысли и свободы и в назидание потомству почтит бессмертием, призвав имена их к позорному столбу!»<sup>1</sup>

Один из осужденных по делу «193-х» С.А. Чудновский вспоминал, что это заявление Александрова «с быстротою молнии разнеслось по всей России»<sup>2</sup>. Самому же Александрову оно чуть не стоило ссылки. Если верить петербургскому обер-полицеймейстеру А.И. Дворжицкому, Петр Акимович «при выходе из зала суда» 3 января обратился к нему «со следующей фразой: «Полковник, я уверен, что за сегодняшнюю речь буду сегодня же выслан из Петербурга»<sup>3</sup>. Однако власти предпочли пока адвокатов не репрессировать, хотя Дворжицкий и жалел, что за такую, «до крайности возмутительную», речь Петра Акимовича не упекли в ссылку<sup>4</sup>.

Народники, судившиеся по делу «193-х», навсегда запомнили «блестящие громовые речи, которые произнесли Александров, Бардовский, Герард и другие»<sup>5</sup>. В том, что ОППС после 3,5 лет жесткого предварительного следствия (за время которого власти насчитали среди обвиняемых 93 случая самоубийств, умопомешательства и смерти<sup>6</sup>) и трех месяцев пристрастного судишища вынуждено было оправдать 90 из 190 подсудимых<sup>7</sup>, — очень большая заслуга адвокатов. Когда же Александр II, не довольствуясь осуждением на каторгу (от 3,5 до 10 лет) ЗА СЛОВО, устное и печатное, 28 человек, отправил в административную ссылку еще 80 из 90 оправданных судом<sup>8</sup>, это лишь усугубило конфликт между властью и радикальной оппозицией: народники стали переходить от пропаганды к террору.

На следующий день после оглашения приговора по делу «193-х», 24 января 1878 г., произошло событие, возымевшее международный резонанс и приведшее вскоре к настоящему взлету адвокатской карьеры Александрова. В тот день 28-летняя народница, примыкавшая к обществу «Земля и воля», Вера Ивановна Засулич проникла в приемную к могущественному петербургскому градоначальнику Ф.Ф. Трепо-

<sup>1</sup> В официальном стенографическом отчете о процессе «193-х» этой речи Александрова нет. Цитирую ее заключительные слова по записи, сделанной петербургским градоначальником для царя: РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 58 об.

<sup>2</sup> Чудновский С.А. Из давних лет. М.; Л., 1934. С. 154.

<sup>3</sup> Дворжицкий К.А., Дворжицкий А.И. Первое марта 1881 г. // Исторический вестник. 1913. № 1. С. 118—119. К.А. Дворжицкий — сын обер-полицеймейстера.

<sup>4</sup> См. там же. С. 119.

<sup>5</sup> Чудновский С.А. Указ. соч. С. 154.

<sup>6</sup> См.: Татищев С.С. Император Александр II. Его жизнь и царствование. СПб., 1911. Т. 2. С. 549.

<sup>7</sup> См.: Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 297—298. Трое подсудимых умерли во время суда.

<sup>8</sup> См. об этом: Левин Ш.М. Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т. 5.

ву<sup>1</sup> под видом просительницы и в тот миг, когда Трепов, подойдя к ней, осведомился, о чем она просит, Засулич вслед за прошением выхватила из-под тальмы револьвер и выстрелом в упор тяжело ранила градоначальника<sup>2</sup>. Этот ее выстрел был актом возмездия Трепову за надругательство над политическим узником (13 июля 1877 г. по распоряжению Трепова в Доме предварительного заключения был высечен розгами студент, сын священника А.С. Емельянов<sup>3</sup>, который всего лишь не снял шапку перед градоначальником).

Расчет властей на процессе Засулич, схваченной в момент преступления, был тот же, что и за пять лет перед тем в деле С.Г. Нечаева<sup>4</sup>: гласно осудить не только и не столько самого обвиняемого, сколько (в его лице) — злодейство революционных умыслов и поступков. Как в том, так и в этом случае предполагалось заклеить крамолу жупелом уголовщины. «Всякий намек на политический характер из дела Засулич устранялся *aves une parti pris*<sup>5</sup> и с настойчивостью, просто странною со стороны министерства, которое еще недавно раздувало политические дела по ничтожнейшим поводам»<sup>6</sup>, — удивлялся А.Ф. Кони. На деле в этой настойчивости Министерства юстиции больше было естественного, чем странного. Едва ли власти надеялись убедить кого-либо в том, что выстрел Засулич в Трепова (как и убийство Нечаевым Иванова) — преступление чисто уголовное. Для них важно было выставить уголовщину именно как клеймо, отличающее и, конечно, порочащее крамолу. Ради этого они и предали дело Засулич (как в свое время дело Нечаева) в суд присяжных, учитывая, что уголовные преступления «возбуждают такое отвращение» в обществе, какого пре-

<sup>1</sup> Могущество генерал-адъютанта Федора Федоровича Трепова (1812—1889) заключалось не в должности его, а в личных связях. Он был побочным сыном Николая I и другом Александра II, а четыре его сына (Федор, Дмитрий, Владимир и Александр) стали крупными сановниками Николая II.

<sup>2</sup> Фактическая сторона покушения Засулич и суда над ней досконально воссоздана в замечательных, многократно изданных «Воспоминаниях о деле Веры Засулич» А.Ф. Кони.

<sup>3</sup> Алексей Степанович Емельянов (1854—1887) был осужден 25 января 1877 г. под вымышленной фамилией Боголюбов за участие в т. н. казанской демонстрации народников 6 декабря 1876 г. (в Петербурге, на площади перед Казанским собором).

<sup>4</sup> Организатор ультрареволюционного общества «Народная расправа» Сергей Нечаев был выдан России Швейцарией как угодный преступник. Поэтому судился он 8 января 1873 г. за уголовное преступление (убийство студента И.И. Иванова) и был приговорен к высшей для уголовников мере наказания: 20 лет каторги. Александр II, однако, изменил приговор суда: «Заточить его навсегда в [Петропавловскую] крепость», т. е. в главную политическую тюрьму империи, причем слово «навсегда» подчеркнул (Шеголев П.Е. Алексеевский равелин. М., 1929. С. 209). Этот факт, как и отягчение судебного вердикта по делу «193-х», народолюбцы потом Александру II припомнили.

<sup>5</sup> С предвзятым намерением (*фр.*).

<sup>6</sup> Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. Т. 2. С. 67.

ступления государственные «по особому свойству своему»<sup>1</sup> возбудить не могут.

Правда, попытка скомпрометировать «крамольников» на уголовном деле Нечаева и нечаевцев не удалась. Но теперь ситуация изменилась и, как могло показаться, — в пользу правительства. Во-первых, народническое движение входило в новый фазис: пропаганда уступала место террору, а террор легче было осудить перед обществом, чем пропаганду. Далее, если Нечаев убивал себе ровню, то Засулич стреляла в должностное и притом высокопоставленное лицо при исполнении им служебных обязанностей, что по закону усугубляло и преступление, и наказание. Наконец, в деле Засулич суду противостояла не компания злодеев, сплоченная единством воли, как на процессе нечаевцев, и не сильная личность революционного вожака, как в деле Нечаева, а всего лишь женщина, уже привлекавшаяся к делу нечаевцев и, на взгляд всеведущего III отделения, ничем не примечательная<sup>2</sup>.

Уверенность судебных «верхов» и лично министра юстиции графа К.И. Палена в том, что присяжные обвинят террористку, была полная. Даже отказ председателя суда А.Ф. Кони поручиться перед министром еще *до начала* процесса за обвинительный приговор (как того потребовал Пален) не поколебала этой уверенности<sup>3</sup>.

Процесс Веры Засулич занял всего один день — 31 марта 1878 г. Он слушался в Петербургском окружном суде при большом стечении «благородной» публики<sup>4</sup>, среди которой были государственный канцлер светлейший князь А.М. Горчаков, военный министр Д.А. Милютин, государственный контролер Д.М. Сольский, начальник Главного артиллерийского управления генерал-адъютант граф А.А. Баранцов, сенаторы, члены Государственного совета, а также Ф.М. Достоевский, Б.Н. Чичерин, авторитетный публицист Г.К. Градовский, товарищ прокурора Петербургского окружного суда А.И. Чайковский (брат Петра Ильича) и др.<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Судебные уставы 20 ноября 1864 г. с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб., 1867. Ч. 2. С. 391. Политические дела по Судебным уставам 1864 г. юрисдикции суда присяжных (вопреки распространенному доселе заблуждению) не подлежали.

<sup>2</sup> См. жандармский отзыв о В.И. Засулич в сб.: *Нечаев* и нечаевцы. М., 1931. С. 31—32.

<sup>3</sup> См.: *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 72, 85—86.

<sup>4</sup> В зал суда по особым билетам впускали только избранную публику. «Можно с уверенностью сказать, — свидетельствовала Г.К. Градовский, — что в судебном зале не было ни одного «нигилиста», ни одного студента. Учащаяся молодежь не могла проникнуть без билетов даже во двор судебного здания. Сильный наряд полиции охранял все входы» (*Градовский Г.К.* Итоги (1862—1907). Киев, 1908. С. 16).

<sup>5</sup> См.: *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 2. С. 13, 90; *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. М., 1962. Т. 7. С. 222. По воспоминаниям литератора и чиновника К.Ф. Головина, присутствовала на суде по делу Засулич член Государственного совета светлейший князь А.А. Суворов (внук генералиссимуса): *Головин К.Ф.* Мои воспоминания. СПб., 1908. Т. 1. С. 320.

А.Ф. Кони вел процесс беспристрастно, при неукоснительном соблюдении законности, гласности и состязательности сторон. В напутствии присяжным он не стеснялся ставить вопросы, огорчительные для обвинения, — например: «Из каких побуждений сделано то, что привело подсудимую пред вас?»<sup>1</sup> Прокурор К.И. Кессель — «угрюмый человек» с «болезненным самолюбием», но слабым характером, по прозвищу Кисель, — произнес грозную обвинительную речь, сделав упор на «самоуправство» Засулич и «безнравственность» ее преступления. Его обращение к присяжным в концовке речи было полно экспрессии: «Она считала возможным постановить смертный приговор, который она же и привела в исполнение, к счастью не удавшееся. <...> Я ни одной минуты не думаю, чтобы вы могли признать, что подобного рода средства не преступны»<sup>2</sup>. Но эффект обвинительной речи был всецело нейтрализован подсудимой и ее защитником.

Да, сама Засулич, хотя и ждала, по ее собственному признанию, что ее «повесят после комедии суда»<sup>3</sup>, держалась на суде с таким достоинством, объяснила свое преступление с такой откровенностью («Страшно поднять руку на человека, но я должна была это сделать»<sup>4</sup>), что могла заставить присяжных, хотя бы отчасти, усомниться в ее преступности и безнравственности. Но главное сделал ее адвокат.

О том, кто и как пригласил П.А. Александрова защищать Веру Засулич, есть разные версии. По одной из них, кандидатуру Александрова предложила Засулич при встрече с ней в Доме предварительного заключения осужденная по делу «193-х» Е.К. Брешко-Брешковская<sup>5</sup>; по другой (весьма сомнительной) версии, Александров — этакий «ловкий сутяга» — в поисках «славы и материальной выгоды»<sup>6</sup> сам напросился в защитники к Засулич.

Как бы то ни было, защищал Петр Акимович Веру Ивановну идеально. Он начал с того, что отвел из состава присяжных заседателей 11 особенно верноподанных, нацеливаясь при этом на купцов и крупных чиновников (в числе 11 оказались 9 купцов 2-й гильдии, один действительный статский и один просто статский советники). Оставшиеся 13 заседателей представляли интеллигентские и среднечинов-

<sup>1</sup> *Процесс Веры Засулич. Суд и после суда.* СПб., 1906. С. 95.

<sup>2</sup> Там же. С. 64.

<sup>3</sup> *Рошфор В.-А.* Вера Засулич и народовольцы // *Голос минувшего.* 1920—1921. С. 86.

<sup>4</sup> *Процесс Веры Засулич.* С. 48.

<sup>5</sup> См.: *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Мои встречи с В.И. Засулич // *Группа «Освобождение труда».* М.; Л., 1925. Сб. 3. С. 74—75. Н.Г. Кулябко-Корецкий излагал эту версию со слов самой В.И. Засулич.

<sup>6</sup> *Бух Н.К.* Воспоминания. М., 1928. С. 163.

ные круги, оппозиционно настроенные против всякого произвола. По этому поводу К.П. Победоносцев кипятился в письме к наследнику престола (будущему Александру III), что прокурор «мог бы отвести всех тех чиновников, которых оставил защитник, и мог бы оставить всех тех купцов, которых защитник отвел», а тогда «и приговор присяжных мог быть совсем другой»<sup>1</sup>.

Как защитник Александров все предусмотрел, обо всем позаботился, не исключая и внешнего вида своей подзащитной, ее манер и привычек. Перед открытием суда он пришел к Засулич в тюремную камеру с картонкой в руках и в ответ на ее недоуменной взгляд виновато сказал: «Извините, Вера Ивановна, это я вам мантильку принес», а потом все с той же виноватой настойчивостью предложил: «Наш народ полон предрассудков. Например, принято считать, что кто ногти грызет, тот злой человек, а у вас есть эта привычка. Пожалуйста, воздержитесь на суде, не грызите ногтей»... Наступил день суда. Как только ввели подсудимую, Александров с укором спросил ее: «Вера Ивановна, а где же мантилья?» «Мне стало так жалко его, — вспоминала позднее Засулич, — что, желая его утешить, я невольно воскликнула: «Зато ногтей грызть не буду!»<sup>2</sup>

Всю защиту Александров вел с ударением именно на *политическом* смысле выстрела Засулич. «В первый раз, — говорил он, — является здесь женщина, для которой в преступлении не было личных интересов, личной мести, женщина, которая со своим преступлением связала борьбу за идею». При этом Александров очень уважительно квалифицировал «государственное преступление» как таковое (в противоположность уголовному): «То, что вчера считалось государственным преступлением, сегодня или завтра становится высокочтимым подвигом гражданской доблести. Государственное преступление не редко — <...> проповедь того, что еще недостаточно созрело и для чего еще не наступило время»<sup>3</sup>.

Петр Акимович сосредоточивал внимание присяжных не на выстреле Засулич 24 января 1878 г., а на сечении Боголюбова 13 июля 1877 г. как на причине, следствием которой стал выстрел. «Если ограничиться одним только событием 24 января, — внушал он присяжным, — тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать то, что самоуправное убийство есть преступление? Кто будет отрицать то, что утвержда-

<sup>1</sup> Письма К.П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1. С. 120.

<sup>2</sup> Кулябко-Корсакий Н.Г. Указ. соч. С. 75, 76.

<sup>3</sup> Речь Александрова в защиту Засулич печаталась многократно. Здесь цит. по: Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 23—42.

ет подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы? Все это истины, против которых нельзя спорить. Но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом, совершившимся 13 июля, что смысл покушения Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в Доме предварительного заключения». Александров ставил в вину Трепову «стон удушненного, униженного, поруганного, раздавленного человеческого достоинства» и вообще, как досадовали два крупных царских сановника, занимавшие в разное время пост Государственного секретаря, «*вел дело не о Засулич, а о Трепове*»<sup>1</sup>, давая понять присяжным, что обвинение Засулич будет означать оправдание Трепова, оно повлечет за собою повторение актов произвола, подобных глумлению над Боголюбовым, и что любой из присяжных может стать жертвой такого произвола.

С убийственным сарказмом (и смелостью) говорил Александров о тех «жадною толпою стоящих у трона», кто отстаивал, подобно князю Мещерскому, национальную потребность в розгах<sup>2</sup>: «Им казалось вдруг как-то неудобным и опасным оставить без розог Россию, которая так долго вела свою историю рядом с розгой, — Россию, которая, по их глубокому убеждению, сложилась в обширную державу и достигла своего величия едва ли не благодаря розгам. Как, им казалось, вдруг остаться без этого цемента, связующего общественные устои?»

Психологически очень тонко Александров подводил как присяжных, так и публику и все русское общество, внимательно следившее за процессом, к выводу о нравственной (не юридической) законности выстрела Засулич. «Что был для нее Боголюбов? — спрашивал он. — Он не был для нее родственником, другом, он не был даже ее знакомым, она никогда не видела и не знала его. Но разве для того, чтобы возмутиться видом нравственно раздавленного человека, чтобы прийти в негодование от позорного глумления над беззащитным, нужно быть сестрой, женой, любовницей?» Затронув чувства, Александров воздействовал и на разум слушателей, психологическое он не забывал сочетать с политическим: «Когда я свершу преступление, думала Засулич, тогда замолкнувший вопрос о наказании Боголюбова восстанет; мое преступление вызовет гласный процесс, и Россия в лице своих представителей

<sup>1</sup> Перетц Е.А. Дневник (1880—1883). М.; Л., 1927. С. 49; Из дневников А.А. Половцова // Красный архив. 1929. Т. 2. С. 190.

<sup>2</sup> «Как нужна соль русскому человеку, так ему нужны розги!» — восклицал Мещерский в своей газете «Гражданин» 16 декабря 1888 г.

(т. е. присяжных, которым могло только польстить возведение их в ранг «представителей России!» — Н. Т.) будет поставлена в необходимость произнести приговор не обо мне одной, а произнести его по важности случая в виду Европы, той Европы, которая до сих пор любит называть нас варварским государством, где атрибутом правительства служит кнут».

Заключительные слова речи Александрова были эффектны и преисполнены глубокого политического смысла: «Да, она может выйти отсюда осужденной, но она не выйдет опозоренною, и остается пожелать, чтобы не повторялись причины, производящие подобные преступления, порождающие подобных преступников».

В эту речь Петр Акимович Александров вложил всю силу своего таланта. Близко знавший его Д.М. Герценштейн вспоминал, что он «на этот раз просто превзошел самого себя... Длинный, тощий и гибкий, он извивался и нещадно жалил и изливал свой яд на систему и на представителей насилия и самовластья. Он беспощадно гнал всю систему и всех, кто ее поддерживал, сквозь строй своей сатиры и нещадно хлестал ее, обнаженную, бичами своего пламенного негодования и режущего остроумия. Он не защищал Засулич, он обвинял весь строй — таково было впечатление и в этом была его сила и залог его победы»<sup>1</sup>. «Весь зал, как загипнотизированный, смотрел ему в глаза и жил его мыслями и его чувствами»<sup>2</sup>, — вспоминал об Александрове другой очевидец С.С. Голоушев (Сергей Глаголь).

Петр Акимович закончил речь, сорвав, как говорят в таких случаях, аплодисменты публики. Засулич от последнего слова отказалась. Председательствующий А.Ф. Кони выступил с напутствием присяжным, и те удалились в совещательную комнату. Когда, после короткого (не более десяти минут) совещания, они вернулись в зал суда и старшина присяжных столоначальник Министерства финансов А.И. Лохов ответил на все три вопроса обвинительного акта: «Нет, не виновна!», в зале началось столпотворение. «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: «Браво! Ура! Молодцы! Вера! Верочка!» — все слилось в один треск, и стон, и вопль. Многие крестились; в верхнем, более демократическом отделении для публики, обнимались; даже в местах за судьями<sup>3</sup> усерднейшим образом

<sup>1</sup> Герценштейн Д.М. Тридцать лет тому назад // Былое. 1907. № 6. С. 252.

<sup>2</sup> Глаголь С. Процесс первой русской террористки // Голос минувшего. 1918. № 7—9. С. 153.

<sup>3</sup> Особые места за судейскими креслами занимали в тот день (как и на других громких процессах) высокопоставленные особы.

хлопали»<sup>1</sup>. Очевидцы заметили, что аплодировал оправдательному приговору даже князь А.М. Горчаков<sup>2</sup>.

До чего же дилетантски-вздорными выглядят сегодня потуги театрального режиссера Марка Захарова и юриста, адвоката (!) Анатолия Кучерены заклеить оправдание Веры Засулич судом присяжных как «вопиющий подрыв законности», «индальгенцию террористам» и свидетельство недоразвитости российского общества в смысле цивилизации<sup>3</sup>. Полагаю, что люди из «благородной» публики, заполнившие в 1878 г. зал суда на процессе Веры Засулич, — в частности, Александр Михайлович Горчаков и Федор Михайлович Достоевский<sup>4</sup> — судили об оправдательном приговоре более цивилизованно, чем режиссер и юрист наших дней.

П.А. Александров по праву разделил с Верой Засулич ее триумф. По воспоминаниям очевидцев, дамы из публики целовали ему руки, а когда он вышел из здания суда, толпа, собравшаяся на улице, устроила ему овацию: Александрова «качали и носили на руках»<sup>5</sup>. Речь его обошла не только российскую, но и мировую прессу. Французский журналист Э. Лавинь писал о нем: «Безвестный адвокат оказался самым красноречивым из людей. Этот русский говорит слогом Шекспира»<sup>6</sup>. Отныне и надолго речь Александрова по делу Веры Засулич стала самой популярной из защитительных речей на политических процессах в России, и только в 1904 г. такой же резонанс вызвала речь Н.П. Карабчевского в защиту Егора Созонова.

«Король» российской адвокатуры В.Д. Спасович спустя месяц после суда над Засулич с гордостью говорил о себе и своих коллегах, правда в связи с процессом «193-х»: «Мы имели свою Плевну и Шипку <...>, сво-

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 171—172. О «необыкновенном сочувствии» лиц из «высшего общества» оправданию Веры Засулич свидетельствовали также военный министр Д.А. Милютин и сенатор М.Н. Островский (брат драматурга): Милютин Д.А. Дневник. М., 1950. Т. 3. С. 41; ЦТМ. Ф. 200. Д. 1698. Л. 1.

<sup>2</sup> См.: Таганцев Н.С. Пережитое. Пг., 1919. Вып. 2. С. 44.

<sup>3</sup> См.: Захаров М.А. Хватает ли нам демократии? // Известия. 1995. 28 января; Кучерена А.Г. Когда люди плачут — желаябовы смеются // Независимая газета. 2000. 31 октября. Статьи Захарова и Кучерены шокируют перлами исторической безграмотности. Так, Захаров называет Веру Засулич «революционной подругой С.Г. Нечаева и В.И. Ленина» (?!), а Кучерена сообщает, что народоволец Николай Кибальчич работал в тюрьме над созданием «какого-то (?? — Н.Т.) летательного аппарата» (какого именно, Кучерена не знает; весь мир знает, а Кучерена не знает).

<sup>4</sup> Ф.М. Достоевский еще до оглашения приговора сказал Г.К. Градовскому: «Наказание этой девушки неуместно» (Градовский Г.К. Итоги. С. 8—9).

<sup>5</sup> Герценштейн Д.М. Указ. соч. С. 255; Карабчевский Н.П. Около правосудия. С. 468; Он же. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 31; Попов И.И. Минувшее и пережитое. Л., 1924. Т. 1. С. 41.

<sup>6</sup> Lavigne E. Introduction à l'histoire du nihilisme russe. Paris, 1880. P.18.

их Радецких и Скобелевых»<sup>1</sup>. Таким «Скобелевым адвокатской корпорации» более чем кто-либо зарекомендовал себя выступлениями на процессах и «193-х», и, главным образом, по делу Засулич Петр Акимович Александров.

Защитительная речь Александрова и оправдательный приговор по делу Засулич вызвали восторженную реакцию в разных (большей частью радикально настроенных) слоях русского общества<sup>2</sup> и среди простого люда<sup>3</sup>, но крайне озлобили карателей и охранителей. В.П. Меццерский и М.Н. Катков клеймили оправдание Засулич как «апофеоз политического убийства» и «наглое торжество крамолы»<sup>4</sup>, а К.Н. Леонтьев настаивал царских юристов, что следовало без суда «жестоко наказать ее (Засулич. — Н. Т.) телесно»<sup>5</sup>. Карательные «верхи» восприняли неожиданное и досадное для них оправдание террористки тем болезненнее, что о нем одобрительно судила-рядила общественность всей Европы<sup>6</sup>. «В течение 48 часов, — констатировал французский ежемесячник «Revue des deux Mondes», — Европа забыла о войне и мире, о Бисмарке, Биконсфилде и Горчакове, чтобы заняться только Верой Засулич и ее удивительным процессом»<sup>7</sup>.

Расстроенный министр юстиции граф К.И. Пален отчитывал А.Ф. Кони за «потачки этому негодяю Александрову»<sup>8</sup>, а император Александр II пригрозил, что уволит самого Палена «за небрежное ведение дела Засулич»<sup>9</sup>, и сделал это, не без колебаний, 30 мая 1878 г. Кони надолго оказался в опале, но Александрова и на этот раз судьба хранила: он лишь усугубил ту антипатию, которую навлек на себя в «верхах» после своего выступления на процессе «193-х». Это не поме-

<sup>1</sup> Сласович В.Д. Застольные речи. С. 18. Генералы Ф.Ф. Радецкий и М.Д. Скобелев — герои Русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

<sup>2</sup> См. об этом: Короленко В.Г. История моего современника. М., 1965. С. 436; Прянишников Д.Н. Мои воспоминания. М., 1961. С. 71; Попов И.И. Указ. соч. С. 40—41; Воспоминания Веры Фигнер, записанные акад. Н.М. Дружининым // Советские архивы. 1987. № 2.

<sup>3</sup> См.: Моисеев П.А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 28. Финские «вейки» (извозчики), если их притесняла полиция, грозились тогда «наслать на нее самого Сасулиса с пуской» (Русанов Н.С. На родине. М., 1931. С. 153).

<sup>4</sup> Меццерский В.П. Мои воспоминания. Ч. 2 (1865—1881). СПб., 1898. С. 405; Градовский Г.К. Итоги. С. 36.

<sup>5</sup> Леонтьев К.Н. Восток, Россия и славянство. М., 1886. Т. 2. С. 139.

<sup>6</sup> См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Т. 12. Кн. 1. С. 312; Кропоткин П.А. Записки революционера. М., 1966. С. 378.

<sup>7</sup> Valbert G. Le proces de Vera Zassoulitch // Revue des deux Mondes. Paris, 1878. Т. 27. P. 216. Напомню читателю, что в то время только закончилась Русско-турецкая война, готовился мирный Берлинский международный конгресс, и у всех на устах были имена светил европейской дипломатии О. Бисмарка (Германия), Б. Биконсфилда (Англия), А.М. Горчакова (Россия).

<sup>8</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 193.

<sup>9</sup> Перстун Е.А. Дневник. С. 50.

шало ему и после 1878 г. выступать защитником как на уголовных, так и на политических процессах уже с репутацией адвоката всероссийской и даже мировой известности.

Так, 5—12 марта 1879 г. он выступил в Кутаисском окружном суде по делу об убийстве крестьянской девочки Сарры Модебадзе. Это, казалось бы, чисто уголовное дело имело и политический оттенок, поскольку убийство было квалифицировано как ритуальное, и судебные власти обвинили в нем четырех грузинских евреев. Александров, один, защищал всех обвиняемых.

Петр Акимович сразу понял, сколь значимо это дело как возможный прецедент на будущее. Подчеркнув, что «настоящий процесс желает знать вся Россия», он заявил о своей решимости «исполнить свой долг — не только как защитника, но и как гражданина». Разбирая, что называется, по косточкам пункт за пунктом обвинительного акта, он вскрыл перед коронными судьями вопиющую несостоятельность «улик» и «фактов», подобранных обвинением: «Наряду с самым наглым лжесвидетельством вы встретились с крайним тупоумием, печальной умственной слепотой, первобытной простотой знаний и суждений по самым обыкновенным предметам. В вопросах, где время и пространство значили все, вы слушали людей, измеряющих и время и пространство способами дикарей. Где были дороги минуты и вершки, вам отвечали: «скоро», «не скоро», «далеко», «близко», «не знаю — не мерил», «пока дойдешь, так устанешь», «утром», «около вечера», «в обед». Александров разбивал надуманное обвинение логично по существу и ядовито-саркастически по форме. В ответ на представленный обвинением с подачи одного из свидетелей «факт», будто подсудимые, похитив Сарру, везли убивать ее в сумке, и оттуда «исходили звуки», Петр Акимович сослался на другого свидетеля, по разумению которого «кричал не ребенок, а козел». «Молодое животное, — ехидничал Александров, — в полной неизвестности за предстоящую ему будущность, в тоске, может быть, о покинутых полях своей родины, стесненное в своих движениях, предпочитавшее побегать, пощипать траву, выражало свое огорчение непривычным для него положением пассажира в жалобных криках, пискливом бляении и тому подобных звуках».

После того как выяснилось, что на теле Сарры Модебадзе нет ран и кровью ее в ритуальных целях никто не пользовался, Александров сравнил положение, в котором оказался Кутаисский окружной суд, с положением одного из старых судов. Тот суд судил ведьму, но никак не мог разобраться с доказательствами, пока какой-то старик не подсказал судьям, что есть несомненное доказательство: у ведьмы должен быть

хвост. «В данном случае хвоста не оказалось, и обвинение было разрушено». Здесь председатель суда даже остановил защитника, требуя «не злоупотреблять юмором».

Опровергнув обвинение и ударив тем самым по репутации царской магистратуры и власти вообще, Александров в заключение своей защитительной речи предостерег юристов от повторения «таких печальных дел»: «Увидит русское общественное мнение, к каким последствиям приводит легкомысленное отношение к басням, питающим племенную рознь. <...> Скажет настоящее дело свое поучительное слово и нашим политическим деятелям, держащим в своей власти нашу честь и свободу. Оно скажет русским следователям, что надо не увлекаться суеверием, а господствовать над ним, не поддаваться лжесвидетельству и ложному оговору, а критически относиться к фактам. <...> И да будет настоящее дело последним делом такого свойства в летописях русского суда!»

Этот призыв адвоката-гуманиста, к сожалению, не был услышан. Правда, все четверо обвиняемых по делу Модебадзе были признаны невиновными. Но за тем делом последовали такого же свойства дела муланских удмуртов 1894—1896 гг. и еврея М.Т. Бейлиса в 1913 г.

В 1880-е годы Александров успел выступить защитником еще на трех политических процессах, два из которых («20-ти» и «17-ти») значились среди самых выдающихся для того времени. На процессе 20 народовольцев (11 членов и 9 агентов Исполнительного комитета партии) — самом представительном из всех, более 80, народовольческих процессов — он защищал агента ИК И.П. Емельянова<sup>1</sup>. Защитительная речь Александрова на этом процессе (кстати, самая продолжительная из речей защиты — 1 час 31 мин<sup>2</sup>) была выделена нелегальной прессой, наряду с речами В.Д. Спасовича и В.Н. Герарда, как «превосходящая смелостью говоренные на предшествовавших процессах»<sup>3</sup>. Текст ее был размножен подпольно на гектографе, и один экземпляр сохранился в архиве царского Министерства юстиции<sup>4</sup>.

Критически оценив противоборство «белого» и «красного» террора в стране, Александров усмотрел его первопричину в чрезмерности правительственных репрессий. Он осудил привычку российских юристов

<sup>1</sup> Один из главных обвиняемых по делу «20-ти» член ИК «Народной воли» А.И. Баранников тоже просил суд назначить ему защитником П.А. Александрова, но его просьба была отклонена.

<sup>2</sup> Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г. Ростов н/Д., 1906. С. 117. Меньше всех говорил защитник Нечаев — 2 мин (Там же).

<sup>3</sup> Вольное слово. 1882. № 29. С. 4; Общее дело. 1882. № 47. С. 14.

<sup>4</sup> См.: РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 428. Л. 1—46.

выносить даже тягчайшие приговоры без необходимых улик. «Такое положение в делах обвиняемых по тяжкому политическому преступлению, — говорил он, — невольно заставляет вспомнить слова того исторического лица, которое, понимая дух своего времени, сказало: «Достаточно трех слов, чтоб человека повесить»<sup>1</sup>. Ваш приговор по настоящему делу должен показать, действительно ли мы живем в такое время, когда достаточно трех слов, чтобы человека повесить»<sup>2</sup>. По убеждению Александрова, нельзя считать сколько-нибудь серьезной уликой (как это делают царские судьи) чтение и передачу друг другу подпольной газеты «Народная воля»: «Кто же в это время не интересовался в Петербурге листками «Народной воли», кто не желал их читать не по сочувствию к тем идеям, которые в этих листках проводились, а из простого любопытства, из интереса к тому, что совершается внутри нашего отечества? Я сам получал эти листки, неведомая рука присылала мне их по городской почте. Я никогда не был огорчен получением этих листков и читал их с большим интересом. Да не только читал сам, но и давал читать другим»<sup>3</sup>.

После такого заявления суд должен был либо посадить на скамью подсудимых корифея отечественной адвокатуры, что произвело бы скандальное впечатление на страну и Европу, либо отказаться от своего толкования такой улики, как чтение и передача из рук в руки (если при этом *не доказан* преступный умысел) нелегальных листков. Судьи предпочли второе.

Вообще, Александров на этом процессе (как, впрочем, и Спасович, и Герард), хотя и осуждал народовольческие теракты, уважительно говорил о нравственной чистоте подсудимых, вопреки попыткам обвинения выставить их грязными злодеями. «Политические дела, — гордо заявил он, — не из таких, о которые мог бы замарать свои руки адвокат»<sup>4</sup>.

Обвиняемые по делу «20-ти» тепло отзывались о своих адвокатах. «Как блестяще защищал Спасович Тригони, Александров — Емельянова и многие другие! — передавал А.Д. Михайлов товарищам на волю тотчас после объявления ему смертного приговора. — После их блестящих речей ничего не хотелось говорить»<sup>5</sup>. Стараниями прокурора Н.В. Муравьева (этого мастера «щипать людскую корпию»<sup>6</sup>) суд вынес

<sup>1</sup> Имеется в виду кардинал А.Ж. Ришелье.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 1410. Оп. 1. Д. 428. Л. 8.

<sup>3</sup> Там же. Л. 27.

<sup>4</sup> Там же. Л. 31.

<sup>5</sup> Письма народовольца А.Д. Михайлова. М., 1933. С. 210—211.

<sup>6</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 14. С. 431, 433.

по делу «20-ти» 10 смертных приговоров<sup>1</sup>. Однако мировая общественность и, в первую очередь, патриарх европейской литературы Виктор Гюго, «Призыв» которого был опубликован в газетах разных стран, позволил сохранить девять жизней осужденных на смерть. Александр III заменил казнь пожизненной каторгой всем смертникам, кроме Н.Е. Суханова (как офицера, изменившего присяге)<sup>2</sup>. В конечном счете подзащитный Александрова Иван Емельянов смог дожить до 1916 г.

3 декабря 1882 г. в Петропавловской крепости Александров выступил защитником на необычном процессе. Судились народовольцы Е.А. Дубровин, А.А. Филиппов и А.В. Иванов, а также 15 солдат — караульных Алексеевского рavelина за организацию сношений томившихся в крепости политических узников с волей. На докладной записке об этом деле Александр III начертал: «Более постыдного дела для военной команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор»<sup>3</sup>. Петербургский военно-окружной суд вел этот процесс, как отметила «Народная воля», «с могильной», чисто петропавловской безгласностью<sup>4</sup>. Даже «Правительственный вестник» не обмолвился о нем ни одним словом. Как явствует из протокола суда, Александров защищал на этом процессе солдата И.И. Штырлова<sup>5</sup>, но о содержании его защитительной речи в протоколе — ни слова. Штырлов, как и все остальные солдаты, был приговорен к лишению всех прав состояния и к ссылке в Сибирь (а народовольцы — к разным срокам каторги)<sup>6</sup>.

В последний раз на политическом процессе Александров выступил по делу «17-ти» народовольцев (ОППС, 28 марта — 5 апреля 1883 г.). Он защищал одного из главных обвиняемых — члена ИК «Народной воли», организатора ее «Красного Креста» Ю.Н. Богдановича. Петр Акимович, однако, не успел выступить с защитительной речью по занятости своей в другом деле, и его заменил на процессе «17-ти» молодой помощник присяжного поверенного Е.Ф. Королев. Тем не менее подсудимые по делу «17-ти» запомнили дерзкий выпад Александрова против скандально «прославившегося» еще на процессе «193-х» про-

<sup>1</sup> К смертной казни через повешение были приговорены 8 мужчин (А.Д. Михайлов, М.Ф. Фроленко, Н.Н. Колодкевич, Н.Е. Суханов, Г.П. Исаев, Н.В. Клеточников, М.В. Тетерка, И.П. Емельянов) и 2 женщины (Т.И. Лебедева и А.В. Якимова).

<sup>2</sup> Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Виктор Гюго и революционная Россия 1870—1880-х годов // *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1986. № 1. С. 28—29.

<sup>3</sup> Цит. по: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1961. Т. 3. С. 197—198.

<sup>4</sup> Литература партии «Народная воля». М., 1932. С. 192.

<sup>5</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 650. Л. 128.

<sup>6</sup> См. там же. Л. 141—147.

курора В.А. Желеховского, который был антипатичен не только «государственным преступникам» (А.Ф. Кони называл его «судебным наездником» и «воплощенной желчью»<sup>1</sup>). Когда Желеховский в ответ на вопрос председателя суда сказал, что не имеет ничего против отклонения заведомой лжи одного из свидетелей обвинения, Александров громко, хотя и будто бы в сторону, выругался: «Еще бы имел что-нибудь этот мерзавец!» «Нам казалось, — вспоминал один из «17-ти» А.В. Прибылев, — что суд и сам прокурор должны были слышать эту резкую реплику, но никто не поднял голоса по этому поводу, и все прошло благополучно, отчасти позабавив нас»<sup>2</sup>.

Так закончилась страда политических процессов в адвокатской деятельности Александра. Правда, в 1884 г. он через посредников «выразил готовность быть защитником» народника, ставшего одним из первых русских марксистов Л.Г. Дейча, но посредники не успели передать это Дейчу<sup>3</sup>.

В последние десять лет жизни Александров — уже как общепризнанная знаменитость — выступал в уголовных процессах, но не часто. «Он всегда жалел, — вспоминал о нем Н.П. Карабчевский, — что «слишком поздно избрал благородную профессию защитника» и «по преклонности возраста», с шутливой настойчивостью, нередко отказывался от предлагаемых ему защит, ибо здоровьем всегда был слаб, а «по самому свойству своей нервно-отзывчивой природы не мог ничему отдаваться вполнину»<sup>4</sup>.

«Речей своих Петр Акимович заранее не писал. Они были у него в голове в строгой систематичности суждений»<sup>5</sup>. Это наблюдение детализирует Н.П. Карабчевский: уже в зале суда «на узких лоскутках бумаги, а иногда даже только на «манжетке» своей крахмальной сорочки он делал кое-какие каббалистические значки и отметки, понятные лишь ему одному. Самая же «подготовка» его к речи состояла лишь в том, что накануне, часа два-три он неустанно ходил из угла в угол по комнате с видом человека, совершенно поглощенного своими мыслями, пока, наконец, не произносил неожиданно: «Ну, шабаш, будет... Спать пора!» Это значило, что завтрашняя речь его «готова»<sup>6</sup>.

По своей ораторской манере (да, собственно, и по складу своего характера) Александров был, прежде всего, бойцом. «Этот человек, —

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 59, 64.

<sup>2</sup> Прибылев А.В. Записки народовольца. М., 1930. С. 74.

<sup>3</sup> См.: Группа «Освобождение труда». М., 1924. Сб. 2. С. 154.

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 156—157.

<sup>5</sup> Лиховицкий А.Д. Указ. соч. С. 10.

<sup>6</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 158—159.

свидетельствовал Л.Д. Ляховецкий, — соединил в себе колоссальный талант адвоката с неустранимым мужеством воина, презиравшего опасности. Он держал свою голову гордо, он ставил свое призвание высоко, он боролся со злом бесстрашно»<sup>1</sup>. По «гражданскому мужеству» такой авторитет, как А.М. Унковский, ставил Александрова выше всех отечественных адвокатов<sup>2</sup>. Коллеги Александрова отмечали, что он соглашался защищать только такие дела, которые не могли показаться ему заведомо неправыми. Зато, уверовав в правоту взятого на себя дела, он буквально соединял собственное «я» с личностью своего подзащитного, даже «иначе и не говорил, как: «Мы обвиняемся», «Нас обвиняют», «Мы докажем, что мы не воры и не растратчики и подлогов не делали» и т. д.»<sup>3</sup> При этом иную защиту, особо важную или близкую его разуму и сердцу, он вел как сражение, бился за победу, как воин. Однажды «он и закончил свою речь, обращаясь к присяжным заседателям, такими словами: «С тылу, справа, слева — мы окружены. Один только передний фронт наш свободен... Мы к вам идем, вы нас не оттолкните!»<sup>4</sup>

При таком избытке эмоций Александров, ораторствуя, «почти не жестикулировал. Оружие, как и стройная худощавая фигура самого бойца, было не из громоздких. Оно не пестрело кричащими орнаментами и не производило шумных, бесполезно бряцающих ударов. Оружие это почти исключительно было «режущим» и «колющим». При этом оно было дивно закалено и необычайно остро отточено!»<sup>5</sup>.

Фирменным оружием Александрова был «необычайный по силе сарказм»: «острый и холодный, как бритва, но умевший бесподобно владеть сарказмом и убивать им противника»<sup>6</sup>, Александров не знал себе равных из числа русских судебных ораторов в умении «пригвоздить» своего противника на том самом месте и в том именно положении, в котором застигал его на «нехорошем деле»<sup>7</sup>. Он мог съязвить и по адресу незадачливого преступника: «Поймали на взломе амбара человека с топором и ножом. Говорят, — разбойник. Нет, говорит, он, извините, — я только вооруженный вор»<sup>8</sup>. Мог Петр Акимович сар-

<sup>1</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 11.

<sup>2</sup> См.: Письма А.М. Унковского к Г.А. Джаншиеву // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 248.

<sup>3</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 160. Такова же была манера великого французского адвоката Шэ д'Эст-Анжа (Судебные ораторы во Франции. Избранные речи. М., 1888. С. 98, 107).

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 159.

<sup>5</sup> Там же. С. 156.

<sup>6</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 98.

<sup>7</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 157.

<sup>8</sup> Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 71.

кастически «восславить» и подтасованное обвинение: «Возликовали сущие во гробах дьяки и подьячие старинных русских приказов — не пропал, дескать, наш дух в земле русской, несмотря на все судебные реформы!»<sup>1</sup> Впрочем, сарказм Александрова проявлялся не только в его судебных речах. Однажды пришел к нему за советом жуликоватый банкир и признался: «Я для снисхождения думаю прикинуться «безумным». — «Это совершенно излишне!» — отрезал Александров. «Почему?» — «Да потому, что на суде выступит и без вас целая толпа безумных, доверивших вам свои деньги»<sup>2</sup>.

Удивительно, что такой голиаф адвокатуры, который, казалось, никого и ничего не боялся, переживал, как мальчишка, в ожидании приговора его подзащитным. «Когда присяжные заседатели удалялись на совещание, Александров убежал от публики в далекий, пустой угол судебного коридора и, заложив руки в карманы брюк, ходил, как маятник, в уединении, пока не раздавался звонок о состоявшемся приговоре»<sup>3</sup>. Вообще, «несмотря на всю его «знаменитость», — вспоминал об Александрове Н.П. Карабчевский, — я не знавал человека более доступного, мягкого и обязательного в своих отношениях к адвокатской молодежи. Многие из нас, гораздо более его молодые летами, неукоснительно числили его «приятелями»<sup>4</sup>.

В отношениях с коллегами скромность сочеталась у Петра Акимовича с добрым юмором. «Он, например, уверял, что не любит брать уж очень больших гонораров, чтобы не слишком думать и заботиться о деле и о клиенте.

— Возьмешь много, — шутил он, — только и забота что о деле думаешь! А когда гонорар маленький, взял, истратил и забыл...

Уверяли, что это побуждало даже клиента предлагать ему возможно больший гонорар, дабы он «все время думал» только о его деле. Но это — шутка»<sup>5</sup>. Иные «шутки» Александрова становились популярными афоризмами, как, например, эта: «Русский человек состоит из трех элементов — души, тела и паспорта!»<sup>6</sup>

По убеждениям Александров был левым, «розовым», как тогда говорили, либералом, принципиально отрицавшим всякий (сверху ли, снизу) экстремизм. Каких-либо связей с революционным подпольем он не имел. Встречающиеся в литературе сведения о том, что он ук-

<sup>1</sup> Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. С. 68.

<sup>2</sup> Исторические люди в анекдотах / Под ред. М.В. Шевякова. СПб., 1900. С. 99.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1093. Оп. 1. Д. 16. Л. 2 об. (воспоминания С.А. Андреевского).

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 159—160.

<sup>5</sup> Там же. С. 160.

<sup>6</sup> Исторические люди в анекдотах. С. 99.

рывал в своей квартире революционеров-народников Д.А. Клеменца и Л.А. Тихомирова<sup>1</sup>, ошибочны: там Петра Акимовича перепутали с земским деятелем Владимиром Александровичем Александровым<sup>2</sup>. Но все противники самодержавия относились к П.А. Александрову с уважением и доверием. Зато III отделение зарегистрировало его в списке «неблагонадежных»<sup>3</sup>, следило за ним<sup>4</sup> и, должно быть, зло прислушивалось к тому, как он с присущей ему дерзостью провозглашал перед царским судом рискованные сентенции вроде следующей: «Ни одно правительство не может правильно управлять, не имея оппозиции»<sup>5</sup>. Не зря консервативно ориентированный литератор П.К. Мартянов обрисовал Александрова в своем словаре-альбоме с нескрываемой желчью:

Знаменитый адвокат,  
Говорит красно и вольно,  
За еврея, как в набат,  
Может день и два подряд  
Языком бить своевольно<sup>6</sup>.

Последним выступлением Александрова в суде, его «лебединой песней» стала речь в защиту редактора газеты «Новости», либерального публициста и драматурга О.К. Нотовича, обвиненного в клевете на правление Петербургско-Тульского земельного банка. Дело слушалось в Петербургской судебной палате 10 февраля 1893 г. — за месяц до смерти Александрова. Уже неизлечимо больной, Петр Акимович выступил здесь с прежней силой и страстью в защиту свободы прессы. Он, в особенности, подчеркнул, что нельзя требовать от любого издания под угрозой суда «полной точности» в *каждом* слове. «Требовать этого — значит закрывать уста печати. Уважая такие неудобноисполнимые требования, суд, может быть, закроет тому или другому недобросовестному писателю рот, но с этим вместе наложит молчание на всю печать. Господа судьбы! Не защита г. Нотовича ждет вашего приговора, — его ждут от вас интересы общества и печати»<sup>7</sup>. Суд оправдал Нотовича.

<sup>1</sup> См.: Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 3. С. 395 (ук.); Ткаченко П.С. Революционная народническая организация «Земля и воля». М., 1961. С. 252.

<sup>2</sup> См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 279, 380.

<sup>3</sup> Там же. С. 195.

<sup>4</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 728. Л. 3—4.

<sup>5</sup> Судебные речи известных русских юристов. С. 67.

<sup>6</sup> См.: Мартянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд. СПб., 1893. С. 7.

<sup>7</sup> Цит. по: Аяховский Л.Д. Указ. соч. С. 43.

Петр Акимович Александров умер в Петербурге 11 марта 1893 г. — умер так же мужественно, как и жил, саркастически усмехнувшись над самим собой: за считанные часы до смерти, приближение которой он уже ощутил со всей непреложностью, «спросил себе газеты и желал непременно прочесть «сегодняшние», чтобы «не предстать недостаточно осведомленным»<sup>1</sup>. В тот же день он и «предстал».

К удивлению его друзей и коллег, выяснилось, что он «так и не скопил достаточно капитала и умер в славе, но в бедности, оставив семью почти без средств»<sup>2</sup>. А вот тот факт, что на похоронах Петра Акимовича, при стечении большого числа его сотоварищей по адвокатуре, не было лиц из «официального судебного мира»<sup>3</sup>, едва ли кого мог удивить.

Пресса откликнулась на смерть Александрова прочувствованными некрологами. В них судебные речи покойного ставились в один ряд «с речами первоклассных европейских ораторов»<sup>4</sup>, а сам Петр Акимович был восславлен «наряду с лучшими представителями французского типа адвокатуры, если не наиболее совершенного, то, без сомнения, наиболее блестящего и эффектного из всех других типов»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Карабчевский Н.П. Указ. соч. С. 160.

<sup>2</sup> Слиозберг Г.Б. Дела минувших дней. Париж, 1933. Т. 1. С. 240.

<sup>3</sup> См.: [Хроника] Журнал гражданского и уголовного права. 1893. № 4. С. 229.

<sup>4</sup> Судебная газета. 1893. 14 марта. С. 12.

<sup>5</sup> Юридическая газета. 1893. 14 марта. С. 2.



## СЕРГЕЙ АРКАДЬЕВИЧ АНДРЕЕВСКИЙ

(1847—1918)

Среди самых ярких звезд в блестящем созвездии корифеев отечественной адвокатуры первого призыва выделялся еще один (как и П.А. Александров) «перебежчик» от прокуратуры, первый по значению поэт из адвокатов и первый адвокат из поэтов Сергей Аркадьевич Андреевский. Он привнес в искусство судебной защиты невиданную ранее (даже у такого эстета, как А.И. Урусов) художественную красочность. «Как бы живая виолончель адвокатуры»<sup>1</sup>, — говорили о нем современники.

Литература об Андреевском довольно обширна, хотя и нет о нем до сих пор обобщающей монографии. Это, прежде всего, живописный очерк А.Ф. Кони<sup>2</sup>, а также очерки газетные, журнальные и в книгах Л.Д. Ляховецкого, Б.Б. Глинского, А.Г. Тимофеева, С.Я. Шклявера, Г.Д. Зленко, В.И. Смоляруча, В.А. Томсинова<sup>3</sup>, воспоминания М.М. Винавера и Б.С. Утевского<sup>4</sup>. Много помогают понять в жизни, деятельности и в самой личности Андреевского его собственные мемуары<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Отзыв об Андреевском А.Д. Волинского в кн.: А.И. Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 3. С. 278.

<sup>2</sup> См.: Кони А.Ф. Собр. соч.: В 8 т. М., 1968. Т. 5. С. 166—183.

<sup>3</sup> См.: Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897; Глинский Б.Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897; Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. СПб., 1900; Шклявер С.Я. С.А. Андреевский: опыт характеристики // Судебное обозрение. 1903. № 39; Зленко Г.Д. Судьба Сергея Андреевского // Литературная Россия. 1982. № 30; Смоляруч В.И. Гиганты и чародеи слова. М., 1984; Томсинов В.А. Адвокат-поэт как явление русской адвокатуры второй половины XIX в. // Законодательство. 1998. № 4.

<sup>4</sup> См.: Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). 2-е изд. Париж, 1926; Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989.

<sup>5</sup> См.: Андреевский С.А. Книга о смерти. Ч. 1. Л., 1924; Ч. 2. Ревель — Берлин, [Б.г.]; Он же. [Воспоминания] // Былое. 1923. № 21. С. 89—91; Из воспоминаний адвоката С.А. Андреевского // Советские архивы. 1980. № 3.

В 2003 г. молодой историк Д.А. Рязанова защитила кандидатскую диссертацию об Андреевском<sup>1</sup>, пока не опубликованную...

Сергей Аркадьевич Андреевский родился 29 декабря 1847 г. в имении двоюродного дяди его матери, «богатеящего помещика» (с. Александровка Славяносербского уезда Екатеринославской губернии, близ г. Луганска на Украине)<sup>2</sup>. Родители его были помещиками средней руки, которые, однако, играли «видную роль в светском обществе»<sup>3</sup> местного края. Отец, Аркадий Степанович, был председателем Екатеринославской казенной палаты и небезызвестным журналистом (именно он первым напечатал в № 63 журнала «Одесский вестник» за 1841 г. известие о смерти М.Ю. Лермонтова<sup>4</sup>). Мать Сергея Аркадьевича, Вера Николаевна (урожденная Герсеванова) — дочь генерала Н.Б. Герсеванова и сестра видного военного инженера М.Н. Герсеванова — родила мужу четырех сыновей. Все они преуспели на разных поприщах. Брат-близнец Сергея Аркадьевича Михаил Аркадьевич (1847—1879) стал профессором математики Варшавского университета; Павел Аркадьевич (1849—1890) — журналистом, драматургом и адвокатом; Николай Аркадьевич (1849—1880) — филологом, приват-доцентом Харьковского университета<sup>5</sup>. Но наибольшего из четырех братьев успеха и признания добился Сергей.

В 1865 г. Сергей Аркадьевич окончил с золотой медалью гимназию в Екатеринославе, а в 1868 г. (за три года!) — юридический факультет Харьковского университета. С февраля 1869 г. он служил кандидатом на судебные должности при прокуратуре Харьковской судебной палаты под непосредственным начальством товарища прокурора А.Ф. Кони. 27 марта 1870 г. по рекомендации Кони Сергей Аркадьевич был причислен к Министерству юстиции и откомандирован на самостоятельную должность судебного следователя при Орловском окружном суде. Когда же Кони был назначен прокурором Казанского окружного суда, он пригласил Андреевского (15 июля 1870 г.) к себе, в Казань, в качестве товарища прокурора<sup>6</sup>. После того как Кони был назначен прокурором Петербургского окружного суда, Андреевский некоторое время исполнял обязанности окружного прокурора в Казани, а 5 августа

<sup>1</sup> См.: Рязанова Д.А. С.А. Андреевский — юрист и общественный деятель. Канд. дис. ист. наук. Саратов, 2002. Фрагмент диссертации опубликован: Рязанова Д.А. Адвокат С.А. Андреевский на политических процессах. Саратов, 2002.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Книга о смерти. Ч. 1. С. 29.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 168.

<sup>4</sup> См. об этом: Зленко Г.Д. Эхо выстрела у Машука // Литературная Россия. 1982. 15 января.

<sup>5</sup> См. о братьях Андреевских: Венгеров С.А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. СПб., 1889. Т. 1.

<sup>6</sup> См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 168.

1873 г., опять-таки по ходатайству Кони, занял должность товарища прокурора окружного суда в Петербурге. В этой должности Сергей Аркадьевич прослужил пять лет.

По воспоминаниям А.Ф. Кони, Андреевский как обвинитель был, что называется, на своем месте. «Его сдержанное по форме, спокойное обвинение, однако, почти всегда достигало своей цели — *защиты общественного порядка* против его нарушителей, и он считался одним из сильных, по результатам, обвинителей, вызывавших особое внимание присяжных к своим доводам, чуждым красивых фраз и излишней полемики с защитником»<sup>1</sup>. Сам Андреевский, однако, тяготился ролью обвинителя. «Когда я был в прокурорском надзоре, — вспоминал он, — то чувствовал себя очень странно. Часто отказывался от обвинений. Обвинял с таким беспристрастием, что защитнику ничего не оставалось говорить. А между тем у меня получалось наибольшее количество обвинений... Наконец, судьба меня вывела на мою настоящую дорогу»<sup>2</sup>. 24 января 1878 г. случилось событие, которое вскоре радикально перевернуло служебную карьеру Сергея Аркадьевича.

В тот день активная участница народнических кружков Вера Засулич стреляла в петербургского градоначальника генерал-адъютанта Ф.Ф. Трепова, ранила его и была схвачена на месте преступления. Политический смысл теракта Засулич был очевиден: она мстила Трепову за надругательство над *политическим* узником А.С. Емельяновым (Боголюбовым), который по приказу Трепова был висечен розгами во дворе Дома предварительного заключения за то, что не захотел (или забыл) снять шапку перед градоначальником. Однако правящие «верхи» решили судить Засулич как уголовницу судом присяжных, чтобы заклеймить революционную «крамолу» печатью уголовщины. Министр юстиции граф К.И. Пален и прокурор Петербургской судебной палаты А.А. Лопухин<sup>3</sup> в поисках надежного обвинителя для такого процесса остановились на кандидатуре Андреевского. Много лет спустя, в письме к министру юстиции И.Г. Щегловитову от 14 сентября 1914 г., Сергей Аркадьевич подробно и живописно рассказал о том, как это было и чем закончилось<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 169—170.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Об уголовной защите // Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 294.

<sup>3</sup> Л о п у х и н Александр Алексеевич (1839—1895) — камергер, действительный статский советник, отец директора Департамента полиции 1903—1905 гг. Алексея Александровича Лопухина (1864—1928), осужденного в 1905 г. на 5 лет каторги за содействие В.А. Бурцеву в разоблачении жандармского агента-provокатора Е.Ф. Азефа.

<sup>4</sup> Текст этого письма см. в публ.: Кантор Р.М. К процессу В.И. Засулич // Былое. 1923. № 21. С. 88—91.

«Как-то утром» временно исполнявший обязанности прокурора Петербургского окружного суда В.И. Жуковский, «не то посмеиваясь, не то сострадая», сказал Андреевскому: «Тебя ждет Лопухин. Он тебя решительно избрал обвинителем Веры Засулич. Конечно, ради приличия он предложил эту обязанность и мне как исправляющему должность прокурора, но мечтает он именно о тебе. Я же ускользнул, сославшись на то, что мой брат «эмигрант»<sup>1</sup> и поэтому в уважение моих родственных чувств меня всегда освобождали от дел политических...»

Андреевский пошел к Лопухину. Тот встретил Сергея Аркадьевича «с распростертыми объятиями» и сообщил: «Когда я настаивал на передаче дела Засулич в суд присяжных, имел в виду именно вас. Я часто слушал ваши речи и увлекался. Вы один сумеете своею искренностью спасти обвинение».

Андреевский, к удивлению Лопухина, категорически заявил: «Обвинять Веру Засулич я ни в коем случае не стану, и прежде всего потому, что, кто бы ни обвинял ее, присяжные ее оправдают. <...> Трепов совершил возмутительное превышение власти. Он выпорол «политического» Боголюбова во дворе тюрьмы и заставил всех арестантов из своих окон смотреть на эту порку. И все мы, представители юстиции, прекрасно знаем, что Трепову за это ничего не будет. Поймут это и присяжные. Так вот, они и подумают, каждый про себя: «Значит, при нынешних порядках, и нас можно пороть безнаказанно, если кому вздумается? Нет! Молодец Вера Засулич! Спасибо ей!» И они ее всегда оправдают».

Раздосадованный Лопухин «пожал плечами и сказал: «Ну, что же делать! Придется обратиться к товарищу прокурора Кесселю».

В день суда над Засулич Андреевский и Жуковский вместе были в судебном зале, где и стали свидетелями фиаско прокурора К.И. Кесселя, триумфа защитника П.А. Александрова и оправдания обвиняемой<sup>2</sup>. А после суда, возвращаясь домой, Жуковский сказал Андреевскому: «Ну, брат, теперь нас с тобой прогонят со службы. Найдут, что, если бы ты или я обвиняли, этого бы не случилось».

Жуковский как в воду глядел. Граф Пален затребовал у обоих «отказников» объяснений, почему они отказались обвинять Засулич, и к обоим применил административные санкции. «Жуковский, — читаем в заключении письма Андреевского к Щегловитову, — был переведен то-

<sup>1</sup> Жуковский Николай Иванович (1833—1895) — революционер-народник, один из ближайших соратников М.А. Бакунина, в 1869—1872 гг. — член I Интернационала. В эмиграции — с 1862 г.

<sup>2</sup> Подробно об этом см. в очерке «П.А. Александров».

варищем прокурора в Пензу, а я уволен от должности. Осенью мы оба были приняты в адвокатуру».

Да, 28 сентября 1878 г. Андреевский был принят в число присяжных поверенных при Петербургской судебной палате<sup>1</sup>. Время между увольнением из прокуратуры и зачислением в адвокатуру грозило ему безработицей, но опять (в который раз!) пришел на помощь верный друг А.Ф. Кони. «Для Андреевского, смущенного в первое время отсутствием практики, — вспоминал Анатолий Федорович, — мне, по счастливому стечению обстоятельств, удалось выхлопотать место юрисконсульта Международного банка, дававшее ему довольно прочное материальное обеспечение»<sup>2</sup>.

Итак, с 28 сентября 1878 г. и до упразднения в ноябре 1917 г. присяжной адвокатуры, т. е. в течение 40 лет, Андреевский служил верой и правдой своему призванию адвоката. Первое же его выступление в этом качестве — в Петербургском окружном суде по делу молодого торговца Павла Зайцева, обвиненного в предумышленном убийстве 24 ноября 1878 г. с целью ограбления приказчика меняльной лавки на Невском проспекте столицы, — вызвало большой резонанс. Уже здесь Андреевский эмоционально и мудро определил назначение судебной защиты. Это определение, которым Сергей Аркадьевич руководствовался всю жизнь, вполне современно звучит сегодня. Вот оно: «От имени общества, от имени *всех* прокурор возбуждает преследование, он предъявляет обвинение подсудимому. Здесь, его устами, говорят *все* против *одного*. Не забудьте: все — против одного... в суде! Какой же бы это был суд, если бы за этого одного не поднимался ничей голос, если бы у этого одного не было никакого орудия для борьбы со всеми?! Это орудие — дарованная законом защита. Наша роль трудная, но необходимая. Общественное возмездие, прежде чем покарать, должно одуматься; оно обязано взвесить свой тяжелый шаг и выслушать против себя все возможные возражения, какие только может создать человеческая мысль. Если после таких возражений оно ничуть не поколеблется, ни от одного своего вывода не откажется, ни в одном своем чувстве не смягчится, — то, что бы мы ни думали о решении, мы назовем его обдуманным, взвешенным»<sup>3</sup>.

В той же, первой своей защитительной речи Андреевский показал себя тонким психологом, о чем свидетельствует, к примеру, такой пас-

<sup>1</sup> См.: *Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 1 марта 1890 г.* СПб., 1890. С. 20.

<sup>2</sup> Кони А. Ф. *Собр. соч.* Т. 5. С. 171.

<sup>3</sup> *Андреевский С.А. Защитительные речи.* СПб., 1891. С. 6.

саж: «Зайцев незадолго до убийства купил топор. Для чего он купил топор — это не вполне выяснилось, но вы можете думать, что для убийства. «Как у него руки не дрожали, когда он покупал это страшное орудие?» — спросите вы. Очень просто: он думал — ведь это еще не преступление, мало ли на что может пригодиться топор? Сделаю подножки для лотка... А не то брошу... К сожалению, Зайцев не психолог. Он не знал, что, купив после таких мыслей топор, он попадал в кабалу к этой вещи, что топор с этой минуты станет живым, что он будет безмолвным подстрекателем. <...> Поступок Зайцева называют дерзким. Это не дерзость, а глупость, это *слепота возбуждения*»<sup>1</sup>.

Присяжные заседатели учли доводы защиты, отвергли версию обвинения о преднамеренном убийстве, квалифицировали преступление Зайцева как «убийство без заранее обдуманного намерения, посредством случайно взятого топора», и признали его «виновным, но заслуживающим снисхождения».

«После дела Зайцева, — вспоминал Андреевский, — стенографы стали приходить на каждую мою защиту»<sup>2</sup>. Он сразу стал адвокатской знаменитостью. Юрист по призванию и поэт по натуре, Сергей Аркадьевич всегда очень выигранно *смотрелся* (в буквальном смысле слова) и выступал как защитник. Очень помогала ему эффектная внешность. «Красавец, слегка печоринской складки»<sup>3</sup>, с элегантными манерами и чарующим, «до самой старости необыкновенно звучным и гибким голосом»<sup>4</sup>, он с первых же минут любого своего выступления располагал к себе зрителей и слушателей, включая не только присяжных заседателей, но, нередко, и судей. Вот как описывал Андреевского адвокат и литератор, один из учредителей Союза адвокатов и Союза русских писателей М.М. Винавер. «Стройная, высокая фигура с матовым лицом, черными как смоль волосами, высоко поднятой головой. Темно-карие, широко открытые, с каким-то колючим блеском, глаза всегда устремлены вперед. Нельзя представить себе этой спины сгорбленной, этих глаз опущенными. Взгляд пронизывает все и всех, с одинаково острым, но ровным любопытством созерцателя. Никаких порывистых движений, никаких страстных нот. <...> Речь льется из уст плавная, мастерски размеренная, но лицо остается неизменным: ни негодования, ни восторга. Это не бесчувственность, не безразличие. Это только отвращение к аффектации, боязнь потерять равновесие холодного изящества —

<sup>1</sup> Андреевский С.А. Защитительные речи. СПб., 1891. С. 10—11.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 294.

<sup>3</sup> Ясинский И.И. Роман моей жизни. Книга воспоминаний. М., 1926. С. 133.

<sup>4</sup> Винавер М.М. Недавнее. С. 123.

преклонение перед чувством меры во всем: в движении, во внешности, в слове. Особенно в слове»<sup>1</sup>.

Идеалом защитника (которому он следовал сам) был, в представлении Андреевского, «говорящий писатель»<sup>2</sup>. У классиков мировой литературы Андреевский-юрист учился мастерству психологического анализа, опирался в судебных речах, наряду с примерами из жизни, и на литературные примеры. Одна из его речей, по наблюдению А.Г. Тимофеева, была оснащена ссылками на Данте, Шекспира, Гете, Ришпена, Достоевского, Л. Толстого, Чехова<sup>3</sup>. Иные шедевры художественной классики Андреевский считал более полезными для юристов, чем специально-юридические трактаты. В лекции для помощников присяжных поверенных «Об уголовной защите» он так оценил рассказы А.П. Чехова «Злоумышленник» и «Беда»: «Чехов — не юрист. Но кто же, даже самый лучший из нас, по тем двум обвинениям, которые я назвал (крестьянин Григорьев в «Злоумышленнике» по ст. 1081, а купец Авдеев в «Беде» — по ст. 1154 Уложения о наказаниях. — Н. Т.), когда бы то ни было произнес в суде что-нибудь, до такой степени яркое и простое, до такой степени обезоруживающее всякую возможность преследования этих двух преступников (Григорьева и Авдеева), как то, что написал Чехов в этих двух коротеньких рассказах? А в чем же тайна? Только в том, что Чехов правдиво и художественно нарисовал перед читателем бытовые условия и внутреннюю жизнь этих двух, выражаясь по-нашему, своих «клиентов»<sup>4</sup>.

Именно так — «правдиво и художественно» — старался адвокат Андреевский раскрывать в защитительных речах внешние условия жизни и внутренний мир своих подзащитных. Не уходя от юридического анализа, он тем не менее акцентировал психологическую сторону дела, самую личность доверившегося ему «клиента», как бы говоря присяжным: «Загляните в его душу и в то, что неотвратимо вызывало подсудимого на его образ действий!»<sup>5</sup>

Андреевский был убежден, что защитник по уголовным делам должен быть даже не столько юристом, сколько психологом. «Скажу прямо, — заявил он в лекции «Об уголовной защите» для помощников при-

<sup>1</sup> *Винавер М.М.* Недавнее. С. 123. Б.С. Утевский, познакомившийся с Андреевским, когда тому было уже 65 лет, вспоминал: «Высокий и стройный, с седеющими густыми еще волосами, с задумчивыми спокойными глазами — он был красив» (*Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 155).

<sup>2</sup> *Андреевский С.А.* Драммы жизни. 5-е изд. Пг., 1916. С. 13.

<sup>3</sup> См.: *Тимофеев А.Г.* Судебное красноречие в России. С. 113.

<sup>4</sup> *Андреевский С.А.* Избранные труды и речи. С. 289.

<sup>5</sup> *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 5. С. 175.

сяжных поверенных (1903), — чем менее уголовные защитники — юристы по натуре, тем они драгоценнее для суда. Гражданский суд имеет дело с имуществом, а уголовный — с людьми. Уголовный защитник призван ограждать живые людские особи от мертвых форм заранее готового и общего для всех кодекса. Если уголовный защитник будет таким же зашнурованным, «чистокровным» юристом, как прокурор, судья и секретарь, то ни одного житейски допустимого и понятного приговора не получится. <...> Юриспруденция нужна уголовному защитнику не как нечто существенное, а как нечто элементарное, вроде правил грамматики для писателя, ученических чертежей для живописца, позиции для танцора и т. п.»<sup>1</sup>

Как юрист и психолог в одном лице адвокат, по мысли Андреевского, просто обязан «проникнуть в душу подсудимого, постичь в ней как дурное, так и хорошее». «Знаете ли вы своего клиента? — вопрошал он слушателей своей лекции. — Часто ли навещали его в тюрьме? Разъяснили ли ему в задушевной беседе с ним все мучительно-темные вопросы, создаваемые жизнью, совершенно заново, решительно в каждом отдельном преступлении? Добились ли вы толку?»<sup>2</sup>

*Человек*, как бы плох (или хорош) он ни был, интересовал Андреевского прежде и больше всего в любом деле, шла ли речь о тех, кого он защищал, или о тех, от кого ограждал он своих подзащитных. Так, защищая литератора Е.И. Маркова и редактора газеты «Новое время» Ф.И. Булакова, обвиняемых в оскорблении следователя Родиславского, Сергей Аркадьевич внушал присяжным: «Возможно ли смешивать печатную критику *действий должностного лица*, хотя бы самую беспощадную, с посягательством на его *честь* и *доброе имя*? И возможно ли, под этим предлогом, навсегда зажать рот публицистам, исходя из того положения, что если чиновник плохо сделал свое дело, то уже одно разглашение его упущений должно почитаться оскорблением власти? Нет! С таким взглядом невозможно согласиться. Нельзя сливать мундир с человеком до такой степени, чтобы принимать сукно и нашивки за самую кожу. Нужно все-таки помнить, что это только платье и что под этим платьем есть живой человек»<sup>3</sup>.

Психологический анализ в уголовных делах не чужд был и некоторым прокурорам, в первую очередь — А.Ф. Кони, но, в представлении Андреевского, они «приурочивали свою психологию» к готовым статьям Уложения о наказаниях. «Помнится, Кони, когда ему приходилось

<sup>1</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 290—291.

<sup>2</sup> Там же. С. 301.

<sup>3</sup> Там же. С. 221.

боротся с искусительными доводами в пользу милосердия, называл эти доводы «жесточкой сентиментальностью», — вспоминал Сергей Аркадьевич. — Но я с гораздо большим правом могу назвать его прокурорскую психологию «сентиментальной жесточостью», ибо результатом его душевного анализа всегда являлось «лишение прав»<sup>1</sup>.

Как судебный оратор Андреевский захватывал слушателей (не исключая присяжных) не только глубиной психологического анализа, но и картинностью своей речи, наглядностью определений, аналогий, сентенций. Так, присяжных заседателей он мог уподобить таможене («Мы — стороны — провозим через вас человеческий товар, и здесь может проскочить контрабанда»)<sup>2</sup>, а обвинителей без должной опоры на доказательства — «воздухоплатателям»<sup>3</sup>. Колоритны его определения аффекта («мгновенное исчезновение сознания, когда, по выражению одного ученого, у человека «не может быть совещания с самим собой»)<sup>4</sup> и «русского типа» любви («адская смесь острой водки и святой воды»)<sup>5</sup>, изящна и зла обрисовка ветреных барышень: «Подобные головы созданы для модной шляпки с широкими полями, которая запрокидывается сама собою навстречу ветерку»<sup>6</sup>.

Два колоритных примера из речей Андреевского приводил замечательный русский юрист П.С. Пороховщиков (П. Сергеич) в своем «бестселлере» «Искусство речи на суде». «Существуют слова: змей, змея — выразительные, звучные слова, — читаем в книге Сергеича. — Казалось бы, их незачем заменять. Однако Андреевский говорит: «Вот когда этот нож, как *змии*, проскользнул в его руку». Необычная форма слова придает ему тройную силу»<sup>7</sup>. Другой пример из той же книги: «Всякий писак сравнивает неудачу после успеха с меркнувшей звездой. Андреевский сказал: «С весны настоящего года его звезда начала меркнуть и *чадить*». Ищите таких метафор!»<sup>8</sup> Запомнилась присяжным, а главное, была ими учтена, метафора из речи Андреевского по делу двух братьев Келеш, обвиненных в поджоге застрахованного имущества. Сергей Аркадьевич тогда заключил, что проникнуть на место преступления, т. е. в крепко запертую кладовую, возможно было для подсудимых только в том случае, если бы «кто-нибудь из Келешей мог забиться комаром в

<sup>1</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 228.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Защитительные речи. С. 123—124.

<sup>3</sup> Там же. С. 181.

<sup>4</sup> Судебные речи известных русских юристов. 3-е изд. М., 1958. С. 146.

<sup>5</sup> Там же. С. 154.

<sup>6</sup> Там же. С. 141.

<sup>7</sup> Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 27.

<sup>8</sup> Там же. С. 51.

щелочку или влететь в кладовую через трубу, как ведьма»<sup>1</sup>. Присяжные оправдали обоих братьев.

Ораторская манера Андреевского была привлекательна, эффектна, но естественна, лишена всякой наигранности, рисовки, пафосной напущенности. Андреевский решительно выступал против «дешевых эффектов» красноречия, хотя и понимал, что на такие эффекты часто «клюет» «уголовная», т. е. постоянная на уголовных процессах, публика (но не подаются присяжные и судьи). «Если защитник «пускает слезу» в голос, — иронизировал Андреевский, — то «уголовная дама» сейчас же начинает сморкаться и думает: «Какая у него душа!» Если адвокат вдруг затараторит, как «истерический барабан» <...>, нагородит всякой цветистой чепухи, но сделает это со страстью и с чисто актерским негодованием, то публика, присутствующая только на прениях, непременно в конце ошалает и скажет: «Вот сила! Чего только не может сделать со своими слушателями этот человек!»<sup>2</sup> Сам Андреевский держался такого правила: «Убеждать судей самым тоном моей речи, что я не фигляр и не фокусник, намеревающийся отводить им глаза, а что я собеседник, желающий помочь им в их задаче. Соглашаться — хорошо, не соглашаться — их воля»<sup>3</sup>.

Как оратор-художник Андреевский заботился об экономии речи, «целесообразности каждого произносимого слова». «От болтливости, — считал он, — следовало бы так же лечиться, как от заикания. Непроизвольное извержение слов столь же пагубно, как и произвольная их задержка». Еще «два существенных качества, необходимых оратору, как воздух для дыхания», — это, по мнению Андреевского, «точность и благозвучность языка», но — без лишних прикрас, когда «воняет литературой»<sup>4</sup>. Владая всеми этими качествами в совершенстве, Сергей Аркадьевич и заслужил репутацию златоуста, способного чуть ли не «из камней исторгать слезы»<sup>5</sup>.

Он мог психологически равно воздействовать на присяжных и началом защитительной речи, и ее заключительным аккордом. Вот, например, его обращение к присяжным в самом начале его речи по делу Гальперна о подлоге векселей: «Давно это было, господа присяжные

<sup>1</sup> Андреевский С.А. Защитительные речи. С. 83.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 298. Андреевский с видимым удовольствием процитировал здесь «восхитительный афоризм» Андрея Белого: «Когда говорят, что днем светло, а ночью темно, дрожа от чувства, наливаясь кровью от напряжения, хочется выкрикнуть: «Неправда!» (Мир искусства. 1903. № 15. С. 159).

<sup>3</sup> Там же. С. 299.

<sup>4</sup> Там же. С. 303, 306.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 100.

заседатели, очень давно! Векселя эти появились около пятнадцати лет тому назад. Легко назвать эту цифру «15 лет», а попробуйте оглянуться — вообразить себе этот громадный промежуток времени. Ведь это значит, во время первого векселя едва только начинали в России шипать корпию для болгар! А потом уже были турецкая война... Потом пошли страшные внутренние потрясения в России. Сколько тревожных, сколько новых законов! Потом новое царствование, почти целых 10 лет нового царствования! Сколько героев, полководцев было и сплыло, сколько красавиц сделались старухами!...»<sup>1</sup> Так присяжным в суде был дан новый настрой, оказавшийся очень кстати ввиду слабой доказательности (по стародавности!) преступления.

А вот с какой подкупающей искренностью обратился Андреевский в конце защитительной речи по делу о *недоказанном* лжесвидетельстве Веры Ефимьевой: «Желаю вам, господа, покончить дело простой житейской справедливостью!»<sup>2</sup> В результате и Гальперн и Ефимьева были оправданы.

Художественность как самая сильная сторона ораторского дарования Андреевского обращалась и в главную его слабость, поскольку, увлекаясь ею, он недостаточно вникал в чисто юридическую сторону дела<sup>3</sup>, не исчерпывал всех улик, а опровергал лишь основные — в пунктах, наиболее выигрышных для защиты. «В каждом деле, — несколько утрировал этот недостаток защитительных речей Андреевского Л.Д. Ляховецкий, — его интересуется кое-что и речь его касается поэтому лишь кое-чего из дела»<sup>4</sup>. Другой критик Андреевского А.Г. Тимофеев считал даже, что речи Сергея Аркадьевича «представляют собою изящные художественные произведения, к которым не следует подходить с точным анализом; рассмотрение их отдельных деталей, оценка прочности и устойчивости фундамента может рассеять очарование художественного слова оратора-поэта»<sup>5</sup>.

Сборник защитительных речей Андреевского, впервые изданный в 1891 г. (за 1-м последуют еще четыре издания), встретил у специалистов неоднозначный прием<sup>6</sup>. «Король адвокатуры» В.Д. Спасович заявил: «Это — книга анархическая. Она ведет к излишеству правосудия». Более эстетическим, чем юридическим, признали сборник Андреевского

<sup>1</sup> Андреевский С.А. Защитительные речи. С. 280.

<sup>2</sup> Цит. по: Никитин Н.В. Преступный мир и его защитники. М., 1996. С. 55.

<sup>3</sup> См. об этом: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 175.

<sup>4</sup> Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. С. 45.

<sup>5</sup> Тимофеев А.Г. Указ. соч. С. 124.

<sup>6</sup> См. об этом: Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 295—296.

А.Ф. Кони и К.К. Арсеньев, а бывший товарищ председателя Петербургского окружного суда, сенатор А.Е. Кичин рассудил так: «Странное дело! Когда читаешь ваши защиты, то кажется, будто все вышло как-то само собой, и никто не виноват. И только впоследствии вдруг хлопнешь себя по лбу и воскликнешь: «Да как же это!» И тогда видишь, что так нельзя». Андреевский возразил: «Почему же вы полагаете, что были правы не тогда, когда находились под впечатлением речей, а лишь после того, как ударили себя по лбу?»

Словом, критики своих речей со стороны завязанных юристов Андреевский слышал много. Тем приятнее для него было узнать, много лет спустя, от присяжного поверенного А.Д. Марголина такое: «Если б вы знали, Сергей Аркадьевич, как вас обворовывают! Вы редко бываете в суде, а я постоянно заглядываю в уголовные залы и почти постоянно, слушая молодых адвокатов, встречаю в их речах знакомые тирады из ваших защит!» «Ну, что может быть утешительнее?!» — восклицал Сергей Аркадьевич по этому поводу.

Симпатичной стороной адвокатской службы Андреевского была его нравственная чистоплотность. В судебных кругах хорошо знали, что он «не брал на себя ведение сколько-нибудь сомнительных дел»<sup>2</sup>. Сам Сергей Аркадьевич вспоминал: «Мне попадалось много дел с весьма благодарным материалом для спора, и само содержание спора уже легко складывалось в моей голове, но я чувствовал, что настоящая правда все-таки не на стороне подсудимого. И тогда я отсылал его к другим. <...> Я этим не хвастаюсь и не вижу в этом никакой добродетели. Просто я не способен к лживым изворотам. <...> Всякую неправду я нахожу глупой, уродливой и мне как-то скучно с ней возиться»<sup>3</sup>.

Чрезвычайно характерно для Андреевского-адвоката следующее сравнение из его лекции «Об уголовной защите»: «В Сорбонне над анатомическим театром существует старинная надпись: «Nis est locus, ubi mors in vitam proficit», т. е. «Вот место, где смерть служит на пользу жизни». В соответствии этому чуть ли не с начала моей деятельности я мысленно читаю над судебным зданием следующие слова: «Вот место, где преступление служит на пользу общества». Конечно, не в том смысле, что здесь наказываются преступники, а в том, что здесь изучаются причины преступления, дабы общество научалось их избегать»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 296.

<sup>2</sup> Утесский В.С. Указ. соч. С. 42.

<sup>3</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 305.

<sup>4</sup> Там же. С. 312.

Как защитник Андреевский, безусловно, был очень близок к его собственному идеалу «говорящего писателя» и, по совокупности своих достоинств (не только с художественной, но и с юридической, а также с общественной стороны), справедливо занял одно из первых мест в ряду классиков русского судебного красноречия. «Для меня, — писал ему 25 декабря 1891 г. А.П. Чехов, — речи таких юристов, как Вы, Кони и др., представляют двоякий интерес. В них я ищу, во-первых, художественных достоинств, искусства и, во-вторых, — того, что имеет научное или судебно-практическое значение»<sup>1</sup>.

Понятно, почему молодые адвокаты «следили за тем, когда он (Андреевский. — Н. Т.) выступает в суде, и старались не пропускать ни одной его речи»<sup>2</sup>. В архиве Сергея Аркадьевича сохранилось письмо к нему одного из корифеев «молодой адвокатуры» начала XX в., будущего министра юстиции Временного правительства П.Н. Переверзева от 15 сентября 1910 г., где молодой адвокат «с трепетом и восторгом» благодарит старого за «дружеский привет»<sup>3</sup>.

Достоинства, которыми отличался Андреевский как адвокат, отчасти налицо и в его литературном творчестве. Современник писал о нем:

Поэзии жрец и Фемиды левит,  
Везде и во всем успеваеи,  
В стихах его — голос защиты звучит,  
Речь — пламенем станса пылаеи<sup>4</sup>.

Лучшие из оригинальных стихотворений и переводов, критических этюдов, литературных портретов Андреевского<sup>5</sup>, как и его защитительные речи, подкупают меткостью наблюдений, искренностью чувств, изяществом формы. Стихи он начал писать сравнительно поздно и печатал их мало, хотя А.Ф. Кони долго убеждал его «издать все им написанное отдельной книгой». «Тогда, в конце 1885 года, — вспоминал Анатолий Федорович, — я купил тетрадь, в форме книги с белыми листами. И просил М.М. Стасюлевича отдать напечатать на первом листке: «С.А. Андреевский. Стихотворения. 1878—1885 гг. Петербург» — и в Новый год послал эту книжку Андреевскому, шуточно поздравляя его с появлением ее

<sup>1</sup> Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1976. Т. 4. С. 335.

<sup>2</sup> Утсовский Б.С. Указ. соч. С. 157.

<sup>3</sup> РГАЛИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 13. Л. 1 об.

<sup>4</sup> См.: Мартыянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд. СПб., 1993. С. 11.

<sup>5</sup> См.: Андреевский С.А.: 1) Стихотворения (1878—1885). СПб., 1886; 2) Литературные чтения. СПб., 1991; 3) Литературные очерки. 4-е изд. СПб., 1913.

в свет. Эта шутка сломила его нерешительность. Стихотворения появились в двух изданиях, 1886 и 1898 годов, встреченных критикой благо-склонно»<sup>1</sup>.

Стихи Андреевского лиричны («Первый снег», «Помнишь летнюю ночь?»), но почти всегда с грустинкой, по-лермонтовски<sup>2</sup> с «нежной, чисто русской меланхолией»<sup>3</sup> («Дума», «Мрак», «У гроба Достоевского», «Кончина Тургенева» и др.)<sup>4</sup>. Тем любопытнее его — сохранившиеся в архивах самого Сергея Аркадьевича, а также А.Ф. Кони и Н.П. Карабчевского, — шуточные приветствия и эпиграммы на коллег. Вот стихотворение под названием «4 января 1892 г.» — к 25-летию адвокатского стажа П.А. Потехина:

Он ясной мыслью вник в Уставы,  
Порядок знаменем избрал.  
Его язык, живой и здравый,  
Приятно-звучный, чуть картавый,  
К себе вниманье приковал<sup>5</sup>.

А вот — плоды трехстороннего поэтического соперничества адвокатов на досуге во время судебного процесса по делу о хищениях в Таганрогской таможне (1885). Н.П. Карабчевский передал сидевшему поодаль от него в зале суда Ф.Н. Плевако листок с текстом следующего экспромта:

Фемиды пламенный авгур,  
Неутомимый балагур —  
Он к славе ищет путь двояко.  
Таков наш адвокат Плевако.

Плевако вернул экспромт «за ненадобностью»:

По заслугам или даром,  
Но давно уж сим товаром  
Мой корабль сполна нагружен,  
И балласт ему не нужен.

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 173.

<sup>2</sup> «Более всех русских поэтов, не исключая и Пушкина, он любил Лермонтова», — вспоминал об Андреевском А.Ф. Кони (Собр. соч. Т. 5. С. 180).

<sup>3</sup> Выражение К.Д. Бальмонта (Цит. по: Рязанова Д.А. Указ. соч. С. 127). Кстати, Рязанова подсчитала, что русские композиторы положили на музыку 12 стихотворений Андреевского (Там же).

<sup>4</sup> Подробно о поэтическом творчестве Андреевского см.: Лахтина Ж.И. Поэзия С.А. Андреевского: концепция жизни человека // Проблемы художественного метода и жанра в истории русской литературы XVIII—XIX вв. М., 1978.

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3994. Л. 3.

«При обратной передаче листа, — вспоминал об этом Карабчевский, — его перехватил С.А. Андреевский и, в качестве заправского поэта, набросал заключительный реприманд по адресу Плевако:

На мадригал, написанный учтиво,  
Плевако отвечал спесиво,  
Что он уже достиг желанной высоты...  
О, наглость, это — ты!»<sup>1</sup>

Колоритно и шутивно-приветственное стихотворение Андреевского с характеристикой 16 его коллег по адвокатскому цеху, которое публикуется здесь, в Приложении № 2.

Впечатляющи литературоведческие статьи и очерки Андреевского. М.Ю. Лермонтов представлен в них как «полубог из своей загадочной вечности» («нет другого поэта, который бы так явно считал небо своей родиной и землю — своим изгнанием»)². Не бесспорны, иногда парадоксальны, но всегда интересны суждения Андреевского о творчестве А.С. Пушкина, А.С. Грибоедова, Н.В. Гоголя, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева (в прозе которого Сергей Аркадьевич пронизательно усмотрел всепоглощающую поэзию: «поэзия тут не удалялась ни на одно мгновение ни с одной тургеневской страницы, от первой до последней ее строки»)³.

«Прекрасным, сильным и чуждым многоглаголанья языком»⁴ написаны воспоминания Андреевского — необычные, непохожие ни на какие другие, под шокирующим названием «Книга о смерти» и с трогательным эпиграфом: «Пусть, когда закроется книга моей жизни, раскроется моя книга о смерти. Я ее посвящаю вам, живые, не для того, чтобы омрачить ваши сердца, но для того, чтобы каждый из вас смотрел на свою жизнь как на непроницаемую святыню»⁵. Об этой книге восторженно отзывались такие авторитеты, как В.Д. Спасович, А.Ф. Кони, А.И. Урусов⁶.

Андреевского-литератора высоко ценили выдающиеся деятели русской культуры. И.Е. Репин ставил его в ряд «блестящих умов»⁷; И.С. Тургенев еще в 1878 г. отметил его «несомненный талант»⁸ поэта; П.Н. Ми-

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 627. Оп. 1. Д. 3. Л. 26—27.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 339, 355.

<sup>3</sup> Там же. С. 375.

<sup>4</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 182.

<sup>5</sup> Андреевский С.А. Книга о смерти. Ч. 1. С. 27. «Книга о смерти» изобилует мудрыми афоризмами. Вот один из них: «Жизнь есть право, а смерть — обязанность» (Ч. 2. С. 179).

<sup>6</sup> См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 447.

<sup>7</sup> Репин И.Е. Избранные письма: В 2 т. М., 1969. Т. 1. С. 381.

<sup>8</sup> Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма М.; Л., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 322.

люков считал Андреевского одним из «корифеев петербургской литературы»<sup>1</sup>, а К.С. Станиславский в письме к Сергею Аркадьевичу от 9 марта 1908 г. выразился даже таким образом: «Я ценю вас как художника и критика выше всех»<sup>2</sup>.

О политических убеждениях Андреевского свидетельствуют и «Книга о смерти», и едва ли не единственное в его наследии *гражданское* стихотворение «Петропавловская крепость» (1881) с авторскими комментариями к нему 1917 или 1918 г.<sup>3</sup> Гуманист и правдолюб, Андреевский держался в стороне от «политики» в прямом смысле этого слова и не имел ни определенности, ни устойчивости в своих (по общему тону либеральных) взглядах. С одной стороны, он мог жалеть об императоре Александре II как о «человеке добром и либеральном» и допускать, что «крамольники» — цареубийцы, убоясь собственной жестокости, «клянут свои деянья». С другой стороны, ему виделось, что народовольческая «крамола» «была по-своему героична, исполняя какую-то (? — Н. Т.) необходимую историческую миссию, сулящую неведомые блага в будущем». Поэтому строка из его «Петропавловской крепости» с напоминанием «о подвиге, задавленном впотьмах», обрекла почти «крамольный» смысл.

Во всяком случае, к самодержавному деспотизму Андреевский относился критически. Поэтому он, далекий от всякой революционности, мог тем не менее процитировать на суде перед крайне реакционным председателем Петербургской судебной палаты Н.С. Крашениниковым запрещенные цензурой строки из пушкинского послания «К Чаадаеву»:

Россия вспрянет ото сна,  
И на обломках самовластья  
Напишут наши имена<sup>4</sup>, —

а в «Книге о смерти» помянуть добрым словом борцов против самодержавия: «Декабристы, казненные и сосланные на каторгу. <...> Молодежь, перевешенная и заточенная из-за Александра II, — Кибальчич, Софья Перовская, Вера Фигнер. Какие это были несокрушимые, бескорыстные аскеты и страдальцы за идею!»<sup>5</sup>

<sup>1</sup> Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 181.

<sup>2</sup> Станиславский К.С. Собр. соч.: В 8 т. М., 1960. Т. 7. С. 382.

<sup>3</sup> См.: *Поэты 1880—1890-х гг.* А., 1972. С. 280, 281, 669. В.И. Смолярчук и в 1990 г. считал это стихотворение Андреевского «ни разу не публиковавшимся» (Смолярчук В.И. А.Ф. Кони и его окружение. М., 1990. С. 101).

<sup>4</sup> См.: Утевский Б.С. Указ. соч. С. 157.

<sup>5</sup> Андреевский С.А. Книга о смерти. Ч. 2. С. 202.

О выступлениях Андреевского на политических процессах надо говорить особо. Выступал он в защиту «государственных преступников» не так часто и громко, как многие из его коллег (В.Д. Спасович, Н.П. Карабчевский, В.Н. Герард и др., не говоря уже об активистах «молодой адвокатуры»), но и в политических делах проявил себя с лучшей стороны как адвокат, психолог, гуманист.

На процессе «17-ти» (ОППС, 28 марта — 5 апреля 1883 г.), где последний раз в XIX в. собрался звездный состав защиты<sup>1</sup>, председатель суда Д.С. Синеоков-Андреевский, прокурор В.А. Желеховский, сословный представитель Д.С. Сипягин (будущий министр внутренних дел, инициалы которого в обществе расшифровывали как «Дикая свинья»<sup>2</sup>) вели дело с верноподданнической жестокостью. Возможно, их подзадоривал к этому присутствовавший на процессе министр юстиции Д.Н. Набоков, который раздраженно реагировал на речи защитников «громким мычанием»<sup>3</sup>. Впрочем, обвинение в принадлежности к партии «Народная воля» и в причастности к ее терактам само по себе уже было чревато для всех 17 (7 членов и 2 агента Исполнительного комитета плюс еще 8 рядовых народовольцев) смертными приговорами. Ни Андреевский, ни другие адвокаты не могли существенно повлиять на исход дела. Единственный подзащитный Сергея Аркадьевича, 24-летний агент ИК, один из организаторов первого в России общества Красного Креста И.В. Калюжный был осужден на 15 лет каторги<sup>4</sup>.

На следующем по времени, для Андреевского, политическом процессе «21-го» (Петербургский военно-окружной суд, 26 мая — 5 июня 1887 г.) обвинялись в принадлежности к «Народной воле» и в терактах очень разные люди. Центральной фигурой был один из крупнейших революционеров XIX в., фактический лидер (в то время) «Народной воли» Г.А. Лопатин. Остальных 20 подсудимых Андреевский в письме к А.Ф. Кони от 28 мая 1887 г. охарактеризовал так: «Есть сильные, талантливые, есть и жиденькая молодежь, и предатели<sup>5</sup>, и благородные, и совсем дети несчастные»<sup>6</sup>. Подзащитные Андреевского ока-

<sup>1</sup> В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, П.А. Александров, С.А. Андреевский, Н.П. Карабчевский, Н.И. Холева, Е.И. Кедрин и др., всего — 12 адвокатов.

<sup>2</sup> *Памяти С.В. Балмашева*. Женева, 1902. С. 18.

<sup>3</sup> *Нелегальный отчет о процессе «17-ти»*. Публ. Н.А. Троицкого // Исторический архив. 1999. № 2. С. 159.

<sup>4</sup> В каторжной тюрьме на Каре (в Забайкалье) И.В. Калюжный 15 ноября 1889 г. покончил с собой вместе с сестрой Марией и женой — Н.С. Смирницкой, тоже осужденной по делу «17-ти» на 15 лет каторги.

<sup>5</sup> Предателями стали молодые народовольцы И.И. Гейер и П.А. Елько.

<sup>6</sup> Цит. по: *Рязанова Д.А.* Адвокат С.А. Андреевский на политических процессах. С. 17.

зались из «жиденькой молодежи»: С.Г. Белоусов, А.П. Ешин и Я.Г. Френкель.

Положение защитников на этом процессе было трудным. Их назначали за считанные дни до суда, чтобы они не успевали как следует ознакомиться с делом и вызвать не желательных для обвинения свидетелей. Андреевский получил доступ к делу только 24 мая, за два дня до начала процесса, и сразу же попросил дать ему еще хотя бы сутки на вызов свидетелей, но ему в этой просьбе было отказано<sup>1</sup>. Тем не менее Сергей Аркадьевич сумел добиться почти невозможного. Он юридически высветил и заострил тот факт, что принадлежность его подзащитных к партии не была доказана. Иронизируя над усердием властей, Андреевский доказывал, что массовое применение судебных и административных кар против «неблагонадежных» и «подозреваемых» лишь выталкивает этих людей за ту переходную черту, которая отделяет мирных граждан от бунтовщиков<sup>2</sup>. Сами народовольцы потом вспоминали: «Только для трех оправданных помощь защитников на суде дала положительный результат»<sup>3</sup>. Два из трех оправдательных приговора (Белоусову и Френкелю) — «на счету» Андреевского. А ведь в то время для военного суда и один такой приговор был редкостью!

Через три года на процессе С.М. Гинсбург (ОППС, 30 октября 1890 г.), где вновь изогулялся прокурор В.А. Желеховский, Андреевский защищал главную обвиняемую. Софья Михайловна Гинсбург, 27-летняя выпускница Надеждинских акушерских курсов в Петербурге, обвинялась в «умысле на цареубийство», а четверо ее сопроцессников — в пособничестве ей<sup>4</sup>. 6 октября 1890 г. Гинсбург подала в суд заявление с просьбой назначить ей защитником «кого-либо из следующих лиц: Андреевского, Карабчевского, Герарда»<sup>5</sup>. Суд назначил менее авторитетного адвоката В.Ф. Леонтьева, но после ее вторичного заявления в ОППС и письма к Андреевскому от 27 октября («Прошу Вас, не бросайте меня») переназначил Андреевского<sup>6</sup>, — судя по всему, не ранее, чем за два дня до начала процесса. Поэтому Сергей Аркадьевич вновь, как и на процессе «21-го», не успел должным образом

<sup>1</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 4. Д. 298. Т. 2. Ч. 1. Л. 191.

<sup>2</sup> См.: *Процесс «21-го»*. Женева, 1888. С. 34.

<sup>3</sup> «Народная воля» перед царским судом. М., 1931. Вып. 2. С. 62.

<sup>4</sup> См. обвинительный акт по делу С.М. Гинсбург: Социал-демократ. Женева, 1892. № 4. Г.В. Плеханов так оценил это «сочинение» В.А. Желеховского: «Из его неуклюжей, безграмотной ябеды явствует лишь возможность того обстоятельства, что С. Гинсбург замышляла цареубийство» (Плеханов Г.В. Соч. М.; Л., 1927. Т. 24. С. 314).

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 643. Л. 48.

<sup>6</sup> Подробно см.: «Прошу... оставить Вас моим защитником» (Письмо С.М. Гинсбург С.А. Андреевскому. 1890). Публ. Н.А. Троицкого // Отечественные архивы. 2000. № 1.

изучить дело. Да и смягчающих обстоятельств в деле Гинсбург не нашлось. Андреевский оспаривал лишь гротескные потуги суда изобразить его подзащитную в виде «анчара», т. е. дерева яда, распространяющего вокруг себя смерть<sup>1</sup>.

Гинсбург была приговорена к смертной казни через повешение. Д.А. Рязанова обоснованно предполагает, что Андреевский смог склонить ее к подаче прошения о помиловании (хотя это противоречило народовольческой этике)<sup>2</sup>. В ответ на такое прошение<sup>3</sup> Александр III 17 ноября 1890 г. заменил Гинсбург виселицу пожизненной каторгой<sup>4</sup>, но уже 7 января 1891 г. в каземате Шлиссельбургской крепости она покончила с собой, профессионально (как врач) вскрыв себе сонную артерию тупыми арестантскими ножницами<sup>5</sup>.

Последний раз в XIX в. Андреевский выступил на политическом процессе по делу об антиправительственных беспорядках в г. Крожи Виленской губернии (Виленская судебная палата, 20—29 сентября 1894 г.) — вместе с А.И. Урусовым, В.И. Жуковским, А.Н. Турчаниновым. Процесс был закрытым, и конкретных данных о том, как вели себя на нем адвокаты, у нас нет. Но опубликована речь В.Д. Спасовича на обеде в честь защитников, выступавших по этому делу. В ней «король адвокатуры» заявил, что защитники «хлестали, точно бичом»<sup>6</sup>, предвзятое обвинение; в результате суд вынужден был оправдать 32 из 70 подсудимых<sup>7</sup>.

Время шло. Андреевский оставался в числе немногих корифеев российской адвокатуры первого призыва, которые выступали на политических процессах нового, XX в., когда выдвинулась уже целая плеяда звезд т. н. «молодой адвокатуры». Вместе с «молодыми» Сергей Аркадьевич принял участие в разбирательстве еще пяти политических дел. На процессе в Петербургской судебной палате 20—22 сентября 1905 г. по делу Ч. Струмилло-Петрашкевича и еще 15 рабочих, студентов, курсисток, обвинявшихся в революционной пропаганде, Андреевский защищал главного обвиняемого<sup>8</sup>. Струмилло-Петрашкевич был приговорен к ссылке на поселение в Сибирь, но через месяц... амнистирован по *вновь изданному* указу от 21 октября 1905 г.

<sup>1</sup> См.: «Народная воля» перед царским судом. Вып. 2. С. 119.

<sup>2</sup> См.: Рязанова Д.А. Указ. соч. С. 27.

<sup>3</sup> Текст его см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 643. Л. 252.

<sup>4</sup> См. там же. Л. 259 об.-260.

<sup>5</sup> См.: Николаевский Б.И. С.М. Гинсбург в Шлиссельбурге // Былое. 1920. № 15.

<sup>6</sup> Спасович В.Д. Застольные речи. С. 100

<sup>7</sup> См.: Судебная хроника // Юридическая газета. 1894. 6 октября. С. 3.

<sup>8</sup> См.: Право. 1905. № 38. С. 3218.

На следующем процессе, 7 января 1906 г., по обвинению редактора газеты «Русь» А.А. Суворина<sup>1</sup>, опубликовавшего антиправительственную резолюцию Петербургского Совета рабочих депутатов от 2 декабря 1905 г., Андреевский напомнил судьям о предыдущем деле. Он назвал парадоксальной ситуацию, когда суд, призванный действовать «на основании начал незыблемых», оказался перед тупиком: «и правительство, и закон временные. <...> Все новые законы так и называются «временными правилами». Более того, Андреевский иронизировал над тем, что «при цензуре было куда легче. <...> По крайней мере, знали, чем рискуют»; теперь же, в условиях революционного кризиса, граница «допустимого» стала размытой. Это дает повод властям вершить карательную политику самоуправно, обратив правосудие в марионетку, которая «оживляется только по сигналу свыше»<sup>2</sup>.

Суд не внял доводам защиты и приговорил А.А. Суворина к заключению в крепость на один год, хотя и с ходатайством о замене его трехмесячным заключением.

Зато на громком процессе по делу о «заговоре против государства» и о «покушении на царевубийство» 18 лиц (Петербургский военно-окружной суд, 7—16 августа 1907 г.) Андреевский вновь, как и на процессе «21-го», добился редкостного успеха. Правда, главных обвиняемых по тому делу во главе с лейтенантом Б.Н. Никитенко защищали лидеры «молодой адвокатуры» (Н.К. Муравьев, А.С. Зарудный, В.А. Маклаков, Н.Д. Соколов). Подзащитной Андреевского была хозяйка конспиративной квартиры С.К. Феодосьева. С помощью психологического анализа, в котором он всегда был силен, Сергей Аркадьевич обезоружил обвинение, проследив за тем, как повела себя Феодосьева при получении шифрованной телеграммы о предстоящем проезде (в пределах досягаемости террористов) П.А. Столыпина. «Получив эту телеграмму вечером 30 марта 1906 г. и узнав из ее содержания важные для заговора сведения, вызвавшие, казалось бы, необходимость в немедленной передаче их по назначению, — рассуждал Андреевский, — Феодосьева, вместо этого, ложится спать. Это — либо измена заговору, либо сумасшествие. Но так как ни того, ни иного нет, остается одно объяснение, что она не знала шифра, не поняла этой телеграммы».

В итоге, военный (!) суд оправдал Феодосьеву<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> Суворин Алексей Алексеевич (1862—1937) — журналист, сын литератора, предпринимателя, хозяина газеты «Новое время» Алексея Сергеевича Суворина (1834—1912). Покончил с собой в Париже.

<sup>2</sup> Андреевский С.А. Драмы жизни. С. 573, 576.

<sup>3</sup> См.: Маркелов К. Покушение на царевубийство в 1907 г. // Былое. 1925. № 3. С. 169—170.

13 января 1909 г., в условиях засилья реакции, Андреевский вместе с П.Н. Переверзевым защищал редактора журнала «Былое», замечательного ученого-историка П.Е. Щеголева, которому власть инквизиции «учинение бунтовщического деяния». Петербургская судебная палата под председательством Н.С. Крашенинникова отвергла все возражения защиты и приговорила Щеголева к тюремному заключению на три года. Андреевский и присоединившийся к нему В.А. Маклаков подали апелляцию в Сенат, но сенаторы во главе с А.М. Кузминским<sup>1</sup> отклонили ее, хотя адвокаты зафиксировали «неслыханные нарушения закона, допущенные палатой при рассмотрении этого дела». Щеголев оказался в Крестах (т. е. в Петербургской одиночной тюрьме), где и написал значительную часть самого известного из своих более чем 700 трудов — «Дуэль и смерть Пушкина»<sup>2</sup>.

Наконец, весной 1912 г., когда шквал политических репрессий несколько стих, Андреевский в последний раз выступил защитником на политическом процессе. То был крупнейший в дореволюционной России процесс из области межнациональных отношений. В свое время наместник Кавказа в 1896—1905 гг. кн. Г.С. Голицын, который «всех хотел обрусить»<sup>3</sup>, начал гонения на армян, приведшие к антироссийским настроениям армянского люда. Решено было устроить показательно-устрашающий процесс над армянской демократической партией «Дашнакцутюн». К суду в ОППС были привлечены 145 человек — рабочих, учителей, писателей, юристов и даже купцов и банкиров, «которые, как утверждалось, предоставляли революционерам денежные средства»<sup>4</sup>. При этом организаторы процесса не гнушались подлогами и провокациями. Особенно усердствовал следователь И.Н. Лыжин, увековечивший себя появлением в русском языке неологизма «облыжно» (т. е. поддельно, ложно).

Главных обвиняемых и здесь защищали корифеи «молодой адвокатуры»: А.С. Зарудный, П.Н. Переверзев, Н.Д. Соколов, В.А. Маклаков, А.Ф. Керенский. У Андреевского был один подзащитный — купец И. Шапошников, обвиняемый в финансовой поддержке революционеров. Сергей Аркадьевич построил защиту на двух примиренческих тезисах: с одной стороны, Шапошников как всякий купец, по природе своей, заинтересован в мирном разрешении любых конфликтов; с дру-

<sup>1</sup> Кузминский Александр Михайлович (1843—1917) — сенатор. Был женат на Т.А. Берс, родной сестре С.А. Толстой (жены А.Н. Толстого).

<sup>2</sup> Лурье Ф.М. Хранители прошлого. Л., 1990. С. 107—109.

<sup>3</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 71.

<sup>4</sup> Керенский А.Ф. Россия на революционном повороте. Мемуары. М., 1993. С. 56.

гой стороны, как благотворитель, щедрый к своим служащим, он гуманист, но не политик. «Думаю, — заключал Андреевский, — что с ним примирятся и революция, и правосудие»<sup>1</sup>.

Суд учел аргументы защиты (в частности, разоблачение подлогов Лыжина) и вынес мягкий приговор: 95 подсудимых (в том числе Шапошников) были оправданы, 47 — приговорены к тюремному заключению и ссылке и только 3 — к каторге<sup>2</sup>.

За долгие годы своей прокурорской, адвокатской, литературной и общественной деятельности Андреевский познакомился и сблизился со многими выдающимися людьми. Его друзья — юристы, литераторы, артисты, художники — отличались, как и сам Сергей Аркадьевич, либерально-демократическими взглядами. Реакционеров Андреевский, что называется, на дух не переносил. Вот так «аттестовал» он в одном из писем 1885 г. прокурора и будущего министра юстиции Н.В. Муравьева (того самого, кого великий юрист А.Ф. Кони считал просто «мерзавцем»<sup>3</sup>, а модный ныне адвокат А.Г. Кучерена считает «великим русским юристом»<sup>4</sup>): «Новый тип у нас среди судебных карьеристов — казалось бы, созданный для того, чтобы получить от нас «клеймо», скороспелый хлыщ Муравьев. <...> Без всякого понимания жизни, близорукий и самонадеянный. <...> Чтобы отстоять свою догадливость и рапорты к начальству, он умышленно запутал дело<sup>5</sup>, которое должно было побить со всею бесцеремонностью действительности все его начальнические измышления. Он заставил всю русскую публику расхлебывать эту кашу и усиленно интересоваться процессом, в котором кроме его же, муравьевской подлости никакой энигмы<sup>6</sup> нет»<sup>7</sup>.

Самыми близкими друзьями Андреевского были прокурор А.Ф. Кони и адвокат А.И. Урусов. Кони в одном из писем к Сергею Аркадьевичу (без даты) признавался: «Вас люблю очень, очень — и иногда думаю, что живу в Вас и в Вашей деятельности»<sup>8</sup>. Исключительно дружеские, нежные письма Андреевского к Урусову хранятся в личном фонде Уру-

<sup>1</sup> Речь С.А. Андреевского по делу «Дашнакцутюн» в защиту И. Шапошникова // Былое. 1917. № 4. С. 55—56.

<sup>2</sup> См.: Керенский А.Ф. Указ. соч. С. 57.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 441. Л. 38.

<sup>4</sup> Кучерена Анатолий. Когда люди плачут — желавобы смеются // Независимая газета. 2000. 31 октября. С. 8.

<sup>5</sup> Имеется в виду громкое дело о злоупотреблениях в Скопинском городском общественном банке (Московская судебная палата, 22 ноября — 7 декабря 1884 г.). См.: Муравьев Н.В. Из прошлой деятельности. СПб., 1900. Т. 2. С. 106 и сл.

<sup>6</sup> Э н и г м а — загадка (греч.).

<sup>7</sup> Цит. по: Рязанова Д.А. Указ. соч. С. 15.

<sup>8</sup> ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 788. Л. 4 об.

сова. В одном из них, от 29 марта 1900 г., читаем: «Главное, что болезнь твоя «не угрожает жизни». Я так рад! Остальное — с твоей редкой и очаровательной натурой — все пустяки!»<sup>1</sup> Когда Урусов скончался, Андреевский приехал из Петербурга в Москву на его похороны и произнес у открытой могилы друга яркую прочувствованную речь<sup>2</sup>.

Дружескими узами Андреевский был связан с великой артисткой М.Г. Савиной, которая шутливо называла Сергея Аркадьевича и его жену Юлию Михайловну «семейством Виардо»<sup>3</sup>, и с супружеской четой Д.С. Мережковский — З.Н. Гишпиус, близко знаком с А.П. Чеховым и О.А. Книппер-Чеховой, К.С. Станиславским и И.Е. Репиным (в 1898 г. Илья Ефимович написал портрет Андреевского, хранящийся в Государственном Литературном музее<sup>4</sup>).

Жена у Сергея Аркадьевича была одна на всю жизнь. Юлия Михайловна (Юлик, как звали ее друзья) — дочь «скромного, очень стесненного в средствах отставного капитана»<sup>5</sup> — оставалась его верной спутницей и опорой с мая 1870 г., когда они венчались в Петербурге (шафером на их свадьбе был А.Ф. Кони) и до смерти своей, в 1916 г. Их сын Александр Сергеевич (которого родители в шутку называли Пушкиным) окончил юридический факультет Петербургского университета, но больше занимался музыкой, чем юриспруденцией. В 1908—1914 гг. он был женат на Софье Владимировне Акимовой — дочери генерала, оперной примадонне Мариинского театра (в 1914 г. Акимова с ним рассталась и вышла замуж за великого певца И.В. Ершова)<sup>6</sup>.

Сергей Аркадьевич пережил своего Юлика всего на два года. Еще не успев похоронить жену, он сам стал часто и подолгу болеть. Две революции 1917 г. усугубили его физические, нравственные и материальные лишения. «Хвораю, бедствую, доживаю»<sup>7</sup>, — писал он Кони 30 декабря 1917 г. «Без занятий, вынужденный опустошить свою квартиру и лишиться любимых книг и произведений искусства, автор «Книги о смерти» ожидал прихода последней. Она не замедлила, и 9 ноября 1918 г. тяжкое воспаление легких, сопровождаемое двухнедельными большими страданиями, унесло Андреевского»<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 80. Л. 16.

<sup>2</sup> См. ее текст: Андреевский С.А. Избранные труды и речи. С. 318—320.

<sup>3</sup> М. Савина и А. Кони. Переписка (1883—1915). Л.; М., 1938. С. 96, 97.

<sup>4</sup> Воспроизведен в кн.: Немировская М.А. Портреты И.Е. Репина. Графика. М., 1974. С. 86.

<sup>5</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 168.

<sup>6</sup> См.: Акимова С.В. Воспоминания певицы. Л., 1978. С. 32, 43.

<sup>7</sup> Цит. по: Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова. С. 68.

<sup>8</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 5. С. 183.



## ГРИГОРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ БАРДОВСКИЙ

(1848—1907)

130 лет назад имя его гремело в одном ряду с именами таких корифеев российской адвокатуры, как В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, В.Н. Герард, А.И. Урусов. Он выступал на самых крупных политических процессах эпохи — участников Казанской демонстрации 1876 г., «50-ти», «193-х». Борцы против самодержавия, «народные заступники» считали его «одним из самых преданных» своих единомышленников<sup>1</sup>. Его родной брат — Петр Васильевич — был казнен по приговору царского суда за участие в польской социалистической партии «Пролетариат». Самого же Григория Васильевича арестовали. В тюрьме впечатлительный адвокат не вынес тягот одиночного заточения, заболел душевным расстройством, и на этом все — и без того скудные, разрозненные — сведения о нем обрываются. Теперь его имя почти неизвестно. Только в специальных справочниках ему отводят по несколько строк, причем год заболевания Бардовского (1880) объявляется датой его смерти<sup>2</sup>, тогда как в действительности он прожил еще 27 лет. Но — обо всем по порядку. Трагическая судьба адвоката Бардовского заслуживает доброй памяти...

Григорий Васильевич Бардовский вырос в семье известного и передового для своего времени педагога, директора 1-й Петербургской гимназии Василия Степановича Бардовского. Влиятельная либеральная газета

---

<sup>1</sup> См.: *Фингер В.Н.* Запечатленный друг. Воспоминания в 2 т. М., 1964. Т. 1. С. 260.

<sup>2</sup> См.: *Деятели революционного движения в России.* Биобиблиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 83; Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 383; Советская историческая энциклопедия. М., 1962. Т. 2. С. 131. В Большой советской энциклопедии (как, впрочем, и в новейшей энциклопедии «Отечественная история. История России с древнейших времен до 1917 г.», а также в Российской энциклопедии) Г.В. Бардовский не упомянут.

«Голос» в некрологе Василия Степановича отметила его «честное служение в течение 44 лет на трудном педагогическом поприще»<sup>1</sup>.

Григорий Васильевич родился в 1848 г. То был год бурных революционных потрясений на Западе. Отзвуки их долго волновали и Россию. Детство и отрочество Бардовского прошли под впечатлением демократического подъема 1859—1861 гг. и отмены крепостного права. Широко распространившиеся тогда настроения оппозиционности по отношению к правящим «верхам» во многом определили его жизненный путь. Хотя Бардовский не стал активным революционером, он смолоду «заразился» освободительными идеями. Его увлек долг служить родине только на передовом общественном поприще. В 1864 г. он окончил 1-ю Петербургскую гимназию, где директорствовал его отец<sup>2</sup>, и поступил на юридический факультет Петербургского университета с желанием стать правоведам, но еще не думая в то время об адвокатской карьере. Однако за время его студенчества конституировалась в России присяжная адвокатура, с которой Бардовский и связал свою жизнь.

Новорожденная адвокатура привлекала к себе молодых и вольнолюбивых юристов, прежде всего, своей хотя и относительной, но все-таки большей, чем где бы то ни было из легальных институтов, а с первого впечатления казавшейся даже абсолютной, гласностью. Будущий «король адвокатуры» В.Д. Спасович на всю жизнь запомнил тот «восторг», который он и его единомышленники испытывали, когда к ним «явилась, словно Афродита из пены морской, другая богиня, нагая, беломраморная и не стыдящаяся своей наготы, — гласность»<sup>3</sup>. Люди честные, свободомыслящие, но не настолько активные, чтобы подняться на борьбу против деспотизма и произвола, шли тогда в адвокатуру с расчетом использовать дарованную ей свободу слова для избличения пороков существующего строя. Иные из них (как, например, В.И. Танеев) надеялись, что «в России в скором времени должна быть революция, и сословие адвокатов будет играть такую же роль, как во время Французской революции конца XVIII века»<sup>4</sup>. Может быть, именно с такими надеждами вступил в адвокатуру и Г.В. Бардовский.

<sup>1</sup> Некролог // Голос. 1874. 22 марта (3 апреля). С. 3. В 1830—1840 гг. В.С. Бардовский был преподавателем русского языка в 1-й петербургской гимназии, с 1840 по 1860 г. — инспектором и с 1860 г. — директором (*Соловьёв Д.Н.* 50-летие Санкт-Петербургской 1-й гимназии. СПб., 1880. С. 391—392).

<sup>2</sup> См.: *Соловьёв Д.Н.* Указ. соч. С. 413. Годом ранее ту же гимназию окончил и Петр Бардовский (Там же. С. 412).

<sup>3</sup> Русская мысль. 1891. № 5. С. 156.

<sup>4</sup> *Танеев В.И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959. С. 698.

6 июля 1874 г. Григорий Васильевич был принят в число присяжных поверенных Петербургского судебного округа<sup>1</sup>, и первое же его выступление в качестве адвоката на политическом процессе — по делу народнического кружка В.М. Дьякова (ОППС, 16—17 июля 1875 г.) — принесло ему известность. Молодой адвокат сразу расположил к себе обвиняемых (мирных пропагандистов!) и восстановил против себя их карателей, уличив царский суд в жульничестве.

Дело в том, что кружок Дьякова вел социалистическую пропаганду среди рабочих. Активным членом кружка был рабочий-народник Василий Герасимович Герасимов (1852—1892) — лицо, известное в истории русского освободительного движения, автор воспоминаний, неоднократно переизданных в советское время<sup>2</sup>. Его-то и защищал Бардовский. Прямых улик против Герасимова (как, впрочем, и против Дьякова, — оба они были отличными конспираторами) на суде не оказалось. Все обвинение было построено исключительно на доносе трех агентов сыска, которых суд использовал как «свидетелей». Бардовский опроверг эту уловку суда. «По коренному правилу Устава уголовного судопроизводства, — говорил он в защитительной речи, — не обвиняемый должен доказать, что он невиновен, а обвинитель должен доказать виновность подсудимого, и чем строже положено наказание за известное преступление, тем строже суд должен относиться к уликам, представляемым обвинительной властью, и если эти улики возбудят сомнение, то оно должно быть истолковано в пользу обвиняемого»<sup>3</sup>.

С этой позицией Бардовский дискредитировал «свидетелей» обвинения: «Можно доверять только таким свидетелям, которые нисколько не заинтересованы в деле. Между тем указанные свидетели сделали донос, на основании которого начато следствие и обвиняемые привлечены к ответственности. Следовательно, эти лица уже заинтересованы в том, чтобы их донос оправдался, другими словами, — чтобы подсудимые были обвинены». Мало того, защитник с фактами в руках показал, что агентурные «свидетели» «сами не доверяют друг другу», «сами себе противоречат». Вскрыв таким образом всю пристрастность и шаткость «свидетельского» доноса и подчеркнув, что других улик у обвинения нет, Бардовский счел его огульным, недоказанным<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Список присяжных поверенных при Петербургской судебной палате и их помощников к 1 февраля 1901 г.* СПб., 1901. С. 13.

<sup>2</sup> Впервые были опубликованы в журнале «Былое» (1906. № 6). Последнее изд.: *Герасимов В.Г. Жизнь русского рабочего.* М., 1959.

<sup>3</sup> *Государственные преступления в России в XIX в.* СПб., 1906. Т. 1. С. 340.

<sup>4</sup> См. там же.

Суд пренебрег доводами защиты, пошел на поводу у обвинения, закрыв глаза на жульнический подбор свидетелей, и вынес подсудимым суровый приговор (Герасимов получил 9 лет каторги). Но Бардовский на этом процессе выступил не впустую. Его разоблачения проникли в нелегальную печать<sup>1</sup>, циркулировали в обществе<sup>2</sup> и чувствительно били по авторитету самодержавного «правосудия».

Нужно сказать, что Бардовский и на последующих процессах не упускал случая заклеить отряженных в «свидетели» (со стороны обвинения) платных агентов. На процессе «193-х» он прямо спросил одного из таких «свидетелей» Мойшу Сима: «Как вас рассчитывают — поденно или поштучно, то есть сколько людей изловите, за каждого?» Тот, не уловив сарказма в вопросе, ответил бесхитростно: «Я не знаю их расчета. Я получил 350 рублей за все»<sup>3</sup>.

К началу процесса по делу о Казанской демонстрации (ОППС, 18—25 января 1877 г.) Бардовский был уже известным адвокатом. После этого процесса он стал знаменитым.

Историческая Казанская демонстрация народников-землевольтеров и передовых рабочих 6 декабря 1876 г. на площади перед Казанским собором в Петербурге была первой в России открытой (уличной) политической демонстрацией против самодержавия<sup>4</sup>. Царские власти, хотя и не разобрались в ее политическом и, тем более, классовом своеобразии, отлично поняли главное: «что революционное движение перешло к каким-то новым приемам борьбы, что оно прежде всего страшно осмелело»<sup>5</sup>. Поэтому демонстрация и напугала, и озлобила их, а главное, озадачила, поскольку в российском Уложении о наказаниях не нашлось даже статьи, карающей за демонстрацию. «Составители его, — вспоминал один из казанцев, — по-видимому, не подозревали о возможности такого явления»<sup>6</sup>. В конце концов, «было высочайше испрошено дозволение» применить здесь ст. 252 Уложения («бунт против власти верховной, т. е. восстание скопом»)<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> См. статью П.А. Лаврова «Два важных документа» (*Лавров П.А. Избр. соч. на социально-политические темы*. М., 1935. Т. 4. С. 83—85).

<sup>2</sup> Очень помогла этому проникавшая в зал суда, вместе с проверенной публикой, студенческая молодежь (см.: ГАРФ. Ф. 109. 3 экзп. 1874. Д. 144. Ч. 66. Т. 1. Л. 190—193).

<sup>3</sup> *Стенографический отчет* по делу о революционной пропаганде в империи. СПб., 1878. Т. 1. С. 423.

<sup>4</sup> См. о ней: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 5. С. 369.

<sup>5</sup> Покровский М.Н. Избр. произведения. М., 1967. Кн. 4. С. 75.

<sup>6</sup> Чернавский М.М. Демонстрация 6 декабря 1876 г. По воспоминаниям участника // Катрга и сылка. 1926. № 7—8. С. 18.

<sup>7</sup> Бибергаль А.Н. Воспоминания о демонстрации на Казанской площади // Там же. С. 26. Автор, вместо 252-й, ошибочно назвал здесь 249-ю статью.

Судебный процесс над участниками Казанской демонстрации, таким образом, становился выдающимся именно из-за предмета обвинения. «В истории русских политических процессов демонстрация эта играет важную роль, — отмечал А.Ф. Кони. — С нее начался ряд процессов, обращавших на себя особое внимание и окрасивших собою несколько лет внутренней жизни общества»; ранее «революционная партия преследовалась за распространение своего «образа мыслей», в деле же о преступлении 6 декабря впервые выступал на сцену ее «образ действий»<sup>1</sup>.

Судились по делу о демонстрации лишь те ее участники, которых полиция сумела задержать «на месте преступления» (всего — 21 человек из общего числа в 300—400 демонстрантов). Среди них не оказалось никого из руководителей «Земли и воли». Центральной фигурой на скамье подсудимых стал земледелец А.С. Емельянов, преданный суду под нелегальной фамилией Боголюбов. Его, а также беспартийного казака И.А. Гервасия защищал Бардовский.

Все подсудимые держались на этом процессе стойко, но пассивно. Никто из них не выступил на суде с каким-либо революционным заявлением. Поэтому страстная защитительная речь Бардовского оказалась едва ли не главным событием процесса. Она была изложена в стенографическом отчете о процессе с большими купюрами, все «противоправительственные» высказывания из нее изъяты. Но в нашем распоряжении есть полный текст речи, сохранившийся в архиве Д.В. Стасова<sup>2</sup>.

Верный себе, Бардовский и здесь разоблачил юридическую шаткость обвинения, построенного, как обычно, на показаниях специально подобранных свидетелей (дворников, городских, околоточных), которые огульно винили всех подсудимых в «сочувствии поднятию флага»<sup>3</sup>. Григорий Васильевич требовал предъявить улики против каждого из обвиняемых в отдельности, доказывал, что «нельзя приписывать каждому подсудимому те действия, которые характеризовали целую толпу», что «время, когда ссылали в Сибирь десятого, секли пятого, давно и безвозвратно прошло».

Главное же, Бардовский оправдывал идеалы и самое дело обвиняемых. «Все политические преступления, — говорил он, — с первого взгля-

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 29, 30.

<sup>2</sup> См.: ИРАИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 377. Л. 1—2. Опубликовано: «Много шуму из пустыков...» Речь присяжного поверенного Г.В. Бардовского на процессе по делу о Казанской демонстрации 6 декабря 1876 г. Публ. Н.А. Троицкого // Исторический архив. 2002. № 1. С. 186—198.

<sup>3</sup> По ходу демонстрации рабочий Яков Потапов (заранее «назначенный» знаменосцем) поднял красный флаг с надписью «Земля и воля».

да, если судить по наказаниям, кажутся самыми ужасными, но при рассмотрении сущности их, хотя они и оказываются вредными и опасными для существующего государственного порядка, видно, что в них нет безнравственности деяния. Подсудимый совершает известное действие часто вследствие ошибочного увлечения, но всегда под влиянием хороших и честных побуждений». Он поддержал лозунг демонстрантов «Земля и воля!», тонко уязвив при этом верховную власть, которая 19 февраля 1861 г. торжественно обещала народу и землю, и волю, но не дала, в сущности, ни той ни другой. «Говорят, здесь было знамя с надписью «Земля и воля» и преступность видят в сочувствии этим словам. Разве эти слова означают порицание образа правления? Разве они составляют оскорбление верховной власти? Но что же тут преступного? — спрашивал Бардовский. — Положение 19 февраля проникнуто этим принципом, и я глубоко убежден, что когда Россия будет праздновать столетие 19 февраля, то на монументе, который будет воздвигнут, напишут слова «земля и воля».

Мало того, Бардовский осудил «слишком крутые меры полиции» против демонстрантов. Он сослался на мнение английского журналиста, «привыкшего в своей стране видеть полную свободу и терпимость к таким митингам недовольных». Этот журналист со страниц самой влиятельной в Англии газеты «Таймс» подивился «строгости русских властей», которые хватают и сажают в тюрьмы<sup>1</sup> участников вполне допустимого «митинга». Огласив корреспонденцию «Таймс», Бардовский заключил: «Вот как смотрит на это дело и на действия полиции сын практичного и свободного народа».

Бардовского поддержали на процессе еще двое — адвокаты А.А. Ольхин и В.А. Буймистров. Агент III отделения, следивший за ходом процесса, сделал выписки из их речей, так же как из речи Бардовского, и послал их все шефу жандармов Н.В. Мезенцову. «Все это, — доносил он, — ими говорилось с таким жаром, явно *противоправительственным*, что обвиняемые положительно укрепились в убеждении, что они не только невиновны, но как бы страдальцы за правоту их мыслей и действий»<sup>2</sup>.

Агент был чрезвычайно обеспокоен тем впечатлением («благоприятным для подсудимых»), которое адвокаты произвели на публику. «Если защитительные речи гг. Ольхина, Буймистрова и Бардовского и не напечатаны во всей подробности в газетах, — предупреждал он шефа жандармов, — то они были слышаны многими и, конечно, впоследствии

<sup>1</sup> Английский журналист тогда еще не знал и конечно же не мог бы даже вообразить себе, что участники этого «митинга» будут осуждены на 15 лет каторги.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 2. Л. 30 об. (курсив мой. — Н. Т.)

будут известны всем, так как бывшие приговоренные, несомненно, распространят их повсеместно»<sup>1</sup>.

Суд — возможно, по наущению шефа жандармов и явно в угоду верховной власти, дозволившей применить к демонстрантам ст. 252 Уложения о наказаниях, — отменил все доводы защиты и вынес подсудимым фактически заданный приговор. Шесть человек были осуждены на каторгу, причем трое (в том числе Боголюбов) получили по 15 лет; второму подзащитному Бардовского Гервасию суд определил 9 лет каторги. «Пятнадцать лет каторги за демонстрацию, мирную, невооруженную, — удивлялся в 1926 г. академик М.Н. Покровский, — этому едва поверят даже люди, пережившие репрессии Столыпина, даже помнящие эпоху Плеве»<sup>2</sup>.

Общественный резонанс вокруг дела о Казанской демонстрации был, как того опасалась жандармская агентура, неблагоприятным для властей<sup>3</sup>. Особое раздражение вызвал у них сбор средств в пользу осужденных демонстрантов на многолюдном («одних студентов и курсисток собралось более 1500 человек») вечере в Петербургском собрании художников 3 февраля 1877 г. В агентурном донесении об этом вечере с пометкой «Д. Е. В.» (т. е. «должено Его Величеству») говорилось: «Около 10 часов вечера в собрание прибыл присяжный поверенный Бардовский, около которого начали раздаваться восклицания «вот защитник Боголюбова и Гервасия», и затем начались совещания о необходимости сделать ему овацию как защитнику угнетенных, что и было исполнено самым шумным образом...»<sup>4</sup>

Толки вокруг дела участников Казанской демонстрации еще не утихли, когда начался (в ОППС, 21 февраля — 14 марта 1877 г.) новый, еще более крупный процесс — «50-ти». Здесь судились деятели революционного народничества (все, без исключения, *пропагандисты*) и довольно большая группа рабочих-революционеров во главе с Петром Алексеевым. Вели они себя не в пример казанцам, вызываясь активно: сами обвиняли правительство (в «угнетении народа»), разоблачали предвзятость суда, потрясали слушателей программно-социалистическими речами.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 2. Л. 31.

<sup>2</sup> Покровский М.Н. Избр. произведения. Кн. 4. С. 74.

<sup>3</sup> Агитационные брошюры народников о Казанской демонстрации жандармы находили тогда не только в Петербурге и Москве, но и в разных местах Тульской, Тамбовской, Курской, Нижегородской, Пензенской, Могилевской, Одесской, Полтавской, Пермской, Вятской, Енисейской губерний (см.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 2. Л. 24—137).

<sup>4</sup> Там же. Ч. 1. Л. 219. Донесение полностью опубликовано: Троицкий Н.А. В пользу участников Казанской демонстрации // Освободительное движение в России. Саратов, 1999. Вып. 17. С. 138—140.

Наибольшую, европейскую известность приобрели речи того же Петра Алексеева и Софьи Бардиной.

В таких условиях защита, естественно, оказалась в тени, хотя и была представлена созвездием корифеев адвокатуры: вместе с Бардовским здесь выступали В.Д. Спасович, В.Н. Герард, А.А. Ольхин, А.А. Боровиковский, В.О. Люстиг, К.Ф. Хартулари и другие, всего — 15 адвокатов. Некоторые из них (и, пожалуй, первым здесь надо назвать Бардовского) и на этом процессе защищали подсудимых с «противоправительственным жаром». До начала суда защита сумела даже согласовать с подсудимыми общую линию поведения. «Бардовский, Боровиковский и всеми уважаемый старший товарищ их Герард стояли во главе ее и задавали тон»<sup>1</sup>, — вспоминала Вера Фигнер. Тон этот выражался в безбоязненной полемике с обвинением и в нескрываемом сочувствии к подсудимым, среди которых были 16 молодых женщин, а больше 30 из 50 не достигли и 25 лет. Показателен такой факт. Когда Петр Алексеев закончил свою речь пророческими словами («Ярмо деспотизма разлетится в прах!»), не только подсудимые, но и адвокаты прямо в зале суда горячо поздравляли его<sup>2</sup>.

Бардовский, по обыкновению, в резкой форме разбивал натяжки и передержки обвинения: «Что касается письма, в котором сказано, что Манька хлопчет о сапогах, то обвинителем не доказано, что это письмо писано знакомым Марии Субботиной, и она не может отвечать за то, что другие напишут о Маньке»<sup>3</sup>. Как явствует из агентурного донесения, Бардовский часто «пикировался» с прокурором и неоднократно получал за это выговор от первоприсутствующего сенатора (председателя суда)<sup>4</sup>. К подсудимым же, по воспоминаниям одной из главных обвиняемых в деле «50-ти» Ольги Люботович, он выказывал «замечательную сердечность и симпатию»<sup>5</sup>.

Прошло немногим более полугода после дела «50-ти» и в Петербурге открылся грандиозный процесс «193-х» — самый крупный из политических процессов, какие когда-либо были в России. Он слушался в ОППС больше трех месяцев — с 18 октября 1877 по 23 января 1878 г. То был процесс по делу о массовом «хождении в народ» 1874 г., охватившем, по официальным данным, 37 губерний Российской империи<sup>6</sup>. Чис-

<sup>1</sup> Фигнер В.Н. Полн. собр. соч. М., 1932. Т. 5. С. 183. Вера Фигнер была тогда в зале суда среди публики.

<sup>2</sup> См.: *Джабадари И.С.* Процесс «50-ти» // *Былое*. 1907. № 10. С. 194.

<sup>3</sup> *Государственные преступления в России в XIX в.* Т. 2. С. 314.

<sup>4</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 127. Т. 2. Л. 145—145 об.

<sup>5</sup> *Люботович О.С.* Далекое и недавнее. М., 1930. С. 22.

<sup>6</sup> См.: *Записки министра юстиции графа Палена.* Успехи революционной пропаганды в России. Женева, 1875. С. 10—12 (все 37 губерний здесь перечислены).

ло арестованных народников-пропагандистов достигало тогда 8 тыс.<sup>1</sup>, но с большинством из них каратели расправились без суда. Среди тех же, кто был предан суду, оказались и ветераны революционного народничества, познавшие тюрьмы и ссылку еще в 1860-е годы (П.И. Войноральский, М.Д. Муравский, Ф.В. Волховский), и юные, 18—20-летние народники (М.А. Гриценков, Ф.С. Семенов, В.Н. Городецкая), и первые в России рабочие-революционеры (С.П. Зарубаев, И.О. Союзов, М.А. Орлов).

Что касается защиты, то ни на одном из политических процессов в России состав ее не был столь звездным, как на процессе «193-х»: В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, В.Н. Герард, П.А. Александров, Е.И. Утин, А.Я. Пассовер, М.Ф. Громницкий, П.А. Потехин, Н.П. Карабчевский (тогда только начинавший свою блистательную карьеру) и другие, всего — 35 адвокатов плюс выступавший здесь в качестве защитника знаменитый криминалист профессор Н.С. Таганцев. Бардовский в этом созвездии выглядел вполне достойно. У каждого из адвокатов было по несколько подзащитных, но больше всех (18!) — у Бардовского<sup>2</sup>. Поскольку обвиняемым было предоставлено право самим избирать себе защитников<sup>3</sup>, количество подзащитных у того или иного адвоката свидетельствовало о его популярности в радикальных кругах<sup>4</sup>.

Процесс «193-х» выделяется из всех политических процессов в России совершенно исключительной активностью как со стороны подсудимых, так и со стороны защиты<sup>5</sup>. Подсудимые дали суду и правительству, именем которого орудовал (не гнушаясь подлогами) суд, настоящий бой. В ответах на вопросы судей, заявлениях, репликах с места они выражали свое презрение к суду как холопу правительства, клеймили деспотизм самодержавного режима и открыто провозглашали свои противоправительственные убеждения<sup>6</sup>. Один из них — Ипполит Мышкин — выступил с речью, воспринятой современниками как «наиболее революционная речь, которую когда-либо слышали стены русских судов»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> См.: [Венюков М.И.]. Исторические очерки России со времени Крымской войны до заключения Берлинского договора. Прага, 1880. Т. 4. С. 88.

<sup>2</sup> Среди них были видные народники: Ф.В. Волховский, Л.Э. Шишко, Н.А. Морозов, С.А. Лешерн фон Герцфельдт. См. перечень защитников и их подзащитных на процессе «193-х»: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 402. Л. 66—70.

<sup>3</sup> См. там же. Л. 325.

<sup>4</sup> У В.Н. Герарда было на том процессе 16 подзащитных, у Д.В. Стасова — 8, а у «короля адвокатуры» В.Д. Спасовича, которого революционеры недолюбливали за то, что он, дабы облегчить участь своих подзащитных, умалал их деятельность, — всего 2 (см. там же. Л. 66—70).

<sup>5</sup> См. о различных подробностях процесса в очерках о В.Д. Спасовиче, Д.В. Стасове и В.Н. Герарде.

<sup>6</sup> Подробно об этом см.: Троицкий Н.А. Безумство храбрых. М., 1978. С. 118—120.

<sup>7</sup> С. Стеньяк-Кравчинский об Ипполите Мышкине // Русская литература. 1963. № 2. С. 161.

Защита же, по свидетельству одного из осужденных по делу «193-х» Н.А. Чарушина, «шла с подсудимыми все время рука об руку и немало содействовала увеличению политического значения процесса и влияния его на общественные круги»<sup>1</sup>. Речи адвокатов по делу «193-х» до сих пор не опубликованы, но доступны исследователям. Стенограммы их хранятся в ГАРФ среди других материалов процесса. Читая их, удивляешься смелости, с которой адвокаты опровергали и высмеивали инсинуации обвинения, буквально издеваясь над тем, как царские судьи «с трибуны, с высоко поднятой головой возводят в идеал гражданской доблести шпионство»<sup>2</sup>.

Бардовский был на этом процессе одним из самых активных и наиболее близких обвиняемым (по доверительности отношений с ними) защитников. Кроме чисто юридических услуг, он и до, и во время, и уже после суда обеспечивал их любой информацией «с воли». Так, перед началом суда Н.А. Морозов и его сопроцессники узнали, что «один из видных деятелей судебного ведомства проболтался присяжному поверенному Бардовскому, что Третье отделение и его глава, шеф жандармов (Мезенцов. — Н. Т.), чрезвычайно недовольны Крахтом (следователем по делу «193-х». — Н. Т.), который выпускает многих и уменьшает важность поднятого ими государственного дела»<sup>3</sup>. А на другой день после объявления приговора Бардовский рассказал Морозову о покушении Веры Засулич на петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова<sup>4</sup>.

В яркой защитительной речи на процессе «193-х» Бардовский осудил произвол обвинителей, которым, «чтобы достигнуть желанной цели, пришлось перешагнуть через 66 трупов»<sup>5</sup>, и указал судьям на тщетность их попыток опорочить подсудимых. «Каков бы ни был ваш приговор, где ни кончат они свои дни, относительно многих из них всегда можно сказать те слова, которыми лучший русский историк (С.М. Соловьев. — Н. Т.) характеризует историческую личность: это — преданность идее, каковою бы она ни была»<sup>6</sup>. В агентурном донесении с пометой «Д. Е. В.» («доложено Его Величеству») о Бардовском было сказано так: «Подсудимых считает мучениками и страдальцами, жертвами произвола и грубой силы. Жандармов положительно закидал

<sup>1</sup> Чарушин Н.А. О далеком прошлом. М., 1973. С. 263.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 797. Л. 51 (речь В.Н. Герарда); Д. 798. Л. 101—102 (речь Е.И. Утина).

<sup>3</sup> Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 2. С. 195.

<sup>4</sup> См. там же. С. 251—252.

<sup>5</sup> Г.В. Бардовский здесь имел в виду тот факт, что за время подготовки процесса «193-х» 66 человек умерли или покончили с собой в царских тюрьмах.

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 800. Л. 102 об., 107.

грязью... Речь его, весьма понятно, произвела подавляющее впечатление. В публике многие даже плакали»<sup>1</sup>.

В кульминационный момент процесса, когда выступал с речью Ипполит Мышкин, а жандармы по приказу первоприсутствующего сенатора К.К. Петерса набросились на оратора, избивая заодно его товарищей, Бардовский и еще несколько защитников обступили Петерса, требуя записать в протокол, что жандармы позволяют себе бить подсудимых<sup>2</sup>. По словам очевидца, в тот момент в зале суда царило смятение. Подсудимые выкрикивали проклятия, публика металась по залу, несколько женщин упали в обморок. Первоприсутствующий буквально сбежал, забыв объявить о закрытии заседания. Члены суда поспешили за ним. Наконец, многочисленная свора жандармов с саблями наголо выпроводила и подсудимых, и публику из зала. Тем временем защитники старались привести в чувство женщин, лежавших в обмороке. Туда же ткнулся было жандармский офицер, но кто-то из защитников прогнал его, сказав так, чтобы все слышали: «Один вид вашей формы приводит людей в ужас!» Прокурор В.А. Желеховский, который растерянно сновал между опустевшими судейскими креслами с лицом, как говорят французы, «рисе еваноние» («цвета блохи, упавшей в обморок»), мог только сказать: «Это настоящая революция!»<sup>3</sup>

Об этой сцене сообщалось и в агентурном донесении с пометой «Д. Е. В.» Защитник, который «грубо отогнал предлагавшего свои услуги жандармского офицера», там назван. Это был Бардовский<sup>4</sup>.

Так как первоприсутствующий отказался заводить против жандармов протокол («я считаю это излишним»), Бардовский, Утин и Потехин на следующий день, как явствует из донесения петербургского градоначальника императору, «заявили Присутствию, что они уйдут из суда, если вчерашнее насилие стражи с подсудимыми пройдет безнаказанно»<sup>5</sup>.

Отвергнув многое из постулатов и аргументов обвинения по делу «193-х», защита в какой-то мере вынудила сенаторов смягчить приговор сравнительно с тем, на что рассчитывали правительственные верхи<sup>6</sup> и что надо было ожидать, судя по масштабам процесса. Из 190 подсуди-

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 771. Л. 92 об. — 93 об.

<sup>2</sup> См. там же. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 1. Л. 553 об.

<sup>3</sup> Государственные преступления в России в XIX в. Т. 3. С. 283.

<sup>4</sup> См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 771. Л. 66 об.

<sup>5</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 26.

<sup>6</sup> Незадолго до окончания процесса, 9 января 1878 г. шеф жандармов Н.В. Мезенцов писал министру юстиции гр. К.И. Палену о предстоящем «отправлении значительного числа осужденных в каторжные тюрьмы» (Красный архив. 1928. Т. 5. С. 184. Курсив мой. — Н. Т.).

мых<sup>1</sup> 90 были оправданы и лишь 28 приговорены к каторге. III отделение даже опротестовало приговор в специальном докладе государю и с санкции Александра II отправило в ссылку 80 человек из 90 оправданных судом<sup>2</sup>.

Бардовский долго еще хранил в душе пережитое на процессе «193-х» и после вынесения приговора. 12 февраля 1878 г. он был (вместе с В.Н. Герардом) шафером на свадьбе приговоренного к 9 годам каторги Н.А. Чарушина и освобожденной, но готовой следовать за мужем на каторгу А.Д. Кувшинской в тюремной церкви перед отправкой их в Сибирь<sup>3</sup>. Главное же, Григорий Васильевич принял участие в совместной акции защитников по делу «193-х»: они на свои средства опубликовали в типографии М.М. Стасюлевича 1-й том стенографического отчета о процессе. К сожалению, почти весь тираж тома в количестве 1175 экз. по декрету Комитета министров 22 декабря 1878 г. был уничтожен; сохранились не более 10 экз., ставших библиографической редкостью<sup>4</sup>.

Спустя полгода Бардовский выступил защитником на громком процессе по делу революционно-народнического кружка И.М. Ковальского, участники которого первыми в России оказали коллективное вооруженное сопротивление жандармам при аресте. Процесс слушался в Одесском военно-окружном суде с 19 по 24 июля 1878 г. Он стал первым в длинном ряду военно-судных процессов со смертными приговорами.

Суд назначил обвиняемым местных защитников из числа кандидатов на военно-судебные должности, подчиненных прокурору как начальнику по службе. Но Ковальский и еще трое его товарищей воспользовались правом *избрания* защитников и вызвали из Петербурга Бардовского и Стасова<sup>5</sup>. Те сразу же приехали. Бардовский взял на себя защиту Ковальского.

Тексты защитительных речей Бардовского и Стасова на этом процессе пока не обнаружены. Мы можем судить о них лишь по отзывам слушателей и по реакции властей. Сами подсудимые и проникшие в зал суда с публикой другие народники вспоминали о Бардовском и Стасове так: «оба они сражались за нас, как львы», произнесли «мужественные, блестящие и потрясающие речи»<sup>6</sup>. В частности, защитники улича-

<sup>1</sup> Трое умерли во время суда.

<sup>2</sup> См.: Левин Ш.М. Финал процесса «193-х» // Красный архив. 1928. Т. 5.

<sup>3</sup> См.: Чарушин Н.А. Указ. соч. С. 268.

<sup>4</sup> См.: Смирнов-Сокольский Н.П. Рассказы о книгах. 2-е изд. М., 1960. С. 526.

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. эксп. 1878. Д. 95. Л. 96.

<sup>6</sup> Виташевский Н.А. Первое вооруженное сопротивление — первый военный суд // Было: 1906. № 2. С. 239; Лион С.Е. Первая вооруженная демонстрация // Каторга и ссылка. 1928. № 8—9. С. 73.

ли суд в предвзятости, доказав, что «единственными свидетелями обвинения являются полицейские»<sup>1</sup>. Главное же, они осуждали «белый» террор царского правительства как варварское и к тому же безысходное средство борьбы с оппозицией. Бардовский прямо заявил: «Не забываяте, господа судьи, что эшафот, обгаренный кровью такого преступника (как народолюбец Ковальский. — Н. Т.), приносит совсем не те плоды, какие от него ожидают пославшие осужденного на казнь!»<sup>2</sup> Неудивительно, что одесский военный генерал-губернатор граф В.В. Левашов (сын председателя Государственного совета при Николае I) испросил высочайший запрет на публикацию стенографического отчета по делу Ковальского «ввиду тенденциозного характера защиты»<sup>3</sup>, а император Александр II «изволил отнестись с особенным неудовольствием к подобному направлению защитников по вышеозначенному делу»<sup>4</sup>.

Суд и на этот раз не внял доводам защиты. Ковальский был приговорен к смертной казни. По свидетельству очевидицы, «Бардовский был до того расстроен, что с ним сделался сердечный припадок»<sup>5</sup>. Сам же Ковальский встретил приговор мужественно. Услышав крики возмущения в толпе, собравшейся перед зданием суда, он воскликнул: «Слышите, судьи, слышите? Это голос общественной совести. Я теперь спокойно могу умереть. За меня отомстят!»<sup>6</sup> Казнь Ковальского действительно, как предупреждал об этом судей Бардовский, дала не тот эффект, на который рассчитывали каратели. Она не устрасила народников, а, напротив, побудила их к еще более решительной борьбе. 4 августа 1878 г., через два дня после казни Ковальского и в ответ на эту казнь, земледелец С.М. Кравчинский заколол кинжалом шефа жандармов Н.В. Мезенцова и вслед за тем написал брошюру (получившую широчайшее распространение в России и за границей) с характерным заголовком «Смерть за смерть!»<sup>7</sup>.

Процесс Ковальского был последним из тех судебных процессов, где довелось выступить Бардовскому.

Все вообще политические процессы 1877—1878 гг. имели выдающееся агитационное значение. С одной стороны, они поколебали престиж

<sup>1</sup> Чернявская-Бохановская Г.Ф. Автобиография // Каторга и ссылка. 1928. № 5. С. 57.

<sup>2</sup> Илич-Свитич В.С. Мое знакомство с И.М. Ковальским // Былое. 1906. № 8. С. 154.

<sup>3</sup> Исторические записки. 1955. Т. 54. С. 265.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 95. Л. 100—100 об. (министр внутренних дел А.С. Маков — шефу жандармов Н.В. Мезенцову).

<sup>5</sup> Чернявская-Бохановская Г.Ф. Указ. соч. С. 58. В дни суда по делу Ковальского Чернявская-Бохановская встречалась с Бардовским у Е.Ф. Донцовой — их общей знакомой.

<sup>6</sup> Революционная журналистика 70-х годов. Ростов н/Д., 1907. С. 125.

<sup>7</sup> Подробно об этом см.: Таранута Е.А. С.М. Степняк-Кравчинский — революционер и писатель. М., 1973. С. 171—176.

самодержавия, поскольку царизм попираал основы собственной Судебной реформы 1864 г., учредив ОППС и передав политические дела в юрисдикцию судебных судов; с другой стороны, продемонстрировали неодолимость освободительного движения, возбудили оппозиционный дух в обществе. Все это во многом зависело и от выступлений адвокатуры. Позднее «Народная воля» в числе фактов общественной активности 1877—1878 гг. отметила и такой: «Адвокаты гремели смелыми речами, в которых приковывали правительство к «позорному столбу»<sup>1</sup>. Словом, российская адвокатура тоже вплетала лавры в тот, по выражению народовольца А.Д. Михайлова, «терновый и вместе лавровый венец»<sup>2</sup>, который доставила освободительному движению политические процессы конца 1870-х годов. Можно утверждать, что никогда более (ни раньше, ни позже) она не поднималась на такую высоту, как в те годы. Время процессов по делу о Казанской демонстрации, «50-ти», «193-х», Веры Засулич и Ковальского — время ее наибольшей активности и оппозиционности самодержавному режиму. Одним из самых ярких ее представителей именно того времени и был Григорий Васильевич Бардовский.

В радикально-демократических кругах 1870-х годов Григорий Васильевич, едва достигший 30 лет, был популярен, как немногие из адвокатов. «Тогдашняя знаменитость, вроде нынешнего Грузенберга»<sup>3</sup>, — вспоминал о нем много лет спустя Н.А. Морозов. Тот факт, что на процессе «193-х» именно его выбрала в защитники самая большая группа подсудимых, весьма показателен. Кстати, суд не всегда соглашался с избранием Бардовского. Например, землевольцу поручику В.Д. Дубровину (вскоре казненному по приговору суда за вооруженное сопротивление жандармам при аресте), хотя он и требовал в защитники только Бардовского и никого более, был назначен адвокат, «состоящий при суде»<sup>4</sup>. Показательно для репутации Бардовского, что защиту Веры Засулич народники, подбирая лучшего из лучших адвокатов, решили было поручить Бардовскому и П.А. Александрову вместе, но Александров попросил оказать ему «честь вести все дело безраздельно» и добился этой чести<sup>5</sup>.

Демократы и нелегалы ценили Бардовского не только за деловые, но и за нравственные качества. Он был, по словам Ольги Любатович, «чело-

<sup>1</sup> Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 45.

<sup>2</sup> Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 260.

<sup>3</sup> Морозов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 251. О «знаменитости» начала XX в. О.О. Грузенберге см. далее отдельный очерк.

<sup>4</sup> РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. 1879. Д. 202. Т. 2. Л. 25, 28—28 об.

<sup>5</sup> См.: Седов М.Г. Героический период революционного народничества. М., 1965. С. 70.

век прекрасный и добрый»<sup>1</sup>, безукоризненно честный и преданный идеалам гуманности, справедливости, демократии. С народниками он имел тесные — и деловые, и личные связи. В числе его друзей были выдающиеся деятели революционного народничества — та же Любатович, Николай Морозов, Вера Фигнер (связанная «наилучшими отношениями» и с самим Григорием Васильевичем, и с его женой Анной Арсентьевной)<sup>2</sup>. Кстати сказать, в 1875—1876 гг. Г.В. Бардовский с женой и братом подошлу привечали у себя в поместье под г. Луга Петербургской губернии юного, 12—13-летнего С.Я. Надсона (впоследствии популярнейшего поэта-демократа), оставшегося в 1873 г. круглым сиротой<sup>3</sup>.

Сочувствуя борцам против самодержавия, Бардовский помогал им информацией, приютом и материально: пожертвовал 900 рублей «на нужды осужденных» по делу «50-ти»<sup>4</sup>, вносил деньги в фонд «Земли и воли»<sup>5</sup>. Сыск в конце концов узнал о его «противоправительственных» связях и даже сильно преувеличил их: агент-провокатор В.А. Швецов в докладе III отделению летом 1879 г. назвал Бардовского членом общероссийского «революционного центра» (кстати, вместе с Г.В. Плехановым и... М.Е. Салтыковым-Щедринным)<sup>6</sup>.

По крайней мере, с весны 1879 г. Григорий Васильевич был взят агентами под особое наблюдение. За ним следили и на службе, и дома. Так, 3 мая 1879 г. специальный агент доносил в III отделение, что на заседании Петербургского совета присяжных поверенных «большинством присутствовавших были высказаны враждебные правительству мнения, а также в очень резкой форме было выражено порицание правительству по поводу последних арестов (в связи с покушением землевольца А.К. Соловьева на Александра II 2 апреля 1879 г. — Н. Т.). Наиболее выдающимися в этом деле... были Соколовский, Бардовский, Унковский и Борщов»<sup>7</sup>. По агентурным данным от 11—12 июля того же года, «в Париж было послано письмо кем-то из СПб., где рекомендовали присылать статьи для «Земли и воли» на имя Бардовского»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Любатович О.С. Указ. соч. С. 22.

<sup>2</sup> См.: Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Воспоминания в 2 т. Т. 1. С. 260.

<sup>3</sup> См.: Надсон С.Я. Дневники. М., 2003. С. 32—41, 74 и др. Надсон и в последующие годы не забывал о Бардовском. 17 октября 1880 г. в его дневнике появилась горькая запись: «Григорий Васильевич помешался» (Там же. С. 186).

<sup>4</sup> См.: Фигнер В.Н. Процесс «50-ти». М., 1927. С. 25.

<sup>5</sup> См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 139.

<sup>6</sup> См. там же. С. 125.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив. Д. 888. Л. 13—14. Николай Михайлович Соколовский (1835—?) и Григорий Григорьевич Борщов (1835?—?) — присяжные поверенные.

<sup>8</sup> Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 206. Здесь отмечено и «знакомство» Бардовского с «редактором Кожинным» (незаконный псевдоним одного из редакторов «Земли и воли», а затем «Народной воли» Л.А. Тихомирова).

Наконец, 24 июля 1879 г. служивший в III отделении по заданию «Земли и воли» первый контрразведчик российской революции Н.В. Клеточников предупредил землевольцев о готовящемся обыске у Бардовского<sup>1</sup>. Землевольцы попытались спасти адвоката, но не успели. «Дважды я приходила на его квартиру, чтобы предупредить его, и дважды не заставала дома, — вспоминает Вера Фигнер о 25 июля 1879 г. — Вечером он был в театре, куда я не могла попасть. Поздно он вернулся домой; нагрянули жандармы, за шкафом нашли пачку номеров «Народной воли»<sup>2</sup>, спрятанных им; арестовали его»<sup>3</sup>.

По воспоминаниям В.Н. Фигнер, «Бардовский был человек чрезвычайно нервный; он страдал бессонницей, злоупотреблял хлоралгидратом и совершенно определенно был одержим боязнью пространства; не раз мне приходилось смеяться над этой его боязнью, когда я ездила с ним в его экипаже»<sup>4</sup>. В одиночной тюремной камере он пережил стресс, моментально вызвавший приступ душевного расстройства, но тюремщики не торопились лечить его. 1 октября 1879 г. газета «Народная воля» писала: «Бардовский подвергся припадкам острого умопомешательства. Несмотря на всю опасность его положения, начальство, вместо того чтобы дать покой душевнобольному, поместило в его камеру несколько жандармов, обязанных следить за каждым его шагом. Это до того раздражает Бардовского, что доктора объявили даже, что откажутся лечить его, если не уберут жандармов. Некоторое время тому назад согласились было отдать его на поруки за 25 тыс., причем сочли нужным сделать внушение его жене, что если он скроется, то ее возьмут как заложницу и будут судить военным судом. Но все это показалось жандармам, должно быть, недостаточной гарантией — Бардовский до сих пор еще сидит»<sup>5</sup>.

Выпустили его из тюрьмы лишь 9 октября 1879 г. — уже в безнадежном состоянии. Его коллеги-адвокаты знали об этом и сострадали ему. 27 апреля 1880 г. на собрании присяжных поверенных Петербурга В.Д. Спасович говорил: «С беспредельною грустью вспоминаю об одном лице, безвозвратно пропадающем, таком добром, таком сердечном, то был человек-душа. Вы знаете, о ком я говорю: о Григории Васильевиче Бардовском!»<sup>6</sup>

<sup>1</sup> См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 219.

<sup>2</sup> Здесь Фигнер ошиблась. Газета «Народная воля» тогда еще не выходила. У Бардовского нашли пачку номеров журнала «Земля и воля» (ГАРФ. Ф. 94 Оп. 1. Д. 30. Л. 13).

<sup>3</sup> Фигнер В.Н. Запечатленный труд. Т. 1. С. 260.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Литература партии «Народная воля». С. 19. Всю эту информацию «Народная воля» могла получить от Н.В. Клеточникова.

<sup>6</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 26.

Последнее из прижизненных свидетельств о Бардовском, которыми располагаем, — письмо присяжного поверенного В.О. Люстига к Д.В. Стасову от 8 июля 1880 г.: «Бардовский очень плох. Его пришлось поместить в клинику... В клинике видел его товарищ прокурора Шульгин, который знает его с детства, и говорил мне, что Бардовский производит чрезвычайно тяжелое впечатление и вряд ли может поправиться»<sup>1</sup>.

Он и не поправился. Разум не вернулся к нему, хотя он и «был окружен нежным попечением Анны Арсентьевны»<sup>2</sup>. Жизнь его пошла как бы на холостом ходу. Он оставался присяжным поверенным<sup>3</sup>, но уже и не осознавал, что это такое. Неизвестно, как он отреагировал на казнь своего старшего брата Петра Васильевича<sup>4</sup> (скорее всего, Анна Арсентьевна позаботилась о том, чтобы Григорий Васильевич не узнал об этой трагедии).

Так он прожил еще 27 лет. «Петербургский некрополь» сообщает, что присяжный поверенный Григорий Васильевич Бардовский умер 8 сентября 1907 г. и похоронен на Смоленском православном кладбище Петербурга<sup>5</sup>. Всего он прожил 58 лет. Четыре года его жизни (1875—1878) — это яркий взлет из начинающих адвокатов в корифеи российской адвокатуры, а все, что было до и после этого, — скромный пролог и трагический эпилог: первые 27 лет жизни он готовил себя к тернистой стезе политического защитника, а последние 27 лет (после ареста) угасал в муках безумия. Такова судьба человека, которого русские народолюбцы считали «одним из самых преданных и даровитых»<sup>6</sup> своих защитников на политических процессах 1870-х годов.

<sup>1</sup> ИРАИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 307. Л. 3—3 об.

<sup>2</sup> *Фишер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 260.

<sup>3</sup> См.: *Список присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты и их помощников к 15 февраля 1906 г.* СПб., 1906. С. 7.

<sup>4</sup> П.В. Бардовский был осужден на смертную казнь по делу о польской социалистической партии «Пролетариат» и повешен в Варшаве 16 января 1886 г. Защищал его на том процессе В.Д. Спасович (см. его речь в защиту Петра Васильевича: *Спасович В.Д.* Семь судебных речей по уголовным делам. 1877—1887. Берлин, 1900. С. 176—190).

<sup>5</sup> См.: *Петербургский некрополь.* СПб., 1912. Т. 1. С. 142.

<sup>6</sup> *Фишер В.Н.* Запечатленный труд. Т. 1. С. 260.



## ЛЕВ АБРАМОВИЧ КУПЕРНИК

(1845—1905)

Имя Льва Абрамовича Куперника, ныне полузабытое, достойно стоять в ряду имен наиболее талантливых, образованных и авторитетных деятелей российской адвокатуры. Не замыкаясь в рамках своей профессии адвоката, он был и публицистом, издателем, страстным библиофилом, театралом и меломаном, не только знатоком, но и меценатом в мире искусств.

К сожалению, до сих пор его жизнь и деятельность должным образом еще не изучены. В распоряжении его будущего биографа из печатных материалов есть лишь воспоминания дочери<sup>1</sup> и коллег Льва Абрамовича<sup>2</sup> да несколько публикаций об отдельных событиях, пережитых им в разное время<sup>3</sup>.

Родился Лев Абрамович Куперник 30 сентября 1845 г. в Вильно. Его родители, состоятельные купцы, не жалели денег на воспитание и образование сына. Блестяще одаренный мальчик в 15 лет окончил Киевскую гимназию и в 19 — юридический факультет Московского университета<sup>4</sup>, после чего был зачислен кандидатом на судебные должности при Московском окружном суде. Год окончания университета (1864) для Куперника совпал с годом Судебной реформы — самой демократической из «великих реформ» после отмены крепостного права. Ку-

<sup>1</sup> См.: Щепкина-Куперник Т.А. Дни моей жизни. М., 1928.

<sup>2</sup> См.: Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931; Смирнова Н.А. Воспоминания. М., 1947.

<sup>3</sup> См.: Троицкий Н.А. Адвокат, генерал-губернатор и смертная казнь // Правоведение. 1970. № 5; Он же. «Хорошие силы гибнут зря...» (Письмо Л.А. Куперника к М.М. Стасюлевичу) // Советские архивы. 1988. № 5; Он же. «Ставлю себе в особую честь...» Письмо Л.А. Куперника к Л.Н. Толстому. 1903 г. // Исторический архив. 1997. № 5—6.

<sup>4</sup> См.: Щепкина-Куперник Т.А. Указ. соч. С. 58; Л.А. Куперник [Некролог] // Исторический вестник. 1905. № 11. С. 770.

перник сразу определил свое адвокатское призвание и с 1867 г., вскоре после того как была конституирована (17 апреля 1866 г.) присяжная адвокатура, начал служить и верно прослужил ей почти 40 лет. До 1877 г. он был адвокатом в Москве, сначала помощником присяжного поверенного М.И. Доброхотова<sup>1</sup>, а с 16 декабря 1877 г. — присяжным поверенным округа Московской судебной палаты<sup>2</sup>.

Первое (или одно из первых) выступление юного Куперника в качестве адвоката обернулось казусом, который вошел в историю отечественной адвокатуры. Лев Абрамович был назначен защищать убийцу четырех человек. Выслушав на суде циничный рассказ убийцы о том, как он совершил столь тяжкое преступление, адвокат заявил судьям: «Если закон позволяет обвинителю по совести отказаться от обвинения, то я считаю и себя вправе отказаться от защиты. <...> Да свершится правосудие!»<sup>3</sup> Московский совет присяжных поверенных признал заявление Куперника «неуместным», а председатель Петербургского совета К.К. Арсеньев печатно упрекнул Московский совет в том, что он не подвергнул защитника «дисциплинарному взысканию»<sup>4</sup>.

Этот случай Куперник запомнил на всю жизнь, рассказывал о нем дочери. Впредь он не отказывался от защиты доверившегося ему клиента, но и не брал на себя защиту заведомо одиозных дел. Так, на громком уголовном процессе по делу о «клубе червонных валетов», т. е. о 45 лицах, обвиняемых в особо крупном мошенничестве (Московский окружной суд, 8 февраля — 5 марта 1877 г.), Лев Абрамович защищал случайно оказавшуюся среди 45 мешанку Соколову, доказал невиновность и добился оправдания своей подзащитной<sup>5</sup>.

Как московский адвокат Куперник начал выступать и на политических процессах. Сведения в некрологе Льва Абрамовича об участии его «в одной из групп нечаевского процесса»<sup>6</sup> ошибочны. Но на про-

<sup>1</sup> Михаил Иванович Доброхотов был тогда (с 1866 г.) первым председателем Московского совета присяжных поверенных.

<sup>2</sup> См.: *Сборник материалов, относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты* с 23 апреля 1866 г. по 23 апреля 1891 г. М., 1891. С. 6.

<sup>3</sup> *История русской адвокатуры*. М., 1914. Т. 1. С. 171.

<sup>4</sup> Там же.

<sup>5</sup> Речь Л.А. Куперника по этому делу см.: *Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX в.* Тула, 1997. С. 316—320. На этом процессе Куперник выступал, уже как равный, вместе с Ф.Н. Плевако, В.М. Пржевальским и другими звездами адвокатуры.

<sup>6</sup> Л.А. Куперник // *Исторический вестник*. 1905. № 11. С. 770. Здесь имеется в виду процесс нечаевцев, т. е. участников экстремистски-революционной организации «Народная расправа», созданной в 1869 г. С.Г. Нечаевым. Он проходил в Петербургской судебной палате с 1 июля по 11 сентября 1871 г. Сам Нечаев, скрывшийся было за границу, был вытребован оттуда и судился отдельно в 1873 г.

цессе долгушинцев<sup>1</sup>, став к тому времени уже присяжным поверенным, Куперник выступил впечатляюще. Он защищал подсудимого Э.Э. Циммермана. Член кружка долгушинцев, 24-летний эстонец Циммерман обвинялся в знании и недонесении о том, как другой долгушинец А.В. Васильев распространял «прокламации преступного содержания». Куперник не оставил от обвинения своего подзащитного камня на камне. Он подчеркнул, что «недонесение не есть самостоятельное преступление и ответственность за него только тогда существует, когда доказано главное преступление» (в случае с Васильевым не доказанное), а к тому же еще «Циммерману не было даже надобности доносить, так как преступный замысел и виновные были уже обнаружены самим правительством»<sup>2</sup>. Суд в какой-то степени посчитался с доводами защиты и определил Циммерману скромную меру наказания: 2 недели ареста. Именно процесс долгушинцев принес московскому адвокату Купернику общероссийскую известность.

В Москве же Куперник устроил (оказалось, ненадолго) свою личную жизнь. В 1873 г. он вступил в брак с Ольгой Петровной Щепкиной — внучкой великого актера М.С. Щепкина, пианисткой, любимой ученицей Н.Г. Рубинштейна (основателя и первого директора Московской консерватории)<sup>3</sup>. 12 января 1874 г. у них родилась дочь Таня — впоследствии актриса, писательница, драматург, переводчица, заслуженный деятель искусств РСФСР Т.А. Щепкина-Куперник, близкий друг А.П. Чехова и М.Н. Ермоловой. Брак не удался: через полтора года после рождения дочери Лев Абрамович и Ольга Петровна разошлись. Но к дочери отец сохранил родительскую привязанность до конца своих дней, хотя был женат еще дважды.

В 1877 г. Куперник переехал в Киев и здесь служил в адвокатуре, вместе с братом Сергея Аркадьевича Андреевского Павлом Аркадьевичем — вместе служил и был с ним «очень дружен»<sup>4</sup>. В Киеве с конца 70-х до начала 90-х годов, кроме множества уголовных и гражданских дел, Лев Абрамович выступил в нескольких политических

<sup>1</sup> Долгушинцы, т. е. участники революционно-народнического кружка под руководством А.В. Долгушина, стали первыми жертвами учрежденного в 1872 г. специального суда по политическим делам — Особого присутствия Правительствующего сената (ОППС). Процесс долгушинцев слушался в ОППС 9—15 июля 1874 г.

<sup>2</sup> Государственные преступления в России в XIX веке. СПб., 1906. Т. 1. С. 315.

<sup>3</sup> См. о ней: Щепкина-Куперник Т.А. Из воспоминаний. М., 1959. С. 26—27. Список музыкантов, учившихся в классе Н.Г. Рубинштейна, приводит Л.А. Баренбойм в кн.: Рубинштейн Н.Г. История жизни и деятельности. М., 1982. С. 237. Там, наряду с С.И. Танеевым, А.И. Зилоти и др., фигурирует некто Щепкина (даже без инициалов). Это и есть Ольга Петровна.

<sup>4</sup> Л.А. Куперник // Исторический вестник. 1905. № 11. С. 770.

процессах, включая громкие дела о «Чигиринском заговоре»<sup>1</sup> и о 12 народовольцах.

По делу «12-ти» судились 1—9 ноября 1884 г. в Киевском военно-окружном суде агент Исполнительного комитета партии «Народная воля» В.А. Караулов (впоследствии видный кадет, депутат I Государственной думы) и 11 членов киевской организации народовольцев, среди которых выделялись организатор народовольческих типографий в Петербурге и Киеве М.П. Шебалин и рабочий-революционер В.С. Панкратов (в 1917 г. — комиссар Временного правительства «по охране бывшего царя»). Куперник здесь взял на себя «защиту всего дела с принципиальной стороны»<sup>2</sup>. Он искусно опровергал юридические уловки обвинения и уводил его из-под ст. 249 о наказаниях, которую призывал ко всем 12 прокурор и которая грозила им смертной казнью. Куперник напомнил суду, что ст. 249 появилась в Уложении как реакция на восстание декабристов и что она подразумевает именно *вооруженное восстание*, «бунт войск», к «Народной воле» не относящиеся<sup>3</sup>. Более того, Лев Абрамович разоблачал попытки обвинения шельмовать программу «Народной воли» как химеру, преследующую только разрушение. Он разъяснял, что «Народная воля» ставит целью разрушение лишь того строя, который пока господствует в России, и замену его другим, причем заметил: «Ничего химерического, недостижимого в этом нет. Ведь существуют же в Западной Европе государства с иными политическими учреждениями, чем у нас!»<sup>4</sup>

Усилиями Куперника, в первую очередь, а также других адвокатов (среди них были присяжные поверенные А.С. Гольденвейзер и А.Ф. Линдфорс) обвинение по делу «12-ти» было настолько расшатано, что суд вынес неожиданно мягкий приговор: ни одной виселицы и (редкость в практике военных судов!) трое оправданных. Власти в лице главы царского правительства графа Д.А. Толстого и военного министра П.С. Ванновского сочли такой приговор «весьма слабым» (начальник Киевского губернского жандармского управления генерал В.Д. Новицкий назвал его «дамским»<sup>5</sup>), а председатель суда генерал П.А. Кузьмин был уволен с

<sup>1</sup> «Чигиринским заговором» называют попытку революционеров-народников поднять к осени 1877 г. восстание крестьян Чигиринского уезда Киевской губернии, используя при этом подложный призыв к восстанию от имени... царя. Дело о «Чигиринском заговоре» слушалось в Киевской судебной палате 8—10 июня 1879 г. Процесс был закрытым. Данных о содержании защитительных речей Л.А. Куперника и выступавшего здесь же П.А. Андреевского нет.

<sup>2</sup> Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 260.

<sup>3</sup> Там же; Шебалин М.П. Клочки воспоминаний. М., 1935. С. 169.

<sup>4</sup> Литература партии «Народная воля». С. 260.

<sup>5</sup> Шебалин М.П. Указ. соч. С. 303.

должности<sup>1</sup>. После этого на процессах «Народной воли» ни один суд не выносил более «дамских» приговоров.

Не довольствуясь чисто юридической практикой адвоката, Куперник с риском для своей служебной карьеры проявлял в Киеве общественную и политическую активность. Так, будучи гласным Киевской городской думы, в апреле 1879 г. на думском заседании, где обсуждался «всеподаннейший адрес» императору Александру II по случаю его избавления от пуль террориста А.К. Соловьева, Лев Абрамович предложил «выразить в адресе не одни чувства ужаса и благожеланий, но взглянуть глубже на положение вещей». В записке киевского губернатора министру внутренних дел от 20 апреля 1879 г. особо подчеркнуто, что Куперник при этом доказывал: «одни карательные меры бессильны», нужны шаги со стороны правительства навстречу «потребностям, нуждам и задачам общества»<sup>2</sup>. Два месяца спустя Куперник сделал еще более смелый демарш перед властями.

Дело в том, что 5 апреля 1879 г. для того, чтобы удобнее было «искоренять крамолу», Россия была разделена на шесть территорий под названием «временные военные генерал-губернаторства» (Петербургское, Московское, Киевское, Харьковское, Одесское, Варшавское), во главе которых встали видные генералы с диктаторскими полномочиями — сразу «шесть Аракчеевых», как тогда говорили<sup>3</sup>. Киевским военным генерал-губернатором был назначен генерал-адъютант М.И. Чертков. Он принялся искоренять крамолу усерднее всех. За апрель—май 1879 г. в России были повешены пять видных революционеров, из них двое (А.К. Соловьев и В.Д. Дубровин) — в Петербурге, а трое (В.А. Осинский, В.А. Свириденко, Л.К. Брандтнер) — в Киеве. В июне под наблюдением Черткова готовились новые смертные приговоры (О.И. Бильчанскому, П.Г. Горскому, А.С. Овчинникову, А.Я. Гобету, В.В. Красовскому), которые вскоре были вынесены. В такой обстановке 27 июня Чертков получил письмо от Куперника против смертной казни вообще.

«Преступники политические, — внушал Лев Абрамович киевскому «Аракчееву», — большею частью фанатики, их смерть не пугает. <...> Но каждая смертная казнь одного из них вызывает ожесточение во всех близких ему по духу. <...> Политические волнения, как бы ни были они, по-видимому, нелепы и безумны, имеют в корне какую-нибудь

<sup>1</sup> См.: «Народная воля» перед царским судом. М., 1931. Вып. 2. С. 32. П.А. Кузьмин, когда-то социалист-петрашевец (отсидевший за это полгода в Петропавловской крепости), выделялся из среды военных судей 1880-х гг. своей гуманностью. См. о нем: *Из записок ген.-лейт. П.А. Кузьмина* // Русская старина. 1895. № 2.

<sup>2</sup> РГИА Украины. Ф. 442. Оп. 829. 1879. Д. 29. Л. 34—35.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А. Безумство храбрых*. М., 1978. С. 154—155, 191.

идею, а *идеи вырубить невозможно*<sup>1</sup>. В заключение письма Куперник советовал Черткову, «отступая от шаблона и рутины, взглянуть на дело по-человечески» и пресечь вакханалию смертных казней. Киевский генерал-губернатор, однако, взглянул на дело по-чертковски. Его рукой прямо на тексте письма Льва Абрамовича помечено: «Копия письма ко мне прис[язного] поверенного Куперника, возвращенного ему через полицмейстера с указанием, что я у него, Куперника, советов не спрашиваю и в них не нуждаюсь». Смертные казни в Киеве продолжались...

Куперник с того времени оказался под неусыпным полицейским надзором, но не опустил рук. В 1885 г., благодаря своим обширным связям и средствам, он наладил в Киеве издание «политической и литературной» газеты «Заря» либерального, заметно антиправительственного направления. Граф С.Ю. Витте вспоминал об издании этой газеты неприязненно, заметив, между прочим, что редактор ее, Куперник, «был присяжный поверенный из евреев»<sup>2</sup>. Уже на следующий год власти закрыли газету. После этого политическая атмосфера в Киеве, должно быть, стала для Куперника невыносимой, и в 1891 г. он переселился в Одессу.

К тому времени Лев Абрамович уже выдвинулся в ряд популярнейших адвокатов России. О нем стали говорить: «Одесский адвокат Куперник — известный всех Плевак соперник»<sup>3</sup>. А он, в отличие от Ф.Н. Плевако, все больше тянулся к политике. Именно из Одессы совершил он конспиративный вояж в Лондон, тогда же незамедлительно зафиксированный в жандармском досье.

В Лондоне с 1891 г. действовал Фонд Вольной русской прессы — организация русских политических эмигрантов-народников во главе с С.М. Кравчинским (Степняком) и Ф.В. Волховским. Фонд располагал собственной типографией и печатал на разных языках оппозиционные по отношению к самодержавию книги, брошюры, «Летучие листки». Куперник каким-то образом установил связь с Фондом и переслал ему свой «Проект русской конституции», который был издан в типографии Фонда осенью 1894 г. отдельной брошюрой без указания автора<sup>4</sup>. «Проект» Куперника намечал преобразование России в конституционную монархию с палатой народных представителей и областными сеймами,

<sup>1</sup> РГИА Украины. Ф. 442. Оп. 829. 1879. Д. 210. Л. 3—6. Опубликовано: Троицкий Н.А. Адвокат, генерал-губернатор и смертная казнь // Правоведение. 1970. № 5.

<sup>2</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 297.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. Р-8420. Оп. 1. Д. 5. Л. 11.

<sup>4</sup> См.: Проект русской конституции. London, 1894. Был переиздан Фондом Вольной русской прессы в 1895 г. с предисловием С.М. Степняка-Кравчинского (см.: Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в. М., 1971. Ч. 2. № 817).

гарантию политических свобод, а для решения особо важных вопросов созыв Земского собора. Летом 1895 г. сам Лев Абрамович приехал в Лондон для переговоров с руководством Фонда.

Начальник заграничной агентуры департамента полиции П.И. Рачковский в донесении директору Департамента Н.И. Петрову от 10 (22) сентября 1895 г. сообщал, что по агентурным данным в лице Куперника Фонд «сделал серьезное приобретение и может рассчитывать на его поддержку в будущем»<sup>1</sup>. Агенты Рачковского вывели даже кое-что о содержании переговоров Куперника с Кравчинским и Волховским, а именно об издании в Лондоне либерально-демократической газеты «Земский собор», которую Куперник был готов финансировать<sup>2</sup>. Сотрудничать в этом издании обещал Г.В. Плеханов — в то время уже европейски знаменитый социал-демократ<sup>3</sup>. Но осуществить столь многообещающее начинание не удалось — главным образом потому, что вскоре трагически погиб Кравчинский: 11 (23) декабря 1895 г. он попал под поезд.

Впрочем, до конца 1895 г. Фонд Вольной русской прессы успел издать еще одну брошюру Куперника, «О судебном преобразовании», — текст доклада, с которым Лев Абрамович выступил в Одесском юридическом обществе и за публикацию которого в Одессе содержатель типографии был привлечен к суду<sup>4</sup>. С точки зрения властей доклад был действительно недопустимым. Куперник подверг критике функции и самый подбор т. н. *сословных представителей* (предводителей дворянства, городских голов и волостных старшин), которые играли в царских судах роль понятых, рукоприкладствующих любые решения судей. При этом Лев Абрамович подчеркнул, что среди остальных особенно печальна роль волостного старшины: «Она вовсе не дает ему возможности не только проводить какие-либо воззрения, но и просто пикнуть»<sup>5</sup>.

Политическая активность (и, надо признать, наивность) Куперника 1894—1895 гг. выразилась даже в том, что он обратился к самому Николаю II с предложением созвать Земский собор, перед которым (а не перед императором-самодержцем) был бы ответствен кабинет министров. В качестве лица, способного осуществить такую реформу, Лев Абрамович назвал С.Ю. Витте (черновик этого письма к Николаю II

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 102. Особый отдеа. 1898. Д. 14. Ч. 6. Л. 3.

<sup>2</sup> См. там же. Л. 8.

<sup>3</sup> См.: *Таршута* Е.А. Этель Лиалиан Войнич. Судьба писателя и судьба книги. М., 1964. С. 135, 294.

<sup>4</sup> См.: *Сводный каталог русской нелегальной и запрещенной печати XIX в.* Ч. 2. № 815.

<sup>5</sup> *Куперник Л.А.* О судебном преобразовании. Одесса, 1894. С. 25.

обнаружил в бумагах Куперника В.В. Ведерников<sup>1</sup>). Кстати, Ведерников весьма основательно заключил, что анонимно изданная брошюра «Нынешняя российская конституция» (Лондон, 1897) тоже принадлежит Купернику — и по стилю изложения, и по текстуальному совпадению сказанного в ней с тем, что и как сказано в письме Льва Абрамовича к императору<sup>2</sup>.

В 1896 г. Куперник вернулся в Киев, где прожил последние 10 лет своей жизни. По воспоминаниям современников, он царил над киевской адвокатурой и вообще был «любимцем всех киевлян»<sup>3</sup>. Из судебных дел, по которым он выступал как адвокат после возвращения в Киев, наибольший резонанс имели дела о еврейских погромах 1903—1904 гг.

6—7 апреля 1903 г. был организован погром в Кишиневе, жертвами которого стали — только убитыми — 41 человек (из них 10 женщин)<sup>4</sup>. Считалось, что погром был осуществлен с санкции министра внутренних дел и шефа жандармов В.К. Плеве, который будто бы хотел отвлечь недовольные «низы» от политики, бросив им «кость» в лице «жидов»<sup>5</sup>. Под давлением российской и мировой общественности власти предали суду кишиневских громил, но отказали адвокатам в их требованиях вызвать на допрос губернатора, начальника охранки и полицмейстера. Тогда адвокаты демонстративно ушли с процесса<sup>6</sup>. То была уже не первая в России и далеко не последняя адвокатская забастовка<sup>7</sup>. Уже в следующем году Куперник и его сотоварищи вынуждены были прибегнуть к ней снова и — тоже в погромном деле.

1 сентября 1904 г. в Гомеле последовал новый еврейский погром. Суд<sup>8</sup> попытался представить погром евреев как стихийный протест

<sup>1</sup> См.: *Ведерников В.В.* Проблема парламентаризма в нелегальной публицистике либералов (1894—1900-е гг.) // Труды ЛОИИ СССР. 1986. Вып. 16. С. 217.

<sup>2</sup> См. там же. С. 220—222.

<sup>3</sup> *Смирнова Н.А.* Воспоминания. С. 144.

<sup>4</sup> См.: *Слуцкий М.В.* В скорбные дни. Кишиневский погром 1903 г. Кишинев, 1903. С. 26, 118—119.

<sup>5</sup> *Кишиневский процесс* // Революционная Россия. 1903. № 38. С. 9, 11; *Урусов С.Д.* Записки губернатора. Берлин, 1908. С. 111—112; *Мандельштам М.А.* 1905 год в политических процессах. С. 122—123.

<sup>6</sup> См.: *Кишиневский процесс*. С. 14; *Мошинский (Конарский) И.Н.* Политическая защита в дореволюционных судах // Девятый вал. 1927. С. 53. Кроме А.А. Куперника, еще целый ряд выдающихся адвокатов (Н.П. Карбчевский, А.С. Зарудный, О.О. Грузенберг, Н.Д. Соколов и др.) выступили на Кишиневском процессе в качестве поверенных гражданских истцов, т. е. потерпевших от погрома евреев.

<sup>7</sup> Первые адвокаты, в знак протеста против судебного произвола, ушли с процесса по делу о крестьянских беспорядках (Харьковская судебная палата, сентябрь—ноябрь 1902 г.).

<sup>8</sup> Процесс по делу о Гомельском погроме вела в Гомеле Киевская судебная палата под председательством Н.А. Котляревского с 11 октября 1904 по 29 января 1905 г.

против «русского погрома», каковым была представлена здесь драка на местном рынке. Все, что противоречило той официальной версии, на суде «пресекалось или устранялось» так, что «процесс о погроме превращался в процессуальный погром»<sup>1</sup>. Председатель суда распорядился удалить из зала присяжного поверенного Н.Д. Соколова, усмотрев в его выступлении «повышенный и вызывающий тон». В ответ защита<sup>2</sup> потребовала объявить перерыв, а после перерыва присяжный поверенный М.М. Винавер от ее имени сделал следующее заявление: «Мы натолкнулись на такие стеснения, которые посягают на нашу личную честь и достоинство. В лице присяжного поверенного Соколова нам нанесено оскорбление. <...> Мы считаем невозможным при таких условиях продолжать защиту...»<sup>3</sup>

Здесь Куперник предложил суду компромисс: «Верните нам Соколова, и мы будем продолжать наше дело». Суд посоветался и отклонил это предложение. Тогда почти все защитники 21 декабря ушли с процесса<sup>4</sup>. Мотивы ухода они изложили в письме редактору еженедельника «Право»: «Нам воспрещалось исследовать общие причины погрома, воспрещалось в течение большей половины процесса касаться вопроса о бездействии войск и полиции (хотя в этом бездействии — весь узел процесса). Вспомнить и перечислить все оскорбительные окрики, замечания и поучения председателя по адресу защиты нет никакой возможности. <...> Уход наш состоялся с согласия всех подсудимых. <...> Мы считаем необходимым предоставить всему обществу возможность разобраться в вопросе о том, могла ли и должна ли была защита в Гомельском процессе, не только стесняемая в способах исследования, но и лично унижаемая, <...> оставаться в зале заседания, сохраняя свое личное и словесное достоинство». Текст письма был скреплен подписями трех присяжных поверенных (Куперника, Винавера, Слиозберга) и четырех их помощников<sup>5</sup>.

Заметная часть общественности России поддержала эту очередную «забастовку» адвокатов. Сотни телеграмм с выражением этой поддержки шли к ним со всех концов страны<sup>6</sup>. Мотивированный уход адво-

<sup>1</sup> *Мандельштам М.А.* Указ. соч. С. 144.

<sup>2</sup> Защиту на Гомельском процессе представляли более 20 адвокатов, в том числе А.А. Куперник, А.С. Зарудный, М.А. Мандельштам, Н.Д. Соколов, М.М. Винавер, Г.Б. Слиозберг и др.

<sup>3</sup> *Гомельский процесс.* Подробный отчет, составленный Б.А. Кревером. СПб., 1907. С. 876—877.

<sup>4</sup> См. там же. С. 879. Семь адвокатов, защищавших христиан от погрома со стороны евреев (А.С. Шмаков, Г.Г. Романенко, Д.А. Погожев и др.), остались на процессе.

<sup>5</sup> См.: Письмо в редакцию // *Право.* 1904. № 52. С. 3595—3600.

<sup>6</sup> См. об этом: *Мандельштам М.А.* Указ. соч. С. 149.

катуры с Кишиневского и Гомельского процессов был все же полезен российскому обществу<sup>1</sup>.

В 1904 и, особенно, в 1905 гг. Куперник выступал на десятках политических процессов (временами — по несколько раз в месяц). «Не было почти ни одного крупного политического процесса, в котором он не являлся бы защитником, — читаем в его некрологе. — Все дела в военных, морских и других судах не проходили без его участия. Несмотря на свои 60 лет, он последние два года буквально провел в вагоне и на суде»<sup>2</sup>. В ориентировочном списке политических защит Куперника, который составила его дочь Н.А. Крашенинникова, только за 1905 г. перечислены 14 судебных процессов, включая дела о принадлежности к РСДРП, о тайной типографии социалистов-революционеров, о транспортировке нелегальной литературы, о беспорядках в Черноморском флотском дивизионе и др.<sup>3</sup>

Выделяется из дел 1904—1905 гг. счастливой для подсудимых фавориткой дело Временного военного суда в Минске 7—8 сентября 1904 г. по обвинению рабочих М. Цитрина, Х. Дворкина и Н. Цалингольда в убийстве агента виленской охранки А.Н. Феркеля (Арнацкого). Защиту здесь возглавлял Куперник. Ему помогли присяжный поверенный М.С. Маргулиес и два местных адвоката. Они установили, что обвинение построено на оговорах свидетелей, из которых главные к началу суда оказались «неразысканными». Используя этот и другие промахи обвинения, защита убедила суд отложить слушание дела и обратиться к следованию<sup>4</sup>. После этого дело откладывалось еще раз, пока все подсудимые не были освобождены по Манифесту 17 октября<sup>5</sup>.

«Лебединой песней» Куперника-адвоката стало его смелое выступление в защиту матросов миноносца «Прут», присоединившегося к восставшему броненосцу «Князь Потемкин-Таврический». То был очень громкий процесс «44-х» 21—30 июля 1905 в Севастополе<sup>6</sup>. Слушался он в закрытом порядке, но отрывочные сведения о жестокости суда, героизме обвиняемых и гражданском мужестве адвокатов циркулировали тогда повсюду. По свидетельству Н.К. Муравьева, 60-летний Куперник вступил в кружок политических защитников, который со-

<sup>1</sup> [Плаханов Г.В.] Полицейский антисемитизм // Искра. № 1—52. Полн. текст под ред. П.Н. Лепешинского. Л., 1927. Вып. 7. С. 149.

<sup>2</sup> Исторический вестник. 1905. № 11. С. 771.

<sup>3</sup> См.: ГАРФ. Ф. Р-8420. Оп. 1. Д. 9.

<sup>4</sup> См.: Политические процессы. [Женева, 1904]. Вып. 1. С. 21—22, 39—40.

<sup>5</sup> См.: Политические процессы в России 1901—1917 гг. / Под ред. Л.И. Гольдмана. М., 1932. Ч. 1 (1901—1905 гг.). С. 69.

<sup>6</sup> См. там же. С. 134.

ставляли молодые киевские адвокаты во главе с М.Б. Ратнером<sup>1</sup>, и не уступал молодым ни в политической, ни в чисто профессиональной (и даже в физической) активности.

Защитительные речи Куперника дошли до нас лишь в изложении журналистов, работавших в суде. Сам он тексты своих речей не писал, «пользуясь краткими, ему одному понятными, конспектами, набросанными карандашом на любом клочке бумаги»<sup>2</sup>. Как судебный оратор он выделялся эрудицией и остроумием. «Его речи искрились чисто гейневским юмором (недаром Гейне был одним из его любимых писателей)»<sup>3</sup>, а в искусстве юридической полемики он не уступал никому из «плевак». Популярность Куперника как юриста была так велика, что на двух последних при его жизни всероссийских съездах криминалистов в Петербурге и Киеве он избирался почетным председателем<sup>4</sup>.

Впрочем, Лев Абрамович был не только юристом. Он профессионально заявил о себе и в мире искусств — театрального и музыкального. Как театральный и меломан он много меценатствовал, выступал с театральными рецензиями, возглавляя Киевское драматическое общество, в котором начал свой творческий путь Елена Константиновна Лешковская (1864—1925) и Мария Александровна Потоцкая (1861—1940), позднее блиставшие: первая в Малом, вторая — в Александринском театрах. Известная актриса Малого театра Н.А. Смирнова вспоминала о нем: «Поклонник Малого театра, он, приезжая в Москву, не пропускал в нем ни одного спектакля. <...> Многим я обязана Льву Абрамовичу в воспитании моего театрального вкуса»<sup>5</sup>. Куперник и сам играл в любительских спектаклях; «особенно любил роль Подколесина в «Женитьбе» Гоголя»<sup>6</sup>.

Еще заметнее Лев Абрамович проявил себя в мире музыки. Он был членом дирекции одесского отделения Русского музыкального общества и пропагандистом-энтузиастом отечественной музыки. Дружеские отношения связывали его с Н.Г. Рубинштейном и, особенно, с П.И. Чайковским<sup>7</sup>. Одним из его лучших друзей был европейски знаменитый скрипач-виртуоз Адольф Давидович Бродский (1851—1929)<sup>8</sup>, которо-

<sup>1</sup> См.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 284. Л. 27.

<sup>2</sup> *Щепкина-Куперник Т.А. Дни моей жизни.* С. 64.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> См.: Исторический вестник. 1905. № 11. С. 771.

<sup>5</sup> *Смирнова Н.А. Указ. соч.* С. 144.

<sup>6</sup> *Щепкина-Куперник Т.А. Дни моей жизни.* С. 66.

<sup>7</sup> Письма П.И. Чайковского к Л.А. Купернику опубликованы: *Чайковский П.И.* Полн. собр. соч. М., 1979. Т. 16-б. С. 165—166; М., 1981. Т. 17. С. 59, 64—65, 74—75, 98—99.

<sup>8</sup> См.: *Щепкина-Куперник Т.А. Дни моей жизни.* С. 66. См. о Бродском: *Тургеневский сб.-к. Материалы к полн. собр. соч. и писем И.С. Тургенева.* Л., 1968. Т. 4. С. 298—299.

го ценили И.С. Тургенев и Э. Григ и которому Чайковский посвятил свой единственный концерт для скрипки с оркестром. Дружил Лев Абрамович и с корифеями оперной сцены: И.В. Тартаковым<sup>1</sup>, М.Е. Медведевым<sup>2</sup>, Е.П. Кадминой<sup>3</sup>, послужившей Тургеневу прототипом героини его повести «Клара Милич». Несмотря на почти 30-летнюю разницу в возрасте, был очень дружен с Ф.И. Шаляпиным. Вот строки из письма Шаляпина Купернику от 4 октября 1903 г.: «Жду Вас, чтобы крепко обнять и выпить стаканчик-другой винца. Итак, до свидания, мой любимый Лев»<sup>4</sup>.

Любопытно, что сам Лев Абрамович не играл ни на одном из музыкальных инструментов, но, по воспоминаниям его дочери, слух имел абсолютный: «Целые партитуры, целые оперы он мог напевать и насвистывать наизусть»<sup>5</sup>.

Широта культурных запросов Куперника сказалась и в том, что он великолепно знал литературу — как русскую, так и европейскую. Дочь его вспоминала: «У него была прекрасная библиотека в несколько тысяч томов (после его смерти его вдова пожертвовала ее в Киевский университет), и, я думаю, в ней не было ни одной не прочитанной им книги. Он боготворил Пушкина и особенно любил Гоголя, Щедрина, Гейне и Берне — дух сатиры был свойствен ему. В отдельном шкафчике особое место занимал у него запрещенный в то время Герцен <...>, с невероятными трудностями перевезенный из-за границы»<sup>6</sup>. Очень ценил Лев Абрамович и творчество И.С. Тургенева, с которым он (судя по письму Тургенева к нему от 7 (19) июля 1880 г.) встречался в Буживале.

Демократическим убеждениям, которыми Куперник проникся в 60—70-е годы, он остался верен до конца своих дней. В одном из писем к дочери последних лет XIX в. он утверждал: «Пока мы лишены свободы

<sup>1</sup> Т а р т а к о в Иоаким Викторович (1860—1923) — артист оперы (баритон) и режиссер. В 1882—1884 и 1894—1923 гг. — солист, а в 1909—1923 — главный режиссер Мариинского театра в Петербурге.

<sup>2</sup> М е д в е д е в Михаил Ефимович (1858—1925) — русский певец (драматический тенор), антрепренер и педагог. В 1885—1886 и 1891—1892 гг. — солист Большого театра в Москве. Выступал в театрах российских провинций и за границей (США, Канада).

<sup>3</sup> К а д м и н а Евалия Павловна (1853—1881) — артистка оперы (меццо-сопрано). Солистка Большого (1873—1875) и Мариинского (1875—1876) театров. Выступала в оперных театрах Италии. С 1880 г. — на драматической сцене. Покончила с собой (приняв яд во время спектакля) из-за несчастной любви.

<sup>4</sup> РГАЛИ. Ф. 571. Оп. 1. Д. 1448. Л. 2.

<sup>5</sup> Щедрина-Куперник Т.А. Дни моей жизни. С. 66.

<sup>6</sup> Там же. С. 66—67. Можно представить, как рисковал Куперник, бывший под негласным надзором полиции, доставляя из-за границы в свою библиотеку книги Герцена.

<sup>7</sup> См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Л., 1967. Т. 12. Кн. 2. С. 283.

слова и сходов, беллетристика и адвокатская трибуна — единственные проводники этих живых и живительных начал в русскую жизнь. Кому, как тебе, дан талант писательский, тому не нужно откладывать заботы об этой «злобе века». У меня есть масса мыслей по этому поводу: кое-что я стараюсь проводить в своих защитах и достигаю с присяжными иногда изумительных результатов. А тебе можно еще больше сделать. Нужно только проникнуться и пропитать свои писания живым духом борьбы с современным военно-капиталистическим, человеконенавистническим порядком вещей»<sup>1</sup>.

Жандармские власти всегда считали Куперника неблагонадежным: в 1879 г. киевская агентура, а с 1898 по 1905 г. особый отдел Департамента полиции надзирали за связями Льва Абрамовича<sup>2</sup>, перлюстрировали его переписку. Так, 5 сентября 1903 г. было перехвачено его письмо к Л.Н. Толстому, в котором был дан отпор нападкам на писателя со стороны протоиерея Иоанна Кронштадтского. Иоанн Кронштадтский (в миру Иван Ильич Сергеев, 1829—1908), проповедник, ныне причисленный Русской православной церковью к лику святых, в № 12 религиозного журнала «Миссионерское обозрение» за 1903 г. предал анафеме «безбожную личность» Толстого, извращенную-де «до уродливости, до омерзения», и его «ужасное богохульство». Куперник же предпочел солидаризироваться с Толстым<sup>3</sup>.

Не прошло и года, как жандармская агентура перехватила еще одно письмо Куперника — на этот раз к либеральному историку, публицисту, издателю М.М. Стасюлевичу, от 2 апреля 1904 г., — с резкой критикой царского самодержавия. «Хоть бы эти военные неудачи, — говорилось в письме о Русско-японской войне, — привели к крушению режима Второго, как севастопольские неудачи сократили режим Первого»<sup>4</sup>.

Не остался без внимания Департамента полиции и тот факт, что Куперник выступил оратором на собрании «преступного направления» в Киеве с участием 360 человек 20 ноября 1904 г. по случаю 40-летия Судебных уставов 1864 г.<sup>5</sup>

Все сделанное Куперником в качестве юриста и общественника известный социал-демократ Л.Г. Дейч воспринял как «огромную неоце-

<sup>1</sup> Щепкина-Куперник Т.А. Дни моей жизни. С. 68.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 14. Ч. 6; 1900. Д. 386.

<sup>3</sup> См. там же. 1900. Д. 386. Л. 118. Опубликовано: Троицкий Н.А. «Ставлю себе в особую честь.» Письмо Л.А. Куперника Л.Н. Толстому. 1903 г. // Исторический архив. 1997. № 5—6. С. 215—216.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 386. Л. 20. Опубликовано: Троицкий Н.А. «Хорошие силы гибнут зря» (Письмо Л.А. Куперника к М.М. Стасюлевичу) // Советские архивы. 1988. № 5. С. 87. Второй и Первый — Николай II и Николай I.

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 77—79 и сл.

нимую услугу нашему освободительному движению»<sup>1</sup>. Так думали многие. Не случайно, когда Лев Абрамович скончался (29 сентября 1905 г., от воспаления легких), его многолюдные похороны 1 октября вылились в политическую демонстрацию. Сенатор Е.А. Турау во всеподданнейшем отчете об антиправительственных «беспорядках» в Киеве осенью 1905 г. отметил как одно из их проявлений «чувствование памяти Куперника»: «1 октября, во время похорон, тело его провожала большая толпа народа, состоявшая главным образом из учащейся молодежи, причем в числе других на гроб были возложены венки с красными лентами — с надписью на одной из них: «Честному гражданину от К. К. П. С. Р.» (т. е. от Киевского комитета партии социалистов-революционеров). По пути следования погребальной процессии толпа пела марсельезу, а на кладбище были произнесены революционные речи»<sup>2</sup>. Очевидица тех событий Н.А. Смирнова вспоминала: «Мне впервые довелось видеть такие торжественные похороны»...<sup>3</sup>

Спустя полвека, в сентябре 1955 г., дочь Куперника от третьей его жены, актрисы Наталии Николаевны Крашенинниковой (1863—1953) Надежда Львовна Крашенинникова обратилась к министру юстиции Украинской ССР Ф.К. Глуху с предложением увековечить память Льва Абрамовича, а именно отметить мемориальным знаком дом на Театральной площади Киева, где он жил и умер, и включить биографическую справку о нем «в текущее издание Большой советской энциклопедии»<sup>4</sup>. Ответил ли как-либо министр на это предложение, неизвестно, но ни мемориального знака, ни энциклопедической справки о Купернике (ни в Большой советской, ни в Украинской радянської энциклопедиях) так и не появилось.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. Р-8420. Оп. 1. Д. 13. Л. 1.

<sup>2</sup> *Материалы к истории русской контрреволюции*. СПб., 1908. Т. 1. Погромы по официальным документам. С. 211.

<sup>3</sup> *Смирнова Н.А.* Указ. соч. С. 144.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. Р-8420. Оп. 1. Д. 19. Л. 1.



## АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ ЗАРУДНЫЙ

(1863—1934)

Семья Зарудных очень броско «смотрелась» в России на протяжении шести последних десятилетий нашей дореволюционной истории. Сенатор и тайный советник Сергей Иванович Зарудный (1821—1887) был одним из творцов и главных деятелей Судебной реформы 1864 г. — самой демократической из всех «великих реформ» Александра II. Слава его — как прижизненная, так и посмертная — была общепринятой и устойчивой при всех режимах<sup>1</sup>. И сегодня о нем уважительно отзовется каждый историк или юрист.

Иначе сложилась судьба его старшего сына — Александра Сергеевича Зарудного<sup>2</sup>. При жизни он был даже более знаменит, чем его отец. Имя Александра Зарудного как адвоката, а потом и государственного деятеля, министра юстиции, с 1904 по 1917 г. громко звучало в России и за границей. В советское же время он сразу оказался не у дел, а после смерти вообще был забыт и ныне известен лишь узкому кругу специалистов. До последнего времени о нем не было ни одного специального исследования или хотя бы биографического очерка, если не считать фрагмента из книги А.Г. Звягинцева и Ю.Г. Орлова<sup>3</sup>, где освещается недолгая (с июля до сентября 1917 г.) служба Зарудного на посту мини-

<sup>1</sup> См. о нем блестящий очерк в кн.: *Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы*. М., 1914. С. 76—90.

<sup>2</sup> С.И. Зарудный имел восемь детей: трех сыновей (Александра, Сергея, Ивана) и пять дочерей (Зою, Анну, Марию, Варвару, Екатерину). Известная артистка оперы и вокальный педагог, профессор Московской консерватории Варвара Михайловна Зарудная (1857—1939), жена композитора М.М. Ипполитова-Иванова, принадлежала к другой ветви дворянского рода Зарудных.

<sup>3</sup> См.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры... 1906—1917*. М., 1996.

стра юстиции Временного правительства и генерал-прокурора. Лишь в 2002 г. молодой исследователь Ю.В. Варфоломеев защитил кандидатскую диссертацию о Зарудном и опубликовал по материалам диссертации небольшую монографию<sup>1</sup>.

Вскоре после смерти А.С. Зарудного его коллега и друг Н.К. Муравьев говорил о нем: «Как «истинно-русский» человек он не написал о себе ни одной строчки, нет ни автобиографии его, ни, вообще, биографических заметок»<sup>2</sup>. В печати — да, до сих пор ничего этого нет, исключая опять-таки недавно опубликованное Ю.В. Варфоломеевым интереснейшее письмо товарища министра юстиции А.С. Зарудного министру Временного правительства А.Ф. Керенскому от 26 марта 1917 г.<sup>3</sup> Но архивы хранят и автобиографию Зарудного, и биографические заметки о нем, и многое другое. Вполне доступны исследователям два его личных фонда, хранящиеся в крупнейших архивах России — РГИА (Санкт-Петербург) и РГАЛИ (Москва).

В РГИА среди множества различных материалов (1778 единиц хранения за 1868—1934 гг.) наиболее интересна автобиография Зарудного<sup>4</sup>, а в РГАЛИ — тетрадь его стихотворений 1889—1933 гг.<sup>5</sup>, воспоминания его сестры Зои Сергеевны с перечнем выступлений Александра Сергеевича на судебных процессах в качестве адвоката<sup>6</sup>, биографический очерк Н.К. Муравьева «Семья А.С. Зарудного», написанный после смерти А.С.<sup>7</sup>, воспоминания присяжного поверенного В.В. Беренштама «Адвокаты»<sup>8</sup>. Ряд выступлений друзей и коллег Зарудного на вечере его памяти 13 декабря 1934 г. во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев записан и хранится в ГАРФ<sup>9</sup>.

Итак, Александр Сергеевич Зарудный родился 19 (31) августа 1863 г. в Царском Селе. Отец его, Сергей Иванович, был тогда и. о. статс-секретаря Департамента законов Государственного совета Российской империи (через год станет тайным советником). Судя по всему, Александр

<sup>1</sup> См.: *Варфоломеев Ю.В. А.С. Зарудный: юрист и общественный деятель*. Саратов, 2002. 120 с.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 283. Л. 3.

<sup>3</sup> См.: «эта чисто полицейская мера не должна исходить от министра правосудия» (Письмо А.С. Зарудного А.Ф. Керенскому). Публ. Ю.В. Варфоломеева // *Отечественные архивы*. 1999. № 5.

<sup>4</sup> См.: РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1.

<sup>5</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1.

<sup>6</sup> См. там же. Д. 32.

<sup>7</sup> См. там же. Д. 13.

<sup>8</sup> См. там же. Д. 39.

<sup>9</sup> См.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 283.

Сергеевич очень дорожил своими семейными связями. Они обогащали и украшали его жизнь, хотя не всегда благоприятствовали его карьере. Разумеется, безупречная репутация его отца помогала ему утвердиться в юридическом мире. Через родную сестру, художницу Екатерину Сергеевну Зарудную-Кавос (1861—1917)<sup>1</sup>, он был связан с миром искусств, через двоюродную сестру Наталью Егоровну Старицкую (1860—1943), которая в 1886 г. стала женой будущего академика В.И. Вернадского, — с научным миром. Но с другой стороны, младший брат Александра Сергеевича Сергей Сергеевич был арестован и сослан в Сибирь за причастность к делу о покушении террористической фракции партии «Народная воля» А.И. Ульянова — П.Я. Шевырева на царей 1 марта 1887 г., а племянник (тоже Александр Сергеевич) предан военному суду за участие в революции 1905 г.<sup>2</sup> Сам наш герой в 1887 г. пострадал вместе с братом, отбыв несколько месяцев тюрьмы из-за того, что в записной книжке Александра Ульянова оказались зашифрованные адреса братьев Зарудных (к счастью для старшего брата, других улик против него не нашлось)<sup>3</sup>.

С террористической фракцией (несмотря на личное знакомство с А.И. Ульяновым) Зарудный не имел ничего общего, но в 1885—1887 гг. он действительно участвовал в оппозиционном, либерально-демократическом кружке, который, между прочим, нелегально издавал запрещенную литературу, включая сочинения А.Н. Толстого, «Сущность социализма» австрийского социолога А. Шеффле, «Историю революционного движения в России» немецкого историка А. Туна и др. «Склад этой литературы находился в квартире Зарудного»<sup>4</sup>. Состав кружка по имени сегодня выглядит чрезвычайно внушительным: тогда еще студенты, а впоследствии литераторы и ученые, двое из которых станут академиками (В.И. Вернадский и С.Ф. Ольденбург), трое (тот же Вернадский, А.А. Корнилов, Д.И. Шаховской) — членами ЦК Конституционно-демократической партии и двое (Ольденбург и Зарудный) — министрами.

<sup>1</sup> Художественный талант Екатерины Сергеевны еще в детстве ее заметил И.Н. Крамской («с семьей которого Зарудные давно были знакомы»). Она окончила с серебряной медалью Академию художеств, где ее учителем был Павел Петрович Чистяков (учитель великого И.Е. Репина!). Кстати, Репин считал Екатерину Сергеевну одной из выдающихся женщин-художниц (РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 33. Л. 3, 15 об.).

<sup>2</sup> Подробно см.: *Муравьев Н.К. Семья А.С. Зарудного* (РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13). Сергей Сергеевич Зарудный после 4 лет ссылки в Сибири умер 25 декабря 1897 г., оставив вдову и пятерых детей. Александр Сергеевич (племянник) был убит в Киеве в 1919 г.

<sup>3</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 2. Подробно об этом см.: *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 35—38.

<sup>4</sup> *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 34.

Как бы то ни было, при столь мудреном переплетении семейных связей Александр Зарудный пошел все-таки по пути отца — стал юристом, причем далеко не сразу адвокатом. Окончив весной 1885 г. привилегированное Училище правоуказания в Петербурге<sup>1</sup>, он два года стажировался при Петербургском окружном суде и еще три года нес рутинную службу чиновника в Министерстве юстиции, а с весны 1891 г. долго, почти десять лет, служил *прокурором*, но до весны 1895 г. вдали от столицы (по-видимому, власти не вполне доверяли ему после ареста 1887 г.).

Сначала, 9 апреля 1891 г., Александр Сергеевич получил назначение товарищем прокурора окружного суда в Полтаву, а там почти шесть месяцев прослужил даже прокурором в уездном городе Полтавской губернии Кременчуге. Полтавщина была родиной его предков. Один из них, генеральный судья Самойло Богданович Зарудный, был посланником от Богдана Хмельницкого к царю Алексею Михайловичу с просьбой принять Украину в российское подданство<sup>2</sup>.

Впрочем, на прародительском юге Зарудный служил недолго, и уже в апреле 1894 г. был откомандирован на север — в качестве члена Петрозаводского окружного суда. Там он провел, возможно, самый скучный год в своей жизни, а 21 апреля 1895 г. был назначен товарищем прокурора Петербургского окружного суда.

С прокурорами Зарудный не уживался — в частности, из-за их карьеристских вождедений. В рукописной тетради его стихов есть смешливые строки об этих вождедениях:

Важный я пост занимаю в надежде  
Более важный еще получить<sup>3</sup>.

Прослужив пять лет в столичной прокуратуре, Зарудный к весне 1900 г. вернулся на службу в Министерство юстиции. Там, в должности юрисконсульта, он пользовался расположением начальства, успел за 2,5 года получить чин статского советника (равный воинскому званию полковника) и два ордена (Св. Станислава II ст. и Св. Анны III ст.), но 1 июля 1902 г., «когда до следующего, генеральского чина оставался всего лишь один шаг»<sup>4</sup>, Александр Сергеевич неожиданно для всех уволил-

<sup>1</sup> Напомню читателю, что это училище окончили ранее такие знаменитости российской юстиции, как Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, В.И. Танеев, В.Н. Герард, К.П. Победоносцев, а также композитор П.И. Чайковский, поэт А.Н. Апухтин, искусствовед В.В. Стасов.

<sup>2</sup> См.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 6.

<sup>3</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

<sup>4</sup> Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 30.

ся с государственной службы и перешел в адвокатуру. 27 сентября 1902 г. он был принят в присяжные поверенные при Петербургской судебной палате<sup>1</sup>.

Зарудному шел тогда уже сороковой год. В этом возрасте он стал начинающим адвокатом и почти тут же возглавил (вместе с Н.Д. Соколовым) один из самых авторитетных в России кружков т. н. «*молодой адвокатуры*». «Зарудный сразу занял место в первом ряду, — вспоминал знаменитый О.О. Грузенберг, — словно его дожидалось вакантное место»<sup>2</sup>.

Под условным названием «молодая адвокатура» сложился к началу XX в. небольшой, по сравнению с общей численностью российской адвокатуры, отряд защитников, которые создавали особые группы (кружки) *политической* защиты. Как правило, это были уже адвокаты нового, сравнительно с «первым призывом», поколения, хотя и не всегда молодые в строгом смысле слова по возрасту. В преддверии революции, когда страну захлестывал небывалый ранее шквал массовых (рабоче-крестьянских) волнений, росла антиправительственная оппозиция в обществе, начали формироваться нелегальные политические партии социалистов-революционеров, социал-демократов, освободителей (т. е. членов Союза освобождения, будущих кадетов), — в таких условиях нарастала и политическая активность адвокатуры, особенно «молодой». Энтузиасты «молодой адвокатуры» занялись организацией *коллективных* защит по политическим делам с разъездами буквально вдоль и поперек всей Российской империи от Варшавы до Якутска и от Вологды до Тифлиса (Тбилиси).

Полтора-два десятка таких энтузиастов (среди них были два будущих министра юстиции А.А. Демьянов и П.Н. Переверзев и будущий премьер-министр А.Ф. Керенский, Б.Г. Барт — сын выдающегося народолюбца Г.А. Лопатина, Л.Н. Андроников — отец народного артиста СССР, писателя Ираклия Андроникова и др.) объединились в кружке Зарудного—Соколова<sup>3</sup>. «У нас не было членства, не было устава, — вспоминал о кружке Керенский. — Согласно неофициальному соглашению, наш гонорар сводился к стоимости проезда во 2-м классе и суточным в размере 10 руб. Такие процессы требовали особого, глубокого состра-

<sup>1</sup> См.: *Список* присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г. СПб., 1914. С. 47.

<sup>2</sup> *Грузенберг* О.О. Вчерашнее. Воспоминания. Париж, 1938. С. 205.

<sup>3</sup> См. об этом кружке: *Мошинский* И.Н. (Конарский Ю.) Политическая защита в до-революционных судах // *Девятый вал*. М., 1927. С. 45—46; *Мандельштам* М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 53; *Варфоломеев* Ю.В. Указ. соч. С. 44—46.

дания к обвиняемым и осознания политической значимости этих процессов»<sup>1</sup>.

Как явствует из списка судебных процессов, на которых Зарудный выступал защитником (список этот был составлен самим Александром Сергеевичем, но сохранился он в копии, которую сделала сестра А.С. Зоя Сергеевна)<sup>2</sup>, за свою сравнительно короткую адвокатскую карьеру до 1917 г. он провел 159 только «записанных» дел, «кроме многих других» (неясно, каких именно), вместе с которыми число защит Зарудного достигает 300.

Дебютировал он в качестве политического защитника 24 октября 1903 г. на процессе в Ковенской судебной палате по делу о политической демонстрации и о сопротивлении полиции в местном театре 21 марта того года. Поначалу держался Зарудный скромно, заметно волнуясь. «Он все время молчал и даже почти не допрашивал свидетелей, — вспоминал очевидец, присяжный поверенный В.В. Беренштам. — Лишь изредка подавал реплики прокурору или заявлял ходатайство суду...» Но защитительная речь Зарудного потрясла всех присутствующих, не исключая судей. «И все исчезло — его старенький, плохонький фрак, его неприметная фигура, его чрезмерно длинные руки... Остались одни вдохновенные глаза... Говорил он три часа, а мы, шестьдесят слушателей, начиная с судей, сидели, боясь двинуться»<sup>3</sup>.

Дебют политического защитника удался Зарудному как нельзя лучше: все 7 подсудимых были оправданы. Судя по докладу министра юстиции Н.В. Муравьева, сам император Николай II выразил «неудовольствие» таким приговором суда<sup>4</sup>.

За первым делом последовали десятки и сотни других — из года в год, из месяца в месяц, тринадцать лет кряду. «Словно карета «Скорой помощи», носился он по слякоти и бездорожью политической юстиции»<sup>5</sup>, — вспоминал о нем О.О. Грузенберг.

В том же, 1903, и в следующем году Зарудный принял участие в двух «погромных» делах (т. е. о еврейских погромах в Кишиневе и Гомеле), которые вызвали, мало сказать, всероссийский — международный резонанс.

Погром в Кишиневе, жертвами которого стали только убитыми 41 человек (из них — 10 женщин), происходил 6—7 апреля 1903 г.

<sup>1</sup> Керенский А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. М., 1993. С. 53.

<sup>2</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 32. Л. 1—5 об.

<sup>3</sup> Беренштам В.В. Адвокаты. В огне защиты. Из воспоминаний политического защитника. СПб., 1909. С. 132.

<sup>4</sup> См.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 69.

<sup>5</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 205.

«на глазах бездействующей и своим бездействием содействующей власти», как показалось вначале корреспонденту журнала «Освобождение»<sup>1</sup>. Вскоре, однако, выяснилось, благодаря усилиям независимых журналистов и адвокатов, что погром был *организован* молдавскими юдофобами и агентами кишиневской охранки<sup>2</sup>. Граф С.Ю. Витте свидетельствовал: «Когда министром внутренних дел сделался Плеве, то он, ища психологического перелома в революционном настроении масс, искал его также в еврейских погромах, а потому при нем разразились еврейские погромы, из которых был особенно безобразен дикий и жестокий погром в Кишиневе. Я не решусь сказать, что Плеве непосредственно устраивал эти погромы, но он не был против этого, по его мнению, антиреволюционного противоядия»<sup>3</sup>. Под напором общественного мнения страны, Европы и мира<sup>4</sup> власти вынуждены были осенью 1903 г. предать суду кишиневских громил, но сделали суд закрытым.

Зарудный и еще целый ряд выдающихся адвокатов (Н.П. Карабчевский, О.О. Грузенберг, Л.А. Куперник, Н.Д. Соколов и др.) выступили на кишиневском процессе<sup>5</sup> в качестве поверенных гражданских истцов, т. е. потерпевших от погрома евреев. Едва начался процесс, они потребовали доследовать дело, а именно — привлечь для допроса губернатора, начальника охранки, полицмейстера. Суд отказал им. Тогда Зарудный отправил вдоль скамьи адвокатов записку: «Не пора ли нам по моде<sup>6</sup> всем подумать об уходе?» Подумав, все поверенные гражданских истцов ушли с процесса<sup>7</sup>.

Суд не был огорчен адвокатской забастовкой. Он вынес подсудимым снисходительный приговор, после чего Николай II вообще помиловал осужденных<sup>8</sup>.

11 октября 1904 г. начался и продолжался по 29 января 1905 г. гомельский процесс. Его вела в Гомеле Киевская судебная палата под председательством известной своей жестокостью Н.А. Котляревского. Этот

<sup>1</sup> *Кишиневский погром*. Stuttgart, 1903. С. 14.

<sup>2</sup> См.: *Кишиневский процесс* // Революционная Россия. 1903. № 38. С. 9; *Урусов С.Д.* Записки губернатора. Berlin, 1908. С. 111—112.

<sup>3</sup> Из *архива* С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 79.

<sup>4</sup> См. обзор возмущенных откликов на кишиневский погром во Франции, Германии, Италии, Австрии, США, Австралии (!): *Кишиневский погром*. Stuttgart, 1903. С. 30—40.

<sup>5</sup> Процесс по делу об апрельском 1903 г. погроме евреев вела Кишиневская судебная палата с 6 ноября по 7 декабря того же года.

<sup>6</sup> Зарудный напоминал здесь об адвокатской «забастовке» 1902 г. на процессе по делу о крестьянских беспорядках в Харьковской судебной палате (г. Вааки).

<sup>7</sup> См.: *Мошинский И.Н.* (Конарский Ю.). Указ. соч. С. 53; *Кишиневский процесс*. С. 14.

<sup>8</sup> См. там же.

процесс был крупнее кишиневского (80 подсудимых, 20 адвокатов, около 1000 свидетелей), и шел он при открытых дверях.

Две причины побудили власти открыть двери гомельского процесса. Во-первых, сказалось после убийства В.К. Плеве в июле 1904 г. конъюнктурное смягчение карательной политики при новом министре внутренних дел князе П.Д. Святополке-Мирском (т. н. «эпоха доверия»), а кроме того, «верхи» рассчитывали использовать с выгодой для престола оригинальную диспозицию обвинения. Дело в том, что собственно еврейскому погрому в Гомеле 1 сентября 1904 г. предшествовала драка на местном рынке 29 августа, которую обвинение квалифицировало как «русский погром», будто бы и повлекший за собой, в отместку, еврейский погром 1 сентября<sup>1</sup>.

В соответствии с такой диспозицией на скамью подсудимых были посажены и громилы из христиан (44 человека, не только русских), и участники драки 29 августа из евреев (36 человек): «христиане обвинялись в погроме евреев, а евреи — в погроме христиан»<sup>2</sup>.

Защитники евреев (Зарудный, Л.А. Куперник, М.А. Мандельштам, Н.Д. Соколов и др.), не доверяя обвинению, «решили произвести собственное следствие». Поручили его Зарудному и молодому петербургскому адвокату М.И. Ганфману. К ним присоединился старый революционер (народоволец) и ученый-этнограф В.Г. Богораз-Тан. Они «единогласно пришли к заключению», что гомельский погром 1 сентября (как ранее кишиневский) был организован властями<sup>3</sup>. Однако суд беспардонно мешал адвокатам предъявлять доказательства такого заключения: все, что противоречило официальной версии погрома, «пресекалось или устранялось самым категорическим образом. <...> Процесс о погроме превращался в процессуальный погром»<sup>4</sup>.

В таких условиях защитники евреев отказались от участия в судебном разбирательстве и 21 декабря ушли с процесса. Памятуя о том, что их предыдущая, кишиневская «забастовка» не получила должной огласки, они на этот раз подготовили и опубликовали в еженедельнике «Право» специальное заявление с изложением мотивов своего отказа от защиты: «Нам воспрещалось исследовать общие причины погрома, воспрещалось в течение большей половины процесса касаться вопроса о бездействии войск и полиции (хотя в этом бездействии — весь узел процесса)».

<sup>1</sup> См.: *Гомельский процесс*. Подробный отчет, составленный Б.А. Кревером. СПб., 1907. С. 5—9, 12, 14.

<sup>2</sup> *Мандельштам М.А.* Указ. соч. С. 135.

<sup>3</sup> См. там же. С. 132.

<sup>4</sup> Там же. С. 144.

В заявлении особо подчеркивалось: «Уход наш состоялся с согласия всех подсудимых»<sup>1</sup>.

Гомельская «забастовка» адвокатов встретила понимание и поддержку общественности в разных концах страны<sup>2</sup>. Многие россияне, благодаря столь необычной адвокатской акции, убедились тогда в том, что сильные мира сего играют в погромах «гнусную роль сообщника и подстрекателя»<sup>3</sup>.

В послужном списке Зарудного-адвоката были самые громкие политические процессы начала XX в.: якутских ссыльнопоселенцев (1904), Боевой организации социалистов-революционеров (1905), лейтенанта П.П. Шмидта (1906), Петербургского Совета рабочих депутатов (1906), о подготовке покушения на Николая II (1907), всемирно известное дело М.Т. Бейлиса (1913).

Одним из самых ярких в адвокатской карьере Зарудного было его выступление на процессе ссыльнопоселенцев. Процесс шел с 30 июля по 8 августа 1904 г. в Якутском окружном суде и (после апелляции) 5—6 апреля 1905 г. в Иркутской судебной палате. Суду были преданы 59 человек (среди них — видные социал-демократы В.К. Курнатовский и А.А. Костюшко-Валюжанич). Они обвинялись в том, что 18 февраля 1904 г. заявили коллективный протест против самодурства иркутского генерал-губернатора И.П. Кутайсова и оказали вооруженное сопротивление полиции и солдатам. Защищали подсудимых А.С. Зарудный и В.В. Беренштам. Поскольку в Якутск они приехали из Петербурга, можно согласиться с наблюдением Ю.В. Варфоломеева: «Это, несомненно, был своеобразный рекорд дальности выезда политической защиты в начале XX века не только в России, но и, судя по всему, в мире»<sup>4</sup>.

Защитительная речь Зарудного в Якутске, как вспоминали о ней очевидцы, «прекрасная по форме, спокойная по содержанию, неотразимая по своей аргументации, <...> была в полном смысле слова шедевром»<sup>5</sup>. Зарудный построил защиту на доказательстве незаконности тех требований со стороны власти, которым воспротивились обвиняемые. «Были ли эти требования законны или нет, — заявил он, обращаясь к судьям, — вот вопрос, который прежде всего должен разрешить ваш приговор, ибо признак законности распоряжений, которым оказано

<sup>1</sup> Письмо в редакцию // Право. 1904. № 52. С. 3595—3600.

<sup>2</sup> О сотнях «телеграмм с выражением сочувствия», которые получали тогда гомельские защитники отовсюду, «от русской и еврейской интеллигенции одинаково», см.: *Мандельштам* М.А. Указ. соч. С. 148—149.

<sup>3</sup> [Плеханов Г.В.] Полицейский антисемитизм // Искра. Л., 1927. Вып. 7. № 1—52. С. 149.

<sup>4</sup> *Варфоломеев* Ю.В. Указ. соч. С. 46.

<sup>5</sup> *Якутская история*. Женева, 1904. Вып. 3. С. 20.

неповиновение, есть первое условие квалификации преступления»<sup>1</sup>. Доказав, что циркуляры Кутайсова об отмене свиданий, отлучек, казенных выплат ссыльным нарушают закон о ссыльных 1882 г., Зарудный подчеркнул, что протест обвиняемых правомерен («Можно ли вменить подсудимым в преступление их обращение к властям с просьбой соблюдать действующий закон?»), а их «сопротивление» квалифицировал как «необходимую оборону»: «против подобных незаконных действий солдат и полиции подсудимые имели право защищаться»<sup>2</sup>.

Особо впечатляющей была концовка защитительной речи Зарудного: «Со всем убеждением, на которое я только способен, со всей моей верой в конечное торжество добра, со всей моей беспредельной любовью к Родине я прошу присоединить и мою подпись к протесту ссыльных от 18 февраля»<sup>3</sup>. Подсудимые вспоминали: это заявление «своей неожиданностью, смелостью и фанатичной убежденностью привело нас в неописуемый восторг и волнение. <...> Мы вскочили со своих мест и бросились пожимать ему руки»<sup>4</sup>.

Одна из обвиняемых по якутскому делу Мария Зеликман много лет спустя, 13 декабря 1934 г., на вечере памяти Зарудного во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев вспоминала об этой сцене: «Александр Сергеевич превзошел все наши ожидания»<sup>5</sup>.

Осенью (18 сентября) 1904 г. Зарудный вместе с В.В. Беренштамом и местным адвокатом П.И. Кусковым выступил в Иркутской судебной палате защитником по делу о типографии Сибирского социал-демократического союза. Опираясь на три секретных документа охраны, добытыми конспиративным путем, защитники доказали, что один из шести обвиняемых, Иван Бойцов, на показаниях которого построен обвинительный акт, является агентом-provocатором. При этом Зарудный, судя по изложению его речи в газете «Искра», буквально восславил подсудимых: «Это все честные труженики. Они проводят в жизнь идеалы будущего, несут свет в окружающую нас тьму. Защитник питает *особо глубокое уважение* к этим людям. Тут председатель остановил его замечанием, что об особом уважении к обвиняемым он может не говорить»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Материалы к якутскому процессу. Женева, 1904. С. 6, 8.

<sup>2</sup> Там же. С. 11—12, 18—19.

<sup>3</sup> Якутская история. Вып. 3. С. 21.

<sup>4</sup> Там же. Якутский суд вынес обвиняемым суровый приговор (по 12 лет каторги), Иркутская судебная палата смягчила его, а 26 октября 1905 г. все осужденные были амнистированы.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 283. Л. 7 об.

<sup>6</sup> Искра. 1904. № 76. С. 7.

Судьи не без труда и с ущербом для своей репутации вышли из неловкого положения, в какое поставила их защита: дело о Бойцове они постановили отложить, одного подсудимого оправдали и четверым вынесли умеренные наказания — не более 2 лет тюрьмы<sup>1</sup>.

Следующей, после сибирских процессов, весной, в марте 1905 г. — на другом конце Российской империи, в Севастополе — Зарудный так же вдохновенно выступил перед военно-морским судом по делу солдат, обвинявшихся в революционной пропаганде. Александр Сергеевич защищал их лидера А.С. Гриневского (известного впоследствии писателя Александра Грина). Прокурор требовал для главного обвиняемого 20 лет каторги, но, как вспоминал позднее сам Грин, к счастью для него, уже павшего духом, «Зарудный произнес блестящую речь»<sup>2</sup>, и будущий автор «Алых парусов» «отделался» десятью годами ссылки в Сибирь, где вскоре попал под октябрьскую амнистию 1905 г.

Выдающуюся роль сыграл Зарудный и на судебном процессе, взволновавшем всю Россию в 1906 г. С 7 по 18 февраля в Очаковской крепости Севастопольский военно-морской суд рассматривал дело лейтенанта П.П. Шмидта и 40 его сопроцессников. Обвинение («военный мятеж» осенью 1905 г. на крейсере «Очаков» с целью «ниспровержения существующего строя») было чревато для каждого из подсудимых неизбежно смертным приговором. Из четырех членов суда трое были командирами кораблей, которые расстреливали «Очаков», а из 115 свидетелей — 100 были вызваны со стороны обвинения<sup>3</sup>. Сам император Николай II торопил морского министра адмирала А.А. Бирилева и главнокомандующего Черноморского флота вице-адмирала Г.П. Чухнина судить Шмидта «наискорейшим образом» и «покончить с этим изменником». В письме к императрице-матери от 17 ноября 1905 г. император упомянул Шмидта: «Его, конечно, придется расстрелять». Императрица в ответном письме поддакнула сыну: с этим «подлецом» и «канальей» «церемониться не надо»<sup>4</sup>.

В таких условиях защищать Шмидта и его товарищей взялись приличные поверенные А.С. Зарудный, А.М. Александров, Ф.С. Врублевский, А.В. Винберг (зять Н.П. Карабчевского), С.А. Балавинский и военный юрист капитан В.К. де Виесон. Все они защищали обвиняемых коллективно, но, пожалуй, наибольшую активность проявлял Заруд-

<sup>1</sup> См.: *Политические процессы в России 1901—1917 гг.* / Под ред. А.И. Гольдмана. Ч. 1 (1901—1905). М., 1932. С. 70.

<sup>2</sup> Грин А.С. Автобиографическая повесть // *Избранное*. М., 1987. С. 139.

<sup>3</sup> См.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1963. Т. 5. С. 73.

<sup>4</sup> Цит. по: *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 80.

ный<sup>1</sup>. Как только начался суд, он заявил мотивированный отвод трем судьям-офицерам на том основании, что они участвовали в подавлении «мятежа» и, следовательно, заинтересованы в осуждении подсудимых<sup>2</sup>, а в защитительной речи, обличая деспотизм и произвол, «настолько солидаризировался с обвиняемым (Шмидтом. — Н. Т.), что по требованию прокурора слово его было прервано председателем и едва не был составлен протокол по поводу «ниспровергающей самодержавие» речи защитника»<sup>3</sup>.

Лейтенант Шмидт и трое матросов (С.П. Частник, Н.Г. Антоненко, А.И. Гладков) были приговорены к смертной казни. Примечательно, что из четырех судей двое проголосовали за казнь Шмидта, а двое — за пожизненную каторгу. Суд запросил Г.П. Чухнина: как быть? Тот прислал телеграмму: «Если вы все желаете, чтобы негодяй Шмидт был в мае морским министром, то даруйте ему жизнь. Мне же думается, что этого негодяя надо как можно быстрее повесить»<sup>4</sup>.

Спасти от смертной казни Шмидта адвокатам не удалось, хотя Зарудный попытался добиться смятения его участи путем ходатайства перед Николаем II через посредство председателя Совета министров С.Ю. Витте<sup>5</sup>, но все же 27 подсудимых-моряков получили, вместо виселицы, разные сроки каторги и ссылки, а 10 из них были даже оправданы. На пути в Сибирь моряки-каторжане 2 апреля 1906 г. прислали Зарудному открытку с благодарностью (цитирую) «за то сердечное отношение к нам, которым Вы скрасили сумрачные дни очаковского процесса»<sup>6</sup>.

Лейтенант Шмидт и трое его матросов были расстреляны 6 марта 1906 г. на острове Березань<sup>7</sup>. Вскоре после этого Зарудный и сестра Шмидта Анна Петровна Избаш приезжали из Петербурга в Очаков и долго собирали там сведения о подробностях последнего дня жизни «красного адмирала», как называл тогда Шмидта простой люд. В дальнейшем Зарудный помогал и Анне Петровне и сыну Шмидта Евгению Петровичу в хлопотах по делам наследования и другим правовым формальностям<sup>8</sup>. К сожалению, нет данных о каких-либо связях Зарудно-

<sup>1</sup> Подробно см. там же. С. 80—86.

<sup>2</sup> Суд отклонил это заявление.

<sup>3</sup> Муравьев Н.К. Семья А.С. Зарудного (РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 8).

<sup>4</sup> Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 75. 29 июня 1906 г. матрос Я.С. Акимов, друг казенного С.П. Частника, выстрелом из охотничьего ружья убил Чухнина.

<sup>5</sup> Подробно об этом см.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 84.

<sup>6</sup> Цит. в кн. Ю.В. Варфоломеева (С. 85—86).

<sup>7</sup> В апреле 1917 г. их останки были торжественно перезахоронены в Одессе при стечении десятков тысяч горожан и матросов.

<sup>8</sup> См. об этом: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 84—85.

го с Зинаидой Ивановной Ризберг — «дамой сердца» Шмидта, для которой он нарисовал во время речи прокурора по своему делу зал суда с обозначением всех находившихся в зале<sup>1</sup>.

В том же 1906 г., с 19 сентября по 19 октября, в Петербурге слушался громкий процесс по делу первого в России Петербургского Совета рабочих депутатов. Вел процесс председатель Петербургской судебной палаты Н.С. Крашенинников. Прокурором был В.А. Бальц — позднее (с августа 1916 г.) товарищ министра внутренних дел. Защищать подсудимых здесь собрался звездный состав «молодой адвокатуры»: А.С. Зарудный, Н.К. Муравьев, О.О. Грузенберг, П.Н. Малянтович, Н.Д. Соколов, Л.Н. Андроников, А.Ф. Керенский, П.Н. Переверзев и др. «Этот процесс стал своего рода «семейным» для Зарудных, — подметил Ю.В. Варфоломеев. — Александр Сергеевич выступил на нем в качестве адвоката, а его любимая сестра Е.С. Зарудная-Кавос — в качестве художника-документалиста»<sup>2</sup>. Ее портретные зарисовки подсудимых, судей, свидетелей воспроизвел в своей книге «1905 год» Л.Д. Троицкий, судившийся на том процессе<sup>3</sup>.

Процесс начался сенсационно. Едва Крашенинников объявил, что суд будет рассматривать дело в отношении не 52 (как значилось в обвинительном акте), а 51 подсудимого, поскольку обвиняемый по этому делу А.М. Тер-Мкртчянц... уже казнен по другому обвинению, как все подсудимые и защитники, а заодно с ними и часть публики, встали, чтобы почтить память казненного. Мало того, «присутствовавшие в зале полицейстер, полицейские приставы и их помощники, а также и многие другие официальные лица, не поняв, в чем дело, тоже встали и стояли вместе со всеми до тех пор, пока Крашенинников не закричал: «Прошу сесть!»<sup>4</sup>

Все адвокаты (а Зарудный среди них был, как всегда, на виду) защищали подсудимых искусно и героически<sup>5</sup>. Прежде всего, естественно, они вскрывали юридическую несостоятельность обвинительного акта. Так, опубликованную в «Известиях Советов рабочих депутатов»

<sup>1</sup> О взаимоотношениях П.П. Шмидта и З.И. Ризберг см.: *Лейтенант Шмидт*. М., 1922; *Избаш А.П. Лейтенант П.П. Шмидт. Воспоминания сестры*. А., 1925. В 1970 г. кинорежиссер Е.С. Матвеев снял о них художественный фильм «Почтовый роман». А 7 июня 2005 г. телеканал «Россия» показал документальный фильм «Дело лейтенанта Шмидта», в котором «красный адмирал» изображен как «злостный террорист», мошенник и трус. Автор пасквиля — некто Олег Стрижак, назвавшийся «писателем».

<sup>2</sup> *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 76.

<sup>3</sup> См.: *Троицкий Л.Д.* 1905 год. М., 1922. С. 173, 240, 288, 307, 311, 320, 328, 332, 340, 348.

<sup>4</sup> *Глазунов М.М., Митрофанов Б.А.* Первые Советы перед судом самодержавия (1905—1907 гг.). М., 1985. С. 141.

<sup>5</sup> Подробно о процессе см. в указ. соч. М.М. Глазунова и Б.А. Митрофанова (С. 131—159).

от 17 октября 1905 г. статью по поводу изуверского приказа генерала Д.Ф. Трепова «Патронов не жалеть и холостых залпов не давать!» обвинение квалифицировало как *постановление* Петербургского Совета. Зарудный юридически аргументированно доказал: «Статья является не постановлением Совета, а обычной газетной статьей»<sup>1</sup>.

Добившись, с юридической стороны, значительного смягчения участи подсудимых, сравнительно с требованиями прокурора<sup>2</sup>, защитники вместе с тем разоблачали и политические инсинуации обвинительного акта, о котором один из главных обвиняемых по этому делу Л.Д. Троцкий сказал так: «Революция отразилась в нем, как солнце в грязной луже полицейского двора»<sup>3</sup>.

Особого мужества потребовало от адвокатов их участие в качестве защитников на процессе по делу о подготовке покушения на Николая II. Дело это слушалось в Петербургском военно-окружном суде 7—16 августа 1907 г.<sup>4</sup> В числе защитников здесь, наряду с лидерами «молодой адвокатуры» А.С. Зарудным, Н.К. Муравьевым, Н.Д. Соколовым, В.А. Маклаковым, выступал и блистательный адвокат «первого призыва» С.А. Андреевский.

Зарудный защищал горничную главного из обвиняемых лейтенанта Б.Н. Никитенко<sup>5</sup> Марию Алексеевну Прокофьеву. Защита была нелегкой, поскольку Мария «на протяжении всего процесса находилась в какой-то прострации и не проронила ни одного слова». Зарудный построил свою защитительную речь в двух частях. В первой части он опроверг коренной тезис суммарного обвинения, доказав, что «по настоящему делу не могут быть применены ни ст. 101 Уложения о наказаниях (приготовление к цареубийству), ни ст. 102 (сообщество для цареубийства), а возможно применение лишь ст. 126 (образование сообщества с целью ниспровержения существующего строя)»<sup>6</sup>. Во второй части своей речи Зарудный привлек внимание суда к тому, что Прокофьева «была просто горничной у Никитенко и никаких других

<sup>1</sup> Право. 1906. № 44. С. 3419.

<sup>2</sup> Прокурор В.А. Бальц подводит большинство обвиняемых под ст. 102 Уложения о наказаниях, чреватую каторжными сроками за намерение «ниспровергнуть существующий строй путем насилия». Однако никто из подсудимых на каторгу не попал: суд приговорил их к тюремному заключению и ссылке, а 12 человек оправдал (Бальц В.А. Суд над первым Советом рабочих депутатов. Воспоминания прокурора // Былое. 1926. № 3. С. 95, 100).

<sup>3</sup> Троцкий Л.Д. Указ. соч. С. 302.

<sup>4</sup> См. о нем: Маркелов К. Покушение на цареубийство в 1907 г. (Процесс Никитенко, Синявского, Наумова, Прокофьевой и др.) // Былое. 1925. № 3.

<sup>5</sup> Борис Николаевич Никитенко (1885—1907) — свяк Н.П. Карабчевского (был женат на родной сестре его первой жены) — казнен по делу, о котором идет речь, 21 августа 1907 г.

<sup>6</sup> Маркелов К. Указ. соч. С. 167.

данных о виновности ее в деле нет», и, стало быть, она не может обвиняться в столь тяжком государственном преступлении, как приготовление к царубийству. Наконец, Александр Сергеевич трогательно обрисовал личность Прокофьевой, сравнив ее с «тихой лампадой, от которой расходятся во все стороны теплые, спокойные лучи»<sup>1</sup>, и воззвал к милосердию.

Суд вынес спасительный для Марии Прокофьевой приговор: за невольное и несущественное пособничество преступлению она была отправлена в ссылку на поселение.

Заметной была роль Зарудного и на большом процессе по делу армянской демократической партии «Дашнакцутюн» в Особом присутствии Правительствующего сената (январь—март 1912 г.). Александр Сергеевич выступал здесь защитником вместе с «молодыми адвокатами» Н.Д. Соколовым, В.А. Маклаковым, А.Ф. Керенским, П.Н. Перверзевым и вновь с С.А. Андреевским<sup>2</sup>. Именно он уличил в подлогах следователя И.Н. Лыжина<sup>3</sup>, которого властям пришлось наказать за лжесвидетельство и, в результате, смягчить приговор обвиняемым, вопреки требованиям прокурора.

А в следующем, 1913 г., с 25 сентября по 30 октября, Зарудный очень громко заявил о себе как защитник на всемирно известном процессе М.Т. Бейлиса в Киеве<sup>4</sup>. И здесь он оказался в «звездной» компании адвокатов — с Н.П. Карабчевским, О.О. Грузенбергом, В.А. Маклаковым. Корифеи адвокатуры сообща разоблачили провокацию организаторов дела о якобы «ритуальном убийстве» евреем Менделем Бейлисом православного мальчика Андрея Ющинского. Присяжные заседатели оправдали Бейлиса. Победную точку в деле поставил Зарудный. Он выступал на процессе последним из адвокатов и заслужил особую благодарность публики: его осыпали цветами, а студенты на руках понесли до кареты<sup>5</sup>. Но, пожалуй, больше всего порадовал Александра Сергеевича многозначительный подарок от высшего в то время авторитета российской адвокатуры Карабчевского — большая Библия с надписью: «Главному цадику<sup>6</sup> среди страстотерпцев Бейлисова процесса Александру Сергеевичу Зарудному от душевно преданного Н. Карабчевского. 27 октября 1913 г.»<sup>7</sup>

<sup>1</sup> Маркелов К. Указ. соч. С. 173, 175.

<sup>2</sup> Подробнее об этом процессе см. в очерке «С.А. Андреевский».

<sup>3</sup> См.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 65.

<sup>4</sup> Подробно см.: Дело Бейлиса. Стенографический отчет. Киев, 1913. Т. 1—3; Тагир А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934.

<sup>5</sup> См.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 66.

<sup>6</sup> Ц а д и к (др.-евр. saddik) — духовный наставник особой, чудодейственной силы.

<sup>7</sup> Цит. по: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 67.

«К уголовным защитам его не влекло, — вспоминал о Зарудном О.О. Грузенберг, — он весь ушел в политические, общественные и, частью, литературные защиты»<sup>1</sup>. Кстати, литературные дела Зарудного тоже были и общественно и даже политически значимы. Так, 17 августа 1906 г. в Петербургской судебной палате он защищал друга своей юности, теперь уже члена ЦК неонароднической партии «Трудовиков» В.В. Водовозова, обвиненного в «противоправительственной» пропаганде; трижды (в 1907—1909 гг.) — редактора журнала «Всемирный вестник» С.С. Сухонина, привлеченного к суду за публикацию запрещенных сочинений Л.Н. Толстого («Две войны» и «Николай Палкин»), а в 1910 г. — радикального публициста А.В. Пешехонова, судившегося за напечатание собственных «вредных» статей<sup>2</sup>. Из двух громких литературных дел 1913 г. Зарудный одно выиграл, а другое проиграл. Защищая редактора «Библиотеки рабочего» В.А. Поссе, которому инкриминировалось нелегальное издание произведений Л.Н. Толстого «Исповедь» и «В чем моя вера?», Александр Сергеевич добился не только оправдательного приговора для обвиняемого, но и снятия ареста с «богохульных» сочинений Л.Н. Зато помочь историку (будущему советскому академику) М.Н. Покровскому, который был предан суду за издание 5-го тома своей «Русской истории» с главами о революционном движении в России, Зарудный не смог; по приговору суда тираж 5-го тома был уничтожен<sup>3</sup>.

По компетентному мнению О.О. Грузенберга, Зарудный как адвокат «оратор был превосходный, божьей милостью. <...> Диапазон его ораторских возможностей был широк, но неровен: Зарудному случалось трепыхаться на земле, но нередко он подымался на такую высоту, которая впору только орлам. Отсюда — разнобой в оценке его сил: те, кому не довелось слышать его орлиного клекота, не знали подлинного Зарудного»<sup>4</sup>.

Наглядно представляют нам Зарудного воспоминания его близких коллег — присяжных поверенных Н.К. Муравьева и В.В. Беренштама. «Небольшого роста, невидный человек» («Поглядеть — ничего особен-

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 205.

<sup>2</sup> См.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 88—89.

<sup>3</sup> См.: Покровский М.Н. Избр. произведения: В 4 кн. М., 1966. Кн. 1. С. 17.

<sup>4</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 205. Это замечание Грузенберга объясняет, почему холодно отозвался о Зарудном-ораторе классик «старой» адвокатуры Н.П. Карабчевский (см.: Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 20). Впрочем, Зарудного Карабчевский ставил выше А.Ф. Керенского, Н.Д. Соколова, Ф.И. Родичева («был бы недурным оратором, если бы в голове его мысли и аргументы строились правильными рядами, а не в шахматном порядке»: Там же. С. 18—19, 20).

ного. Надо присмотреться»), Зарудный в момент защитительной речи обычно испытывал душевный подъем и на глазах слушателей преобразался: фигура словно выростала, «несколько глуховатый» голос обретал звонкость и силу, слова и жесты — красочную выразительность; особенно же впечатляли его «вдохновенные глаза, дивные глаза пророка»<sup>1</sup>.

Коллеги отмечали сентиментальную особенность Зарудного-адвоката: больше всего удавались ему «речи в защиту женщин. В них была подлинная любовь и нежность. <...> Зарудный поочередно влюблялся (это точное слово) в своих подзащитных женщин, ходил к ним в тюрьму, как на любовное свидание, и с артистичностью природного контрабандиста приносил им цветы, конфеты и разные безделушки»<sup>2</sup>. Специалисты признают не случайным тот факт, что именно при Зарудном как министре юстиции летом 1917 г. впервые в России на «классную» должность помощника секретаря Петроградской судебной палаты была назначена женщина — Ю.М. Гудацкая-Финикова<sup>3</sup>.

Любое свое выступление по любому делу Зарудный готовил очень тщательно, изучая до тонкостей обстоятельства дела, все «за» и «против» его подзащитных<sup>4</sup>. Но тексты своих защитительных речей он никогда не писал. О.О. Грузенберг с огорчением констатировал: «Его речи не изданы, даже не собраны. Они умерли в душных залах судов»<sup>5</sup>. Полностью опубликован текст только одной речи Зарудного — по якутскому делу 1904 г.

Среди корифеев «молодой адвокатуры» Зарудный был едва ли не самым авторитетным. Одно его имя (сын С.И. Зарудного!) «сразу привлекало внимание судей, внушая уважение одним и вызывая негодование других»<sup>6</sup>. Главное же, он воздействовал на окружающих исключительной порядочностью, бескорыстием, «кристаллической чистотой — в побуждениях, в целях, которые он себе ставил, и в способах их достижения»<sup>7</sup>. В его последней записной книжке был запечатлен девиз Анатоля Франса, которому он следовал всю жизнь: «Настоящее

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 9 об.-10; Д. 39. Л. 1, 3.

<sup>2</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 206.

<sup>3</sup> См.: Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906—1917 гг. С. 310—311.

<sup>4</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 6—8 об. (воспоминания Н.К. Муравьева: «Семья А.С. Зарудного»).

<sup>5</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 205.

<sup>6</sup> РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 3 (воспоминания Н.К. Муравьева). О том же см. отзыв присяжного поверенного В.А. Плансона (*Судебные отчеты. Забастовка адвокатов // Право*. 1906. № 32. С. 2595).

<sup>7</sup> РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 13. Л. 5 (воспоминания Н.К. Муравьева).

счастье на земле состоит не в том, чтобы получать, а в том, чтобы давать»<sup>1</sup>.

Даже политически враждебный к Зарудному советский юрист Б.С. Утевский признавал: «Он был скромным в жизни, лишенным честолюбия человеком. Он не гнался за гонорарами, не думал о зарботке и весь отдавался защите на политических процессах. <...> Уважением он пользовался и у старых адвокатов»<sup>2</sup>. Диссонирует с такими отзывами о Зарудном только полная классовая ненависти оценка его большевиком Ф.Ф. Раскольниковым как «тюремщика и палача»<sup>3</sup>.

Раскольников уже имел дело с Зарудным как политическим деятелем, министром, а не юристом, не адвокатом. Подчеркну, что политическая карьера Зарудного была недолгой. Вся она уложилась в шесть месяцев, с марта до сентября 1917 г. Ранее, вплоть до Февральской революции, Зарудный не вступал ни в какие партии, но был тогда — именно как юрист, адвокат — «полезен всем партиям, служа идее права»<sup>4</sup>. Впрочем, оставаясь вне партий, он отнюдь не сторонился политики, — напротив, в революционных событиях 1905—1907 гг. проявил «антиправительственную» активность.

На I съезде адвокатов России 28—30 марта 1905 г. Зарудный был избран членом ЦК оформленного здесь всероссийского Союза адвокатов, а после того как II адвокатский съезд 5—6 октября того же года высказался в поддержку всеобщей политической стачки, Александр Сергеевич принял инициативное участие в небывалой до тех пор адвокатской *политической забастовке*. Обвинительный акт по делу об этой забастовке гласил, что адвокаты-забастовщики во главе с Зарудным образовали из сочувствующих «многолюдную толпу» и «начали последовательно проникать в судебные канцелярии, в камеры судебных следователей и старшего нотариуса и, наконец, в залы, где происходили судебные заседания, требуя везде немедленного прекращения служебных занятий, а в присутственных залах — закрытия судебных заседаний»<sup>5</sup>.

За это Александр Сергеевич и пятеро его коллег были арестованы и преданы суду. 4 августа 1906 г. Петербургский окружной суд пригово-

<sup>1</sup> Цит. по: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 118.

<sup>2</sup> Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 200.

<sup>3</sup> Раскольников Ф.Ф. О времени и о себе. Л., 1989. С. 220, 221.

<sup>4</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 283. Л. 14 (воспоминания присяжного поверенного С.Е. Кальмановича).

<sup>5</sup> Судебные отчеты. Забастовка адвокатов // Право. 1906. № 32. С. 2590.

рил их к лишению свободы... на 7 дней<sup>1</sup>. Сверх того, весной 1910 г. дисциплинарный суд Петербургской судебной палаты лишил *беспартийного* фрондера Зарудного права в течение года исполнять обязанности присяжного поверенного<sup>2</sup>.

Лишь в марте 1917 г. Зарудный примкнул к неонароднической «Трудовой группе» («Трудовики»)<sup>3</sup>, когда принял (5 марта) должность товарища министра юстиции Временного правительства с намерением «вправить в революционную законность вывихнутую царским режимом из всех суставов даже старой законности российскую юстицию»<sup>4</sup>.

Лестное предложение занять пост товарища министра юстиции Зарудный получил сразу после победы Февральской революции от своего коллеги, присяжного поверенного А.Ф. Керенского, ставшего министром. «Адвокаты всюду преобладали»<sup>5</sup>, — вспоминал о том времени Н.П. Карабчевский. Да, Керенский стал министром (а вскоре и главой правительства), Зарудный — товарищем министра (а потом и министром), В.А. Маклаков — комиссаром Государственной думы в Министерстве юстиции, Ф.И. Родичев — комиссаром Временного правительства по делам Финляндии, А.А. Демьянов — директором 2-го департамента Министерства юстиции (а затем и министром), О.О. Грузенберг, А.Н. Андроников, Н.Д. Соколов, М.М. Винавер — сенаторами, а Н.К. Муравьев — председателем по расследованию преступлений царского режима.

Кресло товарища министра оказалось Зарудному не по душе. Он был шокирован повальными арестами людей, включая совершенно безвинных и близко ему знакомых, как, например, офицер лейб-гвардии Гусарского полка Георгий Таль — сын генерала от кавалерии Александра Яковлевича Таля, давнего друга семьи Зарудных. В результате уже 26 марта Зарудный обратился к Керенскому с просьбой об отставке<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Судебные отчеты. Забастовка адвокатов // Право*. 1906. № 32. С. 2595. Защитник адвокатов на этом суде В.А. Плансон восклицал: «Какая злая ирония в том, что на скамью подсудимых посажен сын С.И. Зарудного, создателя наших судебных уставов, гордость нашей адвокатуры и магистратуры!» (Там же).

<sup>2</sup> См.: *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 53.

<sup>3</sup> См.: РГИА. Ф. 857. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 (автобиография А.С. Зарудного). В июле 1917 г. трудовики объединились с народными социалистами (энесами) в одну Народно-социалистическую трудовую партию, членом которой стал и Зарудный.

<sup>4</sup> РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 12. Л. 11—12 (воспоминания о Зарудном его друга, видного социал-демократа В.Д. Перазича).

<sup>5</sup> *Карабчевский Н.П.* Указ. соч. Ч. 2. С. 124.

<sup>6</sup> См.: «Эта чисто полицейская мера не должна исходить от министра правосудия» (Письмо А.С. Зарудного А.Ф. Керенскому). Публ. Ю.В. Варфоломеева // *Отечественные архивы*. 1999. № 5.

Тогда Керенский смог убедить Зарудного остаться, но 6 июня Александр Сергеевич все-таки уволился.

«Потом, — вспоминал о Зарудном В.Д. Перазич, — ему пообещали, что не будут мешать, и 25 июля он вернулся в правительство уже министром юстиции»<sup>1</sup> (Керенский к тому времени стал министром-председателем). В качестве министра юстиции Зарудный вместе с Керенским как премьер-министром 1 сентября 1917 г., после подавления Корниловского мятежа, подписал манифест Временного правительства о провозглашении России республикой<sup>2</sup>.

Однако «второе пришествие» Зарудного в правительство оказалось еще короче первого: он окончательно разочаровался в Керенском, 3 сентября оставил должность министра и навсегда устранился от политической борьбы. Мотивы своей второй (тоже добровольной!) отставки он объяснил в речи на Демократическом совещании 16 сентября 1917 г.: «личный режим» Керенского бесперспективен; «правительство ни на что не опирается и не на что ему опереться, оно бесконтрольно топчется в Зимнем и ничего не делает для страны»<sup>3</sup>.

В 1917 г. родилась и до недавних пор оставалась еще живучей версия о том, что министр Зарудный «засадил в тюрьму» многих большевиков, а главное, отдал приказ об аресте Ленина<sup>4</sup>. В действительности, этот приказ был отдан Кабинетом министров 7 июля, за три недели до возвращения Зарудного в правительство после первой отставки<sup>5</sup>. Гораздо ближе к истине версия сенатора Н.Н. Таганцева (сына выдающегося ученого-криминалиста Н.С. Таганцева): именно слабостью Зарудного как министра юстиции, не принявшего «экстренных мер против Ленина и его товарищей, объясняется быстрый и успешный рост большевизма»<sup>6</sup>. Ведь Зарудный лично содействовал освобождению арестованных в июле Л.Д. Троцкого, А.В. Луначарского, А.М. Коллонтай, а прокурора Петроградской судебной палаты Н.С. Каринского, печатно обвинившего большевиков в шпионаже, уволил как дезинформатора<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1. Д. 12. Л. 12.

<sup>2</sup> См.: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Указ. соч. С. 326.

<sup>3</sup> Цит. по: *Суханов Н.Н.* Записки о революции. М., 1923. Т. 3. Кн. 6. С. 184—185.

<sup>4</sup> См., например, статью об А.С. Зарудном в 1-м издании Малой советской энциклопедии. Б.С. Утевский в его указ. соч. 1989 г. (С. 200) тоже винил Зарудного в «грязной стряпне процесса против В.И. Ленина».

<sup>5</sup> См.: *Рабинович А.Е.* Большевики приходят к власти. Революция 1917 г. в Петрограде. М., 1989. С. 56.

<sup>6</sup> *Таганцев Н.Н.* Из моих воспоминаний // 1917 год в судьбе России и мира. Февральская революция. М., 1917. С. 247.

<sup>7</sup> Подробно см.: *Варфоломеев Ю.В.* Указ. соч. С. 101—102

Октябрьскую революцию Зарудный (вероятно, по своей склонности к идеям народовластия и Советов) принял и в первое время пытался, по его выражению, «примирить мою партию с Советской властью». Поскольку это не удалось, он 3 апреля 1918 г. официально вышел из «своей» партии народных социалистов и более уже принципиально не вступал ни в какие партии, оставаясь, как он говорил о себе, «околопартийным» юристом.

В советское время Зарудный занимал разные должности в сфере юстиции<sup>1</sup>: служил в Ленинграде юрисконсультом местного отделения Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, побыв какое-то время, как в далеком прошлом, и *обвинителем* (при Нарсуде), и *защитником* (в Ревтрибунале), а с образованием Ленинградской коллегии адвокатов (летом 1922 г.) вступил в нее и оставался ее членом до конца своих дней, — был избран даже членом Президиума коллегии.

С 1923 г. Александр Сергеевич стал часто выступать с лекциями на историко-революционные и юридические темы в разных концах страны: только за три года (1923—1926) объездил весь Советский Союз «от Мурманска до Краснодара, от Минска до Владивостока и прочел 282 лекции в 159 городах»<sup>2</sup>. Чаще всего он выступал на такие темы: «1905 год», «1917 год», «Дело лейтенанта Шмидта», «Дело Бейлиса», «Якутское дело», «Временное правительство и его ошибки». 22 ноября 1923 г. вдова писателя В.Г. Короленко Евдокия Семеновна писала из Полтавы в Берлин старому сподвижнику (и другу) Зарудного О.О. Грузенбергу: «<...> Был здесь Зарудный, он в Полтаве читал лекцию о своих подзащитных по политическим делам, излагал свои взгляды на интеллигенцию за 40 лет. Говорили мне, что лекция была хорошая. <...> Вторая была у Зарудного про дело Бейлиса. <...> Он очень постарел, почти белый, но хороший»<sup>3</sup>.

Удивительно, что при такой занятости Зарудный и в последние годы своей жизни не расставался с увлечением юности — писал стихи. Из 85 «единиц хранения» его поэтического багажа, которые с большим трудом могла собрать Зоя Сергеевна Зарудная, 50 — относятся именно к последним годам<sup>4</sup>.

В конце жизни Зарудный, по всей видимости, старался приспособиться к коммунистическому режиму, веруя (или заставляя себя поверить) в декларированные большевиками идеалы социальной справед-

<sup>1</sup> См. Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 113—114.

<sup>2</sup> РГИА. Ф. 857. Оп. 1. А. 14.

<sup>3</sup> Грузенберг О.О. Указ. соч. С. 203.

<sup>4</sup> См.: Варфоломеев Ю.В. Указ. соч. С. 14.

ливости: в 1933 г. 70-летним стариком вступил в кружок по изучению ленинизма при Ленинградском отделении Общества политкаторжан<sup>1</sup>.

Умер Александр Сергеевич Зарудный от воспаления легких в Ленинграде 30 ноября 1934 г., за считанные дни до начала массовых репрессий (в ответ на убийство С.М. Кирова), жертвами которых стали его друзья и коллеги: П.Н. Малянтович, М.Л. Мандельштам, Б.Г. Лопатин-Барт, семья Н.К. Муравьева. Кстати, главную вину Малянтовича, арестованного в 1937 г. и через два года расстрелянного на Лубянке, сталинские каратели усмотрели в том, что он был когда-то (после Зарудного) министром юстиции Временного правительства<sup>2</sup>. Проживи Зарудный двумя-тремя годами дольше, он, весьма вероятно, тоже, как и его преемник по министерскому креслу, стал бы жертвой сталинского террора, тем более что с его именем связывали приказ об аресте Ленина.

---

<sup>1</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 210. Оп. 1 Д. 12. Л. 20.

<sup>2</sup> Подробно об этом см. в очерке «П.Н. Малянтович».



## ОСКАР ОСИПОВИЧ ГРУЗЕНБЕРГ

(1866—1940)

Одним из крупнейших в России адвокатов и судебных ораторов XX в. был Оскар Осипович Грузенберг — правоведа-эрудит, как В.Д. Спасович; неукротимый боец, как П.А. Александров; язвительный полемист, как А.И. Урусов; почитатель А.И. Герцена и друг А.М. Горького. Жизнь, деятельность и личность Грузенберга отражены в обширном массиве источников. Это в первую очередь — опубликованные воспоминания, письма, очерки, речи самого Оскара Осиповича<sup>1</sup> и сохранившийся в Петербурге его, правда небогатый, личный архивный фонд<sup>2</sup>, а также отрывочные сведения о нем в мемуарах юристов (В.В. Беренштама, М.А. Манделъштама, Б.С. Утевского) и других современников (П.Н. Милюкова, Н.А. Морозова, К.И. Чуковского)<sup>3</sup>. Но до сих пор, как ни странно, нет о нем специального, сколько-нибудь обобщающего исследования, хотя бы в форме статьи (не говоря уже о научной биографии)...<sup>4</sup>

Грузенберг родился в 1866 г. в Екатеринославе (нынешний Днепродзержинск) на Украине. Отец его был купцом 2-й гильдии. Он умер в 1879 г., когда будущей знаменитости российской адвокатуры не исполнилось и 13 лет. Кстати, брат Оскара Матвей Осипович тоже стал видным адвокатом в Тифлисе (Тбилиси).

---

<sup>1</sup> См.: *Грузенберг О.О.* Вчера. Воспоминания. Париж, 1938; *Он же.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944; *Горький* и русская журналистика начала XX в. Неизданная переписка // Литературное наследство. 1988. Т. 95. С. 993—1033: переписка с О.О. Грузенбергом.

<sup>2</sup> См.: ЦГИА СПб. Ф. 2093 (О.О. Грузенберг).

<sup>3</sup> Удивительно, что Грузенберг даже не упомянут в 8 томах сочинений А.Ф. Кони, хотя он питал к Анатолию Федоровичу глубочайшее уважение (см. его письмо к Кони от 30 декабря 1923 г.: ИРАИ РО. Ф. 134. Оп. 3. Д. 490).

<sup>4</sup> Единственное исключение — обзорно-вступительная статья Е.М. Кулишера «О.О. Грузенберг как адвокат» в изд. «Очерков и речей» Грузенберга.

В 1885 г. Оскар Грузенберг окончил 4-ю Киевскую гимназию и в том же году поступил на юридический факультет Киевского университета. Еще студентом, в 1887 г., он женился на Розе Гавриловне Голосовкер, с которой прожил всю жизнь. На знаменитом двойном портрете работы В.А. Серова «О.О. Грузенберг с женой Розой Гавриловной» (сентябрь 1909 г.) первый план занимает, прикрыв мужа своей, не слишком ладной фигурой, именно Роза Гавриловна. Кстати, в 1911 г. Серов написал и отдельный портрет Р.Г.<sup>1</sup> Можно поэтому предположить, что все сказанное академиком И.Э. Грабарем о супругах Грузенберг («долго умоляли Серова изобразить их вдвоем, немилосердно с ним торговались и до смерти ему надоели», а Серов «им за это отомстил портретом, чего они, впрочем, не уразумели»)<sup>2</sup>, — все это относится больше к Розе Гавриловне, чем к Оскару Осиповичу.

В 1889 г. Грузенберг окончил Киевский университет, приехал в Петербург и там (!) поступил в помощники к присяжному поверенному П.Г. Миронову — очень авторитетному адвокату, бессменному с 1886 по 1902 гг. члену Петербургского совета присяжных поверенных, который представлен в словаре-альбоме П.К. Мартьянова такими строками:

Не адвокат — певец, в суде — Мазини<sup>3</sup> сам,  
Речами-песнью губит «уголовных дам»<sup>4</sup>.

В звании помощника присяжного поверенного (оно, по определению самого Грузенберга, «было лишь адвокатским ученичеством»<sup>5</sup>) Оскар Осипович задержался... на 16 лет. Хотя Петербургский совет каждый раз по истечении установленного 5-летнего срока рекомендовал принять его в присяжные поверенные, министр юстиции Н.В. Муравьев не пропускал его как еврея. И не только его: за все эти 16 лет «ни один еврей не был утвержден»<sup>6</sup> в звании присяжного поверенного. Между тем помощник присяжного поверенного Грузенберг уже обрел репутацию первоклассного адвоката. «И старые «патроны», — вспоминал В.В. Беренштам, — ходили к «помощнику» советоваться»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Грабарь И.Э. В.А. Серов. Жизнь и творчество.* М., 1965. С. 370.

<sup>2</sup> *Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников.* Л., 1971. Т. 2. С. 174.

<sup>3</sup> *М а з и н и* Анджело (1844—1926) — итальянский артист оперы (тенор), один из величайших певцов XIX в.

<sup>4</sup> *Мартьянов П.К.* Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века. 3-е изд. СПб., 1893. С. 181.

<sup>5</sup> *Грузенберг О.О.* Вчера. С. 39.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> *Беренштам В.В.* В огне защиты. 2-е изд. Пб., 1912. С. 138.

Лишь 10 января 1905 г., на следующий день после начала первой русской революции (символическая деталь!), Грузенберг получил звание присяжного поверенного<sup>1</sup>.

С первых же шагов своей адвокатской карьеры Оскар Осипович импонировал знатокам и коллегам редкостной эрудицией, изобретательностью, настойчивостью, мастерством слова. Но всероссийски знаменитым он стал после т. н. максвельского процесса 1899 г. (в тот год министр Н.В. Муравьев вторично отклонил рекомендацию Петербургского совета о зачислении Грузенберга в присяжные поверенные).

Предметом обвинения на максвельском процессе была «Максвельская оборона», т. е. «вооруженное сопротивление властям» (по ст. 271 Уложения о наказаниях) со стороны рабочих-стачечников текстильной фабрики Д.Д. Максвелля в Петербурге в ночь с 16 на 17 декабря 1898 г., когда целые отряды полиции врвались в жилые казармы к рабочим, истязали их, схватили первых попавшихся под руку 20 человек, которые и были преданы суду, а истязатели вызывались в суд как свидетели. Политический мотив этого дела, кроме самого факта «сопротивления властям», выражался еще и в том, что рабочие И.П. Малов, Ф.Ф. Филиппов и П.Н. Николаев — центральные фигуры стачки, «Максвельской обороны» и судебного процесса — примыкали к петербургскому Союзу борьбы за освобождение рабочего класса и вели социалистическую пропаганду на своей фабрике<sup>2</sup>.

Процесс максвельских рабочих открылся в Петербургской судебной палате 29 марта 1899 г. Защищали их представители и «старой» и «молодой» адвокатуры: Н.П. Карбачевский, П.А. Потехин, О.О. Грузенберг, Ф.И. Родичев, В.В. Беренштам, Я.З. Алапин<sup>3</sup>. До начала процесса они провели совещание, где впервые за всю историю политической защиты в России договорились о том, кто будет на процессе их лидером. Поскольку в дальнейшем адвокаты часто прибегали к лидерству в коллективной защите, здесь уместно процитировать его исчерпывающее определение, тем более что принадлежит оно Грузенбергу: «Лидерствовать — это значит: 1) не иметь возможности отлучиться ни на минуту из судебного заседания; 2) знать дело во всем объеме назубок; 3) собачиться все время с прокурором по поводу каждого его ходатайства или заявления; 4) быть готовым, не заглядывая в книгу законов,

<sup>1</sup> См.: *Список присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г.* СПб., 1914. С. 62.

<sup>2</sup> См.: *Кочергин К.И.* 90-е годы на фабрике «Рабочий» // *Красная летопись.* 1931. № 5—6. С. 195—197, 200.

<sup>3</sup> Одинокое свидетельство об участии в этом процессе Ф.Н. Плевако (*Беренштам В.В.* В боях политических защит. Л.; М., 1925. С. 11) ничем более не подтверждается.

к даче заключения по юридическим вопросам, во время слушания дела возникающим, и 5) разгадать характер каждого из подсудимых, чтобы не оскорбить усердием защиты (как этим грешил «король адвокатов» В.Д. Спасович. — Н. Т.) политических его верований»<sup>1</sup>.

«Само собою, — вспоминал Грузенберг о совещании адвокатов перед максвельским процессом, — лидерство на суде должно было быть предоставлено Потехину или Карабчевскому ввиду не только таланта, но и авторитета, которым они пользовались в судебной среде и обществе. Я высказался мотивированно в этом смысле». Однако Потехин и Карабчевский сочли более рациональным возложить лидерство на молодого и сверхэнергичного *помощника присяжного поверенного* Грузенберга. Тот согласился и уже как лидер изобретательно предложил: «Орденом министра юстиции закрыты двери суда, но не наши уста. Подсудимых — два десятка; значит, им принадлежит право ввести в зал заседания 60 человек без всяких объяснений<sup>2</sup>, а кого ввести — это будет наше дело: подберем авторитетных в разных общественных кругах людей — вот вам и публичное заседание, не намного уступающее обычному при открытых дверях»<sup>3</sup>.

Идея Грузенберга была реализована очень эффектно. «При открытии заседания, — рассказывал осведомленный современник, — подсудимые начали заявлять просьбы о выдаче пропусков «родственникам». «Кто ваш родственник?» — спрашивает председатель суда первого подсудимого. «Михаил Иванович Туган-Барановский», — отвечает без запинки рабочий. «Чем он занимается?» — «Приват-доцент Петербургского университета». — «Как же он приходится вам родственником?» — «Тетка моей жены — двоюродная сестра его дяди». Приходится допустить. Второй подсудимый называет своим родственником Владимира Галактионовича Короленко. Третий — Николая Константиновича Михайловского. Четвертый — моего дядю (историка В.Я. Яковлева — Богучарского. — Н. Т.). В результате скамьи для публики заполняются отъявленными врагами правительства. «Родственники» вынимают каждый по тетради и карандаши и приготавливаются записывать все, что будет происходить «при закрытых дверях»<sup>4</sup>.

Грузенберг до суда провел заседание и с подсудимыми, выяснил, что они пекутся не каждый о себе, а «об общей пользе и интересе»<sup>5</sup>. Поэто-

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Вчера. С. 152.

<sup>2</sup> По три родственника на каждого подсудимого.

<sup>3</sup> Грузенберг О.О. Вчера. С. 151, 152.

<sup>4</sup> Сверчков Д.Ф. На заре революции. Л., 1926. С. 30.

<sup>5</sup> Грузенберг О.О. Вчера. С. 152—153.

му защита сделала упор на изобличении беззакония и жестокости полицейской расправы с рабочими — жильцами казарм. Кульминацией процесса стал допрос, которому Грузенберг подверг главного карателя, полицейского пристава Н.П. Барача:

« — Скажите, свидетель, откровенно, из-за чего вышло такое страшное дело — неужели только из-за того, что двое рабочих, оскорбивших действием переодетого сыщика, проживали в казармах? Вы опытный полицейский, знаете, что такие дела подсудны мировому судье, который назначил бы небольшой денежный штраф или, в крайнем случае, несколько дней ареста. А вы врываетесь глухою ночью в семейные рабочие казармы, вызываете конных жандармов, полицию, ломаете рабочим ребра, истязаете их, подставляете под их удары полицейских и себя самого. Во имя чего гибель себя бысть?»

— Во имя авторитета власти, господин защитник. Власть не должна давать бунтарям спуска.

— Авторитет власти — великое дело, но он подлежит охране в пределах закона, а закон воспрещает то, что вы сделали<sup>1</sup>.

После того как суд вынес максвельцам умеренно-суровый приговор (от 3 недель ареста до 1 года тюрьмы при 4 оправданных), защита дважды в кассационном порядке добивалась его пересмотра, и на третьем процессе 9 ноября 1900 г. он был смягчен: 5 человек — к 6 месяцам тюрьмы, 4 — к аресту на 3 недели, и остальные — оправданы<sup>2</sup>.

Максвельский процесс уже со всей наглядностью показал, сколь добросовестно и тщательно изучал Грузенберг порученное ему (или взятое им на себя) дело. Ближко знавший его юрист А.Я. Столкин вспоминал: «Добросовестность его при изучении дела была изумительной. Защищая в Тифлисе податного инспектора Романовского, обвиненного в убийстве жены, Грузенберг в течение нескольких месяцев под руководством врача изучает строение сердца, читает медицинские учебники. На суде при допросе врачей-инспекторов и при исследовании характера раны, нанесенной в сердце, он поражает своими познаниями в этой области. А по делу о злоупотреблениях в Петербургском коммерческом ссудном банке, в котором должны были рассматриваться подлоги при составлении балансов, Грузенберг настолько изучил бухгалтерию, что мог на суде изумить опытных профессионалов-бухгалтеров. К выступлению Грузенберга готовился не только он сам,

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Вчера. С. 154—155.

<sup>2</sup> См.: *Рабочее движение в России в XIX в.* Документы. М., 1952. Т. 4. Ч. 2. С. 272—274, 673.

готовились и его противники и даже судьи. Как рассказывал мне секретарь Петербургской судебной палаты, председатель Крашенинников часто говорил ему: «Пришлите мне дело на дом, надо тщательнее подготовиться, так как выступает Грузенберг»<sup>1</sup>.

Если Оскар Осипович мог в интересах дела профессионально судить о загадках анатомии и бухгалтерии, то собственно правовые вопросы он понимал, толковал и разрешал виртуозно — пожалуй, как никто из адвокатов после В.Д. Спасовича. «В уголовном праве он знает все, — свидетельствовал В.В. Беренштам. — Нет сенатора, нет профессора, который знал бы практику суда лучше его. Он на лету ловил кассационные поводы. Когда нас, несколько товарищей, защищавших по одному и тому же делу, берутся составить кассационную жалобу, мы находим два-три повода, он — двенадцать. И умеет так обставить их, сделать такими серьезными, что мы только недоумеваем, как могли не заметить таких юридических слонов»<sup>2</sup>.

Адвокатская изобретательность Грузенберга, так эффектно (и эффективно!) проявлявшаяся в максвелльском деле, не знала границ. Он все учитывал, вплоть до того, как и когда выбрать благоприятный момент для разбирательства дела. По воспоминаниям Е.М. Кулишера, Грузенберг сам рассказывал ему, как он несколько раз срывал слушание дела П.Н. Милюкова и И.В. Гессена, обвинявшихся в том, что они напечатали в своей газете «Речь» манифест Петербургского Совета рабочих депутатов (октябрь 1905 г.), «а затем быстро добился его разбирательства в тот момент, когда пошли слухи о поручении Милюкову сформировать правительство. Как известно, слухи эти не оправдались, но Милюков и Гессен тем временем были оправданы»<sup>3</sup>.

Во имя соблюдения законности Грузенберг искал (и находил) разные подходы к суду. 8 февраля 1906 г. в Петербургской судебной палате слушалось дело по обвинению редактора «Русской газеты» Н.П. Дульчинского в напечатании манифеста Совета рабочих депутатов. По ходу дела прокурор не только поддержал, но и усугубил обвинение, инкриминировав Дульчинскому «намеренное возбуждение к противозаконным действиям». Грузенберг добился здесь почти невозможного. Показав, что литературные дела последнего времени «не встречают оплота в законе», он буквально воззвал к суду: «В наши дни, когда правосудие вершится штыками и саблями, велика тоска по закону. Должен же быть хоть где-нибудь чистый уголок, куда бы могла обратиться с надеждой на право-

<sup>1</sup> Столкунд А.Я. Памяти О.О. Грузенберга // Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 28—29.

<sup>2</sup> Беренштам В.В. Указ. соч. С. 138.

<sup>3</sup> Кулишер Е.М. О.О. Грузенберг как адвокат // Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 9.

судие измученная общественная совесть!»<sup>1</sup> Суд внял призыву Оскара Осиповича и подыскал для Дульчинского «чистый уголок» правосудия, оправдав его.

Особый имидж адвоката-бойца создавала Грузенбергу его рискованная, буквально на грани правонарушений (но все-таки в рамках закона) манера «собачиться», по его собственному выражению, с прокурорами и даже судьями, если те позволяли себе манипулировать законностью. В этом отношении Грузенберг не знал равных себе из отечественных адвокатов после П.А. Александра.

Вот колоритная зарисовка из воспоминаний В.В. Беренштама. 1906 г. Главный военный суд оставил в силе смертный приговор временного военного суда четырем рабочим, замеченным в толпе, когда она опустошила железнодорожный вагон с оружием. Грузенберг, что называется, рвал и метал. «Где здесь грабеж?! — горячился он. — Восставший народ расхватал оружие. Не для наживы, не для присвоения! Нет, он брал его, чтобы обезоружить войско, не дать себя избивать. Ибо власти уже делали это. Быть может, отойдя в лес, рабочие с ненавистью ломали ружья и выбрасывали их как орудие истязания. Для чего народ расхватал оружие, — суд даже не поставил себе вопроса! Это, самое главное, как раз и не интересовало его. Грабеж без похищения, без всякой цели! Но ведь за восстание нет смертной казни, и лобителям виселицы понадобился грабеж! Пусть прокурор, это око закона, даст нам ответ: где здесь закон?! Ведь это — юридическое невежество! Если нужно вешать, то нельзя же вешать безграмотно! Иначе, для чего суд, а не простые застенки? Откройте уж их скорее!»

«Он метался, точно разъяренный лев, могучий в своем великом негодовании. Казалось, он забыл, где находится, точно он был строгий судья, а они — подсудимые. Его захватила волна протеста. И речь его становилась все сильнее и резче. Всегда красивый, теперь он был прекрасен. И каждое слово его било судей молотом стыда. Он был велик своей нравственной силой. Председатель не решался прервать его резкие нападки, его упреки суду. Ибо напор негодования свалился на судей, как снежная лавина. Растерянные, они молчали. <...> Приговор отменили»<sup>2</sup>.

В другой раз, на процессе жены П.М. Рутенбурга<sup>3</sup>, обвинявшейся в сопротивлении властям, Грузенберг назвал статью Уложения, обязыва-

<sup>1</sup> Право. 1906. № 8. С. 730.

<sup>2</sup> Беренштам В.В. Указ. соч. С. 140—142.

<sup>3</sup> Рутенбург Пинхус (Петр) Моисеевич (1878—1942) — член партии социалистов-революционеров, активный участник революции 1905—1907 гг. 28 марта 1906 г. с группой рабочих казнил священника Г.А. Гапона, разоблаченного как агента охранки.

ющую суд понизить наказание до простого ареста, если доказано, что преступление было совершено в состоянии опьянения или возбуждения. Председатель суда Ф.О. Гредингер, который вел процесс предвзято и грубо, ухмыльнулся: «Что ж, по-вашему, подсудимая была в пьяном виде?», на что Грузенберг ответил запальчиво: «Неужели, господин председатель, можно быть пьяным только от алкоголя? Люди пьянеют от горя, от отчаяния, как пьян сейчас я при виде того, как вы нарушаете судебные уставы!»<sup>1</sup> Разумеется, судьи злобствовали на Грузенберга за такие его эскапады, но осадить его не могли, ибо каждую свою дерзость он мотивировал юридически неотразимо.

Не меньше злобились судьи и прокуроры на Грузенберга за его ядовитую (как у того же П.А. Александрова или А.И. Урусова) иронию, с которой он разваливал несостоятельные обвинения и против которой они тоже часто не находили аргументов, но и не хотели уступать язв-адвокату. Так, в речи по делу о злоупотреблениях на Балтийской и Псковско-Рижской железных дорогах 1903 г.<sup>2</sup>, защищая штабс-капитана запаса Ивана Кованько, Оскар Осипович подчеркнул, что даже обвинение признает репутацию его подзащитного *хорошей*, но инкриминирует ему без всяких доказательств такое нехорошее дело, как растрата казенных денег. «Жалко Кованько. Очень жалко, — иронизировал Грузенберг. — Сколько раз эти слова повторялись и прокурором, и гражданским истцом! Приведет г-н прокурор обвинительный довод, остановится и пожалеет Кованько. Вздохнет и снова пожалеет. И так как обвинительных доводов было пять, то пять раз и пожалел он его. Особенно г-н обвинитель пожалел Кованько в заключительной части своей речи, когда требовал применения к нему... самой строгой статьи карательного закона. Поверенный управления железных дорог не только пожалел, но и заявил, что он не видит против Кованько никаких улик: одни только подозрения! Но так как суд может все-таки обвинить Кованько, то и он поддерживает обвинение. Своеобразная жалость! Жутко становится от нее, и мне остается заявить моим противникам покорную просьбу не утруждать себя жалостью и приберечь ее для тех, кто в ней нуждается. Кованько обойдется и с одной правдою!»<sup>3</sup> Суд, однако, вопреки правде обвинил Кованько, приговорив его к 9 месяцам тюрьмы<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 22.

<sup>2</sup> Это громкое дело вела Петербургская судебная палата, а в числе защитников выступали Н.П. Карабчевский, А.Н. Турчанинов, Ф.А. Волькенштейн.

<sup>3</sup> Цит. по: Никитин Н.В. Преступный мир и его защитники. М., 1996. С. 380.

<sup>4</sup> См. там же. С. 381.

Показательно для Грузенберга, что он «считал для себя оскорбительным, когда его поздравляли с блестящей речью. «Блестящая, — говорил он, — значит бессодержательная, бьющая на внешний эффект». Сильная, умная, жестокая и, превыше всего, убедительная — вот те эпитеты, которыми он сам награждал понравившуюся ему речь»<sup>1</sup>.

Итак, сила Грузенберга как адвоката заключалась в совокупности достоинств гражданина, юриста, оратора, рыцарски безупречного бойца, которыми он обладал. «Всегда во всеоружии юридических знаний. Настойчивый, несмотря ни на какие неудачи. Не теряющийся ни при каких условиях. Смелый до дерзости и самозабвения, — таким запомнился он друзьям и коллегам. «Наш блестящий защитник», «с огненным темпераментом»<sup>2</sup>, — вспоминал о нем П.Н. Милюков.

Как и большинство других корифеев «молодой адвокатуры», Грузенберг в политике придерживался либерально-демократических взглядов. Из письма к нему его патрона П.Г. Миронова от 5 июля 1894 г. явствует, что Оскар Осипович был горячим (безоговорочным, в отличие от Миронова) поклонником А.И. Герцена<sup>3</sup>. Дружил он и с народовольцем Н.А. Морозовым, и с кадетом П.Н. Милюковым, и с пролетарским писателем А.М. Горьким, причем каждого из них юридически опекал. Так, после освобождения Морозова (7 ноября 1905 г.) из Шлиссельбургской крепости, где он отсидел 21 год, его обязали «ежедневно утром являться в охранное отделение и получать там новое письменное удостоверение на право прожить следующий день». Грузенберг, узнав об этом, взялся «вести все дела» Морозова и выхлопотал ему разрешение приписаться к сословию мещан с правом свободного проживания «по всей империи»<sup>4</sup>.

С Горьким Грузенберг познакомился еще до Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. В квартире Оскара Осиповича Алексей Максимович в 1903 г. читал только что написанную им программную поэму «Человек», а весь сбор с этого литературного вечера шел в пользу антиправительственных организаций<sup>5</sup>. Когда же, после 9 января, Горький был арестован за его протест против расстрела мирного шествия рабочих, Грузенберг взялся его защищать, но в условиях нарастания революции царизм предпочел «замять» дело Горького — суд над ним, назначенный

<sup>1</sup> Кулишвр Е.М. Указ. соч. С. 12.

<sup>2</sup> Там же. С. 8—9; Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 426; Т. 2. С. 60.

<sup>3</sup> См.: ЦГИА СПб. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 182. Л. 25 об.-26.

<sup>4</sup> Морозов Н.А. Повести моей жизни. М., 1947. Т. 3. С. 64, 67.

<sup>5</sup> См.: Стасова Е.Д. О Горьком // М. Горький в эпоху революции 1905—1907 гг. М., 1957. С. 69; Утесвский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 259.

на 3 мая 1905 г., не состоялся<sup>1</sup>. В дальнейшем Грузенберг вел литературные дела Горького, а благодарный писатель подарил ему шесть томов своего собрания сочинений с дружественной дарственной надписью<sup>2</sup>.

Видный историк, председатель ЦК Конституционно-демократической партии и министр иностранных дел Временного правительства 1917 г. П.Н. Милюков тоже считал Грузенберга своим «другом и постоянным защитником» и признавал не случайным тот факт, что черносотенец Смирнов в 1907 г. имел поручение убить и самого Милюкова, и его «постоянного защитника»<sup>3</sup> Грузенберга.

Зато своему коллеге, присяжному поверенному А.В. Бобрищеву-Пушкину после его инсинуаций против революционного движения на процессе Г.А. Гершуни (1904) Грузенберг отказался подавать руку<sup>4</sup>.

О политической оппозиционности Грузенберга самодержавию свидетельствует его участие в собрании 676 «представителей интеллигентных профессий» в Петербурге 20 ноября 1904 г. Собрание выработало резолюцию с требованием, «чтобы весь государственный строй России был реорганизован на конституционных началах». Подписали резолюцию, наряду с литераторами (В.Г. Короленко, А.М. Горьким, Л.Н. Андреевым, П.Ф. Якубовичем), учеными (В.И. Семевским, Н.П. Павловым-Сильванским, Е.В. Тарле, Н.А. Бердяевым), деятелями искусств (М.Ф. Андреевой, Т.А. Щепкиной-Куперник), многие адвокаты — и «старые» (Д.В. Стасов, А.Н. Турчанинов), и «молодые» (О.О. Грузенберг, Б.Г. Барт и др.)<sup>5</sup>.

Однако в отличие от адвокатов, которые были членами кружков политзащиты, Грузенберг никогда не ставил профессиональный долг защитника в зависимость от своих или своего подзащитного политических взглядов, усматривая «величие адвокатуры именно в том, что она становится на защиту жертв политического преследования и государственного произвола, кто бы ни были эти жертвы и от кого бы ни исходило гонение»<sup>6</sup>. «Государственный строй меняется, — говорил он на собрании адвокатов в 1906 г. — Власть приходит и уходит. Партии слабеют и распадаются. Но незыблемыми остаются те принципы права

<sup>1</sup> Подробно об этом см.: *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы. М., 1962. Т. 4. С. 187—196.

<sup>2</sup> См.: *Горький* и русская журналистика начала XX в. С. 994.

<sup>3</sup> *Милюков П.Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 426; Т. 2. С. 60.

<sup>4</sup> В архиве Грузенберга сохранилось письмо к нему обиженного Бобрищева-Пушкина с жалобами на то, что после дела Гершуни он порвал «с близкими людьми, с частью сословия, с редакциями» (ЦГИА СПб. Ф. 2093. Оп. 1. Д. 49. Л. 1—6 об.).

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 69—71.

<sup>6</sup> *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. С. 18.

и свободы, во имя которых адвокат встает на защиту личности»<sup>1</sup>. Впрочем, Грузенберг защищал А.М. Горького и В.Г. Короленко, А.Д. Троцкого и М.Т. Бейлиса, членов Государственной думы и Всероссийского Крестьянского союза, но ни разу не выступал защитником явно реакционного, на его взгляд, лица или дела.

Прославляя «величие» российской адвокатуры, Оскар Осипович даже переоценивал ее защитительные возможности. Вот что он сказал в речи по делу 1909 г. о присяжном поверенном А.И. Гиллерсоне: «Как бы суров ни был ваш приговор, он русскую адвокатуру — я твердо верю — не запугает. Куда бы историческая судьба ни забросила ее членов, — в реакционный ли застеночек или в революционный трибунал, — всюду они отдадут своим подзащитным все помыслы, всю силу души, и в этой всепоглощающей работе не останется ни минуты для малодушной тревоги за себя»<sup>2</sup>. По поводу этих слов Грузенберга Е.М. Кулишер резонно заметил: «Судьбы русской адвокатуры, увы, сложились иначе. Ей не суждено было гордо встать в революционном трибунале на защиту тех, кого революционная власть преследовала и истребляла за их убеждения. В страшные годы этих преследований славная корпорация русской адвокатуры была уже разгромлена»<sup>3</sup>.

Грузенберг не так часто выступал на политических (или с политическим оттенком) процессах, как А.С. Зарудный, Н.К. Муравьев или Н.Д. Соколов, но каждый раз он играл при этом среди защитников одну из главных либо даже главную, лидирующую роль. Так было, к примеру, на процессе в Кишиневской судебной палате 6 ноября — 7 декабря 1903 г. по делу о грандиозном, вызвавшем международный резонанс, еврейском погроме в апреле того года<sup>4</sup>. Здесь Оскар Осипович выступил — вместе с Н.П. Карабчевским, Л.А. Куперником, А.С. Зарудным, Н.Д. Соколовым и другими корифеями — в качестве поверенного гражданских истцов, т. е. потерпевших от погрома евреев. Именно Грузенберг и Карабчевский потребовали в интересах истцов «доследовать дело» с целью «изобличить *истинных* виновников погрома», т. е. привлечь для допросов губернатора фон Раабена, начальника кишиневской охранки барона Левендаля, полицмейстера Ханженкова<sup>5</sup>. Поскольку суд это требование отклонил, поверенные гражданских истцов ушли с процесса, а перед уходом Грузенберг дал отповедь защитнику А.С. Шма-

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 18.

<sup>2</sup> Там же. С. 75.

<sup>3</sup> Там же. С. 19.

<sup>4</sup> Подробнее о нем — в очерке «А.С. Зарудный».

<sup>5</sup> См.: Кишиневский процесс // Революционная Россия. 1903. № 38. С. 13.

кову, заявившему, что те, кто за евреев, «унижают Россию». «Нам говорят, — возмущался Оскар Осипович, — что мы унижаем Россию. Чем? Разоблачением ужасов, которые творила озверевшая толпа, и желанием привлечь к суду истинных виновников? Я считаю вправе утверждать, что разбойники, насильники и грабители в те ужасные дни не бросили большего позора на наше отечество, чем те, которые явились сюда защищать их перед судом!»<sup>1</sup>

С еврейским вопросом, всегда — с юных лет — болезненным для Грузенберга, он вновь остро соприкоснулся, будучи уже на пике своей адвокатской карьеры, в 1913 г. С 25 сентября по 30 октября того года в Киеве шел привлекавший к себе внимание мировой общественности процесс по делу приказчика кирпичного завода Менделя Бейлиса — еврея, который якобы (по версии охраны) с ритуальной целью получения христианской крови для выпечки мацы<sup>2</sup> убил христианского мальчика Андрея Ющинского<sup>3</sup>. Грузенберг выступил здесь защитником в первоклассной компании с Н.П. Карабчевским, А.С. Зарудным и В.А. Маклаковым.

Перед началом суда адвокаты засомневались, как быть, — защищать ли конкретно Бейлиса или «еврейство вообще». Грузенберг сформулировал позицию защиты, которая и была одобрена: «Раз вызваны эксперты по вопросу еврейской религии, пусть они и возьмется со всем этим вздором. Мы, со своей стороны, вызвали русских ученых с мировыми именами, как академик Коковцов<sup>4</sup>, профессор Троицкий<sup>5</sup> и московский общественный раввин Я. Мазе... Смешно же нам путаться в работу корифеев. Конечно, для церемоний, чтобы не вызвать недовольства со стороны еврейских «общественных деятелей», надо кому-нибудь из нас делать вид, что и мы занимаемся этой экспертизой»<sup>6</sup>.

Итак, адвокаты защищали на том процессе не «еврейство вообще» а конкретно Менделя Бейлиса, доказывая (и в конце концов доказали!), что он невиновен, ибо обвинение не смогло выставить против него ни одной улики, полагаясь лишь на предположения. По существу, как это доказала защита, власти *инсценировали* ритуальное убийство и очень старались превратить весь процесс в такую же инсценировку: не зря

<sup>1</sup> *Кишиневский процесс* // Революционная Россия. 1903. № 38. С. 14.

<sup>2</sup> *Маца* — пасхальный хлеб из пшеничной муки (тонкие круглые лепешки) в религиозном быту у евреев.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: *Тайгр* А.С. Царская Россия и дело Бейлиса. М., 1934.

<sup>4</sup> *Коковцов* П.К. (1861—1942) — семитолог и гебраист, профессор Петербургского университета, с 1912 г. — академик.

<sup>5</sup> *Троицкий* И.Г. (1858 — после 1904) — доктор богословия, профессор еврейского языка Сибирской духовной академии.

<sup>6</sup> *Грузенберг* О.О. Вчера. С. 114.

часть публики, обслуживающий персонал и курьеры, являвшиеся к присяжным заседателям в их комнату, были переодетыми чинами охранки, и даже «сам председатель суда под видом сторожа для услуг присяжных заседателей ввел в их совещательную комнату переодетого жандарма»<sup>1</sup>.

Инсценировка не удалась: присяжные оправдали Бейлиса. Российская и мировая общественность встретила такой исход процесса с удовлетворением. Однако сам Бейлис, опасаясь мести со стороны черносотенцев, уехал со всей своей семьей в Палестину, где и умер в 1934 г.

Пожалуй, самым впечатляющим из выступлений Грузенберга на политических процессах была его судебная «дуэль» с авторитетным в «верхах», отличавшимся «садистской жестокостью»<sup>2</sup> председателем Петербургской судебной палаты Н.С. Крашенинниковым по делу Петербургского Совета рабочих депутатов (19 сентября — 19 октября 1906 г.). Условия той «дуэли» были крайне невыгодны для Оскара Осиповича. Процесс шел в обстановке мстительной реакции после событий 1905 г. Власти сделали его почти закрытым, чтобы суд меньше церемонился с подсудимыми и адвокатами. «Крашенинников принял все меры к тому, чтобы было как можно меньше присутствующих. Здание суда было объявлено на военном положении. Улица возле суда кишела воинскими и жандармскими отрядами, полицией и сыщиками из охранного отделения. В суд допускались по специальным пропускам»<sup>3</sup>.

Грузенберг, уже получивший к тому времени звание присяжного поверенного, был на процессе лидером защиты, представленной такими именами, как А.С. Зарудный, Н.К. Муравьев, П.Н. Малянтович, Л.Н. Андроников, Н.Д. Соколов, А.Ф. Керенский, П.Н. Переверзев. Адвокаты сразу определили юридическую недоказанность предъявленного 52 подсудимым обвинения в организации «преступного сообщества» с целью ниспровергнуть существующий строй (ст. 102 Уложения о наказаниях) и, особенно, в «приготовлении вооруженного восстания» (ст. 101). Чтобы опровергнуть обвинение, они избрали отменно продуманный ход.

В самом начале процесса Грузенберг от имени всей защиты заявил ходатайство о вызове в суд бывшего председателя Совета министров графа С.Ю. Витте, а также министра внутренних дел П.Н. Дурново, военного министра генерала от инфантерии А.Ф. Редигера и морского министра вице-адмирала А.А. Бирилева в качестве очень важных свидетелей. Дело в том, что Витте, будучи главой правительства, вступал в

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Вчера. С. 128.

<sup>2</sup> Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989. С. 36.

<sup>3</sup> Там же.

переговоры с Советом рабочих депутатов отнюдь не как с «преступным сообществом», и для суда было бы важно выяснить смысл и подробности этих переговоров<sup>1</sup>. Суд отказал защите в ходатайстве. Грузенберг саркастически прокомментировал этот отказ: «Юрист не может примириться с тем, что из числа вызываемых *на одинаковом основании* свидетелей Иванова, Петрова и т. д. можно вызвать, а Витте, Бирилева, Редигера и прочих нельзя»<sup>2</sup>.

По ходу процесса защита сумела заполучить копию письма бывшего директора Департамента полиции А.А. Лопухина от 14 июня 1906 г. к председателю Совета министров П.А. Столыпину, сменившему на этом посту Витте. В письме подробно сообщалось о «погромно-литературном» творчестве полиции, сочинявшей, якобы от имени русских рабочих Петербурга, призывы к еврейским погромам и обвинения Совета рабочих депутатов в мошенничестве, растрате рабочих денег, политической лжи. Грузенберг потребовал приобщить письмо Лопухина к делу и начал было зачитывать его текст. «Нет! — остановил его Крашенинников. — Скажите вкратце, о чем это письмо!»<sup>3</sup>

Тогда Грузенберг «вкратце», но емко и громко изложил содержание письма, а затем от себя добавил: «Эти обстоятельства важны не только для подсудимых, но и для истории. Помимо вопроса о виновности, господа судьи, вам предстоит еще решать вопрос о наказании. Это вопрос вашей совести. И мы увидим еще, что скажет ваша совесть, когда вы узнаете, что в Петербурге тоже подготавливался погром и что только этим людям, которых вы теперь судите, но на которых, как это доказано, не было ни капли крови, вы обязаны тем, что Петербург избег этих ужасов»<sup>4</sup>. Закончил Оскар Осипович свое выступление ходатайством о вызове Лопухина в качестве свидетеля.

Крашенинников объявил перерыв в заседании, а после перерыва огласил решение суда отказать защите и в приобщении к делу письма Лопухина и в вызове самого Лопухина как свидетеля. Тогда защита, со своей стороны, потребовала объявить перерыв для обсуждения возникшей коллизии, после чего Грузенберг заявил следующее:

«Господа судьи, подсудимые пришли сюда только для того, чтобы выяснить правду дела о Совете рабочих депутатов. Всю правду — и ничего, кроме нее. Широко, как будто, и, как будто, свободно развертывает-

<sup>1</sup> См.: Бальц В.А. Суд над первым Советом рабочих депутатов (Воспоминания прокурора) // Былое. 1926. № 2. С. 73.

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Глазунов М.М., Митрофанов Б.А. Первые Советы перед судом самодержавия (1905—1907 гг.). М., 1985. С. 151—152.

<sup>4</sup> Там же. С. 152.

ся вот уже в течение месяца судебное следствие. Но не с первого ли дня мы встречаем отказ в том, что является содержанием дела? Мы просили о вызове графа Витте, Дурново, военного и морского министров, всех тех, при которых протекала деятельность Совета, всех тех, кто разрешал его заседания и легализировал его деятельность... Обвинение не хочет понять, что на смену отжившей власти явился Совет так же естественно, как на смену опавшим листьям является весной молодая листва. Раскрытие деятельности Департамента полиции, охватившего, как доказывает в своем письме Лопухин, всю Россию железным кольцом преступлений, вы отвергли. Но ведь это значит убить душу процесса. <...> Для вас невозможно расширить судебное исследование до того предела, который предсказывается запросами правды. Для нас, защитников, невозможно работать без нее. С согласия подсудимых мы уходим»<sup>1</sup>.

Вслед за тем Грузенберг зачитал текст *совместного* заявления защиты и подсудимых из пяти пунктов. Заключительный пункт гласил: «Защита находит, что деятельность Совета рабочих депутатов как одного из крупнейших этапов народного освободительного движения не получит в рамках нынешнего судебного разбирательства освещения, требуемого общественными интересами, а поэтому мы, нижеподписавшиеся, считаем своим профессиональным и гражданским долгом, по соглашению с нашими подзащитными, отказаться от дальнейшего участия в разбирательстве настоящего дела, в котором мы, ввиду постановления судебной палаты, не можем выяснить ни исторической, ни юридической правды, как мы и наши подзащитные ее понимаем»<sup>2</sup>.

После этого все защитники ушли с процесса. Вслед за ними поднялись подсудимые и начали, один за другим, требовать их удаления из залы суда. Крашенинников, эпатированный таким оборотом дела, не стал их насильно задерживать.

Заседание суда возобновилось абсурдно — без защиты и, главное, без подсудимых. В такой ситуации суд предпочел не нагнетать вокруг процесса и без того уже ощутимую напряженность. Прокурор В.А. Бальц даже отказался от обвинения подсудимых в «приготовлении вооруженного восстания», и в результате приговор оказался мягче того, на который рассчитывали устроители процесса: 15 человек (в том числе известные социал-демократы Л.Д. Троцкий, П.А. Хрусталеv, Д.Ф. Сверчков,

<sup>1</sup> Цит. по: Бальц В.А. Указ. соч. С. 77.

<sup>2</sup> Цит. по: Немцов Н.М. Процесс Петербургского Совета рабочих депутатов // Советская юстиция. 1931. № 1. С. 5.

Б.М. Кнунянц<sup>1</sup>) — к ссылке на поселение, большая часть — к различным срокам тюрьмы, а 12 (среди них — видный большевик Н.Г. Полетаев) — оправданы<sup>2</sup>.

Как личность Грузенберг был неоднозначен: безусловно, крупный и яркий, он и привлекал к себе людей, и отталкивал их своими личностными качествами. По мнению его коллеги и соперника В.А. Маклакова, «в нем знаменатель был много больше числителя»<sup>3</sup>, и вообще он страдал «эгоцентризмом, которого не могли отрицать в Грузенберге даже близкие друзья его и который от него часто отталкивал, несмотря на его талант, заслуги и многие хорошие стороны»<sup>4</sup>. Однако факты свидетельствуют, что Грузенбергу свойственны были и глубокая порядочность, и скромность в самооценках. Так, в 1908 г. он демонстративно отказался защищать писателя М.П. Арцыбашева (автора романа «Санин»), против которого было начато дело по обвинению его в порнографии и кощунстве. А.М. Горький об этом так написал директору издательства «Знание» К.П. Пятницкому: «Недавно Грузенберг прислал мне письмо, в коем мотивирует свой отказ от защиты Арцыбашева. Это, знаете, подействовало на меня, как пощечина. Но — Грузенберг прав, сто раз прав! Защищать автора «Санина» — значит защищать пошлость»<sup>5</sup>. О скромности же Грузенберга говорит его самокритичная оценка «молодой адвокатуры» и адвокатов «первого призыва»: «Какими короткими в сравнении с ними кажемся мы, протестанты 900-х годов!»<sup>6</sup>

Своего рода обобщением многочисленных отзывов о личности Грузенберга надо признать сказанное В.В. Беренштамом: «Иные не любят его, другие завидуют ему. Но его славное имя известно всей России. Когда он участвует в деле, уже только по одному этому дело становится и громким, и большим, и серьезным»<sup>7</sup>.

После Февральской революции 1917 г. заслуги Грузенберга как юриста и гражданина были оценены по достоинству: он стал сенатором и депутатом Учредительного собрания. Восприняв свержение царского режима как венец возможного тогда для России, Оскар Осипович служил молодой российской демократии не за страх, а за совесть. Харак-

<sup>1</sup> В дальнейшем Кнунянц стал жертвой царского (1910), а трое остальных — революционного (!) террора: Хрусталева — в 1918, Сверчков — в 1938, Троцкий — в 1940 г.

<sup>2</sup> См.: *Балыц В.А.* Указ. соч. С. 100.

<sup>3</sup> *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 180. Числитель, по Маклакову, — то, что человек собой представляет, а знаменатель — то, что он о себе думает.

<sup>4</sup> Там же. С. 179—180.

<sup>5</sup> Цит. по: *Утесский Б.С.* Указ. соч. С. 144.

<sup>6</sup> *Грузенберг О.О.* Очерки и речи. С. 86.

<sup>7</sup> *Беренштам В.В.* Указ. соч. С. 138.

терным был диалог Грузенберга с Л.Д. Троцким летом 1917 г. на публичном собрании в Александринском театре. Троцкий высказался там за немедленный выход России из войны, а в перерыве подошел к Грузенбергу и спросил, как тот оценивает его речь. Грузенберг ответил: «За годы вашего пребывания за границей я вас не слышал. Вы не утратили своей эрудиции, своего блестящего ораторского таланта. Но в качестве сенатора у меня для вас готов каторжный приговор». Троцкий отшутился: «Вы хотите исправить ошибку, которую сделали когда-то, защищая меня»<sup>1</sup>.

Октябрьскую революцию Грузенберг не принял, как и многие другие корифеи отечественной адвокатуры (Н.П. Карабчевский, В.А. Маклаков, М.М. Винавер, Ф.И. Родичев, П.Н. Переверзев, Е.И. Кедрин, Н.П. Шубинский), но и в отличие от С.А. Андреевского, В.И. Танеева, А.С. Зарудного, Н.К. Муравьева, М.Л. Мандельштама, П.Н. Малянтовича, Н.Д. Соколова, Л.Н. Андроникова, Б.Г. Барта-Лопатина — эмигрировал. С 1921 г. он жил в Берлине, в 1926—1932 гг. — в Риге, а с 1932 г. — в Ницце.

Не приемля советский режим, Грузенберг, однако, и в эмиграции оставался патриотом России. Он с тревогой следил за агрессивными шагами фашистской Германии, предугадывая ее нападение на Советский Союз. В письмах 1938—1939 гг. Оскар Осипович клеймил «незачисленного в списках о судимости убийцу Гитлера» и, как только началась Вторая мировая война, убежденно предсказывал: «Немцы *должны* быть разбиты и будут разбиты!»<sup>2</sup>

Оскар Осипович Грузенберг умер в Ницце 27 декабря 1940 г. Он не дожил лишь несколько месяцев до вторжения гитлеровских полчищ в пределы СССР. Но можно не сомневаться: если бы дожил, он как истинный патриот своего отечества без колебаний определился бы, на чью сторону встать — фашизма или коммунизма. Ведь, в конце концов, как говорил он в 1906 г. на собрании петербургских адвокатов, «государственный строй меняется, власть приходит и уходит», а родная страна, ОТЕЧЕСТВО остается.

<sup>1</sup> Столквид А.Я. Указ. соч. С. 21.

<sup>2</sup> Грузенберг О.О. Очерки и речи. С. 219, 221.



## НИКОЛАЙ КОНСТАНТИНОВИЧ МУРАВЬЕВ

(1870—1936)

Почетное место в первом ряду корифеев отечественной адвокатуры занимает Николай Константинович Муравьев — не только выдающийся адвокат (он осмеливался защищать Н.Э. Баумана и Л.Д. Троцкого, Н.И. Бухарина и А.И. Рыкова, М.Н. Покровского и Н.А. Рожкова), но и видный общественный деятель: председатель Комитета Политического Красного Креста, председатель Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства 1917 г., душеприказчик Льва Толстого.

До последнего времени его жизнь и деятельность не привлекали к себе особого внимания историков или юристов, хотя нашли отражение в разнообразных источниках — и опубликованных<sup>1</sup>, и архивных<sup>2</sup>. Лишь в 2004 г., усилиями внучки Муравьева Т.А. Угримовой и его внука А.Г. Волкова, издан сборник материалов о нем<sup>3</sup> — важное подспорье для создания научной биографии Николая Константиновича, остающейся пока делом будущего...

Потомственный дворянин Николай Константинович Муравьев родился 21 марта 1870 г. в с. Щербинино Тверского уезда (14 верст от Твери), где находилась скромная усадьба Муравьевых: «два или три небольших деревянных дома и сдаваемые в аренду уголья»<sup>4</sup>. Отец бу-

<sup>1</sup> См., например: *Маковицкий Д.П.* У Толстого (1904—1910). Яснополяские записки. М. 1979. Кн. 3; *А.Н. Толстой и его близкие*. М., 1986; *Горький* и русская журналистика нач. XX в. Неизданная переписка // Литературное наследство. 1988. Т. 95.

<sup>2</sup> Личные архивные фонды Н.К. Муравьева хранятся в ГАРФ (Ф. 1652) и в Государственном музее Л.Н. Толстого в Москве (АНМ — 8474/ 1—39).

<sup>3</sup> См.: *Стой в завете своем...* Николай Константинович Муравьев. Адвокат и общественный деятель. Воспоминания, документы, материалы. Подготовка текста и публикация Т.А. Угримовой и А.Г. Волкова. М., 2004. 340 с. В том же году издан фоллиант воспоминаний зятя Муравьева (мужа его старшей дочери Ирины) А.А. Угримова «Из Москвы в Москву через Париж и Воркуту» (М., 2004. 720 с.) с ценными сведениями о членах семьи Н.К.

<sup>4</sup> *Стой в завете своем...* С. 237.

дущего адвоката, Константин Гаврилович, был военным, дослужился до чина подполковника, а в последние годы жизни служил в уголовной полиции (умер в 1900 г.); мать, Варвара Федоровна, из дворянского рода Лавровых, всецело посвятила себя воспитанию детей — сына и дочери, Софьи.

В 1887 г. Николай Муравьев окончил 1-ю Московскую гимназию и поступил на медицинский факультет Московского университета, но весной 1891 г. принял участие в студенческих «беспорядках» (а именно в т. н. Шелгуновской демонстрации<sup>1</sup>), был за это исключен из университета и выслан в Казань под негласный надзор полиции<sup>2</sup>. 13 сентября 1891 г. Муравьев был зачислен на медицинский факультет Казанского университета, где проучился год и вновь был замечен агентами в сношениях с неблагонадежными студентами<sup>3</sup>. К осени 1892 г. он вернулся в Москву, на медицинский факультет Московского университета, через несколько месяцев перешел на юридический факультет, но 28 октября 1894 г. за связь с политическими эмигрантами вторично был арестован, вновь исключен с лишением права поступать еще раз в университет и выслан из Москвы<sup>4</sup>. Два года высылки он провел на родине, в Щербинине<sup>5</sup>. А диплом о высшем образовании Николай Константинович все-таки получил в 1896 г., сдав экстерном экзамены при Казанском университете за юридический факультет<sup>6</sup>.

Осенью того же 1896 г. Муравьев был принят помощником к присяжному поверенному Н.П. Рождественскому — «малоизвестному адвокату, но человеку революционно настроенному, пострадавшему за сношения с революционерами 80-х годов»<sup>7</sup>. Отныне Николай Константинович связал свою судьбу с присяжной адвокатурой на все время до ее упразднения властью Советов. С 1900 г. он был присяжным поверенным при Московской судебной палате<sup>8</sup>, а в 1910—1916 гг. — бессменным членом Московского совета присяжных поверенных<sup>9</sup>.

<sup>1</sup> Одна из первых в России массовых демонстраций против царизма (6—7 тыс. участников: студентов, рабочих, демократической интеллигенции) состоялась на похоронах Н.В. Шелгунова в Петербурге 15 апреля 1891 г. Вслед за ней прошли аналогичные демонстрации в Москве, Казани, Тифлисе.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 362. Л. 1 об.

<sup>3</sup> См. там же. Л. 4 об.

<sup>4</sup> См. там же. Л. 7—7 об.

<sup>5</sup> См.: Стой в завете своем... С. 13.

<sup>6</sup> См. там же.

<sup>7</sup> Там же. С. 14 (Муравьев Н.К. Автобиографическая заметка. Ч. 1).

<sup>8</sup> См.: Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 г. М., 1917. С. 140.

<sup>9</sup> См.: Стой в завете своем... С. 89.

Муравьев сразу выдвинулся в ряд инициаторов и лидеров «молодой адвокатуры»: уже в 1896 г. он и четверо его коллег и единомышленников (П.Н. Малянтович, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко, М.Ф. Ходасевич — брат поэта Владислава Ходасевича) создали в Москве кружок молодых адвокатов. Эта, как называл ее Муравьев, «московская пятерка» и положила начало первому по времени и самому авторитетному из кружков политической защиты<sup>1</sup>. «Окончательно упрочилась наша репутация как адвокатов и определилось наше значение в адвокатуре, — читаем о «московской пятерке» в «Автобиографической заметке» Муравьева, — когда с нами сблизился Ф.Н. Плевако». Эту часть своей «Заметки» Муравьев так и назвал: «Завоевание нами Ф.Н. Плевако»<sup>2</sup>.

Всю свою жизнь Муравьев был связан с Москвой<sup>3</sup>, но в качестве адвоката по уголовным и политическим делам объездил всю Россию. Только за 1900—1905 гг. он выступал на 16 *крупных* политических процессах — чаще, чем кто-либо из адвокатов, а с 1906 г. таких процессов в его послужном списке стало еще больше. Среди них были дела об антиправительственных демонстрациях в Нижнем Новгороде и Сормове (1902), о восстании моряков в Севастополе (1906) и о подготовке покушения на Николая II (1907), о Петербургском Совете рабочих депутатов (1906) и Выборгском воззвании депутатов I Государственной думы (1907), о вооруженном восстании в Москве на Красной Пресне (1906) и о Московской организации РСДРП (Н.И. Бухарин, А.И. Рыков, М.П. Томский и др.) (1911), об адвокатах (Н.Д. Соколове, А.Ф. Керенском и др.), преданных суду в 1914 г., и о социал-демократической фракции IV Государственной думы (1915). В каждом из них, как, впрочем, и на других процессах, Муравьев проявлял себя не только искусным судебным оратором, но и лидером коллективных защит, а главное, высокоэрудированным правоведом.

Быстро заслужив репутацию первоклассного криминалиста, Николай Константинович в тех случаях, когда защита была коллективной (т. е. *каждый* адвокат защищал *каждого* из подсудимых), брал на себя самую трудную, хотя и наименее эффектную часть общей задачи — до-

<sup>1</sup> См.: *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 14—15. П.Н. Малянтович датировал образование московского кружка политзащиты 1895—1896 гг. (ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 284. Л. 41). См. об этом кружке: *Розенталь Е.И.* Московский кружок молодых адвокатов (К проблеме участия интеллигенции в освободительном движении конца XIX — начала XX в.) // Из истории России. Материалы и исследования. М.: ГИМ, 1995.

<sup>2</sup> *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 15. Об отношении Муравьева к Плевако говорит тот факт, что только на этой странице Ф.Н. трижды назван «гениальным» и еще раз — «великим» адвокатом.

<sup>3</sup> Он жил в Москве на Пречистенке. Адрес для телеграмм на его именном бланке выглядел так: «Москва. Никому».

казывать юридическую несостоятельность обвинения. Так было на Морозовском процессе в Московской судебной палате 18—23 мая 1899 г., когда 90 рабочих-ткачей с фабрики Викулы Морозова забастовали, требуя сокращения 12-часового рабочего дня и повышения расценок, причем оказали «сопротивление властям». Суд инкриминировал им «участие в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие <...>, похищение и повреждение. <...>»<sup>1</sup>. Муравьев в защитительной речи внушал судьям: «Процесс масс — вот особенность того дела, которому вы посвятили столько внимания и сил», и предостерег их от «опаснейшего в таких массовых процессах подводного камня — суммарности суждений и осуждения», ибо в «публичном скопище» оказались разные люди с разной степенью ответственности перед законом<sup>2</sup>. С тех же позиций Муравьев опроверг аналогичное обвинение 27 рабочих-металлургов в Мариуполе (на выездной сессии Харьковской судебной палаты 17—22 января 1901 г.). «Каждый отвечает за себя, за свои индивидуальные действия, что бы ни делала толпа, — говорил Николай Константинович. — Если известно только, что толпа шумела, из толпы бросили камнем, но не могут сказать этого про конкретных обвиняемых, они должны выйти отсюда оправданными» по смыслу ст. 1358 Уложения о наказаниях<sup>3</sup>.

И в том и в другом деле защитникам удалось добиться большого числа оправдательных приговоров: 37 — по морозовскому и 19 — по мариупольскому делу<sup>4</sup>.

Муравьев и его коллеги успешно боролись с обвинением на юридической почве и по делам об антиправительственных демонстрациях 1902—1903 гг. — в Сормове, Нижнем Новгороде, Батуми. По сормовскому делу были оправданы 7 человек из 13<sup>5</sup>, по нижегородскому — правда, лишь двое из 9 (защита обжаловала этот приговор в кассационном порядке, но Сенат оставил ее жалобу без последствий)<sup>6</sup>, зато по батумскому делу оправданы были все 23 подсудимых<sup>7</sup>. Кстати, о Батумском процессе 6 марта 1903 г. по обвинению рабочих в «сопротивлении властям» его участник, присяжный поверенный

<sup>1</sup> Морозовское дело // Судебные драмы. 1901. № 3. Прил. 3. С. 1—8.

<sup>2</sup> См. там же. С. 40, 50.

<sup>3</sup> См. там же. № 12. Прил. 2. С. 83—84.

<sup>4</sup> См. там же. № 3. Прил. 6. С. 68; № 12. Прил. 2. С. 89.

<sup>5</sup> См.: Политические процессы в России 1901—1917 гг. / Под ред. Л.И. Гольдмана. Ч. 1 (1901—1905). М., 1932. С. 42.

<sup>6</sup> См. там же. С. 45.

<sup>7</sup> См.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 281. Л. 17 (доклад А.А. Иогансена о Батумском процессе 1903 г. во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев 7 июня 1934 г.).

А.А. Иогансен вспоминал: «Нашим лидером во время всего процесса был Н.К. Муравьев»<sup>1</sup>.

Но не всегда удавалось адвокатам, даже при опровергнутом «от альфы до омеги» обвинении, побудить суд к смягчению приговора. Это зависело и от политической конъюнктуры в стране, и от состава судов. Если, например, старший председатель Московской судебной палаты А.Н. Попов отличался «исключительной мягкостью»<sup>2</sup>, то возглавлявший Петербургскую судебную палату Н.С. Крашенинников — «беспощадной, чисто садистской жестокостью»<sup>3</sup>. Впервые Муравьев и семеро его коллег не смогли добиться от суда справедливости на процессе по делу об «аграрных беспорядках» с неперменным «сопротивлением властям» в Харьковской губернии летом 1902 г.

Процесс вела Харьковская судебная палата на выездной сессии в уездном городе Валки с 18 сентября 1902 г. Председательствовал на суде Н.Н. Крестьянов — юрист à la Крашенинников. Защита установила, что обвиняемые, прежде чем были преданы суду, уже подверглись за участие в «беспорядках» тяжким наказаниям, а именно солдаты, присланные на подавление «беспорядков», избивали их, пороли розгами, насиловали их женщин и, наконец, взыскали с них деньги для содержания расквартированных на их земле карателей. Крестьянов, однако, запретил адвокатам развивать эту тему. Тогда все восемь защитников<sup>4</sup> подали в суд коллективное заявление за своими подписями. В нем говорилось: «Защита находит, что по основному положению уголовного права никто не может быть дважды наказан за одно и то же. Между тем подсудимые за деяния, составляющие предмет настоящего дела, подверглись карам, которые несравненно превышают кары, налагаемые за те же деяния по уголовным законам. Защита полагает, что выяснение тех наказаний, которым уже подверглись подсудимые, должно было бы повлечь за собой освобождение их, в случае признания виновными, от вторичного наказания за одно и то же деяние. <...> Защите запрещено г. председателем касаться обстоятельств, клонящихся к выяснению понесенных подсудимыми наказаний. <...> Это равносильно лишению возможности защищать подсудимых, а

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 281. Л. 3. Кроме Муравьева, на Батумском процессе выступали известные в то время адвокаты А.Н. Андроников, А.Ф. Стааль, А.А. Иогансен, А.А. Хоментовский, М.П. Иоашиш.

<sup>2</sup> *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 20.

<sup>3</sup> *Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989. С. 36.

<sup>4</sup> Н.К. Муравьев, Н.В. Тесленко, С.Е. Каальманович, А.Ф. Стааль, Ф.А. Волькенштейн, Е.И. Рапп, Н.А. Морев, А.А. Белоусов. Текст заявления защитники выработали сообща, в ходе «совещания между собою».

потому мы, нижеподписавшиеся, заявляем об отказе от дальнейшего нашего участия в деле в качестве защитников»<sup>1</sup>.

Этот демарш адвокатуры взбудоражил общественное мнение страны. Если власти «били на то, чтобы внушить обвиняемым, будто «адвокаты их продали»<sup>2</sup>, то вся оппозиционная печать приветствовала адвокатов. Их заявление перепечатывалось в либеральных газетах (включая «Право») и революционных прокламациях с такими комментариями: «Здесь перед нами уже не мирные защитники невинно осужденных людей, а *судьи судей*, судьи правительства, вторгшегося в права защиты, чтобы скрыть свои преступные деяния»<sup>3</sup>. Даже ряд иностранных газет откликнулся на поведение защиты в Валках с явным сочувствием к ней. Консервативная «Таймс» и та 16 октября 1902 г. поддержала акцию протеста «весьма выдающихся московских адвокатов»<sup>4</sup>.

Вскрывая юридическую несостоятельность обвинения, Муравьев не избегал и политических обличений суда, прокуратуры, царского режима. «Несправедливость суда, — говорил он на «адвокатском процессе» 1914 г. в Петербурге, — не есть только дело государственной власти, она есть дело национальное»<sup>5</sup>. Объектами его обличений становились и «проникающие щупальца гигантского паука»<sup>6</sup> капитализма, и «отвратительное царство самоуправства и беззакония»<sup>7</sup> во владениях великого князя Сергея Александровича — дяди Николая II. Защищая крестьян-«бунтовщиков» в 1905 г., Муравьев прямо говорил, что «удивляться надо не жестокости крестьянина, а его долготерпению»<sup>8</sup>, ибо условия жизни крестьянской бедноты были тогда невыносимы. Пожалуй, наиболее острыми и политически опасными для самого Николая Константиновича были его выступления на процессах по делам о восстании моряков в Севастополе и о подготовке покушения на Николая II.

4—16 июля 1906 г. военно-морской суд в Севастополе чинил расправу над второй группой участников ноябрьского 1905 г. восстания

<sup>1</sup> Полный текст заявления был впервые опубликован в социал-демократической газете «Искра» (1902. № 26. 15 октября) и в органе социалистов-революционеров «Революционная Россия» (1902. № 12. С. 10).

<sup>2</sup> Искра. № 1—52. Полн. текст под ред. П.Н. Лепешинского. Л., 1927. Вып. 4. С. 53.

<sup>3</sup> *Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г.* Сборник документов. Харьков, 1961. С. 227.

<sup>4</sup> Там же. С. 211.

<sup>5</sup> Цит. машинописный текст речи Н.К. Муравьева из семейного архива Т.Н. и А.Г. Волковых.

<sup>6</sup> *Молодая адвокатура.* Сборник речей по политическим процессам. СПб., 1908. Вып. 1. С. 88.

<sup>7</sup> Там же. С. 101.

<sup>8</sup> Там же. С. 99.

моряков Черноморского флота (92 обвиняемых)<sup>1</sup>. Чтобы унижить подсудимых и, на всякий случай, обезопасить себя, суд поместил их в специально сооруженную железную клетку. Туда же, не отделяя себя от своих подзащитных, вошли адвокаты во главе с Муравьевым. Когда же суд отказал подсудимым и адвокатам в их требованиях убрать клетку и пригласить на процесс до 500 выставленных ими свидетелей, почти все подсудимые, кроме 9 человек, отказались присутствовать на суде и были удалены. Вместе с ними ушли с процесса и защитники<sup>2</sup>.

После этого Муравьев, А.Н. Андроников и другие адвокаты отправились в Петербург, где I Государственная дума только что приняла законопроект об отмене смертной казни. Муравьев выступил перед думцами с заявлением от имени защиты моряков, испрашивая амнистию всем участникам Севастопольского восстания. Николай Константинович особо подчеркнул карательный произвол военного суда в Севастополе: «Самые элементарные понятия о праве, усвоенные не только нами, юристами, но ставшие неотъемлемым достоянием *всякой* культуры, были попораны, брошены в грязь...»<sup>3</sup>

Дума не успела отреагировать на заявление Муравьева. Через день, 8 июля, она была распушена. А военно-морской суд в Севастополе наскоро завершил процесс моряков без защиты и вынес обвиняемым жестокий приговор: 4 человека — к смертной казни, 32 — к различным срокам каторги и т. д.<sup>4</sup>

Процесс по делу о покушении на Николая II шел в Петербургском военно-окружном суде при закрытых дверях с 7 по 15 августа 1907 г. Суду были преданы отставной лейтенант флота Б.Н. Никитенко и 18 его сопроцессников. Муравьев защищал сына начальника петергофской дворцовой почтовой конторы В.А. Наумова, который на следствии из страха перед угрозой смертной казни оговорил всех подсудимых. Между тем защита<sup>5</sup> установила, что кроме оговора Наумова и показаний провокатора Ратимова (казака из царскосельского конвоя) у обвинения нет никаких доказательств «приготовления к убийству» царя: одни досужие разговоры — ни плана, ни орудий убийства, ни конкретных его исполнителей! К тому же Наумов на суде отказался от своих показаний. Муравьев потребовал обратить дело на доследование и призвал

<sup>1</sup> Суд над первой группой (41 чел.) во главе с лейтенантом П.П. Шмидтом прошел в феврале 1906 г. См. о нем в очерке «А.С. Зарудный».

<sup>2</sup> См.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М., 1963. Т. 5. С. 76.

<sup>3</sup> Стой в завете своем... С. 76.

<sup>4</sup> См.: Гернет М.Н. Указ. соч. Т. 5. С. 76.

<sup>5</sup> Вместе с Н.К. Муравьевым — С.А. Андреевский, А.С. Зарудный, Н.Д. Соколов, В.А. Маклаков, П.Н. Переверзев.

суд блюсти нормы не только законности, но и человечности: «По этому бескровному делу в приговоре не должно быть крови!»<sup>1</sup> «Товарищи и оппозиционные газеты того времени, — вспоминал Николай Константинович, — расхвалили меня за речь, а Николай II, выслушав доклад о деле, спросил: «Разве нашлись адвокаты, которые выступили против меня в защиту моих убийц?»<sup>2</sup>

Вопреки доводам и надеждам адвокатов суд вынес по делу Б.Н. Никитенко и др. «кровавый» приговор: трое подсудимых, в том числе и Наумов, были казнены. Для Муравьева, который, по воспоминаниям одной из первых в России «судебных» журналисток Е.И. Козлининой, «каждым своим нервом переживал особенно тяжелые защиты в Военном суде»<sup>3</sup>, казнь его подзащитного стала незаживающей травмой души. Он и в 1917 г., став председателем Чрезвычайной следственной комиссии, пытался на допросах царских сановников выяснить роль провокации в деле 1907 г., погубившем и Никитенко и Наумова<sup>4</sup>.

Вообще, самоотверженность «народных заступников» из антиправительственного лагеря импонировала Муравьеву. «Меня удивляет, — говорил он на суде по делу о первомайской 1902 г. демонстрации рабочих в Сормове, — как у обвинителя не содрогнулось сердце от исповеди подсудимого Заломова. Не верить, что Заломов пошел на демонстрацию ради блага рабочих, равносильно отрицанию евангельского завета «за других положить жизнь свою»<sup>5</sup>.

Кроме участия (всегда *безвозмездного*) в политических процессах, Муравьев и члены его кружка «молодой адвокатуры» вели уголовные, гражданские, религиозные дела<sup>6</sup>. Из религиозных дел сам Николай Константинович выделял т. н. «дело Павловских сектантов» на выездной сессии Харьковской судебной палаты в г. Сумы 28 января 1902 г.<sup>7</sup> Крестьяне с. Павловки Сумского уезда под влиянием «богохульных» идей Льва Толстого «отпали от православия» и осенью 1901 г. учинили в местном храме бунт против официальной церкви, повредив алтарь. Власти арестовали и предали суду 68 крестьян. Те обратились за помо-

<sup>1</sup> Маркелов К. Покушение на цареубийство в 1907 г. // Былое. 1925. № 3. С. 168.

<sup>2</sup> Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 24.

<sup>3</sup> Козлинина Е.И. За полвека. 1862—1912. Воспоминания, очерки и характеристики. М., 1913. С. 527.

<sup>4</sup> См.: Стой в завете своем... С. 262—263.

<sup>5</sup> Цит. по: Заломов П.А. Запрещенные люди. М., 1985. С. 336.

<sup>6</sup> Всего в «Ориентировочном списке» политических, религиозных и литературных процессов с участием Н.К. Муравьева (список составлен Н.К. в начале 1930-х годов) зафиксировано, при «значительном количестве» пропущенных мелких дел, 117 номеров: Стой в завете своем... С. 191—200.

<sup>7</sup> Вместе с Муравьевым «павловцев» защищали П.Н. Малянтович и Н.В. Тесленко.

щью к Толстому. «Через Льва Николаевича, — вспоминал Муравьев, — эта защита поступила к нам»<sup>1</sup>. Процесс шел под личным наблюдением одного из царских сановников И.Г. Щегловитова (которого адвокаты называли за глаза Ванька-Каин)<sup>2</sup> и закончился, несмотря на все протесты адвокатов, «назначением обвиняемым 500 лет каторжных работ»<sup>3</sup>.

Подвизаясь (с чередованием успехов и неудач, но с неуклонным ростом популярности) на адвокатском поприще, Муравьев не изменял демократическим убеждениям свой юности. Царские власти считали его сугубо «неблагонадежным» и безуданно вели за ним негласное наблюдение. В жандармском досье «О дворянине Николае Константинове Муравьеве» за 1898—1903 гг. отмечен его третий арест 12 марта 1898 г. вместе с присяжным поверенным Н.В. Тесленко и помощником присяжного поверенного А.А. Иогансенем (близким другом семьи Муравьева) по обвинению в сношениях с киевским социал-демократическим Союзом борьбы за освобождение рабочего класса<sup>4</sup>. Сам Николай Константинович, однако, в своей «Автобиографической заметке» уточнял, что он был арестован не за причастность к Союзу борьбы, а как друг уличенного в этой причастности Иогансена<sup>5</sup>.

По своим убеждениям Муравьев, как и его товарищ по московскому кружку П.Н. Малянтович или петербургские звезды «молодой адвокатуры» А.С. Зарудный, Н.Д. Соколов, Л.Н. Андроников, стоял «на крайнем левом фланге»<sup>6</sup> политической защиты. «Внефракционный социал-демократ»<sup>7</sup> — так определил в 1905 г. его идейные позиции большевик С.И. Мицкевич. Именно Муравьев «ввел в ряды московской организации РСДРП»<sup>8</sup> адвоката-большевика В.А. Тарарыкова. Но сам Николай Константинович членом какой-либо фракции РСДРП никогда не был. Как демократ широкого диапазона взглядов он сотрудничал и с меньшевиками, эсерами, трудовиками, кадетами, не вступая в их партии. В октябре 1905 г. Муравьев «отказался войти в Конститу-

<sup>1</sup> Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 18.

<sup>2</sup> См.: Утевский Б.С. Указ. соч. С. 31.

<sup>3</sup> Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 18. Подробно об этом и др. процессах см.: Варфоломеев Ю.В. Лидер московской «молодой адвокатуры» Н.К. Муравьев на судебных процессах над «толстовцами» // Интеллигенция и мир. 2004. № 3/4.

<sup>4</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1898. Д. 362. Л. 9—10.

<sup>5</sup> См.: Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 17.

<sup>6</sup> Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 55.

<sup>7</sup> Мицкевич С.И. Революционная Москва. М., 1940. С. 358.

<sup>8</sup> Будко В.В. Большевик В.А. Тарарыков // Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Воронеж, 1983. С. 33.

ционно-демократическую партию <...> и остался на все последующее время не связанным никакими обязательствами ни с какой политической партией»<sup>1</sup>.

Нетерпим был Николай Константинович только к правительственной реакции. Не случайно авторитетнейший идеолог самодержавия К.П. Победоносцев говорил о Муравьеве и его товарищах из «молодой адвокатуры»: «Их надо повесить»<sup>2</sup>. Кстати, московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов после очередного (четвертого!) ареста Муравьева в первую ночь декабрьского 1905 г. восстания в Москве собирался его расстрелять, но I Государственная дума освободила его «с высылкой в Тверь»<sup>3</sup>.

Высокий профессионализм, демократизм, искренность Муравьева («Парень-ясный»<sup>4</sup>, — писал о нем в 1901 г. А.М. Горький) сделали его популярным в соответствующих кругах российского общества. С Горьким и В.Г. Короленко он познакомился еще студентом, в начале 1890-х годов, и в дальнейшем десятилетиями поддерживал с ними деловые связи. После суда над «Павловскими сектантами» на него обратил внимание Л.Н. Толстой. По его приглашению Муравьев впервые побывал у него в Ясной Поляне<sup>5</sup>. Затем «от времени до времени, — читаем в автобиографии Муравьева, — Лев Николаевич направлял ко мне лиц, нуждавшихся в юридической помощи и защите, главным образом по религиозным и крестьянским делам»<sup>6</sup>. Таковы, к примеру, были дела толстовцев А.Н. Агеева (1903) и В.А. Молочникова (1910), обвиненных в распространении «недозволенных» сочинений Толстого. После того как Муравьев добился оправдания Молочникова, Толстой написал Николаю Константиновичу (за два месяца до своей смерти): «Мне кажется, что я уже так надоел Вам своими поручениями, что Вы должны бы давно отказывать мне, а вместо этого Вы все продолжаете делать мне доброе и приятное»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 23.

<sup>2</sup> Там же. С. 15.

<sup>3</sup> Там же. С. 22.

<sup>4</sup> Горький и русская журналистика начала XX в. Неизданная переписка // Литературное наследство. 1988. Т. 95. Переписка с Н.К. Муравьевым. С. 611.

<sup>5</sup> Сам Николай Константинович называл при этом 3 декабря 1902 г. (Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 19), но его дочь Татьяна Николаевна считала днем первой встречи своего отца с Толстым 15 октября того года, поскольку в настольном календаре Толстого именно в тот день записано: «Приезжали Муравьев и Абрикосов» (Стой в завете своем... С. 253. Хрисанф Николаевич Абрикосов — близкий знакомый Толстого).

<sup>6</sup> Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 19.

<sup>7</sup> Толстой Л.Н. Поан. собр. соч.: В 90 т. Т. 82. С. 148. Ранее Лев Николаевич так писал о Муравьеве В.А. Молочникову: «Он человек хороший, и смело обращайтесь к нему» (Там же. Т. 78. С. 140).

В годы правления Столыпина Муравьев ездил к Толстому в Ясную Поляну «рассказать про политические суды», и под впечатлением его рассказов Толстой написал в 1908 г. всемирно знаменитую статью «Не могу молчать»<sup>1</sup>, где заклеил «преступность и глупость»<sup>2</sup> виселичных оргий П.А. Столыпина. Секретарь Толстого Д.П. Маковицкий сделал такую запись: «При Муравьеве-адвокате Л.Н. сказал, что прежде действия революционеров возмущали, а теперь, сравнивая их с теми ужасами, которые Муравьев рассказывал про военные суды, смертные казни, он видит, что революционеры в сравнении с ними — святые люди»<sup>3</sup>.

Кстати сказать, Л.Н. Толстой в молодые годы дружил с отцом П.А. Столыпина, Аркадием Дмитриевичем, и малолетнего сына его, Петра, будущего премьер-министра и «Вешателя», нежно «качал на коленях», но когда тот вырос, возглавил царское правительство и разнуждал невиданный ранее в России виселичный террор, Лев Николаевич отнес его к разряду «зверей и палачей»<sup>4</sup>. В этой оценке Столыпина Толстой не был одинок. «Зверем и палачом» считали Петра Аркадьевича не только революционеры, но и такие корифеи отечественной культуры и политики, как В.Г. Короленко, предавший анафеме оргию смертных казней при Столыпине — это «бытовое явление»<sup>5</sup> русской жизни; П.Н. Милюков, который клеил позором «карательные экспедиции» Столыпина, «заливавшие кровью бессудных расстрелов свой путь»<sup>6</sup>; гений мировой науки В.И. Вернадский, констатировавший в 1908 г.: «Страна залита кровью»<sup>7</sup>; знаменитый юрист Ф.И. Родичев, который на заседании Государственной думы Российской империи 17 ноября 1907 г. дал хлесткое определение веревке для виселицы: «сто-

<sup>1</sup> *Маковицкий Д.П.* У Толстого (1904—1910). Яснополяские записки. М., 1979. Кн. 3. С. 78, 86.

<sup>2</sup> *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 83—96. Полный текст статьи впервые был опубликован в 1908 г. в нелегальной типографии г. Тулы.

<sup>3</sup> *Маковицкий Д.П.* У Толстого. Кн. 3. С. 139 (Там же. С. 85). Маковицкий записал свое впечатление о Муравьеве: «Молодой, 28—30 лет, скромный, приятный, точно выражающий себя, владеющий речью (поэт) и вдохновляющийся — нравственно чуткий».

<sup>4</sup> *Л.Н. Толстой* в воспоминаниях современников. М., 1960. Т. 1. С. 423; Т. 2. С. 62. Знал бы Лев Николаевич, что в «демократической России» XXI в. будет превозносить «зверя и палача», а в Саратове чиновники воздвигнут ему памятник, и ректор местной Академии госслужбы (готовящей чиновников) печатно объявит: «Если мои студенты возьмут хоть малую толику от того, каким деятелем был Столыпин, я буду считать, что моя миссия удалась!» (Новые времена. Саратов, 2002. 20 сентября). Отсюда вывод: если кто-то из студентов этого ректора угробит «хоть малую толику» от 7,5 тыс. россиян, вздернутых на виселицах («стольпинских галстуках») только за 1907—1909 гг., ректор сочтет свою миссию удавшейся.

<sup>5</sup> *Короленко В.Г.* Собр. соч.: В 10 т. М., 1955. Т. 9. С. 472—527.

<sup>6</sup> *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 410. Кроме 7,5 тыс. повешенных и 43 тыс. угнанных на каторгу за годы премьерства Столыпина по судебным приговорам (см.: *Гернет М.Н.* Указ. соч. Т. 5. С. 68), были расстреляны без суда несчетные тысячи людей.

<sup>7</sup> *Страницы автобиографии В.И. Вернадского.* М., 1981. С. 219.

лыпинский галстук»; первый государственный ум последнего в России царствования граф С.Ю. Витте, осудивший столыпинскую «вакханалию смертных казней»<sup>1</sup>.

Именно Н.К. Муравьев составил завещание Л.Н. Толстого, согласно которому все написанное Толстым объявлялось «ничьей частной собственностью». Николай Константинович колоритно поведал об этом в своей «Автобиографической заметке»: «Лев Николаевич обратился ко мне через своих близких с просьбой «составить бумагу», которая после его смерти предоставляла всем людям, в какой бы стране они ни жили, т. е. всему человечеству, право безвозмездного перепечатывания его произведений, как это делалось при его жизни». Однако против этого восстала жена писателя Софья Андреевна. Она «болезненно сосредоточилась на мысли во что бы то ни стало помешать Льву Николаевичу лишить ее и ее семью прав литературной собственности на его произведения. С истерической жестокостью она следила за ним, рылась в его бумагах, тайком читала его записи в записных книжках и т. д., чтобы только не упустить момента и обрушиться на Льва Николаевича при первом обнаружении попытки составить духовное завещание и пресечь эту попытку в корне. Поэтому сношения Льва Николаевича в эту пору со мной происходили втайне. Втайне же, в лесу на одной из полян «засеки», на пне, в присутствии друзей, съехавшихся, как было заранее условлено, в определенное место, чтобы присутствовать при переписи Львом Николаевичем духовного завещания и подписать его в качестве свидетелей, гениальный писатель и властитель дум нескольких поколений изложил свою волю в отношении его литературных произведений»<sup>2</sup>. Окончательный вариант завещания был подписан Толстым 22 июля 1910 г.<sup>3</sup>

В 1994 г. Лев Иогансен (внук присяжного поверенного А.А. Иогансена) попытался изобразить Муравьева бессовестным крючкотвором, который-де обманул доверие Толстого и склонил его к составлению завещания «в корыстных целях» получения миллионных гонораров для... партийной кассы большевиков»<sup>4</sup>. Достойную отповедь этой «бездоказательной и лишённой смысла криминальной истории»<sup>5</sup> дали С.И. Розанова и А.Г. Волков.

<sup>1</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 473.

<sup>2</sup> Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 26—27.

<sup>3</sup> См.: Стой в завете своем... С. 267.

<sup>4</sup> Иогансен Лев. Тайное завещание. Как пытались ограбить семью Толстого // Совершенно секретно. 1994. № 10. С. 24—25.

<sup>5</sup> Розанова Сусанна, Волков Андрей. Лев Толстой в кармане у большевиков? Несостоявшаяся сенсация // Литературная газета. 1994. № 51. С. 6.

После Февральской революции 1917 г. юридический и политический кредит Муравьева был уже настолько велик, что он возглавил Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства по расследованию преступлений царского режима. Уже 3 марта министр юстиции новой России А.Ф. Керенский в разговоре с председателем Петроградского совета присяжных поверенных Н.П. Карабчевским назвал среди задач, «не терпящих ни малейшего отлагательства», создание такой комиссии и предложил кандидатуру Муравьева на должность ее главы. «В прошлые времена трепетали перед Муравьевым-Вешателем, — мрачно пошутил Керенский, — пусть же теперь и наш Муравьев нагонит трепет»<sup>1</sup>. Карабчевский не возражал. 5 марта вышло постановление Временного правительства, 12 марта опубликовано «Положение» о комиссии, а 17-го — уже состоялось ее первое заседание. В состав комиссии вошли еще трое адвокатов (Н.Д. Соколов, Ф.И. Родичев, В.А. Жданов), а также академик С.Ф. Ольденбург, будущий академик Е.В. Тарле, П.Е. Щеголев и др. Главным редактором стенографического отчета о делах комиссии был назначен поэт А.А. Блок<sup>2</sup>.

Допросы арестованных царских сановников Муравьев (чаще всего) и члены его комиссии вели в парадном зале Зимнего дворца, где комиссия помещалась, или в канцелярии Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где содержались арестованные. Всего комиссия провела 88 допросов 59 лиц, в том числе — глав царского правительства И.А. Горемыкина, В.Н. Коковцова, Б.В. Штюрмера, министров А.А. Макарова, Н.А. Маклакова, А.А. Поливанова, А.А. Хвостова, жандармских генералов — С.П. Белецкого, А.В. Герасимова, П.Г. Курлова, А.И. Спиридовича. 26 мая на допросе в этой комиссии давал свидетельские показания о провокаторстве Р.В. Малиновского В.И. Ленин<sup>3</sup>.

16 июня 1917 г. Муравьев выступил с отчетом о работе Чрезвычайной следственной комиссии на I Всероссийском съезде Советов, где предостерег новую власть от самосудов над бывшими царскими чиновниками: «Мы должны позаботиться о том, чтобы их мудро судили и мудро обвиняли, если их вина подтвердится»<sup>4</sup>. Однако довести работу комиссии до логического конца не удалось — новая, Октябрьская революция ее упразднила (скорее всего, за излишнюю «мудрость»).

<sup>1</sup> Карабчевский Н.П. Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 123.

<sup>2</sup> См.: Аврех А.Я. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. М., 1990. Т. 118; Стой в завете своем... С. 286, 289.

<sup>3</sup> См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 354; В.И. Ленин. Биографическая хроника. М., 1973. Т. 4. С. 196.

<sup>4</sup> Падение царского режима: В 7 т. М.; Л., 1926. Т. 1. С. 18.

В то же время, с марта 1917 г., Муравьев был членом еще одной комиссии — по восстановлению Судебных уставов Александра II — и возглавлял в ней *адвокатскую* подкомиссию, которая занималась пересмотром накопившихся за 1870—1900-е годы ограничений адвокатуры. Его заместителем в этой подкомиссии был Н.П. Карабчевский, в личных апартаментах которого эта подкомиссия заседала. «В нашей адвокатской подкомиссии, — вспоминал Николай Константинович, — было собрано все лучшее из тогдашней петроградской, московской и провинциальной адвокатуры. Быстро сменявшиеся министры юстиции, которых Временное правительство, за исключением одного Ефремова, неизменно черпало из адвокатуры<sup>1</sup>, считали своим долгом являться с визитом к председателю Петроградского совета присяжных поверенных Н.П. Карабчевскому, который обыкновенно приурочивал их прием к заседанию нашей подкомиссии»<sup>2</sup>. В ноябре 1917 г. советская власть упразднила и судебную комиссию Временного правительства с ее подкомиссиями, и (до 1922 г.) самый институт адвокатуры.

В советское время Муравьев служил юрисконсультom различных учреждений, включая Московский народный банк, Кустарсоюз, Экспортхлеб, Наркомпрос и Наркомат внешней торговли, куда он был приглашен лично наркомом Л.Б. Красиным — своим близким знакомым с 1905 г. «В 1922 г. по предложению председателя Московского Совета Л.Б. Каменева и тогдашнего [народного] комиссара юстиции Д.И. Курского, — вспоминал Муравьев, — я принял деятельное участие в инициативной группе, <...> имевшей поручение Правительства составить проект положения об адвокатуре. Этот проект с некоторыми изменениями стал потом положением об адвокатуре. Сами названия «Коллегия защитников» и «Президиум коллегии защитников» были предложены мною»<sup>3</sup>. В первый состав Президиума Коллегии защитников был избран и Муравьев, но не сразу.

1922 год стал одним из важнейших в жизни и деятельности Муравьева. Помимо участия в разработке статуса новой адвокатуры, летом (8 июня — 7 августа) он взял на себя смелость выступить защитником на судебном процессе лидеров партии социалистов-революционеров в специальном присутствии Верховного революционного трибунала при

<sup>1</sup> Министрами юстиции Временного правительства 1917 г. были: А.Ф. Керенский (2 марта — 5 мая), П.Н. Переверзев (5 мая — 6 июля), И.Н. Ефремов (10—24 июля), А.С. Зарудный (25 июля — 2 сентября), А.А. Демьянов (упр. министерством: 3—25 сентября), П.Н. Малянтович (25 сентября — 25 октября) — все, кроме Ефремова, адвокаты.

<sup>2</sup> *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 107.

<sup>3</sup> Там же. С. 109.

ВЦИК РСФСР. Протестуя против инспирированного большевистскими властями вмешательства в ход процесса со стороны «делегации трудящихся»<sup>1</sup>, Муравьев заявил: «Горе той стране, горе тому народу, которые с неуважением относятся к закону!» Председатель трибунала Г.А. Пятаков (впоследствии, при Сталине, расстрелянный) прервал его заявление: «Я призываю вас к порядку и делаю вам замечание за оскорбление русского народа!»<sup>2</sup>

После этого Муравьев от имени всей защиты заявил отвод составу Верховного трибунала и, вместе с другими защитниками, отказался от участия в процессе. За это через несколько дней по окончании суда, в августе 1922 г., он был арестован (в первый раз — советской властью, а вообще — в пятый) и выслан в Казань<sup>3</sup>. Там он провел лишь несколько месяцев. Коллегия ОГПУ пересмотрела его дело, сняла с него все обвинения и разрешила вернуться в Москву — по инициативе Ф.Э. Дзержинского, который (цитирую «Автобиографическую заметку» Муравьева) «по-видимому, убедился, что я своим выступлением в процессе ЦК правых с.-р. не преследовал никаких политических целей, но исполнял лишь долг защитника»<sup>4</sup>.

Правда, в марте 1924 г. Муравьев был арестован вторично при Советах (а всего — в шестой раз), но лишь на трое суток и, как выяснилось, «по недоразумению». Только после этого, осенью 1924 г., он был избран членом Президиума Коллегии защитников<sup>5</sup>.

Наряду с хлопотами юрисконсульта и адвоката Муравьев в те же годы — вместе с В.Н. Фигнер<sup>6</sup> и Е.П. Пешковой (первой женой А.М. Горького) — возглавлял Политический Красный Крест, воссозданный в январе 1918 г. (прежний, дореволюционный, Красный Крест, созданный народолюбцами в 1881 г., прекратил свою деятельность после Февральской революции 1917 г.). Николай Константинович с 1918 г. был председателем Комитета Московского общества ПКК, В.Н. Фигнер — председа-

<sup>1</sup> Эти «делегаты трудящихся» представляли собой организованную властями толпу «демонстрантов», которая вломилась в зал суда и с «ревом» требовала смертной казни для обвиняемых (Там же. С. 110).

<sup>2</sup> Цит. по: Яцен М. Суд без суда. 1922 год. Показательный процесс социалистов-революционеров. М., 1993. С. 94.

<sup>3</sup> См.: Муравьев Н.К. Указ. соч. С. 110—111.

<sup>4</sup> Там же. С. 112.

<sup>5</sup> См. там же. С. 114.

<sup>6</sup> К Вере Фигнер Муравьев неизменно сохранял почтительно-нежное чувство, о чем свидетельствуют четыре его письма к ней за 1919—1932 гг., хранящиеся в ее архиве (РГАЛИ. Ф. 1185. Оп. 1. Д. 611). Посылая В.Н. 7 июля 1932 г. приветственный адрес к ее 80-летию от имени своих «друзей по старой политической защите», Н.К. приписал: «Шлю поздравление и от себя — самое искреннее и нежное, в соответствии с той глубокой и высоко Вас чтущей любовью, которую питал к Вам, кажется, всю мою сознательную жизнь» (Там же. Л. 7—8).

лем Совета Общества, В.Г. Короленко — почетным председателем Общества, а П.А. Кропоткин и В.И. Засулич — его почетными членами<sup>1</sup>. ПКК считал своим долгом помогать всем политическим узникам, независимо от их партийной принадлежности, — и левым, и правым, «красным» и «белым»<sup>2</sup>. Т.А. Угримова по архивным данным установила, что в 1919 г. 17 членов ПКК (Н.К. Муравьев, Е.П. Пешкова, В.А. Жданов и др.) обошли с просьбами о смягчении расстрельных приговоров 12 советских учреждений (Президиум ЦИК, СНК, ВЧК, Верховный трибунал и др.), обратившись при этом лично к 46 «вождям»: В.И. Ленину, И.В. Сталину, Ф.Э. Дзержинскому, А.И. Рыкову, А.Б. Каменеву и др. «К сожалению, — констатировала Угримова, — не удалось обнаружить дополнительных сведений об этом драматическом обивании порогов — ни о том, кого именно касалось это дело, ни о том, чем же все-таки оно закончилось»<sup>3</sup>.

Такое «обивание порогов» не нравилось советскому правительству, и в сентябре 1922 г. оно закрыло ПКК. Вместо него родилась более послушная властям организация «Помощь политическим заключенным» (Помполит) во главе с Е.П. Пешковой<sup>4</sup>.

Когда был образован (2 июля 1928 г.) «Комитет по исполнению воли Л.Н. Толстого в отношении его писаний» (к 100-летию со дня рождения писателя), Муравьев стал членом комитета, вместе с близкими друзьями Толстого В.Г. Чертковым, А.Б. Гольденвейзером и его секретарем Н.Н. Гусевым<sup>5</sup>.

С конца 1920-х годов Муравьев фактически прекращает адвокатскую деятельность. Летом 1928 г. он, по его признанию, «чуть не сделал ошибки участия в Шахтинском деле, но <...> вовремя убрался из этого процесса»<sup>6</sup>. Через полтора года, из-за интриг по отношению к адвокатам-ветеранам со стороны новых, «левых» адвокатов, Николай Константинович ушел из адвокатуры (формально отчислен несколько позднее, 13 ноября 1930 г.)<sup>7</sup>. К тому времени он уже стал получать от советского правительства персональную пенсию<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 121.

<sup>2</sup> Подробно об этом см.: *Угримова Т.А.* Политический Красный Крест // Стой в завете своем... С. 122—139.

<sup>3</sup> *Угримова Т.А.* Указ. соч. С. 137—138.

<sup>4</sup> См. там же. С. 140—142.

<sup>5</sup> См.: *Л.Н. Толстой и его близкие.* М., 1986. С. 349.

<sup>6</sup> *Муравьев Н.К.* Указ. соч. С. 118. Т. н. Шахтинский процесс в Москве (18 мая — 6 июля 1928 г.) по делу о «заговоре специалистов Донбасса против советской власти» был так же подтасован и политизирован, как и процесс социалистов-революционеров 1922 г.

<sup>7</sup> См. там же. С. 119—120.

<sup>8</sup> См.: *Л.Н. Толстой и его близкие.* С. 298. Дочь Муравьева Т.Н. Волкова в письме ко мне от 13 марта 1980 г. сообщила, что пенсия была назначена Николаю Константиновичу по представлению его бывших подзащитных И.Г. Петровского, Е.Д. Стасовой, Н.А. Семашко.

В последние годы жизни Муравьев сосредоточился на работе в секции старых политзащитников Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев (группа активистов бывшей «молодой адвокатуры» теперь называлась: «Бригада *старой* политической защиты»). Он участвовал в обсуждении докладов о политических процессах начала XX в. и сам выступал с такими докладами, побуждал коллег, старых политзащитников писать и собирать воспоминания о прошлом, «пока не вымрут последние из нас»<sup>1</sup>. Когда же с кем-либо из них случалась беда, Муравьев самоотверженно вступался за них перед властями. Так, в 1931 г. он добился освобождения из-под ареста (по обвинению в былой принадлежности к меньшевикам) П.Н. Малянтовича<sup>2</sup>, а в 1935 г. вызволил из тюрьмы одного из защитников лейтенанта П.П. Шмидта А.М. Александрова<sup>3</sup>. Когда умер (30 ноября) А.С. Зарудный, Муравьев ездил в Ленинград на его похороны и выступил там над могилой покойного, а в Москве организовал два вечера его памяти с воспоминаниями П.Н. Малянтовича, С.Е. Кальмановича и других политзащитников<sup>4</sup>.

Николай Константинович Муравьев скончался 31 декабря 1936 г.<sup>5</sup> в больнице т. н. Института лечебного питания на Яузском бульваре в Москве и похоронен на Новодевичьем кладбище. Близкий друг семьи Муравьевых литературовед Н.С. Родионов сказал о нем на гражданской панихиде: «Никто никогда не уходил от него с неперевязанной раной»<sup>6</sup>.

Смерть Муравьева, может быть, спасла его от более горькой участи товарищей по «молодой адвокатуре» начала XX в. П.Н. Малянтовича, Б.Г. Лопатина-Барта, М.Л. Мандельштама (первые двое были расстреляны, а третий замучен в тюрьме НКВД). Жена писателя Д.Л. Андреева свидетельствовала со слов мужа: «Даниил читал всю ночь над гробом [Николая Константиновича] Евангелие. <...> Как раз в это время явились с ордером на арест Муравьева и обыск в квартире. Гроб с телом покойного стоял на его письменном столе, Даниил продолжал читать, не останавливаясь ни на минуту, а пришедшие выдергивали ящики письменного стола прямо из-под гроба и уносили бумаги»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 270. Л. 10.

<sup>2</sup> Подробно об этом см. далее в очерке «П.Н. Малянтович».

<sup>3</sup> См.: Стой в завете своем... С. 162, 319, 324—325.

<sup>4</sup> См. там же. С. 168—169.

<sup>5</sup> «Он умер, не дожив получаса до Нового года», — вспоминала дочь Муравьева Т.Н. Волкова, неотлучно бывшая с отцом в последние дни и часы его жизни (Там же. С. 185).

<sup>6</sup> Там же. С. 186.

<sup>7</sup> Там же. С. 185.

Внучка Муравьева Т.А Угримова оставила к этой жуткой картине следующее примечание: «Про обыск у гроба и ордер на арест покойного Николая Константиновича я никогда ничего от моей тетушки Т.Н. Волковой не слышала»<sup>1</sup>. Но, как бы то ни было, сталинский террор не пощадил и семью Муравьева. Его вдова Екатерина Ивановна (1882—1969), обе дочери — старшая, Ирина (1903—1994), и младшая, Татьяна (1905—1987), — и оба зятя, А.А. Угримов (1906—1981) и Г.А. Волков (1902—1943), были арестованы и томились в ГУЛАГЕ<sup>2</sup>, а двое внуков (сыновья Татьяны Николаевны Волковой — Иван и Андрей) и внучка (дочь Ирины Николаевны Угримовой Татьяна) отправлены в детские дома<sup>3</sup>.

---

<sup>1</sup> Стой в завете своем... С. 329.

<sup>2</sup> Литературовед Е.А. Таратута писала мне 7 сентября 1990 г., что дочери Муравьева отбывали ссылку в одном с нею лагере (Инта Коми АССР).

<sup>3</sup> Подробно о членах семьи Муравьева см.: Стой в завете своем... (ук. имен).



# ХАРАКТЕРИСТИКИ



## КОНСТАНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ АРСЕНЬЕВ

(1837—1919)

Одним из самых авторитетных в России адвокатов «первого призыва» был Константин Константинович Арсеньев. Почти все свое, недолгое (9 лет) пребывание в адвокатуре он бессменно возглавлял Петербургский совет присяжных поверенных и, фактически, всю корпорацию<sup>1</sup>, а переключившись на чиновничью и затем на литературную работу, став действительным статским советником («штатским генералом») и почетным академиком, не терял ни интереса к адвокатуре, ни связи с ней.

Казалось бы, Арсеньев не обделен вниманием историков и правоведов, есть о нем ряд кратких очерков в книгах А.Д. Ляховацкого, Б.Б. Глинского, А.Г. Тимофеева, В.И. Смолярчука<sup>2</sup>, но обобщающе-биографическое исследование до сих пор нет, хотя круг источников, отразивших его жизнь и деятельность, довольно широк: это — и воспоминания, дневник, историко-правовые и литературные труды самого Арсеньева<sup>3</sup>, и мемуары его современников, из которых выделяется яркий очерк А.Ф. Кони<sup>4</sup>. Есть и личный архивный фонд Арсеньева<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> «Вы были кормчим нашей шхуны, — говорил, обращаясь к Арсеньеву на проводах его из адвокатуры В.Д. Славович, — вы стояли у руля в день и в ночь, почти без отдыха»: *Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901)*. Лейпциг, 1903. С. 86.

<sup>2</sup> См.: *Ляховский А.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них*. СПб., 1997; *Глинский Б.Б. Русское судебное красноречие*. СПб., 1897; *Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки*. СПб., 1900; *Смолярчук В.И. Гиганты и чародеи слова*. М., 1984.

<sup>3</sup> См.: *Арсеньев К.К. Из воспоминаний* // *Русская старина*. 1886. № 4; *Право*. 1902. № 3; *Голос минувшего*. 1913. № 1; 1915. № 2; 1917. № 2; *Он же. Заметки о русской адвокатуре*. Ч. 1—2. СПб., 1875; *Он же. Свобода совести и веротерпимость*. Сб. статей. СПб., 1905; *Он же. За четверть века (1871—1894)*. Сб. статей. Пг., 1915 и др.

<sup>4</sup> См.: *Кони А.Ф. К.К. Арсеньев* // *Собр. соч.*: В 8 т. М., 1968. Т. 5.

<sup>5</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 40.

Родился Константин Константинович Арсеньев 24 января 1837 г. в семье, которую знала вся образованная Россия. Отец его — тайный советник и академик, статистик, географ, историк, публицист Константин Иванович Арсеньев (1789—1865) — в 1828—1937 гг. преподавал статистику, историю и географию будущему императору Александру II, а старший брат Юлий Константинович Арсеньев (1818—1873) — тоже тайный советник — был смоленским, олонечким и тульским губернатором.

Будущий «кормчий» адвокатской «шхуны» в 1855 г. окончил столичное Училище правоведения и почти восемь лет служил чиновником Министерства юстиции, а в 1863 г. вышел в отставку и занялся литературной деятельностью: сотрудничал как публицист в «Отечественных записках» и «Санкт-Петербургских ведомостях». 1864—1865 гг. он провел за границей, где лечился от первых проявлений сердечного невроза и готовился к профессорскому званию: слушал лекции по философии, истории и политэкономии в Боннском университете, посещал занятия в семинаре крупнейшего, с мировым именем, ученого Генриха фон Зибеля — автора 10-томной «Истории революционной эпохи» (о европейских потрясениях 1848—1849 гг.)<sup>1</sup>.

Вернувшись на родину, Арсеньев стал свидетелем рождения отечественной адвокатуры и увлекся ее корпоративной, хотя и ограниченной, свободой слова и дела. 17 марта 1866 г. он одним из первых подал прошение в специально учрежденный Комитет о зачислении в адвокатуру, и 11 апреля того года министр юстиции Д.Н. Замятнин утвердил *первых в России 27* присяжных поверенных, среди которых — вместе с Д.В. Стасовым и В.Д. Спасовичем — был и Арсеньев<sup>2</sup>.

В первый же год своей адвокатской карьеры Арсеньев выступил защитником на двух громких процессах по делам о печати. 18 августа Петербургский окружной суд инкриминировал А.С. Суворину (будущему редактору газеты «Новое время» — или, как назвал ее Щедрин, «Чего изволите?», — а тогда либеральному журналисту) «порицание» правительства в книге «Всякие. Очерки современной жизни». Арсеньев не отрицал антиправительственного пафоса книги, но, поскольку она была задержана еще до выхода в свет, он неопровержимо доказал, что «при таких условиях можно говорить не о совершении преступления, даже не о покушении совершить его, а только о приготовлении к нему, ненаказуемом» (кроме особо тяжких государственных преступлений)<sup>3</sup>.

<sup>1</sup> См.: Ляховецкий А.Д. Указ. соч. С. 77.

<sup>2</sup> См.: История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 131.

<sup>3</sup> Арсеньев К.К. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 122.

Но окружной суд приговорил Суворина к двум месяцам тюрьмы, которые судебная палата после апелляции заменила трехнедельным арестом на гауптвахте. «Обе инстанции таким образом, — подытоживал Арсеньев, — нашли возможным покарать писателя за «образ мыслей», оставшийся известным только наборщикам, корректорам и читавшим книгу *ex officio* чинам цензурного и судебного ведомств»<sup>1</sup>.

В двух следующих делах о печати (А.Н. Пыпина — Ю.Г. Жуковского 25 августа 1866 г. и Ф.Ф. Павленкова<sup>2</sup> 15 июня 1868 г.) Арсеньев, опираясь на тот же защитительный тезис, добился оправдательных приговоров. Опровергая обвинения Пыпина и Жуковского в «оскорблении дворянского сословия», он логично расставил, что называется, точки над «і»: «То обвинение, которое касается *прошедшего* русского дворянства, лишено всякой опоры и не составляет опорочения этого сословия; то обвинение, которое относится к *настоящему*, касается незначительной части дворянства; то обвинение, которое относится к *будущему*, не составляет с юридической точки зрения ни диффамации, ни оскорбления и не может быть преследуемо»<sup>3</sup>. Что касается Павленкова, тоже будто бы «оскорбившего» дворянское сословие, то Сенат даже принял по его делу *разъяснение* (к закону), согласное с тезисом Арсеньева<sup>4</sup>.

К 1871 г., когда на процессе нечаевцев адвокат Арсеньев пережил свой звездный час, он уже составил себе имя как юрист с высококонфессиональной репутацией и один из лучших в стране судебных ораторов. Обозреватель «Санкт-Петербургских ведомостей» в «недельных очерках» летом 1871 г. поставил Арсеньева вровень с В.Д. Спасовичем и А.И. Урусовым, особо отметив: «В среде присяжных и судей он приобрел себе такую репутацию, что, если за какое дело он взялся, оно, значит, или дело правое, или спорное, или произведение рокового стечения обстоятельств. Самый блестящий гонорарий не заставит его взяться за дело нечистое»<sup>5</sup>.

Как оратор Арсеньев сразу же выдвинулся в первый ряд классиков русского судебного красноречия. Б.Б. Глинский имел все основания утверждать, ссылаясь на сказанное «одним вполне компетентным лицом»,

<sup>1</sup> Арсеньев К.К. Из воспоминаний // Голос минувшего. 1915. № 2. С. 122.

<sup>2</sup> Пыпина А.Н. (1833—1904) — литературовед, историк, с 1898 г. академик; Жуковский Ю.Г. (1833—1907) — публицист, экономист, юрист, впоследствии тайный советник, сенатор; Павленков Ф.Ф. (1839—1900) — книгоиздатель, основал биографическую серию «Жизнь замечательных людей».

<sup>3</sup> Цит. по: Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 80—81.

<sup>4</sup> См.: Арсеньев К.К. Указ. соч. С. 122.

<sup>5</sup> Незнакомец. Недельные очерки и картинки. Характеристики гг. Урусова, Спасовича и Арсеньева // Санкт-Петербургские ведомости. 1871. 18 (30) июля.

что «речи К.К. Арсеньева могли бы с величайшим успехом явиться истинным украшением любой западноевропейской парламентской трибуны», ибо в них сочеталась «обширнейшая эрудиция с удивительной простотой, граничившей с утонченным изяществом»<sup>1</sup>.

По впечатлениям А.Ф. Кони, слово Арсеньева «лилось, как река, блистая прозрачностью своих струй и неслышно ломая в своем неотвратимом течении преграды противника»<sup>2</sup>. С «широкой многоводной русской рекой» сравнивал речь Арсеньев и «король адвокатуры» Спасович: «Не бурным горным потоком неслась ваша речь, — говорил он на прощании с Арсеньевым-адвокатом, — не кипела она страстью, но она овладевала нами неудержимую силою убеждения. Она была похожа на большие русские реки — Волгу или Днепр — во время их весеннего разлива по плавням»<sup>3</sup>.

Недостатками ораторской манеры Арсеньева его коллеги и современники считали слишком быстрый темп его речи: «Говорит настолько скоро, что стенографировать его речь трудно»<sup>4</sup>. Одна из стенографисток русского суда вспоминала: «Арсеньев был для нас, стенографов, грозой, так как мог говорить до 200 слов в минуту, чем вызывал чуть не судороги в наших пальцах»<sup>5</sup>. Сам Константин Константинович признавал: «Очень вредила мне привычка говорить слишком скоро»<sup>6</sup>.

Тексты своих речей Арсеньев заранее не писал. Он еще в юные годы решил для себя: «что лучше — написать ли речь от первого слова до последнего и затем ее наизусть или приготовить к ее прочтению, или же установить заранее только главные ее пункты, а во всем остальном положиться на импровизацию. Я остановился на последнем способе действий (которого держался и во все время своей адвокатской деятельности)»<sup>7</sup>.

Итак, на процессе нечаевцев (участников экстремистски-революционной организации «Народная расправа», которую создал и возглавлял С.Г. Нечаев)<sup>8</sup> Арсеньев выступал — в компании с В.Д. Спасовичем, Д.В. Стасовым, А.И. Урусовым, В.И. Танеевым, В.Н. Герардом,

<sup>1</sup> Глинский Б.Б. Указ. соч. С. 44.

<sup>2</sup> Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 142.

<sup>3</sup> Спасович В.Д. Указ. соч. С. 87.

<sup>4</sup> Ляховицкий Л.Д. Указ. соч. С. 79.

<sup>5</sup> К-н Юл. На развалинах гласного суда. Из воспоминаний женщины-стенографа конца 60-х и 70-х годов // Вестник Европы. 1906. № 7. С. 231. «По отзывам стенографов, он говорил скорее всех судебных ораторов», — вспоминал об Арсеньеве А.Ф. Кони (Собр. соч. Т. 5. С. 145).

<sup>6</sup> РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Д. 14. Л. 27. (автобиография К.К. Арсеньева).

<sup>7</sup> Там же. Л. 26; Арсеньев К.К. Из воспоминаний // Право. 1902. № 3. С. 120.

<sup>8</sup> Подробно об этом процессе см. в очерке «Д.В. Стасов».

А.М. Унковским, Е.И. Утиным, А.А. Ольхиным и др. — уже как общепризнанный гранд адвокатуры. Процесс вела Петербургская судебная палата с 1 июля по 11 сентября 1871 г. Арсеньев защищал одного из четырех главных обвиняемых<sup>1</sup> — И.Г. Прыжова<sup>2</sup>.

Свою защитительную речь<sup>3</sup> Арсеньев начал необычно, сумев сразу же привлечь к себе и своему подзащитному особое внимание: «Господа судьи, я очень жалею, что должен низвести дело с той высоты, на которую вознес его мой предшественник<sup>4</sup>, с той высоты, на которой исчезают все *юридические* вопросы, все отдельные фактические подробности и остаются только те глубокие *общественные* вопросы, имеющие существенное значение не только для этого дела, но и для всякого, кто принимает участие в будущих судьбах нашего государства. <...> Я должен обратиться к мелким фактическим подробностям, должен обратиться к ним потому, что само отношение подсудимого Прыжова к настоящему делу другое, чем отношение подсудимого Кузнецова. Подсудимый Кузнецов признал в главных чертах все те обвинения, которые на него взведены. Подсудимый Прыжов оспаривает многие из них».

Далее Арсеньев очень уместно истолковал мнение Государственного совета Российской империи от 27 марта 1867 г. по ст. 318 Уложения о наказаниях так, что «нельзя ставить на одну доску того, кто первый внес в государство зародыш смут и беспокойства, первый составил тайное общество<sup>5</sup>, с теми людьми, которые ему подчинились, с теми людьми, которые, не зная вполне его намерений, служили ему орудием, притом, может быть, только в некоторых, узких, неважных отраслях того дела, которое он затеял».

Под эти углом зрения Арсеньев последовательно раскрыл особенную, пассивную и стороннюю роль Прыжова в нечаевской «Народной расправе», вопреки кажущейся его «важности». «Все время *пребывания* Прыжова в обществе, — подчеркнул Константин Константинович, — я не говорю: все время *деятельности*, потому что деятельности его не

<sup>1</sup> Судились на процессе нечаевцев 79 «государственных преступников», но главными были признаны П.Г. Успенский, А.К. Кузнецов, Н.Н. Николаев, И.Г. Прыжов, которых Нечаев обманом вовлек в коллективное убийство мнимого «шпиона» И.И. Иванова.

<sup>2</sup> Прыжов в Иван Гаврилович (1827—1885) — историк, этнограф, публицист. Автор капитальных трудов «Нищие на святой Руси» (М., 1962) и «История кабаков в России в связи с историей русского народа» (СПб., 1868).

<sup>3</sup> Полный текст ее см. в указ. соч. А.Д. Ляховецкого (С. 89—110).

<sup>4</sup> Перед Арсеньевым с блестящей, хрестоматийной речью в защиту А.К. Кузнецова выступил В.Д. Спасович, объяснивший возникновение «антиправительственных заговоров» (проект нечаевского) отсутствием свободы в России.

<sup>5</sup> Имеется в виду С.Г. Нечаев.

вижу», он выполнял какие-то мелкие поручения (собирал деньги, составлял списки и пр.) как «человек честный, хороший, готовый услужить, подать руку помощи каждому», вовсе не думая о «заговоре» и «ниспровержении существующего строя».

По убеждению Арсеньева, Прыжов «резко отделяется от остальных подсудимых» по делу нечаевцев. Он — уже зрелый муж<sup>1</sup>, ученый-исследователь, познавший жизнь народа, изучивший ее («История кабаков» показала Прыжову, как велики те страдания, которые ведут народ к кабакам и заставляют его пить смертную чашу»). Сострадая народу, он усмотрел в Нечаеве энергичного и бескорыстного борца за народ и поддался его влиянию. Но это влияние, как разъяснял Арсеньев, не могло быть прочным, ибо у Нечаева все помыслы сводились к *разрушению*, а Прыжову «необходимо было знать, что последует за этим разрушением и будет ли новое здание более соответствовать народному благу, народным нуждам, как он их на самом деле изучил и знал».

Что же касается убийства Иванова, то в нем Прыжов играл роль отнюдь не убийцы, даже не пособника, а всего лишь «попустителя». Итоговый вывод Арсеньева был таков: Прыжов — «человек надломленный, порывистый, подготовленный к увлечениям политического свойства, но не к роли заговорщика, сознательно идущего к насильственному перевороту»; поэтому он заслуживает наибольшего среди главных обвиняемых снисхождения. Обращаясь к судьям в заключение своей речи, Константин Константинович выразился даже таким образом: «Господа судьи, как бы снисходителен ни был ваш приговор, во всяком случае он будет выше действительной вины Прыжова».

Суд, однако, не пожелал отнестись к автору «Истории кабаков» снисходительно и назначил ему самое суровое, после П.Г. Успенского и А.К. Кузнецова, наказание — 12 лет каторги.

Такой приговор огорчил Арсеньева тем сильнее, что он намеренно (в интересах своего подзащитного) не выступал на процессе с политическими соображениями, стараясь «низвести» дело Прыжова более в житейскую плоскость. Теперь же, после суда, в специальной статье «Политический процесс 1869—1871 гг.» (Вестник Европы. 1871. № 11), он дал волю своим политическим умозаключениям. Арсеньев признал здесь историческую обусловленность и даже гуманную сущность социализма («социализм часто бывает только формой, в которую облекается на время желание способствовать народному благу»). Главное же, он возложил ответственность за политическую конфронтацию в России на

<sup>1</sup> Прыжову было тогда 44 года, почти всем остальным подсудимым — по 20—25 лет.

царское правительство с его карательной гипертрофией: «Чем больше ограждена личная свобода и безопасность человека, тем больше он дождется, тем неохотнее рискует ею — и наоборот. Нельзя пренебрегать также и тем озлоблением, которое возбуждают чрезвычайные карательные меры, в особенности когда они <...> вызываются причинами, не соответствующими их тяжести»<sup>1</sup>.

Царская цензура усмотрела в этой статье Арсеньева попытку «выставить действие правительства в самом неблагоприятном свете»<sup>2</sup> и объявила журналу «Вестник Европы» предостережение.

После нечаянского процесса Арсеньеву уже не довелось более выступать в судах по крупным делам, но он привлекал к себе внимание судебной и прочей общественности своими выступлениями даже при разборчивости, казалось бы, малозначимых дел. Так, получила известность его отповедь одному из гражданских истцов в речи по делу братьев Ивана и Александра Мясниковых и Анфилогия Караганова, обвиненных в составлении подложного завещания. Дело слушалось в Петербургском окружном суде 17—23 февраля 1872 г.<sup>3</sup> Истец, собрав сведения о родственниках обвиняемых, заявил, что «предполагаемые виновники преступления уже пострадали: один умер в доме сумасшедших, другой умер безвременно, третий спился, четвертый разбит параличом», и что, стало быть, «по делу прошла высшая рука». Арсеньев обратился к присяжным заседателям: «Вы оцените по достоинству того, кто позволил себе говорить, что человек, умерший от того, что взял два холерных отделения, умер потому, что высшая рука показала на нем пример. <...> Вы также признаете, что, когда человек постигнут несчастьем быть второй раз привлеченным к суду и потерять здоровье, никто не имеет право говорить, что этот человек наказан высшей рукой»<sup>4</sup>.

Присяжные вынесли всем подсудимым оправдательный приговор, хотя и поддерживал обвинение на том процессе А.Ф. Кони.

24 августа 1874 г. Арсеньев сложил с себя звание присяжного поверенного. По версии И.В. Гессена, «сердечный невроз заставил К.К. отказаться от волнующей адвокатской деятельности»<sup>5</sup>. А.Ф. Кони предполагал, что сказались здесь и «целое словесное и печатное гонение (на Арсеньева. — Н. Т.) за то, как смел он выступить защитником

<sup>1</sup> Арсеньев К.К. За четверть века. С. 29, 32.

<sup>2</sup> Китав В.А. Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов, 2004. С. 317.

<sup>3</sup> Подробно о нем см.: Иванов В.К. Взгляд на дело Мясниковых с общественной точки зрения. СПб., 1872.

<sup>4</sup> Цит. по: Тимофеев А.Г. Указ. соч. С. 127.

<sup>5</sup> Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937. С. 159.

одного из Мясниковых» (Александр Константинович Мясников был адъютантом шефа жандармов, «т. е. состоял в глазах общества в ближайшем распоряжении той власти, к которой оно в лице многих относилось с чувством боязливого и тайного недружелюбия»)<sup>1</sup>. Возможно, справедливы здесь обе версии. Арсеньев конечно же мог быть уязвлен нареканиями по его адресу в подыгрывании «той власти» (или хотя бы только намеками на такое подыгрывание).

Но может быть, сильнее всего сказалась давняя страсть Арсеньева к литературно-публицистической деятельности (кстати, менее «волнующей», чем адвокатская). П.К. Мартынов в своем словаре-альбоме не без основания подметил:

Ему не по душе ни острый меч суда,  
Ни тяжкий щит адвокатуры,  
И лишь мила живой беспечностью труда  
Роль критика литературы<sup>2</sup>.

Как бы то ни было, петербургские адвокаты, коллеги Арсеньева, устроили ему торжественные проводы из своей корпорации. На прощальном обеде по этому случаю В.Д. Спасович сказал: «Вы удаляетесь, наш бравый капитан: руль цел, компас цел, снасти в порядке». И добавил — с надеждой: «Если бы случилось, что на том новом поприще, на которое вы теперь вступаете, вы бы не нашли того, чего вы ищете, и пожелали его оставить, то знайте, что память о вас будет у нас живая: добро опять пожаловать!»<sup>3</sup>

Уже расставшись с адвокатурой, Арсеньев не единожды доказывал, что «щит адвокатуры» ему *по душе* (вот по силам ли, если иметь в виду его сердечные недуги, — это другой вопрос). В 1875 г. он издал свои двухтомные «Заметки о русской адвокатуре» — «книгу, ставшую *настоющей* для всякого адвоката», своего рода «катехизисом русской адвокатуры»<sup>4</sup>. Уходя с адвокатской «шхуны», ее бессменный в течение семи лет (1867—1874) капитан оставлял своему «экипажу» мудрые наставления на все случаи его службы: здесь — и разбор статуса корпорации русских адвокатов с экскурсами в историю адвокатуры Запада, и принципы адвокатской профессии, и нормы поведения, и функции Советов присяжных поверенных, и даже способы исчисления адвокатского гонорара, а также рекомендации начинающим адвока-

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 165, 170—171.

<sup>2</sup> См.: Мартынов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века. 3-е изд. СПб., 1893. С. 17.

<sup>3</sup> Спасович В.Д. Указ. соч. С. 86, 88.

<sup>4</sup> Лиховицкий А.Д. Указ. соч. С. 78.

там учиться у корифеев, присматриваться и прислушиваться к ним, изучать их опубликованные речи.

Однажды Арсеньев даже вернулся в адвокатуру, но ненадолго и по конкретному поводу: 29 сентября 1884 г. он был вновь принят в присяжные поверенные и уже 12 октября того года снова, теперь уже окончательно, уволился из адвокатуры<sup>1</sup>. Сделал он это, чтобы последний раз в жизни выступить защитником, на этот раз — интересов г. Санкт-Петербурга в его иске к обществу водопроводов (и, кстати, выиграл это дело<sup>2</sup>).

Ради какого же поприща оставил Арсеньев адвокатуру? Довольно долго, 10 лет, он провел на государственной службе — с 1874 г. в должности товарища обер-прокурора гражданского кассационного департамента Сената, а с 1880 г. — консультанта при Министерстве юстиции, — пока не убедился, что эта стезя — не для него. В 1884 г. он вышел в отставку и сосредоточился до конца своих дней (а впереди у него оставалось еще почти 35 лет жизни) главным образом на литературно-публицистической работе, сочетая ее с научно-исследовательской и общественной.

Собственно, в качестве литератора, публициста Арсеньев выступал с молодых лет, сочетая литературу с адвокатурой. 1866 год стал для него рубежным: он был принят в присяжные поверенные и начал сотрудничать в журнале «Вестник Европы», только что (в марте того года) основанном. С этим журналом, вплоть до его закрытия в апреле 1918 г. (более полувека!), Арсеньев уже не терял связи: с 1879 г. он возглавил в нем «Литературное обозрение», с 1880 — «Внутреннее обозрение», в 1904—1905 гг. был его соредактором, а в 1908—1916 — редактором. Именно в «Вестнике Европы» Константин Константинович опубликовал большую часть своих трудов (только «внутренних обозрений» и «общественных хроник» — больше 400<sup>3</sup>, а главное, очерки и статьи, составившие потом сборники и монографии, о Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском, И.С. Тургеневе, Н.А. Некрасове, М.Е. Салтыкове-Щедрине, А.П. Чехове и др.), за которые в 1901 г. он был избран почетным академиком Петербургской академии наук по разряду изящной словесности<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры»*. Пг., 1914. Прил. 1. С. 65.

<sup>2</sup> См.: *Ляховский А.Д.* Указ. соч. С. 82; *Кони А.Ф.* Собр. соч. Т. 5. С. 149.

<sup>3</sup> См.: *Пирумова Н.М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX в. М., 1977. С. 93.

<sup>4</sup> И.С. Тургенев 17 (29) сентября 1882 г. «очень обрадовался» похвальному отзыву Арсеньева о его «Стихотворениях в прозе», отметив, что К.К. — «человек с верным и тонким вкусом» (*Тургенев И.С.* Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. Л., 1968. Т. 13. Кн. 2. С. 44).

По крайней мере, с 1880-х годов Арсеньев фактически определял идейное (либеральное) направление «Вестника Европы». Царскому правительству оно очень не нравилось. «Вестник Европы», — говорилось во всеподданнейшем докладе цензурного ведомства по поводу очередного (третьего с 1866 г.) предупреждения журналу в 1889 г., — постоянно называет настоящее время «временем контрреформ» и ко всем реформам, ко всем наиболее важным административным распоряжениям находится в явной оппозиции»<sup>1</sup>. Явно оппозиционным по отношению к правящему режиму был, например, вывод, смело сделанный Арсеньевым вскоре после убийства Александра II, о тщетности «белого» террора, который лишь провоцирует, как ответную меру, «красный» террор: «Опыт искоренения зла одними репрессивными мерами сделан был в 1879 г. в таких размерах<sup>2</sup>, дальше которых идти нельзя; его исход устраняет всякую мысль о его повторении»<sup>3</sup>.

Еще более чем литературно-публицистическая раздражала «верхи» общественно-политическая деятельность Арсеньева. Он не довольствовался публикацией оппозиционных статей, а принимал участие в различных формах либерального движения, в акциях (собраниях, депутациях, съездах), организациях и даже партиях. С 1880-х годов, когда он был избран гласным Лужского уездного, а затем и Петербургского губернского земства, Константин Константинович стал одним из лидеров земского движения в России.

Невзирая на свой сердечный невроз, Арсеньев активно участвовал в попытках организационного сплочения земства: в т. н. «беседах» земцев Петербурга и Москвы (П.Н. Милюков, В.А. Мякотин, Ф.И. Родичев и др.), а затем и в земских съездах 1893—1894 гг. в Москве (на съезде 1894 г. Константин Константинович председательствовал)<sup>4</sup>. Но главная роль его в земском движении была не организаторской, а идейной. Именно он, используя «Вестник Европы» как политическую трибуну, формулировал насущные требования земства — свобода печати и совести, свобода и неприкосновенность личности, конституционное ограничение верховной власти (впервые — в статье «Программа русских либералов»: Вестник Европы. 1882. Апрель—июнь)<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по: *Зайончковский П.А.* Российское самодержавие в конце XIX ст. М., 1970. С. 275.

<sup>2</sup> Имеется в виду расчленение России по указу Александра II от 5 апреля 1879 г. на шесть сатрапий (временных военных генерал-губернаторств), во главе которых встали каратели с диктаторскими полномочиями. Подробно об этом см.: *Троицкий Н.А.* Безумство храбрых. М., 1978. С. 154—155 и сл.

<sup>3</sup> *Арсеньев К.К.* После 1 марта // Вестник Европы. 1881. № 4. С. 52.

<sup>4</sup> См.: *Пирумова Н.М.* Указ. соч. С. 187, 191.

<sup>5</sup> См.: *Арсеньев К.К.* За четверть века. С. 86 и сл.

Помимо земских хлопот, Арсеньев в 1889—1891 гг. возглавлял Литературный фонд России, а с 1900 г. стал вице-президентом Вольного экономического общества, которое к тому времени превратилось, по мнению петербургской охранки, «в зловредное гнездо оппозиции, в парламент, обсуждающий публично, всегда при громадном стечении публики, решительно все вопросы нашей внутренней государственной жизни»<sup>1</sup>. В оппозиционных акциях начала 900-х годов Арсеньеву доводилось участвовать вместе с бывшими коллегами по адвокатуре. Так, он подписал заявление 95 лиц (в числе которых были старый друг Константина Константиновича Д.В. Стасов, Н.П. Карабчевский, В.Н. Герара) на имя министра внутренних дел Д.С. Сипягина с протестом против разгона и избиения студенческой демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 г.<sup>2</sup>

Накануне Кровавого воскресенья 9 января 1905 г. Арсеньев принял участие в депутации от петербургской общественности к председателю Комитета министров С.Ю. Витте. «Вечером 8-го ко мне вдруг явилась депутация<sup>3</sup> переговорить по делу чрезвычайной важности, — вспоминал об этом сам Витте. — Я ее принял. Между ними я не нашел ни одного знакомого. Из них *по портретам* я узнал почетного академика Арсеньева, писателя Анненского, Максима Горького, других не узнал. Они начали мне говорить, что я должен, чтобы избежать великого несчастья, принять меры, чтобы государь явился к рабочим и принял их петицию, иначе произойдут кровопролития. Я им ответил, что дела этого совсем не знаю и потому вмешиваться в него не могу; кроме того, оно до меня как председателя Комитета министров совсем не относится. Они ушли недовольные, говоря, что в такое время я привожу формальные доводы и уклоняюсь»<sup>4</sup>.

Итак, предотвратить Кровавое воскресенье депутации не удалось. Хуже того, в ночь на 11 января все ее члены были арестованы и все, кроме Арсеньева (сразу освобожденного «по возрасту», как самого старшего), заключены, правда, ненадолго, в Петропавловскую крепость за то, что вмешивались не в свое дело.

<sup>1</sup> Цит. по: Шацлло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905—1907 гг. М., 1985. С. 48.

<sup>2</sup> См.: Искра. 1901. № 4 // Искра. № 1—52 (1900—1903). Полн. текст под ред. П.Н. Лепешинского. Л., 1925. Вып. 1. С. 85.

<sup>3</sup> Кроме Арсеньева, это были: А.М. Горький, историки В.И. Семевский и Н.И. Кареев, литераторы-публицисты Н.Ф. Анненский, В.А. Мякотин и А.В. Пешехонов, два присяжных поверенных — Е.И. Кедрин (защищавший в свое время Софью Перовскую) и И.В. Гессен.

<sup>4</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 2. С. 119 (курсив мой. — Н. Т.).

К 1905 г. авторитет Арсеньева как одного из «идейных вождей русской интеллигенции»<sup>1</sup> был уже столь значим, что он был приглашен в Конституционно-демократическую партию и согласился баллотироваться в ее ЦК. Подумав, однако, и не пожелав связывать себя жесткой партийной дисциплиной кадетов, Арсеньев через три недели ушел от них, а в январе 1906 г. стал одним из основателей Партии демократических реформ, выступавшей за «мирное обновление России» с «наследственной конституционной монархией»<sup>2</sup>.

Удивительно, как при такой общественно-политической активности Арсеньев мог находить время и силы не только для творческой, но и для *руководящей* литературной работы: с 1891 г. он был одним из главных редакторов капитальнейшего «Энциклопедического словаря» Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона, а в 1911 г. (когда ему было почти 75 лет) стал главным редактором «Нового энциклопедического словаря».

В личности Арсеньева все (кроме двух исключений) видели только хорошее. В представлении близко знакомого с ним и не склонного к пустому славословию А.Ф. Кони, он был «безупречный и чистый, как кристалл»<sup>3</sup>. В принципе так же судили об Арсеньеве его коллеги-адвокаты В.Д. Спасович, М.М. Винавер, Л.Д. Ляховецкий<sup>4</sup>. О нравственной репутации и авторитете Арсеньева-юриста говорит тот факт, что Петербургский совет присяжных поверенных только за время его председательства отказал в приеме 24 лицам и четырех исключил из адвокатуры по соображениям и дисциплинарным и нравственным<sup>5</sup>. Знаменитый криминалист, член Государственного совета, профессор Н.С. Таганцев считал столь же высоким авторитет Арсеньева как общественного деятеля: «Мыслящие читатели «Вестника Европы», получая новый номер, неуклонно обращались прежде всего к отведенному Арсеньеву уголку, чтобы услышать пульс общественно-государственной правды. Знали они, что жив еще хранитель заветов общественного развития! Жива общественная совесть!»<sup>6</sup>

Диссонируют с такими отзывами об Арсеньеве только два мнения. Одно из них принадлежит М.Е. Салтыкову-Щедрину, который шаржи-

<sup>1</sup> Мылюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 (1859—1917). М., 1990. С. 354.

<sup>2</sup> См. о ней: Ковалевский М.М. Политическая программа нового Союза народного благоденствия. СПб., 1906.

<sup>3</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 4. С. 171.

<sup>4</sup> См.: Спасович В.Д. Указ. соч. С. 87—88; Винавер М.М. Недавнее. Воспоминания и характеристики. 2-е изд. Париж, 1926. С. 207; Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 78.

<sup>5</sup> См.: Арсеньев К.К. Заметки о русской адвокатуре. Ч. 2. С. 28, 155.

<sup>6</sup> ЦГИА СПб. Ф. 2184. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

ровал Арсеньева в образе «пенкоснимателя»<sup>1</sup> Семена Петровича Нескладина<sup>2</sup>. Щедрин (которого, кстати, Арсеньев глубоко почитал как «великого писателя»<sup>3</sup>) не разобрался к 1872 г. в Арсеньеве по недостатку информации. Конечно же Константин Константинович никогда не был консерватором. Скорее он стоял на позиции «между либерализмом и социализмом»<sup>4</sup>.

Что касается суждений В.И. Танеева об Арсеньеве («совершенная бездарность», из «недостойных людей»)<sup>5</sup>, то они столь же несправедливы, сколь субъективны, с претензией на оригинальность («бездарность»<sup>6</sup> Танеев считал и Льва Толстого).

По совокупности же мнений современников и, главное, по совокупности всего, что он сделал и как он это делал, К.К. Арсеньев заслужил почетное место в ряду выдающихся юристов (в первую очередь адвокатов), литераторов и общественных деятелей пореформенной России. Он умер в революционном Петрограде 22 марта 1919 г. на 83-м году жизни, пережив свое время и почти всех своих сверстников, но не познав забвения.

<sup>1</sup> «Пенкосниматель» — термин, придуманный Щедриным в «Дневнике провинциала» (1872) и обозначавший либерального фразера с подспудно консервативными убеждениями.

<sup>2</sup> См.: М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 374.

<sup>3</sup> Вестник Европы. 1889. № 6. С. 720.

<sup>4</sup> Китаев В.А. Указ. соч. С. 317.

<sup>5</sup> М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях... Т. 2. С. 235—236.

<sup>6</sup> Дневник П.И. Чайковского (1873—1891). М.; Пг., 1923. С. 36—37.



## АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ УНКОВСКИЙ

(1828—1893)

Имя Алексея Михайловича Унковского широко известно в отечественной истории. Но для нас он — не столько юрист, сколько общественный деятель, автор самого демократичного из дворянских проектов отмены крепостного права в России 1861 г., близкий друг и душеприказчик Н.А. Некрасова и М.Е. Салтыкова-Щедрина.

Естественно, и в литературе о нем (включая три монографии<sup>1</sup> — как ни о ком из российских адвокатов, кроме Ф.Н. Плевако) освещаются преимущественно общественно-политические идеи и деяния, хотя затрагивается и юридическая, адвокатская составляющая его служебной карьеры. Впрочем, место Унковского в созвездии корифеев отечественной адвокатуры никогда не подвергалось сомнению..

Алексей Михайлович родился 24 декабря 1828 г. в родовом имении Унковских, с. Дмитрюково Тверской губернии. Отец его, штабс-капитан Михаил Алексеевич Унковский, был тверским уездным предводителем дворянства. Мать, Анна Павловна, принадлежала к знатному дворянскому роду Морковых и находилась в близком родстве с А.С. Грибоедовым. В 1833 г. она скоропостижно умерла, и воспитанием единственного 5-летнего сына занялся отец с помощью четырех незамужних сестер.

Отец и четыре тетушки смогли дать мальчику отличное образование. Он окончил Московский университетский благородный пансион, где учились ранее В.А. Жуковский, А.С. Грибоедов, М.Ю. Лермонтов, и в 1843 г. поступил в знаменитый со времен А.С. Пушкина Царскосельский лицей, который в первый же год учебы Унковского был переиме-

<sup>1</sup> См.: Джанишев Г.А. А.М. Унковский и освобождение крестьян. М., 1894; Унковский А.М. Алексей Михайлович Унковский (1828—1893). М., 1979; Чернышов В.Д. Жизнь и судьба тверского реформатора. Тверь, 1998. См. также: Яновский А.Д. Общественно-политическая деятельность А.М. Унковского (1828—1893). Канд. дисс. ист. наук. М., 1986.

нован в Александровский и переведен в Петербург. В 1844 г. лицеист Унковский познакомился с М.В. Буташевичем-Петрашевским (руководителем социалистического кружка *петрашевцев*), бывал у него дома. В конце того же года за сочинение изъятого у него при обыске «либретто», «в котором ребячески вышучивались у власти стоящие лица»<sup>1</sup>, он был исключен из лицей. «Кто знает, — вспоминал потом Алексей Михайлович, — если бы не обыск 1844 г., то в 1848 г. я угодил бы в Сибирь вместе с Петрашевским»<sup>2</sup>.

Осенью 1846 г. Унковский поступил на юридический факультет Московского университета, где наибольшее влияние оказали на него историки — маститый Т.Н. Грановский и молодой К.Д. Кавелин, оба — либерально мыслящие. В 1850 г. Алексей Михайлович окончил университет, получил чин губернского секретаря (12-й класс по Табели о рангах), но не сразу определился как юрист. Сначала он служил помощником столоначальника в Московском главном архиве Министерства иностранных дел, а после смерти отца в 1852 г. переехал из Москвы в Тверь и здесь, благодаря поддержке местного дворянства, сделал, казалось, многообещающую карьеру: в 1853 г. был избран уездным судьей в Твери, а в начале 1857 г. — тверским губернским предводителем дворянства. С 1857 г. Унковский и возглавил тверскую либеральную оппозицию.

Дело в том, что Алексей Михайлович с ранних лет прониклся антикрепостническими настроениями. По его словам, только поступая в Московский благородный пансион, он «уже был ненавистником крепостничества»<sup>3</sup>. Студенческая среда, влияние Грановского и Кавелина, а затем изучение (в должности уездного судьи) многих дел о самовласти помещиков и чиновников и о бедствиях простого люда помогли ему утвердиться на либерально-демократических позициях. Поэтому не удивительны, а скорее естественны были с его стороны непостижимые на первый взгляд для губернского предводителя дворянства политические шаги.

В декабре 1857 г. Унковский составил, в соавторстве со своим другом, уездным предводителем дворянства А.А. Головачевым, и представил Александру II «Записку» с критикой правительственной программы освобождения крестьян («объявить народ свободным, оставив его почти в той же неволе и не улучшая его быта, <...> хуже, нежели оставить его в крепостной зависимости»)⁴. В «Записке» излагался такой

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 1635. Оп. 1. Д. 5а. Л. 2 об. (записки А.М. Унковского).

<sup>2</sup> Там же.

<sup>3</sup> Там же. Л. 3 об.

<sup>4</sup> Цит. по: Джанишев Г.А. Указ. соч. С. 61.

проект отмены крепостного права, по которому любые обязательства крестьян перед помещиками упразднились, и крестьяне получали достаточное для прожиточного минимума количество земли за выкуп помещикам при помощи государства<sup>1</sup>.

Мало того, в сентябре 1859 г. Алексей Михайлович подписал, вместе с четырьмя членами губернских комитетов по крестьянскому делу, «адрес пяти» на имя императора с предложениями не только освободить крестьян на условиях, изложенных в «Записке» 1857 г., но и ввести местное бессословное выборное управление, суд присяжных, гласное судопроизводство и пр.<sup>2</sup> Александр II заявил, что «адрес пяти» «ни с чем не сообразен и дерзок до крайности»<sup>3</sup>. Именно в 1859 г. он назвал местное самоуправление, суд присяжных и свободу печати «западными дурачествами»<sup>4</sup>, хотя через 2—3 года он начнет вводить эти «дурачества» в собственном отечестве повсеместно. А пока всем подписавшим «адрес пяти» был объявлен выговор, в декабре 1859 г. Унковский был отрешен от должности губернского предводителя дворянства и в феврале 1860 г. как политически неблагонадежный сослан в Вятку под надзор полиции<sup>5</sup>.

Полгода вятской ссылки не охладил антикрепостнического пыла Унковского. С лета 1861 г. он занялся своеобразной прелюдией к своей адвокатской карьере. Выступая в роли ходатая по крестьянским делам против разных, вплоть до крупнейших, помещиков, Алексей Михайлович помогал крестьянам, не сведущим в юридической казуистике, отстаивать на суде их законные интересы. Только у графа Д.А. Толстого<sup>6</sup> он выиграл 16 таких дел. «Столкновения с ним, — вспоминал Унковский, — не обошлись даром. Следствием моих правовых отношений к некоторым делам графа было то, что у меня отняли право подавать прошения в присутственные места, вести дела, быть защитником. Был получен циркуляр, в котором запрещалось принимать где бы то ни было мои деловые бумаги. Всему образу моего поведения был придан характер вредный в политическом отношении»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Полный текст «Записки» см. в указ. соч. Г.А. Джаншиева. С. 58—71.

<sup>2</sup> Текст «адреса пяти» см. там же.

<sup>3</sup> Цит. по: Джаншиев Г.А. Указ. соч. С. 135.

<sup>4</sup> Цит. по: Покровский М.Н. Избр. произв.: В 4 кн. М., 1965. Кн. 2. С. 338.

<sup>5</sup> Подробно об этом см.: Унковский А.М. Указ. соч. С. 61—65; Чернышов В.Д. Указ. соч. С. 117—130.

<sup>6</sup> Толстой Дмитрий Андреевич (1823—1889) — граф, крупный помещик, до 1865 г. влиятельный чиновник Морского министерства, в 1865—1880 гг. — обер-прокурор Священного синода, в 1882—1889 гг. — министр внутренних дел, шеф жандармов и фактический глава правительства.

<sup>7</sup> Записки А.М. Унковского // Русская мысль. 1906. № 7. С. 93.

Хлопоты в качестве «крестьянского адвоката» еще сильнее настроили Унковского против реакционных «верхов». Он сыграл главную роль в составлении нового адреса Александру II от имени 112 участников чрезвычайного собрания дворян Тверской губернии 1—3 февраля 1862 г. с критикой царского Манифеста 19 февраля 1861 г. за жестокое ущемление прав крестьян и с требованиями в духе «адреса пяти» плюс созыв Земского собора<sup>1</sup>. На этот раз Алексей Михайлович вслед за 13 своими земляками, отказавшимися от губернских должностей в знак протеста против «недоконченности» крестьянской реформы, был арестован и препровожден в Петропавловскую крепость<sup>2</sup> — к счастью для него, ненадолго.

После этого Унковский понял, что для политической деятельности перспектив у него нет. Он все больше склонялся к тому, чтобы стать юристом, но — в реформированном суде. Алексей Михайлович даже напечатал в первых трех номерах журнала «Современник» за 1863 г. большую статью «Новые основания судопроизводства». В ней он приветствовал «Основные положения» судебной реформы в России, утвержденные Александром II 20 сентября 1862 г., хотя и подверг критике отказ реформаторов признать равную ответственность *всех* россиян (включая должностных лиц любого уровня) перед законом. Теперь он твердо решил, как только откроются новые суды, вступить в адвокатуру. Но и здесь перед ним возникло бюрократическое препятствие.

Дело в том, что Унковскому дали понять: после его оппозиционных акций 1857—1862 гг. доступ к судебной защите ему закрыт. Шеф жандармов В.А. Долгоруков доверительно посоветовал ему подыскать, хотя бы на время, такую службу, для которой требовалось бы «высочайшее утверждение». «Эти маневром, — вспоминал Алексей Михайлович, — я мог достигнуть того, что из человека, в глазах правительства малонадежного, беспокойного, я оказался бы человеком надежным»<sup>3</sup>.

Такой маневр удался. Благоволивший к Унковскому государственный контролер В.А. Татаринов испросил у Александра II разрешение назначить тверского «вольнодумца» управляющим одной из организуемых губернских контрольных палат, но «только не в Твери»<sup>4</sup>. В декабре 1865 г. Унковский возглавил такую палату в Нижнем Новгороде и прослужил там девять месяцев. В сентябре следующего года он взял отпуск, поехал в Петербург, где присмотрелся к открытию новых судов

<sup>1</sup> См.: Унковский А.М. Указ. соч. С. 82—83.

<sup>2</sup> См. там же. С. 84.

<sup>3</sup> Записки А.М. Унковского. С. 93.

<sup>4</sup> Чернышов В.Д. Указ. соч. С. 162.

и к первым шагам адвокатуры, и подал прошение об отставке. «И все же он достиг цели, — справедливо заключает внук и биограф Алексея Михайловича, тоже Алексей Михайлович Унковский, — кратковременная служба до некоторой степени сняла с него «опалу»<sup>1</sup>. Теперь ничто не мешало ему вступить в корпорацию адвокатов.

10 ноября 1866 г. Петербургский совет корпорации принял Унковского в присяжные поверенные столичного судебного округа<sup>2</sup>. Начало его адвокатской карьеры оказалось разочарующе скучным. Судя по его письму к А.А. Головачеву от 8 мая 1867 г., копию которого В.Д. Чернышев получил от правнука Унковского, Андрея Алексеевича, за первые полгода работы в качестве присяжного поверенного Унковский принял 27 дел — исключительно гражданских и, большей частью, мелких, «пустяковых», которые часто его самого утомляли и раздражали. Вот что он писал об этом Головачеву: «Как утром поговоришь с несколькими господами, которые ничего не понимают в собственных делах, а еще хуже с дамами, поработаешь и поедешь по разным присутственным местам, в которых иногда приходится быть до семи часов, то уж вечером не принудишь себя написать и простой записки. <...> Дел у меня еще немного, и вообще я не совсем твердо стал на эту почву, ибо больших дел у меня всего два-три, но читать и разговаривать приходится очень много. Из 10 дел берешь одно. Многие являются с пустяками или совершенно невозможными требованиями»<sup>3</sup>.

К огорчению Унковского, шлейф мелких гражданских дел тянулся за ним все время. Его первый биограф Г.А. Джаншиев со всей определенностью заключал: «Гражданская практика была главным занятием в течение всей 27-летней славной адвокатской карьеры Унковского»<sup>4</sup>. Добавлю от себя: как ни у кого из корифеев отечественной адвокатуры. Сам Алексей Михайлович в последний год своей жизни признавался в письме к Джаншиеву, что он загружен разбирательством многих дел, «по большей части вздорных или мелочных, но не терпящих отлагательства»<sup>5</sup>.

Разумеется, были в адвокатской практике Унковского (хотя и как редкость) крупные уголовные дела, привлекавшие к себе внимание общественности. Таковым было, например, дело по обвинению купца 2-й гильдии Я.Я. Сусленникова в присвоении имущества толстосума-

<sup>1</sup> Унковский А.М. Указ. соч. С. 95.

<sup>2</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 1635. Оп. 1. Д. 3 (Свидетельство присяжного поверенного А.М. Унковского).

<sup>3</sup> Цит. по: Чернышев В.Д. Указ. соч. С. 165.

<sup>4</sup> Джаншиев Г.А. Указ. соч. С. 182—183.

<sup>5</sup> Письма А.М. Унковского к Г.А. Джаншиеву // Голос минувшего. 1914. № 11. С. 246.

миллионера Н.Н. Солодовникова. Дело рассматривал Петербургский окружной суд 20 декабря 1873 г. Обвинял А.Ф. Кони, защищал обвиняемого Унковский. Алексей Михайлович усмотрел в преступлении своего подзащитного ряд смягчающих обстоятельств, но не смог убедить в этом присяжных заседателей. Они признали Сусленникова виновным без снисхождения «в краже и мошенничестве», после чего суд приговорил его к ссылке в Сибирь<sup>1</sup>. Кстати, в юридическом споре с обвинителем Кони Унковский проиграл как адвокат и еще одно дело — о лжеприсяге, в том же суде 14 мая 1873 г. Подзащитные Алексея Михайловича Владислав Залесский и Александр Гроховский тоже были признаны виновными<sup>2</sup> и сосланы в Сибирь<sup>3</sup>.

Наибольшую известность Унковскому-адвокату доставили судебные процессы по *политическим* делам. Так распорядилась судьба, что Алексей Михайлович выступал защитником и на первом, и на последнем в России XIX в. *действительно гласных* политических процессах.

На процессе по делу нечаевцев (т. е. народников, вовлеченных С.Г. Нецаевым в экстремистски-революционную организацию «Народная расправа») в Петербургской судебной палате 1 июля — 11 сентября 1871 г.<sup>4</sup> Унковский защищал студента Земледельческого института В.И. Святского. Тот студент даже не входил в «Народную расправу», а был участником пропагандистского кружка А.П. Старицына (тоже привлеченного к делу нечаевцев, но умершего в тюрьме до окончания суда). Тем не менее Святскому инкриминировалось участие в «антиправительственном заговоре», а также «имение у себя» изданий Международного товарищества рабочих (I Интернационала).

20 августа 1871 г. Унковский выступил на процессе с защитительной речью, в которой аргументированно опроверг предъявленные Святскому обвинения. Он подчеркнул, что принадлежность Святского к «Народной расправе» не доказана, а что касается изъятых у студента изданий I Интернационала, то в них нет состава преступления. «Эта улика, — рассуждал Унковский, — не должна иметь для суда значения, потому что каждого молодого человека, занимающегося экономическими во-

<sup>1</sup> См. отчет об этом деле: С.-Петербургские ведомости. 1871. № 359.

<sup>2</sup> В. Залесский и А. Гроховский обвинялись в том, что дали под присягой лжесвидетельства о прелюбодеянии, которого на деле не было.

<sup>3</sup> См. отчет об этом деле с изложением речей обвинения и защиты: Судебный вестник. 1873. № 102—104.

<sup>4</sup> Об особенностях этого процесса см. в очерке «Д.В. Стасов». Впервые как защитник по политическому делу А.М. Унковский выступил именно на процессе нечаевцев. Сказанное в указ. соч. В.Д. Чернышова (С. 165), будто он «участвовал в политическом процессе ишутиных» 1866 г., — ошибка.

просами, не может, конечно, не интересовать Международное общество рабочих, основанное с целью разрешения именно этих вопросов. Такие улики едва ли могут быть приняты во внимание судом, так как они, в сущности, свидетельствуют не о преступных действиях человека, подлежащих суду, а разве только о его политической неблагонадежности, которая не входит в круг деятельности суда, призванного обсуждать лишь деяния, предусмотренные законом»<sup>1</sup>.

Суд признал доводы Алексея Михайловича резонными и вынес Святскому оправдательный приговор.

На последнем в России XIX в. действительно гласном политическом процессе — по делу о цареубийстве 1 марта 1881 г. (ОППС, 26—30 марта того же года)<sup>2</sup> — не могло быть и речи об оправдании кого-либо из шести подсудимых<sup>3</sup>. Унковский защищал здесь студента Н.И. Рысакова — того самого, который бросил первую бомбу в карету Александра II, хотя и не убил и даже не ранил царя (тот был смертельно ранен второй бомбой, которую швырнул оземь между собой и царем еще один студент И.И. Гриневицкий, сам при этом погибший). Итак, никто из шести подсудимых царя не убивал, но для суда все шестеро были именно «цареубийцы», поскольку они участвовали в подготовке и организации покушений на Александра II, а Рысаков как бомбометальщик — тем более. Унковский попытался лишь найти для своего подзащитного в рамках закона смягчающие обстоятельства, спасти его от виселицы, и сделал для этого все возможное.

Когда на суде пришло время для выступлений защиты, Унковский получил слово первым. Он сразу же, учитывая настрой верховной власти, суда и большей части публики против обвиняемых, сделал принципиально важное разъяснение: «Я понимаю, что очень многим приходит в голову то, что защита по настоящему делу совершенно невозможна, что защиты здесь быть не может. И действительно, обстоятельства настоящего дела таковы, что подобная мысль может прийти в голову. Но в любом случае обязанность защитников, назначенных от суда, священна. <...> Защита является таким же фактором правосудия, как и обвинение. Само собою разумеется, я не являюсь здесь защитником совершенного злодеяния, я защищаю только лицо, которое его совершило»<sup>4</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по: Унковский А.М. Указ. соч. С. 98.

<sup>2</sup> Об особенностях этого процесса — самого громкого из всех политических процессов XIX в. не только в России, но и во всем мире, — см. в очерке «В.Н. Герард».

<sup>3</sup> Вот их имена: А.И. Желябов, С.А. Перовская, Н.И. Кибальчич, Г.М. Гельфман, Т.М. Михайлов, Н.И. Рысаков.

<sup>4</sup> Дело 1 марта 1881 г. Правительственный отчет. СПб., 1906. С. 297—298.

Опираясь далее на показания свидетелей о том, что юный, едва достигший 19 лет, Рысаков «был известен им за мальчика хорошей нравственности и самого мягкого характера», Алексей Михайлович доказывал, что его подзащитный стал революционером и террористом не осознанно, а «был вовлечен в революционную деятельность другими, более сильными людьми<sup>1</sup> и, конечно, вовлечен помимо его воли. <...> Одно уже это обстоятельство говорит в его пользу. <...> Наш закон в числе обстоятельств, уменьшающих вину, а следовательно, и меру наказания, прямо ставит тот случай, когда преступление совершено по легкомыслию и убеждению других лиц»<sup>2</sup>.

Когда же прокурор Н.В. Муравьев — этот, по выражению М.Е. Салтыкова-Щедрина, «мастер щипать людскую корпию»<sup>3</sup>, «украсивший» свою карьеру только за два процесса 1881—1882 гг., по делам 1 марта и «20-ти», 16 смертными приговорами, — затребовал виселицы для всех шести, не исключая и Рысакова, Унковский выступил с мотивированными возражениями. Он напомнил прокурору ст. 139 Уложения о наказаниях, согласно которой несовершеннолетние (т. е., по российскому законодательству, не достигшие 21 года) могут быть осуждены *не более* чем на 20 лет каторги, а также выдал ему, для справки, устную информацию об аналогичных статьях Уложений ряда европейских стран — Франции, Германии, Австрии, Бельгии, Португалии<sup>4</sup>.

Муравьев попытался было отмахнуться от аргументов Унковского, заявив, что в ст. 139 прямо *не отрицается* возможность применения смертной казни к несовершеннолетним, а «ссылка защиты на иностранные кодексы не может иметь для Особого присутствия никакого значения»<sup>5</sup>. Унковский, однако, вновь взял слово: «Едва ли можно согласиться с мнением прокурора. Я называл иностранные уложения не для того, чтобы Правительствующий сенат мог на них основать свое решение. Я приводил их лишь в доказательство того, что составители нашего Уложения 1876 г. имели многие из этих кодексов в виду, и если бы они допускали применение смертной казни к лицам, не достигшим 21-летнего возраста, то они упомянули бы об этом. Между тем в 139-й ст. говорится о несовершеннолетних начиная с 14-летнего возраста, но о смертной казни не сказано ни слова»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Главным из них был фактический вождь партии «Народная воля» А.И. Желябов.

<sup>2</sup> Дело 1 марта 1881 г. С. 301—302.

<sup>3</sup> Салтыков-Щедрин М.Е. Полн. собр. соч. М., 1940. Т. 14. С. 431, 433.

<sup>4</sup> См.: Дело 1 марта 1881 г. С. 357—359.

<sup>5</sup> Там же. С. 360.

<sup>6</sup> Там же. С. 360—361.

Суд не принял во внимание доводы Унковского и пошел за Муравьевым. Рысаков был казнен. Но защитительная речь Унковского по делу Рысакова вошла в историю отечественной адвокатуры как пример высокопрофессионального исполнения своего долга в экстремальных для защиты условиях.

К тому времени репутация Унковского-адвоката была уже сопоставимой с репутацией авторитетнейших корифеев сословия. Достаточно сказать, что он семь лет, с 1874 по 1881 г., бессменно председательствовал в Петербургском совете присяжных поверенных<sup>1</sup>. А ведь Алексей Михайлович, в отличие от большинства других корифеев, не мог похвастаться собственными шедеврами судебного красноречия. «Не обладая большим ораторским талантом, страдая одышкой, Унковский, — по воспоминаниям Г.А. Джаншиева, — уступал другим, первоклассным ораторам, но его отличавшееся остроумием и необыкновенною простотою, искренностью и задушевностью слово всегда находило путь прямо к сердцу, к добрым чувствам и не засоренному рутинною сознанию присяжных»<sup>2</sup>.

Разумеется, и безыскусная внешне ораторская манера Унковского обеспечивала продуктивность и, по крайней мере, надежность его защит. Не зря П.К. Мартыанов отвел ему в своем словаре-альбоме такие строки:

Юрист — во льду огонь, лед — в пламени и холоде,  
Кует в суде дела, как сталь — стотонный молот<sup>3</sup>.

Но главным достоинством и мерилом известности Унковского как адвоката был его *нравственный* авторитет. По словам Г.А. Джаншиева (в принципе верным), Алексей Михайлович «служил живым и наглядным, целостным воплощением адвокатской этики»<sup>4</sup>. При этом, конечно, учитывалась репутация Унковского не только как адвоката, юриста, но и как общественного деятеля. В приветственном адресе Алексею Михайловичу от присяжных поверенных Петербургского судебного округа к 25-летию его адвокатской деятельности 6 декабря 1891 г. за подписями Д.В. Стасова, В.Д. Спасовича, В.Н. Герарда и др., говорилось: «Вас уже сопровождала в тот момент (когда Унковский

<sup>1</sup> См.: *Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры»*. Пг., 1914. Прил. 3. С. 93—100.

<sup>2</sup> Джаншиев Г.А. Указ. соч. С. 182.

<sup>3</sup> См.: Мартыанов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд. СПб., 1893. С. 268.

<sup>4</sup> Джаншиев Г.А. Указ. соч. С. 184.

только вступал в корпорацию адвокатов. — Н. Т.) слава одного из видных деятелей крупнейшего преобразования незабвенной эпохи великих реформ»<sup>1</sup>.

Удивительно и показательно для скромности Унковского, как расходуется с такими высокими оценками его адвокатской карьеры уничтожительная самооценка Алексея Михайловича: «Если правду сказать, то я ничем в адвокатуре не отличался, кроме обыкновенной честности, которую следует требовать от каждого поверенного. Правом как наукой занимался я мало. За юридической литературой следил плохо. <...> Красноречием также не обладаю. Поэтому я считаю себя заурядным адвокатом. Но из этого не следует заключать, что я ставил себя очень низко. В стаде я не последний»<sup>2</sup>.

Скромность Унковского похвальна, но чрезмерна: уже давно общепризнано, что он во всех отношениях (как юрист, общественный деятель, гражданин) был личностью *незаурядной*. Не случайны его обширные идейные, деловые и просто личные связи с выдающимися людьми своего времени. В бытность его тверским губернским предводителем дворянства (1857—1859) он заинтересованно общался с такими деятелями, как Ф.М. Достоевский, декабристы М.И. Муравьев-Апостол (родной брат повешенного С.И. Муравьева-Апостола) и И.И. Пущин (о котором А.С. Пушкин писал: «Мой первый друг, мой друг бесценный»), петрашеву А.И. Европеусу<sup>3</sup>. Позднее, в конце 60-х — начале 70-х годов, когда Унковский был уже присяжным поверенным, в его петербургской квартире на Литейном проспекте (дом № 30) по пятницам — как в свое время у Петрашевского — собирались для литературных и прочих бесед Н.А. Некрасов, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.Н. Плещеев, А.Ф. Кони, художник Н.Н. Ге, бывали там и Ф.М. Достоевский, И.С. Тургенев, Д.В. Григорович<sup>4</sup>.

Самым близким другом Унковского был Салтыков-Щедрин. Они и жили рядом, и дружили семьями. Щедрин был крестным отцом сына Унковского, Владимира, а Унковский — дочери Щедрина, Лизы. Лиза и дочь Унковского Соня учились в одной гимназии с двумя внуками А.С. Пушкина Надей и Верой (дочерьми старшего сына поэта Александра) и двумя племянницами Л.Н. Толстого, Машей и Верой Кузминскими<sup>5</sup>. То была Литейная женская гимназия на Бассейной

<sup>1</sup> РГАЛИ. Ф. 1635. Оп. 1. Д. 4. Л. 1.

<sup>2</sup> Письма А.М. Унковского к Г.А. Жаншиеву. С. 244—245.

<sup>3</sup> См.: Записки А.М. Унковского. С. 90—91.

<sup>4</sup> См.: Унковский А.М. Указ. соч. С. 108.

<sup>5</sup> См.: Чернышов В.Д. Указ. соч. С. 185, 216.

улице. Из окон ее 3 апреля 1881 г. смотрели на провоз «цареубийц» к месту их казни дочери Ф.М. Достоевского и Я.П. Полонского, а также будущие жены А.М. Горького и В.И. Ленина — М.Ф. Андреева и Н.К. Крупская<sup>1</sup>.

В 1875 г. Щедрин назначил Унковского своим душеприказчиком. Дружеские письма Щедрина к Унковскому опубликованы в т. 18—20 полного собрания сочинений великого сатирика (М., 1937—1939).

Дружил Унковский и с Некрасовым, квартира которого, кстати, тоже была на Литейном проспекте. Великий поэт посвятил Унковскому главу из поэмы «Кому на Руси жить хорошо» под названием «Последыш»<sup>2</sup>, а в начале 1877 г. выбрал его своим душеприказчиком. Именно Унковский, Щедрин и муж сестры Некрасова А.Н. Ераков 4 апреля 1877 г., за 8 месяцев до смерти поэта, когда он уже не мог ходить, устроили у него дома свадьбу его с З.Н. Анисимовой, изыскав для этого походную церковь-палатку и священника<sup>3</sup>.

Еще с одним классиком отечественной литературы А.Н. Островским Унковский дружески сблизился еще в 1856 г., в Твери (Островский читал тогда в доме Унковского написанную им еще в 1849 г. комедию «Свои люди — сочтемся!»), которую царская цензура до 1857 г. не пропускала на сцену<sup>4</sup>.

Иные, предосудительные в глазах властей, знакомства и связи Унковского отслеживались агентами, поскольку с 1862 г. и по меньшей мере до 1879 г. Алексей Михайлович оставался под негласным надзором полиции<sup>5</sup>. По агентурным данным за 1879 г., он имел «тайные свидания» с «редактором и корректором «Земли и воли» Павленковым<sup>6</sup> и был «знакомым Семенских»<sup>7</sup>.

Впрочем, агенты III отделения доносили «наверх» даже о «враждебных правительству суждениях» Унковского — лица, «известного своей неблагонадежностью», — на заседаниях Петербургского совета при- сяжных поверенных<sup>8</sup>.

<sup>1</sup> См.: Альф Н.С. Семья Крупских в Петербурге. Л., 1965. С. 21—22.

<sup>2</sup> См.: Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4 т. М., 1979. Т. 3. С. 391.

<sup>3</sup> См.: Ждинов В.В. Некрасов. М., 1971. С. 392, 464, 480.

<sup>4</sup> См.: Унковский А.М. Указ. соч. С. 27.

<sup>5</sup> См.: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932. С. 206, 221.

<sup>6</sup> См. там же. С. 221. Не ясно, о каком Павленкове здесь идет речь. Редактора «Земли и воли» с такой фамилией не было.

<sup>7</sup> Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 206. Супруги В.А. Семенский и А.К. Семенская обвинялись в содействии террористу Л.Ф. Мирскому: муж еще до суда потерял рассудок в тюрьме, жена по суду была оправдана (см.: Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 42—43).

<sup>8</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 888. Л. 13—14.

Как личность Унковский производил неизгладимо-приятное впечатление на всех, кто знал его не понаслышке. В представлении А.Ф. Кони, он «являлся примером той нравственной высоты, на которой может и должен стоять присяжный поверенный, и всею совокупностью своей жизни дал право, обращаясь к его памяти, перефразировать известный стих великого поэта: «Чистейшей прелести чистейший образец» словами: «Чистейшей честности чистейший образец»<sup>1</sup>. Даже злоязычный В.И. Танеев (вообще судивший о людях не в меру строго) считал личные качества Алексея Михайловича идеальными: «Я бы назвал Унковского святым, если бы сравнение с ним не было для святых слишком большою честью. И не я один смотрел на Унковского как на лучшего из людей. Все смотрели на него как бы с благоговением»<sup>2</sup>.

В личной жизни Унковский был скромным, душевным, заботливым другом и семьянином. Женится он в конце 1866 г. на 20-летней дочери нижегородского чиновника, статского советника Любови Федоровне Буринской — сестре известного впоследствии ученого-криминалиста Евгения Федоровича Буринского. Брак ее с Алексеем Михайловичем был счастливым, но недолгим: в 1872 г. она умерла совсем молодой, родив мужу четверых детей — двух сыновей и двух дочерей. В 1875 г. Унковский венчался с близкой подругой Любови Федоровны Анастасией Михайловной Грацинской, которая прожила с ним оставшиеся 18 лет его жизни, подарив ему еще двоих детей — сына и дочку...<sup>3</sup>

Алексей Михайлович Унковский скончался 20 декабря 1893 г. в Петербурге от эпидемии гриппа, не дожив четырех дней до своего 65-летия. Петербургский совет присяжных поверенных оплатил его похороны на кладбище Троицкой церкви в Тверском уезде, рядом с могилами его родителей<sup>4</sup>. В признание выдающихся заслуг Унковского-адвоката его портрет, написанный в 1888 г. классиком русской живописи Н.А. Ярошенко<sup>5</sup>, был помещен в зале заседаний Петербургского совета рядом с портретами Д.В. Стасова, В.Д. Спасовича, В.Н. Герарда<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> Кони А.Ф. Отцы и дети судебной реформы. М., 1914. С. 283.

<sup>2</sup> Танеев В.И. Русский писатель М.Е. Салтыков (Езоп) // М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 218.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: Чернышов В.Д. Указ. соч. С. 190—191.

<sup>4</sup> См. там же. С. 192; Унковский А.М. Указ. соч. С. 116.

<sup>5</sup> Портрет впервые экспонировался на XVII передвижной художественной выставке 1889 г. В 1970-х годах передан в Музей М.Е. Салтыкова-Щедрина в Твери.

<sup>6</sup> См.: Джанишев Г.А. Указ. соч. С. 190.



## ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ ТАНЕЕВ

(1840—1921)

Потомственный дворянин, племянник статс-секретаря при Николае I тайного советника А.С. Танеева, старший брат композитора С.И. Танеева, Владимир Иванович Танеев был разносторонне одаренным и на редкость активным деятелем — юристом, философом, историком, публицистом. Радикальный демократ и материалист, почитатель Н.Г. Чернышевского и друг П.Л. Лаврова, лично знакомый с К. Марксом, преклонявшийся перед народниками 1870-х годов (мечтал написать 2 тысячи их биографий)<sup>1</sup>, он оставил настолько заметный след в истории российской общественной мысли, что лишь по недоразумению до середины 1950-х годов у нас в стране даже образованные люди не имели о нем «никакого представления»<sup>2</sup>. Лишь после того как появилась в 1955 г. статья Б.П. Козьмина, было предпринято издание трудов В.И. Танеева и началось углубленное исследование его взглядов<sup>3</sup>, но как адвокат он до сих пор не стал объектом специального исследования. Нет поныне и хотя бы обзорно-краткой его биографии с обобщающей оценкой всего, что он сделал...

Родился Владимир Иванович 24 августа 1840 г. во Владимире, где отец его, Иван Ильич Танеев, служил советником палаты государственных имуществ. Мать будущего адвоката Варвара Павловна (урожденная Протопопова) была на 25 лет моложе супруга, но сумела стать хорошей женой и матерью. Среди многолюдной родни Танеевых были, по крайней мере, две знаменитости. Дед Владимира Ивановича Сергей Михай-

<sup>1</sup> См.: *Оболенская С.В.* В.И. Танеев об истории Франции // Французский ежегодник (1873). М., 1975. С. 38.

<sup>2</sup> *Козьмин Б.П.* Социально-политические и философские взгляды В.И. Танеева // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 664.

<sup>3</sup> См.: *Танеев В.И.* Детство. Юность. Мысли о будущем. М., 1959; *Шкуринов П.С.* Философские взгляды В.И. Танеева. М., 1962; *Оболенская С.В.* Указ. соч.

лович служил при Екатерине II в гвардии, достиг генеральского чина и придворной известности; «знаменитый Аракчеев, начинавший тогда службу, был у него домашним человеком, состоял на посылках, оказывал ему и его жене разные лакейские услуги»<sup>1</sup>.

Главной же «достопримечательностью» рода Танеевых был двоюродный брат Ивана Ильича Александр Сергеевич Танеев (1785—1866) — управляющий I отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, статс-секретарь и доверенное лицо императора Николая I. Он почитался в семье Ивана Ильича как «благодетель». «Александр Сергеевич при жизни своей, — вспоминал о нем герой нашего очерка, — был в нашем семействе чем-то вроде тех умерших предков, которым в древнейшей Греции каждое семейство воздавало божеские почести»<sup>2</sup>.

При содействии «благодетеля» Александра Сергеевича родители устроили Владимира в привилегированное петербургское Училище правоведения. Учебка давала ему легко после домашней подготовки: «К семи годам он уже, совсем как взрослый, читал по-русски и говорил по-французски, по-немецки и по-латыни»<sup>3</sup>. Окончив училище в 1861 г., Владимир Танеев получил назначение в департамент юстиции Сената, где «служба считалась всего хуже»<sup>4</sup>. Ему уже тогда претила чиновничья карьера: «на чин я смотрел, как на нечто, опошляющее человека»<sup>5</sup>. Он немедленно вышел в отставку и занялся самообразованием: изучал и естественные, и гуманитарные науки, а больше всего увлекся историей Французской революции XVIII в. (специально для изучения революции поехал в Париж и там усиленно работал в национальной библиотеке). До открытия новых судов в России жил он, главным образом, уроками.

Когда же началась судебная реформа Александра II, молодой Танеев сразу же определился со своим призванием: адвокатура! Одним из первых, 21 марта 1866 г., он подал прошение о вступлении в самоуправляющуюся корпорацию адвокатов и 17 апреля был принят в присяжные поверенные Петербургского судебного округа<sup>6</sup>.

Адвокатура влекла к себе Танеева не только свободой слова в интересах правых дел, но и политическими перспективами. Он тогда полагал, «что в России в скором времени должна быть революция, и сосло-

<sup>1</sup> Танеев В.И. Детство... С. 49.

<sup>2</sup> Там же. С. 72—73.

<sup>3</sup> [Танеев П.В.] Из воспоминаний о В.И. Танееве // Там же. С. 698.

<sup>4</sup> Так считали тогда выпускники Училища правоведения (Танеев В.И. Детство... С. 450).

<sup>5</sup> Там же. С. 452.

<sup>6</sup> См.: *Справочный указатель по программе издания «Истории русской адвокатуры»*. Пг., 1914. Прил. 1. С. 36—90 (список первых присяжных поверенных).

вие адвокатов будет играть такую же роль, как во время Французской революции конца XVIII века»<sup>1</sup>. В политическом отношении адвокатура не оправдала радикальных надежд Танеева, но как правовой институт его устроила. Все пять лет работы в столичной адвокатуре он был членом Петербургского совета присяжных поверенных, а после переезда в Москву, 7 октября 1872 г., был принят в число присяжных поверенных Московского судебного округа<sup>2</sup> и сразу избран членом, а затем четыре года подряд (1877—1880) избирался председателем Московского совета присяжных поверенных<sup>3</sup>.

В первые же пять лет своей адвокатской карьеры, пока Танеев оставался в Петербурге, он выступил на нескольких громких процессах и составил себе имя как выдающийся юрист и судебный оратор. Два таких процесса прошли в 1869 г. 17 октября Петербургская судебная палата рассматривала дело по обвинению редактора газеты «Санкт-Петербургские ведомости» В.Ф. Корша<sup>4</sup> и автора опубликованной в его газете статьи «Из Владимирской губернии» М.М. Ранга в оскорблении мировых судей. Корша защищал Д.В. Стасов, Ранга — Танеев. Владимир Иванович, может быть, впервые употребил здесь прием, которым он часто пользовался в своих защитительных речах: вычленил из предмета обвинения главное, сопоставил его с тем, как трактует этот предмет обвинение, и показал *воочию* несостоятельность такой трактовки. Он зачитал ключевую выдержку из статьи Ранга: «Когда Гороховец был затоплен водою, когда жизнь и имущество граждан находились в опасности, когда частный пристав с угрозой для жизни спасал граждан, в то время мировой судья, прокурор, товарищ прокурора и судебный следователь устроили увеселительное катание-пикник». Вывод защитника был таков: «Если можно в чем упрекнуть г. Ранга, то разве в том, что он слишком снисходительно и в слишком сдержанных выражениях отнесся к такому легкомысленному поступку, как увеселительное катанье в то время, когда город подвергался бедствию»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> [Танеев П.В.]. Из воспоминаний... С. 698. Адвокатами были такие лидеры Великой французской революции, как М. Робеспьер, Ж. Дантон, К. Демулен, Ж. Бийо-Варенн, Ж. Кутон, Ф. Леба, Б. Барер, П. Вернон, Ж. Петтион, А. Барнав, А. Жансонне, Ж. Туре, П. Приер (из Марны), Ж. Гара, А. Тибодо.

<sup>2</sup> См.: *Сборник материалов, относящихся до сословия присяжных поверенных округа Московской судебной палаты с 23 апреля 1866 г. по 23 апреля 1891 г.* М., 1891. С. 6.

<sup>3</sup> См.: *Отчет Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1877—1878 гг.* М., 1878. С. 1; *Отчет Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты за 1879—1880 гг.* М., 1880. С. 1.

<sup>4</sup> К о р ш Валентин Федорович (1828—1883) — известный литературовед, публицист, отец присяжного поверенного Е.В. Корша, брат издателя д. с. с. Е.Ф. Корша, дядя лингвиста академика Ф.Е. Корша.

<sup>5</sup> Судебные ведомости. 1869. 19 октября.

В итоге недолгих судебных прений и В.Ф. Корш и М.М. Ранг были оправданы<sup>1</sup>.

В том же, 1869 г. с 12 декабря Петербургская судебная палата начала и 8 ноября 1870 г. закончила слушание необычного дела «о политических фальшивомонетчиках»<sup>2</sup>. Обвинялись 24 человека «польского происхождения» «в принадлежности к тайному сообществу, имевшему противозаконную цель укрывать беглых преступников польского происхождения и других лиц, подвергшихся преследованию правительства, доставлять им фальшивые паспорта, способствовать побегу их за границу и распространять в пределах российской империи для вспомоществования польским эмигрантам и для расстройств государственных финансов поддельные кредитные билеты, доставлявшиеся из-за границы»<sup>3</sup>.

Защищали «фальшивомонетчиков» авторитетнейшие петербургские адвокаты: В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, В.И. Танеев, А.Н. Турчанинов, К.Ф. Хартулари, А.А. Герке, А.И. Языков, Н.М. Соколовский, В.С. Буймистров и др., всего — 15<sup>4</sup>. К сожалению, никаких данных о том, как вели себя и что говорили на этом процессе адвокаты (кроме Стасова, фрагмент защитительной речи которого сохранился в черновой записи<sup>5</sup>) нет. Но тот факт, что Танеев выступал здесь в таком созвездии присяжных поверенных, сам по себе удостоверяет его высокую, уже к тому времени, репутацию адвоката.

В конце 60-х годов Танеев вел и какое-то дело Ольги Сократовны Чернышевской. «Когда Чернышевский был уже на каторге, — вспоминал Владимир Иванович, — жена его хлопотала по делу своего дяди, обращаясь ко мне как к адвокату, часто бывала у меня, одно время чуть ли не каждый день»<sup>6</sup>. Выяснить, о каком «деле» и какого «дяди» здесь идет речь, пока не удалось.

Главным событием петербургского периода адвокатской карьеры Танеева стало его выступление на знаменитом процессе *нечаевцев* в Петербургской судебной палате 1 июля — 11 сентября 1871 г.<sup>7</sup> Здесь Владимир Иванович оказался в еще более «звездной» компании ад-

<sup>1</sup> См.: Судебный вестник. 1869. № 227.

<sup>2</sup> Материалы этого дела впервые обнаружил в архиве Д.В. Стасова Д.М. Легкий.

<sup>3</sup> Цит. по: *Легкий Д.М.* Д.В. Стасов — юрист и общественный деятель (1828—1918). Канд. дисс. ист. наук. Саратов, 1991. С. 265.

<sup>4</sup> См.: ИРЛИ РО. Ф. 294. Оп. 4. Д. 376. Л. 7.

<sup>5</sup> Судя по этой записи, Стасов отводил от своего подзащитного наиболее карающие статьи уголовного законодательства.

<sup>6</sup> *Танеев В.И.* Детство... С. 421.

<sup>7</sup> Подробно об особенностях этого процесса см. в очерке «Д.В. Стасов».

вокатов, чем по делу «политических фальшивомонетчиков». Вместе с ним защищали нечаевцев В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, А.И. Урусов, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, В.М. Пржевальский, А.Н. Турчанинов, К.Ф. Хартулари, А.И. Языков, Н.М. Соколовский и др., всего — 23 адвоката. Почти каждый из них имел несколько подзащитных. У Танеева их было четверо — В.Н. Черкезов, братья И.В. и В.В. Рязанцевы, Н.И. Голиков.

План защиты нечаевцев адвокаты согласовали заранее, еще до начала суда, на совещании у Спасовича<sup>1</sup>. Следуя этому плану, все они изображали своих подзащитных бескорыстными народолюбцами, которых авантюрист С.Г. Нечаев вовлек в тайное общество «Народная расправа» посредством обмана и мистификации (как, собственно, и было на самом деле, за единичными исключениями). «Защита, — свидетельствовал нечаевец В.Н. Лунин, — уговаривала всех нас держать себя доверчивыми, обманутыми, стремившимися преобразовать Россию преимущественно организацией разных земледельческих и промышленных ассоциаций»<sup>2</sup>. Танеев строил свою защиту по тому же сценарию. Поскольку все четверо его подзащитных были выделены во 2-ю (менее «опасную») группу обвиняемых, он умело использовал недостаток улик у суда и настаивал на своем убеждении, что его клиенты «попали в тайное общество совершенно *нечаянно*»<sup>3</sup> и об истинных целях Нечаева даже не знали.

При этом Танеев (как, впрочем, и другие адвокаты — Спасович, Урусов, Стасов, Герард) высказывал довольно рискованные доводы в защиту мировоззрения подсудимых. Он заявил, что не видит ничего противозаконного в чтении трудов А.И. Герцена (само имя которого в царской России до 1905 г. было запрещено!), «тем более что сочинения Герцена, отличающегося необыкновенным талантом, принадлежат русской литературе, и изучать их необходимо каждому, кто только желает иметь полное и основательное понятие о русской литературе». Председатель суда оборвал эту «герцениану» Танеева репликой, что «как бы ни были хороши в его глазах известные сочинения, но если эти сочинения запрещены, то уже чтение и распространение их по букве закона всегда может и должно признаваться преступлением»<sup>4</sup>.

В общем, Танеев был на процессе нечаевцев в числе тех адвокатов, которые, как подметил радикальный журналист П.Ф. Алисов, «дошли

<sup>1</sup> См.: РГБ РО. Ф. 311. П. 12. Д. 6. Л. 1.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 2. Д. 2866. Л. 7.

<sup>3</sup> Правительственный вестник. 1871. 3 (15) августа. С. 4.

<sup>4</sup> Там же.

до той математической линии, перейдя которую на волос они рисковали вместо защитников попасть в число подсудимых»<sup>1</sup>.

Суд, однако, не стал, как говорится, ставить Танееву всякое лыко в строку и вынес его подзащитным умеренный приговор: Черкезову — ссылка в Сибирь, братьям Рязанцевым — недолгий тюремный срок, Голиков оправдан.

С 1872 г., после переезда в Москву, и особенно с 1877 г., когда он был избран председателем Московского совета присяжных поверенных, Танеев больше занимался организационными делами адвокатуры, нежели разбирательством судебных дел в качестве защитника. Именно он в 1877 г. побудил записаться в число *помощников* присяжных поверенных целую группу очень авторитетных ученых-профессоров: М.М. Ковалевского, А.И. Чупрова, И.И. Янжула (все трое — будущие академики), В.А. Гольцева, С.А. Муромцева. Ковалевский позднее вспоминал, что эта инициатива Танеева имела целью «поднять престиж сословия»<sup>2</sup> адвокатов.

Дело в том, что по закону от 25 мая 1874 г. помощники присяжных поверенных были уравниены в правах с категорией *частных поверенных*, которые никакого самоуправления не имели, а были приписаны к тем судам, где сдавали экзамен, и находились в полной зависимости от «своих» судов и, разумеется, от Министерства юстиции<sup>3</sup>. 4 февраля 1878 г. Танеев провел через Московский совет более рациональные и прогрессивные, по сравнению с законом 1874 г., «Правила организации помощников присяжных поверенных», которые, однако, не нашли поддержки у судебных «верхов»<sup>4</sup>.

Что же касается выступлений на судебных процессах в качестве защитника, то с переездом в Москву их у Танеева стало гораздо меньше, причем крупных дел, которые, подобно делу нечаевцев, вывали бы большой общественный резонанс, не стало вовсе. Во всяком случае, ни на каких «процессах народников 70—80-х годов», которые, будто бы, «стяжали ему славу «красного адвоката»<sup>5</sup>, Танеев не выступал.

Отчасти из-за растущей загруженности общественными и литературными делами, а частью из-за чрезмерной (до аномалии) разборчи-

<sup>1</sup> Алисов П.Ф. Сборник литературных и политических статей. Geneve, 1877. С. 97.

<sup>2</sup> История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 288.

<sup>3</sup> См.: Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2. Т. 49. Отд. 1. С. 832—834.

<sup>4</sup> См.: Джанишев Г.А. Ведение неправых дел (Этюды по адвокатской этике). М., 1887. С. XXVII.

<sup>5</sup> Шкуринов П.С. Идеиное наследие В.И. Танеева и некоторые вопросы истории отечественной философии. Автореф. дис. док. филос. наук. М., 1967. С. 5; Князев В.И. На память от Маркса // Правда. 1968. 24 апреля.

ности в выборе судебных дел Владимир Иванович примерно к середине 90-х гг. свел свою адвокатскую практику к минимуму, почти к нулю. «Танеев был крайне честен, — вспоминал о нем писатель Андрей Белый (Б.Н. Бугаев). — Однажды, в бытность его адвокатом, к нему явился известнейший миллионер, прося взяться за дело, которое и стал излагать. Танеев слушал с добродушным хладнокровием. Дело изложено. Танеев молчит. Молчит и озадаченный молчанием миллионер. И вдруг раздаётся короткое, отрывистое, негромкое: «Пошел вон, скотина!» И миллионер, схватив шапку, молча исчезает. Таких эпизодов у Танеева было немало»<sup>1</sup>.

В Москве Танеев очень скоро стал инициатором разного рода (вплоть до фрондерских) общественных начинаний. Широкий круг своих друзей — ученых, писателей, мастеров искусств — он собирал на еженедельные обеды в ресторане «Эрмитаж». Здесь по ходу застолья велись и жаркие дискуссии на любые (включая политически злободневные) темы<sup>2</sup>. Постоянными участниками этих обедов были корифеи науки, литературы, театра, музыки — профессор К.А. Тимирязев и М.М. Ковалевский, И.А. Каблуков и Д.М. Петрушевский, А.И. Чупров и П.Н. Лебедев, В.В. Марковников и В.Ф. Лугинин (пятеро первых станут позднее академиками), артисты А.И. Южин и Б.Б. Корсов. Часто бывали здесь М.Е. Салтыков-Щедрин, П.И. Чайковский и брат Владимира Ивановича С.И. Танеев, иногда — И.С. Тургенев<sup>3</sup>.

На этих обедах слышались «неблагонамеренные» речи и случались даже политические казусы. Так, в Татьянин день 12 января 1877 г. историк-монархист Д.И. Иловайский призвал русскую интеллигенцию «подать руку помощи правительству». Танеев отрезал: «Никогда этому не бывать!» Присутствовавший на этом обеде К.А. Тимирязев подошел к нему и пожал ему руку. С того дня началась их дружба<sup>4</sup>. Не зря попечитель московского учебного округа говорил Д.М. Петрушевскому: «Или вы продолжайте преподавать в университете, или обедайте в танеевском кружке, а совместить одно и другое невозможно»<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 160—161.

<sup>2</sup> «Один раз даже спор кончился дракой, — вспоминал сын В.И. Танеева Павел Владимирович. — Один профессор запустил в лицо писателю графин с водой. Тот успел уклониться и хотел ударить обидчика стулом, но их разняли. Дравшихся Владимир Иванович уже больше не приглашал на обеды»: [Танеев П.В.]. Указ. соч. С. 703.

<sup>3</sup> См. там же. С. 702. Е.П. Танеева (внучка В.И.) в письме ко мне от 5 января 1982 г. называла еще В.О. Ключевского, И.М. Сеченова, М.Н. Ермолову.

<sup>4</sup> См.: Танеев П.В. Воспоминания о К.А. Тимирязеве // Климент Аркадьевич Тимирязев. М., 1940. С. 108.

<sup>5</sup> [Танеев П.В.]. Из воспоминаний о В.И. Танееве. С. 703.

Действительно, Танеев по своим убеждениям был для людей его круга «представителем недосягаемой левизны»<sup>1</sup>. Он сам называл себя человеком «с контрабандой в голове»<sup>2</sup>; восхищался народниками, хранил у себя их портреты<sup>3</sup>, дружил с П.А. Лавровым, общался с Г.А. Лопатиным. Зато на смерть М.Н. Каткова сочинил такую эпитафию (конечно неприличной левизны. — *Примеч. ред.*):

Двух царственных тупиц советник и учитель,  
Архистратег седой шпионов и попов  
И всякой подлости великий охранитель —  
Скончался Михаил Никифорович Катков<sup>4</sup>.

Танеев был поклонником Французской революции XVIII в. и ее вождя М. Робеспьера, о чем свидетельствует сохранившийся в его архиве конспект лекции<sup>5</sup>. Он приветствовал I Интернационал и Парижскую коммуну в специальном очерке 1871 г. «Международное общество рабочих», который позволяет считать Танеева «первым русским историком I Интернационала»<sup>6</sup>. В 1870 г. в Лондоне Владимир Иванович познакомился с К. Марксом. Год спустя Маркс прислал ему свою фотокарточку с дружеской надписью<sup>7</sup>, а в 1877 г. писал о нем М.М. Ковалевскому: «Танеева я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа»<sup>8</sup>.

Однако цельности в социалистических взглядах Танеева не было. В главном своем труде «Социологическая ейритмия»<sup>9</sup> он пытался синтезировать идеи Маркса, Ш. Фурье и Н.Г. Чернышевского, а буржуазные порядки обличал почти так же зло, как и феодальные. Он был рад самому факту Февральской революции 1917 г., но критиковал ее результаты и последствия. Временное правительство было для него «собранием идиотов», а премьер-министр А.Ф. Керенский — «чудовищным тупицей»<sup>10</sup>.

Вообще, на своих ежемесячных обедах Танеев, по воспоминаниям (несколько шаржированным) А. Белого, «высказывал сногшибатель-

<sup>1</sup> Бельый А. Указ. соч. С. 152.

<sup>2</sup> Цит. по: Оболенская С.В. Указ. соч. С. 48.

<sup>3</sup> Е.П. Танеева обнаружила в архиве деда групповое фото В.С. и О.С. Любатович, Б.А. Каминской и Р.Х. Идельсон. Об этом она писала мне 19 мая 1989 г.

<sup>4</sup> Цит. по: Шуринов П.С. Философские взгляды В.И. Танеева. С. 20.

<sup>5</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 880. Оп. 2. Д. 97.

<sup>6</sup> Оболенская С.В. Указ. соч. С. 34.

<sup>7</sup> См.: [Танеев П.В.]. Из воспоминаний о В.И. Танееве. С. 699.

<sup>8</sup> Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 34. С. 185.

<sup>9</sup> Рукопись его объемом до 4000 с. хранится в танеевском фонде (№ 880) РГАЛИ.

<sup>10</sup> Бельый А. Указ. соч. С. 157.

ные сентенции о том, что надо *не оставить камня на камне* от нашего строя»<sup>1</sup>. Полиция, однако, «к танеевским потрясениям» относилась спокойно, «зная, что «красные ужасы» котируются даже друзьями Танеева, как барское чудачество. <...> За опасные фразы Танеева могло влететь не ему самому, а, например, любому профессору, с ним тесно общающемуся»<sup>2</sup>.

«Чудачества», которыми отличался (иные из них и «разыгрывал» по свойству своего характера) Танеев, удивляли — и забавляли, и шокировали — многих. «Танеев был уникам, ни на кого не похожий»<sup>3</sup>, — вспоминал о нем его знаменитый коллега и родственник В.А. Маклаков.

Экстравагантный в манерах и суждениях, с внешностью дона Базилио, Танеев часто влюблялся (четырёх лет от роду уже «был влюблен в жену владимирского губернатора»<sup>4</sup>), но неизменно был верен жене — шотландке Е.С. Макиэб-Скотт, обожал книги, но терпеть не мог музыку; от звука рояля, на котором играл его брат-композитор Сергей Иванович, ему «делалось дурно»<sup>5</sup>. Льва Толстого он считал «неграмотным и тупым фарисеем»<sup>6</sup>, а «самый умный, талантливый русский человек», в его представлении, был Емельян Пугачев, портрет которого Танеев «повесил, как икону, у входа в свой библиотечный зал»<sup>7</sup>.

В дополнение ко всем прочим странностям Танеев был «помешан», по выражению А. Белого, на чистоте и порядке. При малейшем нарушении того и другого он мог вспылить, уйти из комнаты, даже уехать из дома в Демьяново<sup>8</sup> в Москву или еще дальше. «Однажды за столом, рассмеявшись, он поднял глаза к потолку и увидел: над головою его качается паутинка. Молча он встал и исчез — из Москвы, из Демьянова. Жена сходила с ума. Наконец, телеграмма... из-за границы: «Жив, здоров!»<sup>9</sup>

Насколько Танеев действительно был, а насколько представлялся человеком *со странностями*, трудно сказать, но такая его репутация помогала ему оберегать от соглядатаев свои воинственно-демократи-

<sup>1</sup> Белый А. Указ соч. С. 152 (курсив мой. — Н. Т.).

<sup>2</sup> Там же. С. 152, 153.

<sup>3</sup> Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 83. Старший сын Танеева женился на младшей сестре Маклакова и «погиб во время отступления белых войск через Сибирь на Восток» (Там же).

<sup>4</sup> Танеев В.И. Детство... С. 60.

<sup>5</sup> Белый А. Указ соч. С. 158.

<sup>6</sup> Там же. С. 159. Ср.: Дневник П.И. Чайковского. 1873—1891. М.; Пг., 1923. С. 36—37.

<sup>7</sup> Белый А. Указ соч. С. 153.

<sup>8</sup> Имение Демьяново близ г. Клина Московской губернии Танеев купил в 1883 г. и с 1890 г. жил там почти безвыездно.

<sup>9</sup> Белый А. Указ соч. С. 160, 162.

ческие убеждения. Избежав политических репрессий в царской России и не удовлетворившись Февральской революцией, он приветствовал Октябрьскую революцию 1917 г. с ее правомерной, как ему могло показаться, нацеленностью «не оставить камня на камне» от старого строя.

В октябре 1917 г. Танееву шел уже 78-й год. Он был стар и болен. Активно сотрудничать с новой властью, если и было желание, не оказалось сил. Но власть, признав в нем свою предтечу и единомышленника, позаботилась о нем. 26 апреля 1919 г. глава советского правительства В.И. Ленин подписал охранную грамоту, которая обязывала все государственные учреждения «оказать гражданину Владимиру Ивановичу Танееву содействие в деле охраны как его самого, так и его семьи, жилища и имущества»<sup>1</sup>.

Когда нарком просвещения А.В. Луначарский заинтересовался библиотекой Танеева и передал ему через своего заместителя, будущего академика М.Н. Покровского предложение выкупить ее для государства за 100 тыс. рублей, Танеев созвал семейный совет. Библиотека у него была колоссальная (больше 20 тыс. томов), и он в ней души не чаял, говоря: «Книги — лучший комфорт жизни». Но все-таки на семейном совете было решено не продавать библиотеку, а передать ее безвозмездно в собственность государства, и она был перевезена весной 1919 г. из Демьянова в Москву, в Социалистическую академию<sup>2</sup>.

Сам же Танеев остался дожидать отпущенные ему природой сроки в Демьянове. Там он и умер 20 октября 1921 г. на 82-м году жизни.

<sup>1</sup> Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 383.

<sup>2</sup> См. об этом: [Танеев В.И.]. Из воспоминаний о В.И. Танееве. С. 704—705.



## ЕВГЕНИЙ ИСААКОВИЧ УТИН

(1843—1894)

Видное место в звездном ряду корифеев отечественной адвокатуры «первого призыва» занимал Евгений Исаакович Утин — юрист, литератор, общественный деятель, сын купца-миллионера, брат основателя и руководителя Русской секции I Интернационала Н.И. Утина и авторитетного правоведа, профессора Петербургского университета Б.И. Утина.

К сожалению, жизнь и деятельность Евгения Утина, в отличие от его брата Николая, почти не изучены, — нет даже обобщающей статьи, хотя в ряде источников (в дневниках, воспоминаниях современников) о нем сохраняются ценные сведения<sup>1</sup>.

Родился Евгений Исаакович 3 ноября 1843 г. в Петербурге. Его отец Исаак Осипович Утин (1812—1876), из купцов, был преуспевающим банкиром. Все его семеро детей (кроме Евгения, Бориса и Николая, еще три сына — Александр, Лев и Яков, и дочь Любовь) получили отличное воспитание и образование. Любовь Исааковна в 1859 г. вышла замуж за М.М. Стасюлевича — профессора Петербургского университета, публициста, основателя и редактора журнала «Вестник Европы», в котором долго и плодотворно сотрудничал Е. Утин. Евгений Исаакович, естественно, по-родственному дружил со Стасюлевичем и общался с другими его друзьями, среди которых были и классики русской литературы от И.С. Тургенева до А.П. Чехова<sup>2</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Арсеньев К.К.* Е.И. Утин // Вестник Европы. 1894. № 9; *Спасович В.Д.* Над могилой Е.И. Утина // Соч. СПб., 1896. Т. 8; *Корни Е.В.* Брызги памяти // Исторический вестник. 1913. № 6; *Письмо Е.И. Утина А.И. Герцену.* Публ. Б.П. Козьмина // Литературное наследство. 1955. Т. 62. Ч. 2.

<sup>2</sup> См.: *М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке.* СПб., 1911—1913. Т. 1—5.

Е.И. Утин с юных лет слыл и, главное, считал себя сам радикалом — не революционером, как его брат Николай, и не умеренным либералом, как другой его брат, Борис, а именно радикалом, правее Николая, но левее Бориса. В 1861 г. он был исключен с 1-го же курса из Петербургского университета и отсидел два месяца (с 5 октября по 7 декабря) в Петропавловской крепости<sup>1</sup>, но университет потом все-таки окончил и сразу загорелся мыслью связать свою жизнь с адвокатурой, ибо там больше, чем где-либо, дозволялась законами свобода мысли, слова и дела.

В 1870 г. 26-летний Евгений Утин был принят в корпорацию адвокатов помощником присяжного поверенного<sup>2</sup> и быстро выдвинулся в ряд лучших адвокатов России. Но присяжным поверенным он стал лишь 13 декабря 1873 г.<sup>3</sup> Очень помешала ему в официальном продвижении его дуэль с А.Ф. Жоховым, о которой речь — впереди.

Первое же выступление молодого помощника присяжного поверенного Евгения Утина в качестве защитника по делу нечаевцев в Петербургской судебной палате (1 июля — 11 сентября 1871 г.)<sup>4</sup> сделало его знаменитым. На самом крупном в России со времени суда над декабристами в 1825 г. политическом процессе и в компании таких светил адвокатуры, как В.Д. Спасович, Д.В. Стасов, А.И. Урусов, К.К. Арсеньев, В.Н. Герард, А.М. Унковский и др., Утин не только не потерялся, но и привлек к себе особое внимание судей, общества и царского сыска. Защищал он троих подсудимых не из 1-й (главной) группы, а из 2-й (Е.И. Беляеву и В.К. Ланге) и 3-й (М.М. Лазаревско-го)<sup>5</sup>. Но речь его в защиту Беляевой стала одной из проблемно-обобщающих защитительных речей на процессе.

Утин привлек внимание суда и российской общественности к тому, что не только в России, но и в целой Европе после Великой французской революции XVIII в. процесс нечаевцев оказался первым политическим делом, по которому предстали пред судом женщины (сразу восемь). «Я знаю, — говорил он, — что были в России женщины, полные благородства и героизма, которые гордо и смело шли в Сибирь для того, чтобы добровольно разделить там участь своих мужей, отцов и сыновей. Я знаю, что эти женщины носили имена Волконских, Трубецких, Чернышевых, Муравьевых. Но, господа, эти женщины не судились за ту лю-

<sup>1</sup> См.: *Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь*. М., 1928. Т. 1. Ч. 2. С. 420.

<sup>2</sup> См.: *Арсеньев К.К.* Указ. соч. С. 433.

<sup>3</sup> См.: *Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников* к 5 марта 1890 г. СПб., 1890. С. 10.

<sup>4</sup> Об особенностях этого процесса см. в очерке «Д.В. Стасов».

<sup>5</sup> См.: *Правительственный вестник*. 1871. № 156.

бовь, за ту преданность, за то сочувствие, которое они питали к людям, обвинявшимся в событиях 1825 года»<sup>1</sup>. Теперь же, продолжал Евгений Исаакович, предана суду женщина за сочувствие и любовь к Сергею Нечаеву, который, *в ее глазах*, был человеком, «жертвующим для народа своею жизнью». Стало быть, эта ее любовь есть «инстинктивная любовь к народу», и за нее Беляева не заслуживает ничего, кроме оправдания.

Речь Утина с экскурсами в историю Французской революции и восстания декабристов насторожила жандармскую агентуру<sup>2</sup>, а его либеральных друзей шокировала. Один из них, А.С. Суворин, еще за две недели до этой речи писал об Утине его зятю М.М. Стасюлевичу: «Наш юный друг совсем рехнулся от «дела»; решительно бредит им, и радикализм его поднялся до такой высоты, на которой он является просто глупостью»<sup>3</sup>. А сразу после «беляевской» речи Утина Суворин высказался о нем в письме к тому же Стасюлевичу еще жестче: «Речью Гени (Так! — Н. Т.) о Беляевой никто доволен не остался, я считаю ее не только плохой, но тупой. <...> Я люблю его, но иногда проникаюсь к нему просто ненавистью <...>, так он противен мне с этим недалеким радикализмом»<sup>4</sup>.

Зато в радикально-демократических кругах и среди коллег по адвокатскому цеху Утин своим выступлением на нечаевском процессе заслужил всеобщее признание. Это подтвердил и следующий процесс с его участием — по делу студента П.Н. Гончарова в Петербургской судебной палате 16 февраля 1872 г. Гончаров обвинялся в составлении четырех прокламаций под названием «Виселица», в которых славилась Парижская коммуна 1871 г. и выражалась надежда на скорую революцию в России<sup>5</sup>. Защищал Гончарова Утин. Он поддержал версию обвиняемого: прокламации составил и распространял с целью «пойти на каторгу в Сибирь», ибо удручен до крайности личными невзгодами (разрыв с любимой женой и др.). Утин при этом подчеркивал, что прокламации Гончарова «и бесцельны, и безвредны»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См. текст речи Е.И. Утина в защиту Е.И. Беляевой // Правительственный вестник. 1871. 1 (13) августа. С. 3—4.

<sup>2</sup> В тот же день, 30 июня 1871 г., когда Утин выступил с этой речью, агент III отделения доносил «наверх», что Евгений Исаакович и А.И. Урусов «не жалеют своих средств на добавочное содержание арестантов» (Нечаев и нечаевцы. Сборник материалов. М.; Л., 1931. С. 177).

<sup>3</sup> Цит. по: Китаев В.А. Либеральная мысль в России (1860—1880 гг.). Саратов, 2004. С. 308.

<sup>4</sup> Там же. С. 309.

<sup>5</sup> См.: Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 1. С. 228.

<sup>6</sup> Правительственный вестник. 1872. 25 феврал (8 марта). С. 3—4.

С.Н. Валк усматривал в поведении Гончарова на следствии и суде конспиративную хитрость<sup>1</sup> (тот не назвал ни одного имени, хотя был знаком с участниками народнического кружка т. н. чайковцев — М.А. Натансоном, Н.В. Чайковским, С.Л. Перовской и др.). Товарищу министра юстиции О.В. Эссен так и доложил министру: «пособников Гончарова не обнаружено»<sup>2</sup>. Возможно, так восприняли линию защиты Гончарова — Утина и заполнившие зал суда молодые люди — до 150 человек; по наблюдению жандармского агента, «все они вполне сочувствовали»<sup>3</sup> подсудимому и его защитнику.

Как бы то ни было, Гончаров «отделался» сравнительно умеренным наказанием — ссылкой на житье в Иркутск<sup>4</sup>. Утин конечно же мог быть доволен таким исходом дела. Но в связи именно с этим делом он неожиданно и невольно стал виновником трех трагедий с человеческими жертвами.

Дело в том, что столичный чиновник и журналист А.Ф. Жохов по договоренности с женой Гончарова попытался склонить Утина к такому плану защиты, чтобы Гончаров выглядел героем. Утин отказался, причем составил и сообщил знакомым невыгодное мнение о Гончаровой и Жохове. В этом мнении Жохов усмотрел намек на его любовную связь с Гончаровой и вызвал Утина на дуэль. 16 мая 1872 г. дуэлянты стрелялись: Жохов Утина ранил, но сам был убит. Мало того, Гончарова, узнав о гибели Жохова, застрелилась, а ее сестра пришла к Утину, пальнула в него из револьвера, промахнулась, тут же выстрелила в себя и упала мертвой в его кабинете<sup>5</sup>.

Утин был предан суду по обвинению в убийстве Жохова на дуэли. Дело рассматривал Петербургский окружной суд 16 августа 1872 г. Защищал Утина «король адвокатуры» В.Д. Спасович, дружески расположенный к Евгению Исааковичу. Он привел единственно возможный довод к облегчению участи своего подзащитного: преступление Утина очевидно, но его «следует приписать стечению обстоятельств», а потому «надлежит по справедливости понизить наказание до последней грани, до которой позволяет доходить закон»<sup>6</sup>. В результате Утин был

<sup>1</sup> См.: Литературное наследство. 1931. Т. 1. С. 160.

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1871. Д. 141. Л. 127 об.-128.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 556. Л. 8—8 об.

<sup>4</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1871. Д. 141. Л. 153.

<sup>5</sup> Подробно об этом см.: *Суворин А.С. Дневник*. 2-е изд., испр. и доп. М., 2000. С. 1—4, 550—551; *Корш Е.В. Брызги памяти // Исторический вестник*. 1913. № 6. С. 884—890. О страшных переживаниях Утина после смерти Жохова говорит его письмо к А.Ф. Кони от 23 мая 1872 г.: «Он умер... Отныне надо мной тяготеет убийство, точно проклятие легло на мою жизнь» (ГАРФ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 3526. Л. 2—4).

<sup>6</sup> *Спасович В.Д. Избранные труды и речи*. Тула, 2000. С. 296.

приговорен к заключению в Петропавловской крепости (где он, напомним, уже отбывал двухмесячный срок, будучи студентом) не на 2 года, а на 5 месяцев. Отсидев 4 месяца, Евгений Исаакович был досрочно освобожден и смог возобновить адвокатскую деятельность.

Уже через год, после ряда простых уголовных дел, Утин выступил на крупном политическом процессе. То был первый в стенах только что учрежденного Особого присутствия Правительствующего сената (ОППС) по политическим делам процесс по делу долгушинцев, т. е. участников народнически-пропагандистского кружка под руководством А.В. Долгушина. Процесс шел с 9 по 15 июля 1874 г. Утин защищал самого Долгушина.

Долгушинцы обвинялись, главным образом, в составлении и распространении антиправительственных прокламаций «Русскому народу» и «К интеллигентным людям», причем Долгушин (автор обеих прокламаций!) фигурировал в обвинительном акте как «глава предприятия»<sup>1</sup>. Утин применил в защите Долгушина прием, которым часто пользовался Спасович (к неудовольствию обвиняемых): ради смягчения участи своего подзащитного Евгений Исаакович умалял содеянное им как «заблуждение ума», долгушинские прокламации посчитал «чисто теоретическими» и «совершенно безвредными», а самого Долгушина — жертвой «идеальных увлечений, свойственных его [юному] возрасту»<sup>2</sup>.

Суд не внял доводам защиты и вынес Долгушину тяжкий приговор: 10 лет каторги. Утин (как и Спасович, защищавший второго по значению из обвиняемых — Л.А. Дмоховского, тоже приговоренного к 10 годам каторги) подал кассационную жалобу в Сенат, мотивируя ее тем, что суд — вопреки закону от 4 июня 1874 г. — не делал различий между замыслом к бунту насильственными или не насильственными средствами и в ближайшем или отдаленном будущем<sup>3</sup>. Сенат, однако, жалобы и Спасовича и Утина отклонил.

Возможно, под впечатлением этой неудачи Утин в дальнейшем уже не прибегал к уничижительным приемам защиты «государственных преступников». Напротив, в грандиозном процессе «193-х» по делу о «хождении в народ» (ОППС, 18 октября 1877 — 23 января 1878 г.)<sup>4</sup> он выделялся даже среди таких бойцов адвокатуры, как Д.В. Стасов и

<sup>1</sup> Государственные преступления в России. Т. 1. С. 255, 264, 305.

<sup>2</sup> Там же. С. 312.

<sup>3</sup> См.: Правительственный вестник. 1874. № 240, 242.

<sup>4</sup> Подробно об этом процессе см. в очерках «Д.В. Стасов», «В.Д. Спасович», «В.Н. Герард», «П.А. Александров», «Г.В. Бардовский».

В.Н. Герард, Г.В. Бардовский и П.А. Александров, своей оппозиционностью к властям и солидарностью с обвиняемыми.

Здесь, на самом крупном за всю историю России политическом процессе, Утин защищал главного из 193 обвиняемых — Ипполита Мышкина, этого, как назвал его В.Г. Короленко, «страстотерпца революции»<sup>1</sup>. Почти все подсудимые (177 человек), участники до 40 различных кружков, обвинялись в принадлежности к *единому* «преступному сообществу», имевшему целью «ниспровержение государственного устройства»<sup>2</sup>. Организаторами же этого «сообщества» были объявлены (и даже водворены за решетку в стороне от остальных подсудимых) Мышкин, С.Ф. Ковалик, П.И. Войноральский и Д.М. Рогачев, из которых на деле Ковалик был руководителем отдельного кружка, Рогачев — сотрудником т. н. чайковцев, а Мышкин и Войноральский вообще не входили ни в какие кружки. Кстати, Ковалика тоже защищал Утин, а третьим подзащитным Евгения Исааковича был И.Я. Павловский — известный впоследствии литератор, друг А.П. Чехова, муж В.С. Гончаровой (племянницы Н.Н. Пушкиной), персонаж повести С.В. Ковалевской «Нигилистка»<sup>3</sup>. Всех подсудимых по этому делу обвинительный акт чернил (по слухам, измышлениям, доносам) как монстров, вознамерившихся будто бы «перерезать всех чиновников и зажиточных людей»<sup>4</sup>.

Утин с первых же дней процесса выступил против стремления политически и морально опорочить подсудимых, облить их «толстым слоем нечистот»<sup>5</sup>. При этом он осудил использование в качестве свидетелей «политических сыщиков и доносчиков»<sup>6</sup>. Поскольку сами подсудимые протестовали против обвинения с неслыханной в практике царского суда энергией и дерзостью, III отделение во всеподданнейшем докладе царю от 19 ноября 1877 г. сочло уместным донести, что Утин, а также присяжные поверенные П.А. Потехин и А.В. Михайлов «все время до 15 ноября (т. е. до речи И.Н. Мышкина. — Н. Т.) вели себя, к прискорбью, во многом не лучше подсудимых; они как бы солидарно с обвиняемыми порешили глумиться над судом и правительственной властью»<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Короленко В.Г. История моего современника. М., 1965. С. 715.

<sup>2</sup> Государственные преступления в России. Т. 3. С. 241.

<sup>3</sup> См. о нем: Русские писатели 1800—1917 гг. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 500—501.

<sup>4</sup> Государственные преступления в России. Т. 3. С. 9—10, 104.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 798. Л. 98—99.

<sup>6</sup> Там же. Л. 101—102.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 16. Т. 1. А. 551, 551 об.

Когда же, 15 ноября, Мышкин выступил со своей, потрясшей слушателей, программно-революционной речью<sup>1</sup>, и жандармы, расталкивая других подсудимых, поволокли его из зала, Утин, Бардовский и Стасов обступили председателя суда К.К. Петерса и требовали занести в протокол, что жандармы бьют подсудимых<sup>2</sup>. Петерс отрезал: «Я считаю это излишним!» Тогда Утин, Бардовский и Потехин «заявили Присутствию, что они уйдут из суда, если насилие стражи с подсудимыми пройдет безнаказанно»<sup>3</sup>.

Демократические круги русского общества оценили поведение защиты на процессе «193-х» как образцовое. Об этом свидетельствуют и воспоминания современников<sup>4</sup>, и сохранившаяся в секретном архиве III отделения перлюстрированная переписка. «В грандиозном политическом процессе защитники держали себя превосходно»<sup>5</sup>, — писал, например, московский студент Алексей в Архангельск некой А.Г. Ивановой, причем выделял имена Спасовича, Александрова и Утина.

К тому времени 34-летний Утин был в расцвете сил и в зените своей популярности. «Боец по своему темпераменту, по натуре», он отличался и таким качеством, как «неувядаемая юность, — вспоминал о нем В.Д. Спасович. — В каждое дело он вносил жар чувства и заразительно-увлекающую слушателей убежденность»<sup>6</sup>. «Чуткий к красоте формы, он, — по воспоминаниям К.К. Арсеньева, — заботился об изящности речи, письменной и устной, и часто достигал того, не впадая в изысканность и вычурность»<sup>7</sup>. При этом, подчеркивал Арсеньев, «даже враги Евгения Исааковича — а у него их было немало, особенно в печати, — никогда не пытались набросить тень на его адвокатскую добросовестность... Он брал на себя только те дела, в правоте которых был вполне уверен»<sup>8</sup>. Поэтому трудно объяснить помету Н.А. Некрасова «Утин» в черновике его стихотворения «Герои времени» (1875) против следующих строк:

<sup>1</sup> См.: Базанов В.Г. Ипполит Мышкин и его речь на процессе «193-х» // Русская литература. 1963. № 2. С. 150—151. Полный текст речи см.: *Революционное народничество 70-х годов XIX в.* Сборник документов. М., 1964. Т. 1. С. 371—391.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 16. Т. 1. Л. 553 об.

<sup>3</sup> РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д. 382. Л. 26 (доклад петербургского градоначальника Ф.Ф. Трепова императору Александру II).

<sup>4</sup> См.: Чудновский С.А. Из давних лет. М.; Л., 1934. С. 154; Чарушин Н.А. О далеком прошлом. 2-е изд., испр. и доп. М., 1973. С. 263; *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. Тула, 2001. С. 659.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 711. Л. 1, 6—6 об.

<sup>6</sup> Спасович В.Д. Соч. СПб., 1896. Т. 8. С. 319, 320.

<sup>7</sup> Арсеньев К.К. Евгений Исаакович Утин // Вестник Европы. 1894. № 9. С. 435.

<sup>8</sup> Там же. С. 433.

И, содрав гонорар неумеренный,  
Восклицаю мой присяжный поверенный:  
«Перед вами стоит гражданин  
Чище снега альпийских вершин!..»<sup>1</sup>

Ум и талант Евгения Исааковича ценили И.С. Тургенев и А.К. Толстой<sup>2</sup>. «Талантливым» считал его и Ф.М. Достоевский, хотя, по его мнению, Утин грешил «высоким слогом», «трескучими фразами» и «условно-либеральной гуманностью»<sup>3</sup>. «Очень милый и общительный» (как вспоминал о нем философ, друг и душеприказчик Герцена Г.Н. Вырубов)<sup>4</sup>, Утин был неистощим во всякого рода общественных начинаниях. «Наш товарищ Евгений Утин, — говорил о нем на адвокатском обеде Спасович, — есть фонтан адресов и их публичный на всякие случаи писатель»<sup>5</sup>. А в справке по Министерству юстиции от 24 февраля 1875 г. сообщалось: «Некоторые из адвокатов <...>, несмотря на обширные свои занятия, находят, однако, время принимать у себя учащуюся молодежь, помогают ей советами и даже деньгами, платят за право слушания лекций. К числу таких «гуманных», по выражению студентов, присяжных поверенных причисляют» — и далее следует перечень громких имен (Спасович, Герара, Ольхин, Потехин и др.), где *первым* назван Утин<sup>6</sup>.

Царский сыск считал Утина (как, впрочем, и других, почти всех корифеев отечественной адвокатуры) политически неблагонадежным. На него было заведено специальное досье: «Агентурные донесения о наблюдении за присяжным поверенным Е.И. Утиным»<sup>7</sup>. По данным III отделения, он 5 апреля 1878 г. участвовал в антиправительственной панихиде по народнику Г.П. Сидорацкому<sup>8</sup>, а в июле 1879 г. помогал скрыться народнику Л.Ф. Мирскому<sup>9</sup>. В различных кругах знали, что Утин был «ревностным поклонником Герцена»<sup>10</sup> и «личным другом» лидера французских республиканцев Леона Гамбетты<sup>11</sup>.

С 1880-х годов на политических процессах Утин почти не выступал. Единственным крупным политическим делом тех лет, в котором

<sup>1</sup> Некрасов Н.А. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1937. Т. 2. Кн. 1. С. 393.

<sup>2</sup> См.: Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма. М.; Л., 1966. Т. 12. Кн. 1. С. 61, 528; Толстой А.К. Собр. соч.: В 4 т. М., 1964. Т. 4. С. 320.

<sup>3</sup> Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. М., 1981. Т. 23. С. 11, 12.

<sup>4</sup> Вырубов Г.Н. Революционные воспоминания // Вестник Европы. 1913. № 2. С. 46.

<sup>5</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903. С. 58.

<sup>6</sup> См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 539. Д. 94. Л. 2 об.

<sup>7</sup> ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 881.

<sup>8</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1878. Д. 68. Ч. 1. Л. 111, 115.

<sup>9</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 881. Л. 6.

<sup>10</sup> Стасов В.В. Н.Н. Ге. Его жизнь, произведения и переписка. М., 1904. С. 174.

<sup>11</sup> Корни Е.В. Указ. соч. С. 885.

он принял участие, был процесс «21-го» в Петербургском военно-окружном суде 26 мая — 5 июня 1887 г. Центральной фигурой этого процесса был лидер партии «Народная воля» на последнем этапе ее деятельности Герман Лопатин — человек, заслуживший блеском и разнообразием своих талантов восхищение К. Маркса, И.С. Тургенева, Г.И. Успенского, А.М. Горького<sup>1</sup>. Он избрал себе защитником присяжного поверенного В.Н. Герарда<sup>2</sup>, но тот был в отъезде из Петербурга, и защиту Лопатина принял на себя Утин.

Обвинение по делу «21-го» было таковым (принадлежность к партии «Народная воля», осуществившей цареубийство 1 марта 1881 г.), что оно не оставляло главным обвиняемым и в первую очередь Лопатину никаких шансов на сохранение жизни, тем более что Лопатин обвинялся еще, совершенно бездоказательно, и в организации убийства шефа тайной полиции Г.П. Судейкина. Поэтому Утин оспаривал юридические натяжки обвинения, только и позволившие изобразить Лопатина (поскольку он признал свою принадлежность к «Народной воле») ответственным за все ее деяния с момента образования партии. «Во всех законодательствах западноевропейских государств, — говорил Евгений Исаакович, — подсудимый наказывается только за свои собственные преступления, но никак не за проступки, сделанные другими, жившими совсем в другую эпоху, бывшую гораздо раньше»<sup>3</sup>.

Шаг за шагом, Утин опроверг доказательную базу всех пунктов обвинения Лопатина: «В 1879 г. был Липецкий съезд революционеров. Участвовал ли в нем Лопатин? Нет, ибо доказано вполне, что он сидел в это время в крепости. Был ли Лопатин участником 1-го марта? Нет, он жил в то время в Ташкенте. Доказано ли свидетельскими показаниями, что Лопатин участвовал в убийстве Судейкина? Нет, потому что даже такой свидетель, как Елько (предатель. — Н. Т.), не имел смелости это утверждать».

Суд не стал вникать в различия между преступлениями отдельных народолюбцев и всей партии и приговорил Лопатина плюс еще 14 подсудимых к смертной казни через повешение, но — с ходатайством пе-

<sup>1</sup> См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 33. С. 403; Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 10. С. 331; Успенский Г.И. Полн. собр. соч. М., 1954. Т. 14. С. 587, 588. Горький в 1909 г. писал о Лопатине: «В прошлом русской истории я знаю одного человека, похожего на него — это Герцен, а в современности только Л. Толстой производил на меня такое глубокое и могучее впечатление» (Архив А.М. Горького. М., 1966. Т. 9. С. 80).

<sup>2</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 4. Д. 298. Т. 2. Ч. 1. Л. 102.

<sup>3</sup> Изложение речи Е.И. Утина в защиту Г.А. Лопатина по делу «21-го» см.: Мятёжная жизнь. 2-е изд., испр. и доп. Ставрополь, 1979. С. 247—249.

ред царем о замене виселицы каторгой, вечной и срочной. Александр III ходатайство удовлетворил<sup>1</sup>.

Что касается уголовных дел, то их в адвокатской практике Утина, авторитетного криминалиста, было много. Он «в качестве странствующего рыцаря адвокатуры перебивал и состязался во всех почти судебных центрах России, от Петербурга до Одессы и от западных окраин до Екатеринбурга»<sup>2</sup>. Но, как правило, то были дела рядовые, рутинные, не привлекавшие к себе повышенного внимания.

Зато, «по совместительству» с адвокатурой, Утин очень ярко проявил себя как публицист. Он — автор интересных этюдов о М.Е. Салтыкове-Щедрине и Г.И. Успенском, А. Гамбетте и А. Тьере, доброжелательной по отношению к международному рабочему движению и I Интернационалу книги «Франция в 1871 г.» (СПб., 1872), которая немедленно была задержана и уничтожена царской цензурой<sup>3</sup>.

Во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Утин побывал в качестве корреспондента «Вестника Европы» на балканском фронте и «без прикрас описывал войну» в статьях, которые затем были изданы отдельной книгой под названием «Письма из Болгарии в 1877 г.» (СПб., 1879. 405 с.)<sup>4</sup>.

Разносторонняя деятельность Евгения Исааковича нашла отражение в словаре-альбоме П.К. Мартыанова:

Известный адвокат и публицист солидный,  
«Европы зестника» сотрудник очень видный,  
Процессы громкие ведет с апломбом, рьяно,  
И пишет критики — под звуки фортепьяно<sup>5</sup>.

Евгений Исаакович Утин умер скоропостижно (за несколько часов до смерти «был здоров и весел»<sup>6</sup>) в Москве 9 августа 1894 г., на 51-м году жизни. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

<sup>1</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 4. Д. 298. Т. 2. Ч. 1. Л. 324 об.-330 об. (приговор и конфирмация).

<sup>2</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 8. С. 320.

<sup>3</sup> См.: Итсберг Б.С. I Интернационал и революционная Россия. М., 1964. С. 94.

<sup>4</sup> Орлик О.В. Представители прогрессивной интеллигенции России — участники Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. // Вопросы истории. 1978. № 4. С. 85.

<sup>5</sup> См.: Мартыанов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1893. С. 270.

<sup>6</sup> Спасович В.Д. Соч. Т. 8. С. 319.



## АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ ОЛЬХИН

(1839—1897)

Судьба Александра Александровича Ольхина необычна. Генеральский сын и радикальный (почти революционный) демократ, несостоявшийся дипломат, но юрист, адвокат, что называется, высшей пробы, поэт — автор знаменитой «Дубинушки» — и один из немногих корифеев отечественной адвокатуры, судившийся по политическому делу, он запечатлен в разнообразных источниках, включая воспоминания государственных и революционных деятелей, литераторов и юристов<sup>1</sup>. Однако до сих пор о нем нет ни одного специального исследования, хотя бы типа обзорной статьи, — ничего, кроме биографических справок в энциклопедиях и словарях...

Родился Александр Александрович 13 октября 1839 г. в Петербурге. Родители его были состоятельные и высокопоставленные дворяне: отец — генерал-лейтенант, член Главного артиллерийского управления; мать — начальница Мариинского института. В 1870 г. наш герой женился на Варваре Александровне Беклемишевой — родной сестре жены начальника Главного управления по делам печати Е.М. Феоктистова, который, кстати, питал к свояченице «самое теплое, сердечное»<sup>2</sup> чувство. Еще сердечнее отзывался о жене Ольхина И.С. Тургенев: «прекрасная женщина», «такая прелесть, что и сказать нельзя»<sup>3</sup>.

В 1859 г. Ольхин окончил Александровский (бывший Царскосельский) лицей и перед ним открылись многообещающие перспективы

<sup>1</sup> См., например: Архив «Земли и воли» и «Народной воли». М., 1932 (ук.); *Поэты-демократы 1870—1880-х годов*. Л., 1968. С. 502—503, 504—512; *Морозов Н.А. Повести моей жизни*. М., 1947. Т. 2—3 (ук.); *Феоктистов Е.М. За кулисами политики и литературы*. Л., 1929 (ук.); *Скабичевский А.М. Литературные воспоминания*. М.; Л., 1929 (ук.); *Карабчевский Н.П. Около правосудия*. СПб., 1908.

<sup>2</sup> *Феоктистов Е.М. Указ. соч.* С. 362.

<sup>3</sup> *Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Письма*. М.; Л., 1961. Т. 3. С. 204.

дипломатической карьеры: в 1861—1862 гг. он служил секретарем российского консульства в Видине, а с 1862 г. — консулом в Варне (Болгария). Но неожиданно и к огорчению родителей, в 1865 г. 25-летний дипломат вышел в отставку и был избран участковым мировым судьей в Петербурге. Работа мирового судьи обогатила его юридическим опытом, но едва ли удовлетворила. Тем временем уже формировались первые кадры российской адвокатуры. И 19 июня 1869 г. Ольхин записался в присяжные поверенные при Петербургской судебной палате.

За 10 лет службы в адвокатуре (до ареста и суда в 1879 г.) Ольхин смог добиться всероссийской известности как юрист и судебный оратор — главным образом своими выступлениями на политических процессах. Впервые (и сразу в компании звезда адвокатуры) он выступил защитником по политическому делу на процессе нечаевцев в Петербургской судебной палате 1 июля — 11 сентября 1871 г.<sup>1</sup>, где защищал видного народника А.В. Долгушина. Здесь Ольхин держался еще скромно, был мало замечен рядом с такими «зубрами», как В.Д. Спасович и Д.В. Стасов, А.И. Урусов и В.Н. Герард, К.К. Арсеньев и А.М. Унковский. Но свое дело в доказательности юридической несостоятельности обвинения он сделал: его подзащитный, Долгушин, был оправдан.

На следующих по времени, малых политических процессах 1875—1876 гг. (особенно по делу народнической группы В.М. Дьякова в ОППС 16—17 июля 1875 г.) Ольхин, можно сказать, оттачивал свое профессиональное мастерство и по мере борьбы с политически заостренными (а то и подтасованными) обвинениями проникался все большей оппозиционностью по отношению к властям. В докладной записке шефа жандармов А.Л. Потапова от 17 июля 1875 г. (с пометой на полях: «Его Величество изволил читать») указано, что на процессе группы Дьякова Ольхин, «желая подорвать доверие к свидетельским показаниям», старался «выставить свидетелей как полицейских сыщиков»<sup>2</sup>. Судя по агентурной информации о ходе процесса, Ольхин в этом старании преуспел<sup>3</sup>.

Поистине звездными для Ольхина-адвоката стали два выдающихся политических процесса 1877 г. — по делам о Казанской демонстрации и о «50-ти» народниках. Дело об антиправительственной демонстрации 6 декабря 1876 г. в Петербурге, на площади перед Казанским собором, рассматривалось Особым присутствием Правительствующего сената

<sup>1</sup> Подробно об особенностях этого процесса см. в очерке «Д.В. Стасов».

<sup>2</sup> ГАРФ. Ф. 109. З эксп. 1874. Д. 144. Ч. 66. Т. 1. Л. 191 об.-192

<sup>3</sup> См. там же. Л. 190, 191 об.

(ОППС) 18—25 января 1877 г.<sup>1</sup> Ольхин защищал здесь двух (из четырех судившихся по этому делу) женщин — 22-летнюю Варвару Ильяшенко и 20-летнюю Софью Иванову (впоследствии члена Исполнительного комитета партии «Народная воля»)<sup>2</sup>. Царизм повел судебное дело казанцев торопливо и бесцеремонно, по материалам только жандармского дознания без предварительного следствия. Все обвинение основывалось исключительно на показаниях свидетелей, большинство которых составляли полицейские, городовые, дворники, т. е. все, кто хватал и арестовывал казанцев. Даже самый состав подсудимых оказался случайным (только 5 из 21 были участниками демонстрации). Все они держались на суде тактики заpirationства.

В такой ситуации защитники — в первую очередь Г.В. Бардовский и Ольхин — повели себя наступательно. Как явствует из агентурных донесений о ходе процесса, выступали они с «противоправительственным жаром». Ольхин, невзирая на многократные замечания председателя суда К.К. Петерса, разоблачал бездоказательность и пристрастность обвинения, основанного на жандармском розыске и оговорах подставных свидетелей вроде солдата Ефимова, который «готов изменить свои показания за пятиалтынный». Явно в пику III отделению Ольхин предложил «чтобы отныне расследование подобных преступлений поручалось судебным следователям, опытным и юридически образованным, а не тем учреждениям, которые в слепом рвении и правого делают виноватым»<sup>3</sup>.

Разоблачая фальшивых свидетелей, Ольхин привлек внимание суда к тому, что против его подзащитной Ивановой даже такого «свидетеля» не нашлось. Он не столько возмущался, сколько недоумевал: «Иванова все время сидела никем не замеченная, она сама молчала, и они все молчали»<sup>4</sup>. В конце концов «противоправительственный жар» Ольхина озлобил суд и тем самым повредил его подзащитным. Не только Ильяшенко, но и «никем не замеченная» Иванова, о которой «все молчали», были приговорены к ссылке в Сибирь.

С другой стороны, власти были обеспокоены тем впечатлением («благоприятным для подсудимых»), которое речи адвокатов произвели на публику, хотя и не повлияли существенно на приговор суда. Осведомитель III отделения с тревогой доносил «наверх»: хотя «речи гг. Ольхина, Буймистрова<sup>5</sup> и Бардовского и не напечатаны во всей по-

<sup>1</sup> Подробнее об этом процессе см. в очерке «Г.В. Бардовский».

<sup>2</sup> Всего по этому делу был предан суду 21 человек.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 1. Л. 172 об., 173 об.-174.

<sup>4</sup> Государственные преступления в России в XIX в. СПб., 1906. Т. 2. С. 107.

<sup>5</sup> Буймистров Владимир Степанович — присяжный поверенный при Петербургской судебной палате с 1867 г.

дробности в газетах, они были слышаны многими и, конечно, впоследствии будут известны всем, так как бывшие при говорении, несомненно, распространят их повсеместно»<sup>1</sup>.

На следующем, еще более крупном и громком политическом процессе в ОППС по делу «50-ти» (21 февраля — 14 марта 1877 г.)<sup>2</sup> Ольхин защищал шестерых подсудимых<sup>3</sup> — больше, чем кто-либо из адвокатов. До суда, по специальному заявлению в ОППС, его избрал своим защитником и один из главных обвиняемых Петр Алексеев<sup>4</sup>, который, однако, на суде отказался от защиты, чтобы выступить самому с программно-защитительной речью. Возможно, Ольхин помог Алексееву подготовить эту (ставшую исторической)<sup>5</sup> речь: Вера Фигнер, бывшая тогда на процессе в публике, видела собственноручно записанный текст его речи у Ольхина<sup>6</sup>. Современники предполагали, что именно Ольхин передал текст речи Алексеева в нелегальную типографию<sup>7</sup>.

Защищал Ольхин шестерых из «50-ти» с тем же «противоправительственным жаром», как и своих подзащитных казанцев: доказывал юридическую несостоятельность той ругани по адресу подсудимых (якобы головорезов, стремившихся учинить всероссийскую «резню»), которой были переполнены 100-страничный обвинительный акт и многочасовая обвинительная речь прокурора К.Н. Жукова. Подытоживая свое выступление, Ольхин заявил: «Мы видим в обвинительной речи желание забросать грязью подсудимых. Я возвращаю это обвинение обратно прокурору»<sup>8</sup>. В агентурном донесении от 26 февраля 1877 г. отмечено, что «во все время судебного следствия присяжный поверенный Ольхин пикировался с прокурором и в конце концов прочел ему целое наставление, обвиняя его в превышении власти», после чего председатель суда, тот же К.К. Пётерс, «сделал Ольхину замечание и признал выходку его против прокурора неуместною»<sup>9</sup>.

Суд сенаторов и на этот раз мало вникал в доводы защиты и вынес обвиняемым суровый приговор: 15 человек, включая 6 женщин, получили каторжные сроки до 10 лет. Из подзащитных Ольхина двое (Фиг-

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1876. Д. 253. Ч. 1. Л. 219—219 об.; Ч. 2. Л. 31.

<sup>2</sup> Подробно об этом процессе см. в очерках «В.Д. Спасович», «В.Н. Герард», «Г.В. Бардовский».

<sup>3</sup> Вот их имена: Л.Н. Фигнер, А.О. Лукашевич, А.Г. Топоркова, В.П. Александров, М.А. Маодецкий, И.А. Злобин.

<sup>4</sup> См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 142. Л. 243.

<sup>5</sup> См. о ней: Уросва А.В. Великое пророчество русского рабочего-революционера Петра Алексева. М., 1977.

<sup>6</sup> См.: Фигнер В.Н. Процесс «50-ти». М., 1927. С. 25.

<sup>7</sup> См.: Уросва А.В. Указ. соч. С. 43.

<sup>8</sup> РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1129. Л. 2.

<sup>9</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 127. Т. 2. Л. 143.

нер и Александров) были приговорены к каторге, трое — к ссылке в Сибирь, а Топоркова — к тюремному заключению.

После процесса «50-ти» Ольхин в 1877—1878 гг. уже как авторитетнейший адвокат выступил на трех малых политических процессах. 1 мая 1878 г. в ОППС он защищал будущего народовольца Н.И. Кибальчича, обвиненного в пропаганде среди крестьян. В этот раз Александр Александрович сумел убедить сенаторов в недоказанности обвинения и добился максимально возможного смягчения приговора: назначенный Кибальчичу месяц тюрьмы был заменен, по просьбе Ольхина, освобождением «на поручительство защитника»<sup>1</sup>.

Тем временем над Ольхиным сгушались тучи жандармского сыска. С 1873 г. он был под негласным надзором полиции<sup>2</sup>, а в 1877 г. III отделение завело на него досье, в котором фиксировалось, что он «принял на себя роль защитника молодого поколения, увлекая его нередко на скользкий путь своею либеральною болтовнею и решительным тоном приговоров всему, что не нравилось молодежи»<sup>3</sup>. В архиве Министерства юстиции сохранилась записка от 7 апреля 1877 г. (возможно, как материал для всеподданнейшего доклада) о «крайне вредном влиянии» Ольхина на молодежь и о «крайне резком характере» его защитительных речей на политических процессах<sup>4</sup>.

Основания для догадок о революционных связях Ольхина были. Александр Александрович сотрудничал в нелегальной народнической печати (в газетах «Начало», «Земля и воля», «Общее дело»), предоставлял «во всякое время дня и ночи» приют в своей квартире землевольцам Н.А. Морозову, Г.В. Плеханову, А.Д. Михайлову<sup>5</sup>, а главное, помог Морозову устроить на хранение архив «Земли и воли» (затем и «Народной воли») у писателя В.Р. Зотова — секретаря либеральной газеты «Голос», лично знакомого с А.И. Герценом, Н.А. Некрасовым, М.Е. Салтыковым-Щедриним<sup>6</sup>. Принимая архив, Зотов мрачно пошутил: «Кто бы мог подумать, что в этом самом кресле, где во время моей юности сидели Пушкин, Лермонтов, Гоголь в гостях у моего отца<sup>7</sup>,

<sup>1</sup> Кантор Р.М. О процессе Н.И. Кибальчича 1875—1878 гг. // Каторга и ссылка. 1929. № 8—9. С. 240.

<sup>2</sup> Агентурные донесения о слежке за Ольхиным 1873—1875 гг. см.: ГАРФ. Ф. 109. Секр. архив III отд. Оп. 1. Д. 625.

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 264. Л. 1—3 и сл.

<sup>4</sup> См.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 534. Д. 1129. Л. 1—3 и сл.

<sup>5</sup> См.: Морозов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 413; Аптекман О.В. Общество «Земля и воля» 70-х годов по личным воспоминаниям. Пг., 1924. С. 329—331.

<sup>6</sup> См.: Морозов Н.А. Указ. соч. Т. 2. С. 431—435.

<sup>7</sup> Рафаил Михайлович Зотов (1796—1871) — литератор (прозаик, драматург, критик, мемуарист) и чиновник, действительный статский советник.

будет сидеть через 50 лет редактор тайной революционной литературы!»<sup>1</sup>

8 апреля 1879 г. Ольхин был арестован по подозрению в причастности к революционному подполью, исключен из списка присяжных поверенных и административно выслан в городишко Яренск Вологодской губернии под гласный надзор полиции<sup>2</sup>. Тем временем в Петербурге шло следствие по делу беспартийного террориста Леона Мирского, который 13 марта 1879 г. стрелял в шефа жандармов А.Р. Дрентельна, промахнулся и скрылся, но 6 июня был арестован. Следствие установило, что Мирский скрывался в квартире шурина Ольхина Е.А. Беклемишева и что эту квартиру посещал сам Ольхин, возможно и предложивший ее Мирскому. Дрентельн тут же доложил императору Александру II, что он приказал арестовать Ольхина и доставить его из Яренска в Петербург для предания его суду по обвинению в укрывательстве Мирского. «Раскрытию преступной деятельности Ольхина, — уведомлял шеф жандармов монарха, — я придаю большое значение, главнейшим образом потому, что он как человек зрелых лет и присяжный поверенный, конечно, был не в числе слепых исполнителей, а в числе *видных деятелей* противозаконного сообщества». На докладе Дрентельна помета Александра II: «Весьма вероятно»<sup>3</sup>.

Дело Мирского слушалось в Петербургском военно-окружном суде 15—17 ноября 1879 г.<sup>4</sup> Вместе с незадачливым террористом суду были преданы семь его пособников и укрывателей, среди которых оказались и Ольхин с Беклемишевым. Суд приговорил Мирского к смертной казни (замененной вечной каторгой), но Ольхина и Беклемишева за недостатком улик оправдал. Предубеждение властей, вплоть до царя, против Ольхина было так велико, что он, *оправданный судом*, 20 ноября 1879 г. вновь был водворен как неблагонадежный в Яренске, а в марте 1880 г. переведен под гласный надзор полиции в Шадринск Пермской губернии (ныне Курганская область).

Лишь в 1887 г., по окончании гласного надзора, Ольхин смог переехать в Нижний Новгород, а в 1889 г. переселился в родовое имение Ольхиных Белоостров под Петербургом. 16 января 1890 г. Александр

<sup>1</sup> Архив «Земли и воли» и «Народной воли». С. 36. После смерти В.Р. Зотова архив перешел к А.С. Суворину, а от него — к его сыну М.А. Суворину, который уже после Февральской революции передал его в редакцию историко-революционного журнала «Былое» (см.: От редакции // Былое. 1917. № 1. С. 49).

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 109. 3 эксп. 1874. Д. 144. Ч. 264. Л. 73—74.

<sup>3</sup> Красный архив. 1930. Т. 3 (40). С. 151.

<sup>4</sup> Подробно о нем см.: Правительственный вестник. 1879. № 262—267; Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 41—43.

Александрович был восстановлен в звании присяжного поверенного<sup>1</sup> и возобновил адвокатскую практику в Пскове, при местном окружном суде. Лишь в конце 1895 г. он получил разрешение вернуться в Петербург. Оставшиеся два года жизни он провел то в столице, то в своем имении, вел мелкие адвокатские дела и служил юрисконсультом в правлении общества Рязано-Уральской железной дороги...

К моменту своего первого ареста Ольхин был уже не только авторитетным адвокатом, но и достаточно известным поэтом. Его стихи с конца 1860-х годов печатались и в нелегальных, и в подцензурных изданиях («Дело», «Слово», «Русская мысль», «Русское богатство»)<sup>2</sup>. В 1878 г. он написал стихотворение «У гроба» — «самое сильное из всего, что им когда-либо было написано»<sup>3</sup>, — отклик на смерть шефа жандармов Н.В. Мезенцова от руки землевольца С.М. Кравчинского, своего рода отпевание главного жандарма империи, с такими строками:

Жизнью распутною всхоленный,  
Нашею кровию вспоенный,  
Жалости в сердце не ведавший,  
Пытки и казнь проповедавший;  
Шедших дорогой тернистою  
Мявший стопою нечистою  
В страшной неравной борьбе!  
Вечная память тебе!<sup>4</sup>

В 1885 г., в вологодской ссылке, Ольхин создал песенный вариант знаменитой «Дубинушки»<sup>5</sup>, ставшей одной из самых популярных народных песен в России вплоть до революций 1917 г.:

Но ведь время придет, и проснется народ,  
Разогнет он избитую спину  
И в родимых лесах на врагов подберет  
Здоровее и крепче дубину.  
Ой, дубинушка, ухнем! — и т. д.<sup>6</sup>

Как личность Ольхин, естественно, вызывал антипатию у власть имущих и тех, кто их обслуживал. Так, Е.М. Феоктистов, возненавидев-

<sup>1</sup> См.: *Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 5 марта 1890 г.* СПб., 1890. С. 55.

<sup>2</sup> Пять избранных стихотворений Ольхина напечатаны в сборнике «Поэты-демократы 1870—1880-х годов». Л., 1968. С. 504—512.

<sup>3</sup> *Короленко В.Г.* История моего современника. М., 1965. С. 445.

<sup>4</sup> См.: *Поэты-демократы 1870—1880-х годов.* С. 505 (весь текст стихотворения здесь же, на с. 504—509).

<sup>5</sup> Впервые опубликовано в народнической газете «Общее дело» (Женева, 1885. № 80. С. 15).

<sup>6</sup> *Поэты-демократы 1870—1880-х годов.* С. 511.

ший его за то, что он привлек к «проповедям социализма» свою жену (свояченицу Феохтистову), отзывался о нем раздраженно: «пустейший болтун»<sup>1</sup>. Коллеги же и единомышленники ценили Ольхина не только за профессиональные, но и за чисто человеческие качества. «Рыжеволосый великан с огромной бородой, напоминавшей бога Тора<sup>2</sup>, — вспоминал о нем Н.А. Морозов, — он импонировал простотой и отзывчивостью»<sup>3</sup>. Один из ярчайших корифеев отечественной адвокатуры Н.П. Карабчевский, который начинал свою адвокатскую карьеру помощником Ольхина, сохранил о нем такое воспоминание: «Его доброе, румяное лицо иконописного склада <...> было всегда так детски приветливо и добродушно счастливо, что он сразу внушал к себе симпатию»<sup>4</sup>.

За время ссылки Ольхин потерял здоровье и бывшие возможности для выступлений в качестве адвоката. После ареста в 1879 г. он не мог больше участвовать в политических процессах, поскольку с 90-х годов, когда он был восстановлен в статусе присяжного поверенного, таких процессов в России до начала следующего столетия не было.

Умер Александр Александрович Ольхин 22 ноября 1897 г. в Белостоле на 59-м году жизни.

<sup>1</sup> Феохтистов Е.М. Указ. соч. С. 362.

<sup>2</sup> Т о р — в скандинавской мифологии бог грома, бури и плодородия.

<sup>3</sup> Морозов Н.А. Указ. соч. Т. 2 С. 413.

<sup>4</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1908. С. 10.



## АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ ПАССОВЕР

(1840—1910)

Он был, бесспорно, самым оригинальным представителем отечественной адвокатуры: юрист широкого профиля (прежде чем стать адвокатом, был и судебным следователем, и прокурором); редкостный эрудит и ученый-правовед а la В.Д. Спасович; полиглот, знавший «в совершенстве почти все европейские языки»<sup>1</sup>; джентльмен-англоман, всегда — в прямом и переносном смысле — застегнутый на все пуговицы; чопорный и чудаковатый педант, никогда не имевший ни семьи, ни друзей; наконец, уникал, лишенный честолюбия до такой степени, что никогда не соглашался ни на издание, ни даже на записывание его речей<sup>2</sup>.

Много ценных сведений о жизни и деятельности А.Я. Пассовера содержат воспоминания А.Ф. Кони, Н.П. Карабчевского, М.М. Винавера, И.В. Гессена<sup>3</sup>, очерки Л.Д. Ляховецкого, Б.Б. Глинского, А.Г. Тимофеева<sup>4</sup> и другие источники, но до сих пор о нем (как, впрочем, и о большинстве других знаменитостей российской адвокатуры) нет хотя бы краткого, сколько-нибудь обобщающего исследования...

Александр Яковлевич Пассовер родился в 1840 г. в г. Умани Киевской губернии в семье военного врача. В 1857 г. он окончил 2-ю Одесскую гимназию, а в 1861 г. — юридический факультет Московского университета. Как лучший, феноменально одаренный выпускник он

<sup>1</sup> Грузенберг О.О. Вчера. Воспоминания. Париж, 1938. С. 46.

<sup>2</sup> См.: А.Я. Пассовер [Некролог] // Вестник Европы. 1910. № 5. С. 446.

<sup>3</sup> См.: Кони А.Ф. Воспоминания о деле Веры Засулич // Собр. соч.: В 8 т. М., 1966. Т. 2 (ук.); Карабчевский Н.П. Около правосудия. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1908; Винавер М.М. Недавнее (Воспоминания и характеристики). 2-е изд. Париж, 1926; Гессен И.В. В двух веках. Жизненный отчет. Берлин, 1937.

<sup>4</sup> См.: Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897; Глинский Б.Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897; Тимофеев А.Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900.

был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, но в 1863 г. командирован на два года за границу изучать право в европейских университетах. В качестве вольнослушателя осваивал юридические дисциплины в Гейдельбергском, Лейпцигском и Тюбингенском университетах Пруссии<sup>1</sup>. По возвращении из-за границы Пассовер блестяще выдержал экзамен на степень магистра государственного права и 29 ноября 1866 г. был зачислен кандидатом на судебные должности при Московской судебной палате. Некоторое время он служил судебным следователем 8-го участка Москвы, а затем — секретарем прокурора Московской палаты Д.А. Ровинского<sup>2</sup> (другим секретарем у Ровинского был тогда юный А.Ф. Кони)<sup>3</sup>. 12 августа 1867 г. Александр Яковлевич был назначен товарищем прокурора Владимирского окружного суда и после двух лет добросовестной службы, вероятно, понял, что карьера юриста на государственной службе — не для него. Летом 1869 г. он вышел в отставку и уехал в Одессу, где жили тогда его родители.

Именно в Одессе Пассовер стал адвокатом. В 1871 г. он был принят в число присяжных поверенных Одесского судебного округа. «В Одессе, — читаем о нем в очерке Л.Д. Ляховецкого, — он скоро и легко выдвинулся в первые ряды адвокатов. Репутация его здесь, как самого даровитого адвоката, вполне сложилась и упрочилась»<sup>4</sup>.

В 1873 г. Пассовер переехал на постоянное жительство в Петербург и 2 февраля 1874 г. был оформлен присяжным поверенным при Петербургской судебной палате<sup>5</sup>. Всероссийскую известность как выдающийся адвокат он завоевал уже через год, выступив защитником по делу своего коллеги присяжного поверенного П.<sup>6</sup> в Петербургской судебной палате 2 октября 1876 г. Палата рассматривала жалобу П. на исключение его в дисциплинарном порядке из присяжных поверенных за «неблаговидные действия» (включая взятку) в коммерческих операциях. Председатель суда, увидев перед собой молодого и малоизвестного адвоката, предложил ему (во избежание пустословия и многоглаголанья) не повторять уже сказанного на суде. Пассовер возразил: «Иной раз без

<sup>1</sup> См.: ЦГИА СПб. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 1. (удостоверения на имя А.Я. Пассовера из трех прусских университетов).

<sup>2</sup> Р о в и н с к и й Дмитрий Александрович (1824—1895) — юрист и искусствовед, один из «отцов» судебной реформы 1864 г., сенатор, почетный член Академии наук (с 1883 г.) и Академии художеств (с 1870 г.).

<sup>3</sup> См.: Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 1. С. 265; Т. 8. С. 286; Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 204.

<sup>4</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 204.

<sup>5</sup> См.: Список присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 1 февраля 1901 г. СПб., 1901. С. 12.

<sup>6</sup> Чья фамилия скрыта под инициалом «П», пока не установлено.

повторений не обойтись. Судебное дело — тот же калейдоскоп. Как встряхнешь его, так из тех же стеклышек получается новая фигура. Так и в этом деле: при новой группировке те самые факты, о которых была уже речь, могут получить совершенно иное освещение»<sup>1</sup>.

В яркой, безупречно аргументированной речи<sup>2</sup> Пассовер доказал неосновательность большей части обвинительных претензий к П., но не стал оправдывать своего подзащитного в морально предосудительных сделках. Суд отменил постановление Петербургского совета присяжных поверенных об исключении П. из корпорации адвокатов, назначив обвиняемому другое, более мягкое наказание: запрет на адвокатскую деятельность в течение года.

Отныне и до конца своей адвокатской карьеры Пассовер выступал преимущественно по гражданским делам. В представлении современников, он был вообще «самым выдающимся между адвокатами цивилистом»<sup>3</sup> (т. е. специалистом по гражданскому праву). Но приходилось ему участвовать и в разбирательстве уголовных дел. Так, он защищал контрабандиста-миллионера Вальяно в большом процессе по делу о злоупотреблениях в таганрогской таможене (Харьковская судебная палата, 12 февраля — 18 марта 1885 г.)<sup>4</sup>. В компании с такими светилами адвокатуры, как Ф.Н. Плевако и Н.П. Карабчевский, П.А. Александров и С.А. Андреевский, Пассовер выступил не менее впечатляюще. «Его речь по делу Вальяно, прогремевшая на всю Россию, — вспоминал о ней Л.Д. Ляховецкий 12 лет спустя, — до сих пор памятна харьковской публике»<sup>5</sup>. Александр Яковлевич не стал выгораживать своего подзащитного, но все натяжки и подтасовки обвинения (в главном доказанного) опроверг.

Кстати, именно Пассоверу приписывали язвительно-афористическое определение разницы между цивилистом и криминалистом: «Криминалист у нас тот, кто гражданского права не знает, а цивилистом мы называем того, кто ни аза в уголовном праве не смыслит»<sup>6</sup>. Пассовер действительно был мастер на такие определения. Он мог, например, сказать, что прокурор «поддерживает обвиняемого» (в том, что обвиняемый сам признает), «как веревка поддерживает повешенного»<sup>7</sup>, или переадресовать адвокатуře сказанное Ф. Шиллером о науке: «Для одних

<sup>1</sup> Цит. по: *Ляховецкий Л.Д.* Указ. соч. С. 209.

<sup>2</sup> Полный текст ее см. в указ. соч. Л.Д. Ляховецкого. С. 209—229.

<sup>3</sup> *Ляховецкий Л.Д.* Указ. соч. С. 207.

<sup>4</sup> См. об этом деле: *Плевако Ф.Н.* Речи. М., 1910. Т. 2. С. 295—296.

<sup>5</sup> *Ляховецкий Л.Д.* Указ. соч. С. 205.

<sup>6</sup> Там же. С. 207.

<sup>7</sup> *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 151.

она — величаявая, недостигаемая богиня, для других — дойная корова, которая довольствуется молоком, маслом, творогом»<sup>1</sup>.

На политических процессах Пассовер почти не выступал. Он был политически нейтрален (точнее, пожалуй, индифферентен) и очень осторожен. Чуть ли не единственный из корифеев российской адвокатуры, он избегал не только полицейского досьё на него, но и хотя бы подозрений в «неблагонадежности». Показательно для него, что кадетов он называл «головастиками», считая, что они политически незрели<sup>2</sup>, но такому авторитетному кадету, как В.А. Маклаков, симпатизировал и даже как-то в глаза похвалил: «Сколько вы говорили в Думе, а до сих пор еще ни одной глупости не сказали!»<sup>3</sup>

В тех случаях, когда Пассоверу доводилось выступать защитником на политических процессах, он не позволял себе «крамольных» высказываний, а юридически был безупречен. К сожалению для его биографов и для историков политических процессов, он дважды — в связи с процессами, особенно крупными и значимыми, — либо не выступал на суде, будучи уже назначенным от суда, либо даже не был назначен, хотя прошение о назначении его защитником в суд поступало. Перед открытием суда по грандиозному делу о «хождении в народ» (процесс «193-х» в ОППС, 18 октября 1877 — 23 января 1878 г.) Пассовер был назначен защищать 14 подсудимых (больше подзащитных по тому делу имели из 35 адвокатов только Г.В. Бардовский и В.Н. Герард). Среди 14 были видные народники Д.М. Рогачев и М.В. Купреянов<sup>4</sup>. Но на суде Александр Яковлевич почему-то не выступал, и в списке адвокатов, действовавших в начале суда, его нет<sup>5</sup>. Почти 10 лет спустя, перед началом процесса по делу «Второго 1 марта» о покушении на Александра III (ОППС, 15—19 апреля 1887 г.) родственник семьи Ульяновых литератор М.А. Песковский подал в ОППС прошение назначить Пассовера защитником Александра Ульянова<sup>6</sup>, однако сенаторы отказались удовлетворить это прошение, поскольку оно исходило не от самого подсудимого<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Цит. по: *Ляховецкий А.Д.* Указ. соч. С. 228—229.

<sup>2</sup> См.: *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Т. 2. С. 13.

<sup>3</sup> *М.М. Винавер* и русская общественная жизнь начала XX в. Париж, 1937. С. 74.

<sup>4</sup> Документы о назначении А.Я. Пассовера защитником по делу «193-х» с перечнем его 14 подзащитных см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 402. Л. 66—70.

<sup>5</sup> Перечень всех защитников (и по избранию подсудимых, и по назначению суда) на процессе «193-х» см.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 738. Л. 122—123.

<sup>6</sup> У л ь я н о в Александр Ильич (1866—1887) — старший брат В.И. Ленина, один из пяти главных обвиняемых, казненных по делу «Второго 1 марта».

<sup>7</sup> См. об этом: *Иттенберг Б.С., Черняк А.Я.* Жизнь Александра Ульянова. М., 1966. С. 146—147.

Очень разных людей защищал Пассовер на политических процессах. 3 мая 1878 г. в ОППС он выступил защитником народника-пропагандиста, «коноваальского ученика» Михея Морозова и взял его на поручительство под залог в 500 рублей<sup>1</sup>. На сенсационном процессе по делу *генерала* К.И. Мравинского и двух его помощников, преданных суду «за бездействие власти» (Петербургская судебная палата, 25—29 ноября 1881 г.), Пассовер защищал начальника секретной части петербургского градоначальства В.В. Фурсова. На этот раз Александр Яковлевич ничем не мог помочь своему подзащитному, хотя он (как и его коллеги в этом деле — В.Д. Спасович и В.Н. Герард) доказывал очевидное: в компетенцию Фурсова входил *осмотр*, причем только технический, а не обыск той лавки, в которой начальник секретной части, по версии обвинения, *преступно не обнаружил* террористического подкопа. «Король адвокатуры» Спасович даже процитировал в своей защитительной речи умозаключение Пассовера: «В 15-ти томах Свода законов с продолжениями нельзя найти ни одной статьи, из которой можно было бы заключить о принадлежности одной дробинки власти секретному начальнику секретного отделения»<sup>2</sup>. Тем не менее Фурсов, как и сам Мравинский, был признан виновным и сослан в Архангельскую губернию.

Совершенно особого «государственного преступника» довелось Пассоверу защищать на политическом процессе в ОППС 30 апреля 1909 г. То был недавно уволенный директор Департамента полиции А.А. Лопухин. В частном разговоре с известным разоблачителем провокаторов В.Л. Бурцевым он подтвердил версию о том, что член ЦК и член Боевой организации эсеров Е.Ф. Азеф — агент Департамента полиции, провокатор<sup>3</sup>. Видный юрист И.В. Гессен полагал, что после этого если и можно было привлечь Лопухина к суду, «то разве по обвинению в дисциплинарном нарушении — разглашении служебной тайны»<sup>4</sup>. Но ОППС под председательством В.Н. Варварина<sup>5</sup> предъявило Лопухину обвинение в «существенном содействии» преступной организации революционеров-террористов<sup>6</sup> — обвинение тяжело политическое, юридически же совершенно несостоятельное. Пассовер конечно же это понял и наглядно

<sup>1</sup> См.: ГАРФ. Ф. 112. Оп. 1. Д. 437. Л. 86—87.

<sup>2</sup> *Спасович В.Д.* Семь судебных речей по уголовным делам (1877—1887 гг.). Берлин, 1900. С. 66.

<sup>3</sup> Подробно об этом см.: *Бурцев В.Л.* В погоне за провокаторами. М.; Л., 1928. С. 118—123.

<sup>4</sup> *Гессен И.В.* Указ. соч. С. 151.

<sup>5</sup> *В а р в а р и н* Владимир Николаевич (1843—1915) — сенатор, действительный тайный советник.

<sup>6</sup> См.: *Дело А.А. Лопухина* в Особом присутствии Правительствующего сената. Стенографический отчет. СПб., 1910.

продемонстрировал. Вот как рассказывал об этом, со слов самого Александра Яковлевича, И.В. Гессен: «Рассмотрев фактические обстоятельства дела, Пассовер с саркастической улыбкой сказал, что так как прокурор лишь вскользь коснулся юридического обоснования обвинения, то он, Пассовер, полагает, что прокурор намерен посвятить юридическому анализу вторую речь, и посему откладывает свои соображения до выслушивания этой речи. Сенаторы смущенно переглянулись. Варварин обратил вопросительный взгляд на прокурора, который отрицательно покачал головой, после чего Варварин заявил, что прокурор исчерпал свои доводы и больше говорить не собирается. «Вот как! — с удивлением воскликнул Пассовер. — В таком случае я должен быть совсем лаконичен». И в нескольких словах он разоблачил юридическую нелепость обвинения, заставив Варварина позеленеть от злости»<sup>1</sup>.

Тем не менее суд приговорил Лопухина к пяти годам каторги. По свидетельству графа С.Ю. Витте (из осведомленных первоисточников), председатель Совета министров П.А. Столыпин в благодарность за это «передал из секретных сумм 5 тыс. рублей Варварину»<sup>2</sup>. Впрочем, общее собрание Сената заменило каторгу для Лопухина ссылкой в Сибирь, а 4 декабря 1912 г. Николай II помиловал его.

Как судебный оратор Пассовер был одним из лучших в России. С.А. Андреевский (классик судебного красноречия!) называл его «утонченнейшим гастронмом по части слога»<sup>3</sup>. «Когда вы слушаете его первым, — вспоминал о Пассовере Л.Д. Ляховецкий, — многие другие после него кажутся вам скучными и банальными»<sup>4</sup>. Случалось, что даже «старцы Правительствующего Сената слушали его точно зачарованные, увлекаемые сами не зная куда»<sup>5</sup>. Кстати, Александр Яковлевич считал за правило, что «адвокат должен возвыситься над судьей, чтобы затем к нему снизойти»<sup>6</sup>.

Тексты своих адвокатских речей Пассовер никогда не писал. Правда, М.М. Винавер вспоминал об этом не без оговорок: «Писал ли он вообще речи, писал ли заметки, конспекты и как он обычно готовился к делу — все это тайна, которую он унес с собою в могилу. На суд во всяком случае он являлся без написанной речи и без всяких заметок — вообще, без каких-либо бумаг, без книг, без портфеля»<sup>7</sup>. Но Л.Д. Ляхо-

<sup>1</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 151.

<sup>2</sup> Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2. С. 764.

<sup>3</sup> Андреевский С.А. Драмы жизни. Пг., 1916. С. 26.

<sup>4</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 205.

<sup>5</sup> Винавер М.М. Недавнее. С. 97—98.

<sup>6</sup> Там же. С. 284.

<sup>7</sup> Там же. С. 101.

вецкий (тоже, как и Винавер, лично знакомый с Пассовером) свидетельствовал категорически: «Его речь никогда не пишется им, но она целиком у него в голове. Обладая феноменальной памятью, он никогда ничего не записывает и по самым сложным делам не прибегает к каким-либо заметкам; все держит в голове, даже сложные арифметические выкладки»<sup>1</sup>.

В печати сохранилась только одна защитительная речь Пассовера — по делу присяжного поверенного П.<sup>2</sup> Об остальных его речах можно судить лишь по отзывам слушателей, коллег, современников Александра Яковлевича. Речи его сочетали в себе научную основательность, интуитивный расчет и безошибочное чувство меры. «Это не однообразное, хотя и искусное, соло виртуоза, — вспоминал о них Н.П. Карабчевский, — это скорее исполнение пьесы целым оркестром в управлении гениального маэстро»<sup>3</sup>.

Известно, что Пассовер был тонким ценителем поэзии, часто цитировал и Ф. Шиллера, и А.С. Грибоедова, а своих помощников в семинарах по судебному красноречию обязывал читать стихи А.С. Пушкина, соглашаясь с С.А. Андреевским в том, что «настоящая поэзия есть, прежде всего, точность и благозвучность языка, а следовательно, она содержит два существенных качества, необходимых оратору, как воздух для дыхания»<sup>4</sup>. Впрочем, Андреевский вспоминал: «Даже к Пушкину он однажды придрался. Указал мне с недоумением и досадой у Пушкина одну строку, которую он откопал: «Пора. Перо покоя просит». «Помилите, — сказал он, — в четырех словах четыре «п» и три «р». Это непостижимо!»<sup>5</sup>

Кстати, семинары (официально они назывались конференциями) помощников Пассовера его коллеги, обращаясь к нему, называли: «ваш вольный университет»<sup>6</sup>.

«Во внешнем обиходе, — читаем у М.М. Винавера, — Пассовер отвержен был ко всему английскому: пиджак английского покроя (в спорту едва ли кто-либо его видел), жилет с особыми отворотами; летом всегда без пальто, зимою в самой легонькой барашковой шубке, не доходившей до колен; никогда — палки в руках; на ногах одни толстые штиблеты без галош, хотя бы на дворе стояли лютые морозы»<sup>7</sup>. И.В. Гессен

<sup>1</sup> *Аховецкий Л.Д.* Указ. соч. С. 206.

<sup>2</sup> См. там же. С. 4; *Тимофеев А.Г.* Указ. соч. С. 148.

<sup>3</sup> *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. С. 144.

<sup>4</sup> *Андреевский С.А.* Избранные труды и речи. Тула, 2000. С. 303.

<sup>5</sup> Там же. С. 303—304.

<sup>6</sup> ЦГИА СПб. Ф. 2264. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об.

<sup>7</sup> *Винавер М.М.* Указ. соч. С. 111.

добавляя к этому, что Пассовер всегда (и на улице, и даже в зале суда) был «в темно-серых замшевых перчатках, которые он снимал лишь когда начинал давать объяснения»<sup>1</sup>.

Притчей во языцех стала пунктуальность Пассовера. «Никто точнее его не являлся на консультации, — вспоминал М.М. Винавер, — ни минутою позже, но и ни минутою раньше». Семинары своих помощников он начинал точно, хотя бы «при наличии 2—3 человек»; тем же, кто опаздывал и оправдывался (дескать, опоздал-то всего на несколько минут), Александр Яковлевич внушал: «Невелико утешение опоздать к поезду всего на одну минуту»<sup>2</sup>.

Пунктуальность сочеталась у Пассовера в его адвокатских делах с подчеркнутой щепетильностью. В словаре-альбоме П.К. Мартьянова он представлен таким образом:

Поверенный присяжный Пассовер —  
Как адвокат отменный кавалер:  
Дела в суде ведет исправно он,  
Когда в процесс замешан миллион<sup>3</sup>.

Такое представление о Пассовере несправедливо. Он вел исправно всякие дела, не возражал и против миллионов, но, как явствует из воспоминаний дружески связанного с ним А.Ф. Кони, Александр Яковлевич прежде всего заботился о том, чтобы дело, которое он брал на себя, было — вне зависимости от суммы гонорара — «совершенно чистым и строго юридическим»<sup>4</sup>.

Среди своих коллег и клиентов Пассовер был очень влиятелен. Такие авторитеты, как тот же А.Ф. Кони, И.В. Гессен, М.М. Винавер, считали его «одной из крупнейших величин в российской адвокатуре» и «легендарной личностью»<sup>5</sup>. Пассовер, однако, лишь тяготился своей популярностью, замыкаясь в себе самом. «Дружба, интимность, — как мы их обычно понимаем, — были ему от природы чужды, — вспоминал о нем М.М. Винавер. — Не могу себе представить у Пассовера проявлений ласки и вообще внешней близости. Он и руку подавал вне дома не иначе, как в перчатке. Когда на его юбилее кто-то из молодых поклон-

<sup>1</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 148.

<sup>2</sup> Винавер М.М. Указ. соч. С. 111—112.

<sup>3</sup> См.: Мартьянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX в. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1893. С. 205.

<sup>4</sup> Кони А.Ф. Собр. соч. Т. 2. С. 245.

<sup>5</sup> Там же. Т. 1. С. 263; Гессен И.В. Указ. соч. С. 148; Винавер М.М. Указ. соч. С. 94—95. Выдающийся русский юрист П.С. Пороховщиков (П. Сергеич) посвятил «светлой и благодарной памяти» Пассовера свой перевод книги Р. Гарриса «Школа адвокатуры» (Сергеич П. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 356).

ников бросился целовать его, на лице Пассовера изобразилось нечто вроде нелюдимого ужаса, голова подавалась назад, и поцелуй повис на воротнике пиджака»<sup>1</sup>.

«Он, — удивлялся Пассоверу Л.Д. Ляховецкий, — никогда не даст своей речи в печать, не исправит стенографического отчета, не станет содействовать вам в широком ее распространении. Все духовное богатство этого замечательного адвоката пропадает бесследно. Он, словно скупой рыцарь, прячет его для себя»<sup>2</sup>. В общем, Пассовер был скрытен и замкнут до такой степени, что М.М. Винавер засомневался: «Не знаю, жил ли когда-либо человек, так редко прибегавший к местоимению «я»<sup>3</sup>. В.Д. Спасович усмотрел даже в чрезмерной скромности Пассовера «признак упадка нравов». После того как Пассовер отказался баллотироваться в члены Петербургского совета присяжных поверенных, Спасович озадаченно воскликнул: «Слыхано ли, чтобы до сих пор кто-нибудь уклонялся, когда его хотели почитать избранием? Мы приготавлились чествовать заслуженного, талантливого члена А.Я. Пассовера, которому мы обязаны конференциями помощников, а он нашими добрыми желаниями пренебрег и от них уклонился»<sup>4</sup>.

Именно патологической замкнутостью Пассовера И.В. Гессен объясняла тот поразительный факт, что от него «не осталось почти ни одной письменной строчки, *нет и фотографии его*»<sup>5</sup>. Когда же Петербургский совет присяжных поверенных заказал лучшему из русских художников-портретистов В.А. Серову портрет Пассовера, Александр Яковлевич «наотрез отказался позировать художнику, а затем взял да и умер»<sup>6</sup>.

Скончался А.Я. Пассовер в Петербурге 21 апреля 1910 г., на 70-м году жизни.

<sup>1</sup> Винавер М.М. Указ. соч. С. 86.

<sup>2</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 207.

<sup>3</sup> Винавер М.М. Указ. соч. С. 84—85.

<sup>4</sup> Спасович В.Д. Застольные речи (1873—1901). Лейпциг, 1903 С. 69.

<sup>5</sup> Гессен И.В. Указ. соч. С. 151. Лишь в 1998 г. мне довелось разыскать в архиве А.Ф. Кони фотографию А.Я. Пассовера, на обороте которой значится: «Одесса. 13 сентября 1871 г.» См.: Троицкий Н.А. Находка в архиве А.Ф. Кони // Отечественные архивы. 1999. № 2.

<sup>6</sup> Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников. Л., 1971. Т. 2. С. 446 (мемуарная запись театрального критика И.С. Розенберга).



## НИКОЛАЙ ИОСИФОВИЧ ХОЛЕВА

(1858—1899)

Любимый ученик знаменитого Н.П. Карабчевского Николай Иосифович Холева<sup>1</sup> прожил недолгую, но яркую жизнь. Самобытный и популярный адвокат, он вместе с тем был активным общественником: почетным мировым судьей в Керчи и секретарем Комиссии по собиранию народных юридических обычаев при отделении этнографии Русского географического общества в Петербурге, издателем газеты «Ростовский-на-Дону листок» и казначеем Петербургского драматического театра А.С. Суворина.

Различные сведения о жизни и деятельности Холева можно найти в очерках Л.Д. Ляховецкого<sup>2</sup>, в воспоминаниях Н.П. Карабчевского, А.Р. Кугеля, М.И. Днепрова, И.И. Шнейдера<sup>3</sup>, в дневнике А.С. Суворина<sup>4</sup> и в некоторых других источниках. Но доныне нет о нем специального исследования, хотя бы краткой статьи...

Родился Николай Иосифович 4 декабря 1858 г. в Керчи Таврической губернии. В 1877 г. он окончил местную классическую гимназию и поступил на юридический факультет Петербургского университета. По окончании университета, 6 июня 1881 г., Холева был принят в помощники присяжного поверенного при Петербургской судебной палате под патронат Н.П. Карабчевского и ровно через пять лет, 6 июня 1886 г., — в присяжные поверенные<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> В разных источниках фамилия его пишется по-разному: Холева и Холев. На именных бланках самого адвоката значилось: Николай Иосифович Холева (ГАРФ. Ф. 827. Оп. 1. Д. 1137. Л. 1).

<sup>2</sup> См.: *Ляховецкий Л.Д.* Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897.

<sup>3</sup> См.: *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 1908; *Кугель А.Р.* Литературные воспоминания. Пг.; М., 1923; *Днепров М.И.* Полвека в оперетте. М., 1961; *Шнейдер И.И.* Записки старого москвича. М., 1970.

<sup>4</sup> См.: *Суворин А.С.* Дневник. 2-е изд., испр. и доп. Лондон — М., 2000 (ук.).

<sup>5</sup> См.: *Список* присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 5 марта 1890 г. СПб., 1890. С. 38.

Из политических процессов Холева успел выступить только на двух, будучи еще помощником присяжного поверенного, совсем молодым. 13—14 сентября 1882 г. Петербургский военно-окружной суд рассматривал дело об убийстве агента Департамента полиции Семена Прейма. Обвинялись в этом четверо народолюбцев — бывший студент Петербургского университета О.И. Нагорный и трое рабочих. Нагорного защищал присяжный поверенный Е.И. Кедрин (годом ранее — защитник Софьи Перовской), рабочего М.В. Кузюмкина — 23-летний Холева<sup>1</sup>. Процесс был закрытым, и о содержании защитительных речей адвокатов нет данных. Тячайший приговор обвиняемым был предрешен: Нагорному — смертная казнь через повешение, Кузюмкину — 15 лет каторги (Александр III заменил виселицу пожизненной каторгой, а каторжный срок для Кузюмкина сократил до 4 лет)<sup>2</sup>.

Через полгода Холева вновь выступил защитником на политическом процессе — на этот раз по очень громкому делу «17-ти» (ОППС, 28 марта — 5 апреля 1883 г.) и в звездной компании адвокатов, вместе с В.Д. Спасовичем, Д.В. Стасовым, П.А. Александровым, С.А. Андреевским, Н.П. Карабчевским, тем же Е.И. Кедриним и др. Николай Иосифович защищал агента Исполнительного комитета партии «Народная воля» П.С. Ивановскую — свояченицу В.Г. Короленко. Ей инкриминировалось, помимо общего для всех «17-ти» обвинения в принадлежности к «Народной воле», участие в делах подпольной типографии и динамитной лаборатории<sup>3</sup>. Найти для суда какие-либо обстоятельства, смягчающие вину Ивановской, Холева не мог, хотя и не скрывал симпатии к своей подзащитной: уже после того, как Ивановская была осуждена на вечную каторгу, Николай Иосифович принес ей в камеру несколько алых роз, спрятав их у себя в шляпе<sup>4</sup>.

С середины 1880-х годов политические процессы в России постепенно и надолго (до начала следующего века) прекратились — власть стала наказывать своих противников, нарушивших закон, без суда, в административном порядке<sup>5</sup>. Поэтому Холева не довелось больше выступать в судах по политическим делам. Но литературных процессов, всякого рода исков и, главным образом, уголовных дел в его адвокатской практике

<sup>1</sup> См.: РГВИА. Ф. 1351. Оп. 2. Д. 565. Л. 127. Остальных обвиняемых (Н.П. Евсева и Г.Г. Хохова) защищали малоизвестные адвокаты.

<sup>2</sup> См.: Правительственный вестник. 1882. № 208.

<sup>3</sup> См.: *Процесс «17-ти» народолюбцев в 1883 г.* // Былое. 1906. № 10. С. 241, 242.

<sup>4</sup> См.: *Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 2. С. 42.

<sup>5</sup> Александр III в 1887 г. так отреагировал на доклад министра внутренних дел графа Д.А. Толстого об арестах народолюбцев: «По-моему, лучше было бы узнавать от них все, что только возможно, не предавать их суду и просто без всякого шума отправлять в Шлиссельбургскую крепость. Это самое сильное и неприятное наказание» (А.И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; А., 1927. С. 360).

80—90-х годов было очень много. Вот свидетельство Л.Д. Ляховецкого: «В последние (т. е. 90-е. — Н. Т.) годы Холева часто появлялся защитником в литературных процессах, защищая по преступлениям печати редактора газеты «Петербургский листок», редакторов и сотрудников газет «Новости» и «Новое время». Этих процессов, из которых наиболее интересным представляется дело по обвинению редактора «Петербургского листка» директором Петербургского городского кредитного общества Шауманом в клевете и оскорблении в печати, было около 50-ти»<sup>1</sup>.

Такое внимание Холева к литературным процессам объясняется просто: он был вхож во многие редакции по дружбе или знакомству, а то и в качестве консультанта. «Не было, кажется, ни одного литературного органа (газеты), — вспоминал Н.П. Карабчевский, — который бы вполне безвозмездно не пользовался его юридическими услугами»<sup>2</sup>.

Среди уголовных дел, которыми занимался Холева, наибольший общественный резонанс вызвали, во-первых, дело в Петербургском окружном суде о матросе Яне Умбе, обвиненном в убийстве капитана и семи членов команды судна, а также два дела, рассмотренные Харьковским окружным судом — о массовых антицарских беспорядках с убийствами и поджогами в Ростове-на-Дону и об Александре Максименко в самом Харькове.

Вдова почетного потомственного гражданина Александра Егоровна Максименко обвинялась в отравлении собственного мужа. Дело ее слушалось в марте 1891 г. Защищал подсудимую Холева. Он начал свою защитительную речь очень расчетливо. Дело в том, что преступление, якобы совершенное Максименко, обросло слухами, которые еще до суда сложились в «общественное мнение», крайне пристрастное и негативное для подсудимой. Поэтому Холева, прежде всего, постарался нейтрализовать воздействие такого «мнения» на присяжных заседателей. «Нет ничего хуже для правосудия, — говорил Николай Иосифович, — когда судебному решению дела предшествует обсуждение его мнением *общественным*, которое, незаслуженно нося эту громкую кличку, сводится у нас обычно к мнению отдельных лиц. Эти самозванные судьи, стоящие за тридевять земель от дела, не знающие его подробностей, а зачастую и самой сути, сплошь и рядом бывают опрометчивы и ошибочны в своих поспешных заключениях, которые между тем нередко остаются, к сожалению, не без влияния и на настоящих судей. Первая моя просьба поэтому к вам — исключить всякую предвзятость, изгнать из вашей памяти все, что пришлось вам об этом деле читать и слышать, что узна-

<sup>1</sup> Ляховецкий Л.Д. Указ. соч. С. 285.

<sup>2</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. С. 150.

но вами извне, и приговор ваш основать, согласно закону и присяге, лишь на том, что сами вы видели и слышали здесь на суде»<sup>1</sup>.

Далее в яркой, капитально аргументированной речи Холева поставил под сомнение не только причастность его подзащитной к инкриминируемому ей преступлению, но и самый факт преступления, внушая при этом суду и присяжным, что для обвинительного приговора «необходимы твердые, бесспорные данные», а любое сомнение должно быть истолковано в пользу обвиняемого. Концовка его речи была столь же расчетливой и эффектной, как и ее начало:

«Три года назад она (А.Е. Максименко. — Н. Т.) была счастлива, любима, богата, здорова, цветуща... Взгляните же, что случилось с нею теперь: несчастна, одинока, разорена, обесславлена, заточена в тюрьму, где стала жертвою неумолимого недуга, и <...> с немым, окаменелым ужасом ждет решения своей горькой доли! Господа! Один римский император, подписывая смертный приговор, воскликнул: «О, как я несчастлив, что умею писать!» Я уверен, что старшина ваш, подписывая приговор оправдательный, будет чувствовать иное. Он скажет: «Как счастлив я, что умею писать!» Такого приговора я прошу, я ожидаю от вас как защитник, как человек, как гражданин!»

Авторитетный знаток судебного красноречия П.С. Пороховщиков (П. Сергеевич) счел неудачной заключительную фразу этой речи: «Не то — Цезарь в нашей совещательной комнате, не то — старшина присяжных в императорской тоге»<sup>2</sup>. Но присяжные заседатели восприняли всю речь Холева одобрительно и оправдали Александру Максименко.

Лучшей аттестацией для Холева как адвоката и человека может служить мнение о нем его наставника по профессии Н.П. Карабчевского: характерные черты Николая Иосифовича — «удивительная усидчивость, предприимчивая энергия и беззаветно добросовестное отношение к своим профессиональным обязанностям», а его речь по делу Максименко — «образец самой тщательной адвокатской работы, достойной подражания»<sup>3</sup>. Возможно, Карабчевский здесь не вполне объективен в силу особой личной симпатии к Холеву, но ведь и эта симпатия тоже характеризует личность Николая Иосифовича: «В течение пяти лет своего стажа (необходимого для вступления в присяжные поверенные. — Н. Т.) он был моим помощником, и потом навсегда сохранил ко мне чувства самого преданного и внимательного расположения. Я, в свою очередь, лю-

<sup>1</sup> Полный текст защитительной речи Н.И. Холева по делу А.Е. Максименко см. в указ. соч. Л.Д. Ляховского. С. 287—324. См. также о ней: *Сергеевич П.* [Пороховщиков П.С.]. Искусство речи на суде. М., 1988. С. 52—53.

<sup>2</sup> *Сергеевич П.* Указ. соч. С. 53.

<sup>3</sup> *Карабчевский Н.П.* Около правосудия. С. 149.

бил его с такою нежностью, с какою старший любит младшего друга и товарища»<sup>1</sup>.

Выдающимся адвокатом считал Николая Иосифовича и такой авторитет, как А.Д. Ляховецкий: «Если среди великанов русской адвокатуры Холева и не может приковать к себе внимание наблюдателя, то, с другой стороны, не может и не выделиться из толпы адвокатов. <...> В судах его слушают внимательно, как адвоката солидного. Дела, которые он ведет, зачастую попадают на газетные столбцы и читаются публично. Имя его много лет повторяется в печати и, бесспорно, приобрело широкую известность. <...> Большое число удачно проведенных серьезных дел, в которых сохранились следы его добросовестной работы, дает ему право на видное место в русской адвокатуре»<sup>2</sup>.

Диссонирует с такими отзывами лишь мнение о Николае Иосифовиче театрального критика А.Р. Кугеля: «Он был добрый малый, но прустой человек, и я всегда удивлялся на примере Холева тому, как мало нужно для адвокатской славы»<sup>3</sup>. Здесь со стороны Кугеля возможна ревность или зависть, поскольку он сам считал адвокатуру своей «соблазнительной мечтой» и был недолгое время (примерно в 1887—1888 гг.) адвокатом, но неудачливым<sup>4</sup>.

В знаменитом словаре-альбоме П.К. Мартянова Холева представлен рекламно:

Адвокат неугомонный,  
Идол уголовных дам,  
Где процесс сенсационный, —  
Дела мученик — он там<sup>5</sup>.

«Идолом уголовных дам» Холева назван здесь не случайно. «Он очень нравился женщинам, — вспоминал о нем А.Р. Кугель, — так как был красив, гибок, строен; глаза у него были что две греческие маслины, и весь он как-то сверкал на солнце жирным блеском, как умасленный метатель диска на олимпийских играх»<sup>6</sup>. О том, как Холева «нравился женщинам», говорит такой факт: дочь А.С. Суворина и жена известного адвоката А.П. Коломнина Александра Алексеевна сбежала от мужа из Эссентуков, где отдыхала тогда вся семья Сувориных, в Кисловодск к Николаю Иосифовичу<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. С. 149.

<sup>2</sup> Ляховецкий А.Д. Указ. соч. С. 285—286.

<sup>3</sup> Кугель А.Р. Указ. соч. С. 154.

<sup>4</sup> См. там же. С. 10, 51—52.

<sup>5</sup> См.: Мартянов П.К. Цвет нашей интеллигенции. Словарь-альбом русских деятелей XIX века. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1893. С. 279.

<sup>6</sup> Кугель А.Р. Указ. соч. С. 154.

<sup>7</sup> См. об этом: Суворин А.С. Дневник. С. 572.

Другой роман Холева — с замечательной русской певицей Анастасией Дмитриевной Вьяльцевой — вошел в историю. По воспоминаниям А.Р. Кугеля и еще одного театрального критика И.И. Шнейдера, Вьяльцева поначалу служила «в горничных» у Холева<sup>1</sup>. Вот как вспоминал об этом близкий знакомый с Холева (хотя и не любивший его) Кугель: «Он жил *marriage* с Вьяльцевой, и своей карьерой она обязана ему. Помню мое изумление, когда после сытного обеда (Вьяльцева была мастерица по этой части) Холева сказал: «Вот Сонки (профессор пения) находит у Насти голос... Ну-ка, Настя, спой!» Настя не заставила себя долго просить и что-то завывала. Это было так ужасно, что надобно было все обаяние вьяльцевской улыбки, чтобы смягчить впечатление. Сонки действительно сделал чудо»<sup>3</sup>.

Очень симпатичной чертой Холева было его внимание к человеческой *личности*, независимо от ее положения в обществе. Весь он как гуманист — в следующей его тираде из речи по делу А.Е. Максименко: «К сожалению, с некоторых пор в наши судебные нравы внедрилась пагубная и зловредная манера — под видом «изучения личности», «характеристики подсудимого», так чернить обвиняемых, что нередко эти пресловутые «характеристики» оказываются нестерпимо обиднее и тяжелее самого обвинения»<sup>4</sup>.

В 1899 г. Холева, давно страдавший от физических, умственных и нервных перегрузок всяческими делами, тяжело заболел. «Когда я виделся с ним в конце октября, — вспоминал Н.П. Карабчевский, — он, рыдая, высказал мне свои предчувствия: «У меня было четыре припадка афазии (потери речи), я не могу, не в силах больше работать, а работать должен, я весь связан — у меня множество клиентов, дела дирекции Литературно-артистического кружка<sup>5</sup>, личные денежные дела в ужасном положении, я весь словно веревками связан и нет сил разорвать их. <...> Я умру скоро, до Нового года». Предчувствия его сбылись. Он чувствовал, что, как конь, загнанный на быстром ходу, идет уже из последних сил. Именно — «загнанный»<sup>6</sup>.

Николай Иосифович Холева умер 21 ноября 1899 г. в петербургской клинике профессора М.В. Бехтерева «после двух недель тяжелых мозговых страданий»<sup>7</sup>. Ему шел тогда 41-й год.

<sup>1</sup> См.: Шнейдер И.И. Указ. соч. С. 135.

<sup>2</sup> Супружеская жизнь (фр.).

<sup>3</sup> Кугель А.Р. Указ. соч. С. 155. См. также: Дистров М.И. Указ. соч. С. 99.

<sup>4</sup> Цит. по: Ахховецкий А.Д. Указ. соч. С. 301.

<sup>5</sup> Имеется в виду Литературно-артистический кружок, при котором в 1895 г. был организован театр А.С. Суворина.

<sup>6</sup> Карабчевский Н.П. Около правосудия. С. 148—149.

<sup>7</sup> Там же. С. 148.



## ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ МАЛЯНТОВИЧ

(1870—1940)

Павел Николаевич Малянтович известен как последний министр юстиции Временного правительства России, арестованный вместе с другими «временными» в ночь исторического штурма Зимнего дворца большевиками. Но к тому времени, когда он стал министром (25 сентября 1917 г.), в его активе была уже яркая карьера и высокая репутация юриста, адвоката.

Трагический конец его насыщенной историческими, а то и судьбоносными событиями жизни у нас долгое время замалчивался. Лишь в начале 1990-х годов известный литератор и юрист Аркадий Ваксберг обнаружил подробности расправы сталинских чекистов с министром из «бывших»<sup>1</sup>. Обобщающего, хотя бы краткого, биографического исследования о Малянтовиче до сих пор нет, хотя его жизнь и деятельность до победы советской власти в России нашли отражение в разнобразных источниках, включая его собственные воспоминания...<sup>2</sup>

Малянтович родился в 1870 г. в Витебске, гимназию окончил в Смоленске, затем стал студентом юридического факультета Московского университета, но в 1889 г. за участие в студенческих волнениях по указу московского генерал-губернатора князя В.А. Долгорукова был исключен из университета и выслан из Москвы с воспрещением жительства в Москве и Московской губернии<sup>3</sup>. Диплом юриста он получил уже

<sup>1</sup> Ваксберг А.И. Царица доказательств. Вышинский и его жертвы. М., 1992. С. 26—31.

<sup>2</sup> См.: Малянтович П.Н. Революция и правосудие. Несколько мыслей и воспоминаний. Пг., 1918; Он же. В Зимнем дворце 25—26 октября 1917 г. Из воспоминаний // Былое. 1918. № 12; Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931; Демьянов А.А. Моя служба при Временном правительстве // Архив русской революции. М., 1991. Т. 4; Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906—1917 гг. М., 1996.

<sup>3</sup> По данным, которые любезно сообщила мне дочь П.Н. Малянтовича Галли Павловна Шекавникова (1908—1981).

в Дерптском университете, после чего — в 1893 г., когда ему было разрешено вернуться в Москву, — вступил в московскую адвокатуру помощником присяжного поверенного (с 1898 г. Павел Николаевич — присяжный поверенный при Московской судебной палате)<sup>1</sup>.

Как адвокат Малянтович составил себе громкое имя главным образом на политических процессах. Уже весной (18—23 мая) 1899 г., едва утвердившись в статусе присяжного поверенного, он выступил защитником на крупном процессе в Московской судебной палате по делу о «сопротивлении властям» рабочих ткацкой фабрики Викулы Морозова. Здесь он впервые проявил свой талант юриста-аналитика, тонко опровергнув сам подход обвинения к делам о рабочих или крестьянских «беспорядках»: «участие в толпе по смыслу 269 — 1 ст. [Уложения о наказаниях]<sup>2</sup> рассматривается как простое физическое нахождение в ней, и тогда на счет такого «участника» относится все, что натворила толпа», а между тем «уголовное право не знает толпы как субъекта преступления»<sup>3</sup>.

Благодаря искусной защите Малянтовича и его коллег-адвокатов более трети обвиняемых по морозовскому делу (37 человек из 90) были судом оправданы.

Вместе с Малянтовичем на Морозовском процессе выступали в качестве защитников Н.К. Муравьев, В.А. Маклаков, Н.В. Тесленко и М.Ф. Ходасевич. Именно эта пятерка положила начало организации т. н. «молодой адвокатуры»<sup>4</sup>, создав в 1895—1896 гг. первый в России кружок политических защитников<sup>5</sup>. Участники кружка — среди них и будущие кадеты Маклаков, Тесленко, М.Л. Мандельштам, и большевики В.Л. Шанцер (Марат), Д.И. Курский (впоследствии нарком юстиции РСФСР, первый советский генеральный прокурор), и эсер П.С. Ширский — были едины как защитники права и противники самодержавного произвола и лишь в горниле революции 1905—1907 гг.

<sup>1</sup> См.: *Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 г.* М., 1917. С. 121.

<sup>2</sup> Т. е. «участие в публичном скопище, учинившем соединенными силами насилие» (в данном случае — над лицами из фабричной администрации и полиции): *Морозовское дело // Судебные драмы.* 1901. № 3. Прил. 6. С. 8.

<sup>3</sup> Там же. С. 53.

<sup>4</sup> Подробно о кружках «молодой адвокатуры» (московском, петербургском, периферийных) см.: *История русской адвокатуры.* М., 1914. Т. 1. Ч. 6. Гл. 27; *Розенталь Е.И.* Московский кружок молодых адвокатов // *Из истории России. Материалы и исследования.* М., 1995.

<sup>5</sup> См.: ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 284. Л. 41 (свидетельство П.Н. Малянтовича). Н.К. Муравьев датировал образование московского кружка подзащиты одним 1896 г. (А.Н. Толстой и его близкие. М., 1986. С. 298), что, может быть, точнее, поскольку Муравьев лишь осенью 1896 г. стал помощником присяжного поверенного (Там же. С. 297).

«разбрелись по партиям, начиная от правых кадетов и кончая большевиками»<sup>1</sup>.

До 1905 г. Малянтович вместе с другими кружковцами объездил пол-России, участвуя в коллективных защитах на политических процессах по делам об антиправительственных демонстрациях в Сормове<sup>2</sup> и Нижнем Новгороде (1902), о рабочих «беспорядках» и «сопротивлении властям» на фабрике Хлудовых в Рязанской губернии и в станице Тихорецкой на Кубани (1903).

В каждом из этих дел Павел Николаевич искусно разоблачал натяжки обвинения вроде интерпретации *возгласов* «Долой самодержавие!» как «публичных речей» (в сормовском деле), а *надписи* «Долой самодержавие!» — как «составления и распространения сочинений» (в деле нижегородском)<sup>3</sup>. Смело и, как всегда, аргументированно «разбивал [он] постановку обвинения» в нашумевшем на всю Россию тихорецком деле о расправе с мирным протестом рабочих, когда пятеро протестантов были убиты и 20 тяжело ранены (в числе раненых был 9-летний мальчик; «одна женщина поднесла его к Хелмицкому (полковнику. — Н. Т.) с криком: «На, ешь, руби на котлеты!»)<sup>4</sup>.

В то же время Малянтович и его товарищи по кружку политзащиты не боялись поддержать антиправительственные убеждения своих подзащитных. «Те, кого мы называем политическими защитниками, не были просто адвокатами на политических процессах, — вспоминал Малянтович много лет спустя. — Они сознательно поддерживали революцию»<sup>5</sup>. Сам Павел Николаевич накануне революции 1905—1907 гг., по данным царской охранки, выступал на собраниях адвокатов в Москве с речами «радикального направления» и под возгласы «Долой самодержавие!» предлагал резолюции с требованиями «представительного образа правления, свободы личности, мысли, слова, печати, вероисповеданий, собраний, союзов»<sup>6</sup>.

Летом 1905 г. Малянтович, вместе с Н.К. Муравьевым, В.А. Маклаковым, М.Л. Мандельштамом, Н.Д. Соколовым, защищал социал-демократов — видного большевика, члена ЦК РСДРП Н.Э. Баумана, дочь патриарха российской адвокатуры Д.В. Стасова Елену Стасову (тоже члена ЦК), жену Баумана К.П. Медведеву и др. «Все мы, — вспоминал

<sup>1</sup> Мандельштам М.А. Указ. соч. С. 52, 57.

<sup>2</sup> Защищать сормовских демонстрантов пригласил Малянтовича, Муравьева, Тесленко и Маклакова А.М. Горький (см.: Заломов П.А. Запрещенные люди. М., 1985. С. 330).

<sup>3</sup> См.: Право. 1903. № 8. С. 546.

<sup>4</sup> Тихорецкое дело // Революционная Россия. 1903. № 23. С. 10.

<sup>5</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 274. Л. 25 об.

<sup>6</sup> ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 98, 237.

Мандельштам, — собрались в маленькой тогда квартире большого адвоката П.Н. Малянтовича для совещания и выработали общую линию защиты: «Мы все защищаем всех. <...> Делим защиту не по личностям обвиняемых, а по темам, которые процесс затрагивал»<sup>1</sup>. Было решено квалифицировать дело не по 102 ст., в которой речь шла о «преступном сообществе», готовящем непосредственно восстание (на этом строилось обвинение), а по ст. 126: идейная подготовка, своего рода «подготовительный класс для революции»<sup>2</sup>. Процесс открылся в Московской судебной палате 2 августа 1905 г., но в условиях бурного революционного подъема дело в тот же день было отложено с освобождением всех обвиняемых<sup>3</sup>.

В последующие годы, уже после того как участники первого кружка политических защитников «разбрелись по партиям», Малянтович, оставаясь *беспартийным*, продолжал выступать защитником на политических процессах. Среди них были выдающиеся дела Петербургского Совета рабочих депутатов и восставших моряков крейсера «Память Азова» (1906), Московского комитета РСДРП (1909), а в числе подзащитных Малянтовича — такие известные революционеры, как Л.Д. Троцкий, В.В. Воровский, Н.А. Рожков.

Смолоду «крайне левый» по взглядам, Малянтович до осени 1917 г. не вступал ни в какие партии, хотя сочувствовал и содействовал всякой оппозиции. В 1905 г. его квартира в Москве служила явкой для Московского комитета РСДРП и охранялась революционными дружинниками<sup>4</sup>. Сам Малянтович участвовал вместе с Л.Б. Красиным и А.М. Горьким в литературно-финансовой секции этого комитета. Адвоката-большевика В.А. Восходова он познакомил с корифеем русской оперной сцены Л.В. Собиновым, от которого Восходов получил «дар в 1000 рублей для партии»<sup>5</sup>. Именно Малянтович выиграл по суду у наследников фабриканта С.Т. Морозова 100 тыс. рублей, которые Морозов завещал М.Ф. Андреевой<sup>6</sup> для партии большевиков<sup>7</sup>. С большевиком В.А. Шанцером (Ма-

<sup>1</sup> Мандельштам М.А. Указ. соч. С. 177.

<sup>2</sup> Там же. С. 181.

<sup>3</sup> См. там же. С. 191. Н.Э. Бауман, освобожденный из тюрьмы 18 октября 1905 г., во время антиправительственной демонстрации, был убит черносотенцем.

<sup>4</sup> По данным Г.П. Шелковниковой.

<sup>5</sup> ЛсониД Витальевич Собинов. М., 1970. Т. 1: Письма. С. 719. Малянтович был другом Собинова (см. его письмо к Собинову от 20 февраля 1907 г.: РГАЛИ. Ф. 864. Оп. 1. Д. 600).

<sup>6</sup> А н д р е е в а Мария Федоровна (1868—1953) — в 1898—1905 гг. актриса МХТ, с 1904 г. член РСДРП, издатель большевистской газеты «Новая жизнь», гражданская жена А.М. Горького.

<sup>7</sup> См. об этом: Андреева М.Ф. Переписка. Воспоминания. Статьи. Документы. 3-е изд. М., 1968. С. 134, 611.

ратом) Малянтович был в дружеских отношениях: устроил Шанцера к себе помощником присяжного поверенного, помогал ему материально, когда тот был и на воле, и в сибирской ссылке, а после гибели Шанцера много лет поддерживал его семью, взял на себя воспитание двоих его детей<sup>1</sup>.

Не случайно такие разные люди, как большевик Ф.Ф. Раскольников и меньшевик О.А. Ерманский, считали Малянтовича до 1917 г. большевиком<sup>2</sup>. В действительности же он всегда оставался беспартийным и, только принимая от премьер-министра Временного правительства А.Ф. Керенского должность министра юстиции, вступил в партию меньшевиков (как полагает А.И. Ваксберг, по совету министра внутренних дел А.М. Никитина<sup>3</sup>, своего давнего знакомого, в прошлом тоже адвоката).

Последний из шести министров юстиции Временного правительства<sup>4</sup>, Малянтович возглавлял министерство ровно месяц, *последний* месяц жизни самого правительства, с 25 сентября по 25 октября 1917 г. Став министром, он заявил о своем намерении прекратить дело против большевиков, возбужденное Кабинетом министров в июле, ибо, мол, «большевизм есть политическое учение <...> и как таковое не подлежит, как и всякое другое учение, какому бы то ни было преследованию со стороны власти». Оба заместителя Малянтовича, А.А. Демьянов и Б.Я. Вальц (в прошлом, как и сам Малянтович, присяжные поверенные), буквально восстали против такого намерения и даже пригрозили министру своей отставкой, ссылаясь на то, что большевиков преследуют (совершенно законно) не за их «учение», а за «результат их действий, направленных к свержению существующего политического строя в России»<sup>5</sup>.

Малянтович уступил и вскоре, выполняя указание премьера А.Ф. Керенского, разослал на места прокурорам следующую телеграмму: «Постановлением Петроградской следственной власти Ульянов-Ленин В.И. подлежит аресту в качестве обвиняемого по делу о вооруженном выступлении 3—5 июля в Петрограде. Ввиду сего поручаю Вам распорядиться о немедленном исполнении этого постановления в случае появления названного лица в пределах вверенного Вам округа. О последующем донести. Министр юстиции П.Н. Малянтович»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Виноградов С.Ф.* Его звали Маратом. 2-е изд. М., 1980. С. 67.

<sup>2</sup> См.: *Ерманский О.А.* Из пережитого (1887—1921). М.; Л., 1927. С. 117; *Раскольников Ф.Ф.* О времени и о себе. Л., 1989. С. 269.

<sup>3</sup> См.: *Ваксберг А.И.* Указ. соч. С. 28.

<sup>4</sup> Напомню читателю, что пятеро из них были адвокаты: А.Ф. Керенский, П.Н. Переверзев, А.С. Зарудный, А.А. Демьянов, П.Н. Малянтович.

<sup>5</sup> *Демьянов А.А.* Указ. соч. С. 115.

<sup>6</sup> Цит. по: *Звягинцев А.Г., Орлов Ю.Г.* Указ. соч. С. 342.

Среди тех, кто заботился тогда об исполнении этого приказа, был председатель Якиманской районной управы в Москве, тоже меньшевик Андрей Януарьевич Вышинский, которого летом 1915 г. преуспевающий Малянтович вызволил из нужды, взяв его, безработного, неприкаянного, к себе в помощники<sup>1</sup>. Вышинскому этот факт сталинские опричники не напоминали. Малянтовичу же — много лет спустя — припомнили.

Сам Ленин, конечно же осведомленный о заслугах Малянтовича — адвоката перед революцией, не поставил в вину министру Малянтовичу его октябрьскую служебную акцию. Напротив, как только Малянтович вместе с другими министрами Временного правительства был арестован, Ленин предложил Петроградскому Совету немедленно освободить Малянтовича из тюрьмы, что и было сделано<sup>2</sup>.

После освобождения Малянтович получил от наркома юстиции Д.И. Курского и наркома просвещения А.В. Луначарского «мандаты, гарантирующие неприкосновенность личности», а «три года спустя Ленин распорядился привлечь его к работе в Главполипросвете»<sup>3</sup>. С 1921 г. Малянтович служил юрисконсультом в Президиуме ВСНХ под непосредственным руководством Ф.Э. Дзержинского<sup>4</sup>. Словом, первое время после октября 1917 г. он не мог жаловаться на свою судьбу. Писатель И.А. Бунин, крайне враждебно воспринявший Октябрьскую революцию, оставил в дневнике за 12 марта 1918 г. такую запись о встрече с Малянтовичем: «И таким до сих пор — праздник, с них все — как с гуся вода. Розовый, оживленный»<sup>5</sup>.

С 1922 г., казалось, Малянтович стал переживать вторую молодость и новое восхождение к адвокатской славе. По приглашению того же Д.И. Курского и председателя Московского Совета, члена Политбюро ЦК РКП(б) Л.Б. Каменева он принял участие в работе инициативной группы «из левых элементов дореволюционной адвокатуры», которая подготовила по поручению советского правительства проект Положения о новой адвокатуре. Перед тем как доложить проект Совету народных комиссаров, инициативная группа обсудила его «в квартире П.Н. Малянтовича»<sup>6</sup>.

<sup>1</sup> См.: *Ваксберг А.И.* Указ. соч. С. 26—27. Документально засвидетельствована точная дата, когда Вышинский оформился помощником присяжного поверенного Малянтовича: 8 июля 1915 г. (см.: *Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников* к 15 ноября 1916 г. С. 121).

<sup>2</sup> См.: *Ваксберг А.И.* Указ. соч. С. 29—30. Об аресте министров Временного правительства см.: *Малянтович П.Н.* В Зимнем дворце 25—26 октября 1917 г. // *Былое.* 1918. № 12.

<sup>3</sup> *Ваксберг А.И.* Указ. соч. С. 30.

<sup>4</sup> По данным Г.П. Шелковниковой.

<sup>5</sup> *Бунин И.А.* Окаянные дни. М., 1991. С. 38.

<sup>6</sup> *Муравьев Н.К.* Автобиографическая заметка // *Стой в завете своем...* М., 2004. С. 109.

Но в 30-е годы Малянтович стал жертвой сталинских репрессий. Первый раз он был арестован и 10 мая 1931 г. приговорен к 10 годам содержания в ГУЛАГе за былую принадлежность к руководству партии меньшевиков. Тогда его спас своими хлопотами перед советскими верхами Н.К. Муравьев: 20 мая ОГПУ постановило Малянтовича «из-под стражи освободить, лишить права проживания в 12 пунктах сроком на три года»<sup>1</sup>. На время Павел Николаевич мог успокоиться.

Гром над головой Малянтовича грянул в страшном 1937 г. 1 ноября он был арестован, и только теперь, благодаря разысканиям А.И. Ваксберга, мы узнаем, как он провел последние, воистину трагические годы своей жизни. «Его бросили на Лубянку, оттуда — в камеру пыток Лефортовской тюрьмы, потом в Бутырку. Было намерение объявить его руководителем «заговора» в московской адвокатуре. <...> Тяжелобольной, 68-летний арестант героически выдержал все пытки и ни в чем виновным себя не признал. Его истязали более двух лет — и все напрасно»<sup>2</sup>. А.И. Ваксберг приводит следующую выдержку из протокола допроса Малянтовича в НКВД от 14 января 1939 г.:

*«Следователь Миронович. Намерены ли вы сегодня дать показания о своей контрреволюционной деятельности?»*

*Малянтович. Я намерен сегодня сказать то же, что скажу завтра и послезавтра, — что никакой контрреволюционной деятельностью я не занимался, ни в каких контрреволюционных организациях не состоял и ими не руководил»<sup>3</sup>.*

Что давало тогда силы Малянтовичу? Должно быть, сознание своей невиновности и надежда профессионального юриста на правовые гарантии советской власти, которой он честно служил, а также на помощь со стороны А.Я. Вышинского. «Малянтович верил в то, что его бывший помощник, человек, которого он вытаскивал из беды, ставший, как некогда и он, во главе прокуратуры страны, не даст свершиться расправе. Писал Вышинскому он сам — из тюрьмы. Писала жена — ослепшая и прикованная к постели Анжелика Павловна Кранихфельд-Малянтович<sup>4</sup>. <...> Писала дочь Галли Павловна Малянтович-Шелковникова. Прокурор СССР А.Я. Вышинский повелел не отвечать на эти письма. <...> 22 января 1940 г. после 15-минутного рассмотре-

<sup>1</sup> Стой в завете своем... С. 150—151.

<sup>2</sup> Ваксберг А.И. Указ. соч. С. 30.

<sup>3</sup> Там же.

<sup>4</sup> А.П. Кранихфельд-Малянтович (урожденная Дара, гречанка) в первом браке была замужем за публицистом, либеральным народником и легальным марксистом В.П. Кранихфельдом (1865—1918). См. о ней: *Меньшиков Л.П. Охрана и революция*. М., 1925. Ч. 1. С. 409; *Дмитриевы В.И. Так было*. М., 1930. С. 312.

ния дела Малянтовича расстреляли. Вместе с ним погибли два его сына, брат (известный адвокат Всеволод Николаевич Малянтович. — Н. Т.) и семья брата»<sup>1</sup>.

После смерти Сталина ряд старых большевиков и юристов (В.П. Антонов-Саратовский, П.И. Воеводин, А.Н. Трайнин), Е.П. Пешкова, С.Я. Маршак вместе с Г.П. Шелковниковой долго боролись за восстановление доброго имени П.Н. Малянтовича (Вышинский участвовать в этом не пожелал). В 1959 г. Малянтович был формально реабилитирован, но до сих пор имя его замалчивается. Нельзя не согласиться с А.И. Ваксбергом в том, что вся вообще судьба Малянтовича — это «готовая документальная драма с поразительными зигзагами, на которые была способна наша эпоха»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Ваксберг А.И. Указ. соч. С. 30—31.

<sup>2</sup> Там же. С. 29.



А.Я. Пассовер



А.А. Ольхин



Редакция журнала «Вестник Европы»



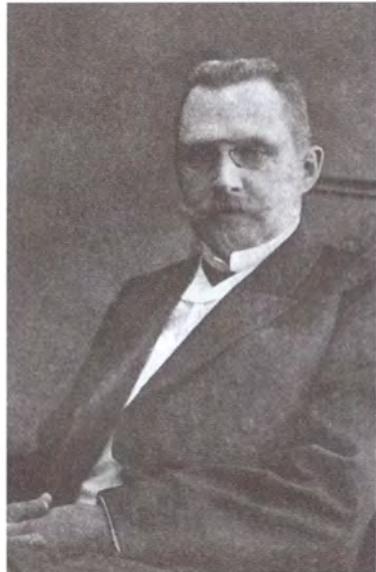
Л.А. Куперник



Н.И. Холева



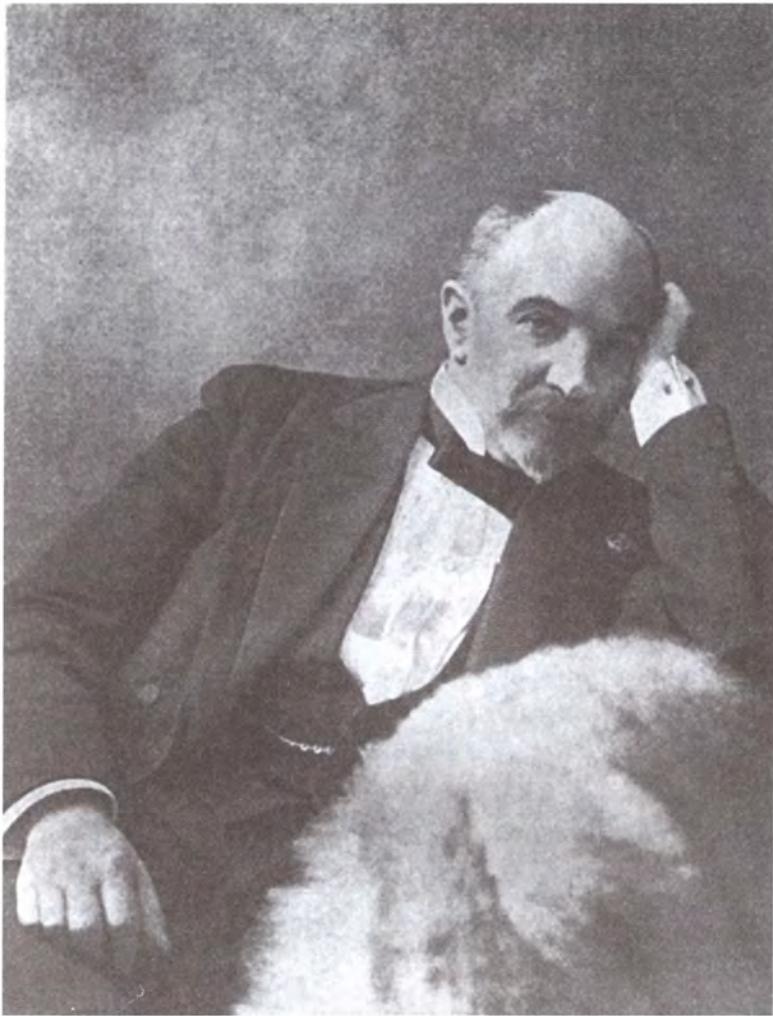
А.С. Зрудный



Н.К. Муравьев



О.О. Грузенберг с женой



П.Н. Малянтович



Молодые адвокаты с Ф.Н. Плевако



М.Л. Мандельштам



Б.Г. Лопатин-Барт



Защита на процессе П.П. Шмидта



Зинаида Ризберг

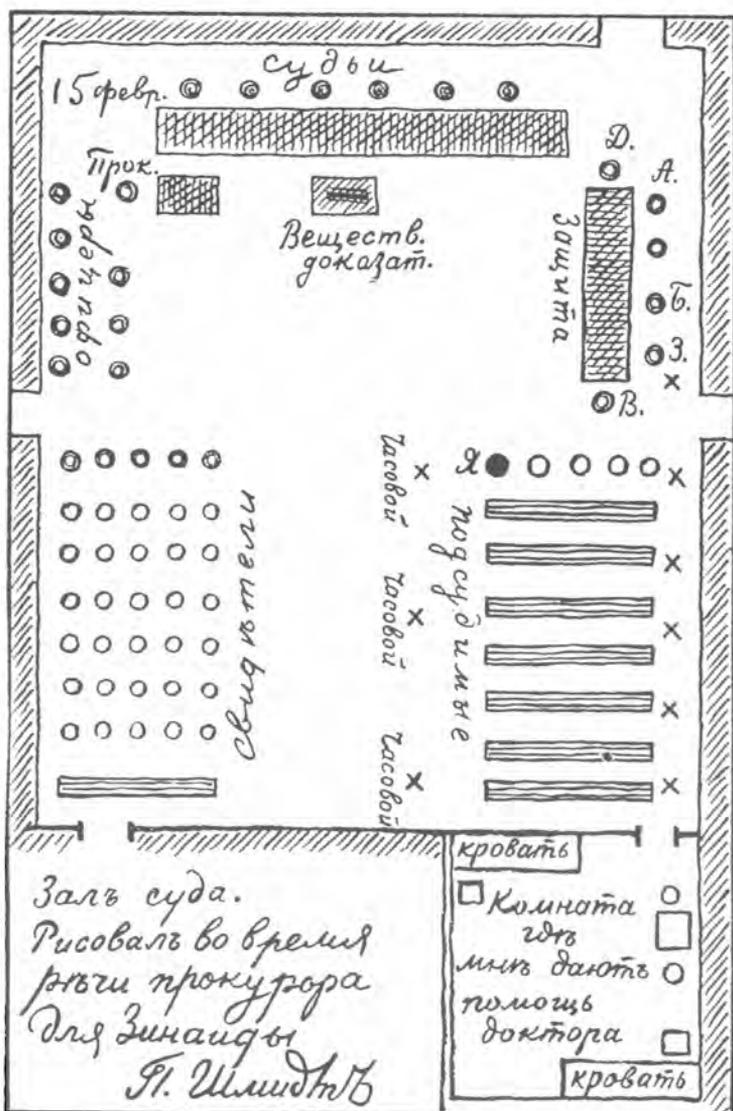


Рис. 9. Рисунок П. П. Шмидта, сделанный им в зале Севастопольского военно-морского суда 15 февраля 1906 г.

Из книги «Лейтенант П. П. Шмидт. Письма. Воспоминания. Документы», «Новая Москва» 1922 г. Приложения



## МИХАИЛ ЛЬВОВИЧ МАНДЕЛЬШТАМ

(1866—1939)

Среди самых ярких звезд «молодой адвокатуры» конца XIX — начала XX в. блистал и Михаил Львович (Моисей Лейбович) Мандельштам — высококлассный правовед-криминалист, судебный оратор и политик (член ЦК Конституционно-демократической партии), литератор-мемуарист, разделивший в конце концов — при Сталине — судьбу П.Н. Малянтовича.

Как и о Малянтовиче, о Мандельштаме тоже нет поныне хотя бы краткого обобщающе-биографического исследования, хотя о нем свидетельствуют разнообразные — не только архивные, но и опубликованные источники, включая воспоминания его коллег и современников<sup>1</sup>, а главным образом, его собственные, редкоотносительно содержательные мемуары.<sup>2</sup>

Михаил Львович Мандельштам родился в 1866 г. в Казани. Его отец, известный в городе детский врач, лечил юного Н.Э. Баумана — впоследствии видного революционера, большевика, которого сам Михаил Львович через много лет (в 1905 г.) защищал на судебном процессе<sup>3</sup>.

В 1883 г. Мандельштам поступил на юридический факультет Петербургского университета и познакомился там со своим однокурсником, студентом естественного факультета А.И. Ульяновым (старшим братом В.И. Ленина)<sup>4</sup>. Вместе с Ульяновым, его сестрой Анной, П.Я. Шевыревым, З.А. Венгеровой (младшей сестрой библиографа С.А. Венгерова) он входил в депутацию от петербургского студенчества, которая привет-

<sup>1</sup> См.: *Васильченко С.Ф.* Карьера подпольщика. 6-е изд. М., 1933; *Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954; *Милюков П.Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1.

<sup>2</sup> См.: *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.

<sup>3</sup> См.: *Мандельштам М.Л.* Н.Э. Бауман (по воспоминаниям его защитника) // *Былое*. 1926. № 1. С. 110.

<sup>4</sup> См.: *Ленин в Самаре (1889—1893)*. М., 1933. С. 95.

ствовала М.Е. Салтыкова-Щедрина 8 ноября 1886 г., в день именин писателя, у него дома, причем с приветственной речью выступил именно Мандельштам. «Ульянов и Шевырев указали на него, — вспоминала об этом Венгерова. — «Он юрист, известный у нас оратор, речь сказать — это дело»<sup>1</sup>.

Вскоре после этого, 17 ноября 1886 г., снова вместе с А.И. Ульяновым и П.Я. Шевыревым (они в то время создавали террористическую фракцию партии «Народная воля» и через полгода будут казнены), Мандельштам, хотя и не был членом фракции, принял участие в шумевшей Добролюбовской антиправительственной демонстрации у могилы Н.А. Добролюбова на Волковом кладбище в Петербурге. За это он был арестован и выслан «на родину», в Казань<sup>2</sup>. Его причастность к «Народной воле» не была установлена, но сугубая неблагонадежность стала для властей фактом: в феврале 1888 г. он был вновь арестован и выслан на два года в Симбирск<sup>3</sup>.

Революционером Мандельштам не стал, но пережил в юные годы увлечение сначала народничеством, а затем марксизмом. Он был тогда дружен с одним из пионеров марксизма в России Н.Е. Федосеевым, который «в ранней молодости жил в семье Мандельштамов»<sup>4</sup>, на одной из нелегальных лекций Мандельштама в Казани впервые услышал о Марксе 17-летний Ульянов (Ленин)<sup>5</sup>.

С конца 1880-х годов Мандельштам надолго оказался под негласным надзором полиции<sup>6</sup>, причем его политическую оппозиционность каратели явно преувеличивали. Так, шеф заграничной агентуры Департамента полиции А.М. Гартинг<sup>7</sup>, следивший за поездкой Мандельштама по Франции весной 1906 г., заключил, что Мандельштам «близко сошелся с Михаилом Гоцем»<sup>8</sup> и чуть ли не целиком разделяет в настоя-

<sup>1</sup> М.Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. М., 1975. Т. 2. С. 204.

<sup>2</sup> См.: А.И. Ульянов и дело 1 марта 1887 г. М.; Л., 1927. С. 103—105.

<sup>3</sup> Из воспоминаний М.А. Мандельштама, записанных в кн.: Зильберштейн И.С. Молодой Ленин. По воспоминаниям современников и документам эпохи // Москва. 1958. № 4. С. 55.

<sup>4</sup> Там же. С. 35.

<sup>5</sup> Из рассказов тов. Ленина о его вступлении в революционное движение // Рабочая Москва. 1924. 22 апреля.

<sup>6</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 387: «О присяжном поверенном Михаиле Львове (Моисее Лейбове) Мандельштаме».

<sup>7</sup> Возглавлявший в 1905—1909 гг. российскую тайную полицию за границей Аркадий Михайлович фон Гартинг (настоящие имя и фамилия Авраам-Аарон Геккельман, он же Ландезен, Бэр и Петровский) в прошлом был народником-провокатором. Завербован охранкой в 1883 г. (см. о нем: Падение царского режима. М.; Л., 1927. Т. 7. С. 322).

<sup>8</sup> Гоц Михаил Рафаилович (1866—1906) — один из основателей и член ЦК партии социалистов-революционеров. Департамент полиции считал его «самым опасным человеком» в партии.

щее время убеждения партии социалистов-революционеров»<sup>1</sup>. В действительности Мандельштам (хотя он и мог быть лично знаком с М.Р. Гоцем) еще в октябре 1905 г. стал членом ЦК несравнимо более умеренной Конституционно-демократической партии (кадетов)<sup>2</sup>. Правда, там он оказался излишне левым и в 1907 г. вышел из ЦК по несогласию с партией. Но вплоть до 1917 г. держал себя, по его собственному выражению, «спиной к революции»<sup>3</sup>.

Блестяще эрудированный юрист, присяжный поверенный с 1902 г.<sup>4</sup>, Мандельштам к тому же еще со студенческих лет имел репутацию выдающегося оратора. Рослый, статный, красивый brunet с бурным темпераментом и могучим голосом, он был зажигательно красноречив и производил сильное впечатление на любую аудиторию. Своей оппозиции к самодержавию он никогда не скрывал, скорее даже бравировал ею. Поэтому «государственные преступники» охотно выбирали его своим защитником. Он, со своей стороны, рано выбрал для себя амплуа именно политического защитника и успел выступить в этом амплуа еще до того, как примкнул в 1903 г. к первому из кружков политзащиты, который был основан в Москве в 1896 г. во главе с Н.К. Муравьевым, П.Н. Малянтовичем, В.А. Макаковым, Н.В. Тесленко и М.Ф. Ходасевичем<sup>5</sup>.

Впервые Мандельштам, тогда еще юный, 25-летний помощник присяжного поверенного, выступил в качестве политического защитника 8 февраля 1892 г. в Казанском военно-окружном суде по делу о покушении на местного губернатора П.А. Полторацкого. Покушался беспартийный террорист, будущий эсер и, затем, большевик Н.И. Кочурихин — трижды выстрелил в губернатора и легко ранил его (за то, что он из карьеристских соображений скрывал от центральной власти правду о страшном голоде, поразившем Казанскую губернию). В знании и недонесении об этом теракте обвинялся народоволец А.И. Архангельский. Его-то и защищал Мандельштам (Кочурихин от защитника отказался).

Судя по воспоминаниям Михаила Львовича, которые согласуются с информацией о процессе Кочурихина—Архангельского в газетах «Казанские ведомости» и «Прогресс», военный прокурор требовал и для Кочурихина, и для Архангельского смертной казни. Суд, однако, при-

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1900. Д. 387. Л. 29.

<sup>2</sup> См.: Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. С. 163.

<sup>3</sup> Там же. С. 165, 167; Шлохасв В.В. Кадеты — главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905—1907 гг. М., 1983. С. 317.

<sup>4</sup> См.: Список присяжных поверенных округа Московской судебной палаты и их помощников к 15 ноября 1916 г. М., 1917. С. 156.

<sup>5</sup> Подробно об этом кружке см. в очерках «Н.К. Муравьев» и «П.Н. Малянтович».

слушался к доводам Мандельштама: казнь оговорена в ст. 279 специально для *покушения*, а что касается недонесения, то о нем статья ничего не говорит и «не может подлежать распространительному толкованию»<sup>1</sup>. В результате и Архангельский, и даже Кочурихин (по ходатайству суда перед царем) получили каторжные сроки.

В дальнейшем Мандельштам с равной ответственностью юриста-профессионала защищал и социал-демократов (Н.Э. Баумана, Н.А. Рожкова), и эсеров (Г.А. Гершуни, И.П. Каляева), и кадетов (Е.В. Аничкова, А.В. Тыркову), и рядовых участников массового движения. При этом, кого бы ни защищал Михаил Львович из деятелей антиправительственной оппозиции, он всегда акцентировал их демократические идеи и мирные, ненасильственные методы борьбы. Показательно его выступление на процессе по делу о первомайской демонстрации 1902 г. в Саратове.

Этот процесс вела Саратовская судебная палата 4—7 ноября 1902 г. Суду были преданы 15 человек, в том числе рабочий П.И. Воеводин (впоследствии видный деятель СССР, член ВЦИК 5—6 созывов, Герой Социалистического Труда) и фельдшерица Е.Н. Ошанина (дочь члена Исполнительного комитета «Народной воли» М.Н. Ошаниной). Обвинение поддерживал прокурор А.А. Макаров<sup>2</sup>. Защищали обвиняемых 12 адвокатов: среди них — Мандельштам, А.М. Александров (будущий защитник лейтенанта П.П. Шмидта), И.Н. Сахаров (дед академика А.Д. Сахарова), А.А. Никонов (родной брат народовольца С.А. Никонова — шурина Н.П. Карабчевского)<sup>3</sup> и др. Перед началом процесса они согласовали общую линию поведения, сделав упор на том, чтобы опровергнуть юридическую базу обвинения, построенную на «свидетельских» данных жандармов, сыщиков и прочей «казенной» публики<sup>4</sup>.

Мандельштам жестко оспорил попытки обвинения квалифицировать саратовскую демонстрацию по ст. 252. Напомнив судьям, что эта статья карает «составление и распространение письменных или печатных сочинений с дерзостным порицанием установленного строя», он вопрошал с недоумением, законно ли подгонять под *сочинения* надпи-

<sup>1</sup> Мандельштам М.Л. 1905 год... С. 30—32; Казанские вести. 1892. 9 февраля. С. 2; Прогресс. 1893. № 20—21. С. 17.

<sup>2</sup> Макаров Александрович (1857—1918) — с 1901 г. прокурор Саратовской судебной палаты, в 1906 г. — товарищ министра внутренних дел П.А. Столыпина, в 1911—1912 гг. — министр внутренних дел, «прославившийся» обещанием по поводу Ленского расстрела рабочих 1912 г.: «Так было — так будет!» В 1916 г. — министр юстиции. Расстрелян большевиками вместе с другим бывшим министром юстиции И.Г. Щегловитовым.

<sup>3</sup> Подробно об этих адвокатах см.: Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг. Тула, 2000 (ук.).

<sup>4</sup> См.: Мандельштам М.Л. 1905 год... С. 67, 73—74.

си на флагах «Долой самодержавие!»), а под *публичные речи* — возгласы из тех же двух слов<sup>1</sup>.

Главное же, Михаил Львович подчеркивал, что ничего преступного в социал-демократических требованиях нет. «Посмотрим, чего хочет, чего добивается русская социал-демократия, — говорил он, обращаясь к суду. — Прочтем прокламацию: свобода совести, свобода печати, собраний, уравнивание в правах всех сословий, всех национальностей. Да разве это все так несбыточно? Разве под многими их этих пожеланий не подписались бы вы сами? Майская демонстрация по своему характеру не революционна. Это способ мирной пропаганды научных идей. Пожелаете ли вы опять усиленной репрессией выбросить реку из ее берегов? Взгляните на Волгу. Как мирно катит она свои могучие волны! Но попробуйте запрудить ее. Река вырвется из своего естественного русла»<sup>2</sup>.

Судьи мало внимали таким речам и, как правило, выносили «врагам престола» даже при минимуме улик максимально суровые приговоры. Поэтому обвиняемые, бывало, разочаровывались в услугах адвокатов. «Что из того, — спрашивал социал-демократ С.Ф. Васильченко, судившийся по делу о политической демонстрации 2 марта 1903 г. в Ростове-на-Дону, — что из того, что рыкавший, как лев, Мандельштам, от негодующей речи которого дрожала не только его мощная фигура, а сотрясались даже стены, вопиал о справедливости? Судьи не дрогнули»<sup>3</sup>.

Старый большевик в данном случае был не прав. Во-первых, благодаря усилиям адвокатов, приговор был все-таки смягчен по сравнению с тем, чего требовал прокурор и что мог определить *военный суд*<sup>4</sup>. Ведь демонстранты оказали сопротивление полиции и казакам, когда те применили силу, причем был убит полицейский пристав. Состав суда предвещал обвиняемым все самое худшее: председатель и прокурор — генералы, члены суда — казачьи офицеры, «юридические» познания которых «не шли дальше применения нагайки»<sup>5</sup>. Так как непосредственный убийца пристава не был выявлен, прокурор связал всех подсудимых (23 чел.) коллективной ответственностью толпы за убийство, подвел обвинение под ст. 279 Военно-судебного устава и, в согласии с этой статьей, потребовал для шести подсудимых (включая трех женщин!) смертной казни и еще для 16 — каторжных работ.

<sup>1</sup> См.: *Защита на саратовском процессе* // Освобождение. 1903. № 14. С. 219.

<sup>2</sup> Там же. С. 222.

<sup>3</sup> *Васильченко С.Ф.* Указ. соч. С. 264.

<sup>4</sup> Дело о ростовской демонстрации рассматривал 14—23 августа 1903 г. в Таганроге Одесский военно-окружной суд.

<sup>5</sup> *Баторгин М.П.* Перед судом царского самодержавия. М., 1964. С. 29.

Мандельштам, возглавлявший на этом процессе защиту, легко доказал юридическую несостоятельность попыток обвинения связать всех подсудимых коллективной ответственностью за единоличное убийство. «Один из основных принципов уголовного права гласит: «Каждый отвечает за свои действия, и только за них, — напоминал адвокат военным юристам азы правоповедения. — Вне этого юридического положения мы очутимся в области полной анархии уголовного права»<sup>1</sup>. Другие защитники (в их числе был Л.Н. Андроников) энергично поддержали Мандельштама. В результате суд вынужден был оправдать 11 подсудимых, а три смертных приговора вынес с ходатайством о замене их каторжными работами<sup>2</sup>.

Мало того, всем своим поведением на ростовском процессе защита ударила по репутации суда и возвысила кредит российской демократии. Осужденные по ростовскому делу прислали своим защитникам адрес, сохранившийся в архиве Мандельштама и целиком воспроизведенный в его воспоминаниях. Вот концовка адреса: «Дайте пожать вам руки, славные рыцари права, бескорыстные и отважные участники великого формирования лучшего будущего для многомиллионной рабочей массы России»<sup>3</sup>.

Были и другие случаи, когда удавались корифеям «молодой адвокатуры» (в частности, и Мандельштаму) попытки облегчить судьбу их подзащитных, смягчить приговор суда, не унижая при этом достоинства борцов против самодержавия. На процессе по делу Боевой организации социалистов-революционеров (ее лидера Г.А. Гершуни и еще четырех обвиняемых) в Петербургском военно-окружном суде 18—25 февраля 1904 г. Мандельштам опроверг обвинение его подзащитной Л.А. Ремянниковой, основанное лишь на оговоре, и добился для нее редкого в то время по мягкости приговора — 3 месяца ареста (всем остальным ее сопроцессникам приговоры были вынесены смертные и каторжные)<sup>4</sup>. Кстати, на этом процессе Мандельштам вместе с другими защитниками подверг обструкции своего коллегу, присяжного поверенного А.В. Бобрщева-Пушкина, который, защищая предателя Е.К. Григорьева, поливал грязью остальных подсудимых и вообще все освободительное движение. «Грязь, брошенная в людей, которые, быть может, завтра взойдут на эшафот, — заявил Мандельштам суду, — этих людей, конечно, не зама-

<sup>1</sup> *Таланрогский процесс по делу о ростовской демонстрации 2 марта. Женева, 1903. С. 36, 38.*

<sup>2</sup> *См. там же. С. 20, 21.*

<sup>3</sup> *Цит. по: Мандельштам М.А. 1905 год... С. 97.*

<sup>4</sup> *См. там же. С. 235.*

рает, но руку, бросившую эту грязь, покроет на всю жизнь несмываемым позором»<sup>1</sup>.

В тех же (обычных) случаях, когда адвокатам не удавалось смягчить приговор, их защитительные речи играли важную роль, разоблачая полицейский и судебный произвол. Так, на громком процессе члена Боевой организации эсеров И.П. Каляева в Особом присутствии Правительствующего сената 5 апреля 1905 г. Мандельштам настойчиво проводил мысль о том, что «правительство само толкает людей на террор», ибо своим деспотизмом и жестокостью разжигает в стране «всеобщее недовольство»<sup>2</sup>. Здесь же, вместе с другим защитником Каляева В.А. Ждановым, Мандельштам позволил себе очень смелый для такого процесса<sup>3</sup> шаг: когда председатель суда П.А. Дейер удалил Каляева за «дерзость» его ответов на вопрос обвинения, оба защитника солидарно с подсудимым тоже ушли из судебного зала. Оставшийся без подсудимого и без адвоката Дейер вынужден был вернуть их всех в зал заседаний суда<sup>4</sup>.

Кстати, именно Мандельштам во время одного из посещений Каляева в тюрьме разубедил его в том, что вдова великого князя Сергея Александровича Елизавета Федоровна (родная сестра императрицы), тоже приезжавшая к Каляеву в тюрьму, сделала это, как показалось Каляеву, по заданию Департамента полиции, чтобы разжалобить его и склонить к раскаянию. «Она, — говорил Мандельштам о великой княгине, — занимает слишком высокое положение, чтобы охранка какого угодно ранга осмелилась впутывать ее в свои интриги»<sup>5</sup>.

Мандельштам был широко известен не только как юрист, адвокат. У него были обширные связи в различных сферах культуры. Он был женат на драматической актрисе Ольге Александровне Голубевой (1868—1942), блиставшей в театрах Ф.А. Корша, В.Ф. Комиссаржевской и на периферии<sup>6</sup>, дружил с В.Г. Короленко, П.Н. Милюковым, корифеем Малого театра А.И. Южиным<sup>7</sup>.

После Октябрьской революции 1917 г. Мандельштам эмигрировал, но вскоре вернулся в СССР. В.А. Маклаков помянул его в своих мемуа-

<sup>1</sup> Из общественной жизни // Революционная Россия. 1904. № 47. С. 23. См. также: Дело Гершуни и др. // Искра. 1904. № 62. С. 3; Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого. СПб., 1907. С. 76, 97; Бобрисов-Пушкин А.В. Судебные речи. СПб., 1912. Т. 2. С. 39—75.

<sup>2</sup> Мандельштам М.А. 1905 год... С. 253.

<sup>3</sup> И.П. Каляев был осужден на смертную казнь за убийство великого князя Сергея Александровича — дяди императора Николая II.

<sup>4</sup> См. об этом: Мандельштам М.А. 1905 год... С. 253.

<sup>5</sup> Там же. С. 241—242.

<sup>6</sup> См. ее воспоминания: Голубева О.А. Мой первый сезон в провинции // Русский провинциальный театр. Л.; М., 1937.

<sup>7</sup> Письма Мандельштама к Южину см.: РГАЛИ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 1428.

рах так: «Очень левый Мандельштам, который потом добровольно ушел к советской власти»<sup>1</sup>.

В советское время Михаил Львович служил юрисконсультом в различных (государственных и коммерческих) учреждениях, был членом Коллегии защитников, участвовал в работе Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, писал мемуары. Его книга «1905 год в политических процессах» вызвала большой интерес<sup>2</sup>. Но 9 июня 1938 г. 72-летний Мандельштам был арестован как «враг народа» (ему конечно же припомнили кадетское прошлое) и, по данным КГБ СССР, 5 февраля 1939 г. умер в тюрьме «от упадка сердечной деятельности»<sup>3</sup>. Таким образом, он разделил судьбу своих товарищей по «молодой адвокатуре» начала XX в. П.Н. Малянтовича и Б.Г. Лопатина-Барта, тоже ставших жертвами сталинского террора.

Лишь 18 июня 1990 г. «постановлением Прокуратуры СССР дело в отношении Мандельштама М.А. прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления»<sup>4</sup>.

---

<sup>1</sup> Маклаков В.А. Указ. соч. С. 325.

<sup>2</sup> См.: Чужак Н.Ф. Путеводитель по Мандельштаму // Мандельштам М.А. 1905 год... С. 7—10.

<sup>3</sup> Письмо ко мне замначальника Центрального архива КГБ СССР А.Т. Жадобина от 22 мая 1991 г.

<sup>4</sup> Там же.



## БРУНО GERMANOVICH ЛОПАТИН-БАРТ

(1877—1938)

Среди тех адвокатов, которые к началу XX в. пришли на смену первому поколению корифеев отечественной адвокатуры, видное место занял Бруно Германович Лопатин-Барт — сын народовольца Г.А. Лопатина, защитник эсера Г.А. Гершуни, меньшевика Н.Н. Жордания, большевика Н.В. Крыленко. Начало его жизни было драматичным, конец — трагичен.

Сведений о Бруно Германовиче сохранилось немного. Главным образом, это — его краткая автобиография<sup>1</sup>, воспоминания Е.Б. Лопатиной (дочери адвоката) и Н.А. Федоровой<sup>2</sup>, материалы различных судебных процессов с участием Лопатина-Барта и конечно же справка Ленинградской военной прокуратуры о его судьбе...<sup>3</sup>

Родился Бруно Германович 6 февраля 1877 г. в Париже. Именно там — в Париже, хотя биографы его отца и он сам в автобиографии называли Лондон. Дело в том, что место рождения будущего адвоката, как разъясняла его дочь Елена Бруновна Лопатина, было законспирировано. Его отец — знаменитый Герман Александрович Лопатин (1845—1918), друг К.Маркса и Ф. Энгельса, первый переводчик Марксова «Капитала» на русский язык, член Генерального совета I Интернационала и будущий лидер партии «Народная воля» — жил тогда в Париже по документам английского подданного Барта и, чтобы основательнее скрыть свой след от царских ищущих, записал сына в метрике родившимся в Лондоне<sup>4</sup>. Кстати, П.А. Лавров, живший тогда в

<sup>1</sup> В кн.: Харченко Л.И., Винклер А.В. Мятежная жизнь (Материалы о революционной деятельности Германа Лопатина). 2-е изд., испр. и доп. Ставрополь, 1979. С. 325—327.

<sup>2</sup> См. там же. С. 327—329, 332.

<sup>3</sup> Полный текст справки см. далее.

<sup>4</sup> См. об этом: Лопатина Е.Б. Новые материалы о Германе Лопатине // Харченко Л.И., Винклер А.В. Указ. публ. С. 332.

Лондоне, 28 февраля 1877 г. написал Г.А. Лопатину в Париж, что он «сообщил о рождении Бруно»<sup>1</sup> Марксу и его жене.

Фамилию Барт Бруно Германович носил вплоть до падения царизма, ибо (цитирую его автобиографию) «вследствие состоявшегося приговора о моем отце и содержания его в Шлиссельбурге<sup>2</sup> восстановить мое происхождение при царском режиме представлялось невозможным. После Февральской революции 1917 г. особым постановлением Временного правительства, на основании совместного заявления моего отца и моего, мне разрешено было именоваться — Лопатин-Барт»<sup>3</sup>.

Первые десять лет жизни Бруно Барт провел за границей. Осенью 1883 г. его мать Зинаида Степановна Корали (1854—1919), по первому (фиктивному) браку Абсеитова, тоже с юных лет причастная к революционно-народническому движению<sup>4</sup>, разошлась с Г.А. Лопатиным<sup>5</sup>. Бруно остался жить с матерью, которая окончила Сорбонну и практиковала как врач-психиатр во Франции. Россию мальчик впервые увидел в 1887 г., уже после осуждения отца, когда мать привезла его в Петербург (здесь, кстати, она вышла замуж за художника К.Н. Горского). С 1889 г. Бруно последовательно окончил немецкое Екатеринбургское училище в Петербурге (1892), немецкое же Петропавловское училище в Москве (1896) и юридический факультет Московского университета. В 1899 г. за участие в студенческих волнениях он был исключен из университета и выслан из Москвы, но через год принят обратно и в 1901 г. получил университетский диплом 1-й степени. Только теперь, по окончании университета, он принял российское подданство<sup>6</sup>.

Свою адвокатскую карьеру Бруно Германович начал с 1902 г.: 27 апреля он был записан в помощники к присяжному поверенному Н.П. Карачевскому — одному из самых выдающихся адвокатов России<sup>7</sup>. Вместе

<sup>1</sup> Лавров. Годы эмиграции. Архивные материалы в 2 т. Т. 1: Лавров и Лопатин (переписка 1870—1883 гг.). Dordrecht-Boston, 1974. С. 423.

<sup>2</sup> Летом 1887 г. А. Лопатин был осужден по делу «21-го» на смертную казнь, замененную вечной каторгой, которую он отбывал в Шлиссельбургской крепости. Революция 1905 г. вырвала его из крепости, после чего до следующей, Февральской революции 1917 г. он жил под надзором полиции.

<sup>3</sup> Автобиография Б.Г. Лопатина-Барта // Харченко А.И., Винклер А.В. Указ. публ. С. 325.

<sup>4</sup> См. о ней: Деятели революционного движения в России. Биобиблиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 45—46.

<sup>5</sup> В 1886 г., когда готовился судебный процесс над Г.А. Лопатиным и его соратниками по делу «21-го», Корали помогла П.А. Лаврову собирать материал для биографии своего бывшего мужа, поставив условием, чтобы «личная жизнь Германа (а следовательно, и все отношения с ней) были устраниены». Лавров принял это условие (см.: Лавров. Годы эмиграции. Т. 2. С. 403, 406, 408).

<sup>6</sup> См.: Автобиография Б.Г. Лопатина-Барта. С. 325.

<sup>7</sup> См.: Список присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты и их помощников к 15 февраля 1906 г. СПб., 1906. С. 17.

с Карабчевским и под его патронатом он к 1907 г. успешно выступил в ряде громких политических процессов. Так, на процессе по делу Боевой организации социалистов-революционеров в Петербургском военно-окружном суде 18—25 февраля 1904 г. он помогал Карабчевскому защищать главного обвиняемого Г.А. Гершуни<sup>1</sup> и поддержал бойкот, которому выступавшие здесь защитники подвергли своего коллегу А.В. Бобрищев-Пушкина за его инсинуации против обвиняемых. В нелегальной печати сообщалось, что Бобрищев-Пушкин «был награжден возгласом «подлец!», вырвавшимся из уст одного из защитников», а «к концу процесса другие защитники уже не разговаривали с ним, в коридорах суда адвокаты отворачивались от него»<sup>2</sup>.

28 апреля 1904 г. на первом в России судебном процессе т. н. «освобожденцев» (будущих кадетов) Бруно Германович опять-таки вместе с Карабчевским защищал известного ученого-литературоведа Е.В. Аничкова, который обвинялся по одному делу с А.В. Борман (Тырковой) в нелегальном распространении журнала «Освобождение»<sup>3</sup>. К тому времени помощник присяжного поверенного Барт в глазах властей заслужил репутацию адвоката, «слишком пылко» защищающего тех, кто обвинялся в «сопротивлении властям»<sup>4</sup>. Например, в документах царской охранки о суде над участниками рабочих «беспорядков» весной 1903 г. в Златоусте отмечено, что с «особой рьяностью» защищали обвиняемых адвокаты М.Л. Мандельштам, А.Е. Феодосьев, Г.А. Карякин и Б.Г. Барт<sup>5</sup>.

Кстати, все коллеги Барта по златоустовскому делу входили тогда в кружки т. н. «молодой адвокатуры», участники которых брали на себя коллективную защиту обвиняемых по политическим делам. Одним из первых и самых авторитетных таких кружков стал петербургский

<sup>1</sup> За день до начала суда Барт (вероятно, по заданию Карабчевского) договаривался с Гершуни о каких-то деталях поведения на процессе, уже согласованного в принципе ранее при встречах Гершуни в его тюремной камере с самим Карабчевским. «Днем, — вспоминала об этом Гершуни, — явилась помощник Карабчевского Б.Г. Барт (сын Г.А. Лопатина), условились относительно завтрашнего дня» (*Гершуни Г.А. Из недавнего прошлого.* СПб., 1907. С. 48, 56).

<sup>2</sup> Дело Г.А. Гершуни и других // *Искра.* 1904. № 62. С. 3; [Хроника] // *Революционная Россия.* 1904. № 43. С. 9—10. См. также: *Гершуни Г.А.* Указ. соч. С. 56.

<sup>3</sup> См.: *Тыркова-Вильямс А.В.* На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952. С. 158. Ариадна Тыркова (Борман, Вильямс) — гимназическая подруга жен В.И. Ленина, М.И. Туган-Барановского и П.Б. Струве.

<sup>4</sup> *Давыдов Ю.В.* Герман Лопатин, его друзья и враги. М., 1984. С. 148.

<sup>5</sup> Цит. по: *Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 117. Златоустовские «беспорядки» выразились в том, что 13 марта 1903 г. толпа рабочих попыталась освободить двоих арестованных товарищей и была расстреляна («более 100 раненых и много убитых»), после чего царские власти «судили уцелевших за то, что они остались в живых» (*Мандельштам М.Л.* Указ. соч. С. 112; *Трагедия* в Златоусте // *Искра.* 1903. 1 апреля).

кружок во главе с А.С. Зарудным и Н.Д. Соколовым. Именно в этот кружок, наряду с будущими министрами юстиции П.Н. Переверзевым и А.А. Демьяновым, будущим премьер-министром А.Ф. Керенским, Л.Н. Андрониковым (отцом советского писателя, народного артиста СССР Иракия Андроникова) и др., входил Барт<sup>1</sup>.

Как и многие другие деятели не только «молодой», но и «старой» адвокатуры, Бруно Германович участвовал в антиправительственных акциях. Таковым было собрание 676 «председателей интеллигентных профессий» в Петербурге 20 ноября 1904 г., по случаю 40-летия судебной реформы. Собрание приняло резолюцию с требованием, «чтобы весь государственный строй России был реорганизован на конституционных началах <...>, чтобы было немедленно создано Учредительное собрание из свободно выбранных представителей от всего населения Российского и чтобы немедленно же, до начала избирательного периода, была объявлена полная и безусловная амнистия по всем политическим и религиозным преступлениям». Резолюцию подписали литераторы В.Г. Короленко (председатель собрания), Максим Горький, Леонид Андреев, ученые В.И. Семевский, Е.В. Тарле, Н.П. Павлов-Сильванский, деятели искусств М.Ф. Андреева и Т.А. Щепкина-Куперник, адвокаты Д.В. Стасов, О.О. Грузенберг, Б.Г. Барт<sup>2</sup>.

Здесь уместно подчеркнуть, что сочувствие, а то и содействие адвокатов освободительному движению в России питалось не только идейными, но и дружескими и даже родственными связями. Достаточно сказать, что у таких знаменитостей адвокатуры, как Е.И. Утин, В.И. Жуковский, В.О. Люстиг, Г.В. Бардовский, А.С. Зарудный, были братья-революционеры; Д.В. Стасов имел в революционном лагере дочь, К.П. Леман (как и Барт) — отца.

1907 год стал особо памятным для Бруно Германовича. 21 мая он был принят в присяжные поверенные округа Петербургской судебной палаты<sup>3</sup>. 16 сентября ему довелось защищать в той же палате большевика Н.В. Крыленко — впоследствии первого советского Верховного главнокомандующего, прокурора Республики и наркома юстиции СССР (Крыленко был при этом оправдан, а при Сталине разделил судьбу Барта — почти в одно время с ним, летом 1938 г., по ложному обвинению был расстрелян). С 12 по 18 декабря 1907 г. Бруно Германович выступил за-

<sup>1</sup> См. об этом кружке: *Мандельштам М.А.* Указ. соч. С. 53; *Варфоломеев Ю.В.* А.С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002. С. 44—46.

<sup>2</sup> См.: ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 1250. Л. 69—71.

<sup>3</sup> См.: *Список присяжных поверенных округа Санкт-Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г.* СПб., 1914. С. 90.

щитником — в одном ряду с такими звездами адвокатуры, как Н.К. Муравьев, В.А. Маклаков, М.Л. Мандельштам, Н.Д. Соколов, А.М. Александров, — на процессе по делу о т. н. Выборгском воззвании. Здесь судились 167 депутатов I Государственной думы за то, что они в ответ на незаконный роспуск Думы обратились 10 июля 1906 г. из г. Выборга с воззванием «Народу от народных представителей», которое призывало россиян бороться «за погранные права народного представительства»<sup>1</sup>.

Этот процесс вызвал международный резонанс. Английская газета Daily News в те дни писала о нем: «Дважды видела Европа королей (Карла I в Англии и Людовика XVI во Франции. — Н. Т.), державших ответ перед судьями за прошлое. <...> Но никогда еще Европа не наблюдала зрелища суда над целым парламентом, не видела, как привлекаются народные представители не по одиночке, не по двое, а в составе целых фракций, на суд чиновников»<sup>2</sup>. Бруно Германович вместе с Н.К. Муравьевым и Н.Д. Соколовым защищал на Выборгском процессе фракцию социал-демократов (меньшевиков Н.Н. Жордания, И.И. Рамишвили и др.).

В последующие годы присяжный поверенный Барт часто выступал на политических процессах, включая крупные дела Военной организации РСДРП (1908), Сибирского союза РСДРП (1909), Кавказской группы РСДРП (1910), армянской революционной партии «Дашнакцутюн» (1911) и др. Его послужной список как политического защитника стал одним из самых внушительных в стране. «С 1902 по 1915 г., — читаем в его автобиографии, — мною проведено 300 защит по политическим делам»<sup>3</sup>.

Власти, естественно, считали такого адвоката, как Барт, неблагонадежным. Летом 1914 г. он в числе 25 адвокатов-единомышленников (вместе с А.Ф. Керенским, Н.Д. Соколовым и др.) был приговорен Петербургским окружным судом к тюремному заключению за организацию протеста против возбуждения в 1913 г. провокационного дела М.Т. Бейлиса. Суд квалифицировал этот протест как «наглое обвинение государственной власти в извращении основ правосудия»<sup>4</sup>. То был редкостный в анналах юстиции «адвокатский процесс», на шумевший на всю Россию<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> Выборгский процесс. СПб., 1908. С. 6.

<sup>2</sup> Цит. по: Дело по обвинению потомственных дворян Сергея Муромцева, князя Петра Долгорукова, Николая Гредескула, князя Дмитрия Шаховского и др. СПб., [1908]. С. 169.

<sup>3</sup> Автобиография Б.Г. Лопатина-Барта. С. 325. Здесь же, на с. 326—327, перечислены 15 наиболее крупных дел.

<sup>4</sup> История русской адвокатуры. М., 1914. Т. 1. С. 465.

<sup>5</sup> См. там же. С. 467—468.

В 1915 г. Барт был мобилизован на фронт Первой мировой войны и «как не отбывший ранее воинской повинности в качестве ратника ополчения старшего возраста зачислен рядовым санитаром Красного Креста»<sup>1</sup>. Демобилизован он был Временным правительством — уже весной 1917 г.

Февральскую революцию Барт встретил восторженно. Она позволила ему обрести его настоящую фамилию, открыла перед ним новые — казалось, более широкие — возможности для профессиональной карьеры. Но после Октября 1917 г. и упразднения (по декрету Совнаркома от 22 ноября) присяжной адвокатуры Бруно Германович оказался фактически не у дел...

Европейски воспитанный и образованный, наделенный эффективной внешностью, силой духа, широчайшей эрудицией, даром слова, природно лопатинским обаянием<sup>2</sup>, Лопатин-Барт к тому же многому научился у своего патрона Карабчевского и мог бы стать в ряд самых выдающихся адвокатов России, но драматические изгибы его судьбы не позволили ему реализовать все его возможности. До революции он как сын «каторжника»<sup>3</sup>, вольнодумец и бунтарь подвергался надзору и гонениям, а после Октября, подобно многим своим коллегам, оказался на подозрении как «бывший». Два десятилетия он служил юрисконсультom, как правило, третьестепенных учреждений (Ленинградского торгового порта, рабочего кооператива, Кустарьсоюза, Ленпромторга)<sup>4</sup>, а затем пал жертвой сталинских репрессий.

11 февраля 1938 г. Бруно Германович был арестован по обвинению в причастности к «террористическим методам борьбы» с ВКП(б) и советской властью. Его товарищу по Лефортовской тюрьме известный историк-востоковед И.Д. Амосин (1910—1984)<sup>5</sup>, чудом выживший, рассказывал потом Елене Бруновне Лопатиной, что ее отец держался в заключении, на допросах, под пытками героически. 18 июня 1938 г. Бруно Германович был расстрелян.

<sup>1</sup> Автобиография Б.Г. Лопатина-Барта. С. 326.

<sup>2</sup> В 1925 г. Б.Г. Лопатин-Барт был «красивый, высокий, очень стройный и элегантный пожилой человек», «типичный англичанин по внешности, с обаятельным грациозным «р» в речи». «Пел он великолепно, с большим темпераментом, зажигательно. <...> А как он любил и понимал музыку!» (Федорова Н.А. Воспоминания // Харченко Л.И., Винклер А.В. Указ. публ. С. 328).

<sup>3</sup> С 1905 г., после освобождения Г.А. Лопатина из Шлиссельбургской крепости, Бруно Германович по-сыновьи, как об этом могли знать и друзья его и враги, общался со своим отцом (см.: Давыдов Ю.В. Указ. соч. С. 147—149).

<sup>4</sup> Лишь в 1922—1925 гг. Лопатин-Барт по рекомендации своего давнего соратника Н.Д. Соколова занимал ответственную должность юрисконсульта советской акционерной компании «Аркос» в Лондоне.

<sup>5</sup> См. о нем: *Историки России XX века. Биобиблиографический словарь*. Саратов, 2005. Т. 1. С. 40.

Только 26 марта 1990 г. Ленинградская военная прокуратура выдала Елене Бруновне реабилитационную справку, из которой дочь впервые узнала точную дату смерти своего отца. Получив справку, Елена Бруновна той же весной 1990 г. сняла с нее и прислала мне копию<sup>1</sup>. Ввиду особой значимости этого документа для биографии Б.Г. Лопатина-Барта привожу его текст полностью.

## СПРАВКА

18 января 1990 г., № 28/226

Лопатин-Барт Бруно Германович, 1877 г. рождения, уроженец г. Лондона, был арестован 11 февраля 1938 г. по обвинению в участии в антисоветской эсеровской организации, по заданию которой вел среди своего окружения антисоветскую агитацию, был активным сторонником террористических методов борьбы с руководством ВКП(б) и Советского правительства, т. е. в преступлениях, предусмотренных статьями 17, 58-8 и 58-11 Уголовного кодекса РСФСР. Постановлением Особой тройки УНКВД Ленинградской области от 8 июня 1938 г. приговорен к расстрелу. Постановление приведено в исполнение 18 июня 1938 г.

Определением военного трибунала Лен[инградского] в[оенного] о[круга] от 12 августа 1957 г. это постановление Особой тройки УНКВД по Ленинградской области отменено. Дело прекращено за отсутствием состава преступления. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совет СССР от 16 января 1989 г. «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30—40-х и начала 50-х годов», Лопатин-Барт Бруно Германович реабилитирован.

ВРИО военного прокурора  
Ленинградского военного округа В. Болдарян

<sup>1</sup> Е.Б. Лопатина скончалась в Москве 11 ноября 1993 г.



## ЛУАРСАБ НИКОЛАЕВИЧ АНДРОНИКОВ

(1872—1939)

Среди корифеев «молодой адвокатуры» в России начала XX в. широкой известностью пользовался Луарсаб Николаевич Андроников<sup>1</sup> — в советское время видный ученый-юрист, отец литературоведа и писателя, народного артиста СССР Ираклия Андроникова (1908—1990). Сегодня, к сожалению, имя его полузабыто. Кроме воспоминаний юриста Б.С. Утевского<sup>2</sup>, сведения о нем разбросаны в разных источниках, включая его личный фонд в Институте рукописей Академии наук Грузии и фонд Л.Я. и Я.Г. Гуревичей в РГАЛИ (Москва). До сих пор нет о нем ни одного, хотя бы самого краткого, биографического очерка...

Луарсаб Николаевич Андроников родился в кахетинском селении Ожио близ Телави в семье офицера (капитана) российской армии, «потерявшего на войне зрение»<sup>3</sup>. Окончив Тифлисскую гимназию и юридический факультет Петербургского университета, он продолжал образование на философских факультетах элитных — Страсбургского и Гейдельбергского — университетов в Германии<sup>4</sup>, а 18 октября 1899 г. вступил помощником присяжного поверенного в Петербургскую адвокатуру<sup>5</sup>.

---

<sup>1</sup> С 1921 г., после переезда на постоянное жительство в Тифлис (нынешний Тбилиси), он стал называть себя, а в Грузии поныне его так и называют, по-грузински: Андроникашвили.

<sup>2</sup> См.: Утевский Б.С. Воспоминания юриста. М., 1989.

<sup>3</sup> Андроников И.А. Избр. произв.: В 2 т. М., 1975. Т. 1. С. 5.

<sup>4</sup> Биографическая справка о Л.Н. Андроникашвили, любезно предоставленная мне М.Н. Кавтария — сотрудником Института рукописей Академии наук Грузии, где хранится личный архив Андроникова (Андроникашвили): Ф. 59. 283 ед. хр. за 1853—1937 гг.

<sup>5</sup> См.: *Список* присяжных поверенных при Санкт-Петербургской судебной палате и их помощников к 1 февраля 1901 г. СПб., 1901. С. 51. Присяжным поверенным Андроников стал 7 января 1906 г. (*Список* присяжных поверенных округа Петербургской судебной палаты и их помощников к 31 января 1914 г. СПб., 1914. С. 71).

Тогда в Петербурге и в Москве только начали формироваться кружки «молодой адвокатуры», т. е. адвокатов, преимущественно молодых по возрасту, которые занялись организацией коллективных защит в столице и с выездом в другие города по делам, почти исключительно политическим. Одним из первых и самых авторитетных кружков такого рода был петербургский кружок, который возглавляли А.С. Зарудный и Н.Д. Соколов. В кружок входили будущий премьер-министр А.Ф. Керенский, два будущих министра юстиции П.Н. Перверзев и А.А. Демьянов, популярные адвокаты Б.Г. Барт (сын народовольца Г.А. Лопатина), Ф.А. Волькенштейн, Ф.С. Врублевский, В.С. Елпатьевский (сын известного литератора и общественного деятеля С.Я. Елпатьевского) и др. Активным участником этого кружка стал Андроников<sup>1</sup>. Он сразу же занял видное место «на крайнем левом фланге»<sup>2</sup> российской адвокатуры.

По данным Б.С. Утевского, в книге воспоминаний которого Л.Н. Андроникову посвящены несколько страниц, «Андроников никогда не выступал в уголовных делах: вступив в адвокатуру, он решил, что посвятит себя защите только по политическим делам. И это правило он соблюдал неотступно»<sup>3</sup>. Но — нет правил без исключений. «Один раз он все же согласился вести уголовное дело, — читаем об Андроникове у того же Утевского. — Случилось это так. В одном провинциальном городе жил чиновник, не бравший взятку. Это мешало брать взятки другим чиновникам, так как некоторые грязные делишки они не могли совершать без его участия. Попытки втянуть его во взяточничество не удалось. Тогда решили убрать его и путем фальшивых доказательств создали уголовное дело. Надо было найти защитника. Кто-то из друзей порекомендовал ему поехать в Петербург и назвал двух адвокатов, в том числе Андроникова». Андроников внимательно выслушал посетителя, проверил все им сказанное и только «окончательно убедившись, что обвиняемый — жертва шайки взяточников, согласился его защищать. В защиту он вложил весь свой талант и всю свою душу. Когда суд вынес подсудимому оправдательный приговор, Луарсаб Николаевич низко поклонился присяжным заседателям и сказал: — Благодарю вас»<sup>4</sup>.

Итак, адвокат Андроников специализировался на разбирательстве политических дел. Люди, которых власть обвиняла в государственных

<sup>1</sup> См. об этом кружке: *Мошинский И.Н. (Конарский Ю.)*. Политическая защита в дореволюционных судах // *Девятый вал*. М., 1927. С. 45—46; *Варфоломеев Ю.В.* А.С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002. С. 44—46.

<sup>2</sup> *Мошинский И.Н. (Конарский Ю.)*. Указ. соч. С. 55.

<sup>3</sup> *Утевский Б.С.* Указ. соч. С. 164.

<sup>4</sup> Там же. С. 165.

преступлениях, охотно прибегали к услугам такого адвоката, ибо его репутация «талантливого, безупречно честного и благородного человека»<sup>1</sup> с передовыми взглядами импонировала таким людям. К тому же Луарсаб Николаевич отличался замечательным красноречием<sup>2</sup> и «совершенно необъемлемой ученостью»<sup>3</sup>, что и выдвинуло его в ряд признанных лидеров «молодой адвокатуры». А.С. Зарудный считал его «одним из самых талантливых петербургских адвокатов»<sup>4</sup>.

В биографической справке о Л.Н. Андроникашвили подсчитано, что он участвовал более чем в 150 политических процессах. Среди них были и громкие, обретавшие всероссийский и даже международный резонанс, дела о революционных демонстрациях 1902 г. в Батуми и Ростове-на-Дону (1903), о Петербургском Совете рабочих депутатов и о вооруженном восстании моряков в Севастополе (1906), о Выборгском воззвании депутатов I Государственной думы и о социал-демократической фракции II Государственной думы (1907) и др.

Судя по воспоминаниям участников этих процессов (подсудимых и адвокатов), Андроников буквально сражался за своих подзащитных, принимая близко к сердцу участь каждого из них. На процессе по делу о ростовской демонстрации (Одесский военно-окружной суд в Таганроге 14—23 августа 1903 г.) после ряда стычек с председателем суда он даже «истерично зарыдал, упав головой на свой столик»<sup>5</sup>. Зато после процесса обвиняемые прислали своим адвокатам<sup>6</sup> адрес с такими словами благодарности: «Вы дороги нам, пережившие вместе с нами одни и те же чувства, те же волнения. Вы сделали все, что могли. <...> Дайте же пожать вам руки, славные рыцари права!»<sup>7</sup>

На другом процессе, по делу о батумской демонстрации (Кутаисский окружной суд 6—8 марта 1903 г.), где Андроников, в частности, заявил, что «кавказцы отреклись от кинжального чувства» во имя солидарности рабочих всей России, все подсудимые были оправданы и после суда устроили вместе со своими защитниками товарищеский

<sup>1</sup> Утвский Б.С. Указ. соч. С. 165.

<sup>2</sup> Ираклий Андроников несколько не преувеличивал, заметив, что его отец «считался выдающимся судебным оратором» (Андроников И.Л. Избр. произв. Т. 1. С. 5—6).

<sup>3</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1 Д. 274. Л. 15 (присяжный поверенный Ф.А. Волькенштейн — об Л.Н. Андроникове).

<sup>4</sup> ГАСО. Ф. 409. Оп. 1 Д. 664. Л. 12 об. (письмо А.С. Зарудного из Петербурга в Саратов к присяжному поверенному Н.Н. Мясоедову от 11 ноября 1907 г.). Этот документ обнаружен в ГАСО и любезно указан мне Ю.В. Варфоломеевым.

<sup>5</sup> Васильченко С.Ф. Карьера подпольщика. 6-е изд. М., 1933. С. 260.

<sup>6</sup> Кроме Андроникова, это были еще М.А. Мандельштам, М.Б. Ратнер, Г.А. Карякин, Е.И. Рапп, А.А. Иогансен.

<sup>7</sup> Цит. по: Мандельштам М.А. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 97.

ужин, превратившийся в антиправительственный «политический банкет»<sup>1</sup>.

Что касается суда над восставшими моряками Черноморского флота (Севастопольский военно-морской суд, 3—13 ноября 1906 г.), то вот как говорится об этом в книге воспоминаний Б.С. Утевского: «Мне сообщила Т.В. Церетели (грузинский ученый, друг Утевского, в прошлом — ученица Андроникова. — Н. Т.), что Л.Н. Андроников в своих записках писал об этой защите: «Матросы были посажены за железную ограду. Защита заявила, что она не вправе отдаляться от подсудимых, и потребовала открытия железной ограды или разрешения сидеть с подсудимыми в «клетке»... «Клетку» открыли. Защита вошла в нее и была заперта с обвиняемыми. Последние подняли крик возмущения, когда в числе свидетелей появилось лицо, вместе с ними подготавливавшее выступление. Суд ввел в зал войска и пригрозил расправиться с подсудимыми. Только благодаря вмешательству защиты было предотвращено ужасное кровопролитие»<sup>2</sup>.

Памятным для Андроникова стал день 15 мая 1906 г., когда он выступил защитником сразу на двух политических процессах. Петербургская судебная палата под председательством И.К. Максимовича рассматривала дело по обвинению редактора журнала «Русское богатство», классика отечественной литературы В.Г. Короленко в распространении «путем печати сочинений, возбуждающих население к бунту». Защищал Короленко Андроников — и добился оправдательного приговора<sup>3</sup>. В тот же день палата обвиняла редактора еженедельника «Народная свобода», лидера Конституционно-демократической партии П.Н. Милюкова и автора ряда статей в еженедельнике, члена ЦК той же партии П.Б. Струве в напечатании и распространении материалов, «закрывающих в себе призыв к учинению бунтовщического деяния и к ниспровержению существующего в государстве общественного строя». Милюкова защищал О.О. Грузенберг, а Струве — Андроников. И здесь оба подсудимых были оправданы<sup>4</sup>.

Эрудит и книголюб, Андроников не замыкался только в адвокатских делах. Судя по воспоминаниям Марины Цветаевой, он участвовал в литературном вечере (выступал с афоризмами), где читали свои стихи Цветаева, Сергей Есенин, Осип Мандельштам и вообще почти все пе-

<sup>1</sup> ГАРФ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 231. Л. 17, 19 (Цит. доклад о Батумском процессе, сделанный 7 июня 1934 г. во Всесоюзном обществе политкаторжан и ссыльнопоселенцев бывшим главным поверенным А.А. Иогансенем).

<sup>2</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 164.

<sup>3</sup> См.: Право. 1906. № 19. С. 1852.

<sup>4</sup> См. там же. С. 1858.

тербургские поэты, «кроме Ахматовой, которая была в Крыму, и Гумилева<sup>1</sup> — на войне»<sup>2</sup>. Этот вечер был организован в январе 1916 г. в квартире инженера-кораблестроителя И.С. Каннегисера. Участвовал в нем и сын хозяина Леонид Иоахимович Каннегисер — поэт, друг С.А. Есенина, член партии народных социалистов, застреливший 30 августа 1918 г. председателя Петроградской ЧК М.С. Урицкого и расстрелянный в октябре того года<sup>3</sup>.

Власти считали Андроникова политически неблагонадежным. Дважды он привлекался к уголовной ответственности — за произнесенную 10 февраля 1905 г. речь на съезде нефтепромышленников с призывом к свержению самодержавия и за подобные же выступления в Союзе адвокатов. «Если бы не вынужденная революцией амнистия 23 октября 1905 г., быть бы Андроникову не защитником, а подсудимым»<sup>4</sup>.

Адвокат с такими убеждениями и с такой репутацией, естественно, «приветствовал Февральскую революцию» 1917 г.<sup>5</sup> Правда, не в пример большинству своих коллег, он не стремился урвать от революции какие-либо блага для себя лично. Наблюдавший за ним в те дни на двух собраниях петербургских адвокатов Б.С. Утевский свидетельствовал: «На первом собрании, когда началась дележка мест в органах юстиции, он спокойно сидел, не принимая участия в ажиотаже. Как не похож он был — к моему удовлетворению — на восторженных возбужденных, раскрасневшихся, суетившихся адвокатов, выдвигавших друг друга кандидатами в сенаторы, прокуроры, председатели судов новой власти»<sup>6</sup>.

Солидарно со своими товарищами по кружку политзащиты — А.С. Зарудным и Н.Д. Соколовым, Б.Г. Лопатиным-Бартом и Ф.А. Волькенштейном<sup>7</sup> — Ауарсаб Николаевич принял и революцию Октябрьскую. Но после 1917 г. он уже не занимался делами адвокатуры. Не-

<sup>1</sup> Гумилев Николай Степанович (1886—1921) — поэт, муж Анны Ахматовой. Расстрелян чекистами.

<sup>2</sup> Цвистава М.И. Собр. соч.: В 7 т. М., 1994. Т. 4. С. 287—288, 660.

<sup>3</sup> См. там же. С. 659. О.А.И. Каннегисере см.: *Русские писатели 1800—1917 гг.* Биобиблиографический словарь. М., 1992. Т. 2. С. 461.

<sup>4</sup> Утевский Б.С. Указ. соч. С. 164.

<sup>5</sup> Там же. С. 165.

<sup>6</sup> Там же.

<sup>7</sup> С Федором Акимовичем Волькенштейном — племянником М.Ф. Волькенштейна (1860—1934), одноклассника А.П. Чехова по Таганрогской гимназии и патрона В.И. Ленина по адвокатуре — Андроников был очень дружен, что не помешало ему помочь жене Волькенштейна поэтессе Наталии Васильевне Крандиевской в 1914 г. вытребовать развод у мужа-адвоката и вступить в новый брак с писателем Алексеем Николаевичем Толстым. Подробно об этом см.: Андроников И.А. Все живо. Рассказы. Портреты. Воспоминания. М., 1990. С. 30. О. Ф.А. Волькенштейне см.: *Синакевич О.Ф. Жили-были* // РНБ РО. Ф. 163. Д. 342.

которое время он служил юрисконсультom секретариата Президиума ВСНХ, а затем почти всецело сосредоточился на научно-педагогической работе.

Уже в 1918 г. Андроников получил приглашение читать курс истории философии в Тульском педагогическом институте, где проработал больше двух лет. С осени 1920 г. он преподавал судебное красноречие в Российском институте слова (Москва), а следующей осенью навсегда переселился в Тифлис (с 1936 г. — Тбилиси), куда был приглашен на должность профессора университета.

В Тбилисском университете Андроников организовал юридический факультет и преподавал там теорию права, гражданское и уголовное право, уголовный процесс и криминалистику. Как авторитетнейший в Грузии юрист он «принимал участие в составлении почти всех важнейших законодательных актов Закавказской Федерации и Грузинской ССР»<sup>1</sup>. Выполнял он и отдельные правительственные поручения. В биографической справке о нем, подготовленной М.Н. Кавтария, значится, что в 1931 г. советское правительство командировало его в США для переговоров о ликвидации в СССР американской концессии братьев Аверелла (будущего посла США в СССР) и Эдуарда Гарримана. Это поручение Луарсаб Николаевич «блестяще выполнил».

Шквал сталинских репрессий, жертвами которого стали корифеи дореволюционной адвокатуры (П.Н. Малянтович, М.Л. Мандельштам, Б.Г. Лопатин-Барт, семья Н.К. Муравьева, который «успел вовремя» умереть), к счастью, миновал Андроникова. Он оставался до конца дней своих в чести и славе.

Умер Луарсаб Николаевич от саркомы ноги 19 декабря 1939 г.<sup>2</sup> Некролог с признанием заслуг покойного как политического защитника и ученого-юриста подписали 24 крупнейших деятеля грузинской культуры, в том числе академики И.А. Джавахишвили, Н.И. Мухелишвили, Г.С. Ахвледiani, А.Г. Шанидзе<sup>3</sup>.

Л.Н. Андроников (Андроникашвили) похоронен в Пантеоне общественных деятелей Грузии (Дидубе).

<sup>1</sup> Некролог Л.Н. Андроникашвили (РГАЛИ. Ф. 131. Д. 88. Л. 1 об.-2); Биографическая справка о Л.Н. Андроникашвили.

<sup>2</sup> Точную дату и причину смерти Луарсаба Николаевича сообщил мне М.Н. Кавтария. В указ. соч. Б.С. Утевского (С. 168) ошибочно говорится, что Л.Н. умер в 1950 г.

<sup>3</sup> См.: РГАЛИ. Ф. 131. Д. 88. Л. 1 об.-2.



## ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, из корифеев российской присяжной адвокатуры представлены читателю двадцать четыре. Все они принадлежат к созвездию наиболее выдающихся адвокатов<sup>1</sup>.

Они были очень разные: ученые (В.Д. Спасович, К.К. Арсеньев, А.Я. Пассовер), художники (А.И. Урусов, С.А. Андреевский, В.Н. Герард), трибуны (Д.В. Стасов, В.И. Танеев, А.С. Зарудный), бойцы (П.А. Александров, Н.П. Карабчевский, О.О. Грузенберг), ораторы, потрясавшие стихийной мощью, импровизацией (Ф.Н. Плевако, Л.А. Куперник, М.Л. Мандельштам) и покорявшие обдуманностью, трезвым расчетом (А.М. Унковский, Н.И. Холева, Н.К. Муравьев). При этом внешне невзрачные Спасович, Александров, Плевако, Пассовер, Куперник, Зарудный производили на слушателей и зрителей не меньшее впечатление, чем одаренные эффектной наружностью Урусов, Андреевский, Карабчевский, Герард, Холева, Грузенберг.

По-разному и готовили они свои судебные речи. Спасович и Андреевский заранее писали тексты речей, Александров и Урусов записывали лишь отдельные идеи защиты. Плевако и Карабчевский, Арсеньев и Пассовер ничего не писали. Но все эти замечательные ораторы — и «пишущие», и «говорящие» — коллективно создали уже в 1860—1870-е годы феномен русского судебного красноречия<sup>2</sup>.

Тезис о том, что «ораторы-юристы в сущности создали русское ораторское искусство», нуждается в уточнении. Нельзя забывать ни о М.М. Сперанском с его трактатом «Правила высшего красноречия», ни о Т.Н. Грановском и Н.И. Костомарове (а позднее — В.О. Ключев-

---

<sup>1</sup> Продолжить этот ряд адвокатских знаменитостей на равных могли бы еще лишь немногие: П.А. Потехин, А.Н. Турчанинов, В.А. Маклаков, Н.Д. Соколов.

<sup>2</sup> В один ряд с адвокатами — создателями этого феномена можно поставить и одного прокурора — А.Ф. Кони (тоже из числа ораторов «говорящих»).

ском) с их умением передать словами в университетской лекции зрелищность истории, ни даже об ораторах революции. Все они участвовали в создании русского ораторского искусства. Но *судебное* красноречие в России создавалось действительно ораторами-юристами и притом почти исключительно адвокатами (плюс Кони).

Главными достоинствами русского судебного красноречия такие авторитеты, как А.Г. Тимофеев и К.К. Арсеньев, считали искренность и простоту, выгодно отличавшие русских «от французских и итальянских ораторов, мысли которых часто исчезают в потоке слов, красивых фраз и риторических украшений всякого рода», и «от неуклюжести и сухости, превращающих их речь в длинные и скучные реляции по делу, какими часто бывают, например, речи немецких адвокатов». «Русский судебный оратор, наиболее близкий к идеалу русского судебного красноречия, — читаем у К.К. Арсеньева, — не становится на ходули, не надевает на себя трагическую маску, не гоняется за эффектами, невысоко ценит громкие, трескучие фразы. Он <...> обращается больше к здравому смыслу, чем к фантазии присяжных; ему случается, конечно, апеллировать к их чувству, но не к их чувствительности. Он не чуждается украшений речи, но не в них ищет и находит главный источник силы. Он никогда не говорит только для публики, никогда не забывает о деле, к разъяснению которого он призван, никогда не упускает из виду, что от его слов зависит, в большей или меньшей степени, судьба человека». Были, конечно, среди русских адвокатов и ораторы-фразеры, пустые говоруны, краснобаи, но не они определяли собою национальные особенности судебного красноречия в России.

Сильной стороной красноречия лучших представителей российской адвокатуры была также их вооруженность разносторонними (общественно-политическими, естественно-научными, литературно-художественными) познаниями. Именно это имел в виду П.Н. Карабчевский, когда он говорил о судебном ораторе: «Следовало бы сравнить предъявляемые к нему требования с современными требованиями, которые предъявляются к организаторским способностям полководца. И там, и здесь во имя той же внешней задачи — *победить в нужную минуту* — приходится и в мирное время питать огромное количество войска, иметь все роды оружия...»<sup>1</sup>

Богатые талантом и опытом, сильные характером, лучшие адвокаты России к тому же неустанно заботились о своей нравственной репутации, понимая, что «авторитет есть нечто цельное, как заговор: если в од-

<sup>1</sup> Карабчевский П.Н. Около правосудия. 2-е изд. СПб., 1908. С. 89—90.

ном пункте его провалить, он провалится и во всей своей цельности»<sup>1</sup>. При этом каждый из корифеев и «старой» и «молодой» адвокатуры (за редкостными исключениями) имел в виду заботу о нравственном авторитете не только себя самого лично, но и *всей* адвокатской корпорации. Они обеспечивали преемственность лучших адвокатских традиций. Во многом благодаря их трудам все сословие присяжных поверенных неуклонно разрасталось и крепло, тем самым давая новые импульсы и новые силы корифеям. Сами корифеи понимали и признавали это. «Вне сословия нет и не может быть адвоката, — говорил в 1916 г. О.О. Грузенберг. — Как Антей, прикасаясь к матери-земле, увеличивал свои силы, так даже лучшие из нас, самые талантливые и сведущие, сильны только связью с сословием»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Спасович В.Д. Соч. СПб., 1894. Т. 6. С. 196.

<sup>2</sup> Грузенберг О.О. О петроградской адвокатской гильдии. Пг., 1916. С. 3—4.



## Приложения

### 1

#### КЛЯТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Обещаю и клянусь Всемогущим Богом, пред святым его Евангелием и животворящим крестом Господним, хранить верность Его Императорскому Величеству Государю Императору, Самодержцу Всероссийскому, исполнять в точности и по крайнему моему разумению законы Империи, не писать и не говорить на суде ничего, что могло бы клониться к ослаблению Православной церкви, государства, общества, семейства и доброй нравственности, но честно и добросовестно исполнять обязанности принимаемого мною на себя звания, не нарушать уважения к судам и властям и охранять интересы моих доверителей или лиц, дела которых будут на меня возложены, памятуя, что я во всем этом должен буду дать ответ пред законом и пред Богом на страшном суде его.

В удостоверение сего целую слова и крест Спасителя моего. Аминь.

ЦИАМ. Ф. 1697 (Совет присяжных поверенных округа Московской судебной палаты). Оп. 1. Д. 25. Л. 97: типографски отпечатанный лист с грифом: «Для присяжных поверенных»

### 2

#### [ЮБИЛЕЙНАЯ ЗДРАВИЦА]

Мы все справляли юбилей  
И стал видней пройденный путь.  
Позвольте ж, наши корифеи,  
Теперь вас «оптом» помянуть.

---

<sup>1</sup> Ниже печатается текст стихотворения без названия, сочиненного С.А. Андреевским, вероятно, по случаю 25-летия российской адвокатуры.

Когда б от первых дней защиты  
 Пришлось былое воссоздать  
 И тех, кто ныне знамениты,  
 За их шюпитрами списать,  
 Когда б сквозь дым густой вуали  
 Фемида видела свой храм,  
 Какие б образы предстали  
 Ее завешенным очам!

Молниеносным острым взглядом  
 Блистал *Спасович* сквозь очки,  
 Громили: *Александров* — с ядом,  
 А *Утин* — сжавши кулаки.  
*Арсеньев* сыпал аргументы,  
 Как из волшебного мешка,  
 А *Унковский* — гласят клиенты —  
 Спасал при помощи... смешка!

*Потехин*<sup>1</sup> разбирал решенья  
 По всем винтам, как часовщик.  
*Герард* средь милого волнения  
 Впадал в восторженный язык.  
 Подобный бледному арапу  
 Взывал к Сенату *Пассовер*,  
 Держа за поясницей шляпу,  
 Как перед дамой кавалер.

Взгляните: труд свой исполинский  
 Дарит нам *Люстиг*<sup>2</sup> с давних дней.  
 С ним рядом: *Нестор* — *Макалинский*<sup>3</sup>  
 И *Турчанинов*<sup>4</sup> — *Одиссей*,  
 И *Стасов* — словно вьсь *Монблана*,  
 Меж нами чтимый человек,  
*Языков*<sup>5</sup>, опочивший рано,  
*Бардовский*... Слава им вовек!

Поныне здравы: *Соколовский*<sup>6</sup>,  
*Ткачев*<sup>7</sup>, *Матросов*<sup>8</sup>... Господа!  
 Оставим перечень [неразб.]  
 Все старшие! — сюда, сюда —

<sup>1</sup> *Потехин* Павел Антипович (1839—1916) — присяжный поверенный с 1867 г., брат драматурга, почетного члена Академии наук А.А. Потехина (1829—1908).

<sup>2</sup> *Люстиг* Вильгельм Осипович (1843—1915) — присяжный поверенный с 1871 г., брат народовольца-каторжанина Ф.О. Люстига (1854 — после 1893).

<sup>3</sup> *Макалинский* Павел Васильевич (1834—1899) — присяжный поверенный с 1874 г., историк российской адвокатуры.

<sup>4</sup> *Турчанинов* Александр Николаевич (1838—1907) — присяжный поверенный с 1866 г.

<sup>5</sup> *Языков* Александр Иванович (1841—1866) — присяжный поверенный с 1866 г.

<sup>6</sup> *Соколовский* Николай Михайлович (1835—?) — присяжный поверенный с 1868 г.

<sup>7</sup> Не ясно, о каком *Ткачеве* здесь идет речь. Петр Никитич *Ткачев* (идеолог революционно-народничества) был адвокатом недолго, с 1866 по 1869 г., и умер в 1885 г.

<sup>8</sup> *Матросов* Александр Наумович (1822—1899) — присяжный поверенный с 1866 г.

## КОРИФЕИ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ

---

На сердце к нам! За вашу славу,  
За долгий путь, за труд живой  
На вас любимся по праву,  
Дарим вас дружною хвалой.  
Желя вам годов без счету,  
За вас, товарищи, я пью,  
За нашу золотую роту,  
За нашу старшую семью!\*

*С.А. Андреевский. 3 мая 1892 г.*

---

\* Рязанова Д.А. Адвокат-поэт С.А. Андреевский о своих современниках (Из неопубликованного наследия) // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2005. Вып. 2.



## УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации (Москва)

ГАСО — Государственный архив Саратовской области (Саратов)

Е. И. В. — Его Императорское Величество

ИРЛИ РО — Рукописный отдел Института русской литературы РАН (Санкт-Петербург)

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства (Москва)

РГБ РО — Рукописный отдел Российской государственной библиотеки (Москва)

РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив (Москва)

РГИА — Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)

РГИА Украины — Республиканский государственный исторический архив (Киев)

РНБ РО — Рукописный отдел Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)

ЦГИА СПб. — Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга

ЦИАМ — Центральный исторический архив г. Москвы

ЦТМ — Центральный театральный музей (Москва)



## ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

### Источники

- Молодая адвокатура*. Сборник речей по политическим процессам. СПб., 1908.  
*Судебные речи известных русских юристов*. 3-е изд. М., 1958.  
*Спасович В.Д.* За много лет (1859—1871). СПб., 1872.  
*Спасович В.Д.* Семь судебных речей по уголовным делам (1877—1887). Берлин, 1900.  
*Спасович В.Д.* Избранные труды и речи. Тула, 2000.  
*Князь А.И. Урусов*. Статьи. Письма. Воспоминания о нем. М., 1907. Т. 1—3.  
*А.И. Урусов*. Первосоздатель русской судебной защиты. Тула, 2001.  
*Арсеньев К.К.* Заметки о русской адвокатуре. Тула, 2001.  
*Плевако Ф.Н.* Речи. М., 1909—1910. Т. 1—2.  
*Карабчевский Н.П.* Речи (1882—1914). 3-е изд. М., 1916.  
*Карабчевский Н.П.* Около правосудия. 2-е изд. СПб., 1908. Тула, 2001.  
*Карабчевский Н.П.* Что глаза мои видели. Берлин, 1921. Ч. 1—2.  
*Андреевский С.А.* Драмы жизни (Защитительные речи). 5-е изд. Пг., 1916.  
*Андреевский С.А.* Книга о смерти. Л., 1924. Ч. 1; Ревель — Берлин [Б.г.]. Ч. 2.  
*Андреевский С.А.* Избранные труды и речи. Тула, 2000.  
*Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. М., 1914.  
*Грузенберг О.О.* Очерки и речи. Нью-Йорк, 1944.  
*Грузенберг О.О.* Вчера. Воспоминания. Париж, 1938.  
*Маклаков В.А.* Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.  
*Винавер М.М.* Недавнее. Воспоминания и характеристики. 2-е изд. Париж, 1926.  
*Мандельштам М.Л.* 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931.  
*Утевский Б.С.* Воспоминания юриста. М., 1989.

### Литература

- История русской адвокатуры* / Под ред. И.В. Гессена и М.Н. Гернета. М., 1914—1916. Т. 1—3.  
*Вильковский Е.В.* Организация адвокатуры. СПб., 1893. Ч. 1—2.  
*Винавер М.М.* Очерки об адвокатуре. СПб., 1902.

- Глинский* Б.Б. Русское судебное красноречие. СПб., 1897.
- Ляховицкий* Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранной речи каждого из них. СПб., 1897.
- Тимофеев* А.Г. Судебное красноречие в России. Критические очерки. СПб., 1900.
- Карацевцев* С.В. Жизнь и суд. Рига, 1929.
- Сергейч* П. [Пороховицкий П.С.]. Искусство речи на суде. СПб., 1910 (М., 1988).
- Смолярчук* В.И. Гиганты и чародеи слова. Русские судебные ораторы второй половины XIX — начала XX в. М., 1984.
- Смолярчук* В.И. Адвокат Федор Плевако. Челябинск, 1989.
- Маклаков* В.А. Ф.Н. Плевако. М., 1910.
- Руадзе* В.П. Два судебных оратора [М.Г. Казаринов и Н.П. Карачевский]. СПб., 1912.
- Унковский* А.М. Алексей Михайлович Унковский (1828—1893). М., 1979.
- Чернышев* В.Д. А.М. Унковский: жизнь и судьба тверского реформатора. Тверь, 1998.
- Скритилев* Е.А. В.Д. Спасович — король русской адвокатуры. М., 1999.
- Варфоломеев* Ю.В. А.С. Зарудный: юрист и общественный деятель. Саратов, 2002.
- Рязанова* Д.А. Адвокат С.А. Андреевский на политических процессах (конец XIX — начало XX в.). Саратов, 2002.
- Троицкий* Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866—1904 гг. Тула, 2000.
- Троицкий* Н.А. Судьбы российских адвокатов. Саратов, 2003.
- Легкий* Д.М. Адвокатура в общественной жизни Российской империи (По материалам деятельности Д.В. Стасова). Костанай, 2004.



## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие авторов проекта и ведущих редакторов .....	3
От автора .....	8
Адвокатура в России как юридический, политический и культурный феномен .....	11

### БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Дмитрий Васильевич Стасов .....	31
Владимир Данилович Спасович .....	52
Александр Иванович Урусов .....	81
Федор Никифорович Плевако .....	103
Николай Платонович Карабчевский .....	127
Владимир Николаевич Герара .....	154
Петр Акимович Александров .....	172
Сергей Аркадьевич Андреевский .....	196
Григорий Васильевич Бардовский .....	219
Лев Абрамович Куперник .....	236
Александр Сергеевич Зарудный .....	250
Оскар Осипович Грузенберг .....	272
Николай Константинович Муравьев .....	289

### ХАРАКТЕРИСТИКИ

Константин Константинович Арсеньев .....	309
Алексей Михайлович Унковский .....	322
Владимир Иванович Танеев .....	334
Евгений Исаакович Утин .....	344
Александр Александрович Ольхин .....	354
Александр Яковлевич Пассовер .....	362
Николай Иосифович Холева .....	371
Павел Николаевич Малянтович .....	377
Михаил Львович Мандельштам .....	385
Бруно Германович Лопатин-Барт .....	393
Луарсаб Николаевич Андроников .....	400
Заключение .....	406
<i>Приложения</i> .....	409
Условные сокращения .....	412
Основные источники и литература .....	413

ISBN 5-9524-2559-3



Научно-просветительное издание  
Николай Алексеевич Троицкий  
**КОРИФЕИ РОССИЙСКОЙ АДВОКАТУРЫ**

Ответственные редакторы *В.А. Благово, С.А. Сажников*

Редактор *Т.С. Ковилсви*

Художественный редактор *И.А. Озеров*

Технический редактор *Н.В. Травкина*

Ответственный корректор *А.В. Миксименко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 26.09.2006.  
Формат 60×90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Бумага офсетная. Гарнитура «Лазурского».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 26,0.

Уч.-изд. л. 28,83 + 2 альбома = 29,91.

Тираж 3 000 экз. Заказ № 1989.

ЗАО «Центрполиграф»  
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15  
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

[WWW.CENTRPOLIGRAF.RU](http://WWW.CENTRPOLIGRAF.RU)

ОАО «Московская типография № 2»  
129085, Москва, пр. Мира, 105. Тел: 682-24-91